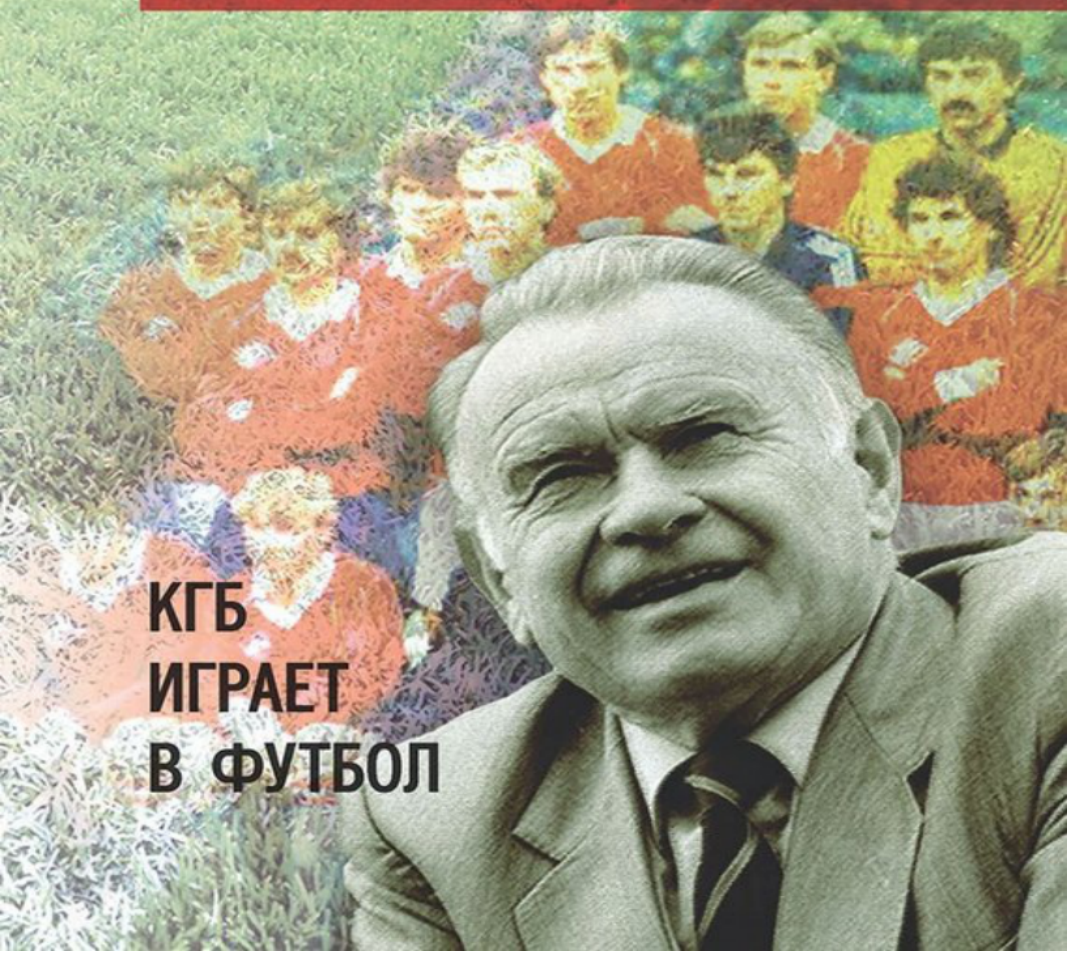
ФЁДОР РАЗЗАКОВ

КОНСТАНТИН БЕСКОВ
МАФИЯ В ОФСАЙДЕ



КГБ
ИГРАЕТ
В ФУТБОЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тысячи книг написаны о советском футболе, однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно назвать уникальной – такой еще точно не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы.

На страницах книги мы увидим и членов ЦК, которые сделали любимую миллионами игру орудием в своих подковерных схватках, и всесоюзную мафию, сложившуюся вокруг подпольного футбольного тотализатора, и интриги ФИФА против советского футбола, и покушение на генсека Леонида Брежнева. Несмотря на то, что Юрий Андропов включается в борьбу с футбольной мафией, украинская группировка в ЦК КПСС активно ему противостоит, и всесильный председатель КГБ СССР мало что может сделать…

Но главный герой этой книги – советский футбол и лучшие его представители, футболисты и тренеры, такие как Константин Бесков.

Эта книга известного российского писателя Фёдора Раззакова, несомненно, лучшее произведение автора, в котором органично сплелись политика и спорт, детектив и шпионский роман. Она доставит истинное наслаждение и любителям футбола, и любителям остросюжетного жанра, цепко схватит читателя и не отпустит до самого конца.

- Фёдор Раззаков
  -
  -
  - Предисловие
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Эпилог
  - Использованная литература

Фёдор Раззаков
Константин Бесков: мафия в офсайде. КГБ играет в футбол

© Раззаков Ф.И., 2017
© Книжный мир, 2017

Великому советскому футболу посвящается

Предисловие

Тысячи книг написаны о советском футболе и столько же будет написано еще. Однако книгу, которую читатель держит в своих руках, можно смело назвать уникальной – такой еще не было. Она показывает советский футбол не только с фасада, но и заглядывает за его кулисы, раскрывая секреты «тайной дипломатии» – интриги спецслужб и партийной номенклатуры, которые всегда активно участвовали в управлении игрой, любимой миллионами. События этого захватывающего футбольного детектива охватывают период с сентября 1973-го по июль 1974 года, когда интриги внутреннего чемпионата СССР тесно переплелись с интригами на международной арене – атакой ФИФА на советский футбол после переворота в Чили. И КГБ СССР во главе с Юрием Андроповым пришлось активно впрягаться в эту ситуацию. А тут еще внутри союзного чемпионата вскрылись весьма неблаговидные дела, связанные с существованием разветвленной сети подпольного тотализатора, опутавшего крупнейшие города страны, где проходили матчи чемпионата СССР, в котором в непримиримой схватке сошлись лидеры – ереванский «Арарат», киевское и московское «Динамо». В подпольную сеть оказались вовлечены не только высокопоставленные чиновники от КПСС и спорта, торгующие играми ради баснословных барышей, но и уголовные авторитеты. И одной из первых жертв этого «черного бизнеса» был Константин Бесков, теперь назначенный новым тренером сборной СССР, вместо прежнего – снятого с поста после чилийских событий. Новому тренеру предстояло собрать новую сборную, выдержать натиск недоброжелателей из высоких кабинетов и «обкатать» команду на международном турнире, проходящем в братской Польше. И тут с самого «верха» Бескову внезапно поступает распоряжение проиграть финальный матч турнира полякам, исходя из политической целесообразности – чтобы не портить праздник братьям по соцлагерю. Но принципиальный тренер решает идти ва-банк, невзирая на последствия…

Часть первая
Преступник сидит на стадионе имени Ленина

27 сентября 1973 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Сидя в кресле и слушая доклад начальника внешней разведки Федора Мортина, Юрий Андропов взглянул на часы, висевшие на стене – они показывали 14.10. До заседания Политбюро в здании Дома правительства в Кремле оставалось еще достаточно времени – почти два часа. И учитывая, что ехать туда с Лубянки было всего-то ничего – от силы десять минут, то можно было не беспокоиться. Сегодняшнее заседание было посвящено ситуации в Чили. Две недели назад там произошел военный переворот, к власти пришла хунта во главе с генералом Пиночетом, поэтому любая свежая информация из этой страны чрезвычайно интересовала как Брежнева, так и остальных членов Политбюро. У шефа КГБ такая информация была – она приходила к нему чуть ли не ежечасно. Вот и этот день не стал исключением. Придя к нему на доклад, Мортин сразу же выложил чрезвычайно важную информацию – сегодня в Сантьяго был арестован лидер чилийских коммунистов, друг Брежнева Луис Корвалан.

– Ищейки из СИФА, разведки ВВС, выследили его на конспиративной квартире, – сообщил Мортин. – Люди, которые отвечают за систему безопасности в чилийской компартии, проявили элементарную беспечность – озаботились поиском конспиративных квартир только за пару недель до переворота, будучи убежденными в том, что его попросту не будет. Более того, конспиративную квартиру для товарища Лучо они подобрали в паре сотне метров от его дома! Эта беспечность привела к тому, что лидера компартии Чили так быстро арестовали.

– Видимо, они рассчитывали на то, что ищейки из СИФА будут искать Лучо где угодно, но только не рядом с его домом, – высказал свое предположение Андропов. – Но они ошиблись.

– Иначе и быть не могло, поскольку, по нашим данным, к этой квартире товарищ Лучо направлялся в день переворота без какой-либо конспирации средь бела дня. В итоге его наверняка видели сотни посторонних глаз. А ведь мы в свое время

предлагали им свою помощь в деле создания надежной системы безопасности для их лидеров, но они от наших услуг отказались.

Андропов не стал развивать эту тему, но про себя подумал: «Надо будет напомнить сегодня Брежневу об этом, когда он заведет речь о том, почему Корвалана так быстро схватили».

– Где сейчас находится товарищ Лучо известно? – спросил Андропов.

– Его держат в тюрьме «Вилья Гримальди» в Сантьяго и пока неизвестно, что с ним собираются делать дальше. Но мы по своим каналам дали знать руководству чилийских спецслужб, что если с головы Корвалана упадет хотя бы один волос, они об этом пожалеют. Об этом же их уведомили и наши дипломатические службы.

– Полагаю, Пиночет и без наших угроз понимает, что ликвидировать Корвалана ему пока не с руки, – заметил Андропов.

Он знал, что Брежнев, узнав об этом аресте, наверняка будет сильно расстроен и потребует приложить максимум усилий к тому, чтобы его друга поскорее отпустили на свободу. Другое дело, какую цену затребует за это освобождение хунта. Впрочем, не факт, что его вообще захотят выпустить. Ведь несколько дней назад тот же Мортин докладывал Андропову о том, что в Сантьяго был обнаружен труп видного чилийского коммуниста, певца и композитора Виктора Хары. Его обезображенное тело нашли на одной из улиц чилийской столицы. У певца были сломаны ребра, изуродованы руки (ведь именно ими он писал свои знаменитые песни), проломлен череп, а кости переломаны в тридцати местах. Погиб же Хара от огнестрельных ранений, которых на его теле насчитали не один десяток. Судя по той информации, которой располагал КГБ, певца убили на стадионе «Насьональ де Чили», который в первые дни переворота был превращен хунтой в концентрационный лагерь. Вспомнив об этом, Андропов спросил у докладчика:

– А что происходит на стадионе в Сантьяго, Федор Константинович?

– Он по-прежнему используется как концлагерь. Но, полагаю, к концу ноября его постараются привести в надлежащий вид.

Андропов без лишних слов понял, почему Мортин указал именно эти сроки. Дело в том, что 21 ноября на стадионе «Насьональ де Чили» должен был состояться ответный матч отборочного цикла чемпионата мира по футболу между сборными Чили и Советского Союза. Причем первая игра между этими командами прошла вчера, 26 сентября, в Москве, на стадионе имени В.И. Ленина в Лужниках в присутствии почти 50 тысяч

зрителей. Советское телевидение эту игру не транслировало в виду все тех же событий в Чили. Более того, этот матч и в новостных сообщениях стоял в самом конце, чтобы лишний раз не заострять на нем внимания. Впрочем, Андропов, вместе с Брежневым, присутствовал на этой игре и видел ее воочию, получив с генсеком огромную порцию… разочарования.

Ретроспекция. 26 сентября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, матч СССР – Чили

Кортеж из правительственных «Чаек» подъехал к стадиону в тот момент, когда игра уже началась. Отправляясь на игру, Брежнев решил, что будет лучше не привлекать к своему приезду лишнего внимания, поэтому в ложе гостей он объявился на 5-й минуте игры. Счет на табло был 0:0. Здесь уже находился бывший председатель Федерации футбола СССР и нынешний первый вице-президент ФИФА Валентин Гранаткин, которого генсек специально вызвал на матч, чтобы в процессе его просмотра поговорить о ситуации, которая может сложиться в ФИФА из-за событий в Чили и участия в отборочных играх советской и чилийской сборных.

– Ну, что тут происходит, Валентин? – спросил у Гранаткина Брежнев, усаживаясь на стул.

– Наши уже пять минут атакуют, закрыв чилийцев в их зоне, – ответил чиновник, занимая место рядом с генсеком. – Сначала Онищенко сделал отличную верховую передачу в штрафную, но Долматов и Андреасян помешали друг другу, и прицельного удара не получилось. А потом к чилийским воротам прорвался Блохин, с ходу ударил, но вратарь отбил мяч в сторону. Первым возле него оказался Мунтян, он тоже с ходу пробил, но защита чилийцев оказалась на месте.

– А вообще, что ты думаешь на этот счет – выиграют наши сегодня или проиграют? – доставая из кармана своего плаща пачку сигарет «Новость», вновь спросил Брежнев.

– О проигрыше даже речи не идет – только победа, – голосом, полным уверенности ответил Гранаткин.

– Но если мы выиграем, где второй матч играть будем – неужели в Чили, на стадионе, который превратили в концлагерь? – закурив сигарету, продолжал свой допрос Брежнев.

– Ни в коем случае, Леонид Ильич – будет настаивать на нейтральном поле.

– А шансы на это у нас есть?

– Несомненно, – все так же уверенно отвечал Гранаткин.

Выпустив дым изо рта, генсек повернул голову к Андропову, сидевшему по левую руку от него, и спросил:

– А ты что по этому поводу думаешь, Юрий?

– Думаю, что Валентин Александрович немного самонадеян, – глядя на очередную атаку советских футболистов, ответил Андропов. – Глава ФИФА Стэнли Роуз будет из кожи лезть, лишь бы лишить нас возможности попасть на чемпионат мира. Во всяком случае, об этом информируют мои источники из Цюриха. А при таком раскладе он будет настаивать на том, чтобы ответная игра проводилась именно в Сантьяго.

– А в чем интерес у этого англичанина? – продолжал вопрошать Брежнев, не выпуская сигарету из рук.

– Во-первых, через полгода будут его перевыборы, а перенос матча из Чили в другую страну грозит Роузу потерей голосов латиноамериканцев. Во-вторых, в ФИФА многие хотят, чтобы наша страна осталась за бортом мирового чемпионата, поскольку в таком случае с нами могут солидаризироваться и сборные из других социалистических стран – Польши, ГДР и Болгарии. И их место займут другие команды, которые не смогли пройти сквозь сито отборочного турнира. Среди них – родная для Роуза команда Англии, которая не сумела одолеть польскую сборную.

– Мне кажется, Юрий Владимирович сгущает краски, – подал голос Гранаткин. – Я хорошо знаю Роуза и могу сказать однозначно – он побоится обострять ситуацию. Тем более я собираюсь на днях вылететь в ряд стран и попытаюсь заручиться поддержкой их представителей в ФИФА.

– Какие страны ты имеешь в виду? – спросил Брежнев.

– Упомянутые здесь Болгарию и ГДР, а также Голландию, Швецию, Данию, Бельгию и ряд других. Они будут на нашей стороне. К тому же, Роуз уже однажды принимал решение о переносе игры на нейтральное поле. Я имею в виду ситуацию с отборочным матчем чемпионата мира между Северной Ирландией и Болгарией. Тогда в связи с беспорядками и введением комендантского часа в Белфасте игра была перенесена в Шеффилд.

– Что скажешь, Юрий? – вновь повернулся к шефу КГБ Брежнев.

– Скажу, что Шеффилд – это Англия. И перенося туда игру, Роуз прекрасно отдавал себе отчет, что ирландцам играть там так же комфортно, как и у себя на родине. А во-вторых, есть пример и другого рода. Помните, в 1968 году, после событий в Чехословакии, УЕФА без всяких на то причин провело повторную жеребьевку европейских клубных турниров, где искусственно свело в пары представителей социалистического лагеря? Из-за

этого футбольные федерации СССР, ГДР, Венгрии, Польши и Болгарии сняли свои клубы из соревнований. Роуз мог вмешаться в эту ситуацию, но палец о палец не ударил. Думаю, точно так же он поступит и в этот раз – будет вести дело к нашей дисквалификации.

В это время на зеленом газоне возникла очередная опасная ситуация у ворот чилийцев. Блохин обошел сразу нескольких соперников и нанес сильный удар с близкого расстояния. Но мяч угодил в штангу.

– Е… твою мать! – вскочил со своего места Брежнев, едва не выронив из рук сигарету.

Спустя минуту, когда страсти на поле улеглись и игра вновь вошла размеренное русло, генсек спросил у Андропова:

– А когда, ты говоришь, будут эти перевыборы?

– В мае.

– Может, скинуть, к чертовой матери, этого англичанина? – предложил Брежнев. – Ты как на это смотришь, Валентин?

Гранаткин в ответ пожал плечами, явно не готовый к такому повороту в разговоре.

– Тебе что, жалко Роуза? – продолжал допытываться генсек. – Он уже сколько президентствует?

– Тринадцать лет, – ответил Гранаткин.

– Ну и хватит с него, – вдавив сигарету в пепельницу, произнес Брежнев. – Он, кстати, и бровью не повел, когда на последнем чемпионате мира наших засудили в матче с уругвайцами. Теперь вот, может, будет играть против нас в ситуации с чилийцами. У нас есть на его место подходящая кандидатура?

Вопрос адресовался к обоим собеседникам генсека. Но ответил первым Андропов:

– Бразилец Жоан Авеланж наиболее приемлемая кандидатура. За ним стоит семейство немецких бизнесменов Дасслеров, а к ним у нас есть определенные подходы.

– Это те, что выпускают спортивные товары? – спросил Брежнев. – Хорошие ребята – я в их костюме иногда на даче гуляю. Удобная одежда.

– Они для нас и люди удобные, – поддержал генсека шеф КГБ.

– Мне кажется, мы несколько забегаем вперед, – вновь подал голос Гранаткин. – Я не против смены Роуза на более лояльного нам человека, но сегодняшняя ситуация еще до конца не прояснилась. Наши наступают и рано или поздно забьют чилийцам гол. А то и все четыре. А при счете 4:0 мы можем смело не являться на ответную игру, если Роуз и его сторонники не захотят перенести ее из Сантьяго на нейтральное поле. Ведь по

регламенту за неявку команде засчитывается поражение 3:0.

– Неужели вы верите в то, что наши сегодня забьют четыре безответных мяча? – искренне удивился Андропов, обращаясь к Гранаткину. – Да они, насколько я вижу, даже один гол забить не в состоянии, хотя с начала матча прошло уже почти сорок минут.

– А ведь Юрий прав, – поддержал шефа КГБ Брежнев. – Не идет сегодня игра у наших. Так себе команду собрал Горянский. Закончили играть Яшин, Шестернев, Хурцилава, а новички пока до их уровня не дотягивают. Разве что Блохин с Мунтяном что-то сделать пытаются.

– Забыли еще Анатолия Кожемякина отметить, – добавил к этому списку игроков еще одну фамилию Андропов.

Этот футболист московского «Динамо» считался одним из самых перспективных молодых игроков в советском футболе и в этом сезоне уже забил 13 мячей. В матче против чилийцев он вышел на поле на 30-й минуте, заменив ереванца Аркадия Андреасяна. Однако и у этого рослого нападающего (рост 180 сантиметров) никак не получалось «распечатать» ворота чилийцев. А во втором периоде в сборной СССР на поле вышел (вместо Олега Долматова) четвертый нападающий – Владимир Гуцаев, который занял свое привычное место на правом фланге атаки. Заметив это, Брежнев с надеждой в голосе произнес:

– Надеюсь, с четырьмя форвардами наши сумеют распечатать ворота чилийцев.

Однако даже после этого сюжет игры мало изменился. Гости продолжали всей командой обороняться, а советские футболисты никак не могли взломать их оборону. И, несмотря на то, что к атакам часто подключались защитники Фоменко, Ловчев, а изредка даже Капличный и Дзодзуашвили, однако за весь второй тайм советская сборная создала всего лишь два опасных момента. В первом участвовали Блохин и Кожемякин, но удар последнего парировал вратарь гостей Хуан Оливерес – герой матча. А спустя несколько минут последовал смелый рейд защитника Евгения Ловчева, который ворвался в штрафную площадь соперников. Но мяч в последний момент выбили защитники гостей.

– Да забьют они наконец или нет? – в сердцах восклицал Брежнев, доставая из пачки очередную сигарету.

В один из моментов, когда советская атака в очередной раз захлебнулась, генсек обратил свой взор на Гранаткина и спросил:

– А сколько наши футболисты зарабатывают?

По лицу футбольного начальника было видно, что этот вопрос застал его врасплох.

– В каком смысле? – спросил он у генсека.

– В смысле, сколько им полагается за сегодняшнюю игру?

– Это официальный матч, значит, за победу они получат 300 рублей, а за ничейный результат в два раза меньше.

– Сто пятьдесят целковых за это позорище? – воскликнул Брежнев. – Средняя зарплата инженера за месяц! Нет, Юрий, ты посмотри, что делается – совсем обнаглели.

И Брежнев в очередной раз вдавил недокуренную сигарету в пепельницу. К этому моменту в ней уже накопилась груда окурков, поэтому генсек, увидев это, передал пепельницу охраннику, сидевшему у него за спиной, чтобы тот выбросил мусор в урну.

– А сколько они получают за игры внутреннего чемпионата? – продолжал любопытствовать Брежнев.

– У всех команд по-разному, но в среднем набегает 160 рублей за игру, – ответил Гранаткин.

– Плюс они еще играют коммерческие матчи – ездят с товарищескими играми по разным колхозам, – сделал дополнение к этим словам Андропов. – Там за каждую игру им могут заплатить от 200 до 250 рублей.

– Это редко случается, Юрий Владимирович, – внес свою поправку Гранаткин.

– Может, это было редкостью в вашу бытность главой Федерации футбола, Валентин Александрович, а сегодня стало нормой, – продолжал наступать Андропов. – Например, всего лишь четыре дня назад наша сборная ездила в Калинин.

– А что они там потеряли? – удивился Брежнев и обратил свой взор на Гранаткина.

– Насколько я знаю, они играли товарищеский матч с местной «Волгой», – ответил чиновник.

– И каков результат?

– Выиграли 5:1.

– Сколько за эту победу получили? – продолжал спрашивать генсек.

– Сто рублей на каждого участника.

– С ума сойти! И где эта «Волга» играет?

– Во Второй лиге, вторая зона.

– Какое место на данный момент занимает? – не унимался Брежнев.

– Пятое.

– Теперь понятно, почему сегодня эти сборники не могут победить чилийцев. Потому что перед этим оттачивали свое мастерство не с сильным соперником, а с заведомо слабым. У вас что, посильнее команды не нашлось?

– Извините, Леонид Ильич, но у вас неверное представление о такого рода матчах, – по-прежнему сохраняя спокойствие,

отвечал Гранаткин. – Игры со слабыми соперниками позволяют опробовать новые тактические схемы, наиграть определенные связи, дать шанс новичкам проявить себя. В таких матчах можно экспериментировать. В противостоянии с сильным соперником сделать это гораздо сложнее.

– И какую тактическую схему опробовали наши футболисты с «Волгой», если они сегодня чилийцев одолеть не могут? – поинтересовался генсек.

И, видя, как стушевался чиновник, Брежнев продолжил:

– Вот видишь, тебе нечего сказать в защиту твоих подчиненных.

– Леонид Ильич, я уже год, как не руковожу Федерацией, – напомнил генсеку о своем сегодняшнем статусе Гранаткин. – Глава Федерации – Борис Федосов, а управлением футбола в Спорткомитете руководит Леонард Земченко.

– Они сегодня на матче? – поинтересовался Брежнев.

– Сидят внизу в гостевой ложе. Позвать? – и Гранаткин уже собирался было встать со своего места.

– Не надо, – удержал его генсек. – Мы в Политбюро ночами не спим, головы на заседаниях ломаем в связи с переворотом в Чили, а наше футбольное начальство и в ус не дует. Сегодня на этом поле их архаровцы должны были костьми лечь, но выиграть у чилийцев, чтобы не дать лишний козырь в руки Пиночета. А мы что видим? Короче, Валентин, передай им мои слова: херней они у себя занимаются, а не делом.

Сказав это, Брежнев резко поднялся со своего места и, несмотря на то, что до конца игры оставалось чуть больше трех минут, направился к выходу. Было видно, что он расстроен увиденным, но обсуждать это ни с кем не намерен. А игра так и закончилась нулевой ничьей, что для сборной СССР было равносильно поражению.

27 сентября 1973 года, четверг, Чили, Сантьяго, дом на Авенида Гресия

В середине дня красная «Ренолета» припарковалась у подъезда пятиэтажного дома на Авенида Гресия. Из нее вышел усатый мужчина средних лет в матросском пиджаке, внимательно огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, вошел в подъезд дома. Это был Мигель Энрикес – 30-летний Генеральный секретарь (с 1967 года) организации MIR (Movimiento de Izquierda Revolucionaria – Левое Революционное Движение). После свержения Альенде в Чили начались облавы на

коммунистов любого толка – от революционных ленинистов-гевaристов до членов просоветской КПЧ во главе с Луисом Корваланом, которого арестовали 26 сентября. В результате в условиях тотальных репрессий только MIR сумело оперативно организовать вооруженное сопротивление пиночетовской хунте. В то время как все чилийцы находились в шоке от случившегося переворота, Мигель Энрикес распространил по стране дерзкий слоган: «MIR не сдался!», чтобы дать толчок к организации в Чили вооружённого сопротивления диктатуре. По словам генсека MIR: «Мы остались в Чили для реорганизации массового движения, для объединения всей Левой оппозиции и всех секторов, готовых к борьбе с диктатурой горилл, для подготовки затяжной революционной войны, посредством которой диктатуре будет нанесено поражение, для взятия власти после свержения хунты, для установления рабоче-крестьянского справедливого правительства».

Вообще группировка MIR была создана 15 августа 1965 студенческими лидерами Университета Консепсьона и членами местных марксистских, троцкистских и анархистских организаций. Спустя два года, на очередном конгрессе, была принята стратегия вооруженной борьбы. Однако с приходом к власти в 1970 году Народного союза Сальвадора Альенде MIR прекращает временно борьбу и взаимодействует с новым левым правительством. Мигель Энрикес становится министром образования в правительстве Альенде. Но затем грянул сентябрьский путч и MIR вынужден был снова взяться за оружие. Группировка ушла в подполье, поскольку хунта объявила ее вне закона и силами карабинеров и СИФА развернула настоящую охоту за ее участниками, которых на сентябрь 1973 года насчитывалось порядка 15 тысяч человек.

Поднявшись на нужный этаж, Энрикес подошел к одной из дверей и вместо того, чтобы позвонить, произвел условный стук костяшками пальцев. Спустя несколько секунд дверь открылась – на пороге стояла подруга генсека Кармен Кастильо. Поцеловав ее в щеку, Энрикес зашел в квартиру и проследовал в одну из комнат, где его дожидались руководители ячеек MIR, чтобы вместе с ним наметить стратегию будущей борьбы с пиночетовской хунтой. Однако еще идя по коридору, гость услышал возбужденные голоса своих соратников, которые спорили о политике и… футболе. А точнее – о вчерашнем матче в Москве между сборными СССР и Чили. Энрикес уже знал о его результате, успев прочитать о нем в газете «Эль Меркурио».

– Наши ребята спокойно могли уступить русским эту игру, учитывая то, что произошло в Чили, – узнал Энрикес голос

Альваро Молины, который руководил северной ячейкой MIR. – Но они этого не сделали. А знаете почему? Они ненавидят русских больше, чем хунту, которую они, видимо, горят желанием представлять на будущем чемпионате мира.

– С чего ты это взял? – в этом вопрошающем Энрикес узнал руководителя южной ячейкой Антонио Антекера.

– А с того, что русские отказались давать Альенде займы, когда он в прошлом году приезжал в Москву. Ты разве не знаешь об этой поездке и о ее результатах, Антонио? Если бы Брежнев тогда помог нашему президенту, то никакого переворота бы не случилось. Но Брежнев отказал, потому что он сговорился с американцами.

– Что ты несешь, Альваро? – это уже был голос еще одного «миристас» – Серхио Карреньо.

К этому моменту Энрикес уже почти миновал коридор, однако решил пока не заходить в комнату, чтобы не прерывать дискуссию. Вместо этого он прислонился спиной к стене и стал внимательно слушать спор своих соратников.

– Об этом сговоре мне еще три года назад рассказал один кубинец – телохранитель команданте Фиделя, – продолжал свою речь Молина. – Я дважды говорил об этом на наших совещаниях, но ты, Серхио, видимо на них отсутствовал, если задаешь мне этот вопрос. Речь идет о сговоре после «Карибского кризиса». Тогда американцы и русские договорились о разделе своих интересов в Латинской Америке. Американцы обязались не трогать Кубу, а русские пообещали не поддерживать революционное движение в других странах нашего региона. Вот почему они сдали Альенде, хотя прекрасно понимали, что этот переворот устроили именно янки. Поэтому я всегда считал, что Брежнев – предатель. Он никакой не ленинец, а ставленник мирового капитала.

– Советы первыми осудили хунту Пиночета, – вновь подал голос Антекера.

– Потому что это позволяет им и дальше строить из себя лидера мирового коммунистического движения, – не унимался Молина. – Вспомни, что они сделали с Чехословакией, когда она попыталась хотя бы чуточку стать независимой – ввели туда танки. Мы тогда на своем чрезвычайном съезде осудили это вторжение, из-за чего тут же превратились для русских во врагов. Они ненавидели Альенде так же, как и Дубчека, поскольку они оба проводили собственную политику. И сейчас, когда Альенде мертв, в Москве только радуются этому, но делают вид, будто для них это вселенская трагедия. Просто на этом перевороте они хотят заработать очередные дивиденды, чтобы продолжать

обманывать весь мир относительно своей истинной позиции.

– Кроме слов этого телохранителя у тебя нет ни одного факта, который уличил бы Советы в нечестной игре, – вновь вступил в разговор Карреньо.

– Открой глаза, Серхио! – взвился Молина. – В прошлом году в Москву приезжал президент США, а в этом году сам Брежнев посетил Америку с ответным визитом. Они заключили соглашение о разделе мира, а с врагом таких договоров не заключают. Ты думаешь, что американцы дураки? Они потому и пошли на этот сговор, что не видят в Брежневе никакого врага. Он возглавляет вовсе не коммунистическую партию, а партию самого буржуазного толка. Ленин сейчас в Мавзолее устал переворачиваться от всего происходящего. Помяни мое слово, если завтра, к примеру, на Западе случится экономический кризис, то первыми ему протянет руку помощи именно Советы.

– И что ты предлагаешь? – задал Карреньо вопрос, который, судя по всему, вертелся у него на языке с самого начала этого спора.

– Надо убрать Брежнева, – коротко ответил Молина.

После этого в квартире наступила тишина, которая свидетельствовала о том, что это заявление произвело на всех присутствующих шоковое впечатление.

– Ты что, перебрал с писко? – первым нарушил тишину Антекера.

– Я абсолютно трезв, – ответил Молина. – Просто я мыслю глобально, в отличие от нашего генсека.

Услышав упоминание о себе, Энрикес счел правильным больше не прятаться, а выйти к своим соратникам. Когда он возник на пороге, все присутствующие встали, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение и поздороваться за руку. Сделал это и Молина.

Усевшись на свободный стул и положив руки на стол, Энрикес спросил:

– Так в чем твое мышление, Альваро, отличается от моего?

Прежде чем ответить, Молина обвел всех присутствующих взглядом, и только после этого ответил:

– Я считаю, что действовать надо глобально. От того, что мы убьем Пиночета или кого-то из его преданных псов-генералов, ситуация в Чили не изменится – вместо них тут же назначат других. За спиной хунты стоят американцы, значить бить надо по ним. Но все дело в том, что их президент Никсон – это хромая утка. Его дни как руководителя сочтены из-за скандала в Уотергейте. Значит, надо ударить по союзникам американцев – Советам. Это они вместе с янки поделили весь мир и ведут дело к

буржуазной реставрации в масштабах всего человечества. Брежнев – вот кто должен быть нашей главной целью.

– Ты собираешься его убить? – прямо спросил Энрикес.

– Именно, Мигель. Если это произойдет, то в Кремле к власти могут придти военные во главе с Гречко, которого поддержат Шелепин и Подгорный. А они могут пересмотреть стратегию Брежнева по превращению компартии в буржуазную. Начнется конфронтация с Западом, прежде всего с Америкой, которая нам только на руку. Будет разорвано соглашение русских с янки по поводу невмешательства Советов в дела Латинской Америки и это привлечет к нам миллионы сторонников, а не только кубинцев.

– А если в Кремле победят не военные, а люди, которые выступают в одном блоке с Брежневым? – продолжал задавать вопросы Энрикес. – Ты представляешь, какой козырь они получат, узнав, кто стоит за убийством их генсека? Против нас объединятся не только здешняя СИФА, но те же кубинцы, чилийская компартия и все остальные. От нас мокрого места не останется.

– Ты боишься умереть, Мигель? – не скрывая своего удивления, спросил Молина.

– Я боюсь только одного – бессмысленной смерти, – глядя прямо в глаза своему собеседнику, ответил Энрикес. – Твои глобальные проекты больше похожи на прожекты. Вместо того, чтобы сосредоточить свои силы на борьбе с хунтой, ты пытаешься толкнуть нас на мировую авантюру.

– Значит, я, по твоему мнению, прожектер? – Молина вскочил со своего места, явно оскорбленный словами генсека.

– Вот именно, – все тем же спокойным голосом ответил Энрикес. – Я не хуже твоего знаю, в кого превратились советские коммунисты с тех пор, как умер Сталин. Об этом говорил команданте Че, когда в 65-м году побывал в Москве. Но на данном этапе Советы являются нашими союзниками, а не врагами. С их помощью мы должны одолеть хунту, а уже потом думать о том, стоит нам поддерживать Брежнева или не стоит.

– Да ты глупец, Мигель! Брежнев предал не только Альенде, но и команданте Че тоже. Ты думаешь, боливийцы сами обнаружили его отряд у себя в тылу? Его выдали Советы, которым Че был, как кость в горле. Поэтому, что стоит Брежневу теперь предать и нас? Тем более после того, как мы не поддержали ввод его войск в Чехословакию! С кем ты хочешь объединиться?

Вместо ответа Энрикес обвел взглядом своих соратников и внезапно предложил:

– Чтобы закончить эту дискуссию, я предлагаю всем сидящим здесь проголосовать. Кто поддерживает точку зрения Молины?

Этот вопрос не заставил подняться вверх ни одну руку.

– Кто поддерживает меня? – спросил Энрикес.

Руки вверх подняли все, кто находился в комнате.

Даже стоявшая в дверях Кармен Кастильо присоединилась к голосовавшим.

– Вы все слепцы, которых история обязательно накажет, – обведя своих соратников взглядом, полным презрения, произнес Молина. – С этого момента мне и моим людям больше нет смысла делить с вами один кусок хлеба. Мы выходим из движения и продолжим свою борьбу самостоятельно.

Произнеся это, Молина вышел из комнаты. Причем так быстро, что едва не сбил с ног хрупкую Кармен.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Лесная улица, 6, Центральный совет общества «Динамо»

Константин Бесков поднял трубку телефонного аппарата и услышал на другом конце провода голос председателя ЦС «Динамо» Петра Богданова, который был краток:

– Добрый день, Константин Иванович. Через полчаса жду вас у себя.

Бесков ждал этого звонка. Позавчера он вернулся из служебной командировки, денек отдохнул и сегодня, придя на работу, стал готовиться к встрече с председателем. Несмотря на то, что тот совсем недавно возглавил ЦС «Динамо», однако уже успел приучить всех своих сотрудников к тому, чтобы они, возвращаясь из инспекционных поездок по стране, были готовы сразу прийти к нему на доклад. А Бесков, став в конце прошлого года куратором динамовских команд в РСФСР, именно из такой командировки вчера и вернулся – он ездил в Барнаул, Киров и Вологду, где инспектировал тамошние футбольные клубы спортобщества «Динамо». Поездка выдалась весьма плодотворной и Бескову было о чем доложить новому руководителю.

Динамовские футбольные коллективы были широко представлены во Второй лиге чемпионата СССР, причем во всех семи зонах. Однако турнирные дела у них на тот момент складывались по-разному. Например, барнаульское «Динамо», которое выступало в 7-й зоне, уверенно лидировало – боролось за чемпионство с «Сибиряком» из Братска. Та же ситуация была и в Вологде, где тамошнее «Динамо», выступавшее в 4-й зоне, претендовало на третье место.

Помимо этого, в сегодняшнем отчете Бескова фигурировали и другие футбольные коллективы общества «Динамо», выступавшие

во Второй лиге, среди которых лучше всего дела шли у ставропольцев (в своей 3-й зоне они имели прекрасные шансы на вхождение в пятерку сильнейших) и ленинградцев (во 2-й зоне они шли на 6-м месте). Далее в отчете шли аутсайдеры. Хуже всего обстояли дела у кировского и брянского «Динамо», которые болтались внизу турнирной таблицы: первые в 5-й зоне, вторые – в 4-й. Эти команды Бесков инспектировал четыре месяца назад, еще при прежнем руководителе ЦС «Динамо» Алексее Куприянове, но сегодня он специально включил в свой новый отчет выкладки из того документа, чтобы у нового руководителя была возможность понять, почему эти клубы так неудачно выступают. Да потому, что те меры, которые предлагал им осуществить Бесков, они в большинстве своем попросту проигнорировали.

Складывая бумаги в папку, Бесков поймал себя на мысли, что новый руководитель ему весьма симпатичен своей деловой хваткой и педантичностью. Впрочем, это было вполне естественно, учитывая то, откуда пришел в ЦС «Динамо» новый руководитель – из КГБ. Богданов был на семь лет моложе Бескова и начинал свой путь наверх со скромной должности секретаря комсомольской организации на одном из московских заводов. Затем он стал освобожденным секретарем Люблинского горкома ВЛКСМ, а чуть позже, во второй половине 50-х – секретарем и 1-й секретарем горкома КПСС. Пока, наконец, в 1961 году его не взяли на работу в органы КГБ. В те годы на Лубянке правили комсомольские выдвиженцы (сначала Александр Шелепин, а потом Владимир Семичастный), которые стали унавоживать органы молодыми кадрами, имевшими за плечами опыт работы в комсомоле. Богданов, которому в ту пору было 34 года, оказался одним из таких.

Было решено использовать его в разведке, для чего Богданова отправили учиться в школу КГБ № 101 – на испанское отделение. После завершения обучения он должен был отправиться в Чили в качестве резидента КГБ, но смена власти в этой стране изменила эти планы. И он оказался в Представительстве КГБ при МГБ ГДР в качестве секретаря парткома. Отработал там шесть лет, после чего в 1967 году был отозван в Москву и стал работать в Административном отделе ЦК КПСС, который курировал спецслужбы. Богданову в нем достались пограничные войска. И вот несколько месяцев тому назад его вызвал к себе Андропов и попросил принять к руководству общество «Динамо». Назначение было весьма символичным. В апреле 73-го шеф КГБ стал полноправным членом Политбюро и приобрел еще больший вес во властной иерархии. Этот вес позволил ему обойти его

конкурента – министра внутренних дел Николая Щелокова, который собирался привести на Лесную, 6 (именно там располагался Центральный совет всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо») своего человека. Но не сумел – Андропов привел туда свою, чекистскую креатуру. Задача перед Богдановым была поставлена конкретная: вернуть динамовцам пошатнувшееся доверие, которое они растеряли за последние годы сразу в нескольких видах спорта, в том числе и в футболе. Например, столичные динамовцы, выступавшие в высшей лиге, явно откатились назад. Если в сезоне-70 они заняли 2-е место, то в двух последующих довольствовались сначала 5-м местом, а потом и вовсе 10-м. Кстати, руководил командой в эти годы ни кто иной, как Бесков, за что его, собственно, и сняли с руководства. Вернее, это была одна из причин его увольнения.

Однако не лучше обстояли дела и на периферии, где футбольные команды общества «Динамо», умудряясь неплохо выступать в нескольких зонах Второй лиги, ни разу не смогли пробиться в финальную часть этих соревнований. Судя по всему, не станет исключением и этот год. Вот почему именно с этого Богданов и начал свой разговор с Бесковым, едва тот расположился в кресле напротив его стола.

– Скажу честно, порадовать вас нечем, Петр Степанович, – честно признался тренер. – Несмотря на то, что ряд наших команд имеют шансы войти в тройку призеров, однако в финальную часть пробиться им будет сложно.

– А когда в последний раз мы там были? – поинтересовался Богданов.

– Четыре года назад с московским дублем и ленинградским «Динамо», которые победили в своих зонах. С тех пор как отрезало.

– Почему, как вы думаете?

– Причин много, но главная – слабая работа с играющими составами. И еще с судьями.

– Судей мы постараемся взять на себя, – живо откликнулся на последнюю фразу Богданов.

Сказал он это не случайно. Эту тему поднимал при его назначении сюда и Андропов. Он открытым текстом обрисовал ему тревожную ситуацию, сложившуюся в советском футболе. За каждой из команд, даже на периферии, стояли влиятельные номенклатурные деятели, которые, пользуясь своим высоким положением, старались повлиять на турнирное положение курируемых ими команд. Именно поэтому и назрела необходимость в том, чтобы общество «Динамо» возглавил представитель КГБ – ведомства, глава которого только что вошел

в состав Политбюро. При таком руководителе динамовцам было бы легче вести подковерную борьбу, которая непрерывно шла за пределами футбольных полей.

– Если вопрос с судьями мы решим положительно, есть ли у нас надежды на то, что в следующем сезоне наши клубы выбьются в финал? – спросил Богданов.

– Больше всего шансов у Ленинграда, Барнаула и Вологды, – быстро, как будто ожидая этого вопроса, ответил Бесков. – Например, в Вологде в этом сезоне подобрался сильный состав: Юрий Вшивцев, Михаил Семенов, братья Жуковы, Сергей Скобелкин, Александр Соковнин, Владимир Ларин, а к ним вдобавок еще и Валерий Маслов – недавняя звезда столичного «Динамо». С таким составом вполне реально выйти в финальную пульку.

– Что значит «вполне»? – удивился Богданов. – Да с такими игроками они уже сейчас должны быть в лидерах! А они на каком месте?

– На четвертом. Но учтите, Петр Степанович, что в их зоне играют шесть команд с Кавказа, а они частенько практикуют работу с судьями. Сами в лидерах не ходят, но очки могут продавать направо и налево. А тут еще, насколько я знаю, наше высшее футбольное руководство собирается в следующем сезоне провести новую реформу Второй лиги – сократить число зон с семи до шести. При этом Вологда попадает в третью зону, где в одной компании сойдутся двадцать команд из Элисты, Смоленска, Ставрополя, Владимира, а также чуть ли не десяток клубов из тех же республик Закавказья. Так что проблема договорных игр только обострится. Помяните мое слово, в лидерах в следующем году обязательно будут ходить кавказцы, причем не один клуб, а сразу два-три. При таком раскладе обойти их будет крайне сложно. На деньги они не скупятся, а наши игроки тоже кушать хотят. Впрочем, я в своем отчете подробно обрисовал ситуацию и попытался наметить пути решения тех задач, которые могут перед нами встать.

И Бесков положил на стол папку, которую до этого все время разговора держал в руках. Богданов открыл ее, пролистал те несколько листов, которые в ней были, но читать не стал – отложил папку в сторону. После чего спросил:

– Игру наших с чилийцами видели?

– Конечно – прямо с вокзала отправился на стадион. Наши играли неплохо, но шаблонно – выдумки в атаке не хватало. Впрочем, вы сами все видели.

– Я все-таки не такой специалист, как вы, поэтому и интересуюсь вашим мнением, – улыбнулся Богданов.

– Судя по тому составу, который вышел на поле с первых минут, наша сборная готовилась к обоюдоострой игре. А чилийцы выбрали глухую оборону. Поэтому во втором тайме нам пришлось к двум форвардам – Блохину и Онищенко – выпускать еще двух – Гуцаева и Кожемякина. То есть, был взят курс на решительное наступление. Но дело в том, что эта четверка в таком составе выступала впервые. А во-вторых, из двух полузащитников только Мунтян был способен оказать помощь передней линии. В итоге наши атаки носили индивидуальный характер с ясно обозначенным направлением угрозы, что облегчало чилийцам их задачу. Думаю, если бы наши тренеры изначально выставили на игру такой состав, у нас был бы шанс забить хотя бы один гол.

– Вы настолько толково и понятно все изложили, что у меня возникло сожаление по поводу того, что тренером нашей сборной являетесь не вы, а Горянский, – заметил Богданов.

– Евгений Иванович тоже неплохой специалист, – сухо ответил Бесков.

– Не деликатничайте, Константин Иванович, – отмахнулся от этих слов Богданов. – Горянский – креатура ворошиловградца Земченко и его время истекло. Он и в сборную попал случайно – из «Зенита», который при нем звезд с неба не хватал. Под его руководством сборная с июня сыграла уже пять матчей и ни одного не выиграла. Три проиграла и две игры свела к ничейному результату. А ведь все матчи игрались в Москве, в Лужниках.

– Но проиграли мы достойным соперникам – англичанам, бразильцам и западным немцам, – внес свою поправку в рассуждения начальника Бесков.

– Это всего лишь отговорки, – поморщился Богданов. – Поэтому буду с вами откровенен – я собираюсь выходить наверх с предложением назначить новым тренером сборной именно вас.

– Но Горянский еще при должности, – удивился Бесков. – У нас еще впереди вторая игра с чилийцами.

– Судя по тому, что происходит вокруг нее, нас ждут большие проблемы. Поэтому вопрос о снятии Горянского практически решен. Новым тренером сборной должны стать вы, Константин Иванович. При таком раскладе и мне здесь, на Лесной, будет легче работать.

Слушая эту речь, Бесков прекрасно понимал, откуда дует этот ветер – с Лубянки. Видимо, назначив в «Динамо» Богданова, Андропов теперь собирался то же самое проделать и со сборной. Ведь в резко осложнившейся международной обстановке шефу КГБ и людям, которые за ним стояли, было легче управлять футболом через своих назначенцев.

– Так что будьте готовы к тому, что в скором времени вас

вызовут наверх и сообщат то, что вы сейчас услышали от меня, – продолжал свою речь Богданов.

– А как же мои выводы? – спросил Бесков и кивнул в сторону своей папки, лежавшей на краю стола.

– Не беспокойтесь, они не пропадут – я лично позабочусь об этом, – кладя ладонь на папку, произнес Богданов. – Вы лучше начинайте прикидывать, на каких основах и с какими людьми комплектовать нашу сборную. Мне кажется, настала пора для того, чтобы раскинуть сети пошире – начать искать игроков в низших дивизионах.

– Намекаете на Вторую лигу? – теперь уже настала пора улыбаться гостю.

– Ее трогать не будем, а вот в Первой лиге наверняка много талантливой молодежи. Вы об этом не думали?

– Как раз позавчера, после игры с чилийцами, и думал. Но я все-таки надеюсь на то, что Горянский выполнит свою миссию – выведет нашу сборную на чемпионат мира.

– Оставьте ваши наивные мечтания, Константин Иванович, – усмехнулся Богданов. – Вы прекрасный тренер, но в делах большой политики я гораздо искушеннее вас. Президента ФИФА Роуза уже сейчас подвергают такому давлению извне, что он наверняка не знает, куда себя девать. И учитывая его антипатии к нам, легко предсказать, в какую сторону он согнется. Не забывайте, что он англичанин, а Англия в лице ее консервативного правительства во главе с Эдвардом Хитом поддерживает чилийскую хунту. И знаете почему? Впереди выборы и консерваторы боятся, что возможный приход к власти лейбористов может привести к революции. А чтобы этого не произошло, определенные круги в Англии готовы пойти по чилийскому пути – привести к власти военную хунту. У них уже есть и человек на роль своего Пиночета – лорд Маунтбеттен, бывший вице-король Индии и член королевской семьи. Вот почему сразу после переворота в Чили Хит объявил очередное чрезвычайное положение в ответ на общенациональную забастовку шахтеров и угрозу ее распространения и на другие секторы экономики. «Законом о чрезвычайных полномочиях» были внесены поправки, позволяющие кабинету министров править посредством неизбираемого Тайного совета и Палаты лордов. Кроме того, были проведены серьезные переговоры с армией о возможности введения военного правления, а отставные офицеры, такие как генерал сэр Уолтер Уокер, бывший командующий НАТО в Северной Европе, и майор Александр Гринвуд, начали создавать частные армии. Так что это вовсе не случайность, что администрация Хита первой признала военную

хунту Чили и собирается организовать встречу ее представителей с самой королевой. И мистер Роуз в курсе всех этих телодвижений.

– Может, вы и правы, но я помнил его совсем другим человеком, – выслушав монолог Богданова, заметил Бесков.

– Вы знакомы с ним лично? – вскинул брови Богданов.

– Я имел возможность общаться с ним почти тридцать лет назад – осенью 1945 года, когда «Динамо» совершало свое знаменитое турне по Англии. Ведь это именно Роуз был одним из инициаторов той поездки с английской стороны. Потом мы встречались с ним в 64-м на чемпионате Европы. И он всегда производил приятное впечатление.

– Ничего не могу сказать по поводу европейского турнира, но вот по поводу английского турне замечу: организовал его отнюдь не Роуз – он был всего лишь передаточным звеном. В детали вдаваться не буду, но вы, надеюсь, понимаете, о чем именно я веду речь.

Судя по тому выражению, которое отразилось на лице Бескова, тот действительно догадался, на что намекает его собеседник. Впрочем, он и раньше имел на этот счет некие подозрения, которые теперь нашли свое дополнительное подтверждение. За кулисами этого турне стоял все тот же КГБ, который в те годы назывался несколько иначе – НКГБ.

Ретроспекция. 26 октября 1945 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома госбезопасности СССР Всеволода Меркулова

Нарком стоял у окна и, глядя на уже проснувшуюся и зажившую привычной жизнью площадь Дзержинского, слушал доклад начальника советской разведки Павла Фитина. Тот описывал ему оперативную обстановку в Англии накануне визита футбольной команды московского «Динамо». Идея этого турне возникла в недрах ЦК ВКП(б) в сентябре и была тут же поддержана Сталиным. Причем двигала вождем не столько любовь к спорту, сколько реалии большой политики. Чуть больше месяца назад до этой инициативы – 26 июля 1945 года – в Англии прошли парламентские выборы, на которых победу одержала лейбористская партия. Неплохо показала себя и компартия, которая хоть и заняла восьмое место, но набрала самый большой за всю свою историю рейтинг – за нее проголосовали 97 945 голосов, что позволило ей завоевать два места в палате общин.

В отличие от консерваторов во главе с Уинстоном

Черчиллем, лейбористы были более выгодны СССР. В своей новой программе «Заглянем в лицо будущему» они обещали своим избирателям построение социализма в Англии и провозгласили своей задачей укрепление связей с Советским Союзом, что отвечало интересам широких масс английского народа. Что касается консервативной партии, то она взяла под защиту свободу частного предпринимательства и выступила против национализации. Подвергнув резкой критике лейбористов, консерваторы избегали брать на себя конкретные обязательства по многим вопросам внутренней и внешней политики. Поражение консерваторов на этих выборах было следствием того, что они пытались привлечь избирателей своей ролью в победе над фашизмом. Но в то время стране было нужно не это, и народ выбрал более подходящую задачу – задачу создания в Великобритании «государства благоденствия», выдвинутую лейбористами. В результате консерваторы собрали 9,9 миллионов голосов и получили 209 мест в палате общин, а за лейбористов было подано 12 миллионов голосов, которые обеспечили им 389 мест в парламенте. Таким образом, впервые в истории большинство в палате общин получила лейбористская партия. Итоги выборов показали, что разгром фашизма способствовал ослаблению позиций английской реакции. Миллионы избирателей отвергли перспективу возврата к прежней политике, которую консерваторы проводили в межвоенный период.

В этой победе Сталин почувствовал реальную возможность изменения соотношения классовых сил в Англии и решил подыграть этому. Учитывая, какой огромной популярностью пользовался там футбол, он ухватился за идею провести в туманном Альбионе турне лучшей советской футбольной команды. Вопрос стоял лишь в одном – какой именно, если на тот момент в СССР было два футбольных фаворита в лице ЦДКА и «Динамо». И вот тут свое слово сказали чекисты. Дело в том, что за ЦДКА стояла армия, в то время как чекисты курировали динамовцев. И когда Сталин решал возникшую дилемму, кого лучше отправить в Англию, председателю НКГБ Всеволоду Меркулову удалось убедить вождя, что это должно быть столичное «Динамо». Причем дело было не столько в том, что именно эта команда стала в том году чемпионом СССР, обогнав ЦДКА всего лишь на одно очко (40 против 39), а в том, что это была чекистская команда: во-первых, она управлялась НКГБ, во-вторых – в ней было достаточное количество его агентов, и в-третьих – эта поездка была нужна МГБ для решения своих оперативных задач. Под последним понималось следующее.

В Англии у НКГБ была самая надежная и высокопоставленная

агентура в Европе – «Кембриджская пятерка» в лице Кима Филби (кодовое имя «Stanley», занимал высокий пост в SIS, а именно в MI5 (контрразведка) – был начальником 9-го, советского отдела), Дональда Маклина (кодовое имя «Нотег», работал в министерстве иностранных дел), Энтони Бланта (кодовое имя «Johnson», сотрудничал с MI5 и был советником короля Георга VI), Гая Бёрджеса (кодовое имя «Hicks», сотрудничал с MI5 и работал в министерстве иностранных дел) и Джона Кернкросса (работал в министерстве иностранных дел, Минфине и сотрудничал с военной разведкой Англии). Эти люди поставляли в Москву ценнейшую информацию по всем аспектам британской политики и экономики.

Один из этих людей активно помогал НКГБ продвигать идею с динамовским турне. Это был Энтони Блант, который имел прямое отношение к королевской семье – его мать Хильда Вайолет Мастер (Блант) была троюродной сестрой графа Стрэтмора, деда правящей королевы Елизаветы II. То есть Блант был четвероюродным дядей главы государства. Став советником короля Георга VI, он близко сошелся с Александром Кембриджским или графом Атлоном, который был не только братом королевы Марии, супруги короля, но и занимал пост президента Ассоциации футбола Англии. И когда Лубянка стала продвигать идею динамовского турне по Англии, Блант выступил в роли мостика – он подбросил идею Александру Кембриджскому, а уже тот подрядил к этому делу свою правую руку в футбольной Ассоциации Стэнли Роуза (президентство в Футбольной ассоциации является почётным положением, которое, как правило, занимает член британской королевской семьи, а помогает им кто-то из «гражданских»).

Приезд динамовцев был нужен НКГБ для оперативных контактов с «кембриджской пятеркой». Дело в том, что в конце августа 1945 года Лубянка, благодаря сообщению Кима Филби, обнаружила в своих рядах предателя. Им оказался Константин Волков – заместитель резидента НКГБ в Турции. Благодаря своевременному сигналу, НКГБ удалось разоблачить предателя и тайно вывезти его на родину. Но перед этим Волков успел сообщить английской контрразведке сведения о том, что в Англии у НКГБ есть свои агенты, которые пробрались в высшие сферы английского общества. Поэтому на Лубянке было решено резко ограничить контакты с «кембриджской пятеркой». Однако политическая обстановка в Англии диктовала чекистам совсем иные действия – продолжение этих контактов, поскольку в Кремле были крайне заинтересованы в том, чтобы постоянно быть в курсе всех телодвижений нового лейбористского правительства.

Тем более, что за этим зорко следили и в Вашингтоне, более того – именно на конец 1945 года между Лондоном и Вашингтоном должны были быть заключены некие финансовые договоренности, о которых в Кремле должны были непременно узнать. Так что турне «Динамо» по Англии подвернулось под руку чекистам весьма кстати. Оно позволяло «разморозить» контакты с «кембриджской пятеркой», поскольку столь представительная делегация из СССР (почти 40 человек) давала возможность советским агентам устанавливать нужные контакты и обмениваться информацией (на тех же стадионе, при огромном скоплении людей, такие контакты можно было произвести гораздо легче, чем где-либо). На руку советской резидентуре в Лондоне был и тот огромный ажиотаж, который должен был сопутствовать этому турне. И присутствие на этих матчах кого-то из «кембриджцев», с которыми могли пересечься агенты НКГБ (в том числе и тех, кто числился в «Динамо»), не мог вызвать подозрений у английской контрразведки.

Именно об этом и шла речь в кабинете Меркулова – о возможности такого рода контактов между «кембриджцами» и агентами НКГБ. Начальник внешней разведки Фитин доложил о мерах, которые приняли его подчиненные в преддверии динамовского турне. Закончил он свой доклад сообщением, что резидентура НКГБ в Лондоне во главе с полковником Константином Кукиным готова к приезду «Динамо», о чем известила руководство шифротелеграммой.

– Что можете сказать о ситуации в других подразделениях? – возвращаясь от окна к своему креслу, спросил Меркулов.

– Сегодня утром у меня с докладом был начальник восьмого отдела Аллахвердов, который тоже подтвердил готовность его людей к операции «Офсайд», – сообщил Фитин.

Восьмой отдел занимался дезинформационными войнами в структуре внешней разведки НКГБ. Он имел обширную агентуру в Англии среди тамошних журналистов и общественных деятелей, которые создавали положительный фон для многих инициатив, исходящих от советской стороны. В рамках динамовского турне этой агентуре ставилась конкретная цель: как можно более положительно осветить эту поездку, чтобы подавить негативные отклики, которые наверняка тоже будут. Самым ценным агентом советской внешней разведки на этом поприще в Англии был еврей Питер Смолка (он же Питер Смоллет), который достиг поста руководителя англо-советских связей в Министерстве информации. Он еще в годы войны активно работал на этом направлении. Например, только в сентябре 1943 года, благодаря его стараниям, в Лондоне прошло просоветские встречи с

общественностью, 35 – на предприятиях, 100 – в добровольных обществах, 25 – в группах гражданской обороны, 9 – в школах и в тюрьме. А Би-Би-Си в сентябре выпустила в эфир тридцать передач, посвященных Советскому Союзу. В итоге один из консервативных партийных деятелей в Палате общин жаловался: «Демонстрируемые Министерством информации фильмы дают привлекательную картину жизни в Советском Союзе и способствуют тому, что многие меняют свое мнение о коммунизме…»

Турне «Динамо», естественно, не могло позволить Смоллету проявить такую же прыть, однако и сидеть сложа руки он не собирался – с его подачи многие английские СМИ заняли вполне благожелательную позицию в связи с приездом к ним советских футболистов.

Выслушав доклад Фитина и отдав ему несколько распоряжений, Меркулов отпустил начальника разведки. После чего поднял трубку на одном из телефонных аппаратов, стоявших у него на столе, и позвонил наркому внутренних дел Берия.

– Лаврентий Павлович, добрый день, – поздоровался Меркулов. – Только что у меня был Фитин по поводу операции «Офсайд». Мне хотелось бы встретиться с вами для соответствующего доклада.

Выслушав ответ наркома, Меркулов сделал пометку в своем ежедневнике, сказал «До свидания» и положил трубку. После чего нажал кнопку и вызвал к себе секретаря. Когда тот появился в дверях, Меркулов сообщил:

– С трех до четырех часов дня я буду у Лаврентия Павловича. В это время прошу никого ко мне на прием не записывать.

Ретроспекция. 2 ноября 1945 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, кабинет наркома внутренних дел СССР Лаврентия Берия

За несколько дней до отъезда динамовцев в Англию нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия принимал у себя двух деятелей общества «Динамо»: его председателя – генерал-лейтенанта госбезопасности Бориса Обручникова (он же был заместителем Берии по кадрам) и старшего тренера динамовцев Михаила Якушина. Разговор был деловой и конкретный. Первым делом нарком ознакомился со списком тех, кто должен был отправиться в «туманный Альбион». Таковых было 34 человека, включая 15 игроков, двух тренеров, врача, радиокомментатора Вадима Синявского, переводчицы Александры Елисеевой и пяти

спортивных чиновников. Особенно внимательно Берия знакомился со списком игроков, среди которых значились: вратарь Алексей Хомич, защитники – Всеволод Радикорский, Михаил Семичастный, Иван Станкевич, Владимир Лемешев, полузащитники – Всеволод Блинков, Леонид Соловьев, Борис Орешкин, нападающие – Евгений Архангельский, Василий Трофимов, Василий Карцев, Николай Дементьев, Константин Бесков, Всеволод Бобров и Сергей Соловьев. Причем четверо игроков были «варягами»: Бобров из ЦДКА (2-е место в чемпионате СССР), а Архангельский, Орешкин и Лемешев из ленинградского «Динамо» (5-е место).

– Вы уверены, что из Ленинграда нужно было приглашать именно этих игроков? – отложив список, спросил Берия у Якушина.

– Да, Лаврентий Павлович, – стараясь, чтобы его голос звучал, как можно увереннее, ответил тренер.

– Я бы, например, включил в этот список еще одного ленинградца – нападающего Василия Лоткова, – называя этого игрока, Берия давал понять, что он достаточно искушенный знаток футбола.

– Вместо Лоткова мы решили вызвать Архангельского, который не боится жесткой игры, – все так же уверенно продолжал отвечать Якушин. – Но если вы настаиваете, Лаврентий Павлович…

– Я ни на чем не настаиваю, – прервал речь тренера нарком. – Я просто хочу вас предупредить, что вы едете в Англию представлять нашу страну и должны выступить с честью. Если вы считаете, что именно этому составу по плечу справиться с поставленной задачей, значит, пусть так и будет. Но имейте в виду, что спросим мы за результаты поездки именно с вас. И с товарища Обручникова тоже, – нарком перевел свой взгляд на председателя общества «Динамо».

После этого Берия достал из папки, которая лежала перед ним на столе, лист бумаги и передал ее Якушину, сопроводив это словами:

– Прошу включить в ваш список еще трех человек. Это наши люди, которые будут представлены, как спортивные чиновники. Прошу вас ни в чем им не перечить и выполнять любые их указания, так, как вы бы выполняли мои распоряжения. Вам все понятно?

– Да, Лаврентий Павлович, – принимая документ из рук наркома, произнес Якушин.

– В таком случае, желаю вам удачной поездки.

Сказав это, Берия первым поднялся со своего места, чтобы

пожать на прощание руки гостям.

Ретроспекция. 4–21 ноября 1945 года, турне московского «Динамо» по Англии

Ранним морозным утром 4 ноября 1945 года с подмосковного аэродрома Внуково в небо взлетели два небольших пассажирских самолета типа «Дуглас», на борту которых находилась футбольная команда московского «Динамо». Их первым пунктом остановки был Восточный Берлин, откуда они вскоре продолжили свой путь – в Лондон.

Бескову досталось место у иллюминатора, поэтому, когда их самолет стал снижаться для посадки в Лондонском аэропорту «Хитроу», он во все глаза стал вглядываться в раскинувшиеся под ним рельефы «туманного Альбиона» с четко очерченными футбольными полями, которых, к его удивлению, в обозримом пространстве было больше, чем полей озимых или яровых. Это было лишним доказательством того, чем являлся для англичан футбол – смыслом их жизни.

Между тем Лондон встретил гостей дождем. И еще своей… негостеприимностью. Спускаясь по трапу, советские футболисты обратили внимание на то, что в аэропорту нет ни одного советского государственного флага и каких-либо других проявлений официального радушия. Зато в избытке было репортеров, фотокорреспондентов и кинооператоров, которые облепили гостей со всех сторон и стали щелкать своими фотоаппаратами и задавать один вопрос за другим. К счастью, длилось это не слишком долго. Вскоре, сев в автобусы, гости покинули аэропорт.

Спустя полчаса их доставили к месту проживания. Однако, увидев, что их привезли не в отель, а в совершенно другое место, Якушин поинтересовался у переводчицы:

– Что это за здание?

Женщина лишь пожала плечами и адресовала этот вопрос представителю принимающей стороны. После чего сообщила тренеру:

– Это казармы королевской гвардии.

Услышав это, к Якушину подошел один из тех чекистов, которых Берия внес в список отъезжающих в последнюю очередь, и сказал:

– Михаил Иосифович, вам надо отказаться от этих казарм. Мы должны жить в отеле и лучше всего в центре Лондона.

– Но чем я буду мотивировать свой отказ? – удивился тренер.

– Чем угодно. Скажите, к примеру, что жить рядом с королевским дворцом, конечно, высокая честь для вас, но футболистам неудобно готовиться к ответственным матчам в столь спартанских условиях.

Якушин так и сделал, обратившись непосредственно к Стэнли Роузу. После чего вопрос был тут же улажен – гостей снова погрузили в автобусы и повезли в два разных отеля в центре британской столицы (спустя два дня гостям удастся воссоединиться под одной крышей – в отеле «Империал»). Пока они ехали, переводчица, вооружившись свежими газетами, стала зачитывать футболистам отрывки из местных газет:

– «Санди экспресс» поместила статью под названием «Не ждите слишком многого от русского «Динамо»». В ней вас, ребята, характеризуют следующим образом: «Это попросту начинающие игроки, рабочие, любители, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

Ответом на этот пассаж был дружный смех, который буквально потряс салон комфортабельного автобуса.

– А вот что пишет другая газета – «Дейли мейл», – продолжала чтение переводчица: – «Сегодня у советских динамовцев перерыв на водку и икру. Молчаливые советские футболисты будут пить под дикие, однообразные звуки балалайки и выкрикивать «Ура!» и другие слова, выражающие восторг». Ребята, никто случайно не захватил с собой балалайку?

И автобус снова содрогнулся от хохота. Глядя на смеющихся игроков, Якушин поймал себя на мысли, что это отличная примета – значит, страха перед хозяевами его игроки не испытывают. А с таким настроем и до победы в турне недалеко. Ведь возвращаться «на щите» на родину ой как не хотелось, памятуя о последнем разговоре с всесильным наркомом внутренних дел.

До первой игры динамовцев против лондонского «Челси» было целых девять дней, поэтому времени у футболистов было предостаточно. Они не только успевали тренироваться на стадионе «Шепард баш», но и ездить на экскурсии по Лондону. За эти дни они где только не побывали: у знаменитого Тауэра, в Вестминстере и соборе святого Павла, на Хэмптон-корт, Пикадилли-серкус, в Сити и Гайд-парке, а также на шерлокхолмсовской Бейкер-стрит. Заглянули они и в Музей восковых фигур мадам Тюссо.

Все это время за ними неотступно следовали несколько сотрудников британской контрразведки MI5, которые выдавали себя за простых лондонцев. Задача у них была вовсе не охранять гостей, а следить за их контактами. Но в MI5 не знали, что обо

всех их передвижениях русские прекрасно осведомлены от своего агента в их рядах – Кима Филби. Еще накануне прилета «Динамо», он сумел передать в советскую резидентуру информацию о том, что британская контрразведка собирается взять русских под свой колпак. Но, зная обо всех телодвижениях своих коллег, Филби умудрился передать русским сведения обо всех брешах MI5 в этом «колпаке». Так что, пока британская «наружка» вовсю «пасла» футболистов, те чекисты, которых прислал Берия, сумели в разных местах Лондона и в его окрестностях навестить те «закладки», которые оставили их агенты. Еще легче было работать на переполненном стадионе «Стамфорд бридж» (пришло 85 тысяч зрителей), где 13 ноября состоялась первая игра между «Динамо» и «Челси».

Ход матча поначалу складывался в пользу хозяев, за которыми был первый тайм. На 23-й минуте счет открыл левый инсайд Гулден. А спустя семь минут уже правый инсайд «Челси» Вильямс удвоил счет. Вся Англия (а со стадиона велась прямая радиотрансляция) ликовала. Но советские футболисты вовсе не выглядели подавленными. И в раздевалке в перерыве между таймами голову пеплом никто из них не посыпал. Все были сосредоточены и полны решимости во втором тайме показать англичанам все, на что они способны.

Шла 65-я минута, когда Сергей Соловьев стремительно прошел по левому краю, отдал мяч назад Константину Бескову, вошедшему в штрафную площадь, а тот, не задерживаясь, передал мяч Василию Карцеву – своему приятелю, с которым они некоторое время делили одно жилище в «высотке» на Котельнической набережной. Именно Карцев и «распечатал» первым ворота «Челси».

Прошло шесть минут, и еще один мяч влетел в сетку англичан. И снова героем эпизода был Бесков. Получив мяч, он сделал обманное движение, на которое «купился» его опекун – защитник Харрис. Оставив англичанина позади, Бесков вошел в штрафную площадь «Челси», но к воротам пробиваться не стал, рассчитывая отдать пас. Его замысел мгновенно понял Евгений Архангельский. В это время к Бескову устремляется, спасая положение, другой английский защитник, и, как только он приближается к нему вплотную, Бесков откатывает мяч точно наискосок неприкрытому Архангельскому. Тот бьет и делает счет 2:2.

Однако хозяева не собирались соглашаться на ничью. И спустя шесть минут снова вырываются вперед – гол головой забил Томми Лаутон, за которого «Челси» незадолго до этого матча уплатил «Эвертону» 14 тысяч фунтов стерлингов. Но вот ведь

совпадение. Снова прошло шесть минут и «Динамо» снова сравняло счет. Причем опять в роли распасовщика выступил Бесков. Он увидел Всеволода Боброва, который мог выйти на голевую позицию, если бы туда был послан мяч. Бесков так и сделал – отправил мяч именно в ту точку, откуда Боброву было сподручнее нанести прямой удар. Посланный, как из пушки, мяч влетел в ворота англичан.

За оставшиеся семь минут до конца игры хозяева поля приложили все силы, чтобы снова выйти вперед, но оборона динамовцев во главе с вратарем Алексеем Хомичем действовала безупречно. Ничья в первом матче – хороший результат для команды, которую перед игрой называли «мальчиком для битья».

Утро следующего дня началось для динамовцев с радостного события. Переводчица принесла им кипу свежих британских газет и практически в каждой звучали добрые слова по адресу советских футболистов. Даже те журналисты, кто до этого с пренебрежением относился к ним, теперь вынуждены были отметить, что «Динамо» – это команда международного уровня.

Минуло еще четыре дня и 17 ноября динамовцы вышли на очередную игру – на этот раз против валлийской команды «Кардифф-сити» из шахтерского и портового города Кардиффа. В отличие от аристократов из «Челси», «шахтеры» встретили представителей первого в мире государства рабочих и крестьян по-настоящему торжественно. Вся дорога до стадиона «Ниньен-парк» была украшена красными флагами, а возле самого стадиона продавались сувенирные букетики сине-белых цветов под названием «Динамо». На зеленом газоне выстроился валлийский оркестр, который играл мелодию песни «Полюшко-поле» и… гимн Советского Союза. Каждому из динамовцев футболисты Уэльса преподнесли миниатюрные шахтерские лампочки, а гости ответили цветами.

«Кардифф-сити» считался самым быстроногим футбольным клубом в Британии – его игроки бегали по полю, как заведенные и могли выдержать такой темп не два, а целых четыре тайма. Но в тот день выяснилось, что московские динамовцы бегают не хуже своих оппонентов. Это привело к тому, что они первыми открыли счет в матче – это сделал Бобров. После чего мячи в ворота «шахтеров» посыпались один за другим. В итоге матч закончился со счетом юн, что было, конечно, неприлично, учитывая то, какой прием оказали хозяева поля гостям. В матче случилось три хет-трика – по три мяча забили Бобров, Архангельский и Бесков, у которого на следующий был день рождения – ему исполнилось 25 лет.

Когда кто-то из журналистов спросил у Якушина, почему его

игроки буквально растерзали своих соперников, тот ответил: «Это результат тех сотен телеграмм, которые мы получили за эти дни из Советского Союза, в которых нас поддерживали, поздравляли, желали нам успеха. Разве могли мы после этого не победить?!»

«Ну, что же, посмотрим, хватит ли вам этого запала на игру против лондонского «Арсенала», – заметил журналист.

Эта игра считалась главной в том турне, поскольку «Арсенал» был легендарной и старейшей командой Англии (создан в 1886 году). Он пять раз становился чемпионом страны и два раза завоевывал Кубок Англии. Но специально для игры против «Динамо» в команде произошли существенные изменения – из прежнего ее основного состава были оставлены лишь четверо, остальных игроков заменили лучшими мастерами из семи клубов, в том числе в состав был включен «футболист номер один» Стэнли Мэтьюз из команды «Сток Сити». Как написал обозреватель «Дейли экспресс» Роберт Скрипе: «Русские идут играть с командой, представляющей весь футбол Британии; в ее составе игроки международного класса».

Перед началом игры к Бескову подошел Бобров и спросил:

– Ну что, Костя, забьешь «Арсеналу» еще один гол, как в Иране?

– Постараюсь, – ответил Константин, зашнуровывая бутсу. – Но и ты, Сева, не подкачай.

О чем шла речь? Дело в том, что в советской команде было четверо игроков, которые год назад уже играли против «Арсенала». Это были Бесков, Хомич, Бобров и Соловьев. А вышло все случайно. Новый шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви решил ознаменовать успешный для союзников ход войны проведением в Тегеране футбольного турнира трёх государств – Ирана, СССР и Великобритании на Кубок шаха Ирана. Советскую сторону представляла команда 131-го мотострелкового полка НКВД, который охранял коммуникации, по которым осуществлялись поставки грузов по ленд-лизу в Советский Союз. Эту команду и усилили четырьмя профессиональными футболистами из Москвы.

В турнире участвовали четыре команды: 131-й полк (СССР), «Арсенал» (Лондон) и два иранских клуба – «Дирай» и «Туран». Наши победили иранцев 3:0 и 4:1 соответственно, лондонцы тоже одержали две победы над хозяевами. И в финальном поединке 19 мая 1944 года сошлись «мотострелки» и «арсенальцы». Весь первый тайм игра шла на равных, а во второй сорокапятиминутке удача сопутствовала советским футболистам. Причем автором единственного гола был Константин Бесков. Благодаря этому мячу «мотострелки» стали обладателями Кубка шаха Ирана.

Матч «Динамо» против «Арсенала» состоялся 21 ноября на

стадионе «Уайт Харт Лейн» в присутствии 55 тысяч зрителей. Судил игру советский арбитр Николай Латышев, для которого это был первый выход на поле в этом качестве в ходе турне. Он дал свисток к началу игры в 14.15 по Гринвичу. И сразу же динамовцы бросились в атаку, зажав лондонцев у их ворот. И спустя минуту после начала игры Бобров, получив пас от Сергея Соловьева, забил первый мяч в ворота «Арсенала». Но «канонирам» понадобилось 12 минут, чтобы отыграться – гол у них забил Мортенсен, которому ассистировал Рук. С этого момента англичане перехватили инициативу. К тому же в их пользу сложились и погодные условия, к которым они были приучены – над стадионом сгустился туман. Причем такой густой, что с трибуны не видна была противоположная трибуна. У футболистов першило в горле, слезились глаза. Даже радиокомментатор Вадим Синявский вынужден был подойти к самой бровке поля и спрашивать у ближайшего к нему динамовца, что происходит на поле. В таких условиях советские футболисты еще никогда не играли, чего не скажешь про англичан – для них такая погода была привычной. Поэтому они чувствовали себя, как рыба в воде. Что, естественно, сказалось на счете – «канониры» всего за три минуты забили два мяча.

Сначала на 35-й минуте «футболист номер один» Мэтьюз обошёл динамовца Станкевича, сделал навес на Мортенсена, и тот хлестким ударом вывел хозяев вперед. А спустя три минуты Камнер прошёл по бровке, сделал поперечную передачу, и Рук сильно и точно пробил по воротам. А тут еще в столкновении с англичанином тяжелую травму получил Леонид Соловьев, которого заменил Борис Орешкин. Однако и динамовцы соперников тоже не жалели. Впрочем, при таком тумане трудно было играть мягко. В итоге дважды был травмирован вратарь «Арсенала» Гриффитс: сначала его ударил по голове Бобров, затем зацепил ногой Сергей Соловьев. Поэтому в перерыве его заменят на другого вратаря – Гарри Брауна. Но прежде Гриффитс успел пропустить еще один мяч от динамовцев. Это случилось на 41-й минуте, когда Бесков, получив мяч на левом фланге, пробил мимо Гриффитса точно в сетку ворот.

В перерыве в советскую раздевалку пришла переводчица в сопровождении Роуза. И сообщила, что англичане предлагают… прекратить игру из-за сильного тумана. Якушин обвел взглядом игроков и спросил:

– Ну, что, ребята, ответим?

– У англичан поджилки затряслись, вот и хотят закончить игру в свою пользу, – ответил кто-то из игроков.

– Будем играть дальше, – хором заявили динамовцы.

– Всё слышали? – спросил Якушин у переводчицы.

Та улыбнулась и перевела Роузу ответ команды.

И игра возобновилась. Причем с яростных атак динамовцев, которые были по-настоящему разозлены демаршем англичан. В итоге на 48-й минуте Сергей Соловьев, получив навесную передачу, несильным ударом между рук голкипера Брауна сравнял счет. А на 63-й минуте Бесков в борьбе с Джоем отбросил мяч Боброву, и тот, точно пробив с линии штрафной, вывел динамовцев вперед – 4:3.

Минуло всего три минуты, как Рук стремительно прорывался к штрафной динамовцев. Увидев это, Семичастный догнал англичанина и… прыгнул ему на спину. Тот в ответ так отмахнулся локтем, что заехал советскому защитнику по лицу. Да так сильно, что Семичастный на какое-то время потерял сознание. А Рук метров с 30 сильным ударом буквально вонзил мяч в сетку ворот Алексея Хомича. Англичане бросились обнимать своего форварда, но тут раздался свисток судьи Латышева – он показал, что мяч не засчитывается. Правда, он назначил штрафной в пользу англичан, поскольку зафиксировал нарушение правил со стороны Семичастного. Но зачем «канонирам» этот штрафной, если он отменяет гол? Естественно, они бросились выяснять отношения с судьей. Но тот был непреклонен: штрафной!

– Молодец, Гаврилыч! – похвалил судью кто-то из динамовцев.

Реплика была не случайной – в 1939–1942 годах Латышев играл за московское «Динамо», почему советская сторона и включила его в эту поездку. В итоге, когда прозвучал финальный свисток, зафиксировавший победу динамовцев со счетом 4:3, английская сторона подала протест на неправильное судейство. Было указано на три грубейшие ошибки, совершенные Латышевым. Хозяева посчитали, что голы Соловьева и Бескова были забиты из положения вне игры. Третьей ошибкой был назван незасчитанный гол Рука.

Впрочем, англичане тоже были не без греха. Пользуясь туманом, они действовали против динамовцев жестко, а порой и вовсе грубо, результатом чего и явилась травма Леонида Соловьева. Устав бороться с этой грубостью, Латышев во втором тайме удалил Джорджа Друри с поля. Но тот, пользуясь все тем же туманом, спустя несколько минут… снова вышел на поле и отыграл до конца матча, стараясь не попадаться на глаза судье. Но эта уловка так и не помогла англичанам сравнять счет.

Ретроспекция. 23 ноября 1945 года, пятница, Москва, Кремль, кабинет Сталина

Туман, который сгустился над стадионом и аншлаг, который привел на трибуны «Уайт Харт Лейна» 55 тысяч зрителей, стали прекрасным поводом к тому, чтобы советская разведка устроила на этой игре встречу своих агентов. В перерыве между таймами во время спуска в подтрибунное помещение агент Джон Кэрнкросс передал своему советскому куратору Борису Кротову микропленку, на которой были запечатлены важнейшие документы, которые с нетерпением ждали в Москве. Уже спустя сутки они легли на стол Сталина – их принес вождю Берия. В них говорилось о том, каким путем высшие американские круги собираются подчинить себе английское правительство – через денежные займы. Дело в том, что в августе 1945 года США без предварительного уведомления прекратили поставки по ленд-лизу. И Англия должна была впредь оплачивать наличными все, что она приобретала в Штатах. Американские правящие круги решили воспользоваться затруднениями в Англии, чтобы получить от нее определенные уступки, как в экономике, так и в политике. Ведь Англия после войны испытывала нехватку долларов для оплаты возросшего импорта из стран долларовой валюты. Кризис английского платежного баланса стал хроническим. Главной его причиной были большие военные расходы за границей. Лейбористы решили выйти из создавшихся трудностей с помощью американских кредитов.

Документы, которые попали на стол к Сталину, указывали на то, что уже в декабре англичане собираются заключить с США финансовое соглашение, по которому Америка должна была предоставить Англии заем в сумме 4 миллиарда 400 миллионов долларов. За вычетом 650 миллионов долларов в качестве возмещения за поставки по ленд-лизу Англия получала кредит на сумму 3 миллиарда 750 миллионов долларов. Она могла его использовать в течение пяти лет, с 1946 по 1951 год. Погашение займа начиналось по истечении шестилетнего срока из расчета 2 % годовых и должно было продолжаться в течение 50 лет.

«Глупцы, – подумал про себя Сталин, набивая свою трубку табаком. – Они сами не понимают, какую ловушку для них подготовили американцы».

Советский генсек окажется прав. Надежды лейбористского правительства Эттли на покрытие дефицита платежного баланса в течение пяти лет с помощью американского займа окажутся тщетными. В 1946 году в США будет отменен контроль над ценами. Экспортные товары подорожают, и Англия быстро израсходует полученный заем за один год. В итоге финансово-экономическое положение страны ухудшится и возрастет зависимость английской экономики от США. Введенный

американцами «план Маршалла», ограничит развитие тех отраслей английской промышленности, которые конкурировали с американской индустрией. Усилится и милитаризация экономики Англии.

Закурив трубку, Сталин взглянул на Берию, который все это время сидел напротив него и молчал, ожидая продолжения разговора. Он думал, что вождь захочет узнать, каким образом эти важные документы оказались в руках советской разведки. Но Сталин спросил совершенно про другое:

– А что, Лаврентий, неплохо выступает твое «Динамо» в Англии?

– Да, товарищ Сталин, неплохо: две победы и одна ничья. Общий счет по мячам 17:7 в нашу пользу.

– Сразу видно, что ты прирожденный болельщик, – похвалил собеседника Сталин. – А сам ты в футбол играл когда-нибудь?

– Нет, не довелось – комплекцией не вышел, – и по губам Берия пробежала улыбка.

– Ничего, зато твоя комплекция не мешает тебе хорошо руководить. Сколько «Динамо» еще пробудет в Англии?

– Неделю, товарищ Сталин – еще одна игра осталась. Но вы не волнуйтесь, мы ее тоже выиграем.

– Я и не волнуюсь, Лаврентий. Документы, что ты мне сегодня принес – и Сталин постучал трубкой по папке – стоят тысячи проигранных твоей командой матчей. Ты свободен.

Ретроспекция. 23 ноября – 7 декабря 1945 года, продолжение и окончание турне «Динамо» по Англии

На следующий день после игры с «Арсеналом» большинство британских газет вышли с материалами об этом матче. И почти везде вину за поражение «Арсенала» авторы статей возлагали на… советского судью Латышева. Естественно, о грехах своих игроков они не упоминали. И лишь в газете «Стар» игрок «Арсенала» Бернард Джой написал следующее: «…Жаль, что туман не позволил зрителям хорошо рассмотреть игру, интересную и напряженную. Основной фактор, определивший успех русских, – позиционная игра, искусство, которое, по-моему, утеряно в Англии…»

До конца турне оставалась ровно неделя и впереди «Динамо» ждала еще одна игра – против шотландского клуба «Глазго рейнджере». Но прежде чем она состоялась, в жизни Бескова произошло знаменательное событие – он сумел дозвониться до Москвы и поговорить со своей любимой девушкой Валерией,

которой вскоре суждено будет стать его женой на всю оставшуюся жизнь. А выручил его один из прикрепленных к их группе чекистов – Ярослав Слащев. Он был ненамного старше Бескова, но уже имел неплохой послужной чекистский список. С 1942 года он трудился на «английской линии», разрабатывая посольство Великобритании в Москве. На его счету было два ценных завербованных агента внутри посольства. Но помимо этого он до войны играл в футбол в составе столичного «Динамо» и даже был заявлен в основной состав на первый довоенный чемпионат СССР 1936 года. Однако серьезная травма помешала ему дебютировать в большом футболе. А год спустя, в разгар «чисток», Слащева по комсомольской линии направили на работу в НКВД, после чего ему пришлось навсегда распрощаться с большим футболом. Впрочем, повесив бутсы на гвоздь, он продолжал живо интересоваться этим видом спорта. Вот почему его руководство, зная о пристрастиях своего подчиненного, и отправило его в Англию вместе с «Динамо».

В команде Слащев ближе всего сошелся с Бесковым, который в один из дней и поделился с ним своей сердечной тайной о том, что в Москве у него осталась невеста. И лишь на одно жаловался футболист – что с ней невозможно связаться.

– Почему нельзя? – удивился Слащев. – С нами же приехал Вадим Синявский, который мне многим обязан.

Знаменитый радиокомментатор приехал в Англию не только как «голос», но и как «перо» – его «зафрахтовал» в качестве специального корреспондента главный редактор газеты «Московский большевик» Семен Индурский, рассчитывая получать эксклюзивную информацию о матчах динамовцев в Англии. В итоге Слащев вышел на Синявского и попросил его об одолжение: чтобы тот уговорил Индурского взять на следующие переговоры девушку Бескова. Отказа, естественно, не последовало.

* * *

Так вышло, что свою будущую жену Бесков видел незадолго до турне несколько раз, но никак не мог с ней познакомиться. В первый раз это случилось в конце октября, когда он гулял возле сада «Эрмитаж» на Петровке со своим приятелем – инженером Яковом Гениным. Провожая Валерию восхищенным взглядом, Бесков сказал тогда приятелю:

– Знаешь, Яша, вот на такой девушке я бы женился…

Потом он еще два или три раза встречал эту юную

незнакомку, но не только не решался подойти, но даже долго смотреть на нее считал неудобным. И даже когда однажды в саду «Эрмитаж» она с подругой сама подошла к их компании, он и тогда не смог преодолеть своего смущения. А дело было так.

Со своим приятелем, футболистом того же «Динамо» Александром Петровым, Бесков встретил возле входа в сад известного певца и большого любителя футбола Владимира Канделаки. Мужчина встали в сторонке и стали живо обсуждать последние футбольные новости и, главное – будущую поездку «Динамо» в Англию.

– Повезло же тебе, Костя – сыграешь против родоначальников футбола! – с восхищением говорил певец, обращаясь к Бескову.

А футболист только смущенно улыбался в ответ.

В это время к ним подошли две симпатичные девушки, одной из которых и была Валерия Васильева. Как выяснилось, ей было всего 17 лет и она работала танцовщицей в ансамбле имени Исаака Дунаевского. Канделаки она знала еще по Батуми (именно там девушка родилась), поэтому и решилась подойти. Но кроме этого, она обратила внимание и на Бескова, который в тот день был в щегольском макинтоше и в белых с желтым ботинках, какие не очень часто можно было увидеть в то время в Москве. Валерия рассчитывала, что молодой человек захочет с ней познакомиться поближе, но тот так и не смог преодолеть своего смущения. И когда девушки и певец отошли, Бесков внезапно обратился к своему приятелю с неожиданным предложением:

– Слушай, Саша, познакомься с этой девушкой, а потом познакомь с ней меня.

Но приятель тоже не решился на столь смелый шаг, посчитав, что шансов у него для такого знакомства практически нет. Тем временем судьба уже готовила молодым людям новую встречу.

2 ноября, за два дня до отлета в Англию, Бесков после тренировки снова гулял по Москве с Петровым. Они зашли в знаменитый коктейль-холл, что на улице Горького, чтобы взять по порции мороженого. Когда они вышли и двинулись вниз по улице к станции метро, то увидели идущих навстречу тех самых девушек – Валерию и ее подругу Оксану. Петров толкнул друга плечом:

– Смотри, те самые девчонки – давай подойдем.

– Не стоит – видишь, им не до нас, – ответил Бесков, увидев, что девушки о чем-то оживленно разговаривают.

Футболисты спустились в метро, но уже будучи в вагоне поезда, внезапно вспомнили, что забыли в коктейль-холле свои чемоданчики со спортивной амуницией. И они тут же пересели в другой состав и поехали назад. Когда вышли из метро, девушек

на улице уже не было, но Бесков возьми и скажи своему приятелю:

– Эта девчонка мне очень нравится. Если еще раз их встретим – непременно подойдем!

И Всевышний услышал его слова.

Забрав свои чемоданчики, приятели вышли из коктейль-холла и прямо на выходе столкнулись с Валерией и Оксаной. И Бесков первым заговорил с девушками:

– Надо же, в течение нескольких дней столько раз встретиться, а поговорить по-настоящему так и не удалось!

– Кто же вам мешает это исправить? – игриво улыбаясь, ответила Валерия.

– Действительно, никто! – засмеялся Бесков.

И этот искренний смех мгновенно всех раскрепостил.

– А вы правда футболисты? – поинтересовалась Валерия.

– Правда, а почему вы об этом спрашиваете? – удивился Бесков.

– Просто Оксана замужем за футболистом – за Васей Трофимовым.

– Не может быть! – почти разом воскликнули Бесков и Петров.

Это сообщение действительно было для них неожиданной новостью. С Трофимовым они играли в одной команде, он тоже должен был лететь в Англию, но вот про его юную жену они ничего не знали. А теперь, наконец, познакомились.

– Оксана, как вам замужем за футболистом? – спросил у девушки Петров.

– Мне нравится, – ответила Оксана. – Вот хочу и подругу свою тоже выдать замуж за футболиста.

– Так в чем же дело? – подал голос Бесков.

– Дело в том, что в вашем «Динамо» только один холостой футболист – некий Женя.

– Нет у нас никакого холостого Жени, – пожал плечами Петров. – У нас холостой только Костя Бесков, который стоит перед вами.

– В таком случае, жених для Лерочки найден, – и Оксана заразительно рассмеялась.

* * *

Последний, четвертый матч своего турне «Динамо» сыграло 28 ноября в Глазго на стадионе «Айброкс». К моменту этой встречи «Глазго Рейнджере» («Странники из Глазго») уже 30 раз

завоевывал первенство и кубок Шотландии, 29 раз побеждал сборную Англии, а существовал всего лишь сорок лет. На игру против «Динамо» шотландцы выставили свой лучший состав. Капитаном команды был Джон Шоу – защитник с международным именем, в воротах стоял Джерри Даусен – национальный герой Шотландии, в центре обороны играл Янг, в центре нападения – Джеймс Смит (Большой Джимми) – звезды первой величины в Шотландии.

Когда динамовцы приехали в Глазго, первое, что они увидели – был огромный транспарант, растянутый на борту одного из судов на реке Клайд. На нем аршинными буквами было написано: «Рейнджере» – «Динамо» – 10:0».

– Видели, ребята, как нас здесь оценили? – обращаясь к команде, спросил Якушин.

– Ничего, мы поможем им поменять ценники, – ответил на эту реплику Бобров.

Посмотреть на матч пришло 90 тысяч зрителей – полный стадион. Естественно, все пришедшие поддерживали своих кумиров. Тут же был и мэр Глазго. Однако игра началась для местных болельщиков с шока – уже на третьей минуте динамовец Василий Карцев со штрафного, находясь метрах в 20 от ворот, забивает первый мяч в ворота Даусена.

– Транспарант на судне можно выкидывать – ноля у нас уже не будет, – обнимая автора гола, заметил Бобров, из-за которого, собственно, и был назначен этот штрафной.

Однако динамовцы рано радовались. Вскоре стало очевидно, что главный арбитр матча Томпсон явно благоволит к хозяевам. Видимо, начитавшийся недавних газет, где журналисты вовсю кляли советского судью Латышева, Томпсон решил сделать «обратку». И вскоре назначил не вполне очевидный пенальти, после нарушения правил Станкевичем. К мячу подошел Уоддел. Он долго устанавливал мяч на отметке, после чего разбежался и сильно ударил. Но Хомич в прыжке отразил этот пушечный удар поднятыми руками, мяч отскочил в перекладину, и Семичастный выбил его в поле.

А спустя двадцать минут в ворота шотландцев влетел второй мяч. Сергей Соловьев как вихрь пронесся по левому краю, передал мяч все тому же Карцеву, тот – Бескову, который перепасовал мяч обратно Карцеву. Удар – и счет на табло стал 2:0 в пользу советских футболистов. Но хозяева не собирались складывать оружие.

За пять минут до конца первого тайма им удалось сократить разрыв – гол забил Большой Джимми, он же Джеймс Смит. С таким счетом команды ушли на перерыв.

Во втором тайме англичане ринулись на штурм советских ворот, пытаясь отыграться. Но у них ничего не получалось – оборона динамовцев во главе с вратарем Хомичем стояла неприступной скалой. И тогда произошло футбольное «алаверды» – шотландцы вернули москвичам должок под названием «а-ля Латышев».

На 75-й минуте в борьбе за мяч потеряли равновесие и упали в штрафной площади «Динамо» два футболиста – Родикорский и Смит. Арбитр Томпсон без колебаний назначил свободный удар в сторону от наших ворот. Но затем к нему подбежал судья на линии. Он что-то сказал главному арбитру, после чего тот указал на… одиннадцатиметровую отметку. И Янг безупречно реализовал пенальти. Так счет стал равным – 2:2. Он сохранился до финального свистка, что, в общем-то, было на руку гостям – ни одного матча из четырех они не проиграли. Общий итог турне для «Динамо» был положительным: две победы и две ничьи. Счет по мячам – 19:9 в пользу гостей. Лучшим бомбардиром среди динамовцев оказался Всеволод Бобров, забивший 6 мячей. На втором месте был Константин Бесков, у которого оказалось на один забитый мяч меньше.

Когда после игры с «Рейнджере» с Якушину подошли английские журналисты, чтобы взять интервью, он признался: «Я никогда не имел привычки искать причины неудач своей команды в судейских ошибках. Но в этой игре, мне кажется, арбитр погрешил против истины».

После игры в Глазго динамовцы вернулись в Лондон. Пора было паковать чемоданы и улетать обратно на родину. Но из Москвы пришла депеша, разрешающая остаться в Англии еще на… восемь дней. Футболисты обрадовались, полагая, что эта задержка вызвана их отличным выступлением в турне. Но это была половина правды. Вторая половина заключалась в том, что их задержка была необходима лондонской резидентуре МГБ для решения своих оперативных задач.

Эти лишние дни, проведенные в Лондоне, футболисты потратили на экскурсии. Они побывали в Британском музее, Национальной галерее, концертном зале Альберт-холл, Букингемском дворце. Динамовцев было видно издалека, ведь все они были одеты одинаково и для столицы Англии достаточно просто: на них были желтые ботинки, синие пальто и костюмы с широкими и немодными по европейским меркам брюками, а головы венчали шляпы фирмы «Москвошвея», выглядевшие на «туманном Альбионе» анахронизмом. Эти наряды были пошиты модельерами ОДМО (Общесоюзного Дома моды) на Кузнецком мосту на скорую руку – ведь решение о турне принималось в

спешке. Но парадокс заключался в том, что советские футболисты, которые по меркам англичан выглядели не слишком модно, оказались революционерами в футболе – в игре, которую англичане считали своей. То есть, немодно одетые люди из СССР выступили в роли законодателей моды в европейском футболе. А если сюда еще приплюсовать успехи советской разведки, которая начисто обыграла английскую – тоже, кстати, сильнейшую и древнейшую в Европе, – то успех этого турне можно назвать безоговорочным.

В Москву динамовцы вернулись ранним утром 7 декабря. На аэродроме всех игроков встречали родственники и друзья. За Бесковым приехала его мама. А он рассчитывал увидеть вместе с ней и Валерию. Но она почему-то не приехала. Поэтому, едва очутившись дома, Константин позвонил девушке. И та рассказала, что хотела выехать на аэродром вместе с его мамой, но ее не взяли, посчитав, что одной встречающей будет достаточно. Тогда Бесков уговорил девушку приехать к нему, чтобы познакомить ее с мамой. Та согласилась. Матери футболиста Валерия понравилась. После чего Бесков отправился провожать гостью. Шли они долго – девушка жила в Ананьевском переулке (напротив Института имени Склифосовского). Там настала очередь Бескову познакомиться с родителями Валерии. И они, памятуя о том, что в Москве тогда орудовала банда «Черная кошка», в обратный путь его не отпустили – уложили на раскладушке. А 17 февраля 1946 года молодые пошли в ЗАГС и расписались.

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Футболист московского «Динамо» Анатолий Кожемякин подъехал на своей «копейке» к Дворцу спорта в начале седьмого вечера. Припарковав машину на стоянке, он со своей женой Натальей направился к центральному входу. Они приехали на эстрадный концерт зарубежных артистов из социалистических стран, который шел в Лужниках уже два дня и должен был продлиться еще один день. В первом отделении выступала звезда югославской эстрады Джордже Марьянович со своим «Голубым ансамблем», а вся вторая половина концерта была отдана польскому вокально-инструментальному ансамблю «Скальды». Вот ради последних семейство Кожемякиных и отправилось на концерт.

«Скальды», хотя и числились по разряду ВИА, на самом деле

было фолк-рок-группой, которая приобрела широкую известность шесть лет назад – после выхода их первого альбома. Два года спустя их пригласили с гастролями по США и Канаде, преподнося тамошней публике как «первую польскую рок-группу». Еще через два года группа гастролировала на родине «битлов» в Англии, а также в ФРГ (их даже включили в культурную программу мюнхенской Олимпиады, на которой, кстати, чемпионом в футбольном турнире стала сборная Польши). В СССР «Скальды» приезжали с гастролями несколько раз (впервые это случилось 1968 году). Анатолий Кожемякин, который слыл в «Динамо» заядлым меломаном, ни на одном их концерте побывать не смог – его футбольная жизнь каждый раз ломала такие планы. Но в этот раз футболисту повезло. Два дня назад он сыграл за сборную СССР в матче против чилийцев и, несмотря на не слишком удачный итог игры, был отпущен на несколько дней с динамовской базы в Новогорске домой, к жене. А тут как раз в Москве объявились «Скальды». Разве мог он пропустить такое событие? Достав через знакомого спекулянта два билета (естественно, с наценкой), Кожемякин отправился на концерт, предвкушая незабываемое зрелище. С таким же настроением шла на сегодняшнее представление и его юная супруга, всю дорогу напевавшая в салоне «копейки» их любимую скальдовскую песню на русском языке «Прелестная виолончелистка» с их диска, выпущенного на «Мелодии» несколько месяцев назад и купленного Натальей в ГУМе.

До входа во Дворец спорта оставалось всего лишь метров двести, когда к супругам внезапно метнулось несколько подростков лет 15–16, которые узнали в идущем высоком молодом человеке самую яркую звезду советского футбола текущего сезона Анатолия Кожемякина.

– Началось! – не скрывая своего неудовольствия, произнесла Наталья, которую этот ажиотаж вокруг ее супруга в последнее время начал сильно напрягать.

Из-за него они не могли никуда толком выбраться – как только они оказывались на людях, как их тут же окружали болельщики, требовавшие у Анатолия автографы. Вот и сегодня, похоже, ситуация повторялась.

– Успокойся, Наталка, у нас еще уйма времени, – улыбнулся Кожемякин и даже приобнял жену за плечи. – Дам несколько автографов и снова буду в твоей власти.

– Судя по их лицам, одними автографами дело не ограничится, – ответила жена.

– Тогда вот тебе билет – иди внутрь без меня, а я тебя потом догоню, – и Кожемякин вручил супруге билет, а сам остановился,

чтобы пообщаться с болельщиками.

Спустя минуту он уже стоял в окружении счастливых пацанов и подписывал им программки сегодняшнего концерта – ничего более подходящего у них под руками не оказалось.

– Что же вы с чилийцами так слабо сыграли? – спросил у футболиста паренек с рыжей челкой, спадающей на глаза.

– И на старуху бывает проруха, – улыбнулся в ответ Кожемякин. – Ничего, в следующей игре обязательно их обыграем.

– А где она будет эта игра? – не унимался паренек.

– Кто же ее знает? – пожал плечами футболист. – Но быть-то она все равно будет.

– А вы Блоху догоните в споре бомбардиров? – этот вопрос задал уже другой юный болельщик – белобрысый мальчишка с косой челкой.

Речь шла о споре Кожемякина с киевским динамовцем Олегом Блохиным в чемпионате СССР: у киевлянина на тот момент было 14 забитых мячей, а у Анатолия на один меньше.

– Буду стараться. Вот завтра с тбилисцами играем – там попытаюсь разрыв сократить.

– А как стать таким футболистом, как вы? – задал неожиданный вопрос чернявый мальчишка лет десяти, которому Кожемякин подписывал программку последним.

Этот вопрос явно обескуражил футболиста. Какое-то время он морщил лоб, пытаясь найти нужный ответ, а потом спросил:

– Тебя как зовут?

– Федя.

– Ты в футбол во дворе играешь?

– Конечно, после школы на своей Казаковке режемся с ребятами с соседнего двора.

– И где эта Казаковка? – поинтересовался Кожемякин.

– Улица Казакова – это возле Курского вокзала. Наш двор прямо напротив Института физкультуры – бывшей усадьбы графа Разумовского.

– Не знаю, никогда там не был, – пожал плечами футболист. – Я во дворе в Измайлово мяч гонял. Вот там во мне и проклюнулся хороший футболист. Так что ты, Федор, это дело не бросай – играй как можно больше, а потом к нам в секцию приходи, в «Динамо».

– Я вообще-то за «Спартак» болею, – сообщил парнишка.

– Ничего, мы из тебя динамовца сделаем, – и Кожемякин ласково потрепал мальчишку по его вихрам.

Ретроспекция. 16 мая 1965 года, воскресенье, Москва, двор в

Измайлово

Двенадцатилетний Толя Кожемякин сидел за письменным столом и старательно выводил цифры в школьной тетради по математике. За окном в это время был самый разгар дворовых игр, шум от которых доносился и сюда – в двухкомнатную квартиру в «хрущобе», где обитало семейство Кожемякиных. Слушая звонкие голоса ребятни, среди которой бегал и его шестилетний брат Сергей, Толик мысленно клял на чем свет стоит школьную математичку, которая поставила ему «пару» и дала задание к понедельнику сделать не одно, а целых три домашних задания. Два из них он уже сделал, но третье, самое сложное, давалось ему с трудом. С такими темпами он рисковал промучиться до вечера, когда все дворовые игры прекратятся и его сверстники разойдутся по домам. И в тот самый миг, когда он подумал об этом, в коридоре раздалась звонкая трель дверного звонка. Судя по шагам, открывать отправилась мама мальчика.

Когда женщина открыла дверь, она увидела на пороге сразу четырех мальчишек – друзей ее Толика.

– Вам чего, ребята? – спросила хозяйка, загородив собой вход в квартиру.

– Нам бы Толика, тетя Маша, – обратился к женщине один из ребят – его тезка Толик Бондаренков.

– Не выйдет он пока уроки не сделает, – придавая своему лицу сердитое выражение, ответила женщина. – Двойку получил, вот пускай ее исправляет.

– Но он нам очень нужен, – раздался просительный голос еще одного мальчишки, прятавшегося за спиной Бондаренкова.

– Мало ли кому он нужен! – всплеснула руками хозяйка. – Пусть уроки сделает, тогда и выйдет.

В это время в коридор из кухни вышел глава семейства – Евгений Иванович Кожемякин.

– Что за шум, а драки нет? – спросил он, держа в руках раскрытую газету «Советский спорт».

– Дядя Женя, мы за Толиком пришли, а его не пускают, – пожаловался на хозяйку Бондаренков.

– И правильно не пускают – ему двойку исправлять надо, – насупив брови, молвил глава семейства. – Ты сам-то уроки сделал?

– Сделал – мне мало задали.

– А ему задали много – вот он и сидит дома, пока все не сделает, – объявил Евгений Иванович. – Так что ступайте, ребята.

– Не можем мы уйти – проиграем без Толика, – вновь раздался голос мальчишки, прятавшегося за спиной

Бондаренкова.

– Где проиграете? – удивился глава семейства.

– В футбол проиграем, – это уже снова в разговор вступил Бондаренков. – Там какие-то чужие ребята пришли, постарше, и нашу коробку заняли. Мяч у нас отняли. Говорят, что пока мы их не обыграем, они отсюда не уйдут.

– И сколько этих ребят? – спросил Евгений Иванович.

– Четверо, и все – здоровенные лбы, – ответил Бондаренков.

Глава семейства обменялся взглядом с женой, после чего передал ей газету, а сам скинул тапки и переобулся в туфли.

– Ну, пойдем посмотрим, что это за лбы там объявились, – произнес Евгений Иванович и, отстранив жену, вышел из квартиры.

Когда он вместе с мальчишками подошел к дворовой хоккейной коробке, которая теперь служила ристалищем для футбольных баталий, он действительно заметил там четырех рослых ребят. Они гоняли матч, играя в одни ворота в «дыр-дыр».

– Зачем же вы, пацаны, мяч у мальчишек отняли? – спросил Евгений Иванович, заходя в коробку.

Игра тут же прекратилась, а игроки уставились на незнакомого мужчину и какое-то время молча его изучали. Наконец, от них отделился рыжий парень в черном спортивном костюме и, подойдя к Евгению Ивановичу, сказал:

– Мы не отнимали. Мы им предложили в футбол сыграть, а они убежали, бросив мяч.

– А тебе сколько лет, пацан? – спросил Кожемякин-старший.

– Семнадцать.

– Школу заканчиваешь?

– Не-а, ПТУ.

– А звать тебя как?

– Сергеем.

– Так вот, Сережа, эти ребята моложе вас – им по тринадцать лет.

– Так мы им фору дадим – в пять мячей. Мы им об этом так и сказали. А они убежали за каким-то Толиком, но вместо него вас привели. Сдрейфили, значит?

– Ничего мы не сдрейфили, – выступил вперед Бондаренков. – Просто Толика родители не отпускают.

– Понятно – за мамкину юбку держится, – сказав это, рыжий обернулся к своим приятелям и они все вместе громко рассмеялись.

– Слушай, Сережа, ты, я вижу, парень серьезный, – вновь обратился к рыжему Евгений Иванович. – Значит, слово свое держать умеешь?

– Пока никто не жаловался, – засунув руки в карманы своих спортивных штанов, ответил Сергей.

– Тогда давай с тобой договоримся. Вы играете с нашими ребятами два тайма по пятнадцать минут каждый без всякой форы. Судить игру буду я. И если вы проиграете, больше сюда не приходите. Договорились?

Услышав это предложение, рыжий, что называется, остолбенел. По его вытянутому лицу было видно, что эти слова застали его врасплох. Однако длилось это недолго. За спиной у него стояла его кодла, перед которой он не должен был выказать не то чтобы испуг, но даже невинное замешательство.

– Хорошо, мы согласны, – ответил рыжий, после чего спросил: – А если мы выиграем?

– Тогда будете приходить сюда когда захотите и играть столько, сколько вам влезет. Только вы не выиграете.

– Это почему?

Вместо ответа Евгений Иванович обернулся к мальчишкам, стоявшим у него за спиной, и сказал:

– Ребята, пусть кто-то сбегает к нам домой и попросит тетю Машу, чтобы она отпустила Толика. Скажите, что я его зову.

От мальчишек тут же отделился Бондаренков и бросился бежать к «хрущобе» – только пятки засверкали. А спустя минуту в кухонное окно высунулась Мария Ивановна, которой муж крикнул всего лишь две фразы:

– Выпусти Толика – он здесь нужен. И пусть переоденется в спортивную форму.

И через пять минут в коробку вошел Кожемякин-младший, облаченный в синий спортивный костюм и кеды.

– Это и есть ваш Толик? – спросил рыжий, смерив вновь прибывшего презрительным взглядом. – И что в нем особенного?

– Не спеши – увидишь, – ответил Евгений Иванович и отошел к дворовым ребятам.

Собрав их вокруг себя, мужчина стал давать им последние наставления:

– Значит, так, пацаны – играем от обороны: вратарь и защитник сзади, а Бондаренков играет под моим Толиком. Посмотрим, на что способны эти ухари. Все понятно?

Ребята дружно закивали головами, после чего Кожемякин-старший повернулся к пришлым:

– Итак, два тайма по десять минут. Засекаю время, – и Евгений Иванович бросил взгляд на свои наручные часы. – Начинают «малыши».

Услышав это определение, пришлые дружно заржали и спорить по поводу того, кому начинать игру, не стали. Трое из

них вышли вперед, а один встал в ворота, специально смастеренные местными умельцами для игры в мини-футбол. Они были меньше стандартных ворот вдвое, но на них была настоящая сетка.

Первым мяча коснулся Кожемякин, который адресовал его своему тезке – Бондаренкову. Тот рванул с мячом по левому краю и к нему тут же бросился один из пришлых. Но Толик мастерски его обыграл – ударил мячом о бортик и, обойдя защитника, вышел в угол площадки. А когда к нему бросился еще один игрок из команды пришлых, он сделал навес в штрафную площадку. Это была их наигранная комбинация. Зная об этом навесе, Кожемякин сделал молниеносный рывок вперед и точным ударом головы вогнал мяч в левый верхний угол ворот. Вратарь даже не успел среагировать на этот удар.

– Один ноль! – сообщил во всеуслышание Евгений Иванович.

Пришлые были в явном замешательстве. С начала матча прошла всего лишь одна минута, а они уже проигрывали. Но рыжий нашелся, чем ответить:

– Мы же хотели дать «малышам» фору в пять мячей, поэтому пропустить один нам не страшно.

После чего он начал атаку своей команды. Причем решил использовать тот же ход, что минуту назад продемонстрировал соперник – с рикошетом от бортика. Но он не учел, что «малыши», часами гоняющие мяч в этой коробке, знали все эти хитрости назубок. Поэтому, когда рыжий выстрелил по бортику, противостоящий ему защитник буквально за секунду до этого успел сместиться в том же направлении и корпусом закрыл мячу возможность оказаться у него за спиной. После чего рыжий, рванувший вперед, оказался без мяча в углу площадки, а защитник, подхватив кожаный кругляш, пробежал с ним до середины площадки, после чего отдал точный пас Кожемякину. И тот устремился с мячом к воротам. Он мастерски обвел центрального защитника, поймав его на ложном замахе, затем обвел еще одного соперника, ловко протолкнув мяч ему между ног, после чего вышел один на один с вратарем. Тот бросился ему навстречу, рассчитывая ногами выбить мяч в поле, но Кожемякин его опередил. Мыском он подбросил мяч в воздух, который затем ударил внешней стороной стопы так, чтобы тот перелетел через вратаря и опустился за его спиной. Этот удар у них во дворе назывался «за шиворот». Не ожидавший такого финта, вратарь лишь выбросил руки вверх, но было поздно – мяч уже оказался у него за спиной и спокойно вкатился в пустые ворота.

– Два ноль! – вновь громко оповестил о результате Евгений Иванович.

Рыжий был вне себя от злости. Он подбежал к своим игрокам и начал крыть их отборным матом. На что Евгений Иванович тут же резко среагировал:

– Сергей, потише на поворотах – здесь все-таки дети!

– Вижу я, какие это дети, – зло огрызнулся рыжий.

– Вы же сами напросились, – усмехнулся мужчина. – Ну, что – сдаетесь или дальше продолжим?

Не говоря ни слова, рыжий вновь ударил ногой по мячу и начал очередную атаку своей команды. Но ее постигла та же участь, что и предыдущую. На этот раз рыжий и один из его напарников решили пройти по центру, разыграв «стеночку». Но Бондаренков и последний защитник легко разгадали этот замысел и быстро отняли мяч, который тут же был адресован Кожемякину.

– Останови его, олух! – закричал рыжий своему последнему защитнику и тот бросился наперерез Кожемякину.

Но он легко с ним разобрался с помощью распасовки – начал перекидывать мяч от одной своей ноги к другой, а когда соперник приблизился к нему, сделал круговое вращение туловищем, при этом продолжая контролировать мяч ногами. В результате противник наткнулся на его спину и упал на землю, а Кожемякин вновь оказался один на один с вратарем. При этом последний теперь не стал выходить из ворот, помня о недавнем мяче, угодившем ему «за шиворот». Но голкипер и в этот раз оказался в дураках. Кожемякин ударом ноги поднял мяч в воздух и стал бить по нему головой, приближаясь к воротам. Но услышав за спиной топот ног – это к нему бежали сразу трое игроков команды противника – он сбросил мяч сначала себе на колено, а затем под удар, который получился настолько хлестким, что вратарь весь съежился и позволил мячу беспрепятственно влететь в сетку.

– Три ноль! – объявил Евгений Иванович очередное изменение в счете, после чего добавил: – Время первого тайма истекло.

Во второй десятиминутке ситуация на площадке не изменилась – у пришлых ничего не получалось в атаке, поскольку «малыши» играли в защите настолько слаженно, что пробить их оборону было невозможно. Да и вратарь у них действовал в «рамке» на удивление хладнокровно. Более того – он дважды точным бросками от ворот руками выводил Кожемякина в прорыв и тот, легко обыгрывая сразу двух соперников, выходил один на один с вратарем и забил еще два мяча. Игра так и закончилась – 5:0 в пользу «малышей».

– Если бы играли с вашей форой, то счет был бы и вовсе 10:0, – подвел итог этой баталии Евгений Иванович.

Рыжий и его товарищи по команде стояли на своей половине поля и, тяжело дыша, вытирали пот со своих натруженных лиц. Вступать в перепалку с отцом, сын которого только что наколотил им пять «сухих» мячей, им не хотелось. Да и что было говорить, когда счет был, как говорится, на табло.

В это время на территорию коробки вошел высокий мужчина в светлых брюках и такой же светлой рубашке с закатанными по самые локти рукавами. Все это время он стоял за бортиком и внимательно следил за игрой. Никто из местных его не знал, поэтому первое, что он сделал, войдя в коробку – протянул руку Евгению Ивановичу и представился:

– Василий Сергеевич Панфилов – тренер из Футбольной школы молодежи.

После чего, кивнув в сторону Кожемякина-младшего, спросил:

– Чей это мальчик?

– Мой. Меня зовут Евгений Иванович Кожемякин, а это мой сын Толик.

– Хороший футболист из вашего сына может получится, – похвалил мальчишку тренер. – Вы его никому еще не показывали?

– Из ФШМ вы – первый. Хотите его взять к себе?

– К себе не могу – места для него пока нету. Но вот в «Локомотив», где я когда-то играл, пристроить сумею.

– А когда вы там играли? – поинтересовался Евгений Иванович.

– Тринадцать лет назад, провел там четыре сезона, один из которых в первой лиге.

– Значит, самый сильный его состав не застали?

– Имеете в виду при тренере Борисе Аркадьеве? Застал – только не в качестве игрока, а в роли его помощника. А вы, я смотрю, футболом увлекаетесь?

– Естественно, иначе как бы я такого парня вырастил, – улыбнулся Евгений Иванович. – Так когда нам в «Локомотив» показаться?

Вместо ответа Панфилов достал из нагрудного кармана рубашки записную книжку и авторучку. Написав адрес и фамилию тренера, к которому отцу и сыну надо было придти, тренер вырвал листок и передал его Кожемякину-старшему.

– Я сегодня же позвоню этому человеку, так что вашего сына он возьмет без всякой проверки. А там, глядишь, и место в моей ФШМ освободится.

Так 12-летний Толя Кожемякин попал в команду мальчиков группы подготовки московского «Локомотива», где он пробудет до следующего года. А в 1967 году его возьмут в ФШМ к

Панфилову. Впереди парня будут ждать выдающиеся результаты. Уже в 15–16 лет (1968–1969) он будет играть за юношескую сборную Москвы. В ее составе станет лучшим бомбардиром «Кубка Юности» 1968 года (забьет 5 голов). А год спустя победит на футбольном турнире Всесоюзной Спартакиады школьников; где будет признан лучшим нападающим. Этот же титул он завоюет в том же 69-м и на «Кубке надежды».

28 сентября 1973 года, пятница, Москва, Дворец спорта в Лужниках

Подписав ребятне программки, Кожемякин догнал свою супругу, которая медленно шла к входу во Дворец спорта. Но у самого входа футболист вынужден был снова задержаться – его опять окликнули. Он повернул голову на зов, и увидел улыбающегося во все лицо молодого хоккеиста ЦСКА Бориса Александрова. С ним судьба свела футболиста несколько недель назад на Ленинградском шоссе. Кожемякин ехал на своей «копейке» на базу в Новогорск, а Александров «голосовал» на дороге – он спешил на армейскую базу в Архангельское, а такси, которое он взял, внезапно сломалось. И первым, кто рядом с ним остановился, был именно Кожемякин. По дороге они разговорились, и футболист узнал, что случайный попутчик оказался его коллегой – тоже спортсменом. Всего лишь несколько месяцев назад он объявился в Москве, приехав сюда из усть-каменогорского «Торпедо», где его высмотрел сам Анатолий Фирсов.

– А мне автограф не дашь, знаменитость? – протягивая руку футболисту, спросил Александров.

– Не бойся, скоро ты сам будешь этим заниматься, – пожимая протянутую руку, ответил Кожемякин.

– Может, и буду, а пока вот по концертам хожу вместо того, чтобы на лед выходить.

– У вас сегодня игра?

– С рижанами, – кивнул головой хоккеист. – Вчера первую сыграли, с трудом победили 5:4. Но меня и там не выпустили.

– Поэтому ты решил сегодня на концерт заявиться?

– А чего зря штаны на лавке протирать – лучше «Скальдов» послушаю.

– Ты один пришел?

– Приятель должен подойти – Лешка Шлемов.

– Что-то я не слышал о таком хоккеисте, – пожал плечами Кожемякин.

– А он и не хоккеист вовсе – актер. Мы с ним этим летом на съемках фильма про хоккей познакомились – «Жребий» называется.

– Значит, ты кинозвездой собираешься стать?

– Я в массовке бегаю – хоккеиста изображаю.

В это время к ним подошел молодой человек в модной финской курточке, который оказался тем самым Алексеем

Шлемовым. Узнав от Александрова, кто перед ним, актер заметил:

– Среди моих знакомых футболисты еще не значатся – вы первый.

– Это хорошо или плохо? – спросил Кожемякин.

– Хорошо, Толик – Лешка будет тебя дефицитными билетами снабжать, – ответил за приятеля Александров.

– О каких билетах идет речь? – поинтересовался футболист.

– Например, на разного рода кинопремьеры, – ответил Шлемов. – Кстати, вам не нужны билеты в «Иллюзион» на «Анжелику» и «Фантомаса»? Их сейчас опять прокатывать решили – народ валит толпами.

– Эти фильмы я уже видел, – ответил Кожемякин. – Нам бы с женой на что-то свеженькое сходить – например, на польскую «Анатомию любви» или на нашего «Ивана Васильевича», который «меняет профессию». Говорят, уморительная комедия получилась.

– Нет проблем, сделаем, – улыбнулся Шлемов. – Когда сходить желаете?

– Завтра мы с тбилисцами в Москве играем, а седьмого октября с «Араратом» в Ереване. Вот в этот промежуток нас с женой вполне бы устроило. Но лучше взять ваш телефон, чтобы накладки не было – мы, футболисты, люди подневольные.

– Хоккеисты тоже, – откликнулся на эти слова Александров.

– Подневольные сейчас на льду круги нарезают, а ты на «Скальдов» пойдешь, – похлопал по плечу приятеля Шлемов.

И все трое от души рассмеялись этой шутке. После чего отправились на концерт, до начала которого оставались считанные минуты.

29 сентября 1973 года, суббота, Киев, гостиница «Москва»

Тренер донецкого «Шахтера» Олег Базилевич успел войти в свой гостиничный номер и распаковать чемодан, когда к нему ворвался начальник команды Владимир Сальков.

– Олег Петрович, только что звонили из Донецка – приказали помочь киевлянам, – огорошил тренера своим сообщением нежданный визитер.

– Кто звонил, как помочь? – застыв перед открытым чемоданом, спросил Базилевич.

– Вы что не понимаете – Владимир Иванович звонил, – опускаясь в кресло, сказал Сальков.

Под этими инициалами скрывался первый секретарь Донецкого обкома КПСС Владимир Дегтярев.

– А вы можете толком объяснить, что он вам сказал, Владимир Максимович? – стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, попросил у гостя тренер.

– Конечно, могу. Он сказал, что киевлянам надо помочь догнать «Арарат». Вы же знаете турнирную таблицу – Ереван от Киева отделяет всего одно очко. Мы сегодня встречаемся с Киевом, а ереванцы в Москве с торпедовцами. Москвичи уже шесть туров не могут выиграть, поэтому велика вероятность того, что они и сегодня продуют. И если киевляне на нас споткнутся, то «Арарат» сделает еще один шаг на пути к «золоту».

– Ну и пускай сделает – это же футбол.

– Бросьте заниматься демагогией, Олег Петрович, – не скрывая своего раздражения, произнес Сальков. – Дегтярев мне прямо намекнул, что его звонок ко мне не случаен. Перед этим ему звонили отсюда, из Киева. Догадываетесь кто? От самого Щербицкого! А это, скажу вам, не шуточки.

– Владимир Максимович, я достаточно искушенный в футболе человек и на моем веку было достаточно похожих историй, – все так же спокойно вещал Базилевич. – Я с 1957 года выступал за то же киевское «Динамо», а тренером работаю уже четыре года. Но я, как вы правильно заметили, хорошо знаком с сегодняшней турнирной таблицей. У нашего «Шахтера» 23 очка, мы идем на пятом месте. Столько же очков у московского «Динамо» и ворошиловградской «Зари». Если мы сегодня выиграем, а они уступят, то у нас есть реальный шанс зацепиться за третье место. Вы это понимаете?

– Я все понимаю не хуже вашего, – отмахнулся от тренера Сальков. – Но есть наши интересы, областные, а есть республиканские. И последние, к сожалению, перевешивают наши. Я же говорю, что за этим звонком стоит Щербицкий. А он, к вашему сведению, не только глава Украины, но и член Политбюро. Представляете, что может стать с нами, если мы ответим ему так, как отвечаете сейчас мне вы?

– И что с нами станет?

– Перестаньте паясничать, Олег Петрович, – и Сальков резко встал на ноги. – Если мы откажемся, то подставим не только себя, но и Владимира Ивановича. А он нам человек не чужой – столько добра команде делает.

Это был весомый аргумент в рассуждениях начальника команды. Хозяин Донецкой области, занимая этот пост вот уже девять лет, и в самом деле много хорошего сделал «Шахтеру». Одна реконструкция стадиона, законченная в августе 1966 года, чего стоила – двухъярусный красавец-стадион с трибунами на 42 тысячи мест был украшен оригинальной конструкцией

светильников и современным на тот период электротабло. А когда в 1971 году «Шахтер» вылетел в первую лигу, именно благодаря помощи обкома команде удалось снова вернуться в высший дивизион советского футбола. Однако и в словах Базилевича тоже был свой резон. В этом году команда вплотную приблизилась к тому, чтобы завоевать бронзовые медали. Такой успех у «Шахтера» случился лишь однажды – в 1951 году. И вот теперь, 22 года спустя, когда команда могла снова войти в тройку сильнейших футбольных клубов страны, этот успех у нее безжалостно отбирали. Смириться с этим Базилевич не хотел.

– Ну, что решили, Олег Петрович? – первым прервал затянувшуюся паузу Сальков.

– Нам двоим решать эту проблему несподручно – надо посоветоваться с командой, – ответил Базилевич.

Сказал он это не случайно – он надеялся на то, что команда встанет на его сторону и тогда ему будет легче держать ответ перед высшим руководством.

– Хорошо, я немедленно собираю ребят, – на удивление быстро ответил начальник команды.

Этот быстрый ответ смутил тренера и зародил в нем смутные подозрения, что решение игроков Салькову уже заранее известно.

Спустя полчаса вся команда донецкого «Шахтера» была собрана в гостиничном конференц-зале. Лишних никого не было – только свои. Среди собравшихся были: Дегтерёв, Яремченко, Звягинцев, Белоусов, Жуков, Ванкевич, Васин, Коньков, Старухин, Захаров, Дудинский, Сафонов, Чихладзе.

Первым слово взял Сальков, который рассказал игрокам о звонке Дегтярева и его настоятельной просьбе. При этом упор делался на то, что отказав донецкому секретарю, команда плюнет ему в душу, ответит неблагодарностью за все хорошее, что он для нее сделал и продолжает делать. Затем слово взял Базилевич, который был краток:

– Ребята, в словах Владимира Максимовича есть своя правда. Дегтярева мы все уважаем, он действительно наш главный заступник. Но есть и другая правда. В этом году мы можем завоевать бронзовые медали – впервые за последние 22 года. Если мы этого не сделаем в этом году, вполне вероятно, потом долго сделать не сумеем. Во всяком случае, многие из здесь сидящих, включая и меня, поскольку футбольный век короток. Поэтому, когда будете принимать решение, учитывайте, пожалуйста, и это обстоятельство.

Затем начались прения. Впрочем, прениями это назвать было трудно, поскольку почти вся команда дружно поддержала… Салькова. Кто-то из игроков подводя итог сказал:

– Третье место, конечно, хорошо, но какой в нем прок, если ради него мы испортим отношения с Дегтяревым. Ведь если киевляне из-за нас не возьмут «золото», Владимира Ивановича за это по головке не погладят – могут и с работы снять, припомнив сегодняшнюю игру. И тогда мы потеряем своего главного заступника.

В итоге большинством голосов команда проголосовала за то, чтобы «сдать» сегодняшний матч киевлянам. Увидев, чем все закончилось, Базилевич встал со своего места и покинул помещение. Но этот демонстративный жест никого не напряг, а многих даже успокоил – без старшего тренера решать возникшую проблему становилось легче.

– Ребята, я не хотел говорить это при Олеге Петровиче, но наверху просят помочь решить еще одну дилемму, – обратился к команде Сальков. – Олег Блохин идет на звание главного бомбардира первенства – на сегодня у него 14 забитых мячей. Ему на пятки наступает московский динамовец Анатолий Кожемякин, у которого на один забитый мяч меньше. Надо поддержать нашего земляка. Как вы на это смотрите?

– И сколько сегодня я должен пропустить от него «банок»? – спросил вратарь команды Юрий Дегтерев.

– Я думаю, двух мячей с него вполне будет достаточно, – ответил Сальков. – Что скажете, защитники?

– Скажем, что согласны – пусть забивает, – ответил за всех защитник, который в этой игре был приставлен персонально к Блохину.

– Тогда не буду вас больше задерживать – отдыхайте, ребята, – закрыл собрание начальник команды.

Вечером на киевском Центральном стадионе собралось посмотреть матч между местным «Динамо» и «Шахтером» 40 тысяч человек, при заполняемости стадиона в 100 тысяч. Причем многие зрители обратили внимание на то, что на скамейке запасных гостей нет их тренера Олега Базилевича. Заметил это и местный журналист Игорь Янчук, работавший в киевском корпункте «Советского спорта». Подойдя к Салькову, он поинтересовался:

– А куда подевался ваш тренер?

– Олег Петрович сегодня будет смотреть игру с трибуны, – бодрым голосом ответил начальник «Шахтера». – Так ему удобнее охватить своим взглядом всю картину игры.

– Но раньше он всегда сидел с командой, – продолжал удивляться журналист.

– А сегодня его посетила другая идея – что в этом удивительного? Вы разве не знаете, что тренеры западных клубов

частенько так поступают?

– Не слышал о таком, – пожал плечами журналист, после чего удалился смотреть игру, которая в это время как раз началась.

Тренер киевлян Александр Севидов выставил на матч свой ударный состав. В воротах стоял Рудаков, в поле играли Зуев, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкин, Мунтян, Буряк, Колотов, Веремеев, Блохин.

Как и положено, игра началась атаками хозяев поля. Мощно действовала связка Леонид Буряк – Олег Блохин. Причем первый играл в составе киевлян первый год, придя в команду из одесского «Черноморца». Его приглашали к себе все ведущие московские клубы, но Буряк выбрал киевское «Динамо», поскольку в нем играл его приятель Блохин – с ним он подружился, еще играя за молодежную сборную. Его дебют за «Динамо» состоялся 2 мая 1973 года в домашней игре против московского «Спартака». Киевляне победили по пенальти 3:2, причем Буряк свой штрафной удар произвел неудачно – вратарь мяч отбил. Но с тех пор много воды утекло и связка Буряк – Блохин буквально затерзала защитников «Шахтера». Впрочем, если бы динамовцы (как и все болельщики, наблюдавшие за этой игрой) знали о тех событиях, которые произошли за несколько часов до игры в гостинице «Москва», они бы поняли, почему дончане никак не могут отбиться. И в итоге на 9-й минуте один из защитников «Шахтера» внезапно споткнулся и упал на газон в момент прохода к воротам Блохина. Лучший бомбардир чемпионата вышел один на один с Дегтеревым и легко положил мяч в ближний угол ворот. Киевляне повели по.

Но затем дончане выровняли игру и первый тайм закончился с минимальным перевесом в пользу хозяев поля. Игроки «Шахтера» прекрасно понимали, что если поддаваться, то так, чтобы комар носу не подточил. И когда они пришли в раздевалку, где были все, кроме Базилевича, они договорились, что второй мяч дадут забить Блохину опять же в начале тайма, чтобы у них была возможность к концу игры хотя бы «размочить» счет.

– А дадут нам его «размочить?» – резонно поинтересовался кто-то из игроков «Шахтера».

– Не волнуйся, киевляне тоже не дураки – знают о нашей ситуации, поэтому помогут, – последовал ответ.

Так и произошло. Спустя 12 минут после начала второго тайма Блохин оформил «дубль» – забил второй мяч. Он весьма легко обыграл двух защитников (один из которых снова неудачно упал), вратаря, и послал мяч в сетку.

А спустя двадцать минут свой шанс не упустили и дончане – гол у них забил Захаров, который во втором тайме сменил

знаменитого «Бабусю» – Виталия Старухина.

Журналист Игорь Янчук, который всю игру изредка поглядывал в ту сторону, где на трибуне сидел Олег Базилевич, после гола дончан решил посмотреть на реакцию тренера «Шахтера». Но того на трибуне уже не было.

– Ты не видел, куда подевался Базилевич? – спросил он у своего коллеги, сидевшего с ним рядом.

– Так он ушел минут пять назад.

«Странно, – подумал про себя Янчук. – До конца игры еще двадцать минут, а тренер гостей покидает свой командный пункт. Не верит в победу своей команды? Или он изначально в нее не верил, из-за чего и не сел смотреть игру вместе с командой? Здесь явно скрывается какая-то загадка. Но какая?»

Когда игра закончилась (киевляне победили 2:1), Янчук вышел в подтрибунное помещение, где внезапно столкнулся с телевизионным оператором Арсением Калитиным.

– Как тебе игра? – поинтересовался журналист у телевизионщика.

– Вроде бились два фаворита турнира, а такое впечатление, что играли в поддавки, – ответил Калитин.

– Ты тоже это заметил? – не скрывая удивления, спросил Янчук. – Слушай, а ты не можешь переписать мне эту игру на видеокассету?

– Это еще зачем? – насторожился Калитин.

– Хочу повнимательней ее посмотреть еще раз – мне о ней отчет писать надо для газеты.

– Ты же знаешь, каким дефицитом у нас пленка считается, – покачал головой оператор.

– Хорошо, тогда разреши мне посмотреть игру у вас в монтажной. Это, надеюсь, не дефицит?

– Вот это запросто, – улыбнулся Калитин. – Я дам тебе знать, когда монтажная освободится. Кстати, знаешь, как остальные фавориты сегодня сыграли?

– Откуда – я же весь матч на трибуне просидел.

– Ереван у торпедовцев выиграл по, а московское «Динамо» разгромило тбилисское 4:1. Так что статус-кво сохраняется.

– Кожемякин голом отметился?

– Забил один мяч. Но наша Блоха все равно впереди, причем теперь уже на два мяча.

– Так впереди еще пять матчей – Кожемякин вполне может догнать.

– Не смеши мои тапочки, – улыбнулся Калитин. – Судя по сегодняшней игре, Блохе дали зеленый свет, чтобы именно он стал лучшим бомбардиром. Это же конкретные деньги.

Янчуку не надо было лишний раз объяснять значение последней фразы. За то, что игрок их команды становился лучшим бомбардиром, денежные премии получали: сам игрок, тренер его клуба и руководство Спорткомитета, в чьем подчинении была эта команда.

В этот момент оператора позвал кто-то из его коллег и он, пожав руку журналисту, отправился на зов. А Янчук еще какое-то время стоял на месте, размышляя над смыслом последних слов, сказанных оператором.

29 сентября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, район Нюньоа

В трехэтажном неприметном доме на улице Санта Изабель Альваро Молина встречался с Алонсо Райнери – человеком, который отвечал в его группировке за контрразведку. Они сидели в угловой комнате при включенном телевизоре, звук которого был приглушен, чтобы не мешать их разговору. В это время шла трансляция выступления генерала Сезара Мендосы, который в новом правительстве Пиночета отвечал за руководство отрядами карабинеров. Его выступление не интересовало Молину и Райнери, поскольку ничего нового генерал сказать не мог – это было обычное словоблудие, облеченного большой властью человека, лгущего народу о новом порядке и его блестящих перспективах.

Глядя в лоснящееся лицо генерала, Молина ковырялся ложкой в тарелке с уже остывшей кукурузной похлебкой и внимательно слушал доклад своего главного разведчика.

– Подобраться к Брежневу в Москве не представляется возможным, – вещал Райнери. – Своих людей у нас там нет, да и где они будут искать Брежнева тоже неизвестно.

– Там же полно чилийских студентов? – задал вполне резонный вопрос Молина.

– Ты шутишь, Альваро – поручать студентам такое дело? – искренне удивился Райнери.

– Я имел в виду послать в Москву под видом студента нашего человека. Тем более в конце октября в Москве открывается Всемирный конгресс мира, посвященный событиям в Чили. Там наверняка будет Брежнев.

– До конгресса осталось всего ничего – две недели. За это время мы никак не успеем подготовить такую сложную операцию. К тому же посылать туда кого-то под видом студента – гиблое дело, поскольку такого человека сразу вычислят. Поэтому

повторяю тебе снова – достать Брежнева в Москве нереально. Его надо ловить где-то за пределами СССР.

– У тебя есть маршруты его ближайших поездок?

– Их можно вычислить.

– Каким образом?

– Логически – надо только выяснить, в каких странах намечаются разного рода торжества, на которых советский генсек обязательно должен появиться.

– И что это за мероприятия? – продолжал вопрошать Молина.

– Их не так много, причем нас интересуют только те, которые будут проходить в дружественных Советам странах.

– Почему там?

– В какой-нибудь Франции или Западной Германии Брежнева охраняют по высшему разряду, а вот в странах социализма не так тщательно, поскольку речь идет о дружественных СССР режимах. То есть, там он чувствует себя в наибольшей безопасности. Этим и надо воспользоваться.

– Как я понял, ты уже подобрал это место? – Молина перестал ковыряться ложкой в тарелке и пристально взглянул на Райнери.

Прежде, чем ответить, главный разведчик поднялся из-за стола и, подойдя к телевизору, щелкнул тумблером, выключив аппарат. Затем вернулся на свое место за столом и выложил перед своим начальником план операции:

– Самый удобный вариант – это Польша. В июле следующего года там будут отмечать 30-летие образования республики и Брежнев обязательно должен там быть. Это место удобно во всех отношениях. Во-первых, эта страна, где русских любят меньше всего в социалистическом лагере и, значит, нам будет на кого там положиться. Во-вторых, – у меня уже есть на примете один поляк из местных, имеющий давние счеты с русскими, и, наконец, в-третьих – у него будет достаточно времени, чтобы подготовиться к операции.

– Кто этот человек?

– Анджей Кравчик. Он вместе с матерью приехал в Чили в конце войны – пацану в ту пору было всего четыре года. Мать устроилась работать в местную Ассоциацию поляков секретарем. Сейчас ее уже нет в живых – она умерла от рака три года назад. Но мать в нашем деле не главный фактор. Гораздо важнее отец Анджея – офицер польской армии, погибший в Катыни весной 1940 года. Есть такое местечко в СССР, в Смоленской области, где были расстреляны несколько тысяч польских офицеров.

– Кем расстреляны – Советами?

– В том-то и дело, что сами Советы этот факт отрицают и валят все на фашистов, а вот большинство поляков уверено, что

это дело рук советских чекистов. Анджей как раз входит в число таких поляков, что нам только на руку. При таком раскладе у него есть серьезный мотив принять наше предложение и вернуться на родину, чтобы убить Брежнева.

– А он до этого бывал в Польше?

– Несколько раз – они ездили с матерью к ее брату, дяде Анджея, который живет в Праге.

– Это же столица Чехословакии? – выказал свою осведомленность Молина.

– Это другая Прага – пригород Варшавы. Весьма удобное место для того, чтобы спрятаться – тихое местечко, не в центре.

– А этот Кравчик не подведет – ты в нем уверен?

– Он спортсмен, имеет высший разряд по боксу, да еще неплохо стреляет – посещает тир. В нем явно проснулись гены его отца-офицера. И учитывая, что он всегда носит на груди медальон с фотографией отца, поскольку живым его никогда не видел, этот парень согласится поквитаться с русскими за гибель своего родителя.

Услышав эту характеристику, Молина понял, что это идеальный кандидат для такого рода операции. Впрочем, он никогда и не сомневался в организаторских способностях своего главного контрразведчика.

– Ну что же, уговорил – будем готовить этого поляка к операции. Кстати, как ее назовем?

– Я предлагаю «Сако» (по-испански это означало «мешок»).

– А что, хорошее название – заманить Брежнева в мешок и пристрелить, как бешеную собаку, предавшую идеалы социализма. Действуй, Алонсо!

30 сентября 1973 года, воскресенье, Киев, киностудия имени Довженко и Политехническая улица

Когда в просмотровом зале зажегся свет, к Оленюку повернулась режиссер Суламифь Цибульник и спросила:

– Ну, как вам понравилось увиденное?

Влас Оленюк был старшим инспектором киевского уголовного розыска, который консультировал (вместе с полковником Марченко) уже второй фильм Цибульник на криминальную тему. Первым был «Инспектор уголовного розыска», который увидел свет в прошлом году. В главной роли в нем снимался популярный московский актер Юрий Соломин, только что прославившийся ролью разведчика Павла Кольцова в сериале «Адъютант его превосходительства». Собственно, ради

этого его и пригласили в Киев – чтобы он своей популярностью вытянул эту, в общем-то, рядовую милицейскую историю. И он действительно постарался – картину в прокате посмотрели более 40 миллионов человек. Вторую часть под названием «Будни уголовного розыска» снимали уже без Соломина, но была надежда, что она «прокатится» по стране не менее успешно, чем первая часть. На это надеялась вся съемочная группа и именно об этом спрашивала инспектора утро режиссер фильма, когда они совместно посмотрели смонтированную копию, готовую к отправке в Госкино. Оленюку увиденное понравилось, поэтому с ответом он не задержался:

– Мне кажется, фильм получился интересным, Суламифь Моисеевна. Хотя одно замечание на язык все-таки просится.

– Какое? – вскинула брови режиссер.

– У вас весьма авторитетный рецидивист Хлопов в уголовной среде носит кличку «Петух». Но это нонсенс для такого рода преступника – подобные клички дают самым презираемым в колониях и тюрьмах заключенным. Так называемой низшей касте.

– Вот как? – Цибульник обвела удивленным взглядом остальных членов съемочной группы, кто сидел в просмотровом зале. – Но полковник Марченко ничего нам об этом не сказал.

– А он и не мог вам этого сказать, поскольку в первоначальном варианте сценария у Хлопова вообще не было никакой клички, – отозвался на реплику режиссера Оленюк. – Я ведь тоже читал этот сценарий и хорошо это помню.

– Значит, мы внесли эту коррективу уже по ходу съемок, – пожала плечами режиссер. – Но что, это так принципиально?

– С точки зрения правды жизни – конечно. Иначе я бы не стал вас беспокоить.

– Спасибо вам, но мы уже не сможем исправить эту ситуацию, – развела руками режиссер. – Фильм смонтирован и завтра отправится в Госкино. Я надеюсь, вы не будете столь принципиальны из-за этой «петушиной» оказии? Ведь в остальном правда жизни, я надеюсь, соблюдена?

– К остальному лично у меня претензий нет, – ответил Оленюк и широко улыбнулся, чем мгновенно разрядил обстановку.

Будучи консультантом от МВД, он мог пойти на принцип и, объединившись со своим коллегой – полковником Марченко – заблокировать выход фильма на экран до внесения в него соответствующих поправок. Но Оленюк не был педантом – он был обыкновенным земным сыщиком без какого-либо апломба.

В это время в зал вошла ассистентка режиссера и сообщила, что инспектору нужно срочно подойти к телефону – ему звонили

с Владимирской, 15, где располагался киевский уголовный розыск. И когда, спустя несколько минут Оленюк взял телефонную трубку, он услышал в ней голос своего шефа – начальника 2-го «убойного» отдела майора Петра Маринина:

– Влас, бросай свое кино и займись футболом – ты же у нас болельщик со стажем. Только что нам сообщили, что погиб массажист киевского «Динамо» Лазарь Луцкий. Он жил на Политехнической улице, 17, а это от твоей киностудии буквально рукой подать. Так что бери ноги в руки и шуруй туда. Там уже ребята с «земли» вовсю работают, а ты их проконтролируй. Потом доложишь.

– А что стряслось с этим массажистом? – поинтересовался Оленюк.

– Вроде, самоубийство – из окна выбросился. Но ты на месте все поточнее выясни. Так что не теряй времени.

И майор первым повесил трубку.

* * *

Когда Оленюк приехал на место происшествия, труп массажиста уже успели увезти в морг, а то место на асфальте, где совсем недавно лежало тело самоубийцы и алела лужа крови, было старательно присыпано песком с соседней детской площадки. Подойдя к молоденькому сержанту милиции, который стоял у подъезда и курил, Оленюк предъявил ему свое удостоверение и поинтересовался, из какой квартиры выпал несчастный. Получив ответ, он на лифте поднялся на седьмой этаж панельной девятиэтажки. И застал в квартире сразу нескольких человек в лице инспектора угро и участкового из местного отделения милиции, а также эксперта и следователя местной прокуратуры, который сидел за столом и что-то писал на стандартном листе бумаги. Эксперт снимал отпечатки пальцев с оконной рамы, а инспектор и участковый пялились в экран черно-белого телевизора «Рубин-205», который в эти минуты работал – по нему показывали музыкальный фильм «Червона рута» с участием Софии Ротару и Василия Зинкевича.

Представившись, Оленюк поинтересовался у следователя, который назвался Андреем Забелиным, о деталях случившегося.

– А вот на столе видно все, как на ладони, – ответил следователь и указал на стоявшую рядом с ним початую бутылку водки «Московская». – Покойный с какого-то горя осушил полбутылки и сиганул из окна вниз. Когда его в машину грузили, от него разило этой водярой на добрую версту.

– Странно, а закуски на столе что-то не наблюдается, – заметил Оленюк.

– Так я же говорю, что горе у него, видно, какое-то было, – вновь поднял голову от листа бумаги следователь. – А когда у человека горе, он водку пьет без закуски. У него и дверь входная была не заперта – в прострации был мужик. Даже предсмертной записки не оставил.

– Надо бы выяснить, какое такое горе у человека могло случится. Родные у него есть?

– Судя по обстановке, один он здесь обитал, – сообщил следователь.

– А на работу ему звонили? – Оленюк обратился к двум сотрудникам местного отделения милиции, которые сидели на диване и продолжали пялиться в телевизор.

– Звонили, но там к телефону никто не подходит, – взял слово инспектор угро в звании старшего лейтенанта. – Что вполне объяснимо – воскресенье на дворе.

– А съездить туда не пробовали? – поинтересовался Оленюк.

– А куда торопится, если дело ясное – обыкновенное самоубийство, – продолжал вещать инспектор. – С понедельника и начнем.

– А соседей хотя бы опросили?

– Из всех соседей только четыре человека – остальные пока на дачах, да по делам разъехались, – в разговор вступил еще один сотрудник местного отделения милиции – участковый, рыжий чуб которого торчал из-под фуражки. – Из опрошенных никто ничего не видел и не слышал. Все «Челкаша» смотрели – его по первой программе показывали. Кино и в самом деле сильное – не оторвешься.

Эту горьковскую экранизацию Оленюк тоже любил еще с детства, однако с тех пор больше ее не пересматривал – все было как-то недосуг. Вот и сегодня не получилось – сначала закрутили дела на киностудии, а теперь вот это самоубийство, будь оно неладно.

– А что с другими соседями? – продолжал пытать коллег Оленюк.

– Я же сказал, что все разъехались, – искренне удивился участковый.

– Я не про тех, что в этом подъезде, а про тех, что в соседнем – за стенкой.

– А какой с них прок? – вновь вступил в разговор инспектор угро. – Мужик хряпнул водки и сиганул в окно – что они могли видеть или слышать? Рядовое дело, товарищ капитан – карьеры на нем не сделаешь.

– Это правда – вы точно не сделаете, – кивнул головой Оленюк и вышел из квартиры.

«А ведь этот старлей прав – чего ты дергаешься, Влас? – спрашивал себя Оленюк, пока лифт спускал его вниз. – Дело не стоит выеденного яйца – обычное самоубийство. Езжай-ка ты на Владимирку и доложи обо всем шефу. Впрочем, тому ведь подробности подавай, а у меня их кот наплакал. Местным ребятам ты на фиг сдался, поэтому тебе они не помощники. Значит, придется проявлять инициативу самому».

Размышляя таким образом, Оленюк вошел в соседний подъезд и поднялся на седьмой этаж, чтобы опросить соседей, которые жили через стенку с самоубийцей.

Когда он позвонил в нужную дверь, то ему открыла интеллигентного вида пожилая женщина с копной седых волос на голове, в очках и с наброшенным на плечи пуховым платком.

– Добрый день, меня зовут Влас Оленюк, я из киевского уголовного розыска, – представился сыщик и показал женщине свое удостоверение.

– Как говорится, легки на помине, – улыбнулась женщина и тоже представилась: – Ирэна Андреевна Голомазова, пенсионерка.

После этого она пригласила гостя войти внутрь и закрыла за ним дверь. Они прошли в уютную гостиную, где хозяйка предложила гостю сесть в кресло, а сама, кутаясь в платок, уселась на диван, на котором, судя по лежавшим здесь пледу и подушке, только что спала.

– Почему вы сказали, что я легок на помине? – задал Оленюк вопрос, который вертелся у него на языке все эти несколько минут.

– Потому что я хотела сама вас вызвать, но, видимо, меня опередили, – закинув ноги на диван и укрыв их пледом, ответила женщина. – Удивляет только то, что на такие вызовы приезжают не из отделения милиции, а из уголовного розыска.

– А по какому поводу вы хотели вызвать милицию?

– По поводу скандала, который случился у меня за стенкой. Какие-то мужчины устроили настоящее побоище, из-за которого я не смогла уснуть. И мне пришлось перебраться сюда, в гостиную.

– И давно это случилось?

– Точного времени я не помню, – пожала плечами хозяйка. – Хотя постойте. Придя сюда, я сначала хотела посмотреть телевизор, а там как раз шел «Челкаш». Вот под него-то я и уснула.

– А какой эпизод шел в фильме, не помните?

– Да зачем вам это, молодой человек? – искренне удивилась женщина.

– Для установления истины, Ирэна Андреевна, – улыбнулся Оленюк. – В нашем деле каждая точная минута стоит на вес золота.

– Ну, хорошо, я постараюсь вспомнить, – и женщина на некоторое время ушла в себя.

Думала она недолго – всего пол минуты:

– Вспомнила: когда я включила телевизор, Гаврила с Челкашом собирались уходить в море. Как же бесподобен в роли Челкаша Андрей Попов!

Оленюк был полностью согласен с последними словами хозяйки и при другой ситуации с удовольствием поддержал бы эту тему. Но в данную минуту его волновало совершенно другое. Зная о том, что фильм начался в 13.30, он теперь хотя бы приблизительно представлял себе в какое время в квартире самоубийцы разгорелся скандал, приведший к трагедии.

– А в чем конкретно была причина скандала, вы не помните? – задал очередной вопрос Оленюк.

– У нас хотя и прекрасная слышимость, но все-таки не такая идеальная, как в общежитии студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца из «Двенадцати стульев». Поэтому слышала я лишь отдельные фразы. Речь шла о каких-то матчах – судя по всему, футбольных.

– Почему вы так решили?

– Потому что они спорили о мячах, о том, кто у кого выиграет и с каким счетом. Вообще, признаюсь вам честно, я футбол терпеть не могу. Это все благодаря моему покойному мужу, который был большим его любителем. Когда в 1961 году киевское «Динамо» впервые стало чемпионом, он исчез из дома на два дня – праздновал с друзьями эту победу. Вон там на стене у нас висел портрет какого-то Калевского или Копейского, который, видите ли, забил в том чемпионате больше всего голов. Сумасшедшие люди!

Женщина ошиблась – футболиста звали Виктор Каневский, он забил в том «золотом» составе «Динамо» больше всех мячей – 18. Однако поправлять хозяйку Оленюк не стал, опасаясь увести ее от нужной темы в разговоре. Вместо этого он спросил:

– А вы не можете вспомнить какие-то детали скандала за стеной: сколько человек скандалили, были ли угрозы друг другу и так далее?

– Судя по голосам, их было двое. Сначала они разговаривали на повышенных тонах. Один другому говорил, что он кого-то подвел, что результаты какого-то матча не сошлись. А тот ему отвечал, что с него хватит – он выходит из какой-то игры. Я не выдержала и хотела позвонить в милицию. Но когда я выходила

из комнаты, крики внезапно стихли, и я передумала вызывать ваших коллег. Но назад уже не вернулась – включила здесь телевизор и легла на диван. Потом уснула и проспала вплоть до вашего прихода.

Задав женщине еще несколько вопросов, Оленюк вежливо распрощался и вернулся в квартиру, где произошла трагедия. К тому времени там находились лишь двое – следователь прокуратуры и участковый. Именно его Оленюк и отправил к Ирэне Андреевне, чтобы тот запротоколировал ее показания.

– Значит, к версии о самоубийстве прибавилась еще и версия об убийстве, – закуривая сигарету, резюмировал следователь.

– Выходит, что так, – открывая дверцы платяного шкафа, стоявшего в углу комнаты, ответил Оленюк.

– Там ничего интересного нет – мы уже смотрели, – предупредил сыщика его коллега.

И все же Оленюк еще раз проверил все карманы у висевшей на вешалках одежды покойного и, действительно, ничего там не нашел. После чего он подошел к книжному шкафу, стоявшему в противоположном углу.

– А здесь смотрели? – спросил он у следователя.

Тот, пуская дым в потолок, лишь пожал плечами.

Тогда Оленюк стал брать с полки книги одну за другой и внимательно их листать. Книги были в основном художественные – собрание сочинений советской и зарубежной классики. Причем все шло вперемешку – Шолохов соседствовал с Сервантесом, а Катаев с Шекспиром. В томике последнего Оленюк и нашел то, что могло представлять интерес для следствия. Эта книга являла из себя ничто иное, как ловко оборудованную потайную коробку. Для этого в середине книги все страницы были аккуратно вырезаны бритвой таким образом, что создавалось свободное место с тайником. В нем лежали какие-то бумажные купоны, на которых с одной стороны стояли цифры, а на другой – дата и круглая печать с буквой «Т» посередине.

– Что за тайнопись? – спросил следователь, заглянувший через плечо Оленюка.

– Пока трудно сказать что-то определенное, – пожал плечами сыщик. – Но в тайнике они хранятся явно не случайно. Так что будем приобщать их к делу.

1 октября 1973 года, понедельник, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР.

Зампред КГБ Армении Грайр Михаелян сидел в кресле и,

внимательно слушая доклад начальника 2-го отдела контрразведки, мысленно перенесся на девятнадцать лет назад – в октябрь 1954 года. Он тогда только что вернулся из Австрии, где в течении трех лет работал в советской части Союзной контрольной комиссии. Затем его отозвали на родину и назначили в КГБ Армении. На тот момент там шла чистка кадров – старых служак из «бериевского призыва» отправляли на пенсию (а некоторых в тюрьму) и на их место приглашали новых сотрудников-армян, желательно из других регионов. Например, новым шефом армянской Чека стал Георгий Бадамянц, который до этого четыре года работал в литовском КГБ. Что касается Михаеляна, то он до своей работы в Австрии трудился в туркменском КГБ, поскольку родился в Ашхабаде.

Спустя несколько месяцев после своего возвращения на родину, Михаелян отправился в Москву, но вовсе не по служебной необходимости. Он приехал в столицу, чтобы посетить на стадионе «Динамо» в Петровском парке финал футбольного Кубка СССР.

Ретроспекция. 20 октября 1954 года, среда, Москва, стадион «Динамо», Финал Кубка СССР, матч «Спартак» (Ереван) – «Динамо» (Киев)

Вся Армения тогда следила за этим поединком. Дело в том, что, созданная в 1935 году команда ереванского «Спартака» (в 1963 году ее переименуют в «Арарат»), в 1951 году вылетела из высшей лиги в низшую – в класс «Б». Однако в 1954 году внезапно совершила настоящее чудо – дошла до финала Кубка СССР, в розыгрыше которого в тот год приняли участие около… 17 000 (!) команд. Причем в группе, где играли ереванцы, все пять представителей класса «А» выбыли после 1/8 финала. И в Кубке случилось доселе невиданное событие: из восьми четвертьфиналистов пять представляли класс «Б». Лучшим среди них оказался ереванский «Спартак». В финальной стадии (с 1/64) ереванцы сумели поочередно обыграть: команду из Кировокана, алма-атинский «Локомотив», «Шахтер» (Мосбасс), минский «Спартак», «Шахтер» из Сталино, а в полуфинале разгромили со счетом 4:0 «Металлург» из Днепропетровска. И в итоге вышли на киевское «Динамо». Таким образом, впервые за всю историю 15 розыгрышей Кубка в финальном состязании не участвовала ни одна московская команда. Только раз – в 1944 году – полуметровая хрустальная ваза с фигуркой футболиста на серебряной крышке была увезена из столицы ленинградской

командой «Зенит».

В составе киевлян тогда блистали такие игроки, как вратарь Макаров, защитники Ларионов, Голубев, Попович, полузащитники Михалина, Кольцов, нападающие Богданович, Терентьев, Зазроев, Коман, Фомин. Звездным был состав и у ереванцев, где играли: вратарь Затикян, защитники Папоян, Поладян, Семерджян, полузащитники Осатрян, Э. Варданян, нападающие Караджян, К. Варданян, Кегеян, Меркулов, Абрамян. Тренировал ереванцев Гайк Андриасян, который до войны играл за московский «Локомотив».

Самым титулованным футболистом у ереванцев был Арутюн Кегеян, который в 1960 году первым из армянских футболистов удостоится звания заслуженного мастера спорта по футболу. В 1955 году, после кубкового финала, его пригласят играть за московский «Спартак», правда, ненадолго – он отыграет там всего и матчей (забьет четыре гола, станет серебряным призером чемпионата СССР) и вернется в ереванский «Спартак».

Кубковый финал 1954 года проходил в присутствии 65 тысяч зрителей. Правда, погода в тот день подвела – был сильный туман и дождь. Но Михаеляну повезло – он сидел на Северной трибуне в непосредственной близости от поля – в десятом ряду. Поэтому видел многое из того, что происходило на поле.

Игра, как и ожидалось, выдалась на редкость напряженной. А первую атаку в ней провели ереванцы, но киевляне быстро отбили ее и организовали свое наступление. Их нападающий Зазроев произвел первый удар по воротам, но вратарь ереванской команды Затикян был на месте. Кстати, в ходе кубковых игр в ворота, которые защищал Затикян, до этого не было забито ни одного мяча. Это был своего рода рекорд, который вселял в болельщиков ереванского «Спартака» надежду, что и в этом матче ворота их команды останутся в неприкосновенности. Но этого не случилось. На 35-й минуте защитник ереванцев Папоян увлекся атакой, которая захлебнулась. Киевляне прорвались по левому флангу и последовала точная передача в центр Терентьеву. От его ноги первый мяч и влетел в ворота Затикяна.

Во втором тайме туман над полем несколько рассеялся и зрителям стало легче наблюдать весь ход напряженной игры. Воспользовались этим обстоятельством и ереванцы. На 50-й минуте они организовали очередную атаку и их нападающий Меркулов из-под ноги центрального защитника Голубева неожиданно и сильно направляет мяч под перекладину ворот. Счет стал 1:1. После этого ереванцы за короткий отрезок времени провели еще две острейшие атаки, которые, завершись они взятием ворот, могли решить исход этого поединка. В первом

случае Кегеян вышел один на один с вратарем, обыграл его и послал мяч в пустые ворота. Но в последнюю секунду один из динамовских защитников успевает занять место вратаря и грудью отбивает мяч. Во втором случае гол едва не забил К. Варданян, но мяч после его удара угодил в штангу.

Две эти неудачи сбили атакующий настрой у ереванцев, чем немедленно воспользовались их соперники. Тем более, что они были более опытными, чем их визави и смогли сохранить силы на концовку игры. За 20 минут до конца встречи динамовцы разыграли исключительно четкую комбинацию. От Фомина мяч перешел к Виньковатову (заменившему Терентьева), после чего последовала подача в центр свободному Коману, которого не зря киевские болельщики прозвали «хитрым Мишкой» – он всегда старался не просто забить очередной гол, а обязательно с какой-нибудь «подковыркой». Вот и в этот раз он не изменил себе. Получив мяч, Коман вышел один на один с вратарем ереванцев Затикяном. В подобных случаях игрок обычно не мудрствует лукаво и посылает мяч в незащищенный угол. Но Коман поступил по-своему. Он решил поиграть с вратарем, благо время у него было – ереванские защитники оказались далеко позади. Поэтому Коман сделал ложный замах, делая вид, что пробьет в угол. Затикян остановился. Наступила напряженная тишина. Разом умолкли трибуны, застыли на своих местах игроки. За эти несколько секунд Коман еще несколько раз «якобы бил», и столько же раз Затикян реагировал на мнимые удары. Наконец голкипер не выдержал – он рванулся вперед, чтобы перехватить мяч, а хитрый Коман… спокойно перебросил его через вратаря в сетку ворот. Этот гол стал решающим и принес победу киевлянам, которые впервые в своей истории стали обладателями Кубка СССР.

1 октября 1973 года, понедельник, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР и база команды «Арарат» в Дзорахпюре

Вспоминая перипетии того матча, Михаелян мысленно удивлялся превратностям судьбы, которая вновь свела его с киевским «Динамо», где Михаил Коман теперь был вторым тренером. Только теперь Михаелян выступал уже не в качестве рядового зрителя, а в роли возможного участника сложной интриги, связанной с договорными играми.

По словам начальника контрразведывательного отдела, их источник из Киева – служащий гостиницы «Москва» – сообщил, что на днях в столице Украины игрался очередной матч

чемпионата СССР по футболу между киевскими динамовцами и донецким «Шахтером». По словам источника, победа киевлян в этой игре была результатом сговора между этими командами. Причем сговор произошел по прямому указанию одного из секретарей ЦК КП Украины, имевшего непосредственный выход на хозяина тех краев – Владимира Щербицкого. Собственно, тот факт, что киевлянам протежирует этот всесильный человек, не было ни для кого секретом, в том числе и в Армении. Просто в этом сезоне ереванский «Арарат» уверенно шел к тому, чтобы стать чемпионом страны и любое постороннее вмешательство в этот процесс вызывало законное чувство возмущения в армянских властных коридорах. Ведь в двух последних сезонах «Арарат» сильно прибавил и занял самые высокие места в своей карьере: 2-е в 1970-м и 4-е в 1972-м. Причем в сезоне-70 его главным конкурентом были все те же киевские динамовцы, но тогда им удалось намного опередить ереванцев (на 7 очков) и поэтому на победу в том чемпионате в Ереване мало кто надеялся. Иное дело было теперь, в 1973 году. Здесь в течение 12 туров в лидерах побывало семь команд (почти половина участников первенства). И разрыв между первым и десятый местом составлял всего три очка. Но ближе к началу второго круга «Арарат» стал единоличным лидером первенства, оторвавшись от киевлян на 5 очков (22 против 17). Вот тогда вся Армения и всколыхнулась – поверила, что в этом году ее команда может стать чемпионом. И в армянских верхах, начиная от ЦК и заканчивая Спорткомитетом и даже КГБ, прошел ряд совещаний, где была дана установка: помочь «Арарату» преодолеть сопротивление различных вышестоящих союзных структур, которые мечтали увидеть на высшей ступеньке пьедестала почета свои команды, а не клуб из Армении. И главным противником ереванцев в этом деле были украинские структуры, за которыми стояла личность Владимира Щербицкого – хозяина Украины и члена Политбюро.

Сообщение, которое пришло от агента из киевской гостиницы «Москва», ясно указывало на то, что на финише турнира (а до него оставалось чуть больше месяца) кураторы киевского «Динамо» решили форсировать события – обязать украинские команды безропотно отдавать киевлянам не половину, а все их очки (то есть, о ничьих речи даже не шло). И это было вполне объяснимо, учитывая, что на конец сентября ереванцы обгоняли киевлян всего лишь на одно очко (32 против 31). И учитывая, что на финише сезона по воле составителей календаря киевляне играли две игры со своими земляками (с дончанами и львовянами), можно было смело предположить, что четыре очка они уже в свой «загашник» заранее положили. У ереванцев такой

очковой уверенности не было, хотя возможности для сговора с отдельными соперниками все же были.

Отпустив начальника отдела, Михаелян дал команду своему секретарю вызвать к служебным дверям комитетского здания служебную «Волгу» и отправился на тренировочную базу «Арарата» в Дзорахпюре, рядом с городом-спутником Еревана Абовяном. И, пока ехал, прикидывал в уме возможный план действий в сложившейся ситуации. Этот план строился в основном на взаимоотношениях с председателем КГБ Армении Аркадием Рогозиным, который был пришлым человеком. В КГБ он начал служить чуть раньше Михаеляна – в 1950-м – и за два десятка лет дослужился до должности главного кадровика КГБ СССР. Именно с Лубянки его в ноябре 1972 года и прислали в Ереван, чтобы он почистил «авгиевы конюшни», которые создал здесь прежний глава армянского КГБ Георгий Бадамянц, прослуживший на своем посту целых 18 лет. Однако чистка проходила с трудом, поскольку старая чекистская гвардия, в которую входил и Михаелян, не собиралась сдаваться без боя. В итоге в КГБ Армении сложилось две группировки: рогозинская и михаеляновская. Партийный вождь Армении Антон Кочинян метался между ними обеими, опасаясь, что в любой момент его могут попросту свергнуть с его поста: либо свои же (армяне), либо московские. И в апреле 1973 года такая попытка едва не осуществилась – персека едва не «подсидел» 2-й секретарь ЦК Георгий Тер-Газарянц (кстати, только в Армении эту должность занимал коренной житель – во всех остальных республиках это были пришлые люди, в основном русские). Однако Москва в этом споре встала на сторону Кочиняна и отправила бунтаря подальше от Армении – послом в Сенегал. А на его место прислала своего человека – русского Павла Анисимова (с 1968 года он работал в аппарате ЦК КПСС), который усилил позиции Рогозина. После этого Михаеляну и его людям приходилось действовать еще более осторожно, чтобы не дать лишний повод своим оппонентам поймать их на любой мелочи. И нынешняя коллизия с «Араратом» была из этого же ряда. Помогая своей команде выиграть чемпионат, Михаелян рисковал навлечь на себя гнев рогозинцев, которые могли весьма привратно истолковать попытку насолить члену Политбюро и близкому другу Брежнева – Щербицкому. Однако поступить иначе Михаелян не мог – он ведь был не меньшим патриотом своей родины, чем тот же Щербицкий своей Украины.

Когда Михаелян приехал на базу, футболисты «Арарата» проводили плановую тренировку. Через неделю им предстоял выезд в Москву на очередную игру – против столичных

динамовцев, которые занимали третью строчку в турнирной таблице, отставая от ереванцев на пять очков (27 против 32). Тренировку проводил тренер Оганес Абрамян, а главный тренер Никита Симонян в это время был у себя в кабинете в служебном корпусе, решая насущные дела с начальником команды Робертом Цагикяном. Эта ситуация устраивала Михаеляна, который рассчитывал переговорить с Симоняном вдали от глаз всей команды.

Когда он вошел в кабинет, тренер и начальник встретили его такими недоуменными взглядами, что гость невольно рассмеялся.

– Что, не ждали? – спросил чекист с порога и первым протянул руку для приветствия.

Усевшись на стул напротив тренерского стола, Михаелян без всяких предисловий сообщил:

– Мы получили информацию, что «Шахтер» сдал матч киевлянам по звонку свыше. Это значит, что и в других оставшихся играх киевлян может происходить та же самая история.

Услышав эту новость, Симонян и Цагикян переглянулись, после чего тренер спросил:

– Это проверенная информация?

– Проверенней не бывает – этот источник нас еще никогда не подводил. Это, во-первых. А во-вторых, Никита, почему ты сомневаешься в подобного рода информации, да еще в конце сезона?

– Я ни в чем не сомневаюсь, – ответил Симонян. – Просто в начале второго тура председатель нашего спорткомитета имел беседу со своим коллегой с Украины и тот заверил его, что конец сезона будет честным. Видимо, правила поменялись?

– Причем здесь правила, если в Украине все решает не председатель их спорткомитета, а совсем другой человек. И он вовсе не хочет, чтобы второй год подряд его команда лишилась золотых медалей. Как мы помним, в прошлом году дорогу киевлянам перебежали ворошиловградцы, а в этом году в этой роли выступаем мы.

– И что вы предлагаете, Грайр Ованесович? – вступил в разговор начальник команды.

– Использовать против киевлян их же методы.

– Я категорически против! – резко возразил Симонян. – Надо попытаться найти другие способы.

– Какие, Никита? – в голосе чекиста явно слышались скептические нотки. – Вся республика ждет от вас победы, а ее у вас могут отобрать.

– Пусть отбирают, но мы проиграем честно, – был

непреклонен тренер.

– Эти слова хороши в устах романтичного юноши, но не умудренного жизненным опытом мужчины, – усмехнулся Михаелян. – Ты понимаешь, что сейчас на кону? Престиж нашей республики! К тому же не забывай, что в этом году будет круглый юбилей – 10 лет с того момента, как ереванский «Спартак» стал «Араратом». Вспомни, какое золотое это было время и как было бы здорово отметить его чемпионством.

Симонян, конечно же, прекрасно помнил тот год, хотя и жил в Москве. Но он же был армянином! Когда «Спартак» переименовали в «Арарат», этому радовалась вся Армения. Ведь у армянской команды наконец-то появилось армянское название. И какое! В честь священной горы Арарат, территория которой в 1921 году была передана Турции по Московскому договору, но от этого не перестала считаться национальным достоянием Армении. То есть, в этом переименовании команды была еще и политическая составляющая. Вот почему в том году возникла особая мода – новорожденным армянским мальчикам стали массово давать имя Арарат.

– Вот и получается, что противник ведет против нас подковерную борьбу, а ты предлагаешь закрыть на это глаза? – продолжал вопрошать Михаелян.

– Друзья мои, давайте не будем ссориться, – вмешался в этот спор Цагикян. – Наши враги будут только рады тому, что мы не можем найти общий язык друг с другом.

Эти слова сделали свое дело – спорщики успокоились. И Цагикян продолжил:

– Давайте попробуем рассуждать логически. Как я понимаю, если противная сторона включила административные рычаги, шансы на победу у нас остаются, но их очень мало. До конца чемпионата осталось всего пять туров, причем мы играем у себя дома трижды, а киевляне только один раз. Судя по всему, именно это и подстегивает их покровителей к тому, чтобы форсировать события и гарантированно обеспечить их команде получение очков. Но глупо надеяться на то, что все команды согласятся под них лечь.

– Ты можешь точно сказать, кто согласится? – спросил Михаелян.

Прежде чем ответить, Цагикян встал со своего места и подошел к шкафу со стеклянными дверцами, который стоял в углу. Открыв его, он извлек на свет книжицу – это был футбольный календарь-справочник – и, вернувшись на место, открыл его на нужной странице.

– Киев играет у себя дома против «Зенита», а на выезде –

против ЦСКА, «Карпат», «Кайрата» и «Пахтакора», – объявил Цагикян, держа перед глазами справочник. – Можно с большой долей уверенности сказать, что «Карпаты» им два очка подарят по той же схеме, что и «Шахтер».

– Но они же в зоне вылета, – напомнил начальнику команды турнирную таблицу Симонян.

– Это мало что значит, если на кону судьба золотых медалей для команды республиканского уровня, – ответил Цагикян и тут же спросил: – Или ты не согласен?

Вместо ответа Симонян опустил очи долу, что означало – со словами начальника команды он солидарен. После чего Цагикян продолжил свои размышления:

– Остальные три команды тоже вполне могут лечь под киевлян, учитывая тот факт, что вылет из высшей лиги им не грозит.

– А какая картина с нашими играми? – поинтересовался Михаелян.

– У нас две игры на выезде – против ЦСКА и «Шахтера», – сообщил Цагикян. – Армейцы вряд ли будут сильно сопротивляться по причине, о которой я уже говорил – очки им особо не нужны. А вот «Шахтер» может оказаться крепким орешком, которого по тому же звонку из тех же высоких сфер обяжут отобрать у нас очки. Что касается наших домашних игр, то там нам будут противостоять московские и минские динамовцы, а также ленинградский «Зенит». Две последние команды нам не соперники, а вот москвичи идут на третьем месте и сдаваться точно не будут.

– Получается, что у киевлян больше шансов стать чемпионами, чем у нас, – подвел итог этих размышлений Михаелян.

– Получается, что так, – закрывая книжицу, согласился с этим мнением Цагикян. – Слишком маленькая фора у нас – всего лишь одно очко. Достаточно проиграть одну игру и мы откатимся на второе место.

– Серебро тоже не плохой результат, – заметил Симонян.

– Но золото, согласись, лучше, – тут же отреагировал на эту реплику Михаелян. – Поэтому сидеть сложа руки мы не будем. Тем более зная, что наши противники действуют решительно. Какая игра у киевлян следующая?

Вопрос был задан Цагикяну, который, заглянув в справочник, ответил:

– С ЦСКА 7 октября в Москве.

– Так это же за три дня до вашего финала в Кубке СССР? – удивился Михаелян.

– Вот именно, – подтвердил эти слова Цагикян. – Поэтому можно со стопроцентной уверенностью сказать, что киевляне захотят купить у армейцев победу или хотя бы ничью, чтобы не тратить силы перед финалом Кубка.

– Значит, с армейцев и надо начинать, – сказал гость и поднялся со стула. – Объяснять вам ничего не буду, но пообещать могу: постараюсь сделать так, чтобы армейцы сражались с киевлянами так, как это будете делать вы в финальном матче на Кубок СССР. До свидания!

Спустя час Михаелян был уже в своем кабинете в здание КГБ на улице Налбандяна и тут же вызвал к себе начальника военной контрразведки Саркиса Бадаляна, с которым был знаком более десяти лет.

– У тебя ведь хорошие отношения с Мельниковым? – спросил он у контрразведчика, едва тот вошел в кабинет.

Имелся в виду командующий Закавказским военным округом Павел Мельников.

– Пока не жалуюсь, – улыбнулся в ответ Бадалян.

– Он ведь у нас за ЦСКА болеет?

– Еще как – настоящий фанат.

– Как думаешь, если он узнает, что его команда собралась сыграть в поддавки с киевлянами, он расстроится?

– Конечно, учитывая, что он их недолюбливает. А в чем дело?

– Надо сделать так, чтобы он узнал о том, что свой следующий матч в Москве против киевлян ЦСКА собирается отдать без боя. Сможешь это организовать?

– Почему нет – могу. Только что это даст?

– Я рассчитываю, что он позвонит министру Гречко, ну а тот… сам понимаешь.

– Не позвонит, а лично передаст. Когда будет эта игра?

– Седьмого октября.

– Мельников как раз в эти дни улетит в Москву. У Гречко с 11 октября официальный визит в Польшу, поэтому накануне отъезда он собирает совещание командующих округов.

– Ну, вот видишь, Саркис, фортуна сама идет к нам в руки, – улыбнулся Михаелян и первым протянул контрразведчику на прощание свою ладонь.

1 октября 1973 года, понедельник, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Первый заместитель председателя Спорткомитета СССР Глеб Смородин торопился к своему шефу и предвкушал весьма интригующий разговор, который должен был коснуться концовки чемпионата Союза по футболу. И так было всегда с тех пор, как шесть лет назад Смородин был назначен на свою должность. Именно в концовке чемпионата определялась судьба как лидеров турнира, так и его аутсайдеров. Причем происходило это не только на поле, но и в тиши высоких кабинетов. Ведь футбол в стране был не только любимой забавой для миллионов простых граждан, но и инструментом в руках политиков, которые с его помощью решали вопросы государственной важности. И очень часто судьба первых и последних мест чемпионата определялась, исходя из политической целесообразности. Например, в тот год, когда Смородин стал первым замом, ему пришлось решать весьма серьезную задачу – не допустить вылета из высшей лиги ленинградского «Зенита». Он тогда должен был вылететь вполне справедливо – из-за плохой игры, но в дело вмешалась большая политика. Это был год 50-летия Великого Октября, а Ленинград был городом трех революций. Поэтому допустить такого позора в юбилейный год было нельзя, о чем прямым текстом и было заявлено на Старой площади главе Спорткомитета СССР, а тот довел эту директиву до Смородина. И тому пришлось эту коллизию срочно решать. Выход был найден весьма оригинальный. Было объявлено, что в следующем году число участников будущего чемпионата СССР увеличивается на одну команду (с 19 до 20) и поэтому в юбилейном году все клубы высшей лиги сохраняют за собой право в ней остаться. Естественно, всем футбольным болельщикам была понятна причина этой новации, но оспорить ее было невозможно – приказ исходил с самого верха.

Между тем это была не последняя новация подобного рода. Например, в бытность руководителем страны Никиты Хрущева, который к спорту был равнодушен, горькую долю аутсайдеров футбольного первенства могли вкусить любые команды – как республиканские, так и областные. Например, в первой половине 60-х высшую лигу покинули (причем навсегда) все прибалтийские команды (рижская «Даугава», вильнюсский «Жальгирис» и таллинский «Калев»), а также кишиневская «Молдова». Но с 1965 года, когда к власти пришел Леонид Брежнев, который слыл

ярым болельщиком (при этом особое предпочтение он отдавал футболу и хоккею), в Спорткомитет была спущена негласная директива о том, что вылететь из высшей лиги могли в основном команды областного значения, а если это происходило с республиканской командой, то ей было гарантировано скорое возвращение в высший дивизион. Таким образом Брежнев налаживал контакты с республиками, где футбол был любимым развлечением руководства. Впрочем, когда у генсека появлялась мысль приструнить кого-то из глав республик за его чрезмерную строптивость или нерасторопность, то в качестве наказания могла быть выбрана «футбольная» мера – ссылка республиканской команды в первую лигу. Так Брежнев демонстрировал, «кто в доме хозяин». В итоге в 1968 году из высшей лиги вылетела азербайджанская команда «Динамо» (Кировабад; но остался бакинский «Нефтчи»), в 1971-м – ташкентский «Пахтакор», в 1972-м – бакинский «Нефтчи». Иногда на перевоспитание в низший дивизион отправлялись и московские команды, поскольку в столице СССР была не одна команда, а целых пять – отсутствие одной из них никак не сказывалось на представительстве этого региона в высшей лиге. К тому же вылетала в основном одна и та же команда, у которой не было сильного покровителя наверху – «Локомотив» (в 1969-м и 1972 годах). А так из высшего дивизиона обычно выбывали команды областного уровня, вроде куйбышевских «Крыльев Советов» и одесского СКА (в 1966-м), кутаисское «Торпедо» (в 1968-м; вместо нее Грузию представлял куда более именитый клуб – тбилисское «Динамо»), куйбышевские «Крылья Советов» и свердловский «Уралмаш» (в 1969-м), кутаисское «Торпедо» и орджоникидзевский «Спартак» (в 1970-м), донецкий «Шахтер» (в 1971-м; вместо него Украину представляли сразу три клуба).

В сезоне 1973 года в опасной близости от вылета оказалась команда «Динамо» из Минска – единственный представитель Белоруссии в высшей лиге. Она выступала в высшей лиге с 1960 года сначала под названием «Беларусь» и быстро добилась успехов – уже через три года заняла 3-е место. А в 1965 и 1967 годах взошла на четвертую ступеньку пьедестала. Короче, сильная была команда, которую пестовало республиканское руководство в лице 1-го и 2-го секретарей ЦК КП БССР Кирилла Мазурова и Петра Машерова. В 1965 году Мазурова отозвали в Москву на повышение – ввели в Политбюро и сделали 1-м замом председателя Совета Министров СССР, а Машеров вместо него возглавил Белоруссию, продолжая курировать и минское «Динамо». Однако дела у команды пошли хуже – она скатилась в разряд середняков. Но вопроса о ее вылете в низший дивизион

никогда не стояло. Так, в 1970 году команда заняла 9-е место, в 1971-м – 11-е, в 1972-м – 8-е. Но в 1973 году она к последним турам откатилась на 14-е место и имела все шансы оказаться в первой лиге. В этой же опасной зоне находилась еще одна республиканская команда – ташкентский «Пахтакор». Но с ней ситуация благополучно разрешилась в сентябре, когда Брежнев был с официальным визитом в Узбекистане, где наградил республику Орденом Дружбы народов. После таких поездок и высоких наград обычно считалось нехорошим тоном платить принимающей стороне неблагодарностью – не помочь ее команде остаться в высшей лиге, если та была в шаге от вылета. Поэтому о судьбе «Пахтакора» у Смородина голова не болела. А вот с минским «Динамо» ситуация была неясной. Именно для этого сегодня утром его шеф – председатель Спорткомитета – и отправился на Старую площадь, в отдел культуры ЦК КПСС, где был сектор спорта, решавший подобные вопросы.

Когда Смородин вошел в кабинет шефа, тот разговаривал с кем-то по телефону. Но едва председатель увидел своего зама, он тут же закончил разговор и предложил пришедшему присесть на стул напротив себя.

– Глеб Андреевич, ситуация серьезная – минчан сохранять не будем, – сообщил хозяин кабинета, сурово насупив брови.

Это сообщение повергло Смородина в легкий шок, но он, будучи опытным царедворцем, даже не показал вида. И, сохраняя на лице невозмутимость, спросил:

– А кого будем?

– Наших земляков торпедовцев и львовские «Карпаты».

– А последних с какого перепугу? – вырвался у Смородина вопрос, который не был случайным.

«Карпаты» еще в прошлом году должны были вылететь из высшей лиги, но украинские власти надавили на Москву, пользуясь тем, что сразу две их команды вышли в лидеры первенства – луганская «Заря» (1-е место) и киевское «Динамо» (2-е место). А тут еще за год до этого руководителем отдела футбола в Спорткомитете СССР был назначен ворошиловградский выдвиженец Леонард Земченко. За его выдвижением стоял член Политбюро и 1-й зампред Совета Министров СССР Дмитрий Полянский – уроженец Луганска (нынешнего Ворошиловграда). Используя все эти факторы, украинцы и добились того, чтобы «Карпаты» остались в высшей лиге. Но тогда им было заявлено, что в следующем году, если их команда вновь угодит в зону вылета, то никаких поблажек для нее делаться не будет. И вдруг такой разворот на 180 градусов – львовян снова решено оставить в высшем дивизионе.

– Этот перепуг выяснился только что, – после небольшой паузы ответил своему заму председатель. – На днях во Львове поменяют хозяина – вместо Куцевола поставят Добрика. А тот, к вашему сведению, приятель Самого.

Под последним скрывался генсек Леонид Брежнев. Уроженец города Днепродзержинска, он тянул наверх всех своих земляков, вроде Виктора Добрика, с которым они были знакомы с молодых лет: когда Брежнев занимал должность секретаря парткома на заводе в Днепродзержинске, Добрик был у него комсоргом. В 1950 году он окончил Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта и стал работать на стройках в Днепропетровской области. А затем, по протекции все того же Леонида Ильича, перешел на партийную работу. В 1963–1969 годах он занимал должность первого секретаря Днепродзержинского горкома КП Украины. Естественно, назначив своего приятеля главным во Львов, генсек не мог позволить себе отправить его футбольную команду в низший дивизион. Ведь, встречаясь на матчах, можно было решать проблемы самых разных масштабов – от республиканских до общесоюзных.

– Ну, что вы на меня так смотрите? – поймав на себе взгляд своего заместителя, спросил председатель.

– А как мне на вас смотреть, если каких-нибудь пять лет назад вот в этом же кабинете мы обсуждали вопрос по тем же «Карпатам», причем решили его уже не в их пользу.

– В таких случаях французы обычно говорят «се ля ви», – развел руками председатель.

Смородин имел в виду историю ноября 1968 года, когда «Карпаты» боролись за выход из первой лиги в высшую и вполне могли это сделать. Но для этого в финале, который состоялся 28 ноября в Сочи, им надо было пройти свердловский «Уралмаш», который опережал их на одно очко. Но случилась ничья 1:1, причем рукотворная – ее задумали именно здесь, в Спорткомитете. Дело в том, что руководство Свердловского обкома, который тогда возглавлял Константин Николаев, вышло на члена Политбюро Андрея Кириленко. Он хоть и был уроженцем Днепропетровска, но семь лет (1955–1962) проработал 1-м секретарем Свердловского обкома. В этом кресле его сменил как раз Николаев (до этого он 14 лет возглавлял местный облисполком), при котором область продолжила свою победную поступь – она значилась в передовых и успешно развивалась. Николаев инициировал и организовал строительство новых цехов на крупных предприятиях области – НТМК, Ураласбесте, Уралхиммаше, Качканарском ГОКе. Область явно шла на то, чтобы получить второй орден Ленина (первой такой награды она

удостоилась в 1959 году). Поэтому выход местной футбольной команды в высшую лигу (причем впервые) тоже рассматривался, как продолжение этой же победной поступи.

В итоге на самом верху было решено эту просьбу свердловчан удовлетворить. Тем более, что в высшей лиге уже играло четыре украинские команды, поэтому непопадание туда «Карпат» не было смертельным. Учитывалось также и то, что уралмашевцев возглавлял московский тренер Виктор Марьенко – бывший игрок донецкого «Шахтера» (1950–1953), который затем играл в московском «Торпедо» (1954–1959), а потом стал его тренером и даже начальником команды (1964–1966), сделавшим ее чемпионом СССР (1965).

В том финальном матче в Сочи «Карпаты» должна была остановить судейская бригада, «заряженная» из Москвы. А конкретно все решил боковой лайсмен Еуген Хярмс из Эстонии. К концу матча львовяне вели по (мяч забил Броварский) и явно собирались сохранить этот результат до финального свистка. Однако затем Хярмс специально не заметил офсайда у нападающего свердловчан Епишина, который вышел один на один с вратарем «Карпат» Луполом и сравнял счет. После этой ничьей в высшую лигу вышел «Уралмаш», а львовский клуб остался за бортом. Теперь, пять лет спустя, в точно такой же ситуации должны были оказаться динамовцы из Минска. Но с ними возникала куда более серьезная дилемма: в обиженных оставался лидер республиканского значения – глава Белоруссии Петр Машеров. Именно об этом и был следующий вопрос Смородина – о нелепости ситуации, когда областная команда перебегает дорогу республиканской. Но ответ председателя расставил все по местам:

– Машеров опять чем-то не угодил, поэтому его команду и решено сплавить.

Между тем председатель прекрасно знал причину этого недовольства Машеровым, но предпочел ее не озвучивать. Все упиралось в начавшуюся несколько месяцев назад кампанию по возвеличиванию личности Брежнева. Сусловский идеологический аппарат разослал в республики соответствующие инструкции, которые были восприняты с пониманием практически везде, за исключением Белоруссии, где удивились этой разнарядке. И на очередном заседании Политбюро Машеров вслух высказал свое недоумение: дескать, только что мы избавились от культа «дорогого Никиты Сергеевича», как вдруг на нас надвигается новый. Брежнев тогда ничего ему не ответил, но, судя по всему, эти слова запомнил. А поскольку у Машерова в Политбюро и без этого хватало недоброжелателей (в основном это были украинцы,

вроде Подгорного, Полянского и Щербицкого), то судьба опекаемого им минского «Динамо» была тут же решена не в лучшую для него сторону.

– Так что формируй бригаду судей и начинай прикидывать ее маршрут, – продолжал свою речь председатель.

Речь шла о судьях из числа особо доверенных, которые должны были обеспечить «нужный» результат в ключевых матчах, где решалась судьба тех команд, которые находились в зоне вылета.

– Минчане с кем у нас играют в последних турах? – поинтересовался председатель.

– С «Пахтакором», «Кайратом», «Араратом», «Карпатами» и «Днепром».

– Домашних матчей сколько?

– С узбеками и казахами они играют у себя, с Ереваном и Львовом на выезде, а «Днепр» снова принимают дома.

– Полагаю, что Ереван с ними и без нашей помощи справится, а вот Львову надо помочь. Таким образом, без четырех очков они вряд ли имеют шансы выбраться из ямы.

Смородин не стал спорить с этими словами, поскольку был полностью с ними согласен. Однако в душе ему было жаль минчан и их покровителя. Среди большинства республиканских руководителей Петр Машеров слыл самым добросердечным и порядочным. Но жизнь диктовала свои подходы, нарушить которые Смородин был не в состоянии. В противном случае он бы просто не работал на своем месте.

1 октября 1973 года, понедельник, Киев, Владимирская улица, 15, и Конча-Заспа, база футбольного клуба «Динамо» (Киев)

Влас Оленюк вышел из здания ГУВД на Владимирской улице и поймал такси. Ему предстояло ехать в юго-восточную часть Киева, в Конча-Заспу, где располагалась тренировочная база киевского «Динамо». Сыщик никогда ранее там не бывал, хотя, как и любой киевлянин, а тем более болельщик местного «Динамо», был достаточно наслышан об этом месте. Это был один из живописнейших уголков столицы Украины на правом берегу Днепра и появление там футбольной базы не было случайным. Когда в 1961 году киевское «Динамо» впервые стало чемпионом СССР, украинское руководство решило отблагодарить команду по высшему разряду и построило в Конча-Заспе целый тренировочный комплекс, в который входило комфортабельное двухэтажное здание с административной и жилой частями, а

также небольшой стадион для тренировок.

Глядя на мелькающие за окном «Волги» киевские пейзажи, Оленюк мысленно перебирал в памяти детали своего разговора с шефом – начальником «убойного» отдела Петром Марининым. Тот вызвал его к себе практически сразу, едва Оленюк сегодня приехал на работу. Оказывается, еще вчера майор был на приеме у начальника управления Николая Ковшаря и тот интересовался обстоятельствами гибели динамовского массажиста. И это ясно указывало на то, что кто-то на самом верху старается держать руку на пульсе этого происшествия.

– Пока могу сказать только одно: дело ясное, что дело темное, – первым делом сообщил шефу Оленюк, едва войдя в его кабинет. – Все говорит о том, что произошел суицид, хотя ряд деталей указывают и на другую версию – на убийство.

– Ты что-то раскопал? – насторожился Маринин.

Дело в том, что перед приходом Оленюка он позвонил начальнику отделения милиции, на территории которого случилась трагедия с массажистом, и тот сообщил ему, что это, скорее всего, самоубийство. Во всяком случае, к этой версии склонялись местные сыщики.

– Я навестил соседку, которая живет через стенку с покойным, – усевшись на стул, продолжил свою речь Оленюк. – Так вот она рассказала, что незадолго до его гибели у массажиста был некий мужчина. Женщина слышала их спор о футболе. Причем спорили они так яростно, что соседка даже собиралась вызвать милицию.

– Ты хочешь сказать, что мужики доспорились о футболе до такой степени, что один другого выбросил в окно?

– Я пока ничего не утверждаю, я всего лишь выдвигаю версию.

– И на чем она еще базируется, помимо показаний этой соседки?

Прежде чем ответить, Оленюк извлек из внутреннего кармана пиджака два купона из тех, что он обнаружил вчера в квартире массажиста.

– Что это такое? – спросил Маринин, когда эти вещдоки оказались перед ним на столе.

– Судя по всему, это билеты подпольной лотереи – нечто вроде «Спортлото», – ответил сыщик. – Я обнаружил их в квартире самоубийцы – они были вложены в книгу, в которой бритвой аккуратно вырезали середину для тайника. Там таких билетов около трех десятков. Я полночи ломал голову над тем, что на них написано, пока не понял – это результаты футбольных матчей нынешнего чемпионата СССР. Посмотрите, на левом

купоне проставлен результат майского матча нашего «Динамо» со «Спартаком». Помните, москвичи вели по, пока на последней минуте матча Мунтян не сделал ничью, после чего стали пробивать пенальти? Наши тогда победили 3:2. А второй купон – это результат июльского матча киевлян с «Зенитом», который игрался в Ленинграде. У питерских два мяча забил Зинченко, а у нас счет размочил Колотов.

– Это когда во втором тайме Трошкин стал спорить с судьей и ему вынесли предупреждение за недисциплинированное поведение? – спросил Маринин, выказав не меньшую осведомленность об играх киевлян, чем его подчиненный.

– Верно, Петр Мартынович, было такое, – улыбнулся Оленюк. – Мы этот матч здесь, в дежурке, смотрели и сразу после этого предупреждения нас сорвали на выезд – на «бытовуху» у зоопарка. Так что о том, что наши так и не смогли сравнять счет и уйти от поражения, я узнал уже там – от соседей того пенсионера, которого его бабулька с помощью сковородки на тот свет отправила.

– Значит, получается, что этот массажист играл в подпольную лотерею? – спросил Маринин и потянулся за пачкой сигарет, лежавшей на краю стола.

– Еще это называется тотализатором, или «тотошкой», – внес свое дополнение Оленюк. – Видите, на купонах напечатана большая буква «Т». Вот и соседка покойного упирает на то, что тот спорил с неизвестным о результатах футбольных матчей. Видимо, что-то они могли не поделить. Там ведь большие деньги крутятся – есть ради чего людей на тот свет отправлять. Помните, пару-тройку лет назад на нашем ипподроме раскрыли группу таких вот любителей подпольной лотереи – «черных букеров»?

– Но там, насколько я знаю, до «мокрухи» дело не доходило, – уточнил Маринин.

– Зато вскрылось, какие деньги они получают, ставя на нужных лошадей. Здесь вместо них могут фигурировать футбольные команды.

Маринин еще раз внимательно рассмотрел оба купона, один за другим повертев их в руке – в другой у него была зажата зажженная сигарета.

– Если речь идет о подпольном тотализаторе, то это дело наших коллег из третьего отдела, – возобновил разговор майор. – Но если здесь, как ты говоришь, пахнет «мокрым» делом, тогда придется тебе впрягаться по полной программе. Ты к этому готов?

– Если бы речь не шла о футболе, я бы еще подумал. А так есть стимул.

– В таком случае, что собираешься делать дальше? – выпустив

дым в потолок, спросил Маринин.

– Собираюсь съездить в Конча-Заспу, на базу «Динамо» – хочу расспросить коллег покойного о нем. Мне кажется, ниточка может тянуться оттуда.

– Почему?

– Уж больно должность у покойного была удобная – массажист, – пряча купоны обратно в карман, ответил Оленюк. – Если кто-то, к примеру, захотел бы использовать его в темных делах с подпольной лотереей, то лучшей кандидатуры трудно себе представить. Он ведь обслуживал всю команду, снимал с игроков усталость, а попутно имел возможность вести разговоры на разные темы, выяснять, какие настроения царят в команде. Под ловкими руками таких людей легко можно потерять концентрацию, стать разговорчивым. Это как банщики – он тебя веничком в парилке охаживает, а ты ему, млея, все свои личные секреты выкладываешь.

– Думаешь, он мог шпионить в команде?

– Ничего я пока не думаю – только предполагаю. Вот съезжу на их базу, тогда, может, что-то определенное и скажу.

– Хорошо, поезжай, не буду тебя больше задерживать.

Когда Оленюк приехал на базу, там шла тренировка – футболисты, под руководством своего старшего тренера Александра Севидова, проводили двухстороннюю игру. Однако наблюдать за этим поединком у гостя не было времени, хотя жуть как хотелось – ему надо было побеседовать с людьми, кто близко знал покойного массажиста команды Лазаря Луцкого. Впрочем, тренер команды Михаил Коман, встретивший сыщика, огорошил его внезапным заявлением:

– Странно вы как-то работаете. Буквально полчаса назад нам звонил ваш коллега и задавал свои вопросы по телефону.

– И как он представился? – спросил Оленюк.

– Старшим лейтенантом Игнатом Зарубой.

Это был вчерашний старлей с «земли» – из местного отделения милиции – с которым Оленюк встретился вчера в квартире массажиста. «Прыткий инспектор – по телефону показания снимает», – подумал про себя Оленюк.

– Так что не обессудьте, но вас я тоже направлю к тому же человеку, с кем разговаривал Заруба, – сообщил Коман.

Этим человеком был врач команды Мирон Собко, с которым массажист в течение нескольких лет работал в команде львовских «Карпат». Именно Собко, перебравшись из Львова в Киев, вскоре помог перейти в киевское «Динамо» и Лазарю Луцкому.

– В прошлом году здесь как раз массажист уволился, вот я и предложил кандидатуру Лазаря, – рассказывал Оленюку причины

переезда покойного массажиста в Киев его приятель. – Он приехал, сразу всем понравился и его взяли. А чего не взять – он мужчина во всех смыслах положительный… был. Ох, даже не верится, что так все сложилось.

Сказав это, Собко вздохнул и перевел взгляд в сторону окна, за которым начал моросить мелкий дождик. Они сидели в холле на первом этаже за небольшим журнальным столиком, а мимо них по ступеням наверх взбегали футболисты, закончившие тренировку. Оленюк впервые в шаговой доступности видел своих кумиров: Матвиенко, Фоменко, Решко, Мунтяна, Буряка, Веремеева, Блохина. Последний даже слегка задержался у лестницы, с любопытством посмотрев на сыщика, который беседовал с их врачом. Судя по всему, игроки уже знали, кто пожаловал к ним на базу, чем и был вызван этот интерес со стороны футболиста.

– А когда вы в последний раз видели Луцкого? – задал очередной вопрос Оленюк, провожая взглядом удаляющегося Блохина.

– Да вчера и видел. Мы с ним специально утром приехали на базу, чтобы составить план работы на сегодня. А заодно и методички полистать. Часа три у нас на это ушло. Потом я отвез его домой на Политехническую. Эту квартиру, кстати, я для него и нашел. Там мой друг прописан, но он сейчас в Венгрии работает, а квартира пустует. Ну, я и попросил его пустить на постой Лазаря, чтобы ему по общагам не мыкаться. Получается, зря хлопотал. Если бы он в общаге жил, может, этой трагедии бы и не произошло.

И врач снова перевел взгляд в сторону окна, где дождь только усиливался, барабаня по стеклу и подоконнику.

– А во сколько вы привезли его домой?

– Точного времени я не помню – где-то около часа дня. Но подниматься к нему не стал – высадил у подъезда и уехал.

– Он ничего вам не говорил, что кого-то ждет в гости?

– Нет, такого разговора он не заводил. Впрочем, какие гости – он собирался спать лечь, поскольку утром не выспался. Точно, так и сказал: мол, сейчас завалюсь на боковую, чтобы завтра с утра быть свеженьким.

– А как у него обстояли дела по части выпивки?

– В рот не брал, причем категорически. От него два года назад жена ушла с дочкой именно из-за этого – квасил он сильно. С тех пор, как отрезало. Ему перед дочкой стыдно было, он же рассчитывал обратно к ним вернуться.

– А он их часто навещал?

– Не часто, поскольку возможности такой не было – у нас

сейчас самая запарка, конец сезона. Зато деньги им регулярно во Львов переводил.

– И много отсылал?

– Этого я не знаю, но зарплата у него была хорошая – триста рублей выходило, плюс премиальные. Мы же на чемпионство идем.

– А других заработков у него не было? – задавая этот вопрос, Оленюк пристально посмотрел на собеседника, рассчитывая прочитать в его глазах некую дополнительную информацию.

– Про это мне неведомо, – пожал плечами Собко, причем выражение лица у него было вполне обычное, без какого-либо намека на волнение.

– А друзья у него здесь какие-то были? Те, с кем он, например, мог после работы у себя дома встречаться.

– Вы имеете в виду друзья в команде?

– Не только – вообще.

– В команде он только со мной близко общался. Да это и понятно – мы с ним до этого четыре года в «Карпатах» вместе работали. А что касается друзей в городе, то мне про них ничего неизвестно. А сам он никогда про таковых мне не говорил. А почему вы об этом спрашиваете?

– Просто перед смертью вашего приятеля кто-то навещал. Вот я и хотел выяснить личность этого неизвестного – может, он что-то может рассказать о причинах столь странного поступка вашего массажиста. Ведь для того, чтобы выброситься из окна, веские причины нужны. Вам таковые известны?

– Я думаю, это все из-за семейных неурядиц.

– А если поконкретнее.

– Он сказал, что с бывшей женой у него не сильно ладится. Вроде, появился у нее кто-то, а это значит, что о новом их воссоединении с Лазарем речи уже не шло.

– У вас был конкретный разговор на эту тему?

– Нет, он мельком об этом сказал и тут же свернул разговор на другую тему. А я настаивать не стал – неудобно, знаете, в чужих болячках копаться. Но заметив, что он работает без энтузиазма, я сам предложил ему закругляться. Он с удовольствием это поддержал.

– И как он вел себя в дороге?

– Больше молчал – смотрел в окно и о чем-то думал. А я его особо не донимал – у меня у самого проблем выше крыши, зачем мне еще и чужие.

В это время на лестнице появился Коман, который сделал жест рукой врачу команды: дескать, ты нам нужен. Оленюк это тоже заметил, поэтому решил закончить разговор. Но прежде чем

отпустить врача, он спросил:

– У вас наверняка есть львовский телефон бывшей супруги Луцкого?

– А зачем он вам?

– Как зачем – чтобы узнать у нее подробности ее взаимоотношений с бывшим супругом. Согласитесь, легче задать этот вопрос по телефону, чем лететь во Львов.

– Да, вы правы, – кивнул головой Собко.

После чего снова сел за журнальный столик и, достав из пиджака записную книжку, написал на листке требуемый телефон. Вырвав страницу, он протянул ее сыщику, попутно сообщив, что бывшую жену массажиста зовут Олеся Николаевна.

Когда врач ушел, Оленюк подошел к телефону, находившемуся здесь же, в фойе, и позвонил во Львов. На его счастье, хозяйка оказалась дома. Судя по голосу, она пребывала в подавленном настроении, уже оповещенная о трагедии. Однако от разговора не отказалась, попросив лишь об одном – побыстрее все закончить, поскольку ей надо было куда-то уходить. Оленюк ей это пообещал, поэтому вопросы стал задавать конкретные:

– Скажите, у вас в последнее время были хорошие отношения с вашим бывшим или натянутые?

– Нормальные были отношения – у нас все-таки дочь общая.

– Значит, его смерть не могла быть вызвана какими-то переживаниями из-за вас?

– А причем здесь я – мы расстались два года назад? – искренне удивилась женщина.

– Но Лазарь, как я слышал, лелеял мечту опять с вами воссоединиться?

– С чего вы это взяли? Лично мне он об этом ничего не говорил.

– Тогда ответьте мне на вопрос, за который я заранее прошу меня извинить: у вас в личной жизни все в порядке?

– В каком смысле?

– Я имею в виду, у вас есть мужчина?

На другом конце провода повисла пауза, которая длилась недолго. Наконец, женщина ответила:

– Да, я уже полгода встречаюсь с одним человеком.

– А Лазарь про это знал?

– Естественно, поскольку в свой последний приезд он видел этого человека. Они даже успели подружиться.

– Спасибо вам большое, Олеся Николаевна, и до свидания, – и Оленюк первым повесил трубку.

Все время, пока Оленюк находился на базе, такси терпеливо дожидалось его за воротами. И когда сыщик оказался внутри

автомобиля, таксист поинтересовался:

– Ну, как там у наших настроение?

– По-моему, боевое, – ответил Оленюк. – Судя по их лицам, они порвут и армейцев седьмого, и ереванцев десятого.

– Дай-то бог, – ответил таксист, трогая машину с места.

«Странная ситуация получается с этим самоубийством, – размышлял про себя Оленюк, глядя на мелькавшие за окном пейзажи Старообуховского шоссе. – По словам врача покойный мог покончить жизнь самоубийством из-за недолюбленной жены, а сама жена утверждает, что их отношения давно закончились и у каждого была своя жизнь. Во всяком случае, ни о каком новом воссоединении их семьи речи не шло. Кому верить? И какую версию взять за основу? Согласно первой, Луцкий шагнул в окно из-за бывшей жены. Ведь женщина могла и не знать о тех чувствах, которые он к ней испытывал, поскольку сама его давно разлюбила и уже нашла ему замену. А он, внешне ничем не выказывая своих переживаний, на самом деле сильно страдал. И в итоге принял роковое решение. Кстати, и бутылка водки в таком случае появилась не случайно. Купил он ее заранее и она ждала своего часа. Вчера этот час пробил. Луцкий приехал домой, стал заливать горе водкой и в это время к нему пришел незнакомец. Между ними произошел какой-то скандал, который добавил лишнюю толику переживаний массажисту. И когда незнакомец ушел, он еще хряпнул водки для храбрости и сиганул в окно, одним разом перечеркивая все свои проблемы. Складная версия? Очень даже. Но эта версия основана на том, что у Луцкого были виды на его бывшую жену. А если женщина права и никаких видов на нее у него быть не могло? Вот и врач говорит, что конкретного разговора на эту тему у них не было и, значит, строить на этом полноценную версию оснований пока нет – врач мог и ошибиться. Впрочем, и вторая версия тоже основана на шатких позициях. Веских оснований для того, чтобы предполагать убийство, пока нет. Что я имею на этом направлении? Неустановленную пока личность неизвестного мужчины, с которым у покойного вышел скандал. Сразу после него он выпал из окна, а незнакомец исчез. Но он мог покинуть квартиру за несколько минут до самоубийства массажиста. Однако что-то тебе, Влас, подсказывает, что именно в этой версии есть некий манок, который тебя больше всего к ней и притягивает. И этот манок – купоны подпольной лотереи. Луцкий в нее играл и, судя по количеству купонов, достаточно давно и плотно. Учитывая, что деньги там вращаются весьма большие, такая форма разрешения конфликтов, как убийство, в этой среде вполне допустима. Поэтому, почему бы не предположить следующий вариант

развития событий. Незнакомец пришел к Луцкому с твердым намерением его убрать, имитируя это как самоубийство. Для этого и принес с собой водку. Впрочем, может, твердого намерения убивать у незнакомца и не было, а было желание уладить конфликт за распитием спиртного. Но в ходе возникшего скандала желание убить внезапно появилось. Незнакомец ударил массажиста чем-то тяжелым по голове, влил ему в горло водку и скинул вниз. А сам спокойно удалился. Кстати, что там была за водка? Кажется, «Московская» с зеленой этикеткой, два рубля семьдесят пять копеек за бутылку. Интересно, где он ее приобрел?»

И в это мгновение Оленюка осенило. Если исходить из того, что водку в дом принес незнакомец, то купить ее он мог либо заранее, либо непосредственно идя навстречу. И если последняя версия верна, то установить, если не личность, то хотя бы внешность незнакомца вполне возможно. Причем немедленно.

– Едем на Политехническую улицу, – сообщил Оленюк таксисту, который поначалу хотел отвезти пассажира к тому месту, где он его посадил – на Владимирскую.

Спустя полчаса сыщик уже был возле дома, где еще вчера проживал Лазарь Луцкий. Заметив впереди себя идущую с хозяйственной сумкой пожилую женщину, Оленюк нагнал ее и поинтересовался, где здесь ближайший гастроном. И женщина указала ему нужное направление.

Идти пришлось недолго – около пяти минут. Когда Оленюк вошел в магазин, он был почти пуст, что играло на руку старшему инспектору киевского угро. Подойдя к прилавку, где продавалась винно-водочная продукция, он поинтересовался у миловидной продавщицы, облаченной в белый халат:

– Уважаемая, вы случайно не работали здесь вчера днем?

– А в чем дело? – насторожилась женщина, окидывая сыщика суровым взглядом.

Вместо ответа Оленюк извлек на свет свое служебное удостоверение. Увидев его, продавщица сразу подобрела, поскольку боялась не угро, а ОБХСС, и ответила:

– Ну, работала – как положено, с десяти до семи с перерывом на обед.

– А водка «Московская» у вас продается?

– Сегодня нет – кончилась.

– А вчера была?

– Вот вчера как раз и кончилась.

– В котором часу?

– Ближе к вечеру последний ящик продала.

– Не помните, кто покупал у вас эту водку в районе часа дня?

– Вы с ума сошли, что ли? – возмутилась женщина. – Тут столько алкашей ошивается, а я должна каждого запоминать, да еще на часы смотреть, когда он у меня водку покупает?

– Истинную правду говорите, не знаю, как вас зовут, – делая виноватое лицо, произнес Оленюк. – Но до зарезу нужно одного человека найти, а без вас этого не сделать.

– Нонна Сергеевна меня зовут, – представилась женщина, вновь сменяя гнев на милость. – Когда, говорите, этот человек мог водку у нас покупать?

– Около часа дня.

– У нас с часу до двух обед.

– Значит, где-то за десять-пятнадцать минут до закрытия.

Услышав эту датировку, продавщица на какое-то время ушла в себя, перебирая в памяти события вчерашнего дня. Наконец, она вновь обратила свой взор на сыщика:

– Водка с утра хорошо шла, а где-то часов с двенадцати все затихло. И часов до двух я никому ее не продавала – больше вино брали, вермут. Хотя, постойте. Был один мужчина, который объявился, когда я уже на обед закрылась. Настойчивый такой – стучит в дверь и стучит. Я ему кричу: мол, обед у нас, а он тарабанит, зараза, по стеклу и не уходит. Потом выяснилось, что ему бутылка водки нужна. Ну, я и продала, чтобы он отвязался. Ту самую «Московскую». Да он и сам москаль, чтоб ему пусто было!

– С чего вы это взяли? – насторожился Оленюк.

– Так он сам сказал. Я, когда его в дверь впустила, он посетовал: дескать, что-то в Киеве у вас порядки строгие, не то что в Москве.

– Он это в общем контексте сказал или конкретно?

– Дык конкретно – так и сказал: у нас, мол, в Москве с этим попроще. Ну, с перерывом на обед, значит. А что, он что-то натворил?

– А вы как думаете – водка она ведь зло, – делая серьезное лицо, ответил Оленюк. – Как он выглядит помните?

– Почему не помнить – днем это было, при свете. Мужик коренастый, широкий в плечах, роста среднего, чуть ниже вашего. На лицо не шибко чтобы симпатичный – больше на боксера похож.

– С чего это вы взяли?

– Нос у него перебитый – слегка на правую сторону скошенный. У моего бывшего хахаля такой же был – ему его в драке на сторону свернули. Я, кстати, с тех пор женщина свободная. Если хотите, могли бы партию составить – отказу ни в чем знать не будете. Жить станете, как у христа за пазухой:

продукты дефицитные, глажка, штопка, ну и другими благами не обижу – я женщина темпераментная.

– Зато я пассивный, как червяк в спячке.

– По вам этого не скажешь. Но вы не бойтесь – я вас расшевелю, я это умею.

– Не могу, Нонна Сергеевна – вы женщина свободная, а я уже занятой, – развел руками Оленюк. – А за информацию спасибо. Да, вы никуда из города не собираетесь?

– А в чем дело?

– Надо будет заехать к нам на Владимирскую – поможете составить фоторобот этого москаля с перебитым носом. Рабочий телефон у вас есть?

Женщина продиктовала сыщику рабочий номер телефона директора магазина, после чего Оленюк, козырнув женщине рукой, удалился, оставив продавщицу в гордом одиночестве. Но с тайной надеждой, что во время повторной встречи ей все-таки удастся уломать этого симпатичного и энергичного милиционера. Ведь по его глазам она сразу определила, что в личной жизни он так же одинок, как и она.

2 октября 1973 года, вторник, Москва, Садовая-Триумфадьная, дом 4/10 и Киевское шоссе, дорога в аэропорт Внуково

В это утро Константин Бесков встал пораньше. Ему предстояло съездить в аэропорт Внуково, чтобы встретить супругу Валерию, которая возвращалась из Батуми, куда она ездила навестить своих родственников. Ее не было ровно неделю, а Бесков уже успел соскучиться. И даже недавняя поездка по делам спортобщества «Динамо» не помогла ему побороть эту тоску по своей второй половинке. Все-таки двадцать семь лет совместной жизни давали о себе знать. За это время их дочь Любовь уже успела вырасти в статную красавицу, которая дважды побывала замужем, причем оба раза за футболистами. Первым ее супругом был игрок московского «Динамо» Виктор Вотоловский, а нынешний муж, Владимир Федотов, играет за ЦСКА. Живут молодые отдельно от родителей – в собственной квартире в Серебряном бору, которую родители подарили Любови, когда она вышла замуж за Вотоловского.

Наскоро перекусив, Бесков в последний раз взглянул на свое отображение в зеркале в коридоре, взял с тумбочки ключи от «Волги» и вышел из квартиры. Спустя пять минут он уже открывал дверцу автомобиля, который стоял под окнами его

квартиры в доме 4/10 по Садовой-Триумфальной улице.

– Доброе утро, Константин Иванович, – раздался за спиной тренера бодрый мужской голос.

Бесков обернулся и увидел рядом с собой соседа по подъезду – бывшего отставного чекиста Ярослава Слащева, с которым был дружен еще со времен турне «Динамо» по Великобритании. После той поездки Слащев продолжал работать по линии внешней разведки (в Комитете Информации), а затем попал в канцелярию самого Лаврентия Берия, за что и пострадал – в 1953 году, после ареста всесильного министра, он был уволен со службы и отправлен в Министерство мясной и молочной промышленности на должность зама по кадрам. Не самая пыльная должность, учитывая, что многие другие чекисты, работавшие в аппарате Берия, были лишены своих воинских званий и даже осуждены. Например, такая судьба постигла двух обитателей дома 4/10 по Садовой-Триумфальной: начальника военной контрразведки МГБ Сергея Гоглидзе (расстрелян вместе с Берия) и начальника Главного разведывательного управления МГБ Сергея Огольцова (исключён из партии с формулировкой: «за грубое нарушение социалистической законности, в результате которого были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения работники ленинградских высших учебных заведений», лишён звания генерал-лейтенанта «как дискредитировавший себя за время работы в органах и недостойный в связи с этим высокого звания генерала»).

Иная судьба постигла другого видного чекиста из этого же дома – начальника УМВД по Москве и Московской области Василия Рясного. Он был уволен в запас по фактам, дискредитирующим звание офицера и назначен начальником строительства Волго-Балтийского канала.

Что касается Слащева, то в конце 50-х его профессиональные качества чекиста были снова востребованы, но только не «конторой», а другим похожим учреждением – Международным отделом ЦК КПСС: он в течение нескольких лет работал в его спецсекторе и курировал Институт общественных наук при ЦК КПСС. Пока, наконец, в самом конце 60-х, не ушел в отставку по состоянию здоровья – у него было больное сердце.

Своих соседей-чекистов Бесков часто встречал во дворе их общего дома, поскольку поселились они здесь почти одновременно: чекисты въехали сюда в 1949 году? а Бесков получил квартиру на год позже (а в 1951 году настала очередь Гоглидзе и Рябова). И в силу того, что Бесков играл за родную команду чекистов – за «Динамо» (тот же Гоглидзе в 1951 году занимал должность председателя Центрального совета общества

«Динамо») – его отношения с этими людьми были куда более тесными, чем у других обитателей этого элитного дома. То же самое можно было сказать и про другого жильца – Леонида Соловьева – еще одного игрока футбольного «Динамо» (капитана команды), который поселился здесь за год до Бескова.

В конце 50-х, когда всевластие бывших чекистов сошло на нет, Бесков и Соловьев частенько обсуждали между собой эту тему. Они философствовали о том, что от былого величия их грозных соседей почти не осталось и следа. В новых условиях они выглядели вполне безобидными пенсионерами и в их теперешней внешности и поведении ничто не напоминало о том, что каких-нибудь тридцать лет назад перед ними в страхе трепетали миллионы людей. Впрочем, в 1965 году один бывший чекист сменил место жительства – Рясной переехал на проспект Мира – и соседями футболистов остались Огольцов и Слащев. Оба были болельщиками московского «Динамо» и постоянно интересовались успехами родного для них клуба. Вот и в этот раз встреча Бескова и отставного чекиста началась с того же – с вопроса о футболе.

– Как думаешь, Костя, возьмет наше «Динамо» бронзу или нет? – спросил Слащев.

– Если у «Арарата» следующий матч выиграет, то можешь быть уверен – возьмет, – с улыбкой на устах, ответил Бесков.

– А завтрашний матч со «Спартаком» ты в расчет не берешь?

– Думаю, наши его выиграют – спартачи сейчас явно не в лучшей форме. Поэтому главный матч – в Ереване.

– Полагаешь, что шансы на победу там у нас есть? – искренне удивился бывший чекист. – Все-таки в Ереване играем.

– Об этом и речь, Ярослав. Если на самом «Раздане» наши ребята сумеют показать свой характер, то все последующие соперники однозначно будут им по зубам. С кем мы после «Арарата» играем, помнишь?

– С «Днепром», «Торпедо», СКА и «Шахтером», – без запинки ответил Слащев, лишний раз доказав, что он истинный болельщик.

– Труднее всего будет играть с земляками из «Торпедо», – предположил Бесков. – Автозаводцы всегда были неуступчивыми соперниками.

– Будем уповать на то, что твои прогнозы сбудутся, – улыбнулся бывший чекист, после чего спросил: – Куда это ты в такую рань собрался – не спится что ли?

– Супругу еду встречать в аэропорт – она из Батуми возвращается.

– Счастливой дороги, – пожелал тренеру отставник и первым

протянул на прощание руку.

Спустя несколько минут Бесков выехал на Садовую-Триумфальную и свернул направо, взяв курс на Внуково. Однако на Киевском шоссе, когда до аэропорта оставалось несколько десятков километров, Бесков почувствовал, что его «Волга» начинает себя странно вести – появилась какая-то непонятная вибрация и машину стало уводить в сторону. Свернув на обочину, тренер вылез из автомобиля и практически сразу определил причину странного поведения своего «железного коня» – левое переднее колесо оказалось спущено. Бесков взглянул на часы – до прилета жены еще оставалось около часа, поэтому время у него было. Поставив машину на ручной тормоз и заблокировав левое заднее колесо, Бесков собрался было отвернуть гайки у колпака на колесе. И тут понял, что не знает, как это сделать. Дело в том, что незадолго до этого жена отдавала их «Волгу» в автосервис, где им поменяли колпаки. Вместо старых поставили новые, которые были с секретом – гайки на них крепились таким образом, что с непривычки было непонятно, как к ним подступиться. Жена говорила ему об этом, но Бесков тогда не придал этому значения, из-за чего сегодня и попал в неприятную ситуацию. И как из нее выходить было непонятно.

«Надо попросить о помощи кого-то из водителей», – подумал Бесков и стал голосовать, проезжающим мимо автомобилям. Но ни один из водителей не останавливался, видимо, спеша в аэропорт. Так продолжалось около пяти минут, пока, наконец, рядом с тренером не тормознула такая же, как у него, «Волга» ГАЗ-24, только не белого, а бежевого цвета. Из нее вышел мужчина, которого тренер сразу узнал. Это был картежник, с которым его познакомил несколько лет назад Валерий Маслов – игрок московского «Динамо», которое Бесков тогда тренировал. Маслов был женат на женщине, у которой сестра была замужем за известным картежником Левой Ереванским. Он возглавлял группу профессиональных «катал», которые играли на большие деньги с почтенной и денежной публикой: партийными и хозяйственными чиновниками, цеховиками, спортсменами. В эту бригаду входил и тот самый человек, который теперь предстал перед Бесковым. Правда, тренеру пришлось напрячь всю свою память и с трудом, но вспомнить, что зовут этого картежника Левоном Абегяном.

– Константин Иванович, какими судьбами? – сверкая золотыми зубами, спросил «катала» у тренера.

– Да вот, колесо спустило, а открутить не могу, – пожаловался Бесков, пожимая протянутую ему руку. – А мне срочно в аэропорт надо – жена прилетает.

– Все понял – сейчас все сделаем, – мгновенно среагировал на

эти слова Левон и повернулся к своей «Волге»: – Робик, иди сюда.

На этот зов из автомобиля вылез небольшого роста мужчина в модной болоньевой курточке.

– Познакомься, это легенда нашего футбола Константин Иванович Бесков, – представил тренера «катала». – У него колесо спустило, разберись, пожалуйста.

После этого он повернулся к тренеру и сообщил:

– Не волнуйтесь, Робик у нас мастер на все руки – сделает ваше колесо в лучшем виде. Запасное, надеюсь, у вас есть?

– В багажнике, – последовал ответ.

Пока Робик корпел над колесом, Левон, закурив «Мальборо», пытал тренера на футбольную тему:

– Как думаете, мой «Арарат» сыграет с вашим «Динамо»?

– Ты хочешь, чтобы я тебе все наши секреты выдал? – улыбнулся Бесков.

– Я хочу, чтобы вы, как бывший тренер «Динамо», рассказали мне, как эта игра может сложиться.

– Полагаю, что для твоих земляков тяжелее, чем для моих, – после небольшой паузы ответил тренер. – Мои динамовцы за бронзовые медали бьются, а это значит, что играть будут по-настоящему. Поэтому, думаю, два тайма могут ничего не решить. Скорее всего, будет ничья, а после нее пенальти.

– Так это же лотерея.

– Но победить в ней все равно кто-то должен, верно? Вот я и думаю, что у моих бывших подопечных шансов побольше будет.

– Почему так думаете? – искренне удивился Левон.

– Твои земляки дома играют, а это значит, что на их психику будут родные стены давить. Проиграть на глазах у миллионов своих болельщиков – врагу не пожелаешь. А вот на динамовцев эта атмосфера так влиять не будет. К тому же они лучше всех пенальти пробивают. Из семи таких серий уже пять выиграли. А твой «Арарат» сыграл пять пенальтных серий и только в двух победил. Да и те были в первом круге, а последние три серии твои земляки проиграли. А у нас пенальтисты в команде как на подбор: Еврюжихин семь голов забил, Маховиков с Петрушиным – по шесть, Басалаев с Жуковым – по четыре, а Кожемякин с Долматовым – по три.

Услышав этот монолог картежник задумался. По тому, как он нервно курил, было видно, что мысли его одолевают тревожные.

– Ну, что ты расстроился, Левон? – улыбнулся Бесков. – Это же только мои предположения. Футбол тем и интересен, что абсолютно непредсказуем. Может, и не дойдет дело до пенальти – все в основное время решится.

– Нет, Константин Иванович, вы специалист очень

авторитетный, – отбрасывая недокуренную сигарету в траву, ответил Левон. – Вы в футболе кумекаете так же хорошо, как я в карты «катаю». Поэтому к вашим словам надо прислушиваться. Иначе можно большие деньги потерять.

– Какие деньги, о чем ты? – искренне удивился Бесков.

– Не берите в голову, это я о своем, – улыбнулся Левон, но по его лицу было видно, что он слегка стушевался.

В это время его позвал к себе Робик, чтобы тот помог ему с установкой колеса. А спустя десять минут все было готово и мужчины простились. Причем первым отъехал Бесков, который торопился больше, чем его спутники.

Когда «Волга» тренера тронулась с места, Левон, глядя ей вслед, произнес:

– Надо сегодня же поменять наши ставки.

– Ты о чем? – не понял приятеля Робик.

– Я о «тотошке» – надо ставку на победу «Арарата» поменять, пока еще время есть.

– Ты что, с ума рехнулся? Игра в Ереване, вся Армения за наш «Арарат» болеть будет, а ты ставку хочешь поменять?

– Я всегда говорил, Робик, что ты плохой аналитик. У меня с этим делом получше, но даже я в подметки не гожусь вот тому человеку, которому мы только что колесо поменяли. Он мне так хорошо все объяснил, что я понял – наш «Арарат» седьмого скорее всего проиграет. Даже у себя дома.

– Эй, что такого мог тебе сказать этот человек? – все сильнее распалялся Робик. – Да, он знаменитый тренер, но такие люди тоже ошибаются.

– А если он сказал правду? – произнеся это, Левон повернулся к приятелю и посмотрел ему в глаза. – Что если наш «Арарат» действительно проиграет? Представляешь, какой куш мы можем сорвать, если поменяем ставку и поставим на его поражение? Да еще если укажем в купоне, что это будет проигрыш по пенальти.

– А ты думаешь, что будут пенальти?

– Это не я так думаю, это думает великий Бесков! – воздев указательный палец вверх, произнес Левон. – Короче, хватит спорить – садимся в машину и едем обратно.

В эти же минуты Бесков, мчась на предельной скорости на своей «Волге», никак не мог забыть той реплики, что сорвалась с губ Левона – про большие деньги. «Что он имел в виду? – спрашивал себя тренер. – Неужели речь шла о ставках в подпольном тотализаторе? Говорят, там и в самом деле крутятся огромные деньги и люди, правильно угадавшие счет в каком-либо футбольном матче, могут сорвать очень хороший куш. Кстати, этот Левон вхож в круг тех самых людей, которые почти три года

назад приезжали в Ташкент на наш финальный матч с ЦСКА. И тогда я тоже подозревал нескольких своих игроков в том, что они могли сдать «тотошникам» ту игру. Получается, я был недалек от истины? Или мне опять это только мерещится?»

И всю оставшуюся часть пути до аэропорта Бесков вспоминал тот злополучный декабрь, когда его «Динамо» так драматично проиграло финальный поединок.

Ретроспекция. 5 декабря 1970 года, суббота, Ташкент, проспект Ленина, ресторан «Голубые купола»

«Катала» Левон Абегян по прозвищу Баста прилетел в Ташкент из Тбилиси, куда он приезжал по делам московского подпольного тотализатора. Эта тайная структура появилась на свет в октябре 1968 года и поначалу объединяла в своих рядах не так много участников – чуть больше пяти десятков. Но это были весьма влиятельные и уважаемые в своих кругах люди: партийные и хозяйственные работники, дипломаты, милицейские начальники, спортивные функционеры уровня Федераций футбола СССР и РСФСР, цеховики, уголовные авторитеты, а также ряд представителей творческой и научной интеллигенции в лице актеров, режиссеров, драматургов, докторов наук и даже одного ректора крупного института. Собственно, такого рода тотализаторы, где делались денежные ставки на результаты футбольных матчей первенства СССР, впервые появились в стране еще в начале 60-х, когда союзный чемпионат расширил свои представительские границы и включил в состав участников команды из Средней Азии (Узбекистан, Казахстан), Закавказья (Армения, Азербайджан, а Тбилиси участвовал еще раньше – с 1936 года) и Белоруссии. Всего число играющих в высшем дивизионе команд тогда увеличилось до 22, что открывало большие возможности для самых разнообразных ставок в тотализаторе. Особенно это касалось южных регионов, где еще с конца 50-х начало активно развиваться «цеховое братство» – подпольная теневая экономика («цеха»), работавшая как частное производство и конкурировавшее с официальной плановой экономикой. Однако в первые годы своего существования подпольные тотализаторы были еще диковинкой и существовали лишь в южных регионах. Однако во второй половине 60-х, на волне развертывания в СССР эксперимента под названием «косыгинская реформа» (суть ее заключалась в привнесение в плановую экономику элементов рыночной, когда на первый план стала выходить прибыль), подпольные тотализаторы (сами

участники ласково называли их «тотошками») стали расти как грибы после дождя, охватив собой большинство регионов страны, где базировались ведущие футбольные клубы. Они существовали: в Москве (она была представлена пятью футбольными командами высшей лиги), Киеве (Украину представляли от четырех до пяти команд), Тбилиси (от Грузии выступали одна-две команды), Ереване (от Армении – одна команда), Баку (от Азербайджана – одна команда), Ташкенте (от Узбекистана – одна команда), Алма-Ате (от Казахстана – одна команда). А поскольку рыночная экономика позволяла получать гораздо большую неучтенную прибыль, чем плановая, аппетиты участников «тотошек» росли, что влияло, как на увеличении ставок (речь шла о десятках тысяч рублей выигрыша за правильно угаданный счет), так и на расширении числа тех, кто играл в «тотошку». Например, только в Москве подпольный тотализатор в 1970 году насчитывал уже не 30 участников, как это было в начале десятилетия, а почти полторы сотни человек. Функционировал он следующим образом.

Участники были разбиты на четыре сектора, в каждом из которых числилось по 35 человек. В секторах действовал свой «центр» – некая жилая квартира, где обитал одинокий пенсионер или пенсионерка, которые принимали ставки. «Тотошники», приходя в эту квартиру, заполняли специальный купон, разделенный на две половины. Одна половина с результатом оставлялась в «центре» (вместе с суммой взноса), а другая забиралась с собой, чтобы в случае выигрыша быть предъявленной в тот же «центр». В купоне можно было выбрать один из трех возможных результатов матча: выигрыш, поражение и ничью. Ставка увеличивалась, если игрок угадывал еще и точный счет матча. Если какой-то из результатов не находил своего победителя (а такое хоть и случалось, но редко), то вся сумма поступала в «банк» и могла быть разыграна в последующих розыгрышах.

В определенные дни специальные курьеры объезжали все «центры» и собирали купоны и деньги, отвозя их на «базу» – главную точку подпольного тотализатора, курировал которую человек, имя которого практически никто из участников не знал. Про себя они называли его Банкиром. Личные контакты с ним у «тотошников» были исключены – для этого у Банкира было несколько доверенных лиц («доверялы»), среди которых был и Левон Абегян по прозвищу Баста. Именно «доверялы» утрясали все спорные вопросы и служили курьерами между республиканскими тотализаторами.

На протяжении нескольких лет последние функционировали автономно друг от друга, принося их организаторам и

участникам огромные деньги. Организаторы наживались на махинациях с деньгами участников (путем присваивания себе части тех ставок, которые оказались проигрышными, поскольку «тотошники» не знали точного числа всех участников тотализатора), а участники получали выигрыши, которые иной раз могли составить несколько десятков тысяч рублей (все зависело от суммы ставки – на важные матчи она была значительной, на менее значимые – маленькой).

Так продолжалось несколько лет, пока в Москве вдруг не созрела идея попытаться объединить между собой эту разветвленную сеть «тотошек» с тем, чтобы получать еще большую прибыль. Каким образом? Суть идеи была проста. Поскольку к началу 70-х влияние различных посторонних факторов на судьбу многих футбольных матчей сильно возросло (а это могли быть разные факторы – как политические, так и чисто коммерческие), то и возникла идея этим воспользоваться. Москвичи решили торговать результатами по всей стране, устроив своеобразный бартер – то есть, подкупая нужных людей в Москве (как в самих командах, так и во властных структурах, включая Спорткомитет и Федерацию футбола), они могли гарантировать приезжим клубам нужные им результаты. В то же время москвичи хотели иметь такие же гарантированные результаты для своих команд, когда те приезжали в разные регионы. Именно об этом и договаривался Левон Абегян в конце 1970 года, когда посетил с «официальными» визитами Киев, Алма-Ату и Ташкент. Причем столицу Узбекистана он специально оставил напоследок, решив совместить полезное с приятным. Зная о том, что именно туда был перенесен финальный матч чемпионата СССР по футболу между ЦСКА и «Динамо» (Москва) (обе команды набрали равное количество очков – по 45 – и теперь должны были решить судьбу золотых медалей в очном поединке), он прилетел туда аккурат за пару часов до его начала. Самолет приземлился в ташкентском аэропорту в 14.00, а спустя два часа на стадионе «Пахтакор» должен был состояться финал, смотреть который Левон собирался не один, а с замом Банкира ташкентского тотализатора – Тимуром.

Тот встретил дорогого гостя в аэропорту, приехав туда на черной представительской «Волге», за рулем которой сидел его верный нукер Рашид (Левон его хорошо знал по своим прежним приездам в Ташкент). Усевшись вместе с гостем на заднее сиденье, Тимур спросил:

– Какие ставки на сегодняшнюю игру доминируют в Москве?

– У нас большинство ставит на победу ЦСКА, – ответил Левон.

– А у нас отдают предпочтение «Динамо», – сообщил Тимур.

– А как же примета?

– Какая?

– Команда, которая взяла в этом году Кубок СССР, чемпионом не станет. А Кубок-то достался динамовцам.

– Лично я в приметы не верю, поэтому тоже поставил на мильтонов. Бесков однозначно сильнее Николаева будет.

– Может, заключим пари – ты на «Динамо», а я на ЦСКА? – предложил Левон.

– На какую сумму? – живо откликнулся Тимур.

– По «косарю» сойдет?

Вместо ответа Тимур выставил вперед раскрытую ладонь, по которой гость ударил своей ладонью – пари, где ставка была тысяча рублей, состоялось.

Тот матч собрал полный стадион – пришло 60 тысяч зрителей. Погода стояла ясная, безветренная, а на термометрах было 17 градусов тепла. Короче, прекрасная возможность для игроков показать все, на что они способны, а для зрителей – насладиться отменной игрой. Но по-настоящему интересного матча в тот день все-таки не получилось. Обе команды явно осторожничали, понимая, что любая ошибка может стоить им дорого – достаточно пропустить всего лишь один гол и судьба золотых медалей может быть решена. Поэтому команды сгоняли 90 минут основного времени вничью 0:0, а потом так же без толку пробегали и дополнительное время.

– Ну, и что это было? – закуривая сигарету и поднимаясь со своего места, разочарованно произнес Тимур.

– Как что – продление удовольствия, – откликнулся на этот вопрос Левон. – Завтрашняя битва будет не чета нынешней.

– Твоими бы устами…, – усмехнулся Тимур.

Спустя несколько минут они снова сидели на заднем сиденье черной «Волги» и Тимур приказал своему нукеру:

– Вези в «Голубые купола».

– Что за место? – спросил Левон, никогда не слышавший этого названия.

– Ты в Ташкенте в последний раз в прошлом году был, поэтому и не знаешь. Новый ресторан у нас открыли на проспекте Ленина – настоящая сказка. В меню плов, лагман, манты, шашлык – пальчики оближешь.

Когда они подъехали к заведению, Левон понял, почему ресторан удостоен такого названия – в свете фонарей на его крыше были отчетливо видны несколько куполов голубого цвета. У входа бил небольшой фонтанчик, придавая заведению дополнительную восточную экзотику. В дополнении ко всему в

заведении звучал модный шлягер «Рыжая», исполняемый с южным колоритом, особенно в припеве.

Друзья прошли внутрь, где их встретил услужливый администратор, хорошо знавший Тимура. Он проводил их за дальний столик в углу. При этом зал был заполнен до отказа и многие люди, при виде Тимура, здоровались с ним, прикладывая правую руку к своей груди. Впрочем, Левон и до этого знал, что его спутник пользуется большим авторитетом в определенных кругах Ташкента, иначе он бы вряд ли стал одним из организаторов подпольного тотализатора – случайные люди к такому делу не допускаются.

Не успели они занять место за столиком, как официант уже принес им первые блюда – салаты и графин с водкой. Поэтому Тимур тут же разлил спиртное по рюмкам и они, пусть запоздало, но выпили за встречу, которая состоялась несколько часов назад. Затем, под салатик, они начали вести деловую беседу. Открыл ее гость, который, собственно, и прилетел в Ташкент ради этого делового разговора:

– Мы предлагаем вам совместное дело – объединить свои усилия, чтобы выручать друг друга нужными результатами. Мы будем по возможности помогать вашему «Пахтакору» в Москве, а вы нашим московским командам здесь, в Ташкенте.

– Ты что смеешься, Баста, такое нам предлагать? – удивился Тимур. – У нас в высшей лиге одна команда играет, а у вас их целых пять. Неравноценный дележ будет.

– Я же говорю о помощи не всем нашим командам, а тем, которые нужно будет особенно продвинуться или, наоборот, не вылететь в первую лигу. На матчи с их участием и ставки будут соответствующие – самые высокие. Тем более учти, что вашему «Пахтакору» гораздо чаще очки будут нужны, чем москвичам. Все-таки уровни разные.

– Ты нам это первым предлагаешь? – после короткой паузы, во время которой официант принес к ним на стол дымящийся плов и такой же шашлык, спросил Тимур.

– Нет, я уже слетал в Киев и Алма-Ату – везде согласны.

– Неужели сразу согласились?

– Нет, для приличия поломались, как ты теперь это делаешь, – улыбнулся Левон. – Дурень, это же увеличение прибыли. Расширение нашего бизнеса. Представляешь, сколько башлей можно заработать, играя результатами матчей в масштабах всей страны? И деньги будут доставаться не всем, а только тем, кто в этой операции участвует – в том числе и нам с тобой. Тебе что, лишние деньги помешают?

Вместо ответа Тимур широко улыбнулся и вновь взялся за

графин, чтобы разлить по рюмкам очередную порцию водки. Эта улыбка ясно указывала на то, что идея Левона его собеседнику понравилась и, значит, он будет лоббировать ее в кругу своих коллег по местному тотализатору.

Когда они уже достаточно выпили и съели весь плов и несколько шампуров с шашлыком, Тимур, закурив сигарету и откинувшись на спинку стула, спросил:

– Может, поднимем ставку нашего пари на завтрашнюю игру?

– Тебе одного «косаря» мало? – удивился Левон.

– Мне настоящего азарта не хватает.

– И сколько ты хочешь?

– Давай поднимем до пяти «косарей».

– А хочешь взять сразу пятьдесят, а то и все сто?

Не ожидавший такого поворота, Тимур от неожиданности поперхнулся сигаретным дымом. Левон протянул ему стакан с соком.

– Ты предлагаешь поднять ставку до сотни «косых»? – спросил Тимур, после того, как сделал несколько глотков из стакана.

– Нет, я хочу предложить тебе другое, – ответил Левон и, положив локти на стол, слегка подался вперед: – Измени завтра ставку и поставь на победу ЦСКА.

– Зачем?

– Прежде чем отвечу я, ответь мне ты: много у вас ставок сделано на победу динамовцев?

– Процентов семьдесят точно.

– Максимальная ставка?

– Два «косаря».

– А теперь представь себе, сколько выиграют те, кто поставил на победу армейцев.

– Но они не выиграют – это было видно даже сегодня. Завтра динамовцы их дожмут, вот увидишь.

– А если я сделаю так, что они не захотят дожать?

Услышав это, Тимур с интересом уставился на собеседника. По его взгляду было видно, что он никак не может определить, шутит его приятель или говорит серьезно.

– Ты можешь договориться с динамовцами? – задал наконец Тимур вопрос, который вертелся у него на языке.

– Могу, но мне надо знать, где они сейчас свои косточки греют.

– В доме отдыха МВД.

– Туда попасть можно?

– Вот этим людям, – и Тимур сделал жест в сторону посетителей ресторана – нельзя, а мне можно. У меня дядя, как

ты знаешь, в МВД работает – в канцелярии самого министра Яхъяева Хайдара Халиковича.

– Тогда сделай так, чтобы я завтра с утра попал в этот пансионат как сотрудник министерства твоего дяди, а все остальное я сделаю сам.

– Ты это серьезно?

– Более чем, поскольку такими деньгами, которые могут быть на кону в этой игре, люди, вроде меня, не разбрасываются. Поэтому, если ты согласен, мы сейчас с тобой заключим сделку. Суть ее проста. Если завтра победит ЦСКА, ты отдаешь мне пятьдесят «кусков». Все остальное – твое.

– Всего пятьдесят «кусков»? – удивился Тимур.

– Всего лишь – я не жадный.

– Тогда в чем твой интерес?

– Помочь тебе, дружище, сорвать хороший куш. Придет время, ты мне отплатишь тем же. Или я в тебе ошибаюсь?

Вместо ответа Тимур от души рассмеялся и, хлопнув приятеля по плечу, вновь взялся за графин с водкой, чтобы обмыть новую сделку.

Ретроспекция. 6 декабря 1970 года, воскресенье, Ташкент, стадион «Пахтакор», матч ЦСКА – «Динамо» (Москва)

Второй матч был назначен на 13.00. Погода в этот день выдалась еще более футбольная, чем вчера – термометр показывал почти 30 градусов тепла. Это был аномально теплый декабрь для Узбекистана, как будто кто-то сверху специально сотворил это чудо для того, чтобы люди не сидели дома, а могли сполна насладиться великолепным футбольным зрелищем, придя на стадион.

Тренеры обеих команд не стали мудрствовать лукаво и оставили практически те же составы, что играли накануне. Особенно это касалось тренера ЦСКА Валентина Николаева, который выпустил на поле тех же игроков, что начинали игру вчера: Пшеничникова (вратарь), Истомина, Шестернева (капитан), Афонина, Капличного, Уткина, Долгова, Копейкина, Федотова, Поликарпова и Дударенко. Что касается наставника бело-голубых Константина Бескова, то он кое-какие изменения произвел. Так, он не поставил на игру двух заболевших игроков, начинавших вчерашний матч – защитника Штапова и полузащитника Семина. Вместо первого он выпустил Уткина, а место второго занял Антонович. Все остальные игроки были теми же, что и вчера: Пильгуй (вратарь), Жуков, Смирнов, Зыков, Маслов, Аничкин

(капитан), Эштреков, Авруцкий, Еврюжихин.

В отличие от вчерашнего матча этот сложился на редкость результативно, поскольку теперь осторожничать было уже не к месту. И обстрелы обоих ворот начались практически с первых же минут игры – атаковала то одна, то другая команда. Пока, наконец, первыми не отличились армейцы. На n-й минуте они организовали очередной мощный натиск на ворота Пильгуя, и Юрий Истомин стремительно прошел по правому флангу, ворвался в площадь ворот динамовцев и мощно пробил. Пильгуй не смог поймать мяч, поэтому отбил его кулаками, но прямо под удар армейца Дударенко. Тот пробил в угол ворот и мяч влетел в сетку.

Сидевший в гостевой ложе Тимур, вскочил со своего места и, воздев руки вверх, завопил что есть мочи: «Го-о-л!» После чего стал радостно трясти за плечи, безмятежно сидевшего на своем месте Левона.

– Что ты радуешься, как ребенок? – невозмутимо спросил Баста, когда его приятель вновь уселся на скамейку.

– А почему мне не радоваться, если на кону стоят такие деньги, которые сами идут ко мне в руки? – искренне удивился Тимур.

– Своими воплями ты можешь их спугнуть, – предупредил его приятель.

– Не шути так, Баста, не надо, – сразу посерьезнел Тимур. – Я сделал все, как ты мне сказал – поменял ставку. И обратного хода уже нет. Если мы проиграем, ты ответишь по полной программе.

– Ты мне угрожаешь? – скосил взгляд на приятеля Левон.

Тимур не стал ничего отвечать и снова уставился на поле, где армейцы организовали очередную атаку. Но она быстро захлебнулась и теперь уже динамовцы оказались на половине ЦСКА. Мяч оказался у Аничкина, он прицельным ударом навесил мяч в штрафную армейцев, где этого паса уже ожидал Еврюжихин. Последовал сильный удар, но вратарь Пшеничников оказался на месте – в длинном прыжке он закрыл угол ворот и успел поймать мяч в руки.

– Молодец, Пшено! – сорвался с уст Тимура восхищенный возглас.

А ведь еще вчера он ставил на динамовцев и, если бы не Левон, то точно такие же восхищенные реплики отпускал бы теперь по адресу Пильгуя. Однако деньги, причем большие деньги, заставили его, болельщика ташкентского «Пахтакора» с младых ногтей, на эти полтора часа превратится в яростного болельщика московского ЦСКА. Но он даже не догадывался, что впереди его ждало серьезное испытание.

На 22-й минуте динамовцы всей командой пошли на штурм ворот армейцев. К этой атаке подключился молодой защитник Евгений Жуков, завладевший мячом.

– Жэка, мне! – закричал ему Владимир Эштреков, отрываясь от защитника соперников и смещаясь в свободную зону.

Однако Жуков увидел, что на это движение среагировал и вратарь армейцев, сместившийся влево. Этот маневр и решил исход дела. Вместо того, чтобы отдать голевой пас, Жуков решил пробить сам, несмотря на то, что расстояние до ворот было большим – более двадцати метров. Но весь расчет молодого защитника строился на неожиданности. И это сработало. Посланный, как из пушки, мяч стремительно преодолел расстояние от игрока до ворот и влетел в неприкрытый правый верхний угол ворот. Счет стал ничейным – 1:1.

– Я же говорил тебе, не голоси раньше времени, – зыркнул глазами в сторону погрустневшего Тимура его приятель.

Между тем эта грусть усилилась спустя две минуты, когда новая атака динамовцев, будто девятый вал накатила на ворота ЦСКА. Сразу четверо игроков «Динамо» ворвались во вратарскую зону армейцев и, разыграв классическую «стеночку», запутали защитников ЦСКА. Замкнул эту атаку Еврюжихин, который точным ударом послал мяч в нижний угол ворот соперника. Так «Динамо» вырвалось вперед.

После этого гола Тимур извлек на свет пачку «Мальборо». Но ему никак не удавалось закурить – в дорогой импортной зажигалке, видимо, кончился бензин, и она щелкала, но не зажигалась. Тогда Левон извлек из кармана свою зажигалку в виде миниатюрного пистолета и помог приятелю разрешить его проблему.

– Я смотрю, ты спокоен, как удав, – выпустив дым, произнес Тимур.

– А чего волноваться раньше времени? – пожал плечами его приятель.

– А когда, по-твоему, будет надо?

– Не волнуйся, я тебе скажу, – ответил Левон и спрятал зажигалку в карман пиджака.

В этот самый момент в очередной атаке были динамовцы, которые, поймав кураж после забитого гола, решили дожать соперника. В атаке снова было трио Аничкин – Маслов – Еврюжихин. Последний сильным ударом навесил в штрафную мяч, к которому бросились сразу два защитника ЦСКА и динамовец Валерий Маслов. Все решила какая-то доля секунды. Динамовец оказался расторопнее и в сутолоке сумел ударить по мячу. Тот угодил в ногу одному из защитников, произошел

рикошет, который не позволил Пшеничникову выбрать правильную позицию в воротах. И мяч беспрепятственно влетел в сетку. 3:1 – это было уже похоже на разгром.

Когда динамовцы бросились обнимать своего нападающего, забившего гол, Тимур с ужасом взирал на происходящее. Сигарета вывалилась у него изо рта и упала под скамейку, а сам он сидел ни жив, ни мертв и не верил своим глазам. А его приятель безмятежно взирал на то, как счастливые динамовцы не спеша семенили к центру поля, теребя по волосам героя этого эпизода – Маслова.

– Что происходит, Баста? – выдавил, наконец, из себя недоуменный вопрос Тимур.

– Как что – мы проигрываем, – спокойно ответил Левон.

– Я это и сам вижу, но как это понимать? Ты меня специально подставил?

– Зачем, если я тоже «горю» синим пламенем?

– Но ты же сказал, что обо всем договорился?

– Я и сейчас не отказываюсь от своих слов.

– О чем ты, Баста, посмотри на табло?

– А что там такого – играют всего лишь полчаса.

– Ты на счет посмотри!

– Знаешь, как в футболе говорят: мяч круглый. Так что не скули раньше времени, а лучше закури по-новой и успокойся, – и Левон снова извлек на свет зажигалку.

До конца первого тайма счет так и не изменился, что не придало оптимизма Тимуру. Он даже не захотел выйти в подтрибунное помещение, чтобы размять ноги. Вместо этого он теребил приятеля за рукав куртки и спрашивал:

– Ну, скажи, что еще не все потеряно, что ты специально это так задумал, чтобы пощекотать мне нервы.

– Конечно, специально, – соглашался Левон, хотя в его голосе не было слышно большой уверенности.

Он и сам пребывал в растерянности от происходящего, но старался не демонстрировать это внешне. Однако в голове у него монотонно пульсировала одна и та же мысль: «Неужели я ошибся?»

* * *

В раздевалке динамовцев царило оживление. Игроки громко обсуждали перипетии первого тайма, смеялись и шутили. В это время в раздевалку вошел Бесков.

– Молодцы, ребята, – ни на йоту не ушли от моей пред

матчевой установки. Если дальше будете так держать, считайте, что мы чемпионы. Кто-нибудь устал?

Вопрос был задан не случайно – тренер хотел понять, кого следует заменить в перерыве. Правда, выбор у него был небогат. Если вчера у него на замену было сразу трое игроков – Штапов, Семин и Козлов, то сегодня здоровым был только последний. И его он собирался выпустить в концовке игры.

В это время к Бескову подошли сразу трое игроков – Аничкин, Еврюжихин и Маслов.

– Константин. Иванович, мы предлагаем не производить замены, – обратился к тренеру капитан команды, Аничкин.

– Почему так решили? – удивился Бесков.

В его тренерской практике это был первый случай, чтобы игроки подошли к нему с такой просьбой. Ведь в игре всякое может случиться: кто-то из футболистов мог устать, кого-то могли травмировать.

– Команде вполне по силам сыграть в прежнем составе и дальше, – продолжил свою мысль Аничкин.

– Но армейцы во втором тайме наверняка захотят увеличить темп, – предположил Бесков.

– Вот и хорошо – уйдем в глухую оборону и будем ловить их на контратаках, – вступил в разговор Маслов, после чего добавил: – И разрешите мне лично сыграть против Володи Федотова.

– Но против него играет Жуков, – напомнил тренер расстановку игроков на поле. – Причем, хорошо играет.

– У меня не хуже получится. Женька парень молодой, горячий, и во втором тайме может не справиться с более опытным Федотовым. А я все же не первый год замужем.

Бесков на несколько секунд ушел в себя, обдумывая это предложение. Ему не хотелось обижать недоверием молодого, но амбициозного Жукова, который сегодня старался изо всех сил и производил прекрасное впечатление. Однако и отказать опытному Маслову тренер тоже большого желания не испытывал – именно на таких игроках держалась команда. В итоге тренер вынес свой вердикт:

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

Затем он обратил свой взор на Еврюжихина, все это время молчавшего.

– Геннадий, у меня к тебе просьба. Если наша атака будет срываться, непременно возвращайся на свой фланг и там постарайся помешать атакующим действиям Истомина. Его надо нейтрализовать, а сделать это сподручнее именно тебе. Договорились?

– Не беспокойтесь, Константин Иванович, все сделаю, как надо, – ответил футболист.

Правда, сказал он это без особого энтузиазма и как-то натужно. Но Бесков отнес это за счет усталости, которая могла еще присутствовать у игрока.

Перед тем, как выпустить команду на поле, Бесков обратился к игрокам с последним напутственным словом:

– Ребята, надо развить успех. Прекрасно понимаю, что вы устали, все-таки второй день сражаемся. Но ведь и армейцы тоже не двужильные. Если забьем еще один гол, то можно считать, что победа у нас в кармане. Все дело в психологии – кто первым сейчас забьет, тот будет иметь преимущество. Поэтому прошу вас, не думайте только об обороне, иначе наверняка пропустите.

Едва прозвучал свисток главного арбитра матча Тофика Бахрамова из Баку, возвестившем о начале второго тайма, как армейцы почти всей командой ринулись на штурм ворот «Динамо». Было видно, что в перерыве их тренер сделал им хорошую «накачку» и теперь они буквально лезли из кожи, чтобы оправдать его доверие. Впрочем, старались они не только ради него, но и ради… министра обороны Андрея Гречко. Перед выходом на поле им сообщили, что министр летит из Швеции на родину, в самолете слушает репортаж об этой игре и крайне недоволен таким развитием событий. И футболисты были прекрасно осведомлены о том, чем именно может обернуться это недовольство, когда Гречко приземлится во Внуково. Поэтому сражаться игрокам ЦСКА было за что.

У армейцев, как и в первом тайме, особым усердием отличались два игрока – Владимир Федотов и Юрий Истомин. Только если в первой половине игры за первым приглядывал Юрий Жуков, а второго опекал Геннадий Еврюжихин, то теперь ситуация изменилась. Бесков перевел Жукова ближе к воротам, а к Федотову приставил Маслова, по его же просьбе. Однако вместо того, чтобы «висеть» у армейца на плечах, Маслов стал отпускать его далеко от себя, позволяя ему совершить стремительные проходы во вратарскую площадку динамовцев. То же самое и Еврюжихин – он как-то странно опекал своего визави Истомина, разрешая ему разрезать правый фланг «Динамо» и делать опаснейшие передачи все тому же Федотову.

Когда несколько таких проходов армейца и его опасных пасов едва не стоили динамовцам пропущенного гола, нервы Бескова не выдержали. Он вскочил со скамейки и, подбежав к кромке поля, закричал Еврюжихину:

– Почему фланг не держишь, е… твою мать!

Затем, уже обращаясь к Маслову:

– Масло, не давай Федоту простора – в затылок ему дыши!

Однако эти призывы не имели положительного эффекта. Истомин, как бегал по правому флангу, будто у себя дома, так и продолжал бегать, а Федотов, как получал от него пасы, так и продолжал это делать.

– Что происходит? – удивлялся Бесков, обращаясь к своим коллегам, сидевшим вместе с ним на скамейке запасных.

– Вы же сами разрешили ребятам играть без замен, – напомнил тренеру его же собственные слова в раздевалке Лев Яшин.

– Но я же не думал, что они доведут дело до такой игры! – всплеснул руками Бесков.

После чего он подозвал к себе второго тренера Юрия Кузнецова и спросил:

– Юра, надо Масло заменить – есть кем?

– Боюсь, что нет, Константин Иванович – все в разобранном состоянии.

– Даже Семин? – удивился Бесков.

– Даже он, – подтвердил Кузнецов. – Может, молодежь выпустим: Гаврилова, Кожемякина?

– Рано им еще в таких матчах играть – не выдержат.

– А эти, что на поле, чем лучше – до гола в наши ворота добегаются, – резонно заметил Кузнецов.

И как будто в воду глядел. На табло шла 71-я минута матча, когда Истомин в очередной раз под возмущенные выкрики Бескова прорвался по правому флангу к вратарской динамовцев и, обыграв защитника, точно выложил мяч на ногу Федотову. И тот, без всякой обработки, зарядил мячом по воротам. Удар был настолько сильным и неожиданным, что Пильгуй не успел вовремя среагировать и мяч, пролетев у него над головой, влетел под самую планку ворот. Счет стал 3:2.

Этот год вдохновил армейцев – они стали бегать по полю так, будто у них за спиной выросли крылья. А динамовцы сникли, отошли к своим воротам и теперь всей командой пытались защитить их, даже не помышляя об атаке.

– Куда вы жметесь? – кричал своим подопечным с бровки Бесков. – Атакуйте их, не давайте им простора. Масло, сукин сын, держи Федота!

Однако Маслов явно не успевал за своим подопечным, из-за чего у него никак не получалось перекрыть ему возможность для получения мяча.

– Масло, поменяйся с Жуковым! – приказал Бесков игроку, но тот проигнорировал это требование, продолжая оставаться на прежней позиции.

На 75-й минуте Федотов снова получил мяч и ворвался в штрафную площадь динамовцев. Он начал финтить, пытаясь обмануть защитников, и это у него получилось. Проскочив между двумя игроками «Динамо», армеец собирался выйти на голевой простор, чтобы нанести точный и прицельный удар. Однако ему не дали этого сделать. Один из защитников выставил вперед ногу и Федотов, споткнувшись об нее, упал на землю. Судья Бахрамов тут же указал рукой на одиннадцатиметровую отметку.

– Ура, будет пенальти! – что есть мочи закричал Тимур, которые последние двадцать минут пребывал в крайне возбужденном состоянии.

В отличие от него Левон был само спокойствие, хотя внутри у него все клокотало не меньше, чем у его приятеля. Просто он всегда умел управлять своими эмоциями.

Между тем на поле армейцы долго совещались, кому бить этот штрафной удар. Делать этого никто не хотел, понимая, какая ответственность ложится на такого человека. Главными забивалами в команде были Владимир Федотов, Владимир Поликарпов и Борис Копейкин, но каждый из них переадресовывал эту обязанность пробить пенальти другому. Пока, наконец, несколько игроков, чуть ли не насильно, не заставили Поликарпова выйти вперед. Он подошел к мячу и долго устанавливал его на одиннадцатиметровой отметке. Потом так же долго отходил от мяча на расстояние разбега. Стадион в эти мгновения затаил дыхание. Тишина была такой, что, пролети где-то муха – было бы слышно.

Наконец, Поликарпов разбежался и ударил. Вратарь бросился в левый угол ворот, а мяч полетел в правый. И счет стал ничейным – 3:3.

Когда стадион зашелся от восторга после забитого гола, Бесков взялся за голову. Он был достаточно искушенным в футболе человеком, но подобное состояние его охватывало редко. Это было состояние отчаяния, когда ты видишь надвигающуюся беду, но ничего не можешь с ней поделать.

«Почему они перестали бегать? – задавал себе один и тот же вопрос Бесков. – Ведь они сами подошли ко мне в раздевалке и попросили не делать замен, обещая сыграть сами. В чем здесь дело?»

Этот вопрос снова возник в голове у тренера, когда Юрий Истомин в очередной раз пробежал мимо него по правому флангу, а Еврюжихин даже не бросился ему наперерез. Точно так же вел себя в центре поля и Маслов, который трусцой семенил за спиной Федотова и не делал никаких попыток перекрыть ему возможность для получения мяча. В итоге Истомин выложил

точный пас Федотову и тот на скорости послал мяч в нижний угол ворот динамовцев. Пильгуй в прыжке пытался достать этот мяч, и его рука в перчатке должна была это сделать. Но тут мяч соприкоснулся с какой-то кочкой на травяном газоне, подпрыгнул и… перемахнув через руку вратаря, влетел в сетку ворот. Часы на табло зафиксировали точное время этого гола – 84-я минута. До конца игры оставалось всего лишь шесть минут. Катастрофически малое время для того, чтобы отыграться. Тем более для команды, которая имела фору в два мяча, но в итоге пропустила три мяча подряд.

После забитого гола ЦСКА всей командой отошел назад и не оставил динамовцам ни малейшего шанса для того, чтобы сравнять счет. По сути эти несколько минут до финального свистка команды попросту доигрывали матч.

Эти последние минуты Тимур пребывал в настоящей эйфории. Он пыхтел сигаретой, как паровоз, и то и дело обнимал свободной рукой Левона, шепча ему в ухо:

– Какая же ты сволочь! Ты специально тянул из меня жилы, хотя заранее знал о нашей победе. Но как ты сумел такое провернуть? Это же нереально.

Левон и сам не мог взять в толк, каким образом на поле смогла выстроиться такая интрига. Хотя, наблюдая за действиями отдельных динамовских игроков во втором тайме, он догадывался, что происходит некое действо, которое должно перевернуть течение игры с ног на голову. Но даже когда этот переворот случился, он все равно не мог до конца поверить, что это все-таки произошло.

В динамовской раздевалке теперь царило уныние. Всего лишь меньше часа назад здесь слышались смех и шутки, а теперь стояла тишина, как на похоронах. Бесков вошел в раздевалку последним, вернее, не вошел, а вбежал. Он знал, где сидит Маслов и направил свои стопы именно в тот угол.

– Вы игру сознательно сдали! – громко, чтобы слышали все, сказал тренер в лицо футболисту, который вытирал полотенцем пот с лица.

– Вы что несете? – возмутился футболист.

– Что слышал – продали игру, сволочи!

В следующую секунду футболист отбросил в сторону мокрое полотенце и бросился с кулаками на тренера. Но стоявший рядом с ними второй тренер успел вовремя среагировать на этот порыв и, обхватив Маслова руками, буквально оттащил его в сторону.

– Вы с ума сошли, вам к врачу надо! – бушевал игрок, путаясь вырваться из крепких рук наставника.

– Если мне надо к врачам, то таких, как ты, надо упечь за

Можай! – чеканя каждое слово, произнес Бесков, после чего развернулся и покинул раздевалку.

Когда дверь за ним закрылась, второй тренер отпустил, наконец, Маслова из своих объятий. А затем к футболисту подошел начальник команды Сергей Ильин и сказал:

– Не бери в голову, Валера. Пойдем лучше, я налью тебе стакан водки – успокоишься.

– С одного стакана вряд ли, – покачал головой спортсмен.

– Значит, налью два, – улыбнулся Ильин и, обняв футболиста за плечи, повел его в смежную с раздевалкой комнату.

Ретроспекция. 27 января 1971 года, среда, Москва, Старая площадь, ЦК КПСС

Несмотря на свои подозрения относительно того, что ряд игроков его команды могли «сдать» финальный матч с ЦСКА, Бесков не подал заявление об отставке. Он просто не смог бросить команду из-за нескольких нечистых, как он считал, на руку людей. Ведь конкретных доказательств этой нечистоплотности у тренера все-таки не было.

Спустя месяц после того драматичного финала, когда его перипетии уже начали забываться и Бесков догуливал последние отпускные дни перед открытием нового сезона, его внезапно вызвали на Старую площадь, причем не к кому-нибудь, а к члену Политбюро Дмитрию Полянскому. Отправляясь на эту встречу, тренер никак не мог взять в толк, зачем он понадобился этому человеку, с которым был лишь шапочно знаком – они однажды виделись на одном из торжественных мероприятий в Кремле.

Когда Бесков вошел в кабинет Полянского, расположенный на третьем этаже знаменитого здания ЦК, член Политбюро встретил его весьма радушно. Встал из-за стола, долго пожимал ему руку, а затем проводил до стула с широкой спинкой, куда Бесков и уселся. Затем Полянский вызвал секретаршу и попросил принести им чая с неизменными сушками.

– Как отдохнули, Константин Иванович? – поинтересовался хозяин кабинета, когда гость удобно расположился напротив него.

– Спасибо, прекрасно, – ответил Бесков, не став вдаваться в детали своего отдыха.

Хотя рассказать было что. Они с женой ездили в Гагры, где провели восхитительные три недели в кругу своих друзей. Кстати, именно они и рассказали Бесковым, что всего лишь несколько месяцев назад Полянский выдал свою дочь Ольгу не за какого-

нибудь партийного сынка, а за молодого актера Театра на Таганке Ивана Дыховичного. Это было весьма неординарным поступком, учитывая, какая слава тянулась за Таганкой – этот театр считался идеологически неблагонадежным.

– Какие планы на новый сезон? – продолжал задавать свои вопросы Полянский, размешивая ложкой сахар в чашке с чаем.

– Через две недели собираемся отправиться в турне по Австралии – будем играть с командами нескольких тамошних штатов.

– Всех игроков берете? – поинтересовался Полянский.

– В каком смысле? – удивленно вскинул брови тренер.

– Я имею в виду игроков, которых вы подозревали в сговоре?

– А почему я должен их оставить?

– В свете того, что произошло в прошлом декабре в Ташкенте, это было бы самым разумным.

– Ах, вот вы о чем, – Бесков только теперь понял, куда клонит его собеседник и зачем его сюда пригласили. – Я попытался выбросить эту историю из головы.

– Разве такое можно выбросить? – теперь уже настала очередь удивляться Полянскому. – Такие вещи не забываются и не прощаются.

– О чем вы, Дмитрий Степанович? Ведь мои подозрения в отношении этих людей основываются исключительно на моих субъективных оценках. То есть, веских поводов обвинять их у меня нет. Поэтому эти люди остались в команде, и мы будем дальше с ними работать. Правда, уже без особого дружеского расположения с моей стороны.

– И все же, как вы думаете, был сговор на том матче или нет? – после короткой паузы, задал новый вопрос Полянский.

– Мне кажется, был, но что это меняет – матч уже проигран, медали розданы. Или вы собираетесь все аннулировать?

– Нет, отменять мы ничего не будем, но определенные выводы сделать собираемся.

– Что за выводы?

Прежде чем ответить, Полянский достал из папки, лежавший у него на столе, какой-то документ и протянул собеседнику. Тот взял его в руки и прочитал «шапку»: «Кодекс спортивной чести советского футболиста».

– Что это? – Бесков вновь поднял глаза на Полянского.

– Там же написано: кодекс чести. Нам кажется, этот документ может внести определенные коррективы в поведение наших футболистов как на поле, так и за его пределами.

– Вы это серьезно? – по-прежнему не сводя своего пристального взгляда с собеседника, продолжал удивляться

Бесков.

– А что вам не нравится, Константин Иванович?

– Мне не нравится, что наше спортивное руководство занимается отписками. Вместо того, чтобы проводить радикальные реформы в нашем футбольном хозяйстве, они пишут вот такие, извините меня за резкость, филькины грамоты.

Сказав это, Бесков положил документ на стол.

– Вы не хотите его прочитать?

– Не вижу смысла. Тем более, что я прекрасно знаю, что именно там написано. Еще раз хочу повторить, Дмитрий Степанович: наш футбол серьезно болен, но лечить его с помощью таких вот бумажек – это верх глупости.

– А какими мерами предлагаете лечить его вы?

– Радикальными.

– А если поконкретнее?

Бесков ответил не сразу. Прежде он вновь встретился взглядом с собеседником и, увидев в нем искреннюю заинтересованность, продолжил:

– Во-первых, надо обновить наше руководство. Я имею в виду и Федерацию футбола, и управление футбола Спорткомитета. Во-вторых, не мешало бы разграничить их полномочия, которые на сегодня у Федерации чисто представительские.

– А если мы вообще упраздним Федерацию? – прервал ход рассуждений тренера член Политбюро.

– Я бы этого делать не стал, – возразил Бесков. – В Федерации работают профессионалы от футбола, а в Спорткомитете – функционеры, администраторы. Кстати, эту филькину грамоту могли придумать только они.

– Хорошо, что вы о ней вспомнили, – вновь оживился Полянский. – Значит, кодекс чести нашим футболистам, по-вашему, не нужен?

– Честь, если она утеряна, возвращают иными способами. А над этой бумагой все только смеяться будут. Вопрос надо ставить радикально – гнать из футбола игроков без чести и совести поганой метлой. Тогда другим неповадно будет.

– Но вы же своих игроков из команды не погнали?

– Потому что мне запретили это делать. К тому же я вам говорил, что нет у меня весомых доказательств сговора. Вот если бы они были, тогда другое дело. И в этом вопросе наш ЦК очень здорово мог бы нам помочь.

– Каким образом?

– Создайте специальный орган, который будет выявлять факты сговора на футбольных матчах. Ведь ни для кого не секрет, что такие сговоры существуют и с каждым годом их становится

все больше и больше. История в Ташкенте, если все было именно так, как я предполагаю, наглядно демонстрирует нам, до чего уже дошел прогресс в этом деле – до участия в футбольных делах уголовного криминалитета. Они же с потрохами скупают матчи, делая на них баснословные ставки.

– У вас есть факты?

– У меня есть догадки, а факты должны добывать вы, вернее, тот орган, о создании которого я здесь сейчас вам говорю. Объедините свои усилия с МВД и КГБ и начните наводить порядок. Иначе эта зараза будет и дальше разрастаться.

По тому, как реагировал на этот страстный монолог Полянский, было невозможно определить, достиг он цели или нет. А реакция была более чем невозмутимая. Член Политбюро вернул «Кодекс чести» обратно в папку, после чего допил свой, уже давно остывший чай. В отличие от него, Бесков к своей чашке так ни разу и не притронулся.

– Судя по вашим словам, Константин Иванович, вы по-настоящему болеете за дело, – первым нарушил тишину в кабинете Полянский. – Вот бы вас назначить председателем Федерации или управления футбола. Но, боюсь, ваша кандидатура не наберет нужного количества голосов. А мы все-таки привыкли использовать демократические формы выборов. Но мы обсудим ваше предложение и обязательно вас об этом оповестим. А пока – удачной вам поездки в Австралию, – и Полянский первым поднялся со своего места, чтобы проводить гостя до порога.

Ретроспекция. 28 января 1971 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Когда запись на магнитофоне закончилась, Андропов поднял глаза на своего собеседника – начальника спортивной линии 5-го управления КГБ СССР Марата Изюмова. Эту запись разговора между членом Политбюро Полянским и тренером Бесковым он получил вчера вечером и уже сегодня утром принес ее председателю КГБ для ознакомления. Разговор был весьма интересный, особенно в части касаемой тайных сговоров, существующих вокруг футбольных матчей. Слова Бескова о том, что в этом деле мог быть замешан уголовный криминалитет, подтверждались и данными, которые приходили на Лубянку от других источников.

– А что, тот матч в Ташкенте, на самом деле мог быть продан? – спросил Андропов, когда его собеседник нажал на кнопку «стоп» на магнитофоне.

– Трудно сказать, но один факт настораживает. В эти же дни в Ташкенте находился карточный игрок Левон Абегян по прозвищу Баста. Наши ташкентские коллеги зафиксировали его контакты с местным уголовным авторитетом Тимуром Кадыровым – тоже большим любителем не только карточной игры, но и футбола. Но о чем именно они договаривались, пока неизвестно.

– Значит, плохо работают наши узбекские коллеги, – покачал головой Андропов. – Что-то не узнаю я Алексея Дмитриевича.

Речь шла о председателе КГБ Узбекской ССР Алексее Бесчастнове, который до своего назначения в Ташкент в течение двух лет занимал должность начальника 7-го управления КГБ СССР, которое отвечало за наружное наблюдение. Впрочем, он работал в новой должности всего лишь чуть больше года, поэтому мог еще и не освоиться до конца.

– Что скажете по поводу слов Бескова о создании специального органа для выявления договорных матчей? – задал очередной вопрос Андропов.

– Предложение в пустоту – никто это не поддержит, – закрывая магнитофон крышкой, ответил Изюмов. – Вы же знаете, во что превратили у нас футбол.

Естественно, Андропов это знал. Практически во всех республиках за деятельностью футбольных команд стояли местные руководители, которые превратили клубы в свои игрушки. Причем началось это еще в 30-е годы, но тогда этот процесс не охватывал всю страну, замыкаясь исключительно на

центральных регионах. Однако с начала 60-х годов, когда чемпионат СССР по футболу был значительно расширен, ситуация с подчиненностью футбольных клубов партийным функционерам только усугубилась. Руководители регионов стали использовать свои команды в деле продвижения региональных интересов не только в местном, но и во всесоюзном масштабе. И бороться с этим явлением было невозможно, учитывая переплетение различных клановых интересов. Впрочем, КГБ и не собирался бороться с этим, как с явлением политического характера, поскольку был мечом в руках прежде всего партийной номенклатуры. А поскольку последняя была активно вовлечена в футбольные «договорняки», то КГБ не мог этому препятствовать. Однако когда дело касалось проникновения в этот процесс уголовного элемента, то здесь Лубянка обязана была реагировать, причем жестко.

– Как думаете, Марат Игнатьевич, зачем Полянскому вообще понадобился этот разговор? – первым нарушил возникшую паузу в разговоре Андропов.

– Полагаю, что не только для демонстрации «Кодекса чести советского футболиста», – ответил Изюмов. – Готовится серьезная реорганизация футбольного хозяйства.

– И в чем она будет заключаться?

– Ситуация пока еще в подвешенном состоянии – идут консультации. Но кое-что уже известно. Например, Федерацию футбола хотят лишить ее полномочий, сосредоточив все руководство футболом в Спорткомитете. Для этого там готовят смену руководства.

– Хотят убрать Гранаткина? – вскинул брови Андропов.

– Именно – засиделся человек, к тому же сразу на двух стульях. Короче, его оставят главой футбольной Федерации и нашим представителем в ФИФА, а на его место руководителя в отделе футбола хотят посадить Леонарда Земченко.

– Что за субъект?

– Вы будете смеяться, Юрий Владимирович, но он три года возглавлял отдел спорта в Ворошиловоградском обкоме.

– Тогда все ясно, кто его тянет, – и по губам шефа КГБ пробежала всепонимающая ухмылка.

Дмитрий Полянский был уроженцем бывшей Луганской, а ныне Ворошиловградской области. В свете этого Андропову стало окончательно понятно, зачем Полянскому понадобился этот разговор с Бесковым – он хотел заручиться поддержкой наиболее авторитетных футбольных людей, чтобы провести не только реорганизацию футбольных структур, но и смену в нем руководства. Впрочем, вряд ли Бесков одобрил бы кандидатуру

Земченко на пост главы отдела футбола. Но Полянскому это было неважно – главным для него было, чтобы именитый тренер в целом поддержал реформы в футбольном хозяйстве. А тот, как выяснилось, был за таковые.

– Чем грозит нам приход Земченко к руководству? – спросил Андропов.

– Усилением украинской группировки.

– Это я и сам понимаю. Меня интересуют детали – у нас что, теперь ворошиловградская «Заря» станет чемпионом?

– Типун вам на язык, Юрий Владимирович, – отмахнулся Изюмов. – Хотя, чем черт не шутит. Она в прошлом году заняла пятое место и при умелой постановке вопроса вполне может произвести сенсацию.

– Ладно, не будем гадать на кофейной гуще. Займемся лучше уголовным элементом, сующим свой нос в футбольное хозяйство. Пора подойти к этим ребятам вплотную.

Изюмову не надо было лишний раз объяснять, что скрывалось за этими словами шефа. Контрразведке КГБ предстояло внедрить в среду футбольных «жуков» своего агента.

3 октября 1973 года, среда, Киев, Федерация футбола Украины

Глава украинского футбола Лев Щепко вошел в здании Федерации, расположенной на территории Центрального стадиона, и поднялся к себе в кабинет на третьем этаже. И тут же вызвал своего заместителя Адама Добрых, который явился без всяких проволочек, благо его кабинет располагался поблизости. Более того, он ждал этого вызова, зная, куда ездил шеф – в ЦК КП Украины, где его принимал заведующий сектором спорта. А после таких поездок глава Федерации всегда вызывал к себе своего зама, чтобы поделиться с ним впечатлениями от поездки. Вот и сегодня, едва зам переступил порог председательского кабинета, как Щепко сообщил:

– Нас с тобой хвалят, но работы еще непочатый край.

– Кто бы сомневался, – ответил зам, усаживаясь на свое привычное место – в кресло, напротив председательского стола.

– Кровь из носа надо вывести наше «Динамо» в чемпионы и помочь ему завоевать союзный Кубок, – продолжал вещать хозяин кабинета. – Следующая игра у наших в Москве против ЦСКА – надо отправить туда гонца. Армейцам очки все равно не нужны, думаю, они упираться не будут.

– Как сказать, мы же в первом туре их по обыграли, – напомнил зам о событиях полугодичной давности.

– Ничего, найдете нужные ключики, если захотите, – отмахнулся от этих слов председатель. – В ЦК мои доводы относительно невозможности задобрить армейцев отмели с порога. А уж про «Карпаты» и говорить нечего.

– Вот с «Карпатами» проблем точно не будет, – уверенно заявил Добрых.

– Ни с кем не должно быть проблем, тебе понятно? – смерив гостя суровым взглядом, произнес Щепко. – «Арарат» не должен стать чемпионом. Хватит с нас прошлогодней сенсации – с «Зарей». Кстати, с кем играют армяне в следующем туре?

– С московскими динамовцами. Но в Ереване.

– Это плохо – дома, как известно, и стены помогают. Впрочем, динамовцам очки дозарезу нужны, чтобы занять третье место. Поэтому ребят Качалина армянам умаслить не удастся. Чего не скажешь про армейцев. Тем более, что в ЦСКА почти полкоманды составляют выходцы с Украины.

– Я думаю, что ЦСКА мы и без этого обыграем – команда явно в раздрае.

– Думать за нас в ЦК будут, а мы должны их директивы исполнять. Мне там так и сказали: никакой скидки на авось – строго научный подход. Поэтому не будем уповать на склоки в ЦСКА, а заранее постелем себе соломку. Все понятно?

Вместо ответа зам кивнул головой.

– Теперь конкретно по «Карпатам», – продолжил свою речь председатель. – Они в зоне вылета, а ЦК поставил перед нами задачу: в следующем году в высшей лиге должно играть не пять украинских команд, как сейчас, а шесть. В таком случае наше «Динамо» получит возможность гарантированно иметь куда больше лишних очков в своей копилке. Поэтому спрашиваю: как там дела у «Черноморца» в первой лиге – он путевку завоюет?

– Обижаете, – улыбнулся Добрых. – Они с «Таврией» идут ноздря в ноздрю, а московский «Локомотив» отстает на пять очков и вряд ли нас догонит.

– Уверен?

– Абсолютно, – без раздумий ответил зам. – Деньги на это уже выделены, так что можно смело рапортовать, что «Черноморец» будет играть в высшей лиге.

В свое время днепропетровский «Днепр» несколько лет сидел в первой лиге и никак не мог оттуда выбраться. Тренировал команду Валерий Лобановский, который первым из советских тренеров перешел на европейские тренировочные методики. Их он черпал из западных журналов, которые ему поставлял директор стратегического оборонного предприятия «Южмаш» (к нему был прикреплен «Днепр») Александр Макаров. Однако,

сделав из команды настоящую машину, Лобановский никак не мог вывести ее в высшую лигу – мешали судьи. Он категорически не хотел им платить «отступные», поэтому в финальной стадии турнира арбитры попросту «сплавляли» днепровцев. В итоге в 1969 году в высшую лигу вышел «Спартак» из Орджоникидзе, а год спустя – Львовские «Карпаты» с алма-атинским «Кайратом». Пока, наконец, в 1971 году Лобановский не изменил своим принципам. И сразу после этого его команда стала победителем первой лиги.

А вообще стройную систему договорных игр изобрели все на той же Украине – в тамошних высших кабинетах. Почему именно там? Дело в том, что РСФСР и Украина были крупнейшими регионами в стране и костяк руководящей элиты формировался именно в них. Например, бывший генсек (Хрущев) и действующий (Брежнев) были выходцами с Украины, но к вершинам власти вознесшиеся в РСФСР. Но если российские футбольные клубы были разобщены между собой, а некоторые и вовсе друг с другом враждовали (как, например, ЦСКА со «Спартаком»), то украинские были более сплоченными (за исключением киевских динамовцев и дончан из «Шахтера», которые представляли два враждующих клана – киевско-днепропетровский и донецкий). В итоге в начале 1968 года в Киеве состоялось совещание тренеров украинских футбольных клубов, где был заключен договор о взаимопомощи. Согласно этому «секретному пакту», его участникам было предписано безоговорочно при выездах в Киев жертвовать «старшим братьям» по два очка, а у себя дома дозволялось (и то только при благоприятных обстоятельствах) изобразить ничью (иногда разрешалось и выиграть). Например, в сезоне-73 киевляне сыграли со своими земляками следующим образом: с «Шахтером» – 2:0 и 2:1, с «Зарей» – он и 1:0, с «Днепром» – 0:1 и 5:2, с «Карпатами» – 1:0 (вторая игра должна была состояться на финише сезона).

– У одесситов играет главный забивала первой лиги Анатолий Шепель, – продолжил разговор Щепко. – Сколько на его счету на сегодня мячей?

– На рекорд идет – больше тридцати.

– Ну, мы-то с тобой знаем, как эти рекорды штампуются, – усмехнулся Щепко. – Но игрок он и правда хороший – действует по всему фронту атаки, постоянно перемещается в поисках лучшей позиции, даже за безнадежные мячи борется так, что вызывает восхищение у зрителей. И к судьям почти не аппелирует, как некоторые из наших динамовцев (зам сразу догадался, о ком именно идет речь – об Олеге Блохине).

– У него и пас отменный, – поддержал шефа его

заместитель. – В последней игре они с Томашевским такой гол сотворили – пальчики оближешь.

– Вот я и говорю – надо Шепеля к нам в Киев перетаскивать.

– Боюсь, сложно будет – тамошнее начальство не захочет отпускать такого игрока: без него «Черноморец» загнуться может.

– Ничего, не загнется – вылететь из высшей лиги мы ему не дадим. Но и усиливать не будем.

– Но Шепель вряд ли впишется в «Динамо» – в Одессе на него вся команда играет.

– Ты что дурной – мы не для этого его в Киев перетаскиваем. Нам главное одесситов ослабить, а в «Динамо» линия атаки и без того сильная. Зато парень в столицу переедет, все мыслимые и немыслимые блага поимеет – квартиру, машину, хорошую зарплату. За это можно и на скамейке запасных сезон посидеть. А дальше видно будет. Короче, возьми этот вопрос на заметку.

– Как скажете, – ответил Добрых и хитро улыбнулся.

После этого они снова вернулись к тому, с чего начался их разговор – к будущему матчу киевлян с ЦСКА. Им надо было обсудить кандидатуру человека, которому предстояло стать их эмиссаром и отправиться завтра в Москву.

3 октября 1973 года, среда, Киев, Владимирская, 15, ГУВД Киева, уголовный розыск

Влас Оленюк вернулся к себе в кабинет, сжимая в руках отчет эксперта-паталогоанатома о причинах смерти Лазаря Луцкого. Заключение полностью подтверждало версию сыщика: покойный не покончил с собой, а был убит. Об этом говорила большая гематома у него на затылке, которая не могла появиться в следствии падения тела с большой высоты – Луцкий упал на землю лицом вниз. Судя по всему, перед тем, как выбросить массажиста из окна, убийца ударил его тяжелым предметом по голове (видимо, это была бутылка «Московской»), после чего влил ему в горло водку и сбросил вниз.

В пользу версии об убийстве говорили и отпечатки пальцев, обнаруженные на ручке оконной раме. Они хоть и принадлежали Луцкому, но были нечеткие, смазанные. Если бы массажист в нормальном состоянии открыл окно сам, перед тем, как выброситься, отпечатки были бы четкие. Но поскольку Луцкий в тот момент был без сознания, то его руку к ручке мог приложить только убийца. Но из-за неудобного положения тела, которое находилось в бессознательном состоянии, четко зафиксировать зажим ручки пальцами у преступника не получилось.

Спустя пять минут после того, как Оленюк вернулся к себе в кабинет, туда пришел эксперт в сопровождении той самой продавщицы, которая продала бутылку «Московской» предполагаемому убийце. Кстати, по словам женщины, предъявленная ей бутылка, найденная на месте преступления, действительно могла быть куплена именно в их магазине – об этом говорила этикетка бутылки, на которой были бурые пятна.

– Это я случайно на ящик с водкой томатный сок пролила, когда товар принимала, – объяснила происхождение пятен продавщица.

Она же в течение полутора часов вместе с экспертом корпела над фотороботом преступника. А когда их мучения наконец закончились, они принесли свое «произведение» Оленюку. Взяв его в руки и внимательно изучив, сыщик поднял глаза на женщину:

– Похож на оригинал, Нонна Сергеевна?

– Как живой, – тут же отреагировала женщина. – Если покажете по телевизору, найдете в два счета.

– Увы, нет у нас такой практики – в «ящике» преступников показывать, – ответил Оленюк.

– Тогда я готова и дальше всемерно помогать нашей доблестной милиции, – сообщила продавщица.

– Вы и так нам здорово помогли, – произнес Оленюк, отпуская эксперта. – В ближайшее время можете заниматься своими непосредственными делами – работать в магазине.

– Да куда она денется от меня эта работа? – отмахнулась от этих слов гостья. – У меня есть отгулы, да и сменщица моя человек с понятием – войдет в мое положение.

– К чему вы клоните, Нонна Сергеевна? – спросил Оленюк, убирая фоторобот в папку.

– К тому, что нам нужно время, для того, чтобы получше узнать друг друга. Вы человек одинокий, да и я разведенка – почему бы нам не сойтись?

– Я вовсе не одинокий – с чего вы взяли? – искренне удивился сыщик.

– Бросьте притворяться – у меня глаз наметанный. Да и эксперт ваш, который фоторобот делал, рассказал мне о вашем семейном положении – холостой вы.

«Вот зараза, этот Алесь, – выругался про себя Оленюк по адресу эксперта. – Язык, как помело». А вслух сказал:

– Эксперт вам не соврал – я действительно холостой. Но у меня есть невеста, которая меня любит, а я, соответственно, люблю ее. Не станете же вы разрушать будущую ячейку общества.

– Еще как буду, я женщина в этом деле активная. Ваша

невеста, если она действительно есть, с вами и месяца не проживет, учитывая специфику вашей работы. А я женщина тертая и не такое в жизни видала. Поэтому лучшей кандидатуры, чем я, вам не только в Киеве, во всей Украине не найти.

В это время на столе у сыщика зазвонил телефон. Подняв трубку, Оленюк услышал на другом конце провода голос своего коллеги – Марата Иваненко, который работал в 3-м отделе Киевского угро, занимавшегося разного рода аферистами. Однако Оленюк быстро сориентировался в ситуации и решил использовать коллегу в деле скорейшего выпроваживания из своего кабинета назойливой продавщицы.

– Да, любимая, в чем дело? – произнес Оленюк, понизив голос. – Солнышко, извини, но у меня сейчас посетитель в кабинете, давай я перезвоню тебе через несколько минут.

Сказав это, Оленюк положил трубку на аппарат и вновь посмотрел на продавщицу.

– Вот видите, моя любимая уже беспокоится обо мне, – произнес сыщик.

После чего взял авторучку и быстрым росчерком поставил на временном пропуске, с которым продавщица пришла в угрозыск, время убытия посетительницы и свою размашистую подпись.

– Всего вам хорошего, Нонна Сергеевна, – и Оленюк протянул женщине документ.

Молча взяв его, продавщица встала со стула и покинула кабинет, демонстративно покачивая на ходу своими округлыми бедрами. Глядя на них, Оленюк поймал себя на мысли, что, может, зря он так быстро дал этой женщине от ворот поворот. Но задержалась эта мысль в его голове недолго. В следующую секунду у него на столе вновь зазвонил телефон. Это был все тот же Марат Иваненко. В течение минуты он приходил в себя после того, как его коллега назвал его своей любимой, а потом и солнышком, после чего решил все-таки перезвонить.

– Ты что, старик, совсем там охренел от своих жмуриков? – спросил Иваненко.

– Извини, Маратик, что пришлось выдать тебя за свое солнышко. Одна баба, понимаешь, привязалась, как банный лист, а как ее спровадить ума не мог приложить. Тут ты и подвернулся.

– Все понял, – вошел в положение своего приятеля Иваненко. – Но имей в виду, я солнышко с претензиями – люблю посещать рестораны и получать разного рода шикарные подарки. У тебя денежки на это имеются?

– Ты это в шутку или опять просишь в долг до получки? – насторожился Оленюк.

– Любимый, какой же ты у меня догадливый, – игривым

тоном ответил Иваненко. – Дай «пятерик» и я буду верна тебе до гроба.

– Могу дать только трешку, – ответил Оленюк. – Купишь себе чешские чулки в универмаге на Крещатике.

– Лады, хай будэ трешник, – согласился Иваненко и первым повесил трубку.

Это означало, что через пять, максимум десять минут, он примчится за тремя рублями, которые сумел только что выторговать у своего коллеги.

3 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Первый зампред Спорткомитета Глеб Смородин принимал у себя начальника управления футбола Леонарда Земченко.

– Кажется, ваш эксперимент с послематчевыми пенальти закончился провалом, – сообщил гостю Смородин, стряхивая пепел с сигареты в изящную пепельницу, привезенную им из недавней поездки в Индию.

– Глеб Андреевич, у вас неверная информация – эксперимент удался, но только наполовину, – ответил Земченко.

– Что вы из меня дурака делаете, Леонард Аркадьевич – у нас весь Спорткомитет завален гневными письмами от болельщиков. Надо с вашим экспериментом кончать.

– Мы предлагаем другое – несколько видоизменить наше новшество, – стоял на своем Земченко. – Отныне, если соперники закончат матч на первенство страны со счетом 1:1, 2:2 и тому подобное, обоим начисляется по одному очку. А если основное время истекло при нулевом результате, назначаются по пять пенальти в каждую сторону. Команда, которая реализует больше n-метровых ударов, получит очко, а ее соперник – ноль очков. Если же забьют поровну, то обеим командам дается по очку, как при результативной ничьей.

Смородин внимательно выслушал этот монолог, вновь стряхнул пепел и спросил:

– Куда вы клоните, никак не могу взять в толк?

– Мы хотим, чтобы в чемпионате сохранялась интрига. Пенальти этому только помогают.

– Помнится, в прошлом году вы формулировали свою идею несколько иначе – что благодаря вашему новшеству наш чемпионат очистится от договорных матчей.

– Это и теперь подразумевается. Но также добавляется интрига – зрители всегда с удовольствием наблюдают за

пенальти.

– Да я же вам говорю, что к нам приходят мешки писем от возмущенных болельщиков!

– Эти письма чаще всего строчат подставные лица – те, кому наш эксперимент мешает обтяпывать свои околофутбольные делишки.

«Ох и хитрец, – подумал про себя Смородин. – Можно подумать, что их эксперимент с пенальти эти делишки обтяпывать не мешает. Да он, судя по всему, и появился только ради этого – чтобы труднее было угадать результаты. Причем не только для тех, кто следит за ними бескорыстно». Однако озвучивать эти мысли зампред не стал, а вместо этого спросил:

– Леонард Аркадьевич, вы в «Спортлото» играете?

– Иногда бывает. А что?

– Сдается мне, что эксперименты, которые выходят из вашего отдела, навеяны игрой в эту лотерею.

Зампред был недалек от истины. Популярная лотерея «Спортлото» появилась на свет в октябре 1970 года именно как попытка государства переманить аудиторию у подпольных тотализаторов, начавших опутывать страну. Попытка удалась лишь отчасти – на новую лотерею «подсели» миллионы простых граждан, в то время как люди при деньгах по-прежнему отдавали предпочтение «тотошке», поскольку там азарт был сильнее – суммы выигрышей были на порядок выше.

По тому, как губы начальника отдела тронула лукавая улыбка, зампред понял, что смысл сказанного дошел до его собеседника. Но втягиваться в эту дискуссию гость не стал – предпочел промолчать. Впрочем, и сам Смородин был не в настроении развивать эту тему. Поэтому поспешил ее свернуть, задав собеседнику вопрос из другой области:

– Вы в курсе, что кое-кто уже подыскивает человека на место старшего тренера нашей сборной?

Учитывая, что кандидатуру нынешнего тренера сборной, Евгения Горянского, выдвинул именно Земченко, последний вовсе не был заинтересован в его уходе с этого поста. Поэтому это сообщение повергло его в легкое замешательство.

– А чем вызваны эти поиски? – стараясь сохранять спокойствие, поинтересовался начальник управления.

– А то вы не знаете – нашей нулевой ничьей с чилийцами.

– Но у нас впереди еще один матч с ними.

– А вы уверены, что он состоится?

– Но при чем здесь Горянский?

– При том, что именно при нем случилась эта история. К тому же в последних играх наша сборная не показывает красивой

и зрелищной игры.

– И кого прочат на его место?

– Мне пока известна одна кандидатура – Константина Бескова.

По тому, как сморщилось лицо у Земченко, зампред понял, что этот вариант он не одобряет.

– Вы что-то имеете против Бескова?

– Так это же мы приглашали его в 65-м тренировать нашу Ворошиловград скую «Зарю». Ох, и намучились же мы с ним тогда. В итоге через год расстались.

– Чем же он вам не угодил?

– Слишком принципиальный. С такими кашу не сваришь.

– Смотря какую кашу вы собирались сварить. Я, например, слышал, что он внес новшество в тренировки «Зари» – они проходили под музыкальное сопровождение. Это позволяло переключать ритм занятий, создавало хорошее настроение у футболистов и повышало их работоспособность. В результате ваша команда заиграла в новый футбол: интеллектуальный и комбинационный, со свежими красками. И первый круг предварительного турнира вы провели без единого поражения. Я сам читал в прессе восторженные отклики на игру «Зари». Писали, например, про хорошо продуманный стратегический план Бескова, учитывающий мастерство футболистов своей команды и особенности соперников, что позволяло ему наметить конкретные способы эффективной подготовки. И многие тренеры единодушно заявляли, что они завидовали свежести и тактической зрелости луганских футболистов.

– Не спорю, все это было, – согласился со словами зампреда Земченко. – Но так длилось лишь до второго круга. А потом наши игроки сдулись, устав от чрезмерных нагрузок, которые давал им Бесков. Мы советовали ему снизить требования к футболистам, но он нас не слушал. В итоге его излишнее самомнение, болезненное реагирование на критические замечания, а также частые отлучки в Москву по семейным обстоятельствам привели к тому, что он утратил нити управления командой. И она заняла лишь седьмое место.

– А может, это не Бесков был виноват в случившемся, а вы сами? Кто вам сказал, что победа дается легко, без титанических усилий? В нее зубами вгрызаться надо. Кстати, тот задел, который заложил в команде Бесков, дал результат уже через год – в 66-м ваша команда вышла в высшую лигу.

– А вот это, как раз, заслуга Горянского – того самого человека, которого сейчас хотят снять с поста старшего тренера сборной. Это он вытянул «Зарю» в высшую лигу. С ним-то у нас

никаких разногласий не было, и он перед нами своими амбициями не козырял.

Земченко не стал вдаваться в детали тех событий, впрочем, Смородин был о них наслышан. «Заря» стала победителем в классе «А», во второй группе второй подгруппы, где из 18 команд целых и представляли Украину. Это были: «Заря» (Луганск), «Локомотив» (Винница), СКА (Львов), «Металлург» (Запорожье), «Днепр» (Днепропетровск), «Авангард» (Харьков), «Таврия» (Симферополь), «Карпаты» (Львов), «Судостроитель» (Николаев) и «Звезда» (Кировоград). По сути это был чемпионат Украины, в котором украинские команды в основном обменивались друг с другом очками, которые они отбирали у других команд – из России (их было шесть). В итоге четыре первых места в турнире заняли именно украинские команды: «Заря» (44 очка), СКА (Киев) (41 очко), СКА (Львов) (40 очков) и «Локомотив» из Винницы (39 очков). И лучшими бомбардирами, соответственно, стали игроки украинских команд – их было семеро: Владимир Дударенко из львовского СКА (13 мячей), Янош Габовда из винницкого «Локомотива» (12 мячей), Леонардас Жукаускас из львовского СКА (10 мячей), Валентин Оверко из запорожского «Металлурга» (10 мячей), Илья Славянский и Михаил Штуллер из киевского СКА (по 10 мячей), Давид Пайс из «Днепра» (9 мячей).

– Без амбиций нельзя добиться больших результатов, – вдавливая сигарету в пепельницу, заметил Смородин. – Но вы зря думаете, что в этом вопросе я не на вашей стороне – очень даже на вашей. Нам бы тоже не хотелось, чтобы Бесков встал у руля сборной. Он и нам может многое поломать. Поэтому давайте договоримся действовать в этом деле сообща. Проведите у себя в отделе консультации со своими людьми и, если среди них есть сторонники Константина Ивановича, попытайтесь перетянуть их на свою сторону. И держите меня в курсе этих переговоров. Договорились? В таком случае, не смею вас больше задерживать.

3 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, спортзал на улице Эусебио Лильо

Алонсо Райнери сидел в дальнем углу спортзала и, вкушая сладкие орешки, внимательно следил за поединком на ринге, где одним из бойцов был Анджей Кравчик – человек, которого Алонсо выбрал в качестве возможного убийцы Брежнева. Перед поединком чилиец и поляк перекинулись парой фраз, после чего Кравчик отправился на ринг, а Райнери уселся на стульчик в углу полупустого зала, где проходил тренировочный поединок. Он

длился недолго – всего три раунда. Кравчик считался в этом квартале Сантьяго самым сильным боксером, поэтому он быстро разобрался со своим противником – рослым негром по имени Джонни. Поляк отправил его в нокаут сильным хуком слева и, когда рефери досчитал до десяти, покинул ринг, отправившись в тот угол зала, где сидел Райнери.

– Ты ведь мог разделаться с ним еще в первом раунде, – заметил Алонсо, когда боксер уселся рядом с ним на свободном стуле с полотенцем в руке.

– Мог, но это скучно, – ответил Кравчик, вытирая полотенцем лицо и шею.

– Понимаю, тебе хочется настоящего боя, а здесь получаются одни поддавки, – усмехнулся Райнери. – Но мне кажется, я могу предложить тебе увлекательную баталию.

– Бой с каким-нибудь тяжеловесом?

– Это ты хорошо сказал – он действительно тяжеловес.

– Из местных?

– Нет, он иностранец.

– Американец или латинос?

– Бери круче – он русский.

– Ты шутишь? – и рука поляка с полотенцем застыла на полпути к лицу.

– Нисколечко – он самый настоящий русский, причем тяжеловес, с каким тебе еще никогда не приходилось встречаться.

– Но русский вряд ли сюда доберется, учитывая то, что случилось в Чили три недели назад.

– А ему не надо сюда приезжать – это предстоит тебе.

– Послушай, Алонсо, перестань говорить загадками, – и Кравчик бросил мокрое полотенце на соседний стул. – Говори прямо, что ты затеял.

– Я хочу предложить тебе увлекательный поединок с одним русским, которого ты должен ненавидеть так же, как и я, – сказал Райнери и придвинулся поближе к собеседнику. – Я имею в виду… Брежнева. Мы хотим отправить его на тот свет и ищем для этого предприятия надежного и, главное, смелого человека.

– Ты это серьезно? – глядя в глаза собеседнику, спросил боксер.

– Более чем. Брежнев предал Альенде и все левое движение – он прислужник американцев. Убив его, мы отомстим ему за всех, кого он предал. А ты сможешь поквитаться за своего отца, медальон с которым носишь на груди. Кстати, где он?

– В раздевалке – на бои я его не надеваю, – ответил боксер.

– Когда ты будешь убивать Брежнева, я надеюсь, ты его наденешь.

– С чего ты взял, что я соглашусь с твоим предложением?

– Потому что ты слишком любишь своего отца, расстрелянного Советами. А еще ты так же сильно любишь свою покойную мать, которая вынуждена была покинуть родину, потому что там к власти пришли люди, плясавшие под дудку все тех же Советов. С этого момента в Польше стараются вычеркнуть слово Катынь из памяти поляков. Ты помнишь, куда русские повезли американского президента Никсона, когда он в прошлом году посетил Советский Союз? Его повезли в Хатынь – местечко в Белоруссии, сожженное фашистами. И знаешь, почему они это сделали? Чтобы люди во всем мире перестали вспоминать польскую Катынь и начали говорить о другом месте – о белорусской Хатыни.

Анджей знал эту историю, которая до сих пор саднила в его душе как кровоточащая рана. Он был прекрасно осведомлен о том, что Никсон был привезен в Хатынь в то самое время, когда Катынский мемориальный фонд боролся с Англиканской церковью за разрешением возвести мемориальный комплекс «Катынь» в Лондоне. Визит президента США получил широкую огласку, он заставил задуматься людей и отвлечься на то, зачем было подымать так много шума в Великобритании, чтобы возвести мемориал жертвам Катыни, когда «один уже существовал в России». Поэтому слова Райнери попали в цель – они затронули ту самую болевую точку внутри поляка, которая не давала ему спокойно спать по ночам вот уже на протяжении многих лет.

– В Чили достаточно людей, которые после падения Альенде ненавидят Брежнева, но ты выбрал меня – почему? – после небольшой паузы спросил Кравчик.

– Потому что возмездие должно совершиться именно в Польше, – спокойно ответил Райнери. – Летом следующего года Брежнев собирается посетить твою родину с официальным визитом – там будут отмечать 30 лет новой Польши. Вот я и подумал, что это было бы более чем справедливо – чтобы суд над советским генсеком совершил поляк, у которого отец был расстрелян в Катыни. Согласись, в этом есть нечто такое, что верующие называют божьим провидением.

И снова Райнери попал в точку. Будучи атеистом, он прекрасно знал, что Анджей, в отличие от него, является набожным католиком, каждое воскресенье посещающим церковь Святых Сердец.

– Ну что, ты согласен? – спросил Райнери.

– Согласен, но ты должен ответить мне на один вопрос.

– Задавай, – согласно кивнул головой Алонсо.

– В какую сумму ты оцениваешь мое участие в этой акции?

Этот вопрос привел чилийца в смятение, поскольку он рассчитывал, что поляк обойдется им дешево, учитывая идейную подоплеку его действий. Поэтому упоминание о деньгах стало для Райнери полной неожиданностью.

– А разве за месть берут деньги? – стараясь скрыть свое смятение, спросил Алонсо.

– Я – беру, поскольку не собираюсь после этой акции возвращаться в Чили. У меня есть невеста, которой я хочу обеспечить будущее, но не в этой стране.

– Кто она – полячка? – поинтересовался Райнери.

– Естественно, зовут Агнешка, мы уже полгода вместе.

– Где же ты хочешь бросить с ней якорь – не в Польше же?

– Не волнуйся, я найду место, где с теми долларами, которые вы мне заплатите, мне будет легко провести остаток жизни.

– Может, возьмешь эскудо?

– Даже не заикайся – только доллары.

– И сколько ты хочешь получить?

– Четыреста тысяч.

– Не много ли?

– Нет, учитывая, что часть этих денег придется пустить на подготовку к операции.

Райнери размышлял над предложением поляка около минуты. Деньги, озвученные им, были большие – их у организации, в которой числился Алонсо, в наличие не было. Однако операция, которую они задумали, не должна была сорваться по столь пустяковому поводу – из-за отсутствия денег. Если так вставал вопрос, то эти доллары требовалось найти любым способом.

– Хорошо, ты получишь свои деньги, – сообщил Райнери.

– Когда? – спросил Анджей.

– Мы сами дадим тебе знать. От тебя теперь требуется только одно – сидеть и ждать нашего сигнала.

3 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Глеб Смородин достал из стола початую бутылку армянского коньяка и две рюмки, в которые тут же разлил напиток. Одну рюмку он поставил перед своим гостем – заместителем председателя одного из региональных обществ «Динамо» Кириллом Комковым.

– С приездом, Кирилл Терентьевич, – провозгласил тост

хозяин кабинета и первым влил в себя коньяк.

– А закусить нечем? – прежде чем последовать его примеру, спросил Комков.

Вместо ответа Смородин снова открыл дверцу в своем столе и извлек оттуда плитку швейцарского шоколада, которую ему подарил на днях руководитель спортивной делегации из Франции. Комков распечатал плитку и только после этого выпил свой коньяк. Затем закусил шоколадкой, отломив от плитки солидный кусок.

– Вкусно живут господа капиталисты, – похвалил гость продукцию швейцарских кондитеров.

– Ты мне здесь буржуазную пропаганду не разводи, – беззлобно пожурил его Смородин. – Лучше расскажи, что у вас делал Бесков?

– С инспекцией приезжал – ему по штату положено.

– Что-то нашел в вашем хозяйстве?

– Не без этого – уличил в разбухании штатов и нецелевом использовании денег. Короче, обнаружил нашу «черную кассу», которую мы держим для «подмазки» судей.

– Ну и что здесь особенного? – удивился Смородин.

– Так он обвинил нас в том, что мы большую часть этих денег себе присваиваем. Обещал доложить об этом Богданову. Вам про это ничего неизвестно – доложил или нет?

– Про это ничего не знаю, а вот про другое мне известно – он хочет торпедировать реформу Второй лиги. Упирает на то, что это даст возможность кавказским командам ходить в лидерах за счет купли-продажи большинства матчей.

– Едрить его в коромысло! – выругался Комков и подставил рюмку для новой порции коньяка. – Сам не живет и другим не дает. Ну откуда такие люди только берутся, да еще в наше время?

– Это мне говорит член партии с почти тридцатилетним стажем?

– Члены партии тоже кушать хотят, – отреагировал на эту реплику Комков, после чего залпом выпил коньяк и снова закусил шоколадкой.

– Кушать все любят, но вы там у себя, видимо, совсем обнаглели – вам только деликатесы подавай.

– Как будто мы одни такие?! – искренне возмутился гость. – Вы с кавказцами поговорите и послушайте, что они вам скажут на бесковские новации.

– Уже говорил, – сообщил Смородин. – Вчера вот в этом кресле один их делегат сидел. Кстати, этот коньяк он мне и презентовал.

Речь шла о зампреде Спорткомитета Грузии, который

специально приезжал в Москву, чтобы обсудить несколько важных вопросов, в том числе и реформу Второй лиги. Приехал он не с пустыми руками – привез Смородину увесистый конверт с деньгами, который он вручил ему вместе с двумя бутылками пятизвездочного коньяка. Смородин молча принял эти дары и заметил:

– У этой реформы появился влиятельный противник – Константин Бесков. Он же, вполне вероятно, вскоре будет назначен и старшим тренером первой сборной. Как к этому отнесутся у вас в Грузии?

– А как надо отнестись? – насторожился посланец с Кавказа.

– Плохо надо отнестись, поскольку если Бесков полезет наверх, то это может поломать наши с вами отношения, – глядя в глаза собеседнику, ответил Смородин. – Он ведь человек принципиальный и хочет, чтобы все были такими. Он привык обходиться малым, а мы с вами хотим жить по максимуму. Если таких, как Бесков, оставлять наверху, они черт знает что там наворочают. Неужели это не понятно?

– Теперь понятно, – и лицо гостя расплылось в улыбке. – Но что требуется конкретно от нас?

– Сколотить оппозицию Бескову в вашем Спорткомитете и в динамовском обществе. Ведь если он встанет у руля сборной, вполне вероятно, что представительство тбилисских динамовцев в его команде может сократиться. У вас при Горянском сколько игроков в сборной играет?

– Четверо: Дзодзуашвили, Гуцаев, Гиви Нодия и Муртазик Хурцилава.

– Они ведь в каждом матче на поле выходят?

– Обижаете – особенно часто Дзодзуашвили и Хурцилава: у первого девять игр, у второго шесть.

– Так вот, при Бескове можете про это забыть. Мало того, что ваших игроков в сборной будет меньше, так и выпускать их на поле будут в разы скромнее. Если вообще будут.

– Вах, какую печальную перспективу вы нам рисуете, – покачал головой кавказец.

– Одними причитаниями делу не поможешь. Кстати, если Бескова остановить, то будет шанс и вашего тренера Александра Котрикадзе продвинуть на место второго тренера в сборной. Как на это смотрите?

– Зачем спрашиваете? – кавказец даже всплеснул руками от удивления.

– Тогда сделайте, пожалуйста, то, о чем я вас попросил.

– Все сделаем, можете не беспокоиться. Вернусь в Тбилиси, и тут же доведу ваши слова до нашего председателя. Нужные меры

он примет.

И теперь, вспоминая эти слова, Смородин решил проделать тот же трюк и с Комковым – заставить его выступить против Бескова.

– Надо организовать компанию против Константина свет Ивановича. Сможешь это сделать? – спросил Смородин у гостя, буквально вонзившись в него своим цепким взглядом.

Но тот, прежде чем ответить, вновь выставил вперед свою пустую рюмку.

– Тебе не много будет? – спросил Смородин, но коньяк в рюмку налил.

Комков выпил и отломил от плитки еще один большущий кусок. Но прежде, чем отправить его в рот, спросил:

– Что надо конкретно сделать?

– Состряпать анонимку: дескать, Бесков получил взятку от вашего руководства в обмен на молчание про ваши темные делишки.

– Кто же этому поверит? – округлил глаза Комков.

– Дурак ты, – покачал головой Смородин. – Естественно, никто этому не поверит, но проверить все равно будут должны – он же член партии. Назначат комиссию, а пока она будет работать, его и на пушечный выстрел не подпустят ни к каким высоким должностям, в том числе и к сборной. А там, глядишь, мы еще что-нибудь придумаем. Теперь понятно?

Комков радостно кивнул головой и вновь выставил вперед пустую рюмку.

– Хватит с тебя! – отреагировал на это хозяин кабинета и собрался было убрать бутылку обратно в стол.

На что гость заметил:

– Удачи не будет, если дело как следует не обмыть.

Услышав это, Смородин махнул рукой и налил коньяк сначала себе, а потом и гостю. И вместе они выпили за успех их общего дела.

4 октября 1973 года, четверг, Москва, ресторан у Киевского вокзала

Клим Пустовил, один из функционеров Федерации футбола Украины, сошел на платформу Киевского вокзала, держа в руке коричневый портфель-дипломат. Тринадцать часов, проведенные им в поезде Киев-Москва, пролетели незаметно – большую половину этого времени Пустовил проспал, а оставшиеся часы просидел в вагоне-ресторане в теплой компании каких-то

командировочных. Клим потому и выбрал поезд, а не самолет, чтобы хорошенько выспаться после изнурительных служебных командировок, в которые его посылали от Федерации в различные города Украины, где надо было улаживать всякие щепетильные дела. Вот и в Москву он приехал по такому же поводу. Выйдя с вокзала, он направился в один из ближайших ресторанов, где у него была назначена деловая встреча.

Когда Пустовил вошел в зал, он сразу заметил у дальнего столика в углу человека, с которым у него была назначена встреча. Это был один из администраторов футбольного клуба ЦСКА, с которым он был знаком еще с тех пор, как тот работал помощником тренера в львовском СКА. Поскольку эту встречу они назначили заранее, то делать заказ не пришлось – армеец, пришедший сюда чуть раньше, уже позаботился об этом. Поэтому, усевшись на стул, Пустовил поставил дипломат возле своих ног и предложил:

– Ну что, Геша, за встречу.

Дважды повторять эту просьбу не пришлось – армеец ловко содрал алюминиевую пробку с бутылки «Московской» и разлил водку по рюмкам. Чокнувшись ими, приятели влили в себя спиртное и тут же закусили, благо закуска на столе стояла знатная: маринованные грибочки, балычок, черная икра и тефтели, обильно сдобренные подливкой.

– Как добрался? – поинтересовался армеец, густо намазывая на хлеб с маслом черную икру.

– Отлично – спал, как убитый, – подцепляя вилкой грибок, ответил Пустовил. – Всю неделю мотался по регионам и утрясал судейские проблемы. Спал урывками.

– Догадываюсь, что это за проблемы: «Черноморец» в высшую лигу тянете?

– Почему тянем – он сам старается. Но и мы в стороне не стоим на всякий случай.

– А в Москву тоже по такому же случаю заявился?

– От тебя, Геша, ничего не скроешь, – улыбнулся Пустовил, разливая по рюмкам новую порцию водки. – Ну, за успех нашего дела.

Они снова выпили, после чего армеец спросил:

– Теперь выкладывай, что за дело у тебя ко мне.

Прежде чем ответить, Пустовил взял в руки дипломат и щелкнул замками. Но прежде чем его открыть, он посмотрел по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, открыл крышку. Внутри лежали несколько десятков пачек с банкнотами. Взглянув на них, Геша взял одну из пачек и что называется «взлохматил» – большим пальцем перебрал несколько купюр.

– В каждой из них по одному «косарю». А таких пачек здесь ровно тридцать штук, – сообщил Пустовил.

– Хорошо живешь, – произнес Геша, возвращая деньги на место. – Как же ты не боялся их в поезде везти, да еще дрыхнуть при них?

– Так я же его под спальную полку положил, а сам сверху улегся. Да и попутчики в купе нормальные оказались – муж с женой и старушка. Так что ехал без проблем.

– И кому эти башли предназначены? – продолжал задавать вопросы Геша.

– Как кому – тебе, – ответил Пустовил. – Вернее тебе и твоим архаровцам, что помогут нам седьмого ваш ЦСКА победить.

– Армян хотите обогнать?

– Хотим, Геша, – кивнул головой Пустовил и спрятал дипломат под стол. – В прошлом году нам «Заря» всю малину обосрала, теперь вот «Арарат» объявился. Мы «золото» Союза брали пять раз, а «серебро» – шесть. В этом году хотим этот счет уравнять.

– Идея прогрессивная, – теперь уже Геша взял в руки бутылку и разлил водку по рюмкам. – Значит, надо ее обмыть.

– Так ты согласен нам помочь или есть какие-то сомнения?

– Помочь, конечно, можно, тем более, что ситуация этому благоприятствует. У нас в команде бунт назрел против старшего тренера. Совсем Николаев игроков замордовал своей дисциплиной. Сплавить его ребята хотят, потому и играют через пень колоду – одну игру выиграют, а четыре проиграют. Так, кстати, два года назад было, когда мы после чемпионства чуть в первую лигу не вылетели. Миноборонs для команды жилье выделило, а руководство ЦСКА отдало его фигуристам. Поэтому Боря Копейкин и Володя Дударенко остались без квартир. Вот и устроили бунт – перестали забивать. А потом их на поле и другие ребята поддержали. Поэтому мы едва тогда не вылетели.

– Насколько я помню, тогда «Пахтакор» и «Шахтер» из высшей лиги «сплавили».

– Дончане сами виноваты, а ташкентцев намеренно выкинули, чтобы ростовский СКА оставить.

– Я был на том последнем матче ростовчан с минским «Динамо» в Ростове, – сообщил Пустовил. – Армейцам достаточно было сыграть вничью, чтобы они остались в лиге, а «Пахтакор» вылетел. За СКА большие шишки стояли из Северо-Кавказского военного округа. Вот они все и решили, а игрокам оставалось лишь между собой договориться, как сгонять ничейку. У меня на это дело глаз наметанный, поэтому я сразу смекнул, в чем там дело. Видимо, по уговору два мяча должен был забить минчанин

Эдуард Малофеев, который шел на звание лучшего бомбардира и горел желанием войти в клуб Григория Федотова. Один гол он забил. Но потом, при счете 2:1 в пользу ростовчан, случайный гол с углового забил его партнер Юргелевич. Вот тогда на поле началась настоящая комедия: игроки обеих команд стали шушукаться между собой, как им быть дальше. В итоге сговорились обменяться голами. На 80-й минуте отличился ростовчанин Чихладзе, а спустя всего две минуты свой второй гол забил и Малофеев. На том и разошлись.

– Нам вы предлагаете сделать то же самое? – поинтересовался Геша.

– В вашем случае нам нужна не ничейка, а победа – мы же от «Арарата» на очко отстаем. А с вашей помощью их обгоним.

– Это в том случае, если они здесь столичным динамовцам проиграют, – внес свою поправку Геша.

– Динамовцы на «бронзу» идут, поэтому биться будут насмерть. Так что мы рассчитываем в этом туре армян обогнать. Причем счет должен быть 2:1 и одну «банку» у нас должен забить Блохин – он на лучшего бомбардира первенства идет. Сможете такой результат обеспечить?

– А 1:0 вас не устроит?

– Не-е, – мотнул головой Пустовил. – Ты ведь человек ушлый и должен понимать, как лучше всего «договорняки» гонять – счет 2:1 самый оптимальный.

Геша знал эту футбольную хитрость. Самый удобный счет при договорных играх действительно был 2:1. Таким образом можно было долго держать болельщиков в напряжении, создавая у них иллюзию честного поединка. То есть, тактика была такая. Сначала одна команда (та, что должна была проиграть) открывала счет (это делалось в самом начале игры), а под занавес первого тайма другая команда счет сравнивала, поскольку в эти минуты внимание зрителей рассеяно – они уже готовятся к перерыву, чтобы утолить жажду пивком. Затем почти весь второй тайм идет равная игра с чередованием опасных моментов у обеих ворот. Пока, наконец, одна из команд под занавес игры не забивала победный гол. Совсем недавно такой «договорняк» сыграли в Киеве местные динамовцы и «Шахтер».

– Но если все-таки ребята не согласятся на 2:1 и захотят проиграть с минимальным счетом? – продолжал стоять на своем Геша.

– А ты постарайся их уболтать – ведь не за так же они это будут делать.

– Что-то ты не договариваешь, – покачав, произнес Геша. – Может, ты с тотошниками в доле?

– С кем я в доле тебя, Геша, касаться не должно, – с жестью в голосе произнес Пустовил.

А сам внутренне весь напрягся, поскольку его собеседник попал в точку – Пустовил и в самом деле работал на московских тотошников и те заказали у него именно такой счет. Он в свою очередь пообещал им, что все будет «тип-топ» – то есть, в порядке. А проколы в такого рода делах карались сурово, поскольку речь шла о больших деньгах.

– Ну, ладно, не парься – сделаем вам 2:1, – улыбнулся Геша, снимая тем самым напряжение в разговоре. – И Блоха свой гол тоже забьет. Когда вам нужен ответ?

– Чем скорее, тем лучше, – вновь берясь за бутылку, произнес Пустовил. – Тебе же не всех игроков надо будет покупать, а всего лишь пяток. Тем более, как ты говоришь, они Николаева «сплавить» хотят. Вот и пусть «сплавят», да еще за это хорошие деньги получат.

– А когда расчет будет?

– Сразу после игры. Я на стадион с деньгами приеду, а ты после матча подходи к Северному выходу – там свои башли и получишь. Но ответ мне нужен уже завтра – для спокойствия. Мне надо в Киев телеграфировать, как здесь все сложилось.

На самом деле Пустовилу надо было дать знать о результатах его миссии не только в Киев, но и тотошникам в Москве.

– Хорошо, будет тебе ответ, – и Геша снова поднял, наполненную до краев, рюмку.

– Надеюсь, положительный?

– Я тоже на это надеюсь, – ответил Геша и они выпили за успех предстоящего дела.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

Анатолий Кожемякин шел по коридору, направляясь к выходу из здания, когда из-за угла ему навстречу вышел заместитель начальника управления футбола Леонид Зольский.

– Толя, дорогой, сто лет жить будешь – я только что о тебе думал! – расплываясь в широкой улыбке, произнес зампред и первым протянул руку для приветствия. – Как говорится, на ловца и зверь бежит. Пойдем ко мне, есть важный разговор.

И Кожемякин, который уже строил в голове планы относительно того, как он проведет эти несколько часов, которые оставались у него до возвращения на базу в Новогорске, вынужден был подчиниться. Причем интуитивно он чувствовал,

что разговор его ждет малоприятный, поскольку этого человека он всегда недолюбливал – еще с тех времен, когда Кожемякин учился в ФШМ, а Зольский, переведенный в Москву с Украины, был одним из ее руководителей. За Карпом (именно так за глаза звали Зольского в ФШМ за его отчество – Карпович) уже тогда закрепилась дурная слава отъявленного интригана, за обворожительной улыбкой которого пряталась черная и мелкая душонка. И когда в ФШМ узнали, что Зольский пошел на повышение – был переведен в Спорткомитет, многие в ФШМ с одной стороны вздохнули свободно, но с другой пожалели, что этого человека, вместо того чтобы выгнать, наоборот, повысили.

Когда они вошли в кабинет Зольского, он предложил гостю сесть на стул напротив его стола, а сам уселся в кожаное кресло и сразу закурил «Мальборо», при этом заметив:

– Хорошо, что я не футболист – могу не режимить.

Затем, картинно пустив колечко дыма в потолок, хозяин кабинета вновь обратил свой взор на футболиста и сказал:

– Слежу за твоими успехами – впечатляет. Это твой первый полноценный сезон в основе и уже такой успех – лучший бомбардир команды. Сколько на твоем счету сейчас мячей?

– Четырнадцать, – ответил Кожемякин, пытаясь угадать, к чему ведет это предисловие, но так и не угадал.

– Как думаешь, Блохина обгонишь?

– Буду стараться.

– Правильно: старанье и труд все перетрут. Как личная жизнь – я слышал вы с Натальей ребенка ждете?

– Да, в будущем году.

– Так это же здорово, когда и в делах ладится, и тылы прикрыты. Однако, знаешь, как говорят англичане: когда все хорошо, то это плохо.

Сказав это, зампред громко рассмеялся, в то время как Кожемякин весь напрягся – он ждал начала главного разговора, который, судя по последней фразе, не сулил ему ничего хорошего. И он не ошибся.

Сделав еще пару затяжек, Зольский вдавил недокуренную сигарету в пепельницу и вместе с креслом придвинулся к столу – поближе к гостю. И, глядя в глаза футболисту, спросил:

– Толик, ты как к Бескову относишься?

Этот вопрос застал Кожемякина врасплох. Он с удивлением посмотрел в глаза собеседнику и, после некоторой паузы, ответил:

– Нормально отношусь.

– Нормально, как к человеку или как к тренеру? – продолжал допытываться Зольский.

– Какая разница, Леонид Карпович?

– Большая, Толик. Дело в том, что кое-кто хочет вернуть Бескова в большой футбол – сделать его старшим тренером первой сборной. А там, глядишь, он может и в «Динамо» вернуться. Ты как к этому относишься?

– Как бы я к этому не относился, меня спрашивать никто не будет, – пожал плечами футболист.

– Это ты зря так говоришь, – покачал головой замнач. – Это ты раньше был никем – в дубле штаны протирал. А сегодня ты становишься футболистом с большой буквы, с тобой начинают считаться. Вон даже в сборную тебя пригласили, а это уже о многом говорит.

– Но Бескова вернут и без моего совета.

– А ты хочешь, чтобы его вернули или все-таки без него лучше? Ведь если он вернется в сборную и в «Динамо», он лично тебе, как и остальным своим бывшим ученикам, припомнит то, как вы помогали старичкам выгнать его из команды. Помнишь, как это было?

Кожемякин, естественно, помнил, поскольку с момента тех событий прошел всего лишь год.

Ретроспекция. 12 ноября 1972 года, воскресенье, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Арарат» (Ереван)

– Что происходит, ребята? – недоуменно спрашивал Бесков у своих игроков, стоя посредине раздевалки.

Игроки сидели на скамейках, привалившись спиной к стене, и все, как один, старались не смотреть в глаза своему тренеру. Минул первый тайм последнего матча этого сезона, а счет на табло был «сухой» – 0:0. Но Бескова возмущало не это, а игра его команды – футболисты попросту отбывали номер. Хотя все было в пользу динамовцев, начиная с погоды (на игровом поле лежал снег, что для москвичей было делом нормальным, а вот для южан – препятствием) и заканчивая главным арбитром матча, который явно благоволил сегодня к динамовцам. В первом тайме ереванцы забили три (!) гола, но судья ни один не засчитал, находя, что все они были забиты с нарушением правил. И когда Бесков шел по коридору в раздевалку, он видел, что один из игроков «Арарата» (это был Ованес Заназанян) направился в судейскую комнату, чтобы выразить свое возмущение сегодняшним судейством. Короче, этот матч динамовцы обязаны были выигрывать, а они этого делать не хотели. Поэтому Бесков и пытался выяснить у

игроков, почему. Впрочем, в глубине души он понимал, что происходит – все-таки он был умудренный жизнью человек и опытнейший тренер. И он видел, что команда намеренно его «сплавляет» на протяжении последних двух недель. Инициаторами этого «сплава» были «старички» команды: Басалаев, Зыков (капитан команды), Сабо, Козлов, Еврюжихин. Однако тренеру было понятно, что «старички» проявляют инициативу не сами – их кто-то направляет. И этот кто-то был хорошо известен Бескову – с этим человеком он был знаком давно, еще с начала 50-х, когда Бесков блистал в «Динамо» как игрок нападения, а этот человек только начинал свою карьеру вратаря. Но тогда он был еще безвестным человеком, а к началу 70-х его имя уже гремело на весь мир, даже сильнее, чем имя Бескова. Именно поэтому, когда две эти личности схлестнулись в борьбе за верховенство в команде, шансы Бескова на победу были все-таки меньшими, чем у его более именитого визави.

Динамовские «старички» тоже были недовольны Бесковым. Они знали, что он человек жестких правил и всегда ориентируется на молодежь. Ведь он – открыватель талантов. Поэтому, когда Бесков видел, что «старики» выходят в тираж, он безжалостно с ними расставался, заменяя их на более молодых. А их в «Динамо» в начале 70-х было много, причем все, как на подбор – талантливые, дерзкие, активные. Это были: Евгений Жуков (1950), Андрей Якубик (1950), Сергей Никулин (1951), Александр Маховиков (1951), Владимир Комаров (1952), Алексей Петрушин (1952), Анатолий Байдачный (1952), Анатолий Кожемякин (1953). Они легко могли бы заменить почти всех «старичков» и заменили бы, если бы не тот заговор против Бескова, который возник в команде на исходе сезона 1972 года. До его конца оставалось всего лишь четыре тура. У столичного «Динамо» были хорошие шансы на концовку турнира – все последние матчи они играли в Москве. И если бы выиграли эти четыре оставшиеся матча, то могли занять 2-е место, отстав на очко от чемпиона – ворошиловградской «Зари». Но желание сместить Бескова оказалось сильнее. В итоге «Динамо» стало «сливать» свои матчи, либо проигрывая их, либо играя вничью. В точности повторялась история шестилетней давности, когда Бесков пришел к руководству московским «Локомотивом». Он и там решил сделать ставку на молодежь – например, смело ввел в состав 17-летнего Михаила Гершковича и 19-летнего Владимира Козлова (это была убойная связка нападающих). Но это не могло понравиться ветеранам команды. В итоге они стали «сплавлять» нового тренера – проигрывать матчи один за другим. Из 18 матчей первого круга «Локомотив» проиграл 13, а выиграл только

четыре. И в июле 1966 года Бесков подал в отставку. В знак протеста против этой несправедливости к тренеру, Гершкович с Козловым после окончании сезона тоже покинули «Локомотив». Первый подался в «Торпедо», второй – в «Динамо».

Спустя шесть лет история повторялась – Бескова начали «сплавлять» уже в «Динамо», пусть и не так скоро, как случилось в «Локомотиве». А началось все с игры против одноклубников из Тбилиси (1:1). Затем случилось разгромное поражение от ленинградского «Зенита» (1:4). Следом случилась «сухая» ничья с ЦСКА (0:0). И вот сегодня, 12 ноября, в последнем матче чемпионата против ереванского «Арарата» динамовцы после первого тайма играли вничью 0:0, но, судя по настроению, могли и проиграть. И Бесков решил вызвать команду на откровенность. Ему хотелось услышать от самих игроков, что происходит. Но те к этой откровенности были явно не готовы. Во всяком случае, «старички». И тогда тренер решился на радикальный шаг.

– «Старики», вы свободны, а молодые задержитесь, – обратился Бесков к команде.

До начала второго тайма оставалось чуть больше пяти минут, и тренер рассчитывал, что этого времени ему вполне хватит, чтобы расставить все точки над «i» в своих отношениях с командой, с ее молодой порослью, которую он считал своей. И это было справедливо – ведь всех этих ребят в команду пригласил именно он.

Вот, например, в левом углу от тренера сидел Андрей Якубик. С семи лет он занимался в спортивной школе «Метрострой», играл в футбол, хоккей, плавал. Его первыми тренерами были Н. Гугнин и Л. Соловьев. С 1967 года Якубик стал выступать за юношескую команду и дубль «Динамо». Для набора игровой практики был на год переведён в клуб «Динамо» из Махачкалы. Отыграв там сезон, был возвращен в Москву по желанию Бескова. Сначала играл в дубле, а потом, когда стал там главным забивалой, был приглашен и в основной состав. Бесков ему очень доверял, поскольку видел в нем игрока, который придет на смену ветеранам.

Рядом с Якубиком сидел еще один молодой игрок – Евгений Жуков. В команде его звали Пантелеем – у него было отчество Пантелеевич. Свою игровую карьеру он начинал в «Динамо» – в дубле, а в 1969 году Бесков стал выпускать его за основу. И уже в следующем сезоне Жуков провёл 21 матч и забил 1 гол. Стал обладателем Кубка СССР, когда в финале «бело-голубые» обыграли тбилисских одноклубников (правда, Жуков на поле тогда так и не вышел). В 1971 году в высшей лиге Евгений сыграл 25 матчей, забив 2 гола, и также сыграл 2 матча в турнире

дублёров. В 1972-м Жуков стал финалистом Кубка кубков. Несмотря на то, что забивал он мало (все-таки защитник), однако игрок он был очень надежный.

Еще один молодой футболист – Владимир Комаров. Воспитанник Футбольной школы молодежи. В 1969 году его оттуда взял в «Динамо» Бесков, правда, почти три года Комаров играл за дубль, поскольку ветераны команды тогда были еще сильны. Но в 1972 году Бесков начал выпускать Владимира в основе, рассчитывая уже в ближайшем будущем сделать из него ведущего игрока.

Следом за Жуковым на лавочке в раздевалке сидел Сергей Никулин. Еще один воспитанник детской клубной команды московского «Динамо». Бесков обратил на него внимание в 1969 году, когда тот играл за динамовский дубль и считался там одним из самых надежных защитников. Соперники боялись его подкатов, называя «Автогеном». Бескову такой игрок был необходим, поэтому Никулин стал выходить на поле и в играх за основной состав. Еще одна надежда Бескова на ближайшее будущее.

Как и Александр Маховиков, который был воспитанником юношеской команды стадиона «Юные пионеры» в Москве. В 1965 году попал в московское «Динамо», где его первыми тренерами были В. Павлов и Л. Соловьёв. Затем он попал в динамовский дубль, куда его пригласил Адамас Голодец – помощник Бескова. Когда последний поинтересовался успехами Александра, Адамас ему ответил:

– Толковый парень! На что уж я сам был в детские годы мастак на такие приемы, с помощью которых обыгрывал даже взрослых, сталкивая их друг с другом лбами! Но Саша может гораздо больше меня.

– Так прямо и больше? – усмехнулся Бесков.

– Вот именно! Он один обыгрывает по 4–5 соперников, не отдавая никому мяча. То обыграет противника обманным движением, то с изяществом перекинет мяч с ноги на голову и начнет головой вести мяч, то прокинет его между ног соперника и рывком первым окажется у него. Короче, может вырасти в отличного футболиста.

Спустя некоторое время после этого разговора – 24 июля 1971 года – Маховиков дебютировал в основном составе «Динамо» на позиции левого полузащитника в гостевом матче с львовскими «Карпатами» (3:1). А уже в следующем году его пригласили и в первую сборную СССР. Оказалось, что его неожиданные подключения приносили больший эффект, чем обычные действия на краю атаки.

Следом за Маховиковым на скамейке сидел Алексей Петрушин. Этот футболист был воспитанником детских команд ОДО и «Торпедо» из Люберец, где начал играть и на взрослом уровне у тренера И. Байкова. Затем его заметили в «Динамо», куда пригласили в 1970 году сначала поиграть за дубль. А в основном составе он дебютировал недавно – 3 июня 1972 года в матче против киевлян. Ту игру подопечные Бескова выиграли по и Петрушин показал себя не самым худшим образом.

Наконец, в правом углу от Бескова сидели двое приятелей, причем оба Анатолии – Байдачный и Кожемякин. Первый был воспитанником обнинской футбольной школы, учеником Юрия Алексеевича Шуванова. В 1969 году его пригласили в дубль «Динамо». Спустя два года он был приглашен в юношескую сборную СССР, после чего Бесков стал допускать его и на игры за основной состав «Динамо». В 1972 году Байдачный был включен в состав первой сборной СССР, которая завоевала серебряные медали, уступив в финале ФРГ 0:3.

Второй Анатолий – Кожемякин – был самым младшим из всех молодых – ему было всего 19 лет. Воспитанник ФШМ, откуда он в 1970 году и был приглашен в «Динамо». Сначала играл за дубль, а в 1972 году Бесков стал выпускать его и в основе. За этот сезон он сыграл в нем и матчей и забил один гол. Вроде, немного, но потенциал этого центрфорварда Бескову был прекрасно виден и он рассчитывал в следующем сезоне перевести его в основной состав на постоянной основе.

– Ребятки, что же вы творите, кого слушаете? – спросил тренер игроков, обводя их всех взглядом. – Ваш же держат за телят. Андрей, ты же самый старший из всех – о чем ты думаешь?

Вопрос адресовался Якубику. Тот, явно не ожидая, что тренер начнет разговор с него, вздрогнул. Но затем собрался и, глядя куда-то в сторону, ответил:

– Вы, Константин Иваныч, конечно, великий тренер, но как с человеком я с вами работать не могу! Вы уж извините.

– Все остальные думают так же? – спросил Бесков.

Ответом ему была тишина, которая, как известно, знак согласия. Тогда Бесков повернулся к Кожемякину:

– Ты, Анатолий, тоже так думаешь?

– Я как все, – коротко ответил футболист, даже не поднимая головы.

– Эх, ребята, глупые вы все, хотя некоторые из вас в команде уже не первый год, – вновь взял слово Бесков, но прежде взглянул на часы, которые показывали, что до начала второго тайма осталось около двух минут. – Кого вы слушаете? Вам с три короба «старички» наобещали, а вы уши и развесили. Если я уйду,

команда, конечно, не развалится. Но ваши судьбы, помяните мое слово, не вверх пойдут, а вниз. Съедят вас поодиночке, а заступиться за вас будет некому. Но вы все люди взрослые и свой выбор сделали. Так что прощайте!

И Бесков первым покинул раздевалку. Следом за ним потянулись и футболисты.

Во втором тайме динамовцы только и делали, что оборонялись, даже не делая попыток наступать. А ереванцы были полны решимости забить хотя бы один гол, который сулил им победу. А она им была нужна, поскольку после нее ереванцы могли с восьмого места подняться на четвертое – а это еврокубковая зона. В итоге тот самый Заназанян, который в перерыве костерил главного арбитра в судейской комнате за его судейство, забил-таки мяч в ворота Пильгуя. Так по матч и закончился. И в том сезоне московские динамовцы вместо 2-го места заняли… 10-е. Зато команда освободилась от своего тренера – Бесков подал в отставку.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

И теперь, сидя в кабинете Зольского, Кожемякин мысленно воскрешал в памяти эпизоды того собрания в раздевалке и пока еще плохо себе представлял, зачем ему сегодня про него напомнили. Но хозяин кабинета не собирался играть с футболистом в «кошки-мышки», поэтому вновь взял слово:

– Здесь, в Спорткомитете, как и у вас в «Динамо», тоже не все жаждут возвращения Бескова. Поэтому нам всем надо объединиться, чтобы не допустить такого варианта.

– Как это объединиться? – поднял голову Кожемякин.

– Собери своих товарищей – из тех, кто считается учеником Бескова. Объясни им ситуацию и сагитируй поддержать нашу позицию. Мы ведь сложа руки сидеть не будем – напишем соответствующую петицию руководству. Но наших голосов для этого может не хватить. Мы кто – чиновники. А вот если против Бескова сплоченно выступят футболисты, да еще молодые, из числа его учеников, вот тогда ему придется несладко. Тогда его на пушечный выстрел не допустят ни к сборной, ни к «Динамо». Теперь тебе понятно?

В качестве ответа Кожемякин молча кивнул головой.

– Вот и молодец! – не скрывая своего удовлетворения, произнес Зольский. – Впрочем, я никогда в тебе и не сомневался. Ты парень хваткий – далеко пойдешь, если будешь нужных людей

держаться. Я, к примеру, для тебя человек нужный. А вот Бесков, наоборот – он уже стреляный патрон. Так что я на тебя надеюсь, Анатолий – не подведи.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Васильевская улица, у Дома кино

Супруги Бесковы вышли из Дома кино на Васильевскую улицу под ручку. Настроение у обоих было прекрасное. Только что они были на премьере фильма Эдмонда Кеосаяна «Мужчины», где после просмотра зрители встретились с творческим коллективом, создавшим эту замечательную комедию.

– Знаешь, Лера, никогда бы не подумал, что Кеосаян может снять такое прекрасное кино, – сообщил супруге Бесков. – Ведь он до этого снимал совершенно другие фильмы, которые к этому не имеют никакого отношения.

– А вот здесь я с тобой не соглашусь, дорогой, – нежно прижимаясь к мужу, возразила Бескова. – Уже в «Стряпухе» был виден его потенциал. А про «Неуловимые мстители» сам зритель все сказал – эти фильмы побили все мыслимые кассовые рекорды в нашем кинематографе. Это настоящие шедевры в приключенческом кино. Даже наша дочь, дама взрослая во всех отношениях, и то с удовольствием смотрела, как дети картинно гарцуют на лошадях и дерутся. Нет, у Эдика всегда получаются прекрасные картины, в каком бы жанре он не работал. Кстати, у тебя короткая память, дорогой. Ты забыл, как в 67-м ты повел своих футболистов именно на «Неуловимых» и что после этого было.

– Мы стали побеждать, – ответил Бесков и его лицо озарила счастливая улыбка – эти воспоминания всегда доставляли ему удовольствие, поскольку отсылали его во времена работы в столичном «Динамо», да еще на начальном его периоде.

Ретроспекция. 25 мая 1967 года, четверг, Москва, Садовая-Триумфадьная, 4/10, квартира Бесковых; 26 мая, пятница, кинотеатр «Россия»

Бесков сидел у себя дома в кресле и листал газету «Московская кинонеделя». Сидевшая у телевизора жена, видя какое удрученное у него при этом лицо, спросила:

– Что ты мучаешься?

– Никак не могу выбрать фильм, на который я должен

сводить своих ребят.

– Опять решил разнообразить тренировочный процесс?

– А что остается делать, если команда находится в безобразном состоянии – в шести последних матчах только одна победа и пять ничьих.

– Но вы же на втором месте? – удивилась жена.

– Такими темпами мы скатимся на восьмое – нам в затылок дышат сразу пять команд, отстающие от нас всего на одно-два очка. Еще пара-тройка таких наших осечек и пиши пропало.

– Поэтому ты решил сводить своих игроков в кино?

– Именно – хочу показать им что-то духоподъемное. Ты же помнишь, как я пять лет назад сводил игроков ЦСКА на «Великолепную семерку», после чего они стали рвать всех подряд, да еще и с крупным счетом. У «Локомотива» выиграли 4:0, у ростовского СКА 2:0, у «Зенита» опять 4:0. Вот какое было кино! Или, например, «Подвиг разведчика» – его я, кажется, показывал торпедовцам в конце 50-х. Сейчас такие фильмы уже не снимают.

– Кто тебе такое сказал?

– Я сам вижу, – и Бесков взмахнул газетой, зажатой в руке.

– Ничего ты не видишь, – не скрывая своего недовольства, произнесла жена. – Эдмонд Кеосаян только что снял кино не хуже твоей «Великолепной семерки». Называется «Неуловимые мстители». Идет уже около месяца по всей Москве.

– Так это же детское кино! – удивленно воскликнул Бесков.

– Можно подумать, что «Семерка» это кино для взрослых?! Да большая часть аудитории, которая на него ходила – подростки.

Выслушав аргументы жены, Бесков снова раскрыл газету и стал искать кинотеатры, где шли «Неуловимые мстители».

– Действительно, они идут почти везде, – произнес он спустя какое-то время. – Вот, например, в «России» завтра сеансы хорошие.

– Вот и своди туда своих ребят, благо директора кинотеатра ты хорошо знаешь. А пока не мешай мне смотреть телевизор.

Утром следующего дня Бесков приехал в Новогорск, где находилась команда московского «Динамо» и объявил:

– Сегодня тренировки не будет. Вместо нее мы пойдем в кино.

– Куда пойдем? – спросил Лев Яшин, сидевший на диване с газетой в руках.

– В кинотеатр «Россия», где будем смотреть фильм «Неуловимые мстители». Никто еще не видел? Впрочем, даже если кто-то и видел, посмотрит еще раз.

– Может, лучше сходить на «Спартак» – классное кино? – подал голос кто-то из футболистов.

– «Спартак» тебе будет в чемпионате, причем и московский, и ереванский, – съязвил Бесков.

– Тогда можно сходить на польский фильм «Лекарство от любви» – говорят, отличная детективная комедия, – раздался с галерки голос еще одного знатока кинематографа. – Там Калина Ендрусик главную роль играет – шикарная актриса.

– На этот фильм ты с женой сходишь, когда у тебя свободное время будет, – ответил Бесков. – А сегодня мы идем на «Неуловимых мстителей». Хорошее советское кино, причем духоподъемное – после него вы вряд ли захотите дальше проигрывать, глядя на то, какие кульбиты выделывают дети. Так что собираемся – автобус нас уже ждет.

Всю дорогу футболисты хохмили над этой поездкой, впрочем, делали это беззлобно. Все-таки поход в кино был во сто крат интереснее, чем беготня по зеленому газону за мячом. Да и давненько такого не было в их команде – чтобы они вместе выбирались куда-нибудь в город. Поэтому настроение у всех было приподнятое.

Не испортилось оно и во время просмотра картины. Зал на ней хоть и не был забит под завязку – все-таки день был будний, но взрослых было не меньше, чем детей. Многие из зрителей, конечно же, узнали футболистов, особенно Льва Яшина и Игоря Численко, и в фойе выстроились за автографами. А во время показа многие футболисты реагировали на сюжетные перипетии фильма не менее активно, чем дети, сидевшие на соседних рядах. Глядя на это, Бесков радовался – ему хотелось, чтобы его игроки заразились приключенческим ритмом этой картины и сохранили это настроение на как можно продолжительное время. И это желание тренера полностью сбылось.

Спустя три дня после этого киносеанса динамовцы вышли на очередную игру – против ЦСКА. И победили 2:0. После чего обыграли ташкентский «Пахтакор» и алма-атинский «Кайрат» с одинаковым счетом 4:0, сыграли вничью с «Зенитом», обыграли минское «Динамо» 2:1. И возглавили турнирную таблицу, набрав 22 очка (у их киевских одноклубников было на два очка меньше). Вот к какому результату привел, казалось бы, рядовой поход всей команды в кино, организованный для нее тренером Константином Бесков – большим специалистом по части оригинальных подходов в тренерском деле.

4 октября 1973 года, пятница, Москва, Васильевская улица, у Дома кино

– Константин Иванович! – услышали супруги чей-то возглас, когда подходили к своей «Волге».

Они обернулись, и увидели, спешащего к ним из Дома кино мужчину – это был кинорежиссер Виктор Садовский. Автор прекрасных спортивных фильмов, среди которых у Бескова был особенно любимый – «Удар! Еще удар!» про футболистов ленинградского «Зенита» (в фильме команду зашифровали под «Зарю»).

– В чем дело, Витя? – спросила режиссера жена Бескова, держа в руках ключи от машины – за руль сегодня собиралась сесть именно она.

– Чуть было вас не упустил, заговорившись с Кеосаяном, – сообщил Садовских, подходя к супругам и переводя дух.

– Небось нахваливал его «Мужчин»? – догадалась Бескова. – Мы тоже хотели подойти и поздравить, но там выстроилась такая толпа, что мы бы просто не дождались.

– Да, отличное кино – настоящий прорыв в этом жанре, – произнес режиссер. – Но я догнал вас не за этим. Я сейчас в простое и выбираю тему для будущего фильма. И, кажется, придумал – это будет картина о футболе.

– А ты знаешь такую поговорку: в одну реку дважды войти невозможно? – вступил в разговор Бесков и лукавая улыбка тронула его губы.

– Думаешь, что лучше «Удара» мне уже ничего не снять? – режиссер сразу догадался о том, на что намекает тренер.

– Лучше ты еще снимешь, но только не о футболе, – объяснил свою мысль Бесков.

– Может быть, ты и прав, но наверху уже согласились с моей заявкой – это будет фильм про нашу сборную.

– Во как! – удивился Бесков. – И о чем ты будешь снимать?

– О том, как наши футболисты готовятся к очередному чемпионату мира под руководством нового тренера.

– Горянского что ли?

– Нет, его наверняка снимут, а поставят тебя.

– С чего ты взял? – еще сильнее удивился Бесков.

– Слухами земля полнится, Константин, – с хитрым блеском в глазах произнес режиссер. – Я когда принес наверх заявку, мне так и сказали: как же ты вовремя.

– Что ты имеешь в виду? – вновь вступила в разговор жена Бескова.

– А то, что в определенных кругах уже решили сделать твоего мужа старшим тренером сборной и эту директиву негласно спустили и к нам. То есть, мы должны включиться в процесс популяризации нашей сборной с новым тренером во главе.

– А главную роль в фильме ты хочешь предложить мне – ну, чтобы ни у кого не было сомнений, о ком именно идет речь? – спросил Бесков и опять лукаво улыбнулся.

– Нет, главную роль будет исполнять профессиональный актер, но кто именно я пока не знаю, – мотнул головой Садовский. – Зато я знаю другое: что роль жены тренера исполнит настоящая жена тренера – ты, Лерочка.

– И ты хочешь получить наше благословение? – спросил Бесков, после того как они с женой обменялись взглядами.

– Ну, что-то вроде этого.

– Тогда считай, что ты его получил, – без раздумий ответил Бесков. – Ты же знаешь, как я люблю смотреть на экране Лерочку. А она, к великому сожалению, так мало снимается.

– В таком случае, можешь считать, что ты увидишь ее в кино снова, – пообещал режиссер. – И премьеру мы отпразднуем в этом же Доме кино.

5 октября 1973 года, пятница, Москва, Ленинградский проспект, теннисный корт ЦСКА

Командующий Северокавказским военным округом Иван Мельников уже три дня был в Москве, но никак не мог пробиться на прием к министру обороны Андрею Гречко: тот был то на важном совещании, то принимал какую-то важную делегацию, то выезжал с инспекцией в войска. И только на третьи сутки командующему повезло – министр с утра отправился на теннисный корт, который он посещал два раза в неделю. Он приобщился к этому виду спорта несколько лет назад и с тех пор достиг хороших для своего возраста результатов. Что было неудивительно, учитывая тот факт, что тренировали его лучшие тренеры, среди которых была и первая советская финалистка Уимблдона Ольга Морозова, которая в 1969 году перешла в ЦСКА. Вот и в то утро, когда Мельников приехал на корт, министр играл с «уимблдонкой». Здесь же находился и его начальник охраны Евгений Родионов, к которому и направил свои стопы Мельников. Поздоровавшись с телохранителем, он спросил:

– Давно играют?

– Вам повезло – уже заканчивают, – ответил Родионов.

И действительно, спустя пять минут тренировка закончилась и министр, вытирая вспотевшее лицо полотенцем, направился в душевую. Однако, заметив Мельникова, жестом подозвал его к себе и сообщил:

– Извини, Иван Васильевич, но у тебя максимум минут

пятнадцать – спешу на Старую площадь. Управишься?

Мельников утвердительно кивнул головой. После этого они зашли в комнату отдыха, где Гречко первым уселся на мягкий диван и налил в два стакана, стоявшие на столе, «Боржоми» из стеклянной бутылки. Поставив ее на стол, министр вопросительно посмотрел на гостя: дескать, начинай.

– Андрей Антонович, вы удивитесь, но я искал с вами встречи вовсе не по делам округа, – начал Мельников.

– А что, в твоей епархии все в порядке? – не скрывая своего удивления, спросил министр.

– На этот счет я составил рапорт, который передам вам в дни предстоящего совещания, а пока хочу поговорить с вами о… футболе.

При этих словах рука министра, потянувшаяся за стаканом, застыла на месте. Было видно, что Гречко ожидал всего, чего угодно, но только не этого. Зная, что министр не любит долгих пауз, Мельников продолжил:

– Хочу поговорить с вами о состоянии дел в футбольной команде ЦСКА.

– Вот тебе раз – а ты каким боком к ней отношение имеешь? – так и не взяв стакан, спросил Гречко, откидываясь спиной на диван.

– Я, как и вы, Андрей Антонович, уже более тридцати лет болею за эту команду. Потому и решился на этот разговор.

– А что, к другим людям обратиться по этому вопросу было нельзя? – глаза министра сузились, не предвещая гостю ничего хорошего. – Например, к генерал-майору Кошелеву, который является председатель Спорткомитета Министерства обороны?

– Дело в том, что тема достаточно деликатная, чтобы обращаться к Николаю Михайловичу.

– Интересно, что ты под этим подразумеваешь?

– В ЦСКА сложилась нездоровая обстановка – ряд игроков хотят «сплавить» старшего тренера Валентина Николаева. Поэтому команда в последних играх показывает столь безобразный футбол – из шести последних матчей они умудрились проиграть в пяти. Причем в двух играх это были украинские команды.

– А это ты к чему сказал?

– Дело в том, что среди смутьянов преобладают спортсмены с Украины: Капличный, Плахетко, Дударенко, Истомин. Игроки именитые, не один год играющие в ЦСКА, поэтому к их мнению прислушиваются многие их товарищи.

Гречко конечно же знал этих игроков, поскольку был активным болельщиком ЦСКА. Среди названных футболистов

старожилом клуба были Владимир Капличный и Юрий Истомин, пришедшие в ЦСКА в 1966 году из киевского СКА. Из этого же клуба пришли и двое других – Владимир Дударенко и Марьян Плахетко, которые переехали в Москву в 1967 и 1968 годах соответственно.

– А откуда у тебя такая информация? – задал Гречко вопрос, который напрашивался сам собой.

– От армянских чекистов, – честно признался Мельников.

– Во как! – пуще прежнего удивился министр. – Так это они тебя ко мне направили?

– Не направили, а попросили донести до вас информацию о причинах нездоровой ситуации в нашем армейском клубе, который всего три года назад был чемпионом страны, а теперь занимает 9-е место и рискует опуститься еще ниже, хотя имеет шансы войти в пятерку, а то и тройку сильнейших. А вместо этого наши футболисты собираются сдать ближайшую игру с киевлянами.

– Это тебе тоже армянские чекисты сообщили?

– Именно, Андрей Антонович. Они по своим каналам получили информацию об этом, как и том, что Киев уже активно обрабатывает и остальные клубы, на предмет возможной сдачи матчей с их участием.

– Но ведь армяне и соврать могли – их «Арарат» сам в чемпионы метит.

– Могли, конечно, только вот не далее как вчера в Москву эмиссар из киевского «Динамо» приехал. Спрашивается: случайно ли? Видимо, хочет на здешние достопримечательности поглазеть.

– А это ты откуда знаешь?

– Кузякин из нашего миноборонovского Спорткомитета сообщил, когда я с ним своей информацией поделился.

– Ему, значит, ты доверяешь, а Кошелеву нет?

– Николай Михайлович на стороне заговорщиков играет – ему Николаев в роли тренера, как кость в горле. Поэтому я напрямую к вам и обращаюсь – надо игроков приструнить, чтобы они концовку сезона нормально отыграли.

– Наивный ты человек, Павел, – усмехнулся Гречко. – Если игроки захотят, их никакими выволочками не заставишь с неугодным тренером работать. Это как в семье, которая разваливается. А Николаев, кстати, мне самому тоже не нравится – не может он с командой управиться. Видно, староват стал – мышей не ловит.

– Значит, пусть наши матч сдают?

– Я разве это сказал? – министр, наконец, дотянулся до наполненного стакана и залпом выпил «Боржоми». – Володьку

Щербицкого понять можно – его жаба душит, что он в прошлом году какой-то «Заре» чемпионский титул уступил. Потому и на Шевченко так круто отыгрался.

Министр имел в виду историю, которая случилась с первым секретарем Ворошиловградского обкома КПСС Владимиром Шевченко. Благодаря его стараниям, средненькая команда «Заря» внезапно растолкала локтями всех футбольных фаворитов и взяла «золото» чемпионата-72. И это несмотря на то, что Щербицкий подмял под себя все украинские футбольные клубы, обязав их поставлять очки флагману украинского футбола – киевскому «Динамо». Но Шевченко эту повинность нести отказался, поскольку у него были давние «непонятки» со Щербицким. Еще в 1963 году он выступил на Пленуме ЦК КПУ с критикой Щербицкого, после чего того сняли с должности председателя Совета Министров и отправили руководить Днепропетровским обкомом. Щербицкий этого не забыл и решил «вернуть должок». Тем более, что возможности для этого у него теперь были. Он было прекрасно осведомлен о закулисных делах, которые происходили в областях вокруг футбольных команд, которые участвовали в первенствах СССР, как в высшей лиге, так и в Первой. Впрочем, речь шла не только о футболе. При Шевченко, который был фанатом волейбола, на всю Украину славились мужская и женская сборные по этому виду спорта. И если бы Шевченко вошел во вкус (а он, после победы «Зари», наверняка бы в него вошел), то это грозило появлением опасного конкурента, по следам которого могли пойти и другие регионы Украины. Щербицкий этого явно не хотел. Он разделял идею, что в его вотчине должен был быть один футбольный флагман, который базируется в центре, в Киеве. Все остальные должны были на него работать. Поэтому было принято решение «задавить» возмутителя спокойствия, поймав его на нарушениях, которые были во многих регионах, но им это сходило с рук, а Шевченко не сошло.

Спонсором «Зари» выступал Ворошиловградский тепловозостроительный завод имени Октябрьской революции. Футболисты расписывались в ведомости за положенную им зарплату в 180 рублей плюс 120–150 премиальных. Короче, не бедствовали. А вообще это была обычная практика во всех регионах – руководители областей, республик, Союза подкармливали «любительский» спорт со стола промышленности. На этом крючке все были подвешены. Но за него не дергали, пока человек был лоялен к власти. Впрочем, там и нарушений было в избытке. Например, в Ворошиловградской области присваивались деньги, которые местные чиновники незаконно собирали с предприятий. Поборы делались якобы для выплат спортсменам,

но львиная доля оседала в карманах обкомовцев.

Расследование началось с Кадиевки, где первый секретарь горкома Николай Билым был лучшим другом Владимира Шевченко. Было установлено, что несколько футболистов местной команды зачислены на ряд предприятий, где их никто никогда не видел, но им выплатили аж 130 тысяч рублей. Причем руководители настолько привыкли к таким схемам, что перестали бояться проверок. Даже шофер первого секретаря горкома числился в швейном ателье и там получал зарплату. Ниточка потянулась к другим злоупотреблениям. Сотрудники Кадневского горкома собирали с предприятий деньги не только на спорт, но и на ценные подарки для старых большевиков, ветеранов войны, инвалидов, вдов погибших и половину из собранного прикарманивали.

В результате расследования по Кадиевке к уголовной ответственности было привлечено 10 человек. Среди них первый секретарь горкома партии Билым, второй секретарь Гнездилов, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома Погреба. В результате их действий было расхищено более 200 тысяч рублей. Билыма осудили на 12 лет лишения свободы, Погребу – на 10, Гнездилова (его вина была намного меньше) – на три года лишения свободы условно. Первого секретаря через четыре года амнистировали, а завотделом пропаганды скончался в лагере…

Проверки в других городах области показали, что более 600 предприятий зачислили спортсменов на несуществующие должности. Бывало, что в зависимости от нужности спортсмен «трудился» на двух и даже трех рабочих местах. «Подснежники» пользовались путевками на курорты, получали премии и 13-ю зарплату. А ведь, кроме того, они получали зарплату и от Спорткомитета.

Все делалось по распоряжению обкома, точнее, по личному распоряжению Шевченко. О том, что рабочие трудятся «за того парня», на предприятии знали только его директор, бухгалтер и табельщица, которая оформляла фиктивные наряды. Все остальные считали, что спорт в стране любительский. И конечно, посвященные были в горкомах и обкомах. Они собирали деньги и тщательно соблюдали секретность, не оставляя никаких следов в виде расписок в ведомостях. Так что следователям пришлось повозиться, чтобы доказать, как действовала законспирированная цепочка.

Дважды в месяц сборщики (всего их было 14–16 человек) получали у руководителей предприятий аванс и зарплату в расчете на количество закрепленных за ними спортсменов. Затем деньги передавали заместителю председателя облисполкома. У

него оседала примерно половина полученной суммы. Эти деньги обкомовская и облисполкомовская верхушка пропивала вместе с начальником областного КГБ на загородной даче обкома партии в поселке Счастье. По выходным туда съезжались «поиграть в волейбол» – это так называлось.

Начальникам спортивных команд отдавали то, что оставалось. Больше всего перепадало футбольной команде «Заря». Огромные суммы тратились на переманивание лучших игроков из других команд. Искали перспективных игроков везде – вплоть до Дальнего Востока. На командировки деньги тратили, не считая. А когда находили, кого искали, то обеспечивали квартирами, устраивали быт, оформляли на работу жен.

Когда «Заря» выезжала на соревнования, на место высылали авангард – начальников шахтоуправлений или строительных организаций. Перед выходом футболистов на поле он появлялся в раздевалке и на глазах у всех доставал из портфеля пакет с деньгами: «Братишки, прошу вас: надо выиграть. Выиграете – и все, что в пакете, ваше». А там было ни много ни мало пять тысяч рублей. И это в то время, когда шахтер-бурщик первой категории в месяц получал всего лишь 400 рублей. А футболист за одну игру получал минимум по 300, не считая нескольких зарплат.

Следом за Ворошиловградом инспекторы должны были отправиться в Донецк с такой же проверкой (чтобы ударить по тамошнему «Шахтеру», который тоже вел себя слишком строптиво), но в дело вмешалась Москва – отменила эту ревизию. Видимо, посчитала, что Щербицкому хватит крови одного Шевченко. Кстати, последнего защитил лично Брежнев. Он не позволил передать дело в суд, хотя первому секретарю инкриминировали злоупотребления на сумму свыше 600 тысяч рублей. На первого дал обширные, на 300 листах, показания его заместитель. Ему было легко восстановить все события по дневнику, куда он записывал все указания своего шефа и суммы, которые проходили через их руки. В заключение своих собственноручных показаний этот человек написал: «Я подлежу расстрелу, но прежде надо расстрелять первого секретаря обкома партии Шевченко В. В.». Расстрелять он просил и замешанного в деле председателя облсовпрофа, который был однофамильцем первого секретаря.

Щербицкий велел снять копию этих показаний и отправить в Москву с просьбой, чтобы президиум ЦК КПСС решил вопрос об аресте Шевченко. Через три с лишним месяца оттуда пришло указание, чтобы опальный партработник в трехдневный срок выехал из области и устроился на работу за ее пределами. Таким образом, вместо тюрьмы Брежнев отправил проштрафившегося

Шевченко в ссылку. Не расстреляли, несмотря на его просьбу, и даже не привлекли к суду ни второго секретаря, ни председателя облсовпрофа: раз главного обвиняемого вывели из дела, значит, нельзя привлечь и его ближайшее окружение. За них отдувались руководители второго эшелона.

Напомнив Мельникову эту историю, Гречко продолжил:

– У меня к Щербицкому претензий нет, но если речь идет о сговоре, то здесь дело принципа. Пусть сговаривается с кем угодно, но только не с моей командой. Причем за полторы недели до моего семидесятилетнего юбилея. Когда у них игра?

– Через три дня.

– Хорошо, я позвоню в наш Спорткомитет и взгрею их по первое число. Если они Киеву проиграют, то сорву с них погоны и отправлю служить в Кушку. А футболисты-заговорщики будут месить грязь где-нибудь во второй лиге в седьмой зоне.

Сказав это, Гречко бросил взгляд на часы, которые висели на стене, что означало – аудиенция закончена. Министру надо было еще принять душ и переодеться в свой маршальский мундир, чтобы успеть на Старую площадь, где у него была назначена встреча с Брежневым.

5 октября 1973 года, пятница, Киев, Владимирская, 15, ГУВД Киева, уголовный розыск; проспект 40-летия Октября, гостиница «Мир»

Влас Оленюк вышел из здания ГУВД и направился в сторону улицы Ленина. Маршрут у него сегодня был длинный – ему предстояло в течение дня объехать все киевские гостиницы, которых в городе было полтора десятка. Это мероприятие вытекало из логики расследования дела об убийстве Лазаря Луцкого. Оленюк рассуждал просто. Если предполагаемый убийца приехал в Киев из Москвы, то столоваться он мог двумя способами: либо частным порядком (у кого-то из своих знакомых), либо официальным (остановившись в гостинице). Первый вариант проверить было невозможно, зато второй вполне по силам – для этого надо было посетить все столичные гостиницы. Впрочем, когда сыщик высказал свою идею начальнику 2-го отдела Петру Маринину, тот, дымя сигаретой, скептически заметил:

– Жиденькая у тебя версия, Влас, с этим «боксером». Не факт ведь, что это именно он побывал в квартире у массажиста.

– А оперативное чутье на что, Петр Мартынович? – удивился сыщик. – Да и бутылку «Московской», которую у Луцкого

обнаружили, продавщица опознала – именно она ее ему продала.

– Такую бутылку в этом же магазине мог купить и кто-то другой, – продолжал сомневаться Маринин.

– Но время-то совпадает именно у «боксера»: в начале второго он купил водку, а спустя примерно сорок минут был убит Луцкий. А идти от магазина до его квартиры всего десять минут.

– Даже если это сделал «боксер», мало шансов, что он остановился в гостинице – слишком демонстративно. Скорее всего, он у каких-то своих дружков кантовался. Ведь если он приехал из Москвы, значит, его сюда вызвали. Наверняка и крышей над головой должны были обеспечить.

– Согласен, версия с гостиницей самая малоправдоподобная – кивнул головой Оленюк. – Но проверить ее все равно надо.

– Добре, проверяй, – после короткой паузы согласился Маринин, и тут же добавил: – Но транспорта под тебя у меня нет. Ты весь день провозишься, а у нас всего лишь две служебные машины на ходу и обе нужны будут.

– Ничего, не впервой – я общественным транспортом обойдусь. Тем более, что чуть ли не половина гостиниц в центре Киева находятся.

Это была правда. Уже первая гостиница, которую наметил Оленюк – «Театральная» – расположилась в пяти минутах ходьбы от ГУВД – на той же Владимирской улице. А напротив – на улице Ленина – стоял «Интурист». Чуть поодаль, на Крещатике, расположились гостиницы «Первомайская» и «Ленинградская». На улице Льва Толстого – «Украина», а рядом с площадью Ленинского комсомола – «Днепр». Помимо них в центре города находились гостиницы «Киев», «Москва», «Лебедь».

Однако не успел Оленюк выйти из здания управления на улицу, как услышал сигнал автомобильного гудка. Повернув голову на шум, сыщик буквально оторопел – у тротуара притулился автомобиль «Москвич-412» зеленого цвета, в котором сидела… Нонна Сергеевна. Увидеть ее здесь Оленюк никак не ожидал.

– Садитесь, подвезу, – обратилась она к сыщику и услужливо открыла перед ним переднюю дверцу автомобиля.

Оленюк подошел к женщине и спросил:

– Вы почему не на работе?

– А вы кто – мой начальник? – вопросом на вопрос ответила женщина. – Но если вам так интересно – я, как вам и обещала, взяла отгулы.

– Зачем? – продолжал удивляться сыщик.

– Чтобы встретиться с вами, какой же вы недогадливый! – воскликнула продавщица.

Оленюк посмотрел по сторонам, пытаясь убедиться в том, что никто из его сослуживцев не видит этой встречи.

– Правильно озираетесь – вам лучше сесть в мой «москвичок» и продолжить разговор здесь, – заметила женщина.

– Какой разговор, черт возьми! – теряя терпение, воскликнул сыщик. – У меня забот полон рот, а тут еще вы со своими «амурами».

– Одно другому не мешает. Вы же явно куда-то намылились, а у меня машина под рукой – почему бы не воспользоваться?

Это предложение вернуло Оленюка к реальности. Ему ведь действительно предстоял достаточно насыщенный маршрут, который на общественном транспорте занял бы целый рабочий день. А на автомобиле это дело можно было сократить чуть ли не вдвое. Короче, в сыщике заговорила его профессиональная смекалка. В итоге он сел на предложенное ему место рядом с водителем.

– Вот так будет лучше, – вполне удовлетворенная этим фактом, произнесла женщина. – Итак, куда надо ехать?

– Сначала объясните мне, как вы меня здесь выловили? Может быть, я бы до вечера сидел в своем рабочем кабинете? – продолжал удивляться Оленюк.

– Я ждала всего лишь полчаса. По плану должна была прождать еще столько же, после чего уехать. Но вы уложились в строго отведенное время – мне повезло.

– Вам что, мужиков мало, везучая моя? Вон их сколько по улицам ходит, в том числе и милиционеров?

– Мужиков вокруг много, но такой, как вы – единственный, – пытаясь заглянуть в глаза сыщику, произнесла Нонна Сергеевна.

Но Оленюк смотрел прямо перед собой, стараясь не глядеть на свою собеседницу.

– Чем же я вас поразил, извольте спросить?

– А вы на майора Знаменского очень похожи из моего любимого сериала «Следствие ведут знатоки».

– А мне всегда казалось, что дамам больше импонирует майор Томин, – усмехнулся Оленюк. – Когда в прошлом месяце в очередной серии его ранили, все киевские женщины рвали на себе волосы.

Речь шла о «Деле № 8» под названием «Побег», где «знатока» Томина в исполнении актера Леонида Каневского ранили из пистолета, что вызвало небывалый ажиотаж не только в Киеве, но и по всему Советскому Союзу – Центральное телевидение буквально завалили письмами (писали в основном женщины) с просьбами оставить Томина в живых. Эту просьбу киношники, естественно, удовлетворят.

– Я не рвала – мне импонирует Знаменский.

– Тогда вам, может, съездить в Москву, где непосредственно проживает актер, его играющий? – предложил Оленюк.

– Я уже было собралась это сделать, но тут в наш магазин зашли вы и я подумала: а на кой ляд мне эта Москва, если в моем родном Киеве гарцует такой гарный хлопец, похожий на киношного майора?

– У меня есть невеста, – напомнил сыщик женщине их вчерашний разговор.

– Ничего, мы устроим меж нами конкурс на лучшую подругу жизни. И я уверяю вас, что у нее против меня шансов никаких. Я и готовлю лучше, и по хозяйству успеваю, и в постели заводная. Вот ваша невеста, например, знает такую позу…

– Стоп, стоп, стоп! – оборвал речь продавщицы Оленюк и даже выставил вперед ладонь. – Я все понял, продолжать не надо. Любуйтесь мной на расстоянии, как вы любуетесь по телеку на майора Знаменского. Договорились? Вот и отлично. А пока поедем в гостиницу «Театральная». Знаете такую?

– Да как же не знать, если вон она виднеется прямо по курсу? – ответила женщина и тут же взялась за руль.

Когда они подъехали к гостинице, Оленюк вышел из автомобиля, а его попутчица осталась на своем месте – об этом попросил ее сыщик. Войдя внутрь здания, Оленюк нашел администраторшу – энергичную женщину вдвое старше его – и, показав ей сначала свое удостоверение, а затем фоторобот предполагаемого преступника, спросил:

– Кто может помочь мне в том, чтобы узнать – жил ли на днях в вашей гостинице этот мужчина?

Женщина взяла в руки портрет, но вскоре вернула его обратно:

– Лично я его не помню. Но вы можете спросить у нашей сотрудницы в окошке регистрации, а также подняться на этажи и опросить дежурных.

Оленюк так и сделал. Однако ни одна из опрошенных им женщин личность на фотороботе не опознала. С этим сыщик и покинул гостиницу. Теперь его путь лежал в другой отель – «Интурист». Однако и там его ждал тот же результат – «боксера» никто не опознал. В итоге в течение нескольких часов были объеханы еще несколько гостиниц в центре города, в том числе и новенький отель «Киев», который открылся несколько месяцев назад и считался вторым самым высоким зданием Украины после высотки на Крещатике – в нем было 20 этажей. Но везде результат был одинаковый – следов «боксера» нигде не было.

– Что-то не везет нам сегодня, – грустно резюмировал

Оленюк, когда он в очередной раз, не солоно хлебавши, вернулся в салон автомобиля.

– Ничего, еще не вечер. Как в песне поется: «Надейся и жди», – подбодрила его Нонна.

За те несколько часов, пока они проездили по городу, Оленюк отбросил в сторону официоз и обращался к ней исключительно по имени. Да и вообще эта женщина ему все больше импонировала – она была без понтов и с нормальным чувством юмора, что в его работе было делом немаловажным.

– Значит, вы любите актера Георгия Мартынюка, он же майор Знаменский, и ансамбль «Самоцветы»? – изучая список оставшихся гостиниц, изрек Оленюк.

– Почему только «Самоцветы»? Еще я люблю Софочку Ротару и «Веселых ребят». На днях купила их последнюю пластинку «Как прекрасен этот мир» с песнями композитора Давида Тухманова. Не слышали?

– Намекаете, на то, чтобы я зашел к вам ее послушать? – пряча список в карман, спросил сыщик.

– Да нет, просто так вырвалось.

– Хорошо, что вырвалось, особенно про мир. Следующим пунктом нашего маршрута будет гостиница именно с таким названием на проспекте 40-летия Октября. Трогайте, Нонна.

Когда спустя полчаса Оленюк заходил в гостиничное фойе, он был уверен, что внутри его ждет тот же результат, что и в других гостиницах. Поэтому, обращаясь к девушке за столиком регистрации, которая представилась ему Оксаной, он говорил уже без того энтузиазма, какой был у него в начале поисков. Как вдруг девушка, взяв в руки фоторобот, воскликнула:

– Так это же наш недавний постоялец из Москвы!

– Вы точно в этом уверены? Присмотритесь получше, – подался вперед Оленюк, буквально улегшись грудью на регистраторский столик.

– А чего мне присматриваться – это постоялец из 126-го номера. Зовут его Петр, но он просил называть его на украинский манер – Петро. А вот фамилию не помню, но сейчас уточню, – и девушка полезла в стол за журналом регистрации.

И спустя минуту назвала не только полные инициалы постояльца – Петр Леонидович Мокрицкий, но и его московский адрес, списанный с его паспорта: Кавказский бульвар, дом 35/1. Когда Оленюк взял бумажку с этим адресом, старательно выведенным регистраторшей каллиграфическим почерком, он думал, что у него от счастья сердце выскочит из груди. Но он тут же взял себя в руки и спросил:

– Девушка, а когда он съехал из номера?

– Тридцатого сентября в пять часов вечера.

«Все сходится, – подумал Оленюк. – Спустя три часа после гибели Луцкого».

– А номер у него был одноместный? – задал он новый вопрос.

– Нет, с ним жил постоялец, – ответила регистраторша и тут же назвала инициалы последнего: – Назарий Пантелеевич Кухарчук.

– А он сейчас живет в том же номере? – с надеждой в голосе спросил сыщик.

– Нет, он уехал на следующий день после Мокрицкого – первого октября. Но я могу дать вам его домашний адрес. Он проживает в городе Василькове, а работает в колхозе «Луч» механизатором.

И девушка еще на одном листке бумаги написала названный ею адрес.

Расстояние от Киева до города Василькова было около 37 километров. То есть, на автомобиле можно было добраться туда за 50 минут. А поскольку спутница сыщика была вовсе не прочь пробыть с ним как можно дольше, Оленюк решил воспользоваться этим обстоятельством. Он поймал кураж и буквально печенкой чувствовал – ему сегодня несказанно везет. Значит, глупо выпускать удачу из рук.

– Выражаю вам благодарность, Нонна, от лица всей киевской милиции, – занимая место в автомобиле, произнес Оленюк. – Хорошо поработали – по вашему фотороботу я нашел-таки этого «боксера».

– Рада стараться, – расплылась в счастливой улыбке женщина. – У меня глаз на людей зоркий – все-таки не один год в магазине работаю. А вообще-то я в торговый институт хотела поступить, но не сложилось. Пришлось податься в техникум. С момента его окончания и работаю – восемь лет уже. Одних благодарственных грамот уже три десятка.

– На милицию вы работаете всего лишь несколько дней, но результат получается не хуже, – продолжал нахваливать спутницу Оленюк. – Но наша работа на сегодня еще не закончена – надо еще в одно место съездить.

– Я разве против? – удивилась Нонна. – Только надо на заправку заехать – бензин почти на нуле.

Залив полный бак горючим, они взяли курс на Васильков – тихий городок в Киевской области, который когда-то, во времена Владимира Великого, был крепостью для защиты Киева с юга от набегов кочевников. Теперь городок был известен своим военным аэродромом и хлебозаводом, продукция которого продавалась и в столице Украины.

Знатного механизатора Назария Кухарчука, который приезжал в Киев на три дня, чтобы принять участие во всеукраинском слете передовиков труда, они застали на месте – в частном домике на окраине Василькова. Вооружившись выбивалкой, он бил по ковру, переброшенному через железную сетку, установленную во дворе его дома. Оленюк подошел к нему один, оставив спутницу коротать время возле автомобиля.

– Товарищ Кухарчук? – спросил сыщик у хозяина дома.

– Он самый, а вы кто? – переставая бить по ковру, поинтересовался механизатор.

Оленюк извлек на свет свое служебное удостоверение, чем несказанно удивил мужчину.

– Зачем это я понадобился уголовному розыску?

– А вы жили недавно в киевской гостинице «Мир»?

– А зачем бы я теперь выбивал этот чертов ковер? Три дня в Киеве отдохнул и вот теперь вкалываю на жинку.

– Значит, вот чем объясняется тот факт, что вы не из дома на слет ездили, а из гостиницы?

– Так мне бы колхоз командировочные не оплатил, если бы я дома столовался. А так я и от жинки отдохнул, и деньги заработал.

– Щедрое у вас колхозное начальство, – улыбнулся Оленюк.

– А чего ему не быть щедрым к лучшему механизатору, – улыбкой на улыбку ответил Кухарчук. – Так зачем вы пожаловали? Неужели из-за моих суточных?

– Меня ваш сосед по гостиничному номеру интересует.

– Петро что ли? А шо он натворил?

– Мы его подозреваем в одном преступлении, суть которого я вам рассказать не могу – профессиональная тайна. Но преступление достаточно серьезное. Как вы думаете, он на подобное способен?

Прежде чем ответить, Кухарчук бросил выбивалку на лавку и приблизился к сыщику. После чего, понизив голос, ответил:

– Петро могет. Он, хоть с виду мужик свойский, заводной, но в глазах иной раз такое промелькнут, что у меня мурашки со спичечную головку по спине бегали.

– Посмотрите, это не он? – спросил Оленюк и показал хозяину дома фоторобот.

– Похож, – кивнул головой механизатор, взглянув на фото. – Нос перебитый, подбородок тяжелый, глаза с прищуром, точно – он.

– А зачем он в Киев приезжал не знаете? – пряча фоторобот, поинтересовался сыщик.

– Говорил, что по делам, сроком на два-три дня. А что за дела

он не распространялся.

– Но о чем-то вы разговаривали с ним?

– Так мы только вечером перед сном и виделись. А говорили больше о футболе – он же болельщик, как и я.

– И за какую команду он болеет?

– За «Динамо», только за московское. Мы с ним даже чуть не поспорили: я сказал, что оно из тройки лидеров вылетит, а он утверждал, что оно и второе место занять сможет вместо нашего «Динамо». Но это он хватил – наши ребята могут и чемпионами стать, да еще и Кубок у «Арарата» выиграть. Да, кстати, он меня на этот финал приглашал – хотел пари заключить, кто его выиграет. Говорил, что билетами без проблем обеспечит.

– А про тотализатор он не упоминал?

– Про шо? – удивился механизатор.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Оленюк. – Пари хоть серьезное было?

– Очень – стольник на кон выставлял, что армяне наших одолеют. Но я не могу в Москву уехать – жинка второй раз от себя не отпустит.

Не успел Кухарчук это сказать, как на крыльце дома появилась та, о которой он только что упоминал – разбитная женщина с халой на голове.

– Назар, чи кто? – спросила женщина.

– Голуба, це до мене товарищ зашел.

– Что-то я не помню сего товарища. А ну хватит лясы точить – ступай в дом, там что-то с пылесосом сталося.

Механизатор виновато посмотрел на Оленюка, развел в стороны руками и начал собирать ковер. Сыщик не стал его задерживать – собственно все, что ему требовалось, он у этого человека уже выяснил.

5 октября 1973 года, пятница, Москва, Садовая-Триумфадьная, 4/10, квартира Константина Бескова

Кожемякин стоял возле дверей квартиры, где жили Бесковы, и настороженно прислушивался к тому, что происходило внутри. В квартире слышались приглушенные голоса, которые сдерживали молодого футболиста. Он рассчитывал застать дома одного Бескова, чтобы лишние уши не стали свидетелями их разговора. Но вышло не так, как планировал гость. Поэтому он уже около пяти минут стоял у дверей и никак не мог принять решение – позвонить или уйти восвояси. В итоге верх взяло первое решение, так как Кожемякин не был уверен в том, что в ближайшее время он сможет вырваться к тренеру еще раз. А сообщение надо было донести до него, как можно быстрее. И хотя с тех пор, как Бесков покинул команду, Кожемякин с ним больше не виделся, однако не прийти сегодня к нему он не мог. Даже невзирая на то, что встреча эта могла закончиться фиаско с первых же минут – Бесков мог попросту не пустить своего бывшего ученика на порог. Но вышло все совершенно иначе.

Едва футболист надавил на звонок, голоса внутри квартиры сразу стихли. А спустя полминуты дверь отворилась и на пороге возник сам хозяин квартиры – Бесков.

– Ярослав, ты посмотри, кто к нам пришел! – вместо приветствия воскликнул хозяин квартиры.

На этот возглас из комнаты в коридор вышел мужчина, примерно одного возраста с Бесковым. Кожемякин видел этого человека впервые. Зато тот сразу узнал нежданного визитера, поскольку расплылся в счастливой улыбке и произнес:

– Сам Анатолий Кожемякин собственной персоной!

– Ну, проходи, чего встал, – пригласил Бесков гостя и освободил ему дорогу.

Закрыв дверь, хозяин представил гостю своего приятеля, с которым он коротал время до прихода футболиста:

– Ярослав Сергеевич Слащев – бывший чекист, а нынче пенсионер. Прошу любить и жаловать.

И Слащев первый протянул руку гостю для приветствия. После чего они втроем прошли в просторную гостиную. И Кожемякин сразу обратил внимание на чудо техники, которое он однажды уже видел в 1971 году, когда ездил на свой первый международный турнир – на чемпионат Европы среди юношей в Праге. Это был импортный видеомагнитофон, который стоял на журнальном столике рядом с телевизором. Судя по всему, Бесков

и его приятель были заняты просмотром какой-то записи, а приход нежданного гостя их от этого занятия оторвал. Именно об этом и поспешил сообщить гостю Бесков:

– Ты пришел как раз вовремя, Анатолий. Мы с Ярославом Сергеичем смотрели занимательную пленку, которую привез нам из Европы его сын-дипломат. Кстати, и это чудо техники тоже куплено его стараниями. Так что садись рядом с нами – тебе тоже будет это интересно.

И Бесков подвинул гостю стул, чтобы он уселся вместе с ними напротив телевизора. И когда Кожемякин это сделал, Бесков нажал на кнопку «пуск» на видеомагнитофоне. И тут же на экране возникла картина футбольного матча, причем это явно была не игра союзного первенства – играли две иностранные команды.

– Узнаешь, кто играет? – спросил у футболиста Бесков, с интересом наблюдая за его реакцией.

Кожемякин стал пристально вглядываться в лица и футболки игроков, пытаясь узнать, кто это. Наконец, он расплылся в улыбке:

– Так это же голландский «Аякс» с Йоханом Кройфом.

– Молодец, узнал! – не скрывая своей радости, заметил Бесков. – А вторая команда – это итальянский «Ювентус», у которого «Аякс» в этом году выиграл в финальном матче Кубок европейских чемпионов. Этот финал мы сейчас и смотрим.

Кожемякин не видел этого матча, который состоялся 30 мая (по советскому ТВ его не показывали), но читал отчет о нем в еженедельнике «Футбол. Хоккей» и газете «Советский спорт». А вообще Йохан Кройф был его любимым игроком, поскольку играл на той же позиции, что и он – в центре нападения. Правда, в тактической схеме голландцев, которую прозвали «тотальным футболом», Кройф действовал по всему спектру атаки, легко доводя мяч с любой точки поля к воротам соперников и мастерски владея поставленным ударом. В этом и заключалась стратегия «тотального футбола» – даже защитник был вправе пойти в атаку, а нападающий перейти на его место и осуществлять страховку опустевшей зоны, дабы не оставлять оголёнными свои тылы. Центральный форвард, к примеру, мог смещаться на фланги и своими нестандартными действиями пытаться добиться положительного результата для своей команды.

Советские команды начали перенимать эту тактическую схему в начале 70-х – она называлась 4-3-3: четыре защитника, три полузащитника и трое нападающих. В том же московском «Динамо», еще в бытность там тренером Бескова, эта схема практиковалась достаточно активно. И даже чуть не привела к

успеху, когда в мае 1972 года подопечные Бескова едва не обыграли в финале Кубка обладателей кубков шотландский «Глазго рейнджере». Однако болельщики «Глазго» не позволили этого сделать. При счете 3:2 в пользу своих любимцев, когда динамовцы подряд забили два мяча и могли сравнять счет, переведя игру в дополнительное время, шотландские фанаты высыпали на поле и в течение десяти минут не давали судье возможности продолжить матч. Согласно правилам УЕФА, судья матча Мендибил имел полное право остановить игру, однако он избрал другой способ: стал терпеливо ждать, пока хулиганы покинут площадку. А затем приказал игрокам доигрывать оставшиеся четыре минуты. Между тем как раз перед этим «Рейнджере» пропустил второй мяч и, изнемогая под беспрестанными атаками динамовцев, готов был капитулировать. Но нашествие болельщиков пришлось шотландцам как нельзя кстати – оно выбило динамовцев из штурмового ритма и предоставило «Глазго» столь спасительную паузу, чтобы перевести дух и прийти в себя. В итоге Кубок достался шотландцам.

– Если бы у нас в «Динамо» был бы такой игрок, как Кройф, мы бы еще в 70-м году стали чемпионами, а не взяли только «серебро», – произнес Бесков.

Эта реплика была понятна. Бесков руководил динамовским коллективом шесть лет, однако так и не сумел вывести его в чемпионы, хотя дважды они были близки к этому. В 1967 году подопечные Бескова заняли 2-е место, в 1968-м – 5-е, в 1969-м – 4-е, в 1970-м – 2-е, в 1971-м – 5-е и в 1972-м – 10-е.

– Может быть, в этом году, имея такого игрока, как Кожемякин, наше «Динамо» попытается стать чемпионом, – высказал предположение Слащев.

– Анатолий игрок хороший, но он пока еще не Кройф, – покачал головой Бесков, не отводя взора от экрана. – Хотя задатки им стать у него есть. Ты помнишь, Анатолий, как ты не явился на мой вызов, когда я тебя впервые в команду вызвал?

– Я это на всю жизнь запомнил, – ответил футболист. – Только вы же знаете, что у меня причина тогда была уважительная.

– Если бы не знал, я бы тебя, наверное, долго потом не вызвал.

Ретроспекция. 20 марта 1970 года, пятница, Москва, Лужнецкая набережная, Футбольная школа молодежи и Измайлово

Тренер ФШМ Валентин Бубукин сидел у себя в кабинете и писал отчет о проделанной работе, когда у него на столе зазвонил телефон. Подняв трубку, он услышал на другом конце провода голос Константина Бескова:

– Валентин, здравствуй! Ты можешь сегодня прислать ко мне своего Кожемякина – хочу его посмотреть.

– На предмет чего, Константин Иванович? – поинтересовался Бубукин.

– На предмет включения в заявку на союзный чемпионат. Мы только что прилетели из Австралии и у меня сразу несколько игроков под вопросом – травмы наполучали. К тому же, в апреле Гену Еврюжихина вызывают в сборную, а без него наше нападение сам понимаешь как будет выглядеть.

– Но Кожемякину месяц назад всего семнадцать лет исполнилось.

– Ты же сам мне его нахваливал? – удивился Бесков.

– Я от своих слов не отказываюсь, просто неожиданно так все.

Тренером ФШМ Бубукин стал год назад и сразу обратил внимание на высокого и скоростного ученика Анатолия Кожемякина. В этом не по годам развитом игроке уже был целый набор отменных качеств: быстрота, техника, удар с обеих ног. Да и физически он был хорош, обладал прекрасной обводкой. Бубукин испытал это на своей шкуре. Однажды на тренировке он имел неосторожность выйти на поле персонально против Кожемякина в игре в квадрате шесть на шесть (шесть игроков против шести). Тренеру тогда шел тридцать седьмой год – не самый старый возраст для футболиста. То есть, порох в пороховницах еще был – с выносливостью было все в порядке, он даже за ветеранов неплохо играл. Так вот шестнадцатилетний Кожемякин стал так его «возить» с его-то опытом, знаниями, да еще и оставшейся физикой, что Бубукин буквально взмок и сделал вывод – этот парень далеко пойдет.

Именно Бубукин рассказал о талантливом футболисте Бескову – первому тренеру ФШМ (он им был в 1957–1960 годах, стоя у истоков ее создания). Бесков намотал эту информацию на ус и теперь решил ею воспользоваться.

– Как в Австралию съездили? – спросил Бубукин у своего бывшего наставника, с которым пять лет назад работал в московском «Локомотиве».

– Очень хорошо, – последовал быстрый ответ. – Сгоняли всего лишь две ничейки – со сборными штата Западная Австралия и Нового Южного Уэльса. Счет – 3:3. А в остальных матчах мы победили. На обратном пути задержались на несколько дней в Джакарте, где вдобавок обыграли молодежную сборную

Индонезии 8:0, а национальную – 1:0. Но ты от ответа не увиливай – Кожемякина пришлешь?

– А куда надо?

– В теннисный манеж «Динамо» – мы там на грунтовке тренируемся.

Бубукин взглянул на часы, висевшие на противоположной стене – они показывали половину двенадцатого дня.

– Хорошо, часа через два ждите.

Когда он пришел в спортзал, там шла двусторонняя игра. Бубукин подозвал к себе Кожемякина и сообщил ему о звонке Бескова.

– Как настроение – не подкачаешь? – спросил Бубукин.

– Обижаете, Валентин Борисович, – расплылся в широкой улыбке футболист.

Было видно, что это сообщение его здорово обрадовало. Еще бы – попасть на просмотр в «Динамо», да еще к самому Бескову!

– Тогда иди переодевайся и езжай в теннисный манеж «Динамо». Я сказал, что через два часа ты будешь.

От станции метро «Ленинские горы» до «Динамо» было полчаса езды. А если не спешить, то можно было уложиться за час. Поэтому Кожемякин успел сходить в душ, переодеться и, закинув спортивную форму в сумку, вышел из здания ФШМ.

В вагоне метро, в котором он вскоре оказался, почти никого не было. Заняв место в пустом углу, Кожемякин бросил сумку рядом с собой и блаженно вытянул ноги. Внутри у него все пело и играло от предвкушения предстоящей встречи со знаменитым тренером. Причем никаких особых опасений по поводу того, что он ему может не понравиться, у футболиста не было – в себе он был более чем уверен. Ведь он давно ждал и готовился к такому вот моменту – когда его вызовут на просмотр. Закрыв глаза, Кожемякин стал мысленно представлять себе сегодняшнюю встречу с Бесковым и за этим занятием… задремал. Что было не мудрено – встал он сегодня ни свет не заря, хотя вчера лег поздно, приехав с дня рождения друга. Естественно, этот недосып и сказался.

Кожемякин спал так крепко, что даже не почувствовал, как чья-то рука аккуратно сняла его ладонь со спортивной сумки, лежавшей справа от футболиста. А в следующую секунду сумка перекочевала в чужие руки и была такова – ее унес в неизвестном направлении молодой парень в черной куртке с капюшоном производства московской фабрики «Парижская коммуна». И когда Кожемякин спустя пять минут все же проснулся, потревоженный пожилым мужчиной, который, переступая через его вытянутые ноги, задел их, он обнаружил, что сумки рядом с ним нет.

– Вы не видели здесь сумку? – с отчаяньем в голосе спросил Кожемякин у мужчины, разбудившего его.

– Спать надо дома, а не в метро, молодой человек, – ответил мужчина и добавил: – Не было с вами никакой сумки.

Кожемякин выскочил из вагона, но в следующую секунду понял, что его порыв напрасен – сумку у него стащили не только что, а чуть раньше. Поэтому, сколько ни бегай по платформе, но утерянного уже не вернуть. И от этого хотелось выть и лезть на стенку. Ведь в сумке лежал новенький спортивный костюм «Адидас» и такие же бутсы. Эту амуницию ему месяц назад, на зависть всем ребятам из ФШМ, привез из заграницы друг отца – дипломат. В этой форме Кожемякину не было страшно показаться даже самому Бескову. Но теперь, с ее потерей, ехать на просмотр было бессмысленно. Ведь узнав о том, что к ним приехал ротозей, проспавший свою футбольную амуницию, динамовские футболисты непременно должны были поднять его насмех. Допустить этого он, естественно, не мог.

* * *

Сергей Ребров лежал на диване перед включенным телевизором и тупо смотрел в экран, где шел «Ленинский университет миллионов». Ведущий передачи бодрым голосом рассказывал о нерушимом единстве коммунистов и беспартийных, периодически ссылаясь на речь Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, произнесенную им в прошлом году с трибуны партийного Пленума. Слова, звучащие с экрана, совершенно не трогали сознания Реброва, поскольку мысли его в этот момент были заняты другим – он размышлял о завтрашней встрече с вором в законе Моголом, который обещался поставить его смотрящим над всем Измайлово. И в тот самый миг, когда Ребров прокручивал в голове все варианты предстоящего разговора, в коридоре раздался звонок, возвестивший о внезапном приходе гостя, которого хозяин квартиры не ждал.

Визитером оказался Жора Сиплый – один из корешей Реброва, с которым они были знакомы еще со времен совместной учебы в спецПТУ. Как и Ребров, Сиплый тоже был судим по 206-й статье УК – за «хулиганку», правда, наказание они отбывали на разных зонах. Да и результатов добились разных: если Сиплый так и не смог выбиться в лидеры, то Ребров, уйдя в «отрицаловку», сумел так поставить себя, что привлек внимание воров, отдавших должное его дерзости и уму. В итоге он очень

быстро из пешки (рядового «баклана») выбился в ферзи – стал правой рукой Могола.

– Извини за непрошенный визит, но дело того стоит, – произнес Сиплый, переступая порог квартиры, где Ребров жил один с тех пор, как полгода назад схоронил свою мать.

Закрыв дверь, хозяин квартиры прошел вслед за гостем в комнату и сразу обратил внимание на спортивную сумку, которую гость поставил на стол.

– Вот подарок тебе притащил – ты же у нас спортом увлекаешься, – сообщил Сиплый, опускаясь на диван.

– Что ты гонишь, какой подарок? – спросил Ребров с удивлением глядя то на гостя, то на сумку.

– Мишка Бегунок стырил эту сумку у одного фраера, заснувшего в метро. Притаранил ее мне, а я сразу вспомнил о тебе – там адидасовский костюм и бутсы.

– Гонишь? – с недоверием спросил у приятеля хозяин квартиры.

– Век воли не видать, – и Сиплый сделал характерный жест: ногтем большого пальца подцепил верхний зуб, после чего тем же пальцем провел себя по горлу.

После этого Ребров открыл молнию на сумке.

– Мать моя женщина! – воскликнул он, извлекая на свет новенький импортный костюм, который купить в советских магазинах было невозможно.

– Ты бутсы посмотри – на них муха не еблась, – поддержал восторги друга Сиплый.

Ребров так и сделал – извлек на свет бутсы и принялся с восхищением их рассматривать.

– Это каким же мудилой надо быть, чтобы такие шмотки в метро проспать, – резюмировал Ребров, возвращая вещи в сумку.

– Мишка говорит, что этим мудилой был какой-то молодой чувачок с красной ветки метро. Видно, спортсмен какой-то – со «Спортивной» ехал на тренировку.

В этот миг Ребров стал рассматривать кофту у костюма и обнаружил на воротнике бирку с именем и фамилией владельца.

– Гадский папа, как же тесен мир! – воскликнул Ребров и со злостью бросил кофту в сумку.

– Ты чего? – удивленно воззрился на него Сиплый.

– Этот мудило мне знаком – пять лет назад он отодрал нас в сухую, – сообщил Ребров приятелю. – Пять безответных мячей нам наколотил.

– Значит, теперь пришла пора поквитаться – будет ходить в совпаршиве, а не в адидасовском прикиде. Или ты хочешь, чтобы мы его нашли и поставили на ножи?

– Ты что, с дубу рухнул – на какие ножи? Если бы ты видел, как он в футбол играет, ты бы ему ноги целовал.

– Да гори он пропадом этот ваш футбол – на фиг он мне сдался! – воскликнул в сердцах Сиплый.

– А вот мне не на фиг – я таких забивал отродясь до этого не видел. А ему тогда всего двенадцать лет было. Можешь себе представить, в кого сейчас этот парень вырос?

– Да кто тебе сказал, что это он? – вскочил с дивана Сиплый.

– Там бирка на костюме – «Толя Кожемякин».

– Да мало ли в Москве Кожемякиных, да еще и Толиков?

– Может быть, и много, но это точно он – только у него такой костюм может быть. Впрочем, это легко проверить.

Сказав это, Ребров закрыл молнию на сумке и, закинув ее на плечо, направился в коридор.

– Ты куда? – удивленно спросил Сиплый.

– К Кожемякину. Там заодно и узнаю, имеет он отношение к этим шмоткам или нет.

– Ты точно больной на голову! – всплеснул руками Сиплый.

Но увидев, что его приятель и не думает отменять свое решение, обреченно поплелся за ним следом.

На улице они быстро поймали такси и Ребров назвал адрес, который помнил наизусть – как и тот день, когда их кодла проиграла всухую матч малолеткам.

У подъезда той самой «хрущобы», где жили Кожемякины, Ребров вышел из такси и попросил друга остаться в машине. На дворе был уже вечер и в том самом окне, в котором пять лет назад Ребров видел мать Кожемякина, горел свет. Это означало, что в квартире кто-то есть.

Прыгая через две ступеньки, Ребров легко вбежал на четвертый этаж и нажал на кнопку звонка. Спустя минуту дверь открылась и перед непрошенным гостем возник Анатолий Кожемякин собственной персоной.

– Здорово, Толик, – поздоровался Ребров.

Но заметив, что его не узнают, продолжил:

– Что, сильно изменился за пять лет? Я тот самый чувак, которого ты отодрал всухую 5:0 в той самой коробке, что стоит у вас во дворе.

После этих слов лицо Кожемякина, до этого напряженное, осветила улыбка и он спросил:

– Опять пришел в футбол поиграть?

– Да ты за эти пять лет наверняка до мастера спорта вырос – на одной ноге меня обыграешь.

– А ты чем все это время занимался? – поинтересовался Кожемякин.

– Да так – путешествовал, – уклончиво ответил Ребров.

Но взгляд Кожемякина скользнул по его руке, где на каждом пальце теперь красовались синие татуировки – и все сразу стало понятно.

– Может, зайдешь? – и футболист сделал шаг назад, приглашая гостя в дом.

Но тот мотнул головой и предложил:

– Лучше ты ко мне.

Кожемякин вышел на лестничную площадку и притворил за собой дверь.

– Ты сегодня ничего не терял? – поинтересовался Ребров, когда они отошли к окну, выходившему на другую сторону двора.

– Что например? – напрягся Кожемякин.

– Вот это, – и Ребров движением руки перенес сумку, висевшую у него за спиной, на живот.

Увидев вещь, с которой он уже успел навсегда распрощаться, Кожемякин буквально остолбенел. А когда пришел в себя, спросил:

– Ты где ее взял?

– На улице нашел.

– А как узнал, чья сумка?

– Ты совсем дурной, Толик – на костюме бирка с твоими именем и фамилией. На, держи и больше не теряй.

Вручив хозяину его вещи, Ребров достал из кармана пачку «Примы» и закурил.

– Ты куда с этим ехал – на тренировку? – спросил он, открывая форточку в коридорном окне.

– На смотрины к Бескову, – ответил Кожемякин, прижимая сумку к груди.

– Да ну – к самому Константину Ивановичу? – искренне удивился Ребров. – Неужели он тебя хочет в «Динамо» взять?

– Не знаю, я же к нему так и не доехал, – вздохнул Кожемякин.

– Не дрейфь, пацан, такие футболисты, как ты, на дороге не валяются, – выпуская дым в сторону форточки, констатировал Ребров. – Объяснишь ему ситуацию, он поймет – не враг же он самому себе.

– Может, и поймет, – пожал плечами Кожемякин.

– Вот и я говорю, держи хвост пистолетом, – и Ребров похлопал футболиста по плечу.

После чего выбросил недокуренную сигарету в форточку и протянул на прощание раскрытую ладонь:

– Ну, покедова, будущая знаменитость Анатолий Кожемякин. Даст бог, еще свидимся.

5 октября 1973 года, пятница, Москва, Садовая-Триумфадьная, 4/10, квартира Константина Бескова

– И что нужно сделать Анатолию, чтобы стать вторым Кройфом? – спросил у Бескова Слащев, после того, как они посмотрели в телевизоре очередной эпизод с участием «летучего голландца».

– Работать надо днем и ночью на футбольном поле, как проклятый, – ответил Бесков. – Вот у тебя, Анатолий, какая стартовая скорость на сегодняшний день – 30 метров с места за сколько пробегаешь?

– За четыре секунды, – ответил футболист.

– А у Кройфа этот результат 3,8 секунды. Вот этих самых долей тебе и не хватает. Потом голландец может «включить» эту скорость в любой момент, но так же мгновенно и остановиться. Он на полном ходу способен изменить направление движения. Причем без разницы – с мячом он двигается или без него. А если у него мяч в ногах, то отобрать его практически невозможно. Несмотря на свою легкость, он крепко держится на ногах, закрывает мяч корпусом, а потом резко меняет направление движения. Кстати, вот сейчас он будет бить угловой – присмотрись к его удару.

На экране телевизора Кройф установил мяч возле углового флажка, разбежался и едва не забил гол, закрутив мяч по кривой траектории прямо в ворота.

– Видишь, как лихо у него это получается? – воскликнул Бесков. – Он подкручивает мяч внешней стороной стопы. И тот летит по такой немыслимой траектории, что огибает защитников и оказывается либо в воротах, либо в ногах у партнеров Кройфа. Вот чему тебе надо ежечасно учиться на тренировках: отрабатывать стартовую скорость, уметь двигаться по полю с мячом и без него, а также отработать удары, выработав свой, фирменный. Сумеешь это сделать, вытянешь наше «Динамо» на первое место.

– А в этом сезоне какое место ты прочишь нашему «Динамо», Костя? – спросил у тренера Слащев.

– Думаю, за третье зацепиться удастся – вполне себе неплохой результат, учитывая прошлогоднее 10-е, которым меня попрекали. А золотые медали разыграют между собой «Арарат» и киевляне.

– Подожди, а если мы 7-го в Ереване сумеем победить «Арарат»? – продолжал гнуть свою линию бывший чекист.

– Ну и что – мы наберем всего лишь 28 очков, а у киевлян уже 31, у «Арарата» на очко больше. Кстати, Анатолий, ты едешь в

Ереван? – спросил Бесков у гостя, отрываясь от телевизора.

– Собираюсь, – кивнул головой футболист.

– Надеюсь, ты помнишь предыдущий матч, который вы играли с ереванцами в Москве?

– Конечно, помню – мы продули он.

– А продули вы, как ты выражаешься, из-за того, что тебя практически напрочь закрыл их защитник Саша Коваленко.

Этого 30-летнего ветерана «Арарата» (он играл в нем с 1962 года) называли «бетонной стеной». Он был центральным защитником и именно от этих позиций зависела основная линия обороны. Когда Коваленко входил в основной состав, то вся команда чувствовала себя спокойно. Впрочем, под стать Коваленко была и вся остальная защита «Арарата»: в воротах Алеша Абрамян, на правом фланге – Санасар Геворкян, на левом – Норик Месропян.

– И как мне играть? – спросил Кожемякин у своего бывшего тренера.

– Как обычно – без мандража, – улыбнулся тренер. – У вас будет психологическое преимущество – ереванцы наверняка будут скованы, держа в голове, что они могут оплошать у себя дома. Кстати, то же самое случилось с вами в первом матче, на «Динамо». Ты помнишь, с чего начался тот матч?

– Конечно – мы едва не пропустили гол на первых же минутах.

– Правильно – именно потому, что сильно волновались. В Ереване может повториться то же самое, только теперь в роли мандражеров будут хозяева. Так что, если сумеете забить быстрый гол, вполне можете рассчитывать на победу, либо на ничью. А если дело дойдет до пенальти, то считайте, что одно очко у вас в кармане. В этом сезоне лучше вас их никто не пробивает.

– Однако наш гость в этом плане пока не блещет – всего два пенальти забил, – сообщил Слащев.

– Ничего, зато он с игры много забивает – целых четырнадцать голов за плечами имеет, – заметил Бесков. – Кстати, в первом круге за тобой было всего лишь шесть голов, а во втором ты разыгрался. Вот и в последней игре со «Спартаком» отличился. Что случилось?

– Так я же женился, Константин Иванович, – расплываясь в широкой улыбке, ответил Кожемякин. – А тут еще жена забеременела.

– Поздравляем, Анатолий, – и Бесков, а затем и его приятель, пожали футболисту руку.

Кожемякин и в самом деле с трудом входил в этот сезон – он был у него первым полноценным, когда он играл в каждом матче.

Но первый гол забил только в восьмой по счету игре против одноклубников из Тбилиси, причем матч проходил на выезде. И Кожемякин забил сразу два мяча в первом тайме, а общий счет был 3:0 в пользу москвичей. Следом была игра с «Карпатами», где Кожемякин забил еще один гол и динамовцы победили 2:0. На тот момент они с семью очками занимали лишь 9-е место в турнирной таблице. Но следующие четыре игры подряд динамовцы выиграли и значительно улучшили свое турнирное положение – вышли на третье место с четырнадцатью очками. Кожемякин забил еще четыре мяча, правда один в послематчевых пенальти, которые не шли в общий зачет голов. А потом была та самая игра с «Араратом», где была прервана беспроигрышная серия динамовских матчей, которая длилась шесть туров.

– Говорят, у вас в дубле очередной вундеркинд объявился – Вадик Павленко, – возобновил разговор Бесков, после того, как в течение нескольких минут они втроем смотрели игру по видеомагнитофону. – В мою бытность тренером «Динамо» он такими успехами похвастаться не мог. А тут, как я узнал, наш дубль одержал девять побед, а Вадик забил целых одиннадцать мячей!

Павленко был воспитанником «Динамо», тренера Евгения Байкова, и уже в юные годы, как и Кожемякин, завоевал множество трофеев на разного рода соревнованиях. Вообще, у них было много общего – у Кожемякина и Павленко. Оба были высокими, скоростными футболистами, с прекрасным дриблингом и умением забивать головой. Наконец, оба играли в центре нападения. Это, кстати, могло создать конкуренцию между ними в будущем, о чем Кожемякин, конечно, иногда задумывался, особенно на фоне последних успехов Вадима. В семи последних матчах этого сезона он не уходил с поля без гола, забивая по два мяча за игру. Однако, несмотря на возможность прихода Павленко в основной состав на место Кожемякина, эти футболисты не испытывали друг к другу ревности – были друзьями. Поэтому Кожемякину было приятно, что Бесков так отзывается о Павленко. «Увижу Вадика, обязательно передам ему слова Константина Ивановича», – с удовлетворением подумал Анатолий.

– А ты зачем в гости пожаловал – просто навестить бывшего тренера или как? – задал хозяин дома гостю вопрос, который давно напрашивался.

– Не просто, – после небольшой паузы ответил футболист. – Во-первых, хочу прощения попросить у вас за тот разговор в раздевалке. Помните, когда мы с «Араратом» играли?

– Я этот разговор на всю жизнь запомнил, – ответил Бесков,

вновь глядя в телевизор. – А прощение твое я принимаю. Ты из всех ребят самый молодой был – мало что понимал в происходящем. Но на будущее имей в виду – стадом не ходи, имей свою голову на плечах.

– А как же советский коллективизм? – вклинился в разговор Слащев.

– А никак – есть такие ситуации, когда про него можно благополучно забыть, – ответил Бесков и вновь взглянул на футболиста: – А что у тебя во-вторых?

Кожемякин не знал, стоит ли ему переходить ко второму вопросу в присутствии постороннего человека. Но Бесков, видимо, поняв причину его заминки, сообщил:

– Можешь говорить – Ярослав Сергеич человек надежный.

– Я вчера был в управлении футбола, у Вольского, – продолжил свою речь футболист. – И он сообщил мне, что против вас затевается компания, чтобы не допустить к руководству сборной, а, возможно, и «Динамо». Они хотят, чтобы мы, ваши ученики, снова против вас выступили.

– Надо же, как интересно! – усмехнулся Бесков, скрестив руки на груди и продолжая глядеть в телевизор. – Чует кошка, чье мясо съела.

– Это ты о чем? – спросил Слащев.

– О Зольском и тех, кто за ним стоит. Боятся они, что я попытаюсь их на чистую воду вывести – они те еще махинаторы. Андропов в «Динамо» Богданова прислал, так эти ухари теперь боятся, что вокруг него честные люди начнут группироваться. Вот и зашевелились. Даже футболистов к этому делу хотят подключить.

Сказав это, Бесков вновь обратил свой взор на Кожемякина:

– Спасибо тебе, Анатолий, что не побоялся прослыть стукачом. Хотя это вовсе и не стукачество, когда ученик предупреждает своего учителя об опасности. Матч хочешь с нами досмотреть?

– Нет, Константин Иванович, мне ехать надо, – ответил Кожемякин и первым поднялся со стула. – Я ведь всего на пять минут к вам зашел, чтобы предупредить. А теперь мне надо в Новогорск, на базу.

Следом за гостем со стула поднялся и хозяин квартиры, который проводил футболиста до дверей. И когда пожимал ему на прощание руку, сказал:

– Гавриле передай, чтобы в Ереване играл как обычно – с тремя нападающими (речь шла о тренере «Динамо» Гаврииле Качалине). Поагрессивней вам надо играть в гостях, а то у вас всего лишь четыре победы на выезде. Впрочем, думаю, он и сам

это понимает. Ну, ни пуха вам и ни пера в Ереване.

– К черту! – улыбнулся Кожемякин и покинул гостеприимную квартиру.

6 октября 1973 года, суббота, Киев, проспект Юрия Гагарина, квартира Власа Оленюка и улица Орджоникидзе, здание ЦК КП Украины

В этот субботний день Оленюк планировал отправиться в Москву, чтобы там произвести задержание подозреваемого в убийстве Лазаря Луцкого – некоего Петра Леонидовича Мокрицкого, проживавшего по адресу Кавказский бульвар, дом 35/1. На предложение своего начальника Петра Маринина взять с собой напарника, Оленюк ответил коротко:

– С ним придется в общаге столоваться. А так в МУРе у меня приятель работает – Лешка Игнатов – вот у него дома и остановлюсь. Он же поможет мне и задержание Мокрицкого организовать.

Спорить с этим доводом начальник «убойного» отдела не стал.

Однако в тот момент, когда Оленюк был дома и паковал спортивную сумку, с которой он собирался выехать на поезде в Москву, в его доме раздался телефонный звонок. Подняв трубку, сыщик услышал на другом конце провода голос Маринина:

– Влас, попридержи лошадей – тебя к самому Щербицкому вызывают.

– Сегодня же суббота! – удивился Оленюк.

– Видимо, там, наверху, работают без выходных, – сделал вывод Маринин.

– И зачем интересно я понадобился? – продолжал удивляться сыщик.

– Ты что маленький – не понимаешь? Естественно, по поводу Луцкого. Видимо, Сам хочет узнать о расследовании из первых уст.

– А вы там будете, Петр Мартынович?

– Я же сказал: тебя хотят видеть, а не меня. Так что сиди дома и жди звонка из ЦК – тебя вызовут.

Это сообщение меняло планы сыщика – получалось, что если этот вызов растянется во времени, то в Москву сегодня он может и не попасть. Но сделать с этим было ничего нельзя – вызов к Первому секретарю ЦК КП Украины проходил по разряду архиважных и все остальные дела в сравнение с ним считались мелкими.

Как и подозревал Оленюк, ждать ему пришлось несколько часов. Все это время он смотрел телевизор, а когда ему это надоело, взял в руки журнал «Наш современник» № 9, в котором печатали детектив Джеймса Чейза «Мертвые молчат». Книгу начали печатать еще с августовского номера, поэтому Оленюк уже успел втянуться в этот процесс. Однако теперь он читал эту книгу несколько другими глазами. Дело в том, что речь в нем шла о том, как некий гангстер по фамилии Диллон приезжал в небольшой городок и брался «организовать» результат боксерского матча. Вполне типичная ситуация для гангстерской Америки. Однако после того, как Оленюк впрягся в дело по убийству массажиста киевского «Динамо», он поймал себя на мысли, что гангстерские нравы начали проникать и к нему на родину – только речь шла не о боксерских поединках, а о футбольных матчах. Кроме этого, в романе был эпизод, похожий на то, с чем столкнулся Оленюк в своем расследовании – подозрительная смерть девушки по имени Джоан Никольс, которая упала с лестницы. На самом деле ей помогли это сделать. Именно этот эпизод сыщик и читал в начале третьего часа дня:

«… – Медицинское заключение гласило, что ее смерть наступила от несчастного случая, – спокойно заметил Скейф. – Я в это не верю. Она справлялась в «Шэд-отеле» о Фэй Бенсон, а вернувшись домой, сломала себе шею. Странное совпадение. Ваши люди занимаются ее прошлым?..»

В этот самый миг у Оленюка вновь зазвонил телефон. Он поднял трубку и услышал незнакомый мужской голос:

– Товарищ Оленюк? Вам звонят из ЦК Компартии Украины. В ближайшие полчаса будьте, пожалуйста, дома – за вами уже выехала машина. До свидания.

Упомянутый автомобиль прибыл к подъезду дома на проспекте Юрия Гагарина, где жил сыщик, спустя десять минут. Оленюк увидел его в окно, поскольку сразу после звонка стоял возле него и смотрел вниз. Это была черная «Волга» из цэковского гаража особого назначения. За рулем ее сидел мужчина средних лет, которому Оленюк показал свое служебное удостоверение, после чего они тронулись в путь. И уже спустя полчаса сыщик входил в просторный кабинет хозяина Украины Владимира Щербицкого на втором этаже серого здания по улице Орджоникидзе. Причем разговаривать с гостем Щербицкий предпочел не в кабинете, а в более приватной обстановке – в комнате отдыха, которая находилась здесь же – туда вела неприметная дверь в углу кабинета. Войдя туда, Оленюк осмотрелся. Это была большая комната, площадью метров 30, с двумя зашторенными окнами, выходящими на ту же улицу

Орджоникидзе. По периметру в ней стояли шкафы с различной литературой, диван, а в центре – рабочий стол и целых два цветных телевизора «Славутич», чтобы хозяин кабинета мог одновременно смотреть любимый футбол и какие-то важные социально-политические программы. Вся мебель была отечественной и досталась Щербицкому «по наследству» от его предшественника – Петра Шелеста, которого отправили на пенсию полтора года назад.

Хозяин апартаментов предложил гостю сесть на кожаный диван с круглыми подлокотниками и высокой спинкой, а сам уселся напротив в таком же кожаном кресле.

– Может, хотите что-нибудь перекусить? – поинтересовался Щербицкий у гостя.

– Спасибо, Владимир Васильевич, я уже дома это сделал, – соврал Оленюк, не желая утруждать лишними хлопотами столь влиятельное лицо.

– В таком случае, начнем. Как мне доложили, дело о самоубийстве массажиста динамовской команды переквалифицировали – речь идет об убийстве. Ошибки быть не может?

– Исключено – об этом говорят улики. Жертве был нанесен удар тяжелым предметом по голове в область затылка, после чего его выбросили в окно.

– Может, это травма от удара о землю? – продолжал сомневаться Щербицкий.

– Эксперт установил, что жертва упала лицом вниз. Поэтому травму на затылке массажист получил в квартире.

– Кто же это сделал?

– На данный момент мы имеем косвенные свидетельства того, что это мог сделать некий Петр Леонидович Мокрицкий из Москвы.

– Его уже задержали?

– Я как раз собирался сегодня выехать в Москву, чтобы вместе с тамошними коллегами это сделать.

Услышав это, Щербицкий улыбнулся:

– Намекаете на то, что я вам помешал?

Оленюк предпочел не отвечать на этот вопрос, но по его губам тоже пробежала лукавая улыбка.

– А что известно о мотивах этого убийства? – вновь продолжил свой допрос Щербицкий.

– Пока мы можем лишь строить версии – настоящий мотив известен только преступнику.

– Но все-таки? – продолжал настаивать на своем хозяин кабинета.

Оленюк понял, что Щербицкому, судя по всему, известно больше, чем он пытается показать, но он хочет услышать эту версию из уст самого сыщика. Поэтому Оленюк предпочел ничего не скрывать от своего собеседника:

– На мой взгляд, в этом деле замешан подпольный футбольный тотализатор.

– Значит, он у нас существует?

– Судя по тому, что к нам поступала разрозненная информация об этом на протяжении последних трех лет, это действительно так.

– Но кто в нем может участвовать?

– Главным образом те, кто имеет возможность оперировать большими денежными суммами – это игра не для бедных.

– А массажиста зачем убивать?

– Причин может быть много, – пожал плечами Оленюк. – Но, учитывая место его работы, можно предположить, что он снабжал участников тотализатора конфиденциальной информацией относительно результатов матчей киевского клуба.

– В каком смысле? – насторожился Щербицкий.

– Я имею в виду то, что массажист мог знать, в каком состоянии находится команда и как она настроена на ближайшую игру. Ведь участники тотализатора делают ставки не только на победу одной команды над другой, но и на конкретный счет – от этого сумма выигрыша повышается.

– Но как можно узнать конкретный счет до начала игры?

Глядя в глаза Щербицкому сыщик пытался понять: притворяется его собеседник или говорит правду. В среде болельщиков давно ходили слухи о том, что в советском футболе растет число договорных матчей, а хозяин Украины, который сам был страстным футбольным болельщиком, делал вид, будто только вчера на свет родился. Однако говорить ему об этом прямо в глаза было опасно. Поэтому Оленюк избрал иную тактику – он решил и себя выставить не слишком сведущим в этом деле человеком.

– Я пока не могу знать всей механики этой подпольной игры, поскольку та информация, которой располагаю, не позволяет мне представить всю картину в полном объеме. Я знаю, что существует тотализатор, в нем участвуют, видимо, десятки, если не сотни людей, но вот как они производят свои махинации, пока представляю смутно.

– Может, это знают ваши коллеги из ОБХСС?

– Они занимаются несколько иными махинациями. Это, скорее, компетенция нашего 3-го отдела, но и там информации до скудного мало. Некоторое время назад ребята из третьего

разгромили подпольный тотализатор на киевском ипподроме, но там несколько иная специфика – лошадиная, а не футбольная.

– Тогда, может быть, вам передать это дело в 3-й отдел? – предложил Щербицкий.

– Но вы забываете, что я взялся за расследование только потому, что было совершено убийство, а тема тотализатора возникла уже потом, – напомнил собеседнику ситуацию Оленюк. – Но если вы распорядитесь…

– Нет, нет, все нормально, – сделал возражающий жест рукой Щербицкий. – Мне характеризовали вас, как опытного специалиста, поэтому будет лучше, если этим делом продолжите заниматься именно вы. Просто я прошу вас, товарищ Оленюк, держать меня в курсе вашего расследования. Короче, я хочу замкнуть вас не только на ваше непосредственное начальство, но и на меня. Надеюсь, возражений не будет?

Оленюк предпочел не отвечать на этот вопрос вслух – только слегка кивнул головой.

– У вас когда поезд? – спросил Щербицкий после короткой паузы.

– Теперь уже в восемь часов вечера.

– Так, может, лучше лететь самолетом?

– Спасибо, но поездом удобнее. Ночью высплюсь, а утром буду в Москве.

– В таком случае, не буду вас больше задерживать – вам ведь надо еще вещи собрать.

– Все мои вещи умещаются в спортивной сумке, которая давно уже собрана.

– Тогда я распоряжусь, чтобы вам выделили служебную машину из нашего гаража. И проблем с отъездом у вас не будет никаких.

Сказав это, Щербицкий первым поднялся из кресла, чтобы проводить своего гостя до дверей.

7 октября 1973 года, воскресенье, Чили, Сантьяго, район Сан-Мигель

– Сколько стоят ваши апельсины? – спросил Алонсо Райнери у пожилой женщины, торгующей фруктами на углу улицы Реколета.

– Триста эскудо за килограмм, – ответила торговка и взялась демонстрировать покупателю свой товар.

Взяв у нее два больших апельсина, Райнери стал их сравнивать, а сам то и дело бросал взгляд поверх головы торговки

– туда, где на противоположной стороне улицы стоял один из филиалов Центрального банка Чили. У его входа пять минут назад притормозил инкассаторский фургон, который был предназначен для перевозки денег из филиалов в центральный офис. Двое инкассаторов вошли в здание банка и вот-вот должны были выйти обратно, неся в руках тугие мешки с деньгами. Поэтому Райнери специально занял место напротив выхода из банка, а трое его товарищей сидели в двух автомобилях по соседству и должны были выскочить из своих укрытий по сигналу своего командира.

– Ну, что – берете? – спросила торговка, когда Райнери положил апельсины обратно на прилавок.

Однако ответа она так и не дождалась. В этот самый миг из банка вышли инкассаторы и направились к своему фургону, где их поджидал водитель. Инкассаторы ни о чем не подозревали, беспечно разговаривая друг с другом и неся в обоих руках по увесистому мешку с деньгами. Если бы им надо было стрелять – а кобуры с пистолетами висели у них по бокам – то им бы пришлось бросить на землю мешки, доставать оружие, а на это ушло бы время, которое налетчики им предоставлять не собирались. Короче, ситуация благоприятствовала стороне нападения.

В тот момент, когда инкассаторы приблизились к своему фургону и собирались открыть его боковую дверцу, Райнери выхватил из внутреннего кармана куртки пистолет «беретта» и открыл прицельный огонь по инкассаторам. Одна из пуль точно угодила одному перевозчику в затылок и он, как подкошенный, рухнул на землю, выпустив из рук оба мешка с деньгами. Его напарник отскочил в сторону и тоже должен был попасть под выстрелы Райнери, если бы не третий инкассатор – водитель, сидевший в кабине и уплетавший кукурузную лепешку. Услышав выстрелы, он схватил с передней панели короткоствольный автомат и, выскочив из кабины, стал поливать огнем налетчика. Райнери чудом успел пригнуться и спрятаться за прилавок. А вот торговке не повезло. Сразу несколько пуль прошили ее тучное тело и женщина, всплеснув руками, рухнула на тротуар.

– Залезай в фургон! – крикнул водитель своему напарнику.

Но тот, вместо того, чтобы последовать этой команде, бросился собирать мешки, выпавшие из рук его погибшего товарища. Эти секунды все и решили. Трое налетчиков, сидевших в двух автомобилях, выскочили из салонов и открыли шквальный огонь из автоматов Калашникова. Град пуль обрушился на инкассаторов и оба они, изрешеченные пулями, рухнули возле инкассаторского фургона, так и не успев спрятаться за его

броней. И в это самое мгновение где-то невдалеке раздался вой полицейских сирен – это спешили на помощь инкассаторам карабинеры, находившиеся поблизости от места нападения. Услышав эти сигналы, Райнери обернулся к своим напарникам:

– Быстро забирайте деньги и уезжайте.

– А ты? – спросил один из мировцев.

– Я попытаюсь увести за собой карабинеров, – и Райнери забрался на водительское сиденье инкассаторского фургона.

Спустя полминуты площадь перед банком опустела – два автомобиля с налетчиками рванули в одну сторону, а фургон в противоположную. Именно последний и заметили карабинеры, когда подъезжали к банку. И тут же бросились в погоню за беглецом.

Райнери гнал по улицам Сантьяго, отчаянно сигналя автомобилям, которые ехали впереди него, чтобы те уступили ему дорогу. Он безоглядно нарушал все правила уличного движения, рискуя в любую минуту либо столкнуться с каким-нибудь автомобилем, либо сбить кого-то из прохожих, поскольку иной раз ему приходилось выезжать на тротуар и мчаться по нему, снося столики уличных кафе. Две полицейские машины висели у него на «хвосте», при этом один из карабинеров несколько раз высовывался из переднего окна и пытался выстрелами из пистолета попасть в колеса фургона. Но каждый раз Райнери выворачивал руль в сторону и не давал карабинеру хорошенько прицелиться. Так продолжалось несколько минут. Пока на одной из улиц Райнери не увидел впереди себя заслон, воздвигнутый карабинерами сразу из нескольких автомобилей. Поскольку сдаваться Райнери не собирался, он прибавил скорости и направил свой автомобиль в самую середину заслона. Спустя полминуты фургон протаранил полицейские автомобили, разметав их в разные стороны. Карабинеры, успевшие отбежать, открыли беспорядочную стрельбу по фургону, но его броня не позволила навредить беглецу. И погоня продолжилась.

Свернув в одну из боковых улочек, Райнери промчался по ней как вихрь, едва не сбив нескольких прохожих, переходивших улицу. Две полицейские машины по-прежнему преследовали фургон, а все тот же полицейский не оставлял попыток попасть из пистолета по колесам. Тогда Райнери пошел на отчаянный шаг. Он круто вывернул руль вправо и надавил на педаль тормоза. И тот автомобиль, где находился стрелок, со всей скорости врезался в зад фургона. От этого удара карабинер выронил пистолет, а сам вылетел из машины на тротуар. А мировец надавил на педаль газа и продолжил свое бегство, теперь уже от одного полицейского автомобиля.

Тем временем в тот квартал, где происходила погоня, стягивались дополнительные силы не только полиции, но и армии. И Райнери прекрасно понимал, что долго служить ему спасением фургон не сможет. И когда впереди он различил контуры двух армейских танков, которые продолжали патрулировать улицы Сантьяго еще со времен переворота, он понял – дальше пути нет. Поэтому, разогнав фургон, он направил его на один из танков, а сам выскочил из кабины и кубарем покатился по тротуару. Не ожидавшие от него такого кульбита, карабинеры из автомобиля-преследователя проскочили чуть вперед. А когда остановились и выбрались наружу, беглец открыл по ним огонь из своей «беретты». Один карабинер тут же упал, сраженный выстрелом в грудь, а второй был ранен в ногу. Однако к ним на помощь уже бежали их коллеги, стоявшие в заслоне возле танков. Увидев это, Райнери бросился бежать со всех ног, свернув в первый же переулок. Он бежал с такой скоростью, что даже сам поражался – никогда раньше он так не бегал. Он выскочил на соседнюю улицу и едва не угодил под колеса такси, которое на удачу было свободным. Спрятав пистолет в карман, Райнери заскочил в салон и захлопнул дверцу.

– Вы что с ума сошли, бросаетесь прямо под колеса? – спросил водитель, повернувшись к пассажиру вполоборота.

– Извини, приятель, – тяжело дыша, ответил Райнери. – Пожалуйста, поезжай на Бельависта.

Таксист завел мотор и автомобиль тронулся с места.

7 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Петровка, 38, МУР и Кавказский бульвар, 55-е отделение милиции

Оленюк приехал в Москву поездом в начале первого дня. На Киевском вокзале взял такси и домчался до Петровки, 38, где располагался МУР. Поднялся в «убойный» отдел, где застал в нужном ему кабинете его хозяина – инспектора Алексея Игнатова, с которым был знаком около трех лет: с тех пор, как они вместе отдыхали в санатории МВД в Белоруссии. С тех дней они виделись всего лишь несколько раз: Игнатов однажды приезжал по служебным делам в Киев, а Оленюк бывал в Москве трижды. И каждый приезд они предпочитали останавливаться не в гостиницах, а на квартирах друг у друга, благо оба были людьми холостыми. Правда, если Оленюк жил один (его родители обитали у себя на родине – в Черновицкой области), то Игнатов жил на Цветном бульваре вдвоем с матерью – женщиной интеллигентной, работавшей в телецентре в Останкино.

– Вижу по твоему озабоченному лицу, что дело у тебя серьезное, – пожимая приятелю руку, констатировал Игнатов.

Оленюк скинул с плеча спортивную сумку и, усевшись на стул, рассказал коллеге о том, что за дело привело его в Москву. Игнатов слушал его внимательно, стоя у раскрытой форточки с сигаретой в руке и фотороботом «боксера» в другой.

– Значит, у вас там в Киеве завелся подпольный тотализатор? – спросил Игнатов, когда Оленюк закончил свой рассказ.

– Он и у вас может быть, – ответил Оленюк.

– С чего это ты взял?

– Боксер-то ваш, местный. И в Киев он, видимо, выезжал по вызову. Вот и выходит, что связи киевских тотошников простираются до Москвы, если не дальше.

– Хочешь сказать, что это одна шайка-лейка?

– Вот именно. Судя по всему, это всесоюзная структура, учитывая, что в футбол у нас в высшей лиге играют семь республик: РСФСР, Украина, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Грузия и Армения. И везде могут играть в тотализатор.

– Слушай, Влас, не заставляй меня разочаровываться в нашем футболе больше, чем он того заслуживает, – выбрасывая недокуренную сигарету в форточку, заметил Игнатов. – Мухлюют результатами матчей чаще всего в вашей Украине, но не здесь, в Москве. Никогда не поверю, что мой «Спартак» этим занимается.

– А чем он лучше киевского «Динамо»? – вскинул брови Оленюк.

– Объясняю, – и Игнатов уселся на стул напротив приятеля. – У нас в Москве пять команд и каждая ненавидит другую до животных коликов. Как при такой нелюбви, например, «Спартак» может договориться с ЦСКА или «Динамо»? Да никак! Это же касается и отношений армейцев с динамовцами, а торпедовцев со спартаковцами или железнодорожниками. Поэтому, если, к примеру, представится такая возможность, то москвичи с превеликим удовольствием «сольют» тот же «Спартак» в первую лигу. Чего не скажешь о ваших украинских командах, которые по мере сил снабжают очками киевское «Динамо». Ведь оно же флагман вашего футбола. Ты последнюю встречу твоих киевлян с «Шахтером» видел? И я лицезрел. Так вот это типичные поддавки со стороны дончан. Даже Блохину дали забить два мяча, чтобы он смог лучшим бомбардиром первенства стать, обогнав нашего Кожемякина. Кстати, и твоего массажиста грохнули аккурат после этой игры. Думаешь, случайно?

– Может, и нет, – согласился с приятелем Оленюк. – Но и ты губы не раскатывай: у вас здесь наверняка свой тотализатор

функционирует, завязанный на наш. И если «Спартак», к примеру, в договорных играх не участвует – хотя я сильно в этом сомневаюсь, – то другие команды очень может быть. Вот сегодня, например, мои киевляне играют здесь с ЦСКА. И я не удивлюсь, что армейцы захотят «слить» игру во славу флагмана украинского футбола.

– ЦСКА может проиграть по иным обстоятельствам. Он в этом сезоне играет хреново – в шести последних матчах только одну победу одержал. И никто ему, бедолаге, не помогает. А вот ваши украинские команды, как я уже сказал, очками обмениваются только так. Возьми, например, «Днепр». Он у киевлян первый матч выиграл, а второй проиграл. Та же история случилась с ним в матчах против «Карпат». В этом туре он встречается с «Шахтером» и, помяни мое слово, проиграет. И знаешь почему? Правильно: потому что первую игру он у них выиграл. Как говорится, долг платежом красен.

– Раз на раз не приходится, Лешенька, – покачал головой Оленюк. – Те же «Карпаты» из семи матчей со своими земляками в шести потерпели поражение.

– Зато из высшей лиги вряд ли вылетят.

– Это почему?

– Потому что наши местные хохлы во власти не дадут львовян в обиду. И в следующем году у нас опять будет пять ваших команд, чтобы они смогли и дальше снабжать очками киевлян, ну и друг друга, естественно, тоже. А если из первой лиги выйдет еще и «Черноморец», то команд с Украины будет и вовсе шесть.

– А вот и не подеретесь, – вмешался в этот спор чей-то посторонний голос.

Приятели обернулись и увидели в дверях соседа Игнатова про кабинету – Андрея Костенко. Он стоял на пороге и широко улыбался, слушая пикировку двух футбольных фанатов. Его приход вернул приятелей к главной теме их встречи – к тому, зачем, собственно, Оленюк и приехал в Москву.

– Андрюха, останься, пожалуйста, за меня, а мы с Власом съездим по одному адресу – надо одного человечка «пробить».

– А вы вдвоем справитесь? – выразил сомнение Костенко.

– Не боись, у Власа разряд по какой-то офигенной заграничной борьбе.

Речь шла о том, что пару лет назад Оленюк посещал в спортзале Киевского ГУВД тренировки одного кубинца, который приехал в Союз, чтобы обучить сотрудников украинской милиции приемам борьбы, которой владели бойцы отряда «Черные осы» – элитного подразделения кубинского спецназа. Несколько приемов

этой борьбы Оленюк потом продемонстрировал Игнатову и тот был поражен до глубины души – такого он еще не видел.

– Все равно стволы возьмите в дежурке, – посоветовал Костенко.

– Я же тебе говорю, что главное наше оружие – это Влас и его приемчики, – улыбнулся Игнатов и снял с телефонного аппарата трубку, чтобы вызвать к выходу служебную «Волгу».

Спустя пять минут, усаживаясь в автомобиль, Оленюк заметил:

– Везет вам, муровцы – вас служебное авто на задание возит. А нам приходится чаще всего на своих двоих по городу передвигаться или ездить общественным транспортом.

– Не бери в голову, Влас, это исключительный случай, – ответил Игнатов, занявший место рядом с водителем. – Просто наш министр, узнав, кто к нам сегодня приедет, распорядился выделить «Волгу» из своего собственного гаража. А так мы тоже не далеко от вас отстали.

Оленюк оценил шутку приятеля и не больно ткнул его кулаком в плечо.

Они доехали до Кавказского бульвара и достаточно быстро нашли нужный дом – ближнюю к бульвару двенадцатиэтажку с магазином «Продукты» по соседству. Поднялись на нужный этаж и нажали на кнопку звонка. Но им никто не ответил. Тогда они позвонили в соседнюю дверь, но и там никого из жильцов не оказалось.

– Воскресенье, едрить его в корень! – выругался Игнатов. – Что будем делать?

– А ты что предлагаешь? – вопросом на вопрос ответил Оленюк.

– Я предлагаю сходить в местное отделение милиции – оно здесь через дорогу. Найдем участкового и расспросим его об этом Мокрицком. Потом придем снова.

Едва они вышли из подъезда, как Игнатов снова закурил, хотя перед этим, едва они вышли из «Волги», уже успел выкурить сигарету.

– Не много ли ты куришь, приятель? – спросил коллегу Оленюк, который сам когда-то «смолил» без перерыва, но год назад бросил эту вредную привычку.

– Не все же такие целеустремленные, как ты – захотел и бросил, – усмехнулся Игнатов. – Помнишь, что Чехов про это говорил: «Бросить курить легко – я сам делал это неоднократно».

– Кстати, Антон Павлович умер в 44 года, – напомнил приятелю известный факт Оленюк. – Ты не боишься раньше времени копыта отбросить? Вон полгода назад наш львовский

гроссмейстер Леонид Штейн из-за курева вообще ушел на тот свет в возрасте 38 лет.

– Там не только в куреве дело было, – покачал головой Игнатов. – Он же здесь, в Москве, умер, поэтому я кое-какие детали знаю. Он свою последнюю ночь провел с дочкой председателя Федерации шахмат СССР. А перед этим, в Киеве, ему сложную прививку сделали – он должен был потом в Бразилию улететь на какой-то турнир. Так вот врачи его предупредили: никакого курения, спиртного и бурного секса. А ваш гроссмейстер всем этим пренебрег. Его же в закрытом гробу хоронили?

– Кажется, да, – неуверенно ответил Оленюк.

– Не кажется, а точно. Это сделали специально, чтобы у вас в Киеве труп больше не вскрывали.

– То есть, ты хочешь сказать, что тебе столь ранняя смерть не грозит?

– Конечно, нет – я же только курю, но зато не пью и бурным сексом не занимаюсь. У меня все в меру.

Сказав это, Игнатов рассмеялся, но сигарету на всякий случай все же выбросил в кусты.

Так, за разговорами, они дошли до отделения милиции – двухэтажного здания из серого кирпича. Им повезло: местный участковый оказался на своем рабочем месте. Это был тучный мужчина сорока с лишним лет, носивший фамилию Зяблин. Объяснив суть дела, Оленюк показал ему фоторобот «боксера». Взяв его в руки, участковый практически сразу сообщил:

– Это не Мокрицкий.

– Вы уверены? – спросил Оленюк.

– Конечно, уверен – я Мокрицкого хорошо знаю. Он здесь неподалеку работает – в НИИ автоматики имени Духова у платформы «Царицыно». Нормальный мужик: не пьет, не дебоширит, в жене с дочкой души не чает. А вы говорите, что он у вас по «мокрому» делу проходит? Не может этого быть.

– А в Киев он в последние дни не выезжал? – задал очередной вопрос Оленюк.

– Вот этого я не знаю – я сам только неделю назад из отпуска вернулся. Это надо у него самого спросить.

– А куда он мог из дома сорваться? – вступил в разговор Игнатов.

– Скорее всего, на дачу. Но точного адреса я не знаю – где-то под Люберцами она у них. Короче, ждите – к вечеру объявится ваш Мокрицкий. Куда ему деваться, если завтра на работу идти придется.

7 октября 1973 года, воскресенье, Межгорье, дача 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого

Срочно вызванный на дачу Щербицкого председатель КГБ Украины Виталий Федорчук приехал около часа дня. И застал хозяина дачи за его любимым занятием – тот кормил своих голубей. Этими птицами Щербицкий увлекался с детства, поэтому, когда ему выделили эту дачу, он распорядился поставить на хоздворе сразу несколько голубятен. До этого там никогда их не было, поскольку прежние руководители республики голубями не увлекались, предпочитая им рыбалку. А вот Щербицкий ее терпеть не мог, называя «занятием для лентяев». Его страстью были голуби, поэтому в его голубятнях содержалось ни много ни мало 28 видов голубей. Причем, он держал их не только за городом, но и в своей киевской квартире – а вернее, в старом гараже на улице Десятинной, 8. Иной раз соседи, проживавшие поблизости, лицезрели, как первый человек на Украине по-мальчишески свистел, подпрыгивал, размахивал руками, поднимая в лёт стаи сизарей. Поэтому, когда Федорчуку сообщили, где его дожидается Щербицкий, он не удивился.

В тот момент, когда главный чекист зашел на хоздвор, Щербицкий сидел на ступеньках лестницы, ведущей к одной из голубятен и кормил птиц. Заметив гостя, он бросил остатки корма в кормушку и слез с лестницы. Поздоровавшись за руку с Федорчуком, Щербицкий без всяких предисловий спросил:

– Ты слышал, что случилось в киевском «Динамо»?

– Конечно – там массажист на себя руки наложил.

– А вот и не наложил, дорогой ты мой, – покачал головой Щербицкий. – Устаревшей информацией пользуешься, хотя по штату тебе положено обо всем знать первым. Убили массажиста нашего.

– Откуда такие сведения? – удивился Федорчук.

– Мне их мой лучший почтарь в клюве принес, – пошутил Щербицкий, после чего сообщил: – Вчера у меня был сыщик из киевского угро, который это дело ведет. Так вот по его словам получается, что массажиста убили, а потом выбросили в окно, имитируя самоубийство. И ниточка этого преступления тянется из Москвы. Тот сыщик как раз туда и отправился.

– Спасибо за информацию, сегодня же подниму своих людей, – живо откликнулся на эти слова Федорчук.

– А ты подожди торопиться, Виталий, – и Щербицкий вновь присел на лестничную ступеньку. – Здесь надо действовать тонко. А то ты привык у себя в военной контрразведке нахрапом все брать.

В 1967–1970 годах Федорчук возглавлял 3-е управление КГБ, а в Киев был послан лично Брежневым, чтобы подготовить смещение Петра Шелеста – прежнего персека Украины. С этим заданием он справился, однако среди кадровых чекистов особым уважением не пользовался за свое чрезмерное «солдафонство».

– Мне этот розыскник объяснил, что это убийство может быть связано с подпольным тотализатором. Ты о нем что-то знаешь? – и Щербицкий пристально взглянул на собеседника.

– Еще при Шелесте мы хотели им заняться, но когда в поле нашего зрения попало несколько партийных работников уровня ЦК и горкома, нам дали по рукам. Вы же знаете, мы номенклатурными кадрами заниматься не можем – здесь нужно разрешение Москвы.

– А если эти «тотошники» имеют возможность влиять на результаты матчей с участием нашего киевского «Динамо» – ты представляешь, что это значит?

– Откуда такие мысли?

– Меня на них навело убийство массажиста. Ведь ниточка тянется из столицы. А что если он был связан с московскими и сливал им информацию о нашей команде? Такой вариант возможен?

– Вполне, – после коротких раздумий ответил Федорчук.

– Тогда даю тебе задание: начинай параллельное угро расследование. Только не топчись, как слон в посудной лавке – не вызывай никого на допросы, чтобы не спугнуть этих ухарей. Их и так уже угро напугало, а тут еще и КГБ объявится. Постарайся работать тонко – через своих агентов в команде. Они ведь у тебя имеются?

– Не без этого, – кивнул головой Федорчук. – Но если нам опять попадутся номенклатурные работники – что делать?

– Не бойся, я лично переговорю с Брежневым на этот счет. Он мне, как-никак друг – поймет мою просьбу. Но ты всю информацию докладывай лично мне и никому больше. Ни Прокуратура, ни МВД об этом расследовании знать не должны.

– Понимаю – не маленький, – ответил Федорчук.

– Тогда не смею тебя больше задерживать, – и Щербицкий протянул гостю свою ладонь.

7 октября 1973 года, воскресенье, Киев, улица Владимирская, 33, КГБ Украинской ССР

От Щербицкого Федорчук отправился прямиком на свое рабочее место – в республиканской КГБ. И тут же вызвал по

телефону Серафима Крикуна – своего первого заместителя. Тот был на даче, но немедленно отставил в сторону все свои дела и сообщил, что максимум через сорок пять минут будет у Федорчука. И тот нисколько не усомнился в такой расторопности – Крикун отличался отменной пунктуальностью. Он был фронтовик, а в КГБ пришел работать в 1953 году? окончив перед этим Высшую партийную школу при ЦК КП Украины. И был назначен начальником 4-го Управления – секретно-политического. Специализировался на агентурной работе и считался в этом деле прекрасным специалистом. Именно поэтому Федорчук, возглавив украинское КГБ в июле 1970 года, уже спустя месяц назначил Крикуна своим первым заместителем.

Спустя ровно сорок пять минут в кабинет Федорчука постучали. Это был Крикун собственной персоной. Стройный, подтянутый, в строгом костюме.

Предложив ему сесть, Федорчук без всяких предисловий ввел его в курс дела, вкратце пересказав свой разговор со Щербицким.

– Наша задача, Серафим Иванович, распутать этот клубок вокруг убийства Лазаря Луцкого. Учитывая, что ниточка тянется в Москву, надо попытаться установить, кто из сотрудников киевского «Динамо» имеет выходы на столицу, посредством своих связей с тамошними фигурантами. У нас какой численный состав агентуры в команде?

– Шесть человек, – почти не раздумывая ответил Крикун. – Один агент работает в административном аппарате, двое в международной секции, один в тренерском составе и двое агентов среди футболистов.

– Но кто самый ценный из них?

– Агент Терентий из административного аппарата. Знает почти всю информацию внутри команды.

– Хорошо, начните с него. И не откладывайте это дело на завтра – время не терпит.

– Разрешите идти? – спросил Крикун и поднялся со своего места.

7 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Центральный стадион им. В.И.Ленина, матч ЦСКА – «Динамо» (Киев)

Пустовил подъехал к стадиону за полчаса до игры – в 17.30. Приехал он туда на такси, которое поймал возле гостиницы «Юность» на «Спортивной», где остановился. Настроение у него было прекрасное. Два дня назад, утром, он связался по телефону с Гешей и тот сообщил ему, что вопрос со «сдачей» матча улажен

– несколько игроков дали свое согласие участвовать в этой акции. Правда, уже к вечеру ситуация резко изменилась. На базу ЦСКА приехал адъютант министра обороны полковник Головин. Все знали, что он был мужик крутого нрава и слов на ветер зря не бросал.

– Министр не сможет лично присутствовать на вашей игре с Киевом, но будет смотреть ее по телевизору на даче у Леонида Ильича, – сообщил Головин неожиданную новость футболистам, собрав их в ленинской комнате. – Поэтому он просил вам передать: играть только на победу. Если игра будет проиграна, то команду ждут самые суровые санкции вплоть до отправки ряда ведущих игроков в клубы низшего дивизиона. А если вы победите, то вам перепадут хорошие премиальные – по две тысячи рублей на брата.

– А если у нас не получится? – спросил Вильгельм Теллингер, пришедший в ЦСКА из львовского СКА.

– Валентин Александрович, – адъютант перевел взгляд на тренера команды, – значит так: игрока Теллингера на эту игру не ставить за его неверие в нашу победу. Еще неверующие есть?

И Головин обвел взглядом аудиторию. Все игроки понуро молчали, не желая пойти по стопам своего товарища.

– Вот и прекрасно, – не скрывая своего удовлетворения, отметил Головин. – Значит, выходим и разбиваем в пух и прах это «Динамо». А чтобы у вас не было никаких сомнений, я лично буду присутствовать на этой игре. Валентин Александрович, объясните, пожалуйста, как собираетесь играть против киевлян, – вновь обратился к тренеру полковник и передал ему слово.

– Будем ловить их на контратаках, – начал свою речь Николаев. – В начале сезона Киев играл двумя нападающими – Пузачем и Блохиным, и четырьмя полузащитниками. Но потом Пузач получил травму и киевляне вынуждены были перейти на игру с одним нападающим и пятью полузащитниками. От действий последних и зависит успех или неудача в матчах с участием киевского «Динамо». Вся их полузащита нацелена на атаку и частенько недорабатывают в обороне, чем мы и воспользуемся. Слабое место киевлян – игра по одному и тому же сценарию. Вспомните, с какой выдумкой они играли при Маслове – у них было разнообразие в тактике. Сегодня этого нет. Никаких тактических ловушек, заранее подготовленных или сымпровизированных в ходе игры, у них во встрече с нами не будет. Поэтому наша задача – повнимательней играть в обороне, поплотнее опекать опасных игроков и не упускать возможности для контратаки. В последних матчах киевлян темп их атак, начинаемых из глубины своего тыла, становится всё более вялым,

а это, естественно, облегчит работу нашим защитникам. Чем плотнее будем их прессинговать, тем больше будет у нас шансов навязать им свою игру. Сделаем это – однозначно победим.

Присутствовавший на этом собрании Геша, хотел было потом связаться с Пустовилом, но в последний момент вспомнил, что он не знает адреса, где тот остановился. «Может, это и к лучшему», – подумал про себя Геша, которому жуть как не хотелось лично сообщать гостю эту неприятную для него новость. «Пусть будет, как будет», – решил Геша. Поэтому Пустовил, приехав на стадион, пребывал в полной уверенности, что два очка у киевлян уже в кармане. Правда, его насторожил приезд на игру личного адъютанта министра обороны Гречко, который как-то странно на него посмотрел и, улыбаясь во всю ширину своего круглого лица, взял и… подмигнул ему. Но Пустовил решил на этом не зацикливаться – он занял место в гостевой ложе и приготовился смотреть матч. В расположение киевлян он специально не пошел, чтобы не возбуждать ни у кого каких-либо подозрений в неслучайности своего нынешнего приезда в Москву.

Тренер киевлян Александр Севидов выпустил на поле свой основной состав в лице Рудакова, Зуева, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкина, Мунтяна, Буряка, Колотова, Веремеева и Блохина. Наставник армейцев Валентин Николаев ответил своим составом, где тоже присутствовали ведущие игроки: Астаповский, Уткин, Плахетко, Истомин, Капличный, Шлапак, Бабенко, Сёмин, Федотов, Козловских, Дударенко. Увидев это, Пустовил лишний раз порадовался – у армейцев половину игроков составляли выходцы с Украины.

Игра началась с яростных атак хозяев поля, что вовсе не насторожило Пустовила – так и должно было быть, чтобы не вызывать подозрений в будущем, когда игра ЦСКА будет проиграна. Однако уже спустя несколько минут он впервые насторожился. А поводом к этому стал эпизод с прорывом к воротам Рудакова армейского нападающего Владимира Федотова. Тот мастерским финтом обманул киевского защитника Зуева и ворвался во вратарскую зону киевлян. Слева от него открывался Дударенко, но Федотов не стал отдавать пас, а пробил сам. Да так мощно, что мяч, угодив в штангу, издал такой звук, что его было слышно даже на самых верхних рядах стадиона.

«Это что еще такое? – изумился про себя Пустовил, который явно не ожидал такой прыти от армейцев. – Таким макаром они и гол могут забить».

Как в воду глядел киевлянин. На 17-й минуте армейцы разыграли превосходную комбинацию с участием нападающих Дударенко, Федотова и Козловских. Сыграв в «стеночку» и запутав

оборону гостей, они докатили мяч до опасной близости с воротами Рудакова, после чего Козловских последним касанием вогнал мяч в сетку. Счет стал нов пользу ЦСКА.

– Что за черт! – вслух выругался Пустовил, явно не понимая, что происходит.

Он бросил взгляд в сторону, где сидел полковник Головин и увидел, как тот, глядя на него, лукаво улыбается и воздевает большой палец вверх: дескать, вот какая отличная комбинация. «Чтоб ты сдох, солдафон!» – выругался про себя Пустовил, но внешне выразил иные чувства – тоже улыбнулся и опустил свой большой палец вниз, показывая, что его ребята еще покажут кузькину мать подопечным Головина.

И киевляне действительно показали. В течение пяти минут они организовали сразу три опасные атаки на ворота Астаповского. И во всех главным мотором был Олег Блохин, который дважды выходил на ударную позицию и с близкого расстояния пытался поразить ворота армейцев. Но оба раза эти удары отразил вратарь. А в третьем случае едва не отличился Виктор Колотов. Когда он прорвался во вратарскую площадку, Астаповский неосмотрительно выбежал ему навстречу, пытаясь в падении выбить у него мяч. Но киевлянин перебросил его через вратаря и тот устремился в пустые ворота. Однако в последнее мгновение защитник Марьян Плахетко успел занять место вратаря и головой отбил мяч на угловой.

– Ты что делаешь, Марьян? – закричал во все горло Пустовил, вскочив со своего места, но дипломат с деньгами крепко сжимая в руках.

– Как что – свою команду от гола спасает, – удивился этому крику сосед киевлянина справа – пожилой мужчина в болоньевом плаще. – Или что, он должен, по-вашему, в свои ворота гол забить?

Осознав, что он погорячился и едва себя не выдал, Пустовил опустился на скамейку и продолжил наблюдать за игрой. А та шла совсем не по тому сценарию, который он выстроил в своей голове. На 42-й минуте нападающий армейцев Федотов снова ворвался во вратарскую зону киевлян и зарядил так же мощно, как и в начале игры. Только на этот раз мяч попал не в штангу, а, миновав вытянутую руку вратаря, вонзился точно в девятку – в верхний угол ворот. Счет стал 2:0 в пользу ЦСКА.

– Затрещали твои киевляне, – толкнул плечом Пустовила его сосед справа.

Спустя три минуты судейский свисток возвестил об окончании первого тайма. Пустовил, схватив дипломат с деньгами, тут же сорвался со своего места и отправился в

расположение армейцев в надежде встретить Гешу и выяснить у него, в чем дело. Однако найти армейского администратора ему так и не удалось, а выспрашивать у его коллег, где он, Пустовил остерегся. Зато он встретил своего коллегу по Федерации футбола Украины, который приехал вместе с командой в Москву сразу на два матча – этот и финал Кубка СССР, который должен был состояться на этом же стадионе через три дня.

– В чем дело, Клим? – спросил у Пустовила коллега, отведя его в сторонку.

– Сам не понимаю, – пожал тот плечами. – Два дня назад мне подтвердили, что сделка состоится, а сегодня вон что происходит.

– Ты понимаешь, чем это тебе лично грозит? – не унимался коллега.

– Перестань мне угрожать – я тебе не мальчишка, – не сдержался Пустовил и, освободив локоть, зашагал на трибуну.

7 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Кавказский бульвар, дом 35/1

Ближе к семи вечера Игнатов и Оленюк вновь были в двенадцатиэтажке на Кавказском бульваре. На этот раз им повезло – они только подходили к нужной двери, как услышали за ней звуки, возвещавшие о том, что хозяева благополучно вернулись домой.

– Кажется, футбол смотрят, – определил происхождение звуков Оленюк.

Сыщик не ошибся – хозяин квартиры смотрел трансляцию из Лужников матча ЦСКА – «Динамо» (Киев). Поэтому открыл дверь не сам – это сделала за него жена.

– Вам кого? – спросила она, увидев на пороге двух незнакомых мужчин.

– Нам Мокрицкого Петра Леонидовича, – сообщил Игнатов.

– А вы, собственно, кто? – продолжала интересоваться женщина.

– Мы из милиции, – ответил Игнатов и предъявил хозяйке свое служебное удостоверение.

Брови женщины взметнулись вверх, лицо вытянулось. В это время в коридор вышел сам хозяин квартиры – мужчина примерно пятидесяти лет в синем спортивном костюме. С первого же взгляда на него было понятно, что он не имел никакого сходства с тем человеком, который был изображен на фотороботе.

– В чем дело, милая? – спросил он у жены.

– Да вот, к тебе из милиции пожаловали.

– Из милиции – зачем?

Следом за главой семейства в коридоре появился еще один человек – миловидная девушка лет восемнадцати. Судя по всему, это была дочка Мокрицких, которая не меньше своих родителей была удивлена нежданному визиту милиционеров. Видя это, Игнатов попросил главу семейства выйти к ним на лестничную площадку, чтобы у их разговора не было лишних ушей. Мокрицкий так и поступил – вышел к гостям и плотно закрыл за собой дверь. Однако, прежде чем перейти непосредственно к тому делу, которое привело их сюда, Оленюк спросил:

– Футбол смотрите – кто ведет?

– 2:0 в пользу ЦСКА.

Услышав это, сыщики переглянулись – такого результата они явно не ожидали.

– И как счет – по делу или нет? – продолжал интересоваться Оленюк.

– По делу – ЦСКА сегодня сильнее. Атакует широким фронтом – как по центру, так и по флагам. Короче, киевлянам сегодня ничего не светит. А вы что, именно за этим ко мне и пришли?

– Вы в Киев на днях не ездили? – спросил Оленюк.

– А что я там забыл? – вновь удивился Мокрицкий.

– И никогда там не были? – продолжал допытываться сыщик.

– Ну, было как-то – лет пять назад ездил в служебную командировку. Но с тех пор больше там не бывал.

– А паспорт ваш где?

И тут лицо Мокрицкого приобрело грустное выражение:

– Ах, вот вы о чем. Потерял я паспорт три недели назад. Сейчас хожу с временной справкой – показать?

– Не надо, – мотнул головой Оленюк. – Потеряли или у вас его выкрали?

– Не знаю – всякое могло быть.

– А вот этого человека вы никогда не встречали? – и Оленюк показал Мокрицкому фоторобот «боксера».

– Кажется, припоминаю, – после небольшой паузы, ответил хозяин квартиры. – Вроде, это я с ним коротал время в кафе на Казанском вокзале. В электричках перерыв был, вот я и зашел перекусить. Тут этот мужик и нарисовался. Его Сергеем зовут. Он, кажется, тоже куда-то ехал и ждал электричку. Предложил выпить по чуть-чуть. Ну, я не отказался – по чуть-чуть ведь не грех.

– Он про себя что-то рассказывал?

– Сказал, что на каком-то заводе слесарем работает. Впрочем, мы в основном о футболе разговаривали – он за столичное «Динамо» болеет, а я за ЦСКА. Мы как раз последние матчи и

обсуждали.

– Например, какие?

– Как мой ЦСКА с его «Динамо» играл. Они в основное время вничью 1:1 сыграли, а по пенальти динамовцы победили 5:4. У них только Маховиков ошибся – мимо ворот пробил, а у нас Копейкин выше ворот мяч запустил, а Шлапак в штангу попал. Вот мы этот матч и обсасывали. А потом прогнозы строили, как наши команды в этом туре сыграют. Кстати, я вспомнил. Это было за день до игры нашего «Динамо» с киевлянами. Значит – пятница, 14 сентября. А в субботу утром я паспорта и хватился – уже на даче. Помню, в расстроенных чувствах тот матч и смотрел. А тут еще наши 0:3 киевлянам уступили. У них два мяча Блохин забил в самом начале игры – на четвертой и девятой минутах.

– А куда тот мужик ехал, вы не помните? – вступил в разговор Игнатов.

– Кажется, в Кратово.

– Но он с вами поехал или один?

– Без меня – сказал, что ему еще в одно место заскочить надо.

– А как вы простились? – продолжал допытываться Игнатов.

– В каком смысле?

– Он вас обнял на прощание или только руку пожал?

– Обнял и по спине похлопал. Захмелел он сильно, вот на него сентиментальность и накатила.

– А на вас, судя по всему, беспечность, – покачал головой Игнатов, сразу догадавшись, как у Мокрицкого пропал паспорт.

Когда сыщики вышли из подъезда на улицу, Игнатов закурил сигарету и заметил:

– Полагаю, имя этого «боксера», как и кратовское направление его движения – липа. Короче, сведений о нем кот наплакал.

– За исключением одного – он страстный футбольный болельщик, – внес свое дополнение в рассуждения коллеги Оленюк. – А это значит, что самое верное место, где он появляется – стадион.

– Резонно, – согласился с приятелем Игнатов. – И когда у нас столичное «Динамо» свой очередной матч играет?

– Четырнадцатого октября в Днепропетровске. Однако вряд ли наш «боксер» захочет туда отправиться. Скорее всего, ближайшая игра, которая привлечет его внимание – это финал Кубка СССР в Лужниках десятого октября. Вот и механизатор Кухарчук мне об этом же говорил – что «боксер» приглашал его на финал Кубка и даже пари предлагал заключить на результат игры. То есть, резон отправиться туда у него имеется.

– Прямо, как в кино, – усмехнулся Игнатов и добавил: –

Помнишь, пару лет назад фильм такой был – «Преступник сидит на стадионе Уэмбли»?

– Гэдээровский? – оживился Оленюк, который хорошо помнил эту ленту – он видел ее в кинотеатре «Украина» на улице Карла Маркса, а в этом январе вновь пересмотрел фильм, но уже по телевизору. – Только в нашем случае преступник должен сидеть на стадионе имени Ленина.

– Учитывая, что эта арена вмещает в себя сто тысяч зрителей, найти его там будет равносильно тому, чтобы отыскать иголку в стоге сена, – грустно резюмировал Игнатов, выбрасывая сигарету в урну, стоявшую у подъезда.

После чего они направились к служебной «Волге», которая терпеливо дожидалась их вместе с водителем в глубине двора.

7 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Центральный стадион им. В.И.Аенина, матч ЦСКА – «Динамо» (Киев)

Во втором тайме киевляне с первых же минут бросились отыгрываться. И тут же поплатились за это. Вновь сработала предматчевая установка тренера армейцев – ловить гостей на контратаках. Когда динамовцы чуть ли не всей командой бросились на половину армейцев, их защитник Уткин точным и длинным ударом переправил мяч Козловских, который барражировал впереди. Армейский нападающий прокинул мяч себе на ход и, обогнав последнего защитника гостей, вышел один на один с вратарем и забил третий гол. Шла всего лишь 51-м минута игры, а киевляне уже «горели» – это был фактический разгром.

Глядя на то, как Рудаков достает очередной мяч из сетки своих ворот, Пустовил окончательно понял, что его обманули. Что его миссия в Москву закончилась полным фиаско. И даже если «Арарат» сегодня проиграет московским динамовцам, ситуацию это не изменит – дома его ждут большие неприятности.

После третьего гола игра фактически потеряла свою остроту. Армейцы всей командой отошли на свою половину и без особого труда отражали все атаки соперника. И даже замена на 60-й минуте вратаря Рудакова на Самохина не вдохновила киевлян на подвиги – их атаки проходили без должного огонька, как будто они поняли, что игра безнадежно проиграна и даже ничью им сделать не удастся. Понял это и Пустовил, который минут за десять до конца игры поднялся со своего места и спустился в подтрибунный коридор. Там он нос к носу столкнулся с человеком, который прижимал к уху портативный

радиоприемник и слушал трансляцию матча ереванцев с московскими динамовцами, который в эти же минуты проходил на стадионе «Раздан» в Ереване.

– Какой счет? – поинтересовался Пустовил.

– Пока 1:1, – последовал ответ.

Это означало, что при сохранении такого счета до конца игры, по новым правилам команды будут пробивать серию штрафных ударов – пенальти. Но в любом случае команда-победитель должна была получить всего лишь одно очко, а не два, как это было раньше. Таким образом, если победителем будет «Арарат», то его отрыв от киевлян увеличится всего лишь на одно очко, а в общем знаменателе будет составлять два очка. Не самая большая трагедия. Однако Пустовила даже такой вариант не устраивал – ведь он ввел в заблуждение не один десяток людей, сообщив в Киев, что победа однозначно будет за киевлянами. Да и здесь, в Москве, были те, кого он сильно подставил.

7 октября 1973 года, воскресенье, Ереван, стадион «Раздан», матч «Арарат» – «Динамо» (Москва)

Не успел Кожемякин перехватить мяч, посланный ему Комаровым, как в него на огромной скорости врезался ереванский защитник Мартиросян. Кожемякин, как подкошенный, рухнул на зеленый газон. Тут же раздался свисток арбитра Тофика Бахрамова, который уже на бегу стал доставать из нагрудного кармана желтую карточку, предназначенную для грубияна.

– Еще раз так сделаете – удалю с поля! – пригрозил арбитр Мартиросяну.

– Все понял, больше не повторится, – прижимая руки к груди, заверил судью ереванский защитник.

И в самом деле – подобных инцидентов больше не было. Впрочем, время матча уже подходило к концу – шла 82-я минута – поэтому удаление игрока не сулило «Арарату» ничего хорошего. И его игроки старались больше не грубить. Да и гости тоже держали себя в руках. Только однажды, в конце первого тайма, защитник москвичей Сергей Никулин, прозванный «Автогеном», позволил себе грубый подкат, за что немедленно удостоился желтой карточки.

Заполненный почти до отказа стадион «Раздан» дружно поддерживал свою дружину, которая никак не могла найти ключики к воротам гостей. А ведь ереванцы выставили на эту

игру свой лучший состав: Абрамяна (вратарь), Мартиросяна, Саркисяна, Коваленко, Месропяна, Андреасяна, Бондаренко, Иштояна, Петросяна, Заназаняна, Казаряна (на 65-й минуте его заменил Маркаров). Да и судьи были с Кавказа – из Баку (Тофик Бахрамов и Алексей Балаян, а помогал им Ф. Ниязов из таджикского города Кировабада). Казалось бы, иди и выигрывай! Но динамовцы оказались крепким орешком. Хотя каких-нибудь три месяца назад, 1 июля, ереванцы обыграли москвичей у них дома со счетом по. Причем матч проходил под дождем, что мешало, скорее, ереванцам, чем москвичам, которые привыкли к таким погодным условиям. К тому же у гостей не играл главный забивала Аркадий Андреасян, вместо которого на поле вышел Сергей Погосов – автор всего лишь трех голов. У динамовцев тоже не было ведущего лидера атак – Геннадия Еврюжихина (они с Андреасяном были вызваны в состав первой сборной) и его место занял Андрей Якубик. Эти перестановки сыграли на руку ереванцам, которые под занавес первого тайма забили гол (это сделал Эдуард Маркаров). После чего ушли в оборону и сумели удержать победный счет.

Во втором матче динамовцы учли свои прежние ошибки и с самого начала играли куда более агрессивнее, выпустив на поле двух нападающих: Кожемякина и Еврюжихина, а также атакующего полузащитника Александра Маховикова. И уже на 3-й минуте забили быстрый гол – отличился полузащитник Юрий Курненин. Но в начале второго тайма гол Андреасяна восстановил равновесие. После чего команды стали играть осторожно, поскольку цена каждой ошибки резко возросла. Как итог – основное время матча закончилось вничью. Это означало, что будет назначено дополнительное время. Но и оно не выявило победителя. И тогда настала очередь пробивать пенальти.

– Ну, все – нашим крышка! – в сердцах воскликнул 17-летний Ашот Гюзалян, обращаясь к своему приятелю Вардану Арамяну. – Лучше динамовцев пенальти никто не пробивает.

– А здесь у них ничего не получится, – откликнулся на это Вардан, хотя особенной уверенности в его голосе не было.

К мячу первым подошел динамовец Олег Долматов. Он долго устанавливал мяч на одиннадцатиметровой отметке и так же долго разбегался. Но ударил хлестко и сильно, обманув вратаря и послав мяч в противоположный от него угол ворот, по. Но уже спустя полминуты Александр Коваленко восстановил равновесие. Однако Алексей Петрушин снова вывел динамовцев вперед – 2:1. Но и этот счет продержался недолго – ровно до того момента, когда Левон Иштоян забил свой гол, легко обыграв вратаря москвичей Владимира Пильгуя.

Стадион встретил этот гол радостным ревом – Иштоян был кумиром ереванцев. Он хотя и не так часто забивал, как тот же Андреасян, но у него было особое чутье на голевые моменты и с его подач его товарищи по команде забивали голы (тот же Андреасян). А еще у него была одна особенность, которая всегда нравится болельщикам – он забивал решающие голы. То есть, он был палочкой-выручалочкой ереванцев. Вот и в этот раз он не подвел своих болельщиков и команду – забил свой гол.

Следом к мячу подошел Анатолий Кожемякин. В основное время он не смог отличиться, намертво прикрытый защитником Коваленко. А голы Кожемякину были нужны – он ведь шел на звание лучшего бомбардира турнира. Но гол, который он спустя несколько секунд забил в ворота Алеши Абрамяна, хоть и был важен для его команды (счет стал 3:2 в пользу гостей), но к его бомбардирским голам ничего не прибавил – послематчевые пенальти в зачет не шли.

После Кожемякина к точке пробития подошел Сурен Мартиросян. По тому, как он долго устанавливал мяч, было видно, что он здорово волнуется. Он бы с удовольствием уступил этот удар кому-нибудь другому, но было поздно – к мячу подошел именно он. Мартиросян разбежался, ударил и мяч пролетел… мимо ворот. Многотысячный стадион схватился за голову. Сделал это и сам футболист, который долго смотрел куда-то в сторону, не в силах тронуться с места. К нему подошел вратарь Алеша Абрамян и сказал:

– Не переживай, Суренчик, с кем не бывает.

Тем временем к мячу подошел динамовец Александр Маховиков. Молодой нападающий, который был одним из лучших пенальтистов в «Динамо» – в этом сезоне на его счету было уже шесть забитых мячей (на один меньше, чем у Еврюжихина). Последовал удар – и счет стал 4:2 в пользу москвичей.

Однако игрок «Арарата» Самвел Петросян, ударивший следующим, сумел сократить отставание на один мяч. После чего к одиннадцатиметровой отметке вышел лучший пенальтист москвичей Геннадий Еврюжихин. Он быстро установил мяч на отметке, сделал короткий разбег и легко обманул вратаря: показал, что будет бить в одну сторону, а ударил в другую. Это была победная точка в матче. И хотя у ереванцев был еще один удар в запасе, догнать гостей они уже не могли. Поэтому звезда «Арарата» Эдуард Маркаров бил без особого старания. И Пильгуй этот мяч отбил. Стадион «Раздан» встретил это событие гробовым молчанием. Два часа назад никто из пришедших не мог себе даже представить, что их любимая команда, которая шла на «золотые» медали, проиграет матч у себя дома. И лишь те немногие

участники подпольного тотализатора, поставившие на проигрыш «Арарата», могли торжествовать победу – они здорово обогатились. А интрига в чемпионате после этого поражения только обострилась.

7 октября 1973 года, воскресенье, Заречье, дача Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева

– Порадовали меня сегодня твои ребята, – выключая телевизор, обратился Брежнев к министру обороны Гречко, сидевшему на диване.

Только что они вдвоем посмотрели игру ЦСКА – «Динамо» (Киев) и остались довольны результатом – убедительной победой армейцев с разгромным счетом.

– А то ведь, что ни игра – то одно расстройство, – продолжил свою речь генсек, усаживаясь рядом с министром. – А тут еще и твои хоккеисты повадились играть через пень колоду.

– А что хоккеисты – они в эти дни дважды «Дуклу» обыграли в полуфинале Кубка европейских чемпионов? – удивился Гречко.

Речь шла о двух матчах, где хоккеисты ЦСКА у себя дома в Москве победили чехословацкую команду со счетом 6:0, а буквально вчера обыграли ее и на выезде 3:1. Таким образом армейцы вышли в финал КЕЧ, где их дожидался шведский «Брюнес».

– То, что чехов обыграли, молодцы, конечно, – живо отреагировал на эту реплику министра генсек. – Но ты вот скажи мне, как так получается: чехов громим в двух матчах и пропускаем всего одну шайбу, а в домашнем чемпионате идем на втором месте и уже напропускали больше всех шайб – сорок одну? Это что за проруха такая напала на Владика Третьяка?

– Вот именно, что проруха – с кем не бывает? – развел руками Гречко.

– А ведь им послезавтра с «Крылышками» играть, которые интересный хоккей в этом году показывают. Недавно ребят Андропова, динамовцев, обыграли. Нас-то не обыграют?

– Леонид, хочешь я им завтра втык дам, чтобы они послезавтра перед «Крыльями» не спасовали?

– Вот только это и умеешь, что втык давать, – отмахнулся Брежнев. – Я о красивой игре говорю, которую из-под палки не покажешь.

– А сегодня красивая игра была? – спросил внезапно Гречко.

– Спрашиваешь – три ноль ребят Щербицкого надрали.

– Вот я тебя и поймал, Леня, – рассмеялся министр. – Мои

ребята потому сегодня киевлян надрали, что я им перед этим такой втык сделал! Пригрозил: мол, если проиграете – отправлю всех грязь месить в низшую лигу. Вот они и зашевелились. Правда, боюсь, что надолго их не хватит.

– Это почему?

– Они Николаева хотят сплавить, вот и проигрывают всем подряд.

– Так вот в чем дело, – покачал головой Брежнев. – Жаль мужика – хороший игрок когда-то был. Я помню, как он сразу после войны в двух чемпионатах подряд был лучшим бомбардиром. Сильная пятерка нападения тогда была в ЦДКА: Дёмин, Николаев, Бобров, Федотов, Гринин.

– Леня, когда это было – сто лет назад? Сегодня Николаев уже четыре года ЦСКА тренирует, а результаты все хуже и хуже. После «золота» чемпионата 70-го года мы занимали то 12-е место, то 5-е. А в этом году, дай бог, как бы в первую лигу не попали.

– Неужели вылетим? – удивился Брежнев.

– Конечно, нет – не дадим. Но место все равно будет на уровне десятого. Так что Николаева надо менять.

– Кого вместо него поставить думаете?

– Володьку Агапова присматриваю. Он уже два года нашу армейскую футбольную школу тренирует, вроде, неплохо получается. Может, он в команду молодежь подтянет.

– Молодежь – это хорошо, – глубокомысленно изрек Брежнев. – Вот только что она может, если рядом с ней нету опытных наставников? Такого наворотит, век потом не расхлебаешь.

– Это ты к чему? – насторожился министр.

– К тому, чтобы Агапов твой не думал стариков из команды выгонять. Ну, тех, что Николаева сплавили. Они еще пригодятся. Кстати, тебе бы тоже не мешало с одним человеком отношения наладить.

Поймав вопросительный взгляд министра, Брежнев пояснил:

– Я имею в виду Устинова. Что вы с ним все время лаетесь на Политбюро? Он все-таки за оборонку отвечает, причем уже не одно десятилетие этим занимается.

– Леня, твой Устинов иногда такие вещи предлагает, за которые его бы при Сталине к стенке поставили.

– Ты что несешь, Андрей?

– Не несу, а говорю. И ты, Леонид, ему частенько поддакиваешь.

– Ничего я не поддакиваю, с чего это ты взял?

– Как с чего? Я вам обоим уже неоднократно говорил, с какой такой стати мы должны холуйски склоняться перед требованиями

американцев? Почему мы не идем на сокращения на равных? Почему должны постоянно уступать? Ведь у нас в основе всех переговоров должен быть принцип равной безопасности. Ты, вроде бы, со мной соглашаешься. Когда проходим с тобой все контрольные цифры – все нормально. Но стоит мне уехать, как на тебя наседает этот Устинов и ты тут же соглашаешься уже с его позицией. Вот я сейчас в Польшу на днях улетаю и уверен – эта история опять повторится. Разве не так?

Эти слова явно были не по душе генсеку, который даже встал с дивана и пересел в кресло – подальше от собеседника.

– А чего ты обижаешься, Леонид? – искренне удивился Гречко. – Мы с тобой коммунисты, фронтовики и можем говорить друг другу правду в глаза, а не за спиной. Вот я тебе и говорю. Неужели ты не понимаешь, что мы во вред своей обороне все это делаем! У нас специалистами по военным делам почему-то становятся технари, а не военные, которые по своему предназначению именно за безопасность страны и отвечают. У нас же есть Генеральный штаб, есть главнокомандующие видами Вооруженных Сил, а у них в свою очередь главные штабы. И везде офицеры-специалисты. Это же ведь наше общее мнение! Так нет, у тебя почему-то Устинов первый знаток по всем проблемам – и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в науке, и в культуре, и, конечно, в военном деле. А постоянно идти американцам на уступки – значит обречь себя. Неужели это не понятно?

– А тебе не понятно, что нам не воевать с американцами надо, а мосты строить? – встрепенулся Брежнев. – Наш народ достаточно настрадался и по праву заслужил мирную жизнь. Хватит нам конфронтаций!

– Ты из меня ястреба не делай, – отмахнулся от генсека министр. – Я так же, как и ты с Устиновым, не хочу конфронтации. Речь о другом – о том, что мы слишком лебезим перед американцами. Холуями не надо быть, вот я о чем. Иначе рано или поздно они нам на шею сядут, а мы и не заметим. У нас и так молодежь наполовину американизирована, а с вашими подходами она и вовсе захочет с потрохами продаться за какую-нибудь жвачку или джинсы.

– Ну, знаешь…, – не договорив фразу, Брежнев вскочил со своего места и выбежал из гостиной.

Было слышно, как он взбежал по деревянной лестнице наверх, к себе в кабинет, и закрылся там, захлопнув дверь. Какое-то время Гречко сидел в одиночестве, после чего тоже поднялся и направился в прихожую. Когда он одевал на себя шинель, из кухни вышла Виктория Петровна – жена генсека.

– А где Леня? – удивилась хозяйка, увидев, что гостя никто не

провожает.

– Твой Леня как красна девица обиделся и упорхнул в свою светлицу, – грустно улыбнулся Гречко. – Упрашивать его вернуться я не буду – пусть дуется, как мышь на крупу. Надеюсь, к завтрашнему утру остынет. А тебе, Вика, спасибо за чай. Спокойной ночи.

И Гречко вышел за порог, где его давно дожидалась правительственная «Чайка».

7 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Киевский вокзал

Возвращаться в гостиницу с дипломатом, набитым деньгами, Пустовил не решился, поэтому отправился из Лужников на Киевский вокзал. Задача у него была простая – спрятать дипломат в ячейку камеры хранения, чтобы десятого октября передать эти деньги своим начальникам, которые должны прибыть сюда на финальный матч Кубка СССР. Но знай он, чем это для него обернется, предпочел бы на вокзал не ехать, да еще на ночь глядя. Но вышло все так, как вышло.

Пустовил подошел к свободной ячейке и, прежде чем отправить в нее дипломат, открыл его, чтобы убедиться, на месте ли деньги. Все было в порядке: пачки с банкнотами лежали на дне чемоданчика, прикрытые газетой «Советский спорт». Вполне удовлетворенный этим, Пустовил закрыл дипломат и собирался поставить его в ячейку, когда по громкой связи на весь вокзал бодрый женский голос объявил о прибытии очередного поезда. Это объявление прозвучало так неожиданно, что рука Пустовила дрогнула и выпустила кейс. Тот упал на бетонный пол и открылся. Пачки с деньгами рассыпались по полу. Проклиная себя за небрежность, Пустовил бросился собирать деньги, бросая одну пачку за другой в дипломат. И тут его за этим занятием застал постовой милиционер – сержант Игорь Стрельников.

– Гражданин, откуда у вас столько денег? – спросил страж порядка, как скала нависнув над Пустовилом.

– Это служебные деньги, я везу их в Киев, – закидывая последнюю пачку в кейс, ответил незадачливый коммивояжер.

– У вас есть на них соответствующая бумага? – продолжал задавать вопросы сержант.

– Какая еще бумага – у меня есть служебное удостоверение, – и Пустовил достал из внутреннего кармана плаща «корочку» члена Федерации футбола Украины.

Сержант внимательно ее прочитал и вновь спросил:

– Сколько денег в вашем дипломате?

– А какое вам, собственно, дело? – возмутился Пустовил. – Вот же мое удостоверение.

– Но оно не объясняет происхождения этих денег. А их у вас, как я видел, не одна тысяча.

Пустовил внезапно понял, что этот сержант так просто от него не отстанет, поэтому решил использовать неоднократно опробованный им ранее прием. Он извлек на свет портмоне и, открыв его, спросил:

– Товарищ сержант, я готов понести убытки, лишь бы уладить эту проблему мирно, – и Пустовил достал купюру в 25 рублей. – Четвертной вас устроит?

– Вы собираетесь дать мне взятку? – не скрывая своего изумления, спросил сержант. – Да вы совсем совесть потеряли. А ну-ка, пройдемте со мной.

И милиционер решительно взял Пустовила за локоть и буквально потащил его за собой в линейный отдел милиции при вокзале. Там он заставил задержанного сесть на стул, а сам подошел к телефону и набрал на диске какой-то номер. И когда на другом конце провода сняли трубку, произнес:

– Товарищ майор, я задержал гражданина, у которого при себе большая сумма денег. Нет, товарищ майор, значительно больше – у него целый дипломат забит пачками банкнот. Он даже предлагал мне взятку, чтобы я его отпустил. Хорошо, товарищ майор, жду.

Все это время Пустовил мучительно размышлял о том, как ему выпутаться из этой ситуации. Поняв, что сержант человек принципиальный, он решил попробовать надавить на другие струны в его душе.

– Вы задержали человека, который является должностным лицом. Я работник Федерации футбола Украины и если мое руководство узнает о том, что здесь произошло, вам не поздоровится. Лучше отпустите меня с миром, вам же лучше будет.

Сержант предпочел не вступать в дискуссию с задержанным и занял место у дверей, дожидаясь прихода своего начальника. И как Пустовил не старался, однако запугать или разжалобить милиционера ему так и не удалось. А вскоре в комнату вошел тот самый майор, которого вызвал сержант.

– Ну, где тут у нас подпольный миллионер Корейко? – с порога спросил он и прошел за стол, стоявший у стены. – Я майор Евгений Степанович Рябик, а вы, гражданин, кто будете?

– Товарищ майор, как хорошо, что вы пришли, – развернулся в его сторону Пустовил, держа дипломат на своих коленях. – Я полагаю, это недоразумение быстро прояснится. Я ответственный

работник Федерации футбола Украины и прибыл в Москву в служебную командировку.

И Пустовил протянул майору свое служебное удостоверение. Тот взял его в руки и внимательно прочитал, после чего вновь поднял глаза на задержанного.

– Покажите, пожалуйста, что у вас в дипломате, товарищ Пустовил, – попросил майор.

Задержанный какое-то время колебался, но затем, поняв, что сделать это придется, открыл чемодан и поставил его на стол.

– Сколько здесь? – спросил майор, приподняв, разложенную в дипломате газету.

– Тридцать тысяч рублей, – последовал ответ.

– Это ваши личные деньги или вашей Федерации?

– Именно ее, товарищ майор.

– А где сопроводительная бумага, объясняющая происхождение этих денег и кому именно они предназначаются? Кому вы их привезли?

Пустовил стушевался, не зная, как ответить на этот вопрос, чтобы не вызвать к себе подозрений.

– Что вы молчите? – вновь спросил майор.

– Эти деньги я вез в союзный Спорткомитет, – соврал Пустовил.

– Почему же не довезли?

– Я собирался сделать это завтра.

– А каково предназначение этих денег, причем немалых?

– Это вполне законная финансовая операция за определенного рода услуги, которые ваш Спорткомитет оказывал нашей Федерации.

– Если она законная, то почему на нее нет соответствующей бумаги? Ведь есть же стандартная процедура таких платежных операций: деньги сдал – деньги принял.

– Это недосмотр нашей бухгалтерии, товарищ майор. Все делалось в спешке, поэтому не стали утруждать себя такого рода формальностями. К тому же такие операции раньше уже проводились и ни у кого не вызывали никаких нареканий.

– Ну, хорошо, предположим, – кивнул головой майор. – Но кто может подтвердить ваши слова?

– Мои слова о чем?

– О том, что это легальные деньги, а не какая-нибудь взятка или, еще хуже, хищение?

Пустовил на несколько секунд задумался, перебирая в уме тех людей, кого можно было бы назвать в сложившейся ситуации. Он понимал, что называть нельзя было никого, но и молчать тоже было опасно, учитывая поведение этого майора.

– Мои слова может подтвердить товарищ Зольский Леонид Карпович – заместитель начальника управления футбола в вашем Спорткомитете, – решился, наконец, Пустовил.

После чего достал из кармана записную книжку и продиктовал майору номер домашнего телефона, названного им человека. Милиционер тут же принялся крутить диск на телефоне. И спустя минуту разговаривал с Зольским:

– Леонид Карпович? Добрый вечер, извините, что потревожил вас в столь поздний час.

Хотя время было еще не самое позднее – всего лишь начало одиннадцатого вечера.

– Беспокоит вас майор милиции Евгений Степанович Рябик. Дело вот в чем. У нас сейчас находится – и майор вновь взял в руки служебное удостоверение задержанного – Клим Арсентьевич Пустовил. Он вам знаком?

– Конечно, – воскликнул на другом конце провода Зольский. – Это сотрудник Федерации футбола Украины. А что он такое натворил?

– Дело в том, что у него при себе большая сумма денег – тридцать тысяч рублей, но на них нет никаких сопроводительных документов. Поэтому он не может внятно объяснить происхождение и предназначение этих денег. Поэтому мы вас и побеспокоили, чтобы поинтересоваться: вам что-то об этом известно?

На том конце провода наступило молчание, которое длилось в течение нескольких секунд. Наконец, майор услышал в трубке вопрос:

– А что сам Пустовил говорит о происхождении этих денег?

– Он уверяет, что это вполне законная финансовая операция за некие услуги, которые ваша организация оказывала их Федерации.

– Если он это говорит, значит, так оно и есть. Лично я о происхождении этих денег ничего не знаю – это прерогатива нашей бухгалтерии. А она начнет работать завтра. Если хотите, то вы можете позвонить туда в девять часов утра и все выяснить.

– Спасибо, но у меня нет такого желания. Вы только ответьте: лично вы можете поручиться за товарища Пустовила?

На том конце провода снова наступила тишина. Наконец, Зольский ответил:

– Я знаком с Климом Арсентьевичем не так близко, чтобы давать вам какие-то серьезные гарантии. Но, учитывая то, что он работает в серьезной организации, полагаю, что доверять ему можно.

– Спасибо, Леонид Карпович. Спокойной ночи! – и майор

повесил трубку.

После чего он вернул служебное удостоверение Пустовилу и заметил:

– В следующий раз будьте поаккуратней с такими деньгами. Хорошо, что рядом с вами оказался сержант, а не какой-нибудь урка, у которого при виде таких денег голова бы закружилась от соблазна. И он после этого снес бы голову вам. Здесь вам не спортивная федерация, это – вокзал.

Выйдя из милиции, Пустовил вновь отправился в камеру хранения. Где, уже без всяких проволочек, спрятал в ячейке злополучный дипломат с деньгами. После чего отправился на стоянку такси. А там, как назло, не было ни одной свободной машины. Наконец, спустя полчаса, рядом с Пустовилом тормознула «Волга-ГАЗ-24». И он, опустившись на сиденье рядом с водителем, назвал адрес:

– Гостиница «Юность» на «Спортивной».

Спустя еще полчаса Пустовил был уже на месте.

Он поднялся по лестнице (лифт вызывать не стал) на шестой этаж и прошел мимо дежурной по этажу, которая спала за стойкой, уронив голову на скрещенные руки. Открыв ключом дверь номера, Пустовил зашел внутрь и потянулся рукой к выключателю. И в следующую секунду услышал незнакомый мужской голос:

– Не надо включать свет!

Эта фраза живо напомнила вошедшему эпизод из сериала «Семнадцать мгновений весны», премьера которого полтора месяца назад собрала у экранов телевизоров всю страну. Повинуясь этому приказу, Пустовил прошел в комнату и различил в кресле, стоявшем у окна, человеческий силуэт. Кто был этим незнакомцем владелец номера не знал, но чутье подсказывало ему, что появился этот человек здесь не случайно и эта встреча не обещала Пустовилу ничего хорошего.

8 октября 1973 года, понедельник, Чили, Сантьяго, госпиталь в районе Пуэнтэ-Альто

Лейтенант чилийских ВВС Рафаэль Канто служил в воздушной разведке (СИФА) уже три года и считался там лучшим оперативником. После переворота и сентября именно СИФА стала ведущим разведывательным подразделением нового режима и приняла на себя всю полноту ответственности по борьбе с противниками новой власти. Поэтому все теракты, совершенные в Чили подпадали под юрисдикцию СИФА. Не стал исключением и недавний теракт в Сантьяго, когда неизвестные террористы напали на инкассаторский фургон и похитили большую сумму денег. По факту этого нападения лейтенанта Канто лично вызвал к себе начальник СИФА полковник Эдгар Себальос Хонес и поставил задачу в кратчайшие сроки расследовать это преступление.

– Судя по всему, это дело рук террористов из МИР, – сообщил полковнику свои первые предположения Канто. – Свидетели преступления практически никого из нападавших не запомнили – так сильно были напуганы произошедшим. Единственная наша надежда – торговка фруктами, у которой один из преступников рассматривал товар. Она находится в госпитале в Пуэнтэ-Альто и до сегодняшнего дня была без сознания. Но полчаса назад мне сообщили, что она наконец пришла в себя и, вполне вероятно, сможет кое-что рассказать.

– Как вы думаете, лейтенант, зачем боевикам из МИР понадобились деньги? – спросил полковник.

– Похищена огромная сумма – почти полмиллиона американских долларов и два миллиона эскудо. Судя по всему, МИР готовит какую-то большую акцию, а деньги им понадобились для покупки оружия и подкупа людей, которые должны помочь им в осуществлении этой акции.

– Может, они планируют покушение на генерала Пиночета? – высказал предположение полковник.

– Не исключено, поэтому я уже уведомил об этом Мигеля Красноффа.

Под этим именем скрывался Михаил Краснов – 27-летний отпрыск донских казаков, сын атамана Петра Краснова, который был казнен большевиками за сотрудничество с нацистами в годы Второй мировой войны. Вместе с матерью, Диной Марченко, Михаил очутился после войны в Чили, где сумел сделать блестящую карьеру. В 1963 году он стал кадетом Военного

училища в Сантьяго, которое закончил четыре года спустя в звании лейтенанта. В дни сентябрьского переворота он руководил охраной арестованных чиновников свергнутого правительства. А потом стал одним из начальников охраны самого Пиночета.

Выйдя от полковника, Канто вызвал служебный автомобиль и отправился в госпиталь, где лежал важный свидетель нападения на инкассаторов – торговка фруктами. Женщина находилась в отдельной палате, а охраняли ее сразу шестеро солдат во главе с офицером. Кроме этого, на первом этаже разместилось еще с десяток военнослужащих чилийской армии, выполнявших функции охранников, которые заблокировали вход на этаж, где лежала раненая.

Пройдя все эти посты, Канто, наконец, очутился в скромной палате с одной единственной кроватью в углу. На ней и лежала женщина, которая, получив несколько ранений, чудом сумела выжить. Присев рядом с ней на стул, Канто поздоровался и сообщил:

– Синьора Марсела, я обещал вашему врачу, что не стану вас долго мучить. У меня к вам только одна просьба – посмотреть на несколько фотографий и попытаться узнать человека, который подходил к вам перед налетом. Сотрудники банка видели это в окно, но тот человек стоял к ним спиной. А вы наверняка должны были запомнить его лицо.

Сказав это, Канто достал из кожаной папки, которая лежала у него на коленях, небольшую стопку фотографий, на которой были запечатлены главари МИР и стал медленно, одну за другой, подносить эти снимки к лицу раненой женщины. Когда он поднес последнюю, восьмую фотографию, с губ торговки слетело два слова:

– Это он.

Лейтенант посмотрел на снимок – на нем был запечатлен Алонсо Райнери, который отвечал в группировке Альваро Молины за контрразведку. Поблагодарив женщину и пожелав ей скорейшего выздоровления, Канто покинул палату. Теперь его путь лежал в район Сан Мигель, где на одной из тихих улочек, на конспиративной квартире, он встретился со своим агентом – Алехандро Санчесом, который работал в табачной лавке и имел обширную сеть осведомителей среди уличной преступности.

– С сегодняшнего дня ты должен направить все свои усилия на сбор сведений о людях Альваро Молины, – обратился к агенту лейтенант, едва они закрылись в квартире. – Особенно меня интересует вот этот человек, – и Канто показал Алехандро фотографию Райнери.

– Но люди Молины откололись от группировки Мигеля

Энрикеса, – сообщил Санчес.

– Когда?

– Около трех недель назад.

– Откуда ты это знаешь?

– Эту информацию мне сообщил старик, который торгует газетами на углу улицы Сан-Франциско. А ему ее принес внук, промышляющий кражами в южных кварталах Сантьяго.

– Из-за чего произошел раскол? – продолжал интересоваться Канто.

– Этого я не знаю, – пожал плечами Санчес. – Но постараюсь узнать.

Это была ценная информация. Учитывая, что нападение на инкассаторский фургон произошло практически сразу после раскола в МИР, это наводило Канто на мысль, что все это звенья одной цепи. Но куда она вела было пока непонятно.

8 октября 1973 года, понедельник, Москва, Шоссе Энтузиастов

Всю дорогу, пока Бесков ехал к местам своего детства, в голове у него крутилась мелодия песни «Тишина за Рогожской заставой». Эта композиция, собственно, и стала поводом к тому, чтобы тренер сорвался из дома. Он услышал ее во время завтрака по радио в передаче «По вашим письмам». Песню исполнял актер Николай Рыбников, который был ее первым исполнителем – он спел ее в 1957 году за кадром фильма «Дом, в котором я живу». Услышав ее сегодня, Бесков внезапно почувствовал непреодолимое желание съездить к той самой Рогожской заставе – местечку в Москве, где он 53 года назад проявился на свет и где прошло его счастливое детство. С тех пор, как он в 1951 году переехал на Садовую-Триумфальную, в этих местах он больше ни разу не бывал, хотя периодически собирался это сделать. Но разного рода причины заставляли его отложить эту поездку на потом. Но сегодня Бескова внезапно прорвало – он решил отложить все свои дела и посетить, наконец, родные пенаты. Супруги дома не было, а на работу Бескову можно было приехать и после обеда, поэтому его мало что удерживало от этой затеи.

Тренер подъехал к местам своих детских лет со стороны улицы Чкалова. Он свернул на Ульяновскую улицу, промчался по Тулинской и выскочил сначала на бульвар Энтузиастов, а потом и на шоссе с тем же названием. Здесь он припарковал свою «Волгу» на обочине и зашагал в сторону Рабочей улицы, рядом с которой почти пять десятков лет назад они с родителями – Иваном

Григорьевичем и Анной Михайловной – жили в коммунальной квартире в доме, стоявшим вторым от моста. Чуть наискосок от их жилища находилась станция Москва-Товарная (она и сейчас там располагалась), дальше был завод имени Войтовича, а с противоположной стороны двора, где юный Костя Бесков постигал азы футбольной науки, чуть поодаль раскинул свои владения завод «Серп и молот», прежде именовавшийся заводом Гужона. Семейство Бесковых жило в квартире без привычных теперь удобств: на зиму заготавливались дрова, а за водой (к колонке) и в туалет надо было ходить на улицу. Впрочем, так тогда, в самом конце 20-х годов, жило большинство москвичей. Ведь столица в те годы была в значительной степени городом деревянным и лишенным канализации (в 1927 году 58 процентов домов не имело водопровода, а 65 процентов – канализации). И Бесков до сих пор помнил, как по ночным улицам и переулкам, двигались ассенизационные обозы, разнося по окрестностям нестерпимую вонь. Их сосед по подъезду – дядя Вася – как раз работал ассенизатором и возил нечистоты в Марьинский сливной пункт, проклиная его (особенно когда выпьет) на чем свет стоит. По его словам, очереди в этот пункт из ассенизаторов выстраивались километровые и не всем удавалось опустошить свои бочки, поскольку пункт закрывался в строго определенное время. Поэтому те ассенизаторы, которые не успевали воспользоваться услугами пункта, попросту сливали нечистоты… на пустырях, а то и на улицах Москвы. Дядя Вася так не делал – он обычно приезжал домой и оставлял бочку возле своего подъезда, чтобы утром, встав ни свет ни заря, успеть вновь добраться до Марьинского пункта и избавиться, наконец, от нечистот. После чего с пустой бочкой он снова трогался в путь – чтобы в очередной раз наполнить ее отходами человеческой жизнедеятельности.

Вспоминая теперь об этом, Бесков невольно поражался стоическому долготерпению своего соседа, который работал на этой должности целых полтора десятка лет – до конца 30-х, когда в городе, наконец, уже вовсю заработала канализация. Вот и Бесковы тогда переехали в новую квартиру – на соседнюю Школьную улицу, где в их «коммуналке» уже был собственный санузел.

Стоя у того места, где когда-то находился их дом, а теперь стояло какое-то промышленное здание, относящееся к станции «Москва-Товарная», Бесков перебирал в памяти события почти полувековой давности и мысленно переносился туда, в конец 20-х, где он был так юн и беспечен.

Ретроспекция. 7 мая 1929 года, вторник, Москва, двор у бульвара Энтузиастов, рядом с ж/д станцией «Москва-Товарная»

Девятилетний Костя Бесков, вернувшись из школы, бросил в прикроватную тумбочку сумку с учебниками и, прихватив с собой резиновый мячик, выбежал на пустырь недалеко от своего дома. Справа поблизости шумело Шоссе Энтузиастов, слева – Международная улица, бывшая Носовиха, чуть дальше – Рогожская застава. На пустыре было тихо, так как ребятня, вернувшаяся из школы, сидела по домам, обедала, а Костю мучил иной голод – по футболу. С тех пор, как пару лет назад его родной дядя (брат его мамы) Иван Михайлович впервые привел его на футбол с участием команды «Рускабель», Костя влюбился в эту игру раз и навсегда. Упросив родителей купить ему резиновый мяч (кожаный стоил слишком дорого), он теперь целыми днями пропадал во дворе – либо играл в футбол с приятелями, либо один. Вот и сегодня отсутствие друзей его вовсе не тяготило – он чеканил мячик о глухую стену углового дома. Он бил мячом в стену, тот возвращался и Костя старался ударить по нему без остановки или обработки, одним касанием. Сделав так раз десять, мальчик взялся за отработку другого удара – он стал принимать мяч на внутреннюю сторону стопы. Затем, после очередных десяти ударов, он попробовал другой вариант остановки мяча – грудью. Затем – бедром. И так до бесконечности. Останавливая отскакивающий от стенки мячик всеми способами, он доводил выполнение приемов до автоматизма. И нисколечки не уставал – так захватывало его это действо. Особенно он любил отрабатывать удары – на десять метров, на пять, на пятнадцать, снова на десять. Удары были разные – низом, навесной, резаный, крутящийся, обманный. И вот, когда мяч в очередной раз улетел в стену после резаного удара, где-то поблизости раздалась трель милицейского свистка. И в следующую секунду через деревянный забор на пустырь спрыгнул паренек лет семнадцати в заломленной на затылок кепке-малокозырке, рваном тельнике и штанах, засученных почти до колен. Увидев мальчишку с мячом в руках, он бросился к нему:

– Слушай, шкет, здесь спрятаться где-то можно? – тяжело дыша, спросил парень.

Не говоря ни слова, Бесков указал рукой в сторону неприметного сарайчика, который стоял в углу пустыря, утопая в зелени. Парень метнулся в ту сторону и только успел заскочить в сарай, как из-за забора появилась голова милиционера, в

сдвинутой набекрень фуражке. Ловко перемахнув через деревянное ограждение, страж порядка подошел к Бескову.

– Здорово, малец, – обратился он к мальчишке. – Тут только что через забор один пацан сиганул. Куда он побежал?

– Туда, к Международной, – не раздумывая ни секунды, ответил Костя.

И милиционер побежал в указанном ему направлении. Когда он скрылся за поворотом, из сарая вышел беглец. В руках он держал пачку моссельпромовских папирос «Дели», из которой вытащил одну папиросину и сунул ее в рот. Затем чиркнул спичкой, закурил и направился к Бескову.

– А ты ничего, шкет – не стукач, – произнес парень, дымя папиросой. – Как зовут?

– Костя.

– А кликуха у тебя во дворе какая?

– Бес.

Брови парня взметнулись вверх:

– Это еще почему?

– У меня фамилия – Бесков.

– Тогда понятно, Бесенок, – улыбнулся парень и протянул собеседнику ладонь: – А меня Ленькой кличут. Ленька Горох – слышал о таком?

Бесков кивнул головой. Про этого парня, который держал под своим контролем всю местную шпану от Бухаринской до Новорогожской улиц, он был наслышан. А вот увидеть довелось только теперь.

– Мяч просто так долбишь или со смыслом? – задал новый вопрос Ленька.

– Со смыслом – тренируюсь.

– А ну-ка покажи, – предложил Горох.

Бесков бросил мяч на землю и пробил свой коронный – резаный.

– Неплохо, – похвалил его Ленька. – А на меткость бить пробовал?

– Это как? – удивился Бесков.

Вместо ответа Ленька достал из брюк коробку «Дели» и, высыпав оставшиеся в ней папиросы в карман, отошел к стене дома и поставил коробку на кирпич.

– Сможешь попасть с трех раз? – спросил он у Бескова.

– Я с первого попаду, – ответил тот.

– Спорим на рубль, что промажешь? – предложил пари Ленька.

Таких денег у Бескова не было, но он думал не долго – знал свои способности и был уверен, что не проиграет. Поэтому быстро

принял условие. После чего разбежался и ударил по мячу внутренней стороной стопы. Ударил не слишком сильно, целясь точно в коробку, а вернее, в широкую красную полосу на ней – отличительную примету на этих папиросах. И мяч угодил точно в цель, отбросив коробку к стене дома.

– Лихо! – восхищенно воскликнул Ленька. – Только случайно все это – расстояние слишком маленькое. Вот если бы ты на пять шагов назад отошел.

Бесков не дал себя уговаривать дважды. Он отошел ровно на пять шагов назад и снова установил мяч себе под удар. А Ленька опять водрузил слегка помятую коробку «Дели» на тот же кирпич. Бесков снова разбежался и ударил, причем на этот раз крученым ударом. Мяч стремительно преодолел расстояние до коробки и вновь опрокинул ее на землю.

– Да ты прям как Колька Старостин! – снова восхитился Ленька, назвав имя бомбардира московской команды «Пищевики», которая недавно стала чемпионом Москвы. – А если еще на пять шагов отойти – попадешь?

Бесков и здесь не стал спорить. Однако с этого места увесистая коробка «Дели» превратилась в спичечный коробок и попасть в нее было весьма проблематично. Поэтому Бесков ударил не сразу – в течение минуты он прицеливался, стоя на одном месте. Наконец, его нога ударила по мячу и тот взмыл в воздух. На этот раз удар был из разряда навесных. И снова пришелся точно по цели, но в этот раз мяч ударил папиросную коробку не по горизонтали, в картинку, а упал на нее сверху, раздавив в лепешку.

– Нет, ты не Старостин, ты – Бесков! – не скрывая своего восхищения, воскликнул Ленька и извлек из кармана металлический рубль.

Костя поначалу хотел отказаться от награды, но Ленька насильно сунул ему рубль в руку и произнес:

– Держи, ты же его честно заработал. А вообще-то тебе червонец полагается за то, что ты меня легавому не сдал. Но нет у меня с собой червонца, только рубль. Но я добро не забываю, Коська Бесков – будет случай, отплачу.

И потрепав мальчишку по шевелюре, Ленька ловко перемахнул через забор и был таков. А случай для того, чтобы расплатиться, представился Леньке уже очень скоро.

Как-то осенью Бесков с двумя своими сверстниками по двору оказался вовлечен в компанию, которой заправлял трамвайный вор по кличке Гуливан. Мальчишек он приметил давно, замышляя использовать их в своих воровских делишках. Он работал «суматошником» на Бухаринской улице, грабя пассажиров

трамвая № 24. Работал он не один, а именно компанией, в которую входили пацаны 10–13 лет. Их задачей было втиснуться утром в переполненный трамвай и начать толкаться, пробираясь в середину состава. В этой сутолоке Гуливан и работал, ловко опустошая карманы и сумки беспечных пассажиров, которые отвлекались на суматошных подростков (за это их и называли «суматошниками»). А потом, на пустыре за станцией «Москва-Товарная», Гуливан производил расчет с мальчишками – вручал им определенную сумму в рублях за старания.

Бесков попал в компанию Гуливана случайно. Был у него дружок, Митька Захаров, который дважды помогал Гуливану опустошать карманы трамвайных пассажиров в компании еще с тремя мальчишками. Но в тот день один из пацанов прийти не смог и Митька уговорил Бескова выручить Гуливана.

– Тебе и делать ничего особенно не надо будет, – убеждал приятеля Митька. – Знай себе расталкивай пассажиров. А за это Гуливан нам по рублю каждому обещал – купим себе настоящий кожаный мяч.

Собственно, именно этот мяч и перевесил чашу весов у Бескова – о таком подарке они во дворе давно мечтали, да денег не было. Мяч продавался в спортивном магазине на Таганке, выставленный на витрине во всей своей красе: с гладкой кожей и белой шнуровкой. Чтобы его заиметь, Бесков и согласился войти в компанию Гуливана. Хотя узнай об этом его мать – женщина очень строгих правил – ему бы за это, ох, как досталось.

Они шли всей ватагой на Бухаринскую улицу, предвкушая, что сразу после дела рванут на Таганку и купят вожделенный мяч. Как вдруг впереди они заметили Леньку Гороха. Он стоял на углу дома, где красовался здоровенный щит с рекламой пудры «Коти», с неизменной папиросой в зубах. Увидев Гуливана, он жестом подозвал его к себе.

– Куда топаешь, Гуливан? – спросил Ленька.

– Ясно дело куда – на Бухарчика, трамвайщиков трясти, – последовал ответ.

– Отменяй свой поход – сегодня на «двадцать четверке» легаши из МУРа «арканить» будут.

– Ты туфту не гонишь? – насторожился Гуливан.

– Ботало попридержи, – выплевывая папиросу, пригрозил Ленька. – Сказано тебе: арканить вас будут. Так что не дрочи судьбу – объявляй выходной. Кстати, кто это у тебя там среди малолеток?

– Какой? – спросил Гуливан.

– Вон тот – в перелатаном пальтишке.

– Это Коська Бес.

– Кликни его сюда.

Гуливан позвал Бескова и, когда тот подошел, Ленька спросил:

– Ты на кой ляд с Гуливаном связался, Бесенок?

– Нам деньги нужны, чтобы мяч кожаный купить, – честно признался Бесков.

– Мяч дело хорошее, но сегодня Гуливан вас не в магазин приведет, а прямиком в мильтярню.

Сказав это, Ленька перевел взгляд на Гуливана:

– Значится, так, кореш, слушай меня внимательно. Бесенка больше в свою гоп-компанию не привлекай – ему другая маза светит. Он футболистом хорошим будет, а ты его хочешь в «суматошники» записать. Я ясно ботаю?

Вместо ответа Гуливан сплюнул себе под ноги, что означало – он хоть и недоволен словами кореша, но спорить с ним не станет.

– Где твой мяч продается? – вновь перевел взгляд на Бескова Ленька.

– На Таганке, рядом с фабрикой Володарского.

– Ну, тогда пошли за твоим мячом – у меня сегодня гроши завелись. Заодно я с вами в футбол погоняю – давненько я мячик не пинал.

И обняв Бескова за плечи, Ленька повел его в обратную от Бухаринской улицы сторону. Так Ленька Горох отдал свой должок Косте Бескову, или Бесенку, как он его ласково называл.

8 октября 1973 года, понедельник, Москва, Шоссе Энтузиастов

Вспоминая теперь о тех событиях, Бесков вышагивал по улице своего детства и никак не мог избавиться от ощущения, что все это происходило много лет назад не с ним. Что тот Бесенок, который гонял здесь когда-то в футбол, это не он вовсе, а совсем другой человек, который так и остался там, в прошлом, где Москва была преимущественно деревянная, где все удобства были во дворе, где местом для дворовых баталий служил пустырь, а любимым развлечением мальчишек, помимо футбола, было жонглирование тряпочкой, в которую завязывали монету или пломбу и били ее не переставая ногой, кто больше сможет. В разгар этих размышлений Бескова кто-то окликнул по имени. Он обернулся и увидел рядом с собой пожилого мужчину, выгуливавшего собачку – карликового пуделька абрикосового цвета. Вглядевшись в лицо этого человека, Бесков ахнул – это был никто иной, как Митька Захаров, с которым они когда-то жили в

одном дворе. В последний раз они виделись сразу после войны на стадионе «Динамо»: Бесков тогда играл за динамовскую основу, а Захаров, вернувшись с фронта по ранению (у него была перебита левая рука), работал в «Москабеле» и специально пришел на матч «Динамо» – ЦДКА, чтобы увидеться с Бесковым.

– Приехал детство вспомнить? – поинтересовался Захаров у тренера, после того, как они обнялись.

При этом Дмитрий освободил своего пуделька от поводка, чтобы тот не мешал их разговору.

– Не боишься, что убежит? – спросил Бесков.

– Не боюсь – Фаня у нас девочка послушная, от своего папки далеко не отходит, – ответил Захаров, пряча поводок в карман своего плаща.

Они стояли на тротуаре, а собачка отошла в сторонку – на лужайку, где росла пожухлая трава.

– А ты, значит, Митяй, по-прежнему здесь обитаешь? – спросил Бесков.

Когда-то они с Захаровым жили на одной улице – Школьной, куда семейство Бесковых переехало в начале 30-х из дома, что стоял рядом со станцией «Москва-Товарная».

– На Библиотечной, рядом со школой – мы туда с женой и дочкой в 49-м переехали.

Эта улица была «соседкой» Школьной, поэтому полноценным переездом это назвать было трудно.

– Из наших еще кто-нибудь остался? – поинтересовался Бесков.

– Никого – все разъехались: кто на другие концы, а кто и в мир иной. Витьку Голубя помнишь? Прошлым летом разбился, когда на дачу ехал. А Игорек Елисеев с Володькой Мухиным в этом году богу душу отдали.

– Они же оба нашего возраста были? – удивился Бесков.

– Водка никого не жалеет, – грустно вздохнул Захаров, после чего решил сменить грустную тему: – А ты все там же, в «Динамо»?

– Да, российские команды инспектирую.

– Ну, и как в глубинке футбол развивается – так же, как и высшей лиге?

Услышав в этом вопросе иронию, Бесков спросил:

– А чем тебе последняя не нравится?

– Болеть не за кого становится. Как Яшин два года назад на пенсию ушел, так больше игроков его уровня у нас и не осталось. А молодежь жиденькая какая-то. То ли дело раньше футболисты были: Бобров, Федотов, Гринин, Соловьев, Хомич, Трофимов, Численко, Нетто, Стрельцов, Воронин, Шестернев, Бесков, в конце

концов.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся тренер. – Я тоже об этом часто думаю – в какую сторону наш футбол дальше развиваться будет.

– И что надумал?

– Про «тотальный футбол» у голландцев слышал? Думаю, весь мир в него играть будет – рациональная игра сменит романтический футбол. А под него и игроки будут подстраиваться. В будущем такие игроки, как Бобров и Стрельцов станут уже не нужны.

– Грустную картину ты рисуешь, Костя.

– Для нас, тех, кто помнит прежний футбол, может быть, и грустную, а для молодых вполне нормальную. Как говорили греки: все течет, все меняется.

– Поговорка мудрая, но для нас не слишком радостная. Сдается мне, что наше прошлогоднее второе место на чемпионате Европы – это наш потолок. А тут еще все идет к тому, что мы впервые с 58-го года имеем шанс не попасть на чемпионат мира. А если в дело вмешивается большая политика, то жди беды.

– В каком смысле?

– В том, что для большой политики не спорт главное, а международные амбиции. Наши пропагандисты, конечно, от этой ситуации только выиграют – вволю потопчутся на теме происков хунты, но нашему футболу это непопадание на чемпионат мира пойдет только во вред. Где молодежи еще себя проявить, как не на таком турнире? Впрочем, что я тебе объясняю – ты сам в свое время пострадал от большой политики.

Речь шла о событиях 1964 года, когда Бесков, возглавляя сборную СССР, вывел ее в финал, где она проиграла испанцам 1:2 и заняла второе место. А поскольку Испания находилась под властью диктатора Франко, ярого врага коммунистов, то высшее советское руководство сочло серебряные медали позором и уволило Бескова с его поста.

– Кстати, если наши на чемпионат не попадут, значит, Горянского точно снимут с его поста, как тебя когда-то, – предположил Захаров. – Как думаешь, кого на его место назначат?

– Кандидатур много, – расплывчато ответил Бесков.

– А ты среди них не значишься? Если вдруг тебе предложат, ты откажешься или все же рискнешь снова войти в эту реку?

Бесков ответил не сразу. В последнее время он тоже думал на эту тему, поскольку понимал – людей, кто хотел бы снова видеть его у руля сборной, наверху предостаточно. Особенно в свете того разговора, который состоялся у него недавно с главой «Динамо»

Богдановым. Однако предвосхищать события Бесков не хотел. Поэтому вместо прямого ответа спросил:

– А ты зачем этот разговор завел – виды какие-то имеешь?

– Имею, Константин. Если у тебя такая возможность будет, скажи там наверху, что простые болельщики с тревогой наблюдают за тем, что в нашем футболе сейчас происходит. Красота из игры уходит, а вместо нее приходит голый рационализм. В бухгалтерию превращается наш любимый вид спорта.

– Думаешь, наверху это не видят?

– Думаю, видят, потому и пускаются на разного рода ухищрения – вот пенальти после ничейных результатов придумали пробивать. Знают, что сговариваются команды за спиной у судей. А то и вообще при их участии. Какой-то «Кодекс спортивной чести» на свет родили. Получается, эта самая честь из нашего футбола потихоньку улетучивается? А что же ей на смену приходит? Короче, случится такая оказия, передай наш разговор кому следует.

В это время пудель Фанечка, уставшая бегать одна по пустырю, начала отчаянно лаять своему хозяину. Видимо, она замерзла на промозглом ветру и захотела домой – в тепло. Поэтому Захаров достал из кармана поводок и стал наскоро прощаться. Глядя на то, как он пристегивает поводок к собаке и удаляется в сторону Библиотечной улицы, Бесков подумал: «Увидимся ли мы с тобой еще, Митяй, или это наша последняя с тобой встреча в этой суматошной и такой быстротечной жизни?»

8 октября 1973 года, понедельник, Москва, гостиница «Юность»

Оленюк и Игнатов приехали в МУР в начале десятого утра, чтобы начать поиски «боксера» (по фотороботу) сначала в здешней картотеке, а затем и в Центральной – по всему Союзу. Однако едва они собирались покинуть кабинет Игнатова, как на столе зазвонил телефон. Звонил начальник «убойного» отдела:

– Алексей, съезди на «Спортивную», в гостиницу «Юность». Там сегодня утром обнаружили труп мужчины – постояльца гостиницы с Украины. Говорят, что какая-то шишка из тамошней Федерации футбола. Вроде, самоубийство, но ты разнюхай все получше, потом доложишь.

– А можно я Оленюка с собой возьму? – спросил Игнатов.

– У него же другие дела в Москве есть? – удивился начальник.

– Это верно, но сами же говорите, что самоубивец из Киева.

В трубке наступило молчание – судя по всему, начальник «убойного» размышлял над просьбой своего подчиненного.

– Хорошо, пусть едет, если хочет.

Оленюк, естественно, захотел, едва услышал, кто сиганул из окна московской гостиницы. При этом не преминул заметить:

– Везет же мне на самоубивцев, причем на конкретных – на тех, кто из окон вываливается.

Когда они прибыли к месту происшествия, труп погибшего уже успели увезти в морг на вскрытие. Как выяснили муровцы у местных коллег, самоубивец выпал из окна своего номера на шестом этаже ночью. Причем окно выходило не на фасад гостиницы, а во двор, из-за чего труп был обнаружен только утром дворником, который убирал территорию гостиницы. Поднявшись в номер погибшего, муровцы увидели на столе предметы, обнаруженные на месте происшествия: почти пустую бутылку водки «Пшеничная», документы самоубийцы – паспорт и удостоверение на имя Клима Арсентьевича Пустовила – сотрудника Федерации футбола Украины, пачку денег на сумму в 126 рублей, а также клочок бумаги, на котором шариковой авторучкой были написаны две буквы «КВ» и четыре цифры: «6.9.9.6».

– Бумажку где нашли? – спросил Игнатов у местного инспектора милиции Андрея Сушкова.

– В кармане рубашки покойного, – последовал ответ.

– Какие мысли есть на ее счет? – не унимался Игнатов.

– Пока никаких, – пожал плечами Сушков.

– А мне кажется, я знаю, что обозначают эти буквы и цифры, – подал голос Оленюк, который до этого тщательно осмотрел одноместный номер. – Учитывая, что покойный приехал с Украины, буквы могут обозначать Киевский вокзал, а цифры – шифр ячейки в камере хранения, где он мог оставить свои вещи. Ведь последних в номере что-то не видно, а они должны быть.

– А ты сечешь, – похвалил приятеля Игнатов. – Еще какие мысли имеешь – выкладывай.

Но Оленюк решил поделиться своими догадками без посторонних ушей, поэтому вышел из номера и позвал с собой Игнатова. В коридоре они встали у бокового окна и Оленюк сказал:

– Ты будешь смеяться, Алексей, но я испытываю состояние, близкое к дежавю – это самоубийство смахивает на то, что случилось с массажистом в Киеве. Заметь, в обоих случаях присутствует бутылка водки, только разных наименований, и оба погибших имеют отношение к нашему футболу.

– Ты хочешь сказать, что это не самоубийство?

– Есть такое ощущение. Причем от самоубийцы наверняка должно разить водкой, как и от массажиста.

– Сейчас узнаем, – ответил Игнатов и удалился в номер.

Он вернулся спустя минуту и по его губам блуждала лукавая улыбка.

– Ты опять попал в точку, – сообщил он приятелю. – Но если нашему жмурику помогли выброситься из окна, значит, убийцу мог кто-то видеть – например, дежурная по этажу.

И они отправились в противоположный конец коридора – к входу на этаж, где находилась стойка дежурной. Ею оказалась пожилая женщина, которая сообщила, что она только что заступила на дежурство и поэтому ничего не видела.

– А кто дежурил до вас? – поинтересовался Игнатов.

– Ольга Петровна Кузина. Вон она стоит у окна, – и дежурная показала пальцем в нужном направлении.

У окна стояла женщина средних лет и нервно курила. Когда сыщики к ней подошли, они обратили внимание на ее прическу – волосы были плохо уложены. К тому же на лбу у женщины была заметна все еще проступающая на коже красная полоса, характерная для тех, кто долго спал за столом, уронив голову на руки.

Догадавшись, кто эти двое молодых людей, приближающиеся к ней, Кузина заявила:

– Я уже дала показания вашим коллегам.

– Наши коллеги представляют местное отделение милиции, а мы из МУРа, – сообщил Игнатов и развернул перед лицом женщины свое служебное удостоверение.

– Но я ничего нового рассказать вам не смогу.

– Тогда расскажите старое. Вы покойного хорошо знали?

– В каком смысле?

– В том, что он часто в вашей гостинице останавливался?

– Ах, это… Да, он частенько у нас жил, когда в Москву приезжал. Человек с виду порядочный, всегда здоровался при встрече и никаких скабрезностей себе не позволял.

– А гости к нему заходили?

– Нет, никого не было. Во всяком случае, я ни одного не видела.

– А вчера вечером, после того как он из Москвы вернулся, посторонние люди у него были?

– У него или не у него я точно не знаю. Но был один мужчина подозрительного вида. Правда, видела я его только мельком.

– Опишите нам его.

– Среднего роста, крепко сбитый, в коричневом плаще с

поднятым воротником.

– Нас интересует его лицо.

– Понимаете, я спросонья была, поэтому смутно помню его физиономию. В памяти отпечаталось только одно – нос у него скошен на сторону.

Услышав эту деталь, сыщики переглянулись. После чего вперед выступил Оленюк. Он достал из кармана, сложенный вчетверо фоторобот «боксера», и показал его женщине:

– Похож?

Увидев портрет, женщина едва не выронила из рук сигарету:

– Да, очень.

– Во сколько часов вы его видели?

– Около двенадцати ночи. Он проскочил мимо меня и почти бегом спустился по лестнице. Я еще подумала, почему не на лифте?

Сыщиков этот вопрос не терзал – они догадались, что «боксер» хотел как можно быстрее покинуть место преступления, а лестница была расположена ближе лифта. К тому же, пока бы он его дожидался, то стал бы прекрасным объектом для изучения со стороны дежурной. А это в его планы явно не входило.

Оставив женщину, Оленюк и Игнатов вышли на лестницу.

– Если здесь опять наследил «боксер», то получается, что это одна шайка-лейка, – заметил Игнатов. – И все это дело вертится вокруг футбола.

– Я же тебе говорил, что это какая-то разветвленная структура, если этот «боксер» ездит по разным городам и устраняет там футбольных деятелей, – поддержал размышления своего коллеги Оленюк. – Но уж больно трафаретно работает – без выдумки.

– Он же не знал, что ты так быстро на него выйдешь и окажешься в Москве, – предположил Игнатов. – А то, что он топорно работает – может, надеется на то, что в нашей уголовке работают профаны? Или все-таки уповает на то, что его «подвиги» будет кому прикрыть?

– А мне кажется, у него нет времени, чтобы обтяпать свои делишки более профессионально. Вот и повторяется. Но меня другое заботит: он сам на Пустовила вышел или его кто-то на него навел. Ты помнишь, что Кузина сказала: мол, Пустовил каждый раз здесь останавливался. Значит, убийца об этом знал.

– Намекаешь на ближайшее окружение? Но таких людей до черта может быть. Долго эту версию проверять придется. А вот другая ниточка может быть покороче – шифр ячейки на Киевском вокзале. Вот туда нам теперь и надо.

Спустя сорок минут сыщики были на вокзале. Но, к своему

сожалению, нашли искомую ячейку пустой. Судя по всему, преступник тоже сумел разжиться шифром ячейки и опустошил ее до прихода сыщиков.

В этот миг на глаза Игнатову попался постовой милиционер, который вышагивал неподалеку. Подойдя к нему и показав свое служебное удостоверение, муровец спросил:

– Вы случайно не видели, кто забирал вещи из этой ячейки?

Страж порядка в ответ лишь развел руками: дескать, не видел. Но затем внезапно сообщил:

– Так это же та самая ячейка, с которой вчера вечером случилось ЧП. Мне об этом мой сменщик рассказал – сержант Стрельников.

И милиционер в деталях поведал коллегам историю, которая приключилась вчера. И посоветовал пойти к их начальнику – майору Евгению Степановичу Рябику.

Пока они шли к майору, Игнатов поинтересовался у коллеги:

– Как думаешь, что это за деньги, которые отправили из Киева в Москву и забыли задокументировать – все-таки сумма внушительная?

– А ты сам прикинь, – и Оленюк даже остановился, чтобы объяснить свою версию более доходчиво. – Деньги эти, судя по всему, с душком, потому-то они нигде не фигурируют. А где работал покойный? В Федерации футбола Украины. Когда он сюда приехал? Аккурат перед матчем ЦСКА и киевского «Динамо». Матч как закончился? 3:0 в пользу армейцев. Что стало с деньгами? Они остались у Пустовила. Стало быть, какой вывод можно сделать?

– Что деньги предназначались в виде подкупа ЦСКА, но те почему-то их не взяли? – предположил Игнатов.

– Голова! – похвалил коллегу Оленюк и они вновь тронулись с места, чтобы уже спустя пять минут сидеть в кабинете у майора.

Узнав, зачем к нему пришли сыщики, Рябик еще раз пересказал им вчерашнюю историю, после чего покачал головой и грустно заметил:

– Чуяло мое сердце, что добром это дело не кончиться. Какой-то напряженный был этот украинец, будто что-то нехорошее совершил.

– Зачем же вы его отпустили? – удивился Оленюк.

– Потому что человек он был представительный – сотрудник Федерации футбола. К тому же мне же за него поручились.

– Кто? – почти одновременно спросили сыщики.

Майор на какое-то время ушел в себя, вспоминая фамилию человека, которому он вчера звонил по просьбе Пустовила.

– То ли Вольский, то ли Дольский, – теребя себя за мочку уха,

произнес, наконец, майор. – Помню, что отчество у него Карпович – я это запомнил, потому что рыбачить люблю. Но вы его быстро найдете – он ведь в союзном Спорткомитете большой пост занимает. Мне Пустовил его имя из своей записной книжки продиктовал. Вы эту книжку нашли?

Сыщики переглянулись – в вещах погибшего таковой обнаружено не было.

– Эврика! – в следующую секунду воскликнул майор. – Вспомнил я его фамилию: Зольский он, а не Вольский-Дольский.

8 октября 1973 года, понедельник, Киев, Десятинная улица, 8, квартира 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого

В здании ЦК КП Украины проходило республиканское совещание партийных секретарей, когда в перерыве к Щербицкому подошел его помощник Виталий Врублевский и сообщил:

– С Валеркой плохо.

Речь шла о сыне Щербицкого – 27-летнем молодом человеке, который был большой проблемой для своих родителей. Он еще в юношеские годы, учась в старших классах, пристрастился к алкоголю и с тех пор периодически доставлял своим родителям серьезные хлопоты, связанные с его срывами. Самое печальное, что парень он был неплохой и, главное, умный. Природа щедро наградила его феноменальной памятью, эрудицией, способностью к точным наукам. Валерий с детства много читал, «глотая» одну книгу за другой, занимался боксом, великолепно плавал, ныряя с высоченных скал, отлично стрелял. После школы он поступил в Киевский политех, затем окончил аспирантуру, защитил кандидатскую. Устроился на работу в институт Патона, где его считали талантливым инженером. Однако пристрастие к алкоголю никак его не отпускало, хотя родители перепробовали массу всевозможных средств, включая и обращение к светилам медицины. И теперь, услышав об очередном срыве сына, Щербицкий тяжело вздохнул и представил себе, каково сейчас его жене, матери Валерия – Раде Гавриловне. Она хоть и была женой всесильного хозяина Украины, но в обычной жизни была всего лишь рядовой учительницей словесности в 57-й киевской школе. Получился парадокс: наставляя чужих детей на правильный путь, эта женщина не сумела проделать то же самое с собственным сыном, что было для нее горше и обиднее всего. Поэтому единственной отдушиной для супругов Щербицких была их дочь

Ольга, которая никогда не доставляла им неприятностей.

– Из-за чего он сорвался на этот раз? – поинтересовался Щербицкий у своего помощника.

– Точно не знаю, но Погребняк в курсе – он сейчас у вас дома на Десятинной. Там же и Валерка – он утром вернулся домой уже в разобранном состоянии.

– Хорошо, пусть продолжают совещание без меня, а я отлучусь, – сообщил Щербицкий и направился к выходу из кабинета, примыкавшего к залу заседаний.

Поскольку от здания ЦК КП Украины на улице Орджоникидзе до дома Щербицких на Десятинной было чуть больше пяти минут езды, шофер Александр Баранов довез главу Украины без всяких проблем. С ними был еще и телохранитель, который расположился на сиденье рядом с водителем, в то время как персек расположился сзади.

Войдя в свою квартиру, Щербицкий еще из коридора увидел жену, которая сидела в кресле в гостиной и прижимала к лицу платок. Было видно, что она уже выплакалась и теперь неподвижно сидела в углу и отрешенно смотрела в одну точку. Мимо нее сновали врачи, которые ставили капельницу Валерию. Судя по всему, он и в этот раз наотрез отказался ехать в больницу, предпочтя больничным покоям домашние условия.

Когда Щербицкий снял плащ и повесил его на вешалку, к нему подошел врач – хорошо знакомый ему нарколог из цековской больницы.

– Добрый день, Владимир Васильевич, – поздоровался медик с хозяином дома и сообщил: – Ситуация с вашим сыном стабилизировалась, он лежит под капельницей.

– Опасность какая-то есть? – поинтересовался Щербицкий.

– Нет, мы приехали вовремя, – ответил медик и улыбнулся.

В это время появление супруга заметила его жена, которая тут же встала с кресла и бросилась к мужу. И слезы с новой силой потекли из ее глаз.

– Успокойся, Рада, – обняв жену за плечи, попросил Щербицкий и снова усадил женщину в кресло.

После этого он заглянул в комнату сына. Тот лежал с закрытыми глазами в постели, рядом стояла капельница, которую поправляла молодая медсестра. Прикрыв дверь, Щербицкий сделал жест рукой Якову Погребняку, который стоял у окна: дескать, следуй за мной. Они уединились в другой комнате, где кроме них никого не было.

– Ну, рассказывай, Яков, что случилось.

Погребняк был министром торговли Украины, но не менее важной его должностью был пост куратора футбольного клуба

«Динамо» (Киев), который он опекал по личному распоряжению Щербицкого. Тот слыл ярым болельщиком и любил футбол с младых ногтей – еще когда сам гонял мяч на пыльных улицах города Верхнеднепровска. Эта страсть к футболу передалась и сыну Щербицкого – Валерию, который теперь лежал под капельницей. И, как оказалось, футбол в этом деле сыграл решающую роль.

– Вчера наши ребята проиграли ЦСКА – вот Валерка и сорвался, – ответил Погребняк. – Вы же знаете, как он мечтает, чтобы наше «Динамо» снова стало чемпионом.

– А почему оно, кстати, проиграло? – глядя в глаза собеседнику, спросил Щербицкий.

– Не знаю, Владимир Васильевич, – пожал плечами Погребняк. – Мы послали в Москву гонца, чтобы он уладил эту проблему. Тот телеграфировал, что сделка состоялась. Но перед самой игрой произошло что-то непредвиденное. По нашим сведениям, в дело лично вмешался министр обороны Гречко.

Услышав эту фамилию, Щербицкий напрягся – шутить с этим человеком было опасно и это не входило в планы хозяина Украины. Поэтому он спросил:

– Гречко могло быть что-то известно о нашем гонце?

– Трудно сказать, – вновь пожал плечами Погребняк. – Но мы можем это выяснить.

– Да уж, постарайся, Яков, – Щербицкий подошел к окну и, слегка отодвинув занавеску, выглянул на улицу.

После чего снова обернулся к собеседнику и спросил:

– Валерка пил один или с кем-то?

– Один, сразу после матча. Если дальше так пойдет, то мы потеряем парня.

– Ты о чем?

– Не о чем, а о ком – о Сашке Петрашевском. Надо вызывать его из Днепропетровска, чтобы Валерку вытаскивал.

Речь шла о закадычном друге сына Щербицкого, с которым Валерий близко сошелся в 1963 году, когда ему было 17 лет, а Петрашевскому на восемь лет больше. Александр тогда играл за футбольную команду «Днепр», а попутно учился в местном институте физкультуры. Из всех приятелей Валерия именно Александр оказался самым нормальным – когда Щербицкий-младший находился подле него, никаких дурных мыслей в его голову не приходило. Это была настоящая и бескорыстная дружба двух разных по возрасту людей. Увы, но она была вскоре прервана. В 1965 году Щербицкого-старшего, два года возглавлявшего Днепропетровский обком партии, вновь перевели на работу в Киев – снова назначили председателем Совета

министров Украины (этот же пост он занимал в 1961–1963 годах). В итоге Валерию и Александру пришлось расстаться, хотя связь они не прерывали – перезванивались и переписывались, а иногда и встречались. Александр в 1966 году повесил бутсы на гвоздь и стал начальником команды «Днепр». И сколько Щербицкий-старший не уговаривал его переселиться в Киев поближе к сыну, Александр отвечал отказом – он не мог бросить свою команду, которая в 1971 году вышла в высшую лигу.

– Ты разве не знаешь, что Сашка отказывается переезжать в Киев? – задал вопрос Щербицкий, который напрашивался сам собой.

– Знаю, но там все дело в Лобановском. Если мы возьмем его в «Динамо», вместе с ним приедет и Петрашевский.

– Ты опять за старое? – Щербицкий недовольно поморщился. – Есть у нас тренер – Александр Севидов его зовут.

– Он свое уже отработал, – возразил Погребняк. – Три года у нас работает, но своим так и не стал. Нам свой человек нужен, с Украины. И лучше Лобановского человека не найти.

– Чем же он отличается от других?

– Мыслит по-современному, по-европейски. Но главное – Петрашевский вместе с ним переедет в Киев. То есть, два добрых дела сделаем: и наше «Динамо» освежим новыми идеями, и Валерию поможем.

Последняя фраза снова напомнила Щербицкому о том, по какому поводу он пришел домой, так внезапно сорвавшись с ответственного совещания. И эта причина больше всего заставляла его прислушаться к словам Погребняка. Судьба сына терзала душу Щербицкого, буквально выворачивала ее наизнанку. Про эти срывы знал уже чуть ли не весь Киев, что накладывало отпечаток и на авторитет хозяина Украины. Терпеть это дальше было невозможно. Поэтому к предложению Погребняка Щербицкий не мог не прислушаться.

– Как мы объясним Севидову, что больше не нуждаемся в его услугах, если он сделает нашу команду чемпионом, да еще, глядишь, завоюет и Кубок СССР? – первым нарушил молчание Щербицкий. – Над нами же вся страна смеяться будет!

– Мы скажем ему спасибо и проводим с почетом. И объясним, что собираемся строить другую команду.

– Какую такую другую?

– Базовую команду для сборной. Надо нашей Украине уже весь Союз представлять на международной арене. Разве это плохая идея?

Щербицкий с интересом посмотрел на Погребняка:

– Ну-ка, здесь поподробней.

– С Севидовым эту идею не осилить – он человек пришлый, москаль. А вот с Лобановским в самый раз. Если дать ему развернуться, то он сделает из нашего «Динамо» настоящую команду-машину. В «Днепре» у него такой возможности нет, а в Киеве сколько угодно. Создадим суперклуб, который станет базовой командой нашей сборной. И, главное, Лобановскому не надо будет уезжать в Москву, чтобы руководить главной командой страны. А пока из Москвы слух пришел – Горянского собираются снимать, а вместо него хотят назначить Константина Бескова. А как бы хорошо было, если бы сборная под нами ходила.

Погребняк закончил свой монолог и с нетерпением ждал ответа. Но Щербицкий не торопился его давать. Он мучительно решал дилемму, как ему быть. С одной стороны, ему хотелось помочь своему сыну, который буквально погибал на глазах. Но в то же время он не хотел выглядеть самодуром в глазах всего мира. Ведь если Севидов приведет команду к золотым медалям и Кубку СССР, его увольнение будет расценено именно как самодурство Щербицкого. И что тогда ему делать: объяснять всем и каждому, что он снял Севидова потому, что его сын пьет горькую? Нет, здесь необходимо было придумать что-то более разумное.

– Нет, Яков, увольнять Севидова мы будем только в том случае, если наша команда потерпит с ним фиаско либо в первенстве, либо в Кубке, – нарушил, наконец, тишину Щербицкий. – А с Петрашевским я сам лично поговорю – меня он не посмеет ослушаться.

– А как быть с Лобановским? – не скрывая своего разочарования, спросил Погребняк.

– Пока посидит в «Днепре», а там видно будет.

И Щербицкий, не попрощавшись, уехал обратно в ЦК.

Проводив его до дверей, Погребняк зашел к Валерию. Тот лежал в комнате один, а рядом с его кроватью стояла капельница.

– Ну, что сказал отец? – с надеждой в голосе спросил Щербицкий-младший, приподнявшись на локте.

Это была его идея – вывести Погребняка на разговор с отцом по поводу перевода Лобановского и Петрашевского в Киев.

– Никак, – развел руками вошедший. – И его понять можно. Ну, как он уволит человека, который может привести команду к двойной победе?

– А если не приведет?

– Вот тогда другое дело. Он так и сказал: дескать, если что-то у Севидова не сложится, тогда у нас руки развяжутся. А пока они связаны.

– Значит, надо их развязать.

– В каком смысле? – не понял Погребняк.

– В прямом – сделать так, чтобы Севидов проиграл.

– Что проиграл?

– А что у нас в ближайших планах – Кубок? Вот его и надо продуть.

– Да ты в своем уме?! Мы уже благодарственные грамоты напечатали нашим ребятам и значки на Гознаке заказали.

– Ничего, это все можно отменить, – отмахнулся Валерий. – Главное – Севидова отцепить. Ведь если он останется, к чертям полетит наша идея с Лобановским. А он нам нужен, чтобы новую команду сделать и на сборную замахнуться. Мы же с вами сто раз об этом говорили, Яков Петрович!

– Но как ты себе это представляешь – проиграть Кубок, до которого осталось всего два дня? Мы что выйдем к команде и прямо ей об этом сообщим?

– Мы же с вами не дураки, чтобы так поступать – тоньше будем работать. Надо по ходу игры сделать так, чтобы наша команда ослабла. Например, убрать с поля Буряка с Блохиным. А у армян такое нападение, что оно после этого в клочья разорвет наших.

– Если бы это мне говорил не ты, я бы подумал, что это кажет какой-то треклятый москаль, – ударил себя по ляжкам Погребняк. – Но это говоришь мне ты – фанат нашей команды и сын Щербицкого?!

– Да, это говорю я, – твердо произнес Валерий. – Но почему я так делаю? Потому, что я – именно фанат киевского «Динамо». И я понимаю, что не нужен ему такой тренер, как Севидов – ему Лобановский нужен. Вы посмотрите, что в Европе делается. Там голландский «Аякс» всех рвет своим «тотальным футболом». И нам тоже надо к нему переходить. Но с кем – с Севидовым, который его на дух не переносит? Поэтому, чтобы его убрать, приходится чем-то жертвовать. Пусть это будет союзный Кубок – с нас не убудет. Мы с Лобановским сто таких кубков завоюем и столько же золотых медалей.

Сказав это, Щербицкий-младший упал головой на подушку и затих. Глядя на его страдальческое лицо, Погребняк вдруг ясно осознал, что не сможет ему отказать. Слишком многим он был обязан Щербицкому-старшему, чтобы пренебрегать просьбами его сына.

– Хай будэ по-твоему, Валерий, – нарушил тишину Погребняк. – И делаю я это только ради твоего отца.

– А также ради нашего украинского футбола, – добавил Валерий, лицо которого озарила счастливая улыбка.

8 октября 1973 года, понедельник, Чили, Сантьяго, резиденция Аугусто Пиночета

Генерал Пиночет принимал в своей резиденции важного гостя – помощника государственного секретаря США по межамериканским делам Джека Рубича. Тот прилетел в Чили несколько часов назад и, после кратковременного посещения американского посольства в Сантьяго, прибыл на прием к Пиночету. С собой он привез несколько важных бумаг: личное письмо от президента США Ричарда Никсона, а также послания от госсекретаря Генри Киссинджера и директора ЦРУ Ричарда Хелмса. В письмах выражалась поддержка проводимых Пиночетом и его командой реформам и давались конкретные рекомендации относительного того, как должны развиваться события в Чили в дальнейшем.

Пока генерал читал эти послания, Рубич сидел в мягком кресле, медленно потягивал из бокала ром и курил сигару. Наконец, Пиночет дочитал последний документ и, спрятав его в папку, лежавшую на столе, тоже взял в руки бокал с ромом. Усевшись в такое же кресло напротив гостя, генерал заметил:

– Когда слишком много советчиков, всегда есть риск ошибиться.

– Кажется, до этого наши советы вам не мешали, – тут же отреагировал на эту реплику гость.

– Почему же – мешали, – и по губам генерала пробежала легкая усмешка. – Например, когда вы учили нас, военных, совершать перевороты.

– Хотите сказать, что без нас у вас получилось бы так же легко сместить Альенде?

– Он сам выкопал себе могилу гибельными реформами – нам осталось только воспользоваться этим. Впрочем, я нисколько не хочу умалить ваших стараний в этом деле, – и Пиночет салютовал гостю своим бокалом.

– Значит, вы не против, чтобы мы сотрудничали с вами и дальше?

– Если ваши советы не будут касаться военной сферы – в этом деле для меня нет авторитетов, кроме меня самого.

– Вы правы: дело военных воевать, но вот договариваться – прерогатива политиков. А вашему режиму сейчас как раз нужно уметь договариваться.

– Думаете, мы не справимся?

– Без нас – нет. Внутри страны вам нужно налаживать экономику, устанавливать отношения с христианскими демократами, а вовне – противостоять акциям Восточного блока,

который уже активно создает из вашего режима фашистского монстра.

– Да, я читаю левую прессу – иначе, чем фашистами нас там не называют. На что я могу сказать только одно: лучше фашисты, чем коммунисты. И вообще, демократию необходимо время от времени купать в крови, чтобы она оставалась демократией.

– Надеюсь, в своих СМИ вы об этом заявлять не будете?

Вместо ответа генерал рассмеялся и вновь салютовал гостю своим бокалом. Было видно, что Пиночет пребывает в прекрасном настроении и это было объяснимо – он уже больше месяца находился во главе страны и его положение было прочным. Подавляющая часть чилийцев встретила приход к власти военных если не с одобрением, то без активного протеста. Впрочем, учитывая, что блок Альенде получил на выборах 1970 года всего 36 % голосов и никогда не имел в стране поддержки абсолютного большинства, удивительного в этом было мало. Та же ситуация была и на верхних этажах чилийского общества. Два бывших президента Чили – непосредственный предшественник Альенде Эдуардо Фреи Монталва и президент от левого блока в 1947–1952 годов Габриэль Гонзалес Видела, выступили с публичной благодарностью военным. Кроме этого, переворот поддержала крупнейшая Христианско-демократическая партия и Верховный Суд Чили.

Уже спустя неделю после переворота в стране возобновилось пассажирское авиасообщение, был открыт транзит через пограничные пункты, и возобновили вещание все радиостанции, кроме принадлежавших коммунистам и социалистам (эти партии единственные были объявлены вне закона). Жестокие репрессии обрушились на противников нового режима, но те, кто тихо сидел по своим домам и не протестовал, почти ничем не рисковали. Хунта не собиралась создавать себе искусственных врагов, ей было достаточно уже существующих. Против них был создан «Караван смерти» – специальное подразделение, состоявшее из нескольких офицеров чилийской армии во главе которых стоял генерал Серхио Арельяно. Имея на руках документ, согласно которому он являлся «представителем главнокомандующего и главы правительства (хунты)», Арельяно и его люди объезжали военные тюрьмы и приводили в действие смертные приговоры над политическими противниками режима Пиночета. Тела погибших не выдали родным для погребения – их хоронили в непомеченных могилах, и даже сам факт расправы властями тщательно скрывался.

– Я совершенно согласен с вами, генерал, в части неприятия коммунистов и их идеологии, – продолжал свою речь Рубич. – Их

главная ошибка в том, что они заблуждаются в своих оценках рода человеческого. Коммунисты уповают на то, что человек в основе своей есть существо глубоко возвышенное и порядочное, а его недостатки легко исправляются. На самом деле подавляющая часть людей не хочет расставаться со своими недостатками и даже пороками. Они живут инстинктами и хотят лишь одного – вкусно есть и сладко спать. Аскетизм, который проповедуют коммунисты, большинству людей чужд. Поэтому их идеология недолговечна. Пройдет еще пятнадцать-двадцать лет и миром будут править одни обыватели, которым не нужны будут высокие идеи.

– Это вы к чему? – не скрывая своего удивления, спросил Пиночет.

– К тому, что вы тоже должны активно формировать обывателя. Давайте ему побольше хлеба и зрелищ, и он не будет вынашивать планов по свержению режима. Его уделом будет набивать себе брюхо и пялиться в экран телевизора. А также ходить на стадион. Кстати, вы помните, что к вам собирается приехать международная комиссия из ФИФА с целью инспекции вашего главного стадиона?

– Мы вправе ее к нам не пустить, – ответил генерал, допивая свой ром.

– Это было бы глупо в свете того, что я вам только что рассказал, – покачал головой американец. – Футбол ведь у вас очень популярен и было бы недальновидно этого не учитывать. Ваша сборная прекрасно выступила в Москве, сыграв вничью с Советами. Теперь дело за малым – отправить ее на чемпионат мира и дать простым чилийцам возможность наблюдать за ее выступлениями по телевидению.

– Я сомневаюсь, что наша сборная там выступит достойно.

– А это неважно, генерал – главное участие, а не результат. Пусть ваши пропагандисты постараются и распишут даже провальное выступление сборной Чили так, чтобы у вашего народа дух захватило от гордости. Если они этого не смогут, то им помогут наши пропагандисты. Собственно, именно для этого я сюда и прибыл – помогать вам в такого рода делах.

– Вы всерьез думаете, что нашему народу сейчас нужен футбол? – продолжал сомневаться Пиночет, наливая себе в рюмку новую порцию рома.

– Не просто нужен, а необходим. Вы вспомните, что было полгода назад, в июне, когда ваша лучшая команда «Коло-Коло» вышла в финал Кубка Либертадорес и встретилась там с аргентинским «Индепендьенте» – какой ажиотаж тогда стоял в стране.

– И к чему он привел – к разочарованию, – напомнил гостю об итогах этого события генерал. – Наши все равно проиграли.

– То разочарование было итогом бездарной работы пропагандистов социалиста Альенде, которые не смогли выжать из этого события максимум выгоды. Ведь поражение иной раз может объединить нацию даже сильнее, чем победа. Надо лишь приложить для этого усилия. Альенде и его команда этого сделать не захотели или не сумели. Что, впрочем, пошло нам только на пользу. Пусть не в июне, когда провалилась первая попытка переворота, так хотя бы в сентябре. Однако вы не должны идти по стопам Альенде.

– Я и не собираюсь, – жестко ответил генерал.

– Поэтому вы должны пустить к себе комиссию из ФИФА и показать им свой стадион. Там, кстати, уже закончились расстрелы? Если нет, то тогда придется закончить – хотя бы временно. Стадион должен выглядеть спортивным сооружением, а не концлагерем – тогда нам будет легче представить всему миру ваш режим как цивилизованный.

– Но кто вам сказал, что ФИФА захочет плясать под вашу дудку, а не под советскую?

– Господин Пиночет, мы же с вами в начале разговора разграничили сферу нашей компетенции: вы отвечаете за военную область, а я за политику. Улаживать проблему с ФИФА – это сфера большой политики. Мы имеем подходы к господину Роузу, поскольку он англичанин. Поэтому я могу вас заверить с девяностопроцентной долей вероятности: ваша сборная по футболу будет участвовать в чемпионате мира, а советская нет.

– Но десять процентов сомнений все-таки остаются?

– Конечно, поскольку я не господь бог! – всплеснул руками Рубич, едва не расплескав недопитый ром из бокала.

После этого в разговоре наступила небольшая пауза, которая понадобилась для того, чтобы американец допил свой ром и подставил бокал для новой порции.

– Итак, вы принимаете комиссию ФИФА и нацеливаете свою пропаганду на воспевание успехов своей футбольной сборной, – продолжил свою мысль Рубич. – Кстати, в ней нет того раскола, который царит сегодня в чилийском обществе относительно вашего режима?

– Насколько я знаю, там оказалось лишь двое недовольных.

– Кто такие?

– Тренер Руди Гутендорф и один из футболистов – Карлос Гарридо. Но первый, как мне сообщили, уже сбежал, поскольку понял, что его здесь поставят к стенке. Он ведь был приятелем Сальвадора Альенде, который и пригласил его в сборную.

– Кто же будет тренировать вашу команду теперь?

– Луис Аламос. Он работал со сборной на двух чемпионатах мира – в 62-м и 66-м. Возьмет ее и в этот раз – никуда не денется. А что касается Гарридо, то он всегда придерживался левых взглядов, к тому же у него венгерские корни.

– Хороший игрок?

– Неплохой, шесть лет играет у тех же «индейцев» (так в Чили называли команду «Коло-Коло», которая была названа так в честь вождя индейцев мапуче (арауканов) Колоколо, поднявшего свой народ на борьбу с испанскими завоевателями). Но мы его проучим, чтобы другим было неповадно.

– А вот этого делать ни в коем случае нельзя, – самым категоричным тоном заявил американец. – Оставьте в покое футболиста – пусть он отправится на чемпионат мира вместе со всеми. Таким образом вы продемонстрируете всему миру свою демократичность, выбив козыри у коммунистических пропагандистов.

– Вы думаете? – с сомнением в голосе спросил Пиночет.

– И думать нечего – пусть этот Гарридо играет во славу чилийского футбола, а также режима генерала Пиночета.

Последние слова пришлись явно по душе генералу – он рассмеялся и вновь салютовал своим бокалом гостю.

– Повторяю еще раз, генерал – дайте народу побольше зрелищ, чтобы он поскорее забыл Альенде, – залпом осушив свой бокал, произнес американец. – Пусть он прилипнет к своим телевизорам или радиоприемникам и тешит свои мозги красивыми картинками. Ведь вы уже распорядились закрыть в стране собственное кинопроизводство и это правильно. Альенде испортил ваш кинематограф, подпав под влияние кубинцев. Все эти социальные фильмы чрезвычайно опасны. Да и не нужны они большинству народа. Кино вам теперь будем поставлять мы, американцы, а не кубинцы или европейцы. Разного рода дешевые боевики и мелодрамы. Поскольку у вас в стране действует комендантский час, то люди будут рано приходить домой и единственным развлечением для них будет телевизор. С его помощью вы воспитаете новое поколение обывателей – абсолютно аполитичное. Ведь тот же футбол – это одно из эффективнейших средств манипуляции толпой. Вот почему очень важно, чтобы ваша сборная попала на чемпионат мира – таким образом мы отвлечем миллионы чилийцев от политики, заставим их пялиться в телевизор и переживать за этих футбольных болванчиков. И вот почему нам важно, чтобы советская сборная на этот чемпионат не попала. Мы лишим миллионы советских мужчин любимого зрелища, чтобы они побольше думали о политике. Пусть у них от

нее будет изжога, нам это только на руку – тем быстрее они возненавидят своих правителей.

– Но если русские раскусят вашу игру и согласятся приехать сюда, чтобы сыграть с нашей сборной?

– Это слишком тонкая игра для русских – они ведь очень догматичны, – усмехнулся Рубич. – Нет, они будут упрямо стоять на своей позиции, которая отвечает их идеологии.

– В таком случае, сделайте так, чтобы они и дальше не попадали ни на какие чемпионаты, – посоветовал американцу Пиночет.

– А что, это хорошая идея – мы подумаем над этим, – улыбнулся Рубич. – Но пока нас заботит ваша страна, каудильо. До чемпионата мира еще далеко, а зрелища народу нужны уже сейчас. Вам необходимо создать нечто такое, что отвлечет нацию от переворота. И лучше, если это будет не привозной, а свой собственный национальный продукт. Им могут стать разного рода спортивные шоу. Например, устройте в ближайшее время в Сантьяго какой-нибудь турнир.

– Футбольный? – спросил генерал.

– Не обязательно, тем более, что футбола чилийцам хватит с лихвой в следующем году. Я имею в виду нечто другое – то, что в Чили любят не меньше футбола.

– У нас еще в большом почете бокс, – сообщил Пиночет, который сам очень любил этот вид спорта, который начал активно развиваться в Чили еще в 20-е годы.

– У вас есть известные боксеры? – поинтересовался американец, который никогда не увлекался боксом.

– Каждый чилийский мальчишка знает имена таких выдающихся в прошлом бойцов ринга, как Клаудио Негрон, Рамон Сапата, Карлос Манрикес или кумир сегодняшних дней Мартин Варгас. Только я сомневаюсь, что нынешние боксеры согласятся участвовать в таком турнире. Тем более если мы, как вы выражаетесь, должны действовать цивилизованно.

– Не обязательно приглашать на это соревнование именитых боксеров, – отмахнулся от этих слов генерала американец. – Даже лучше будет, если это будет любительский турнир. Люди любят соревнования, где зажигаются новые звезды. Такой турнир даже можно назвать соответствующим образом – например, «Будущие звезды чилийского бокса». У вас же здесь устанавливается новая власть, значит, должны появиться и новые кумиры. Как вам такая идея, генерал?

Встретившись взглядом с Пиночетом, американец понял, что его затея прошла «на ура». В глазах генерала читался искренний интерес, который давал надежду гостю на то, что и другие его

предложения будут встречены каудильо с таким же воодушевлением.

8 октября 1973 года, понедельник, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

Зольский смотрел в глаза своему собеседнику и видел, как они буквально наливаются кровью. Это его испугало и он попытался разрядить обстановку. Не вставая со своего места, он достал из стола нераспечатанную бутылку виски и две рюмки.

– Что мы с тобой собачимся, Коля – давай лучше выпьем, – произнес Зольский и с шумом открутил винтовую крышку у бутылки.

После чего разлил виски по рюмкам. Он уже полчаса сидел с генерал-майором милиции Николаем Двигубским и водил его за нос, валяя дурака – пытался убедить его в том, что ему ничего неизвестно об изменении ставок в подпольном тотализаторе, которые касались матчей последних туров. Хотя на самом деле он прекрасно знал, как обстоят дела наверху турнирной таблицы и внизу нее – кого должны сделать чемпионом страны, а кого отправить в низший дивизион. А от этого, естественно, зависели и ставки, которые, по устоявшейся традиции, в конце сезона всегда возрастали в геометрической прогрессии. Однако круг людей, посвященных в закулисные дела подпольного тотализатора, был не слишком обширен и генерал-майор милиции Двигубский в него не входил. Но с недавних пор – после того, как он пошел на повышение и стал заместителем начальника управления ГАИ МВД СССР – он стал претендовать на то, чтобы его включили в круг «посвященных». Но этот вопрос среди «тотошников» решался коллегиально и происходило это не сразу, поэтому Вольского никто не уполномочивал раскрывать перед милиционером всех секретов. Вот он и ломал перед ним дурака, уверяя в том, что изменения ставок до него еще не дошли.

– Ты мне своим виски рот не заткнешь, – продолжал нервничать Двигубский. – Ты мне прямо скажи: на какой результат мне ставить в послезавтрашнем кубковом матче. Я за этот месяц уже четыре раза погорел в общей сложности на восемь тысяч рублей.

– Это в чем же ты напортачил?

– Думал ЦСКА у «Пахтакора» выиграет, а он он проиграл.

– Так армейцы же на выезде этот матч играли? – удивился Зольский.

– Ну и что? Перед этим ташкентцы 0:4 тбилисцам уступили, а ЦСКА по у «Карпат» выиграл. Вот я и понадеялся. Потом думал, что московские динамовцы у «Спартака» в основное время выиграют, а они это сделали по пенальти. А затем динамовцы еще и «Арарат» обыграли у него дома – этого я вообще не ожидал. Наконец, «Пахтакор» опять выиграл – на этот раз у минчан, да еще у них дома.

– Надо же, как тебя узбеки подставляют, – покачал головой Зольский. – А ты письмо Рашидову напиши: дескать, так мол и так, Шараф Рашидович, нельзя ли вас попросить переговорить с вашими футболистами, чтобы они пореже выигрывали и почаще проигрывали, а то у меня ставки в тотализаторе не сходятся.

– Тебе смешно, а я по деньгам почти на целый автомобиль «Волга» прокололся! – сообщил генерал.

– Что для тебя «Волга», Коля? – завинчивая пробку на бутылочное горлышко, заметил Зольский. – Ты же на одних спецталонах в месяц можешь заработать несколько «косых».

– А ты не считай деньги в чужом кармане, Карпыч – я же твои не считаю, – живо отреагировал на эту реплику генерал. – Ты ведь тоже не прозябаешь – тебе ходоки из южных регионов регулярно башли подвозят за то, чтобы ты помог им то судью нужного на матч отправить, то дефицитные фонды выбить. А сколько тебе судьи отстегивают за то, что ты их отправляешь международные матчи судить?

– Хорошо, Коля, не будем друг друга тыкать носом в дерьмо, – вскинув ладони вверх, произнес Зольский. – Но ты явно переоцениваешь мои возможности – я не в курсе, кто победит в этом кубковом матче.

Однако поймав очередной гневный взгляд своего собеседника, Зольский тут же внес поправку в свои слова:

– Пока не знаю. Но обещаю тебе: завтра я буду располагать всей исчерпывающей информацией.

– Но завтра уже 9-е – до матча останутся сутки! – взвился генерал. – А это значит, что изменение ставки в столь близкие к матчу сроки грозит мне потерей процентов с выигрыша.

– Лучше потерять проценты, чем всю сумму, Коля. Или я не прав? Впрочем, мое дело предложить, а твое отказаться – выбирай.

Но выбрать генерал не успел. В следующий миг по громкой связи с Зольским связалась его секретарша:

– Леонид Карпович, к вам посетители.

– Ниночка, я занят, пусть подождут, – раздраженно ответил Зольский.

– Но они не могут долго ждать.

– Что, значит, не могут? – пуще прежнего взвился Зольский.

– Они из уголовного розыска.

В кабинете наступила такая тишина, что было слышно, как на руках у генерала тикают его массивные командирские часы.

– Хорошо, Ниночка, я приму их через пару минут, – ответил Зольский и отключил громкую связь.

– Тебе, Коля, лучше уйти незаметно, – поднимаясь со своего места, обратился Зольский к генералу. – Вот в эту дверь.

И он сам открыл перед гостем неприметную дверцу за угловым шкафом, которая вела в коридор, по которому можно было выйти на улицу через служебный выход.

– Я согласен с твоим предложением, – прежде чем выйти, сообщил Двигубский.

– Вот и отлично – завтра жди моего звонка в первой половине дня, – ответил Зольский и похлопал генерала по спине, торопя с уходом.

Едва он удалился, Зольский подошел к главной двери и, открыв ее, попросил гостей зайти.

Пришедшими оказались Игнатов и Оленюк. Услышав, что последний представляет киевский уголовный розыск, Зольский удивился:

– В МУРе не хватает людей, что их вызывают из Киева?

– У нас одна страна, Леонид Карпович, и цели одинаковые – беспощадная борьба с преступностью, – придав своему лицу серьезное выражение, ответил Оленюк.

Когда гости уселись на стулья, а Зольский занял свое место во главе стола, Игнатов спросил:

– Леонид Карпович, вам знаком такой товарищ – Пустовил?

– Клим Арсентьевич? Конечно, знаком – он работал в Федерации футбола Украины.

– Почему работал? – удивился Оленюк.

– Я хотел сказать работает, – тут же поправился Зольский, но по выражению его лица было понятно, что он явно растерялся.

Правда, длилось это недолго – всего лишь мгновение.

– Когда вы видели его в последний раз? – продолжал спрашивать Игнатов.

– Я его не видел, я с ним разговаривал по телефону. Вернее, не с ним, а с милиционером, который его задержал.

– Что за милиционер?

– Некий майор, фамилии его я не помню. Он позвонил мне вчера вечером и сообщил, что Пустовил задержан с большой суммой денег на Киевском вокзале. Кажется, около тридцати тысяч рублей было при нем. Так вот майор просил подтвердить предназначение этих денег, поскольку Пустовил заявил, что

привез их в Москву, якобы, для нашего Спорткомитета, но не имел на руках никаких сопроводительных документов.

– А эти деньги действительно предназначались вашей организации?

– Я об этом ничего не знаю – надо узнать в нашей бухгалтерии.

– Мы там были – там разводят руками.

– Вот и я сказал об этом майору: дескать, ведать не ведаю, что это за деньги. Тогда майор попросил поручиться за Пустовила, что я и сделал. Он ведь не мошенник какой-то – он ответственный работник. Да вы можете сами в этом убедиться – свяжитесь с ним и расспросите его самого обо всем.

– Мы бы рады, но товарища Пустовила больше нет – он погиб вчера ночью.

– Как погиб? – и секунду назад безмятежное лицо Зольского вытянулось.

– Представьте себе, выпал из окна.

– Что вы говорите? Ужас какой, – Зольский поднялся со своего места и подошел к окну, где на подоконнике стоял графин с водой.

Налив себе почти полный стакан, хозяин кабинета залпом его осушил. После чего повернулся к гостям и спросил:

– И как вы думаете, почему он это сделал?

– Что именно? – насторожился Игнатов.

– Ну, выбросился из окна – вы же сами сказали.

– А вы как думаете, почему? У него могли быть на это причины?

Прежде чем ответить, Зольский вернулся к столу и вновь сел в кресло.

– Ума не приложу, что с ним могло случиться, – пожал плечами чиновник. – Ведь не из-за проигрыша киевлян армейцам он решил наложить на себя руки?

– Действительно, это было бы странно, – подал голос Оленюк, до этого молчавший. – Среди болельщиков киевского «Динамо» таковых до сего дня еще не было.

– Вот и я о том же, – согласился с этими словами Зольский и потянулся за пачкой сигарет, которая лежала рядом с ним.

– А вы сами где были в этот период? – задал неожиданный вопрос Игнатов.

– Что вы имеете в виду? – спросил Зольский, а его рука замерла на полпути.

– Я имею в виду промежуток времени примерно с одиннадцати часов вечера до утра.

– Как где был – дома, естественно.

– А кто может это подтвердить?

– Моя жена Изольда Марковна и ее мать, которая вчера ночевала у нас, – сказав это, Зольский достал из пачки сигарету и закурил.

После чего добавил:

– Причем с тещей у меня натянутые отношения, поэтому она врать не будет. Наоборот – дай ей повод и она с удовольствием упечет меня за решетку.

– Спасибо, мы обязательно это проверим, – пообещал Игнатов и первым поднялся со стула.

В коридоре он спросил у коллеги:

– Ну, как тебе этот субчик?

– Явно юлит, – ответил Оленюк. – На счет его алиби лично я не сомневаюсь, но вот другое… Во-первых, он проговорился, впопыхах похоронив Пустовила. Может, конечно, оговорился, а, может, и нет. А во-вторых, стул подо мной был еще теплый. Значит, на нем за минуту до нас кто-то сидел. Но вышел этот некто не через главную дверь, а через боковую – ту, что за шкафом. Спрашивается, почему?

– Видно, Зольский не хотел, чтобы этот посетитель попадался нам на глаза, – предположил Игнатов.

– Вот и я о том же – большой прохиндей этот Зольский. А, может, и хуже.

– Думаешь, он все же причастен к убийству Пустовила?

– А вот это, дорогой мой, можно узнать оперативным путем – установив за Зольским наблюдение. И чем скорее, тем лучше.

– Тогда едем на Петровку за разрешением, – предложил Игнатов и тут же добавил: – Правда, трудно будет такую санкцию получить – он же номенклатурный работник.

– Но все же не партчиновник? – высказал надежду Оленюк.

– Именно это и дает нам пусть маленький, но все-таки шанс, – согласился Игнатов и первым направился к выходу.

8 октября 1973 года, понедельник, Киев, улица Орджоникидзе, ЦК КП Украины, кабинет Владимира Щербицкого

Щербицкий сидел в кресле и подписывал бумаги, которые ему полчаса назад принес его помощник Виталий Врублевский, когда секретарша по громкой связи сообщила, что на прием к Первому пришел другой Виталий – главный чекист Украины Федорчук. Хозяин кабинета тут же отложил бумаги в сторону и принял нежданного визитера. Он понял, что тот пришел не с пустыми руками – явно успел за эти сутки что-то «нарыть» по

делу об убийстве Лазаря Луцкого. И не ошибся.

– Через наших агентов в киевском «Динамо» мы выяснили, что единственный человек, который имеет постоянные контакты с Москвой – это врач команды Мирон Собко. Причем его связи весьма высокие – он дружит с замначальника управления футбола Леонидом Зольским. Этой дружбе уже не один год – в середине 60-х Собко врачевал во львовских «Карпатах», а Зольский был начальником местного спорткомитета. Благодаря ему, кстати, «Карпаты» и СКА обе попали во вторую группу класса «А».

Щербицкий хорошо знал эту историю. В 1965 году «Карпаты» должны были вылететь из второй группы класса «Б», поскольку, согласно регламенту, две команды из одного города не имели права переходить в класс «А» и должны были разыграть между собой эту путевку. Успех сопутствовал львовскому СКА, который победил «Карпаты» со счетом 2:0 и 3:0. Но затем случилось чудо. Футбольные начальники в Москве решили изменить структуру первенств СССР и во вторую группу класса «А» попали обе команды из Львова. Так вот, «подмаслил» московских чиновников именно Зольский, который чуть позже был переведен на работу в Москву – сначала в ФШМ, а затем и в управление футбола.

– Насколько я помню, Собко знал и Луцкого – оба они работали в «Карпатах», – внес свою лепту в рассказ чекиста Щербицкий, который лично следил за пертурбациями в любимом им клубе.

– Совершенно верно, – подтвердил эти сведения Федорчук. – Из чего вытекает, что Собко вполне может иметь какое-то отношение к смерти Луцкого. Ведь это он последним видел массажиста живым – привез его домой буквально за час до гибели.

– А какой резон ему было участвовать в его убийстве? – спросил Щербицкий.

– Если предположить, что Собко участвует в подпольном тотализаторе и снабжает Москву ценной информацией, то в их сферу деятельности вполне мог угодить и Луцкий. Ведь рекомендовал его динамовскому руководству именно Собко. Видимо, с какой-то тайной целью. Но что-то у них не заладилось, и Луцкого было решено ликвидировать. Для этого из Москвы был вызван убийца.

– Но это всего лишь версия, Виталий, – покачал головой Щербицкий. – А нам нужны факты, которые помогли бы изобличить преступников. Как ты собираешься их добывать?

– Я уже распорядился поставить на прослушку домашний телефон Собко. Кроме этого, за ним установлено негласное наблюдение. Если он не тот, за кого себя выдает, то рано или

поздно он себя проявит.

В этот момент в кабинет без всякого приглашения зашел Виталий Врублевский. Взглянув на него, Щербицкий понял – стряслось что-то экстраординарное. И он не ошибся.

– Владимир Васильевич, только что звонили из нашей Федерации футбола – в Москве погиб их человек, – сообщил Врублевский.

– Какой человек? – не понял смысла услышанного Щербицкий.

– Ну, тот самый, который уехал в Москву, чтобы обеспечить нам победу над ЦСКА.

Щербицкий обменялся взглядом с Федорчуком, после чего вновь взглянул на своего помощника:

– А что с ним стряслось?

– По предварительной информации, он выбросился из окна.

– Япона мать! – вырвалось у Щербицкого. – Это что же за мода такая появилась в последние дни – сигать в окна?!

И Щербицкий снова перевел взгляд на Федорчука:

– Тут явно что-то нечисто – за неделю уже второй человек отлетает на небеса, причем оба имеют отношение к нашему футболу. Думаю, этот случай тебе тоже стоит присовокупить к предыдущему.

– Само собой, – ответил Федорчук и поднялся со своего места.

По его лицу было понятно – работы ему предстоял непочатый край.

8 октября 1973 года, понедельник, Москва, проспект Калинина, 2, Междугородний почтамт

Зольский ушел с работы в начале восьмого вечера. До его дома в Мерзляковском переулке было рукой подать, но Зольский отправился в другую сторону – на Междугородний почтамт, что на проспекте Калинина. Ему надо было позвонить в Киев Мирону Собко, чтобы узнать у него последние известия, касаемые ситуации вокруг гибели Лазаря Луцкого, а также поинтересоваться, приедет ли Мирон вместе с командой в Москву на финал Кубка СССР.

Когда телефонистка соединила Зольского с домашним номером Собко, тот взял трубку практически мгновенно, будто ждал этого звонка.

– Здорово, Мирон, это Зольский. Как дела?

– Вроде, нормально, – бодро ответил Собко.

– В Москву собираешься?

– Нет, остаюсь в Киеве.

– Почему? – удивился Зольский.

– Меня с дублем оставили, а с собой привезут другого врача – Катомского.

– Как жаль, а я тебя ждал, – не скрывая своего разочарования, произнес Зольский. – Думал, гостинцы привезешь.

Под «гостинцами» подразумевались деньги, которые предназначались Зольскому от участников киевского тотализатора за ту информацию, которую он им предоставлял.

– Не бойся – куда денутся твои гостинцы? – обнадежил собеседника Собко.

– А массажем теперь кто у вас занимается?

– Пока не взяли никого – выбирают.

– Может, ты кого-то им предложишь?

– Я уже предложил однажды и видишь, чем это закончилось.

– Но ты еще раз предложи. Скажи, что специалист очень хороший – с опытом международной работы.

– У тебя есть кто-то на примете?

– Не было бы, разговора не заводил.

– Хорошо, я попробую.

– А тебя по прошлому массажисту не теребили?

– Было дело, но я отбрехался – вроде, все гладко прошло. Хотя интервьюер настырный попался.

– Кто такой?

– Некто Оленюк. Но, надеюсь, больше меня беспокоить не будут. Племянник нормально до места добрался?

– Жив-здоров, привет передает. Так что бывай – не кашляй. Я тебе на днях еще раз позвоню – узнаю насчет нового массажиста.

И Зольский, повесив трубку, покинул переговорную кабинку.

Выйдя на вечерний проспект Калинина, он закурил сигарету. Прямо перед ним, через дорогу, горел огнями ресторан «Прага», а слева сиял неоновой афишей кинотеатр «Художественный». На афише красовался огромный плакат нового фильма «Жизнь на грешной земле» с Анатолием Кузнецовым в главной роли. «Надо будет сходить с женой на эту картину – она Кузнецова любит. Да и я к нему неравнодушен. Как же он Сухова сыграл в «Белом солнце» – пальчики оближешь. Даже не предполагал, что он так может», – думал Зольский, делая глубокую затяжку. После чего он зашел под арку и неспешным шагом направился домой, в Мерзляковский переулок. А пока шел, мучительно размышлял над последним сообщением Собко.

«Он упомянул про некоего Оленюка, который пытал его по поводу смерти массажиста. И ко мне сегодня заходил Оленюк –

сыщик из Киевского угро. Судя по всему, это одно и то же лицо. Интересно, зачем он приехал в Москву? Однозначно, не для того, чтобы делиться передовым опытом с московской милицией. На меня они вышли понятно почему – я разговаривал с тем милиционером, который задержал Пустовила. Но улик против меня никаких нет – разговор тот длился чуть больше минуты. И ничего подозрительного я в нем не говорил. Более того: поручился за Пустовила, чтобы его отпустили. Хотя вели себя эти следаки как-то настороженно. Подозревают? Вполне может быть. Только улик у них против меня нет и быть не может. Или это Моченый все-таки какой-то след оставил?»

Подумав об этом, Зольский остановился, не донеся сигарету до рта. Его внезапно пронзила страшная мысль.

«А ведь этот Оленюк приехал в Москву не за мной, а за Моченым. Видимо, этот бывший боксер все-таки где-то облажался. Наследил, сука, в Киеве, вот этот сыскарь теперь здесь и ошивается – ищет выходы на него. Ну, точно, как же я сразу не сообразил. Если этот розыскник столь прыткий, то не сегодня, так завтра он железно на Моченого выйти может. А через него и на меня. Да, Ленчик, не надо было тебе Пустовила трогать. Но уж больно большим был соблазн – тридцать тысяч в наше время на земле не валяются. Тем более деньги явно «левые», незаконные – про такие в милицию обычно не заявляют. Да еще если знаешь, где эти деньги лежат – Пустовил ведь всегда в одной и той же гостинице и в одном номере останавливается. Вот и не удержался. Тут еще зима на носу и Ларочка ныть начала: хочу, мол, новую шубку из песца. Как тут устоять? Вот что значит иметь молодую любовницу – чего только не сделаешь, чтобы она тебя хорошо ублажала. Эх, все говно в этой жизни происходит из-за баб! Хочешь перед ними форсануть, а это вон как порой оборачивается. Однако, что сделано, то сделано. Надо думать, как ниточки к себе обрубить. Впрочем, чего думать – путь-то всего один. Надо Моченого замочить – и концы в воду. На нем все ниточки и оборвутся».

Подумав об этом, Зольский выбросил сигарету в сторону и бодрым шагом зашагал по направлению к своему дому.

9 октября 1973 года, вторник, Москва, Старая площадь, кабинет Леонида Брежнева

Когда Юрий Андропов вошел в кабинет генсека, держа в руке цилиндрический футляр для чертежей, Брежнев, увидев это, рассмеялся и сказал:

– Ну ты, Юрий, прямо, как заправский чертежник стал. Помнится, у нас на Днепровском металлургическом заводе имени Дзержинского, где я работал перед войной, с таким футляром ходил еврей Гебман – инженер по технике безопасности.

Улыбнувшись этому сравнению, Андропов молча снял крышку с футляра и извлек на свет свернутый в рулон кусок ватмана. Разложив его на столе – при этом на его углы положив тяжелые предметы со стола генсека – шеф КГБ сообщил:

– Вот, Леонид Ильич, плод нашей работы за последние полтора года.

– Что за работа, Юрий? – спросил генсек, доставая из кармана пиджака футляр с очками.

– Помните, как-то я рассказывал вам, что мы раздобыли сведения о том, что в нашей стране существует подпольный тотализатор? Его участники делают крупные денежные ставки на результаты футбольных матчей в высшей лиге.

– Да, был такой разговор, – кивнул головой Брежнев, водрузив на нос очки.

– Это – план-схема того самого тотализатора, раскинувшего свои сети в нескольких крупных городах страны.

Склонившись над схемой, Брежнев стал внимательно ее рассматривать.

– Надо же, эта штука есть не только в Москве, но даже в Киеве, Ташкенте и Ереване? – удивленно воскликнул генсек, поднимая глаза на Андропова.

– Они объединились в единую систему два года назад, а до этого существовали автономно, – сообщил шеф КГБ. – Именно с этого момента мы за них и взялись.

– Каким образом?

– Внедрили в московскую систему своего агента.

– Судя по всему, толковый мужик?

– Не жалуемся. И оперативный псевдоним у него красивый – «Огонек».

– Значит, с огоньком работает, – улыбнулся генсек, снова склонившись над схемой.

– Интересная география у этой организации, – вновь произнес генсек, водя пальцем по ватману.

– Все очень просто – это республики, которые имеют футбольные команды, представленные в высшей лиге.

– А почему нет Минска – там ведь тоже в футбол играют? – поинтересовался Брежнев.

– У них теневая экономика слабенькая – не дает ей Машеров развернуться, – ответил Андропов.

– Тогда почему на схеме нет Баку – там, вроде, с этим делом

все в порядке?

– Был там тотализатор, но два года назад закрылся, – сообщил шеф КГБ. – Алиев его закрыл, перекрыв денежные потоки. Он и свою команду «Нефтчи» специально в первую лигу в прошлом году отправил, чтобы у местных нуворишей не было соблазна вновь реанимировать тотализатор.

Чекист Гейдар Алиев пришел к власти в Азербайджане в 1969 году по предложению Андропова. И начал активную борьбу по разгрому клановой системы, которая пустила в этой республике глубокие корни. Разгромить ее полностью цели не ставилось в виду ее невыполнимости, однако приструнить теневых воротил, которые покупали даже высшие партийные, государственные и хозяйственные должности, требовалось – слишком далеко там дело зашло. В итоге нахичеванский клан Алиева взял контроль над всей республикой и подчинил себе другие влиятельные кланы: шушинский («аристократический», традиционно находившимся у власти), гянджийский, шекинский, апшеронский. А поскольку футбол был тесно завязан на политику, Алиев решил пожертвовать «Нефтчи» ради того, чтобы не участвовать (пока, во всяком случае) во всесоюзных клановых «разборках» на футбольном поприще.

– И как же «Нефтчи» чувствует себя в первой лиге? – поднял голову от схемы Брежнев.

– Звезд с неба не хватает – занимает четвертое место, вслед за московским «Локомотивом».

– Значит, в высшую лигу пока не вернется?

– Алиев такой цели не ставит – команда должна перевоспитаться и вновь заслужить его расположение.

– Надо же, а ведь было время, когда «Нефтчи» третье место в первенстве Союза занимал, – покачал головой Брежнев.

– Та бронза за деньги была куплена, Леонид Ильич, – сообщил генсеку неожиданную новость Андропов.

– А ты откуда знаешь – это же до твоего прихода на Лубянку было? – поднял глаза на собеседника Брежнев.

– Совсем недавно узнал от генерала Зябликова – он тогда у нас спорт курировал. А ему наши агенты в киевском «Динамо» донесли подробности той истории.

– Ну-ка, расскажи – интересно, – откидываясь на спинку кресла и приготовившись услышать увлекательную историю, попросил Брежнев.

Ретроспекция. 15–16 ноября 1966 года, вторник-среда, Киев, матч «Динамо» – «Нефтяник» (Баку)

Этот матч уже ничего не решал для киевлян (набрав 51 очко, они досрочно стали чемпионами), но много значил для бакинцев – они могли занять третье место, для чего в оставшихся трех играх им надо было ни разу не проиграть. И самым важным был именно этот матч в Киеве, поскольку он был один на выезде, а два других игрались дома. Поэтому бакинцы, не уверенные в своей победе в столице Украины, решили «умаслить» киевлян. Причем за ценой не постояли – нашли на это дело фантастические деньги в размере 80 тысяч рублей, что равнялось цене восьми автомобилей «Волга-ГАЗ-21». Но овчинка стоила выделки – «бронза» могла принести бакинцам куда большие дивиденды.

Набив этими деньгами большую хозяйственную сумку, бакинцы отрядили к киевлянам гонцов – именитых игроков Анатолия Банишевского и Эдуарда Маркарова. А те вышли на своего коллегу по сборной СССР Виктора Серебряникова: дескать, Витя, выручай. Тот лишь развел руками:

– Ребята, я один ничего не решаю – должна вся команда «добро» дать.

Спустя час Серебряников собрал на базе в Конча-Заспе всю команду. Поставил сумку с деньгами на стол и сказал:

– Здесь восемьдесят тысяч из Баку. Если завтра проиграем, то эти деньги – наши. Что будем делать?

И началась дискуссия: брать деньги или не брать? Сумма была огромная и платилась в общем-то за пустяк – отдать два очка, которые киевлянам были на фиг не нужны. Короче, соблазн великий. И когда практически вся команда проголосовала «за», Серебряников взялся составлять список, кому какая доля причитается. Причем туда вошли не только игроки и тренеры, но и обслуживающий персонал: врач, уборщицы, водитель и т. д. Но вдруг кто-то вспомнил:

– А как на это Дед посмотрит?

Под «Дедом» фигурировал старший тренер команды Виктор Маслов.

– Не бойтесь, я с ним после матча переговорю, – пообещал Серебряников.

Согласно уговору, игра должна была закончиться со счетом 1:0 в пользу бакинцев. Свой гол они должны были забить в конце первого тайма. Однако в дело вмешались непредвиденные обстоятельства, которые никто не оговаривал. Киевлянин Анатолий Бышовец в этом первенстве шел на звание лучшего бомбардира, отставая всего на пару мячей от тбилисца Ильи Датунашвили. Поэтому киевлянин очень хотел забить гол и в матче с бакинцами. И забил – на 14-й минуте, спутав все карты

заговорщикам. В итоге пришлось перекраивать план прямо по ходу игры. Спустя девять минут Эдуард Маркаров восстановил равновесие, легко пройдя защитные редуты киевлян и обыграв вратаря Виктора Банникова. А под занавес тайма, на 37-й минуте, другой «парламентер» от бакинцев, принесший деньги киевлянам – Анатолий Банишевский – забил второй гол. С таким счетом матч и закончился. И мало кто из пришедших на стадион зрителей – а было их в тот день 30 тысяч – догадывался, что игра-то была договорная. Хотя искушенные в футболе люди, конечно же, догадывались о тайной подоплеке этого матча. И первым из них раскусил этот «договорняк» тренер киевлян Виктор Маслов.

Еще в перерыве игры он зафиксировал странный случай. Серебряников подскочил к Бышовцу и стал его отчитывать. Маслов удивился:

– Ты чего это на него набросился – он же гол забил?!

Серебряников сразу стушевался и схитрил:

– Он мне пас не отдает – жадничает.

А когда начался второй тайм, Маслов понял все окончательно – ему, профессионалу, было прекрасно видно, что его команда попросту «сдает» игру сопернику. И тренер киевлян поднялся с тренерской скамейки и, плюясь на ходу, покинул стадион – уехал домой. И только вечером ему позвонил Серебряников.

– Простите, Виктор Александрович, не удержались от соблазна, – честно признался игрок. – Деньги поделили поровну, вам тоже причитается.

И спустя час футболист привез тренеру причитающуюся ему долю.

Так «Нефтяник» стал бронзовым призером чемпионата СССР 1966 года, обогнав московский «Спартак» на три очка (45 против 42). Причем эти команды играли в последнем туре между собой, когда их отставание друг от друга было всего лишь на одно очко. Но матч проводился в Баку, а судила его бригада из Эстонии. И счет получился 3:0 в пользу хозяев.

9 октября 1973 года, вторник, Москва, Старая площадь, кабинет Леонида Брежнева

– Да, интересная история, – выслушав рассказ Андропова, произнес Брежнев. – А теперь бакинцы в первой лиге обретаются и когда в высший дивизион вернутся неизвестно. А кто тогда в этом году собирается из первой лиги выйти?

– Одесский «Черноморец» и «Нистру» из Кишинева.

– Значит, у моей Украины сразу шесть команд в высшей лиге

будет? – удивился генсек.

– Вот поэтому киевский тотализатор и не думает закрываться.

– А имена его участников у тебя есть? – задал новый вопрос генсек.

– Имеете в виду в Киеве?

– Нет, по всей стране.

– Есть, но пока еще далеко не всех – система эта законспирированная, поэтому многих имен мы еще не знаем. Особенно в регионах. Но, судя по московскому тотализатору, практически везде присутствуют люди самых разных социальных слоев и профессий – от артистов и ученых до милиционеров и секретарей обкомов и райкомов.

– Широкое представительство, – не скрывая своего восхищения, произнес Брежнев. – Даже артисты, говоришь, есть?

– Например, один «народный» – он недавно Государственную премию получил. Так вот часть этих денег он спустил на тотализатор.

– Такой азартный? – вскинул брови генсек.

– Это штука заразная, Леонид Ильич, – усмехнулся Андропов. – Помнится, Федор Михайлович Достоевский тоже большие суммы проигрывал, правда, в рулетку. Но тотализатор по своей азартности ей ни в чем не уступает.

– Так может, пусть люди забавляются – лишь бы в политику не лезли? – предложил неожиданно генсек, посмотрев из-под очков на шефа КГБ.

Андропов прекрасно понял, о чем именно ведет речь генсек. Несколько лет назад они уже вели разговор на подобную тему – о полезности футбола, как действенного средства манипуляции людьми. Ведь массовая культура спорта всегда являлась одним из элементов безопасности правящей элиты. И первыми из спорта начали осознано делать культ еще древние римляне и греки. В СССР сама культура футбола и массового спорта была создана Сталиным с конкретной целью – убрать возможность вспыхивания народных восстаний и возможных очагов разгорания гражданской войны. Чтобы эмоции молодежи выплескивались не на антисоветских митингах и собраниях, а на футбольных стадионах. Причем данный механизм был «срисован» Сталиным с США, где его в 30-е годы успешно реализовали Рузвельт и Трумэн, которые способствовали возведению в культ таких видов спорта, как американский футбол, бейсбол и баскетбол. В СССР было решено сосредоточиться на английском футболе, регулярные чемпионаты которого у нас стали проводиться с 1936 года.

В том разговоре взгляды генсека и председателя КГБ оказались едины – футбол продолжал быть полезен правящей

элите. Во-первых, он отвлекал миллионы простых людей от внутренней проблем, во-вторых – вовлекал в свою орбиту политиков, которые интриговали друг против друга на поприще футбола, а не большой политики. Однако с тотализатором дело обстояло совершенно иначе. И Андропов постарался объяснить это генсеку:

– Можно было бы закрыть глаза на то, что эти люди оперируют большими суммами денег. Как и на то, что они имеют выходы на футбольные клубы и судей, которых беззастенчиво подкупают, чтобы те обеспечили им нужный результат. Да, это противоречит нашим представлениям о целях спортивного движения, но это можно было бы перетерпеть. Гораздо опаснее другое. Участники тотализатора создали тайную организацию, которая со временем может стать прообразом гораздо более опасной системы. Существование тотализатора стимулирует этих людей на то, чтобы добывать деньги незаконным способом в еще больших размерах. То есть, он способствует развитию коррупции и теневой экономики. Но самое опасное, что руки к этому тотализатору уже протянули уголовные элементы – воры в законе. Они входят в непосредственный контакт с отдельными участниками тотализаторов из числа милицейских начальников и партийных руководителей. Вы представляете, что будет, если эти люди превратят эти контакты в устойчивую систему, которая будет простираться гораздо дальше футбола? Это же сращивание власти и криминала – то есть, зарождение организованной преступности. А это уже прямая угроза нашей власти.

От последних слов шефа КГБ Брежнев даже закашлялся – так они его потрясли. Он никак не рассчитывал, что эта, пусть и подпольная система, напоминающая чем-то «Спортлото», на самом деле явится ему в столь зловещем виде.

– Так что ты предлагаешь, Юрий – закрыть эту шарашкину контору? – спросил генсек после короткой паузы, которая понадобилась ему, чтобы сделать пару глотков из графина с водой.

– Закрыть дело не хитрое, но кто даст гарантию, что они затем снова не соберутся, но уже в другом составе и став более осторожными? Нет, это слишком простое и недальновидное решение. Я предлагаю другой вариант: выявить все их контакты и добраться до головки – до главарей, имен которых мы еще не знаем.

– Ни в одном из городов?

– Именно, Леонид Ильич – ни в одном. Знаем только, что сами участники зовут их Банкирами, но кто они, где работают и живут, мы не знаем. Так вот, если мы доберемся до них, то

сможем вырвать у этой гадюки жало. Ведь именно эти люди и являются главными организаторами этих подпольных организаций, их вдохновителями.

– Но есть ли шансы до них добраться, если твои люди за почти два года этого так и не сделали?

– Этого не случилось, Леонид Ильич, потому что у нас связаны руки.

– В каком смысле?

– Я веду речь о партийном циркуляре от 1954 года.

Речь шла о документе ЦК КПСС, определявшем категорию лиц, которые не могли проходить как объекты оперативной разработки. К этим категориям относилась вся руководящая номенклатура. Прослушивание телефонных разговоров, наружное наблюдение запрещались, начиная с члена бюро райкома партии, с первого секретаря райкома комсомола и профсоюзного руководителя района. Например, санкцию на прослушивание рядового советского гражданина получить было можно – ее мог дать первый заместитель председателя КГБ СССР. А санкцию на иностранного гражданина – начальник соответствующего управления КГБ. Однако вести работу по партийным деятелям чекисты могли только с разрешения соответствующего партийного органа. А тот обычно такую санкцию не давал. Поэтому, если в ходе оперативных действий («наружка», прослушивание, агентурные данные) в отношении определенных лиц в поле зрения чекистов вдруг попадал партдеятель, то, чтобы дело получило дальнейший ход, оперативный работник должен был представить все документы и материалы в следственный отдел КГБ. Там скрупулезно высчитывали, выверяли, и редко когда эпизоды дела с участием партийно-руководящих людей получали развитие. Чаще всего они сразу прекращались. Таким образом партийная номенклатура вывела себя из-под правоохранительных органов.

Брежнев это не только знал, но и всячески поощрял, чтобы не обижать партноменклатуру. Но с одним «но»: если ему лично было нужно «взять на карандаш» кого-то из своих соратников, то КГБ получал его негласное распоряжение нарушить циркуляр от 1954 года. Именно за этим сегодня к генсеку и пришел Андропов. И Брежнев это понял.

– Послушай, Юрий, а много в этот тотализаторе нашего партийного брата? – спросил генсек.

– Точных данных у нас пока нет, а в существующем на сегодня списке фигурирует почти два десятка имен. Причем, как я уже говорил, там руководители не только уровня райкомов или горкомов, но и обкомов.

– И в Москве тоже?

– Естественно. Но мы вынуждены их не трогать, поскольку существует упомянутый циркуляр. Вот и топчемся на месте, беря в разработку лишь чиновников среднего звена.

– Например, кого?

– В управлении футбола есть такой начальник – Леонид Зольский. Нас на него «Огонек» вывел. У этого субчика обширная клиентура, начиная от спортивных чиновников и деятелей искусства и заканчивая секретарями ряда райкомов и горкомов. Так вот последних мы тронуть не можем, а только они могут вывести нас на верхний слой махинаторов, в том числе и на Банкира. Судя по всему, именно партийцы, пользуясь своей неприкосновенностью, занимаются инкассацией – распределяют деньги среди высшей касты, включая и Банкира.

– А «Огонек», значит, на Банкира вывести не может?

– Нет, Леонид Ильич – он в эти слои проникнуть пока не смог.

– Слушай, объясни ты мне старому дураку, как все-таки функционирует этот тотализатор. Это что – нечто вроде «Спортлото»? – задал Брежнев вопрос, который не давал ему покоя все время разговора.

– Нет, Леонид Ильич, – улыбнулся Андропов, – у «Спортлото» простая технология: крутится барабан, из которого вынимаются шары, на которые кто-то поставил свой выигрыш, купив купон. В тотализаторе все не так. Там есть определенная точка – некий адрес – где участники заполняют два купона, ставя на них возможные результаты одного матча. Потом один купон оставляется на точке, другой забирается с собой, чтобы после матча его предъявить. Ставок несколько: первая самая простая – надо угадать всего лишь выигрыш или проигрыш команды. Взнос самый маленький из всех – 500 рублей.

– Какой же он маленький – четыре средние зарплаты по стране?! – искренне удивился Брежнев.

– Поэтому простые граждане в тотализатор не играют, предпочитая «Спортлото», где один билетик стоит всего 30 копеек. Но вернемся к тотализатору. Вторая ставка в нем в два раза выше – тысяча рублей. Здесь надо угадать точный результат матча. Третья ставка еще выше – полторы тысячи рублей. Это когда вы угадали не только то, что матч закончится вничью, но и кто выиграет по пенальти и с каким счетом.

– А кто следит за справедливым распределением денег – там ведь возможны махинации? – продолжал допытываться Брежнев.

– Не просто возможны – они там присутствуют постоянно, обогащая верхнюю прослойку «лотошников».

– Кого? – не понял генсек.

– Так себя называют сами участники тотализатора.

– Но если там присутствует обман, то почему обманутые продолжают играть?

– Там хитрая система – нижнему слою «лотошников» дают иногда выиграть, чтобы держать их на крючке. А выиграв один раз, они потом думают, что сумеют сделать это и в следующий раз. Впрочем, наша государственная лотерея построена почти по такому же принципу – выигравших в тысячи раз меньше, чем проигравших. Однако же люди играют.

– Ты забыл сказать, деньги от лотереи мы используем в народном хозяйстве на нужды тех же граждан, а эти ушлые «лотошники» кладут их себе в карман, – заметил генсек.

– А я разве спорю? – развел руками Андропов. – Именно поэтому и надо вывести этих махинаторов на чистую воду.

– Значит, за полтора года твои люди сумели выявить все московские адреса, или точки, этих «лотошников»?

– В том-то и дело, что не все – в лучшем случае половину. Там ведь конспирация у всех разная – кто-то внаглую действует, а кто-то втихаря. У некоторых есть милицейское прикрытие. Например, у того же Зольского в контактерах один из милицейских генералов.

– А откуда милиционеры берут деньги на тотализатор?

– Поборы в милиции существуют и это ни для кого не секрет. Пусть и не массовые, но они есть. Вот некоторые милицейские начальники с этого и кормятся.

– А Колька про это знает? – спросил Брежнев, имея в виду министра внутренних дел Николая Щелокова.

– Про что именно?

– Ну, про этот тотализатор и ваше расследование?

– Мы с ним в прямой контакт на этой почве еще не входили. Да и опасно это, учитывая возможность утечки.

– Не любишь ты все-таки Николая, – покачал головой генсек.

– Не люблю, Леонид Ильич, – честно признался Андропов.

– Но дело-то общее делаете. И рано или поздно все равно придется входить с ним в контакт.

– Вот когда придется, тогда и посмотрим. А пока, Леонид Ильич, развяжите нам руки – дайте санкцию работать вплотную с партноменклатурой из числа «тотошников».

Прежде чем ответить, генсек снял с носа очки и убрал их обратно в футляр. Затем снова налил из графина в стакан воду и сделал несколько глотков. И только потом ответил:

– Хорошо, можешь брать их в разработку. Но учти: только этих, как ты говоришь, «тотошников». Причем по каждой

фамилии будешь выходить непосредственно на меня. А то я вас чекистов знаю – вы ведь, как тот же Достоевский, люди азартные. Начнете с «тотошников», а потом, не дай бог, и на других перекинетесь. А наша партия эту практику осудила и твердо заявила: больше такого никогда не будет.

«Может, и зря», – подумал про себя Андропов, но вслух произносить эти слова не стал – себе дороже.

9 октября 1973 года, вторник, Киев, Владимирская, 33, КГБ Украинской ССР

Федорчук и Крикун трижды внимательно прослушали телефонный разговор между Собко и Зольским, записанный вчера вечером «технарями» КГБ. Затем, выключив магнитофон, главный чекист Украины спросил у своего первого заместителя:

– Ну, какие выводы будут, Серафим Иванович?

– Вывод один – эти двое явно темнят. Все эти «гостинцы» и «племянники» явно имеют оборотный смысл.

– Как думаете – какой?

– Про «гостинцы» сказать что-то однозначно нельзя – это могут быть как деньги, так и какие-то ценные вещи. А вот «племянник» – это, судя по всему, тот человек, который ликвидировал массажиста. Может, взять Собко и уже здесь раскрутить на признания?

– Рано, Серафим Иванович, рано, – покачал головой Федорчук. – Он ведь не главное звено в этой преступной цепочке. А вот Зольский – птица более крупная. Ее нам и надо в силки заманить.

– Как же это сделать, если он в Москве обитает? Вызвать в Киев, используя Собко?

– Вряд ли он сюда приедет, а вот заподозрить что-то вполне может. Нет, его надо прямо на месте брать – в Москве.

– Будем выходить на Андропова?

– Зачем на него – у нас в Москве свои люди имеются.

Крикун прекрасно понял, о ком именно идет речь – о первом заме председателя КГБ СССР Георгии Циневе. Он являлся ближайшим другом Брежнева по днепропетровскому клану и был специально приставлен к Андропову, чтобы приглядывать за ним и не дать возможности сосредоточить всю власть на Лубянке в своих руках. С Федорчуком Цинев тоже был в приятельских отношениях. Они познакомились в 1950 году, когда Цинев был заместителем Верховного комиссара в Австрии от СССР, а Федорчук служил там же начальником отдела Управления особых

отделов МГБ СССР по Центральной группе войск. Чуть позже, в 1966 году, Цинев стал начальником 3-го управления КГБ СССР (военная контрразведка), а сменил его на этом посту год спустя все тот же Федорчук (а Цинев возглавил контрразведку). И поскольку у Федорчука были натянутые отношения с Андроповым, все важные вопросы в Москве он старался решать через Цинева.

Но прежде, чем принять столь важное решение, Федорчук обязан был доложить об этом Щербицкому. Тем более, что такой уговор между ними был. Поэтому прямо отсюда, из своего кабинета, Федорчук позвонил хозяину Украины. И сообщил:

– Мы получили оперативные данные о том, что к убийству Луцкого может быть причастен один из руководителей Управления футбола СССР Леонид Зольский. И вполне возможно, что он же мог участвовать и в устранении Пустовила – уж больно эти преступления похожи.

– Так возможно или участвовал?

– Пока это только наши предположения, но вероятность этого весьма велика.

– Что предлагаешь?

– Надо послать в Москву оперативную группу, которая смогла бы на месте решить эту проблему.

– Андропову ты уже звонил?

– Нет – вы же знаете наши с ним отношения.

«Мои не лучше», – хотел было добавить Щербицкий, но вовремя сдержался. И спросил:

– Хочешь действовать через Цинева?

– Именно.

– Правильно решил. Если этот Зольский имеет отношение к устранению Пустовила, то он может знать об истинной цели его приезда в Москву. А нам, сам понимаешь, утечка информации об этом не нужна. Речь, вроде бы, о футболе, а на самом деле это вопрос политический. Представляешь, если об этом узнает Андропов или тот же Гречко? Так что высылай своих людей в Москву как можно быстрее. И пусть они выйдут на Оленюка, он мне понравился – хваткий мужик. Наверняка за это время он уже успел собрать какой-то материал по этому делу. Обо всех деталях этой операции немедленно докладывай мне. А пока – удачи тебе и твоим людям.

И Щербицкий первым повесил трубку.

9 октября 1973 года, вторник, Москва, ресторан «Прага»

Едва поднявшись на второй этаж ресторана, Зольский сразу увидел того, с кем у него здесь была назначена встреча. Заместитель председателя Федерации футбола Украины Адам Добрых заказал столик на двоих в углу, у окна, которое выходило на Арбатскую площадь. Стол уже ломился от закусок, поскольку Зольский опоздал почти на полчаса.

– А ты не пунктуален, Леонид, – водка уже остыла, – встретил прибывшего Добрых, докуривая третью по счету сигарету.

– Извини, Адамчик, я был на приеме у главного, – соврал Зольский.

На самом деле он сегодня сутра, вместо работы, отправился на Чистые пруды к своей любовнице Ларе, поскольку почувствовал настоятельную потребность сбросить с себя усталость, которая накопилась в нем за последние дни. Но обмануть Добрых не удалось.

– Ваш главный, видимо, женщина – от тебя на километр разит французскими духами «Шанель № 5».

«Вот ведь, гад – учуял», – подумал про себя Зольский. Эти духи он привез любовнице три месяца назад из ФРГ, куда ездил в служебную командировку, чтобы договориться с тамошним футбольным союзом о проведении товарищеской игры между сборной этой страны с командой СССР. Тот матч состоялся в Москве 5 сентября и наши его проиграли он.

– Ты почему приехал не со всеми завтра, а на день раньше? – спросил Зольский, присаживаясь за стол.

Речь шла о приезде киевского «Динамо» на финальный матч Кубка СССР.

– А ты разве не слышал, что случилось здесь с нашим человеком – Климом Пустовилом? – вдавливая сигарету в пепельницу, спросил Добрых.

– Слышал, конечно – сочувствую.

– И что ты слышал? – продолжал пытать собеседника гость.

– Что он приехал в Москву с кучей денег и плохо кончил – выпал из окна.

– Сам выпал или ему помогли?

– Это тебе лучше спросить у тех следаков, которые вчера приходили ко мне и пытали не хуже твоего.

– И что ты им рассказал?

– Правду, Адамчик, правду, – наливая из графина водку в рюмки, ответил Зольский. – Но сначала давай выпьем за помин души Клима Арсентьевича.

И Зольский первым опрокинул в себя содержимое рюмки. Затем закусил балыком, ловко поддев его с тарелки вилкой.

– Так какую правду ты им рассказал? – вновь задал свой

вопрос Добрых, после того, как тоже разделался с содержимым своей рюмки.

– Дело в том, что в тот вечер, когда Клима задержали на Киевском вокзале милиционеры, он наплел им, что привез эти деньги в наше управление. И назвал им мой домашний телефон, чтобы я это подтвердил. Я отозвался о нем самым прекрасным образом, после чего его отпустили. А на следующий день ко мне пришли сыскари и сообщили, что Клима больше нет. Вот такая, друг мой ситный, история.

– А ты не знаешь, каким образом милиционеры узнали, что у него с собой большая сумма денег?

– Увы, не знаю. Видимо, засекли, когда он пришел положить их в камеру хранения. Ведь не сам же он их им показал? С головой у него, вроде, было все в порядке.

– А не могли его сами милиционеры и грохнуть из-за этих денег? – задал Добрых вопрос, который пришел ему в голову только сейчас.

– Извини, Адам, но я не сыщик, – развел руками Зольский. – Хотя такой вариант исключить нельзя. Сам знаешь, милиционеры у нас разные бывают. Ты вот лучше расскажи мне, зачем Клим с этими деньгами в Москву приезжал?

Добрых ответил не сразу. Прежде он прожевал малосольный огурец, хрустя им на весь ресторан, и только потом ответил:

– Эти деньги мы армейцам послали, чтоб умаслить в игре против нас. Но что-то у Клима здесь не срослось.

– Тогда приплюсуй к милицейской еще одну версию: а не могли ли на эти деньги позарится те люди, кто знал о переговорах Клима с армейцами?

– Считай, что приплюсовал, – кивнул головой Добрых.

– Тяжко тебе, Адамчик, придется в одиночку эту темную историю распутывать, – посочувствовал коллеге Зольский. – А в угро об этом рассказывать нельзя – не так поймут. Вот и получается, что денежки ваши, скорее всего, тю-тю.

– Это мы еще посмотрим, – ответил Добрых и вновь разлил в рюмки водку.

Они снова выпили, после чего гость спросил:

– А ты сам не хочешь хорошо заработать?

– Это с какого бодуна?

– Дело надо одно сделать на благо твоей родины – ты же у нас хохол, пусть и западенский.

– Что за дело – не тяни, – не скрывая своей заинтересованности, спросил Зольский и даже вернул обратно в тарелку кусок салями, который подцепил до этого вилкой.

– Москаль Кожемякин наступает на пятки нашему Олежке

Блохину в споре бомбардиров. Всего два мяча их отделяют. Вот мы и хотим, чтобы вы его здесь осадили.

– Так вам это легче сделать – динамовцы следующую игру проводят в вашей вотчине – в Днепропетровске. Вот там и осадите парня.

– Это будет слишком демонстративно. Такой вариант мы держим на крайний случай, если другие не прокатят. Поэтому было бы здорово, если бы его сломали здесь.

– Резонно, – согласился с этим доводом Зольский. – И на сколько «косых» потянет эта услуга?

– На десять.

– Давай на пятнадцать – все-таки рисковое дело, – предложил Зольский. – К тому же Кожемякин в сборной играет.

– Ерунда все это – в этом году никаких перспектив у нашей сборной нет. С Чили мы играть не будем и на чемпионат мира не поедем.

– Это ты к тому, чтобы сумму не поднимать?

Добрых думал несколько секунд, после чего уступил – он знал, что его собеседник человек жадный и торговаться с ним, значит, напрасно тратить время.

– Когда я получу свои деньги? – спросил Зольский.

– Как дело сделаешь, так сразу и получишь. Я сюда на неделю приехал, а тебе надо управиться до четырнадцатого. Чтобы в Днепропетровск динамовцы отправились уже без своего главного забивалы. Успеешь?

– Считай, что этого прыткого москаля уже нет.

– В каком смысле? – вскинул брови Добрых.

– Ты меня не так понял, – улыбнулся Зольский. – Я имел в виду, что он выпадет из чемпионата до конца сезона. Пусть отдохнет на больничной койке. К тому же зуб у меня на него вырос. Я ему на днях попросил мне в одном деле помочь, а он мне сначала «да» сказал, а потом на попятную пошел. А я таких вещей не прощаю.

И Зольский снова взялся за графин, чтобы обмыть еще одно удачное дельце. Безусловно, шальные деньги сами шли к нему в руки. А эти бумажки, особенно с профилем Ленина (крупного номинала), Зольский любил больше всего на свете.

9 октября 1973 года, вторник, Москва, Петровка, 38, ГУВД

Вот уже битых четыре часа Оленюк сидел в полутемном зале картотеки московского ГУВД и пялился в монитор, пытаясь в череде фотографий уголовников найти человека, похожего на того, что был запечатлен на фотороботе, привезенным им из Киева. Игнатова рядом с Оленюком не было – тот занимался текущими делами и в данную минуту работал по ЧП, которое произошло вчера вечером – по нападению на постового милиционера у метро «Каширская». Стража порядка ударили ножом, целясь точно в сердце, и забрали у него табельное оружие – пистолет «Макарова». Учитывая, что за текущую неделю это было уже второе такое нападение на постового милиционера с целью завладения его оружием, данное ЧП поставило на уши всю московскую милицию, включая, естественно, и МУР. И второй случай дал ниточку в руки сыщиков. Если первый постовой скончался на месте от такого же удара в сердце ножом, то второму повезло – он выжил и находился в тяжелом состоянии в Склифе. И прежде, чем потерять сознание, успел сообщить коллегам о том, что один из преступников (а их было двое), видимо, полагая, что милиционер убит, назвал своего подельника Бурым. И муровцы по своим каналам быстро установили, что такую кличку в уголовной среде носит всего один человек – Степан Бурымский. В прошлом году он был осужден на пятнадцать лет за убийство кассира во время налета на сберкассу, но три месяца назад сумел сбежать во время этапирования из одной колонии в другую. Судя по почерку двух нападений на постовых, руку к обоим приложил именно Бурый.

– Он явно к чему-то готовится, – высказал предположение Игнатов, когда докладывал первые результаты расследования начальнику МУРа Владимиру Корнееву.

– Опять хочет взять кассу? – предположил главный муровец.

– Ничего иного лично мне в голову пока не приходит, – согласился с этими словами Игнатов.

– Тогда надо немедленно поставить в известность все банковские учреждения страны, чтобы они были начеку – этот душегуб может объявится в любой точке, – отдал распоряжение Корнеев.

Помимо этого расследования Игнатов держал руку на пульсе работы «топтунов» из 4-го отдела (наружное наблюдение) Оперативно-поискового управления ГУВД Москвы, которые с сегодняшнего утра взяли под наблюдение Леонида Зольского.

Разрешение на эту слежку сегодня утром дал лично министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, у которого побывали Корнеев и начальник ГУВД Вадим Самохвалов. Услышав, зачем они к нему пришли, министр удивился:

– Значит, этот Зольский может быть причастен к убийству гражданина Украинской ССР? Но почему тогда на меня до сих пор не вышел глава их МВД Иван Головченко?

– Может, у них пока нет информации об этом? – предположил Самохвалов.

– Это вряд ли – уже сутки прошли, – не согласился с этим выводом Корнеев и высказал свою версию: – Видимо, этим делом занимается не их МВД, а КГБ.

– Почему ты так решил? – перевел взгляд на главного муровца министр.

– Уж больно дело щепетильное, товарищ Щелоков. Этот погибший приехал в Москву из Федерации футбола Украины с большой суммой денег, которые явно предназначались для каких-то незаконных операций.

– Например, каких? – продолжал выспрашивать министр.

– Мои ребята предполагают, что эти деньги могли быть отправлены для подкупа футболистов ЦСКА – погибший приехал к нам аккурат перед их матчем с киевлянами. Но армейцы эту игру выиграли, а спустя несколько часов гонец был убит, а деньги похищены. Вот я и думаю, что столь деликатное ЧП может взять в свое производство тамошний КГБ, а не МВД.

Услышав эту версия, Щелоков на какое-то время ушел в себя, обдумывая, как ему поступить. Но думал он недолго, поскольку сложившаяся ситуация позволяла ему вести собственную игру в том перманентном противостоянии, которое вело его ведомство с КГБ.

– Хорошо, берите этого Зольского в оперативную разработку, – произнес министр. – И обо всех важных телодвижениях этого субчика докладывайте лично мне. У вас все?

– Нет, товарищ Щелоков – есть еще одно важное сообщение на эту же тему, – произнес Самохвалов. – У нас есть сведения, что подельник Зольского – тот, который и является убийцей – должен завтра посетить кубковый финал в Лужниках. Нам нужно ваше разрешение на проведение масштабной спецоперации по задержанию преступника.

– Прямо во время матча? – удивился министр.

– Если все сложится удачно, то мы попытаемся взять его на подходе к стадиону. А если нет, тогда будем искать его на трибунах.

– Каким образом – у вас его фотография?

– Увы, мы пока не установили его личность. Но у нас есть его фоторобот, который привез нам сотрудник киевского угро Влас Оленюк, который расследует то самое убийство, совершенное в Киеве. Мы собираемся размножить это изображение и раздать всем сотрудникам милиции на стадионе.

– Слабенькая база для поимки, – покачал головой министр.

– Но иного выхода у нас нет – как говорится, спасибо и на этом, – заметил Самохвалов.

Щелоков снова ушел в себя. Но затем, взглянув на настенные часы, ответил:

– Добро – проводите операцию так, как задумали. Естественно, я замыкаю ее на себя. Вы свободны – мне через полчаса надо быть на Старой площади.

Спустя час после этого разговора за Зольским было установлено наблюдение. Оленюку об этом сообщил Игнатов, когда они накоротке пересеклись в коридоре ГУВД – первый в тот момент спешил в картотеку, а второй работал над поимкой Бурого. С тех пор минуло четыре часа.

– Ну, что, как успехи? – раздался за спиной Оленюка приятный женский голос.

Это была Елена Викторовна – сотрудница картотеки, которая помогала Оленюку в его теперешних поисках.

– Пока никак, – грустно констатировал сыщик. – Глаза уже готовы вылезти из орбит от напряжения, а толку никакого.

– А я вас сразу предупредила, что дело это почти неподъемное, – заметила женщина, присаживаясь на свободный стул. – Во-первых, у нас в картотеке числятся несколько тысяч уголовников нужно вам возраста – от 30 до 45 лет, а во-вторых – не факт, что ваш «боксер» вообще проходит по нашему департаменту. Значит, вам придется корпеть еще и в Союзной картотеке, а там фигурантов еще больше.

– Но попытаться ведь все равно надо, – вздохнул Оленюк.

– Боюсь, эта попытка может стоить вам ваших глаз, – улыбнулась Елена Викторовна. – Да и по фотороботу опознать человека, запечатленного на фотографии, тоже дело трудное. Вот если бы вместо вас здесь сидел человек, который видел этого «боксера» живьем – тогда другое дело. Есть у вас такие люди?

– Есть, конечно – один в Москве, а остальные в Киеве.

– Вот и пригласили бы сюда московского, – предложила женщина.

– Боюсь, сегодня это уже не получится – он же работает и, чтобы его отпросить, понадобится время, – вздохнул Оленюк.

– Тогда вам придется одному ломать глаза, – посочувствовала сыщику Елена Викторовна и поднялась со стула.

«А ведь она права – одному мне по фотороботу этого ухаря не найти, – подумал про себя Оленюк, глядя на выходящую из кабинета женщину. – Впрочем, стоп – он же завтра, судя по всему, должен посетить финальный матч Кубка СССР. И если взять на игру Мокрицкого, то есть шанс, что он его опознает. А если к нему еще добавить и троих людей из Киева, что видели «боксера» живьем, дело можно сдвинуть с мертвой точки. Ведь на стадионе шансов на то, что они встретятся с «боксером» значительно больше, чем у этого тусклого экранчика. Впрочем, до матча остается около полутора суток, а этих людей из Киева надо вызвать немедленно. Но одна бумажная канитель может сорвать этот процесс подчистую. Хотя о чем это я – меня же сам Щербицкий благословил на это дело. И я теперь могу прямым текстом на него ссылаться. А он у нас в стране не последний человек – как-никак член Политбюро».

Подумав об этом, Оленюк встал со своего места и направился в дежурную часть ГУВД, чтобы оттуда связаться со своим начальством в Киеве.

Спустя полчаса он уже разговаривал по телефону со своим начальником – Петром Марининым.

– Петр Мартынович, нужна ваша помощь, – вещал в трубку Оленюк. – Я тут совсем зашиваюсь в ихней картотеке – найти «боксера» таким способом одно и то же, что иголку в стоге сена. Гораздо легче другое. По моим сведениям, этот субчик может завтра придти на финальный кубковый матч. Вот было бы хорошо, если бы люди, которые видели его живьем, помогли бы нам опознать его на стадионе.

– Ты про каких людей говоришь, Влас? – не скрывая своего удивления, спросил Маринин.

– Их в Киеве трое: продавщица магазина, где он водку покупал – Нонна Сергеевна, администраторша в гостинице «Мир» по имени Оксана и его сосед по номеру из той же гостиницы Назарий Пантелеевич Кухарчук из города Василькова. Всех записали? Вот этих людей надо срочно собрать и ближайшим самолетом отправить в Москву.

– Легко сказать собрать – это же сколько времени на них уйдет, – засомневался Маринин.

– Полагаю, что до вечера вполне управитесь, – все так же настойчиво вещал Оленюк. – А если кто-то будет возражать, то ссылайтесь на самого Щербицкого – он же лично держит это дело на контроле. Так что завтра утром, максимум в обед, они должны быть здесь, чтобы вечером оказаться на стадионе. Договорились?

В трубке на какое-то время наступила тишина – Маринин думал. После чего, наконец, ответил:

– Я, конечно, знал, что ты, Влас, человек прыткий, но чтобы настолько… Ладно, жди завтра своих опознавателей.

Повесив трубку, Оленюк с удовлетворением потер руки – он хорошо знал своего шефа и был уверен, что тот сделает все, как надо. А в следующую секунду в его голову внезапно пришла другая мысль: «Самым счастливым человеком из этих троих опознавателей будет Нонна. Вот она обрадуется, что полетит в Москву, где встречать ее буду я. Впрочем, здесь же обитает и майор Знаменский из «Знатоков» – может, свести их вместе? Тем более, что я слышал от Игнатова, что на днях здесь будут снимать очередную серию этого сериала. Или ты, Влас, уже успел прикипеть к этой женщине с третьим номером бюста и такими же аппетитными бедрами, чтобы не отдавать ее майору Знаменскому?»

– Пошел ты к черту! – вслух выругал свое второе «я» Оленюк и отправился обратно в Центральную картотеку. Все-таки надежда на то, что «боксера» удастся отыскать таким образом, у него тоже оставалась. Пусть призрачная, но все же.

9 октября 1973 года, вторник, Чили, тюрьма «Вилла Гримальди»

Лейтенант Рафаэль Канто приехал в тюрьму «Вилла Гримальди» во второй половине дня, перед этим посетив своего шефа – начальника СИФА полковника Эдгара Себальоса Хонеса. Тот вызвал его к себе и был краток:

– Езжай в «Вилла Гримальди» – туда несколько часов назад доставили двух сподвижников Мигеля Энрикеса: Карлоса Сандоваля и Антонио Антекера. Их уже начали обрабатывать, но если Сандоваль держится молодцом, то Антекер «поплыл» – сдал всех своих с потрохами. Правда, по тем адресам, что он выдал, уже никого не оказалось – эти «миристас» не дураки и сразу после арестов своих людей тут же меняют дислокацию. Но я боюсь, что эти костоломы переусердствуют и отправят Антекера на тот свет раньше времени. Так что съезди туда – может, выбьешь из него еще что-то важное.

Канто не дал упрашивать себя дважды – тут же сел в «Фиат» и в сопровождении эскорта еще из двух автомобилей отправился на окраину Сантьяго, где располагалась «Вилла Гримальди». Когда-то, в прошлом столетии, это имение было известно как место сбора известных чилийских интеллектуалов и деятелей искусства. На трех акрах земли кроме жилых помещений располагалась общественная школа, театр, зал для собраний. До

сентябрьского переворота имение принадлежало семье чилийского аристократа Эмиля Васалло, который поддерживал социалистов. И в 1970 году здесь собирались сторонники кандидата в президенты Чили Сальвадора Альенде. Но после прихода к власти Пиночета поместье было конфисковано и отдано под штаб-квартиру военной разведки. Часть помещений стали использовать как тюрьму – самую жестокую в Чили, одно название которой наводило ужас на чилийцев.

Когда Канто спустился в подвал, где находились пыточные камеры, он тут же услышал душераздирающие крики, доносившиеся из дальней камеры. Именно там находился Карлос Сандоваль, который оказался крепким орешком – несмотря на самые изощренные пытки, которые к нему применяли, он не сказал ни слова. Но палачи не теряли надежду сломить его сопротивление – полчаса назад они возобновили экзекуцию, на которую и попал Канто. Зайдя в камеру и подозвав к себе офицера, руководившего пытками, Канто поинтересовался:

– По-прежнему молчит?

Офицер в ответ лишь развел руками.

– А где его коллега – Антекер?

– За стенкой пьет чай из паисо.

Когда Канто вошел в соседнюю камеру, он застал там следующую картину: молодой человек с опухшим от кровоподтеков лицом, сидел на стуле в углу помещения и жадно пил из кружки чай. А за столом сидел упитанный капрал в расстегнутой до пупа гимнастерке и курил сигару. Но увидев гостя, он тут же вскочил со стула, а сигару спрятал за спину.

– Капрал, оставьте меня наедине с заключенным, – приказал Канто и, когда капрал удалился, сел на его место за столом и стал внимательно читать протокол допроса Антикера. Он уместился на трех страницах и лейтенанту понадобилось около десяти минут, чтобы прочитать написанное. Все это время Антекер не отрывался от своей кружки, хотя она уже давно была пуста. Но он делал вид, что пьет, поскольку боялся, что стоит ему прекратить это занятие, как избиения продолжатся.

– Почему вы ничего не сказали про раскол в вашей организации? – поднимая голову от протокола, спросил Канто у арестованного.

– Меня никто об этом не спрашивал, – последовал ответ.

– Теперь я спрашиваю.

– Альваро Молина устроил этот раскол. У него помутился рассудок на почве нелюбви к русским.

– Вот как – чем же они ему не угодили?

– Он считает их генсека виновником того, что произошло в

сентябре в Чили. Брежнев для него – прислужник американцев и поэтому должен быть уничтожен.

– Молина собирается его убить? – не скрывая своего удивления, спросил Канто.

– Самым натуральным образом. Можно мне еще чая? – и Антекер протянул офицеру свою пустую кружку.

Канто встал из-за стола и, взяв в руки металлический чайник, подошел с ним к арестованному. Наполнив кружку, лейтенант спросил:

– Каким образом Молина хочет осуществить свою акцию?

– Этого я не знаю. Но ходят слухи, что он уже нашел человека для этого.

– Чилийца?

– Нет, кого-то из иностранцев, близких к русским – им легче подобраться к Брежневу.

– Почему же ваше руководство не остановит его?

– А зачем – никто не верит в то, что у него это получится. К тому же у нас не принято ставить палки в колеса друг другу, даже если он сошел с ума.

– Как подобраться к Молина?

– Трудная задача – начальник его контрразведки Райнери хорош в конспирации.

– Даже у хороших разведчиков есть уязвимые места, – усмехнулся Канто. – У Молина есть постоянная женщина?

– Да, Сесилия – они познакомились около года назад.

– Как она выглядит?

– Худенькая, небольшого роста, волосы светлые. Да, забыл сказать – она ждет ребенка.

– Какой месяц?

– Восьмой – скоро должна разродиться.

Видимо, эта тема задела Антекера за живое – у него у самого было двое маленьких детей. Он впервые поднял глаза от кружки и взглянул на лейтенанта:

– Скажите, меня расстреляют?

Канто ничего не ответил арестованному и вышел из камеры. Все, что было надо он узнал – ему стало понятно, зачем люди Райнери напали на инкассаторский фургон: им понадобились деньги, чтобы убить советского генсека.

9 октября 1973 года, вторник, Подмосковье, Жуковка

Зольский подъехал к металлическим воротам на своей «Волге» и трижды просигналил. Спустя минуту ворота открыл

крепко сбитый молодой человек в адидасовском спортивном костюме, которого Зольский прекрасно знал – он бывал здесь неоднократно. Заехав внутрь дачи, гость вышел из машины и проследовал в двухэтажный деревянный дом с большой верандой и балконом. На первом этаже, в гостиной, его уже дожидался хозяин – молодой мужчина в дорогом махровом халате. Это был Сергей Махалов – помощник министра спорта СССР. Сидя на диване, он смотрел по импортному видеомагнитофону какой-то фильм явно эротического содержания. Причем он так увлекся просмотром, что даже не заметил вошедшего гостя. Взглянув на экран, Зольский и сам застыл, как вкопанный от увиденного – на экране женщина занимался оральным сексом с таким энтузиазмом, что Зольский подумал: «Бывают же такие женщины. А вот моя Ларочка так не умеет, хотя опыта ей не занимать».

В этот миг хозяин дома, наконец, оторвался от экрана и заметил гостя.

– Ты когда-нибудь видел подобное, Леонид? – спросил он у Зольского, показывая дистанционным пультом на экран. – Вот ведь американцы как снимать наловчились.

– А что это за кино? – поинтересовался Зольский.

– Какая-то «Глубокая глотка». Про женщину, у которой врач обнаружил во рту клитор и прописал ей лечиться от сексуальных проблем оральным сексом. Вот она и старается.

– Мне кажется, под такое кино у нас разговора не получится, – заметил гость, присаживаясь на диван.

Услышав это, Махалов нажал на пульте кнопку «Стоп» и остановил пленку. После чего повернулся к гостю.

– По телефону ты сказал, что у тебя что-то срочное. Я слушаю.

– У меня на днях был генерал-майор Двигубский – он требует включить его в число «посвященных» в тотализаторе. Мне кажется, к его просьбе следует прислушаться.

– Почему ты так считаешь? – закуривая «Мальборо», спросил Махалов.

– Его повысили – назначили заместителем начальника управления ГАИ в союзном МВД, а это перспективная должность в свете бизнеса, который я задумал.

Поймав вопросительный взгляд хозяина дома, Зольский продолжил:

– У нас же есть возможность забирать себе автомобили из тех, что выделяются спортивным обществам в качестве поощрений для спортсменов. Вот я и предлагаю использовать их для зарабатывания легких денег. Мы ищем покупателей на эти автомобили, продаем их, но деньги берем заранее, обещая

пригнать машину завтра. А потом под разными предлогами оттягиваем эту передачу. А когда покупатель становится слишком назойливым, мы везем его к Двигубскому на Огарева, 6 и запугиваем.

– Но эти люди могут пожаловаться другим легавым, – засомневался Махалов.

– Не могут – мы будем выбирать покупателей среди тех, у кого рыльце в пушку.

Услышав это объяснение, хозяин дома улыбнулся, что означало – эта затея ему понравилась.

– Хорошо, сделаем Двигубского «посвященным», – согласился Махалов. – Но ты точно уверен, что он согласится участвовать в нашем бизнесе?

– А куда ему деваться – он с нами давно спутался.

Вполне удовлетворенный этим ответом, хозяин дома поднялся с дивана и достал из бара, стоявшего в углу гостиной, бутылку коньяка «Наполеон» и две рюмки.

– Как принято в приличных домах, сделку надо обмыть, – сказал Махалов и разлил коньяк по рюмкам.

Когда они выпили, помощник министра перешел к следующей теме:

– Ты нашел тренера, который должен отправиться в Австрию тренировать тамошнюю футбольную команду?

– Нашел – это Чекмарев.

– С нашими условиями он согласен?

– Разумеется – тридцать процентов его валютных заработков мы будем брать себе.

– Тогда пришли его ко мне завтра – я с ним лично побеседую.

И Махалов снова взялся за бутылку. Когда они выпили, хозяин дома спросил:

– Фильм досмотрим?

– Такое кино надо смотреть вдвоем с женщиной, причем лучше раздетой. Твоя супружница где?

– Улетела в Финляндию с олимпийской сборной.

Женой помощника министра спорта была многократная олимпийская чемпионка – женщина влиятельная в спортивных кругах. Во многом именно благодаря ей этот молодой человек и добрался до своей должности.

– Не повезло тебе, Сергей – у меня под боком и жена, и молодая любовница. У последней я сегодня утром уже был. Но из-за твоего фильма хочу навестить ее снова, причем немедленно – надо еще раз проверить ее «глубокую глотку». Так что извини…

9 октября 1973 года, вторник, Москва, Тверской бульвар, 22,

МХАТ имени Горького

Пробыв у Лары два часа и вполне удовлетворенный этим визитом, Зольский снова отправился в путь – на этот раз во МХАТ имени Горького, что на Тверском бульваре. Припарковав свою «Волгу» на стоянке возле театра, он легко вбежал по ступеням к главному входу в театр. Здесь он был впервые, поскольку это здание было введено в эксплуатацию месяц назад и зайти сюда Зольскому было недосуг. Хотя режиссер театра Аркадий Зеркалов, который был одним из участников подпольного тотализатора, все уши ему прожужжал о том, какое это чудо – новое здание МХАТа. Его зал был рассчитан на 1360 посадочных мест, а в подлокотники кресел были вмонтированы динамики, которые позволяли слушать спектакли в переводе на четыре языка. Ни в одном столичном театре ничего подобного еще не было. А в МХАТе было, поскольку он являлся главным театром страны. Однако Зольский приехал сюда вовсе не для того, чтобы полюбоваться этими новшествами – его пригнало в театр совершенно другое дело. И этим делом было вовсе не завтрашнее открытие 75-го сезона в новом здании театра.

Когда он вошел в кабинет Зеркалова, тот разговаривал с кем-то по телефону. Но, увидев, кто к нему пришел, тут же закончил разговор и положил трубку на аппарат.

– Наконец-то ты сподобился взглянуть на наше чудо-здание! – вскакивая со своего места, воскликнул режиссер.

– Извини, Аркаша, но главное чудо, которое меня сегодня здесь интересует, так это ты, – ответил Зольский, пожимая руку Зеркалову. – У меня времени в обрез, поэтому осматривать подлокотники в зале, как и сам зал, в котором ваши актеры теперь будут с энтузиазмом варить сталь, мне недосуг.

Зольский имел в виду новый спектакль МХАТа в постановке Олега Ефремова «Сталевары», во многом ради которого зал, собственно, и был переоборудован, чтобы потрясти сознание зрителя. Ни в одном театре страны еще не создавали на сцене настоящий мартеновский цех, где гудят печи и льется сталь. Не настоящая, конечно, а на экране. Но все равно это было впечатляюще.

– Хорошо, но могу я пригласить тебя с женой на наши премьеры? – с надеждой в голосе спросил Зеркалов.

– А вот это сколько угодно – контрмарки всегда в цене. Что у вас дают из свежего?

– Дают «На всякого мудреца довольно простоты» по Островскому с Зуевой, Прудкиным, Массальским и Стриженовым. А еще в нашем филиале на Москвина идет комедия «Старый

Новый год» с Евстигнеевым, Невинным и Мирошниченко.

– От классики лично у меня голова болит, – поморщился Зольский. – А про Новый год, вроде бы, смотреть еще рано. О чем хоть пьеса?

– О нашей жизни – очень актуальная вещица.

– Опять разоблачаете мещанство? – усмехнулся Зольский. – Почти вся страна в него уже скатилась, а вам, мастерам культуры, все неймется. Ну, ладно, так и быть – пусть будет про мещанство.

И радостный Зеркалов вручил гостю две контрмарки на спектакль. Забирая их, Зольский подумал: «Жена перебьется, а вот Ларочку надо сводить – она у меня та еще мещанка».

Усевшись в кресло, гость достал из пиджака пачку «Мальборо» и закурил. После чего спросил:

– Ты на кого в «тотошке» поставил в кубковом матче?

– На киевлян, конечно – ты же сам мне посоветовал.

– Было дело. А теперь советую переставить на «Арарат».

– Это почему? – насторожился Зеркалов.

– Информация интересная пришла из Киева, вот почему, – улыбнулся Зольский. – И к тебе я пришел именно за этим – чтобы поделиться этой информацией с тобой.

– А ты не врешь?

– Разве такими деньгами шутят, Аркаша?

– Но я ведь тебя знаю: ты просто так ничего не говоришь – обязательно что-то взамен просишь. Но учти, денег у меня сегодня нет.

– Я с тебя не деньгами возьму, а услугой.

– Какой? – напрягся Зеркалов, который знал о жадности своего собеседника, поэтому добавил. – Имей в виду, что изменение ставки за сутки до игры несет для меня процентные потери.

– То есть, тебе моя услуга не нужна и ты от нее отказываешься?

– Что ты, что ты, – замахал руками Зеркалов, который больше потери денег боялся потерять доверие такого влиятельного в тотализаторе человека. – Просто я не уверен, что смогу тебе помочь – вдруг это не в моих силах.

– В твоих, Аркаша, – пуская дым под потолок, сказал Зольский. – Есть у вас такая актриса – Татьяна Заварова? Светленькая такая, миниатюрная.

– Есть, а в чем дело?

– Она у вас на каком счету?

– Главных ролей ей не дают – играет второстепенные, либо в массовке.

– А что так – талантом не вышла?

– Да нет, у нас конкуренция среди молодых актрис большая – на всех главных ролей не хватает. Только за эти три года к нам пришли тринадцать актрис примерно одного с нею возраста: Глебова, Бронзова, Барнет, Назарова, Вихрова, Попкова, Болдырева и так далее. А две уже успели прославиться: Света Крючкова из «Большой перемены» и Лена Проклова, за плечами которой уже не один фильм. А тебе зачем Заварова понадобилась?

– Когда я в ФШМ работал, она с одним нашим футболистом встречалась – Анатолием Кожемякиным. Потом что-то у них не сложилось. Так вот мне надо, чтобы они опять встретились.

– Зачем надо? – удивился Зеркалов.

– А это не твоего ума дела, Аркаша, – сурово насупив брови, произнес Зольский. – Твое дело маленькое – помочь мне это сделать.

– Каким образом?

– И это говорит мне человек, который окончил режиссерский факультет ГИТИСа? Срежиссируй, дорогой. Она ведь от тебя зависима – пообещай ей роль в спектакле.

– Пообещать-то я могу, но как она с ним встретится?

– Это я возьму на себя. Завтра с утра вызову его из Новогорска в управление по какому-нибудь пустяку, а твоя Заварова, как бы невзначай, встретит его на выходе.

– Но у Кожемякина, вроде, молодая жена есть?

– Правильно, есть, – кивнул головой Зольский. – Но она, как я узнал, беременна и в данный момент лежит на сохранении. К тому же я ведь не поженить их собираюсь. Мне надо, чтобы Заварова пригласила Кожемякина в одно место – в ресторан «Лесной». Знаешь такой?

– Знаю, в Измайлово.

– Верно. Место элитарное и попасть туда трудно, но я им приглашение сделаю.

– А если Кожемякин откажется туда идти – ведь завтра финал Кубка?

– Ты что, дурной? Там в этот день Леня Бергер будет петь – бывший солист «Веселых ребят». С репертуаром английского ансамбля «Битлз». Слыхал про такой? А после концерта им покажут художественный фильм аглицкого производства про тех же «Битлз» – «Ночь после трудного дня» называется. Его в Москву специально привезли.

Зеркалов знал об этом факте. В начале октября в кинотеатре «Иллюзион» на Котельнической набережной состоялась премьера этого фильма, так там пришлось конную милицию вызывать, чтобы избежать столпотворения. Но что этот фильм теперь будут

показывать в «Лесном» Зеркалов ведать не ведал. Но он догадался, что за этот показ, видимо, хорошо заплатили завсегдатаи этого ресторана – нувориши.

– Кожемякин по этим патлатым «битлзам» буквально с ума сходит – еще со времен ФШМ, – продолжал свою речь Зольский. – Так что между ними и кубковым матчем он наверняка выберет своих волосатиков. А если не выберет, то пусть твоя Заварова постарается его уломать – она как-никак актерский заканчивала.

– А почему ты сам ему это приглашение не передашь?

– Нет, ты точно дурной! – покачал головой Зольский. – Моя личность не должна там никаким боком светиться. Ну, что, выполнимая для тебя услуга?

Вместо ответа Зеркалов улыбнулся. Он был рад тому, что в этот раз Зольский за свою услугу не стал требовать с него денег, а обошелся вполне выполнимой просьбой.

9 октября 1973 года, вторник, Чили, резиденция Аугусто Пиночета

Поздно вечером генерал Пиночет собрал у себя членов Правительственной хунты, в которую, помимо него, входили еще три человека: главнокомандующий Военно-морскими силами адмирал Хосе Торибио, главнокомандующий Военно-воздушными силами генерал Густаво Ли и командующий корпусом карабинеров генерал Сесар Мендоса. Это было экстренное заседание, которое возникло спонтанно в свете той информации, которую два часа назад до Пиночета донесли начальник СИФА полковник Эдгар Себальос Хонес и лейтенант Рафаэль Канто. По словам последних, отколовшаяся от группировки МИР ячейка Альваро Молины готовила покушение на Леонида Брежнева.

– Ошибки быть не может? – выслушав сообщение Пиночета, первым задал вопрос, который волновал всех собравшихся, генерал Ли.

– Эту информацию сообщил, арестованный нами «мирист», которого наши костоломы сломали в «Вилла Гримальди», – сообщил Пиночет. – Конечно, он может хитрить или просто выдавать информацию, которая не является достоверной, но есть одна деталь, наводящая на мысль о том, что его слова правдивы. Практически все ячейки «мири стов» выступили против этого плана Молины, из-за чего он вышел из группировки. И буквально сразу после этого в Сантьяго произошло памятное нам нападение на инкассаторский фургон, во время которого была похищена большая сумма денег в долларах и эскудо. Лейтенант Канто,

расследующий это дело, установил, что за этим нападением стоит все тот же Молина. Это наводит на мысль, что деньги могли быть похищены с одной целью – чтобы пустить их на устранение советского генсека.

– Вполне правдоподобная версия, – согласился с последним утверждением адмирал Торибио. – Чтобы провернуть такую акцию, нужны очень большие средства. Во-первых, чтобы заплатить самому убийце, во-вторых – чтобы «подмазать» колесики у всего этого механизма.

– Если мы все соглашаемся с версией Канто, тогда нам надо обсудить нашу реакцию на это сообщение, – предложил Пиночет. – Моя личная точка зрения сводится к тому, что Брежнев заслуживает смерти. Его устранение принесет нашему режиму только пользу и больно ударит по коммунистам во всем мире.

– Я согласен с твоим мнением, Аугусто, – кивнул головой Торибио. – Пусть «мириста» совершат то, что обязаны сделать мы, но не можем в силу определенных обстоятельств.

– Я тоже присоединяюсь к вашему мнению, – поддержал своих соратников глава карабинеров Мендоса. – Хотя у меня есть большие сомнения по поводу того, что «мириста» сумеют подобраться к Брежневу. Мне кажется, у них кишка тонка для этого.

– Может, и тонка, но пусть хотя бы постараются, – возразил на это заявление Пиночет. – Тем более, что если мы примем сегодня положительное решение, то наша негласная помощь «мирістам» может сыграть решающую роль в этом деле.

– Если мы это сделаем, то совершим огромную ошибку, – внезапно заявил четвертый участник встречи – генерал Ли.

Взоры всех присутствующих обратились в его сторону, требуя объяснения этой позиции. И генерал не заставил себя долго ждать, начав свою речь с неожиданного заявления:

– Брежнев для меня такой же враг, как и для вас. Но давайте посмотрим на эту проблему не через призму личной мести, а чуть шире. В последний год Брежнев стал, если не другом, то самым договороспособным коммунистом для американцев. Он хочет мира для своей страны, поэтому затеял разрядку. Но это палка о двух концах. С одной стороны она несет мир его стране, а с другой – подтачивает основы советской идеологии. Ведь если разрядка будет продолжаться и дальше, а дружба между СССР и США только усилиться, то это будет способствовать капитализации советской системы. В результате рано или поздно советское общество захочет отказаться от коммунистической доктрины и рухнет. И этот процесс пойдет на благо всему

человечеству, в том числе и нашей стране.

– Ты слишком далеко заглядываешь, Густаво, – покачал головой Пиночет. – Что значит «рано или поздно» – год, два или, может быть, десять лет? Это гадание на кофейной гуще.

– Это объективное течение истории, – продолжал стоять на своем генерал Ли. – Вы думаете, американцы дураки, что согласились на разрядку? Они рассчитывают на то же, о чем только что говорил вам я. Советы заглотнули их «наживку» и будут идти по пути буржуазной реставрации. Это приведет к появлению новых лидеров, которые свернут коммунистический проект. Неужели вы этого не понимаете? А если убрать Брежнева, то к власти придут ястребы, которые сорвут капитализацию режима.

– Место Брежнева займет премьер Косыгин, который инициировал буржуазные реформы еще при Хрущеве, – вступил в спор адмирал Торибио.

– Он слабая фигура, – возразил Ли. – К власти придут именно ястребы во главе с их министром обороны Гречко. К тому же, что скажут на это покушение американцы?

– А кто тебе сказал, что мы собираемся их об этом оповещать? – удивился Пиночет. – К тому же у янки во власти есть разные люди. Там есть такие, кто, как и мы, скажет «миристам» спасибо, если они отправят на тот свет Брежнева. Например, Джон Болл и люди, которые за ним стоят – те же военные из Пентагона.

Речь шла о бывшем заместителе госсекретаря США, который, выступая полгода назад в Конгрессе перед подкомиссией по делам НАТО, заявил: «Что является наибольшей опасностью впереди? Я полагаю, что не столько то, что Европа будет повержена военной силой, сколько то, что ее политический организм будет ослаблен разрядкой до такой степени, что давление в сторону компромисса с Востоком сможет довести до постепенной атрофии способности Запада сохранять свою свободу и независимость».

– И все же я остаюсь при своем мнении. – мы совершаем ошибку, развязывая руки «миристам», – продолжал стоять на своем Ли.

– Мы уважаем твою принципиальность, Густаво, но решать будем демократическим путем – с помощью голосования, – объявил свое решение Пиночет. – Итак, кто согласен с моим предложением не мешать «миристам» устранить Брежнева?

Вверх поднялись две руки, которые решили исход голосования в пользу позиции Пиночета.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, у Спорткомитета СССР

Кожемякин вышел из Спорткомитета на улицу и успел сделать всего лишь несколько шагов к своему «Жигуленку», когда его внезапно окликнул женский голос:

– Толик!

Он обернулся и не поверил своим глазам – перед ним стояла Татьяна Заварова. Та самая девушка, в которую когда-то он был влюблен, но продолжения эта любовь тогда так и не получила. Однако в его памяти тот год навсегда оказался запечатлен двумя яркими, как вспышка, событиями: встречей с Татьяной и дебютом в основном составе московского «Динамо». Вернее, сначала дебютом, а потом уже встречей – именно в такой хронологии развивались те события.

Ретроспекция. 2 мая 1970 года, суббота, Москва, Лужники, стадион имени Ленина, матч «Динамо» (Москва) – «Торпедо» (Москва)

– Ну, что, Толик, мандраж словил? – спросил у Кожемякина его товарищ по команде и тезка Анатолий Пискунов.

Дело было в раздевалке динамовцем, где они отдыхали после первой половины матча против земляков из «Торпедо». Только что тренер «Динамо» Константин Бесков объявил, что во второй сорокапятиминутке в составе динамовцев впервые на поле в официальной игре чемпионата СССР выйдет 17-летний Анатолий Кожемякин. Поэтому последнему было от чего мандражировать. Шутка ли: почти битком забитый стадион (на матч пришло 85 тысяч зрителей), а игра более чем принципиальная, поскольку обе команды идут друг за другом в турнирной таблице: динамовцы шли на 6-месте (10 очков), а торпедовцы располагались на ступеньку ниже (9 очков). Поэтому эта игра многое решала: выиграй сегодня подопечные Бескова, и они оторвутся от своих преследователей на три очка. Но динамовцы провалили начало игры – после первого тайма они вели 1:0, благодаря голу Михаила Гершковича, забитому на 29-й минуте после ошибки Льва Яшина – он неудачно парировал удар, после которого Гершковичу осталось только подставить голову и мяч влетел в ворота. Этот футболист успел вернуться в расположение своей команды из состава сборной СССР, которая совершала товарищеское турне по Европе (2 мая они играли в Париже с командой «Жиронде»), что только усилило «Торпедо». А вот

Бескову не повезло – двое его ведущих игроков из сборной не вернулись: защитник Валерий Зыков и нападающий Геннадий Еврюжихин.

– Странно, что он меня выпускает, а не тебя, – ответил на реплику коллеги Кожемякин.

В самом деле, решение тренера выглядело неожиданным. Кожемякин и Пискунов, который был старше его на четыре года, вместе играли за дубль и с начала этого сезона в шести играх уже отметились голами. Только если Кожемякин забил один гол, то за Пискуновым числилось целых три. Вот и вчера в матче против дублеров из «Торпедо» они забили по голу. Однако на поле сегодня Бесков почему-то решил выпустить лишь Кожемякина. Впрочем, сам Пискунов хорошо знал причину такого решения. Дело в том, что тренер имел на него большой зуб. О чем приятель тут же и напомнил Кожемякину:

– Бес до сих пор не может мне простить историю в Гаграх.

Речь шла об инциденте, который случился несколько месяцев назад на предсезонном сборе. В тот день коллега Пискунова по команде Евгений Жуков зашел к нему в комнату с бутылкой шампанского. Они выпили и разговорились. Да так основательно, что опоздали на ужин. И когда Бесков поднялся к ним в комнату, он застал приятелей за мирной беседой, да еще с початой бутылкой шампанского. Самое интересное, полную чашу тренерского гнева хлебнул лишь Пискунов, в то время как Жукову досталась лишь малая его толика. А все потому, что последний здорово показывал себя на поле в основном составе и отчислять его в дубль Бесков не собирался. Пискунову вообще не везло с карьерой. Начинал он играть в «Дубне», а попутно работал слесарем 6-го разряда на режимном предприятии – на местном машиностроительном заводе, выпускавшем ракеты «земля-воздух». Естественно, имел 1-ю форму секретности. В итоге, когда в 1969 году его пригласили в юношескую сборную СССР, этот факт вскрылся. И за границу Пискунова не выпустили.

Потом он попал в «Динамо» и секретность с него сняли. Казалось бы, играй и радуйся. А его угораздило попасть в тот гагринский переплет, из-за которого Бесков сослал его в дубль и снимать опалу не собирался. Во всяком случае, в матче против «Торпедо» на поле был выпущен не он, а Кожемякин – самый молодой игрок в составе «Динамо». А вообще молодежи в команде было много – целых 12 человек. Из них четверым было по 20 лет – Юрию Сидоренко, Андрею Якубику, Олегу Курашинову, Сергею Галкину и Евгению Жукову, троим по 19 лет – Сергею Никулину, Александру Маховикову и Владимиру Аксенову, троим по 18 лет – Александру Боженко, Владимиру

Комарову и Анатолию Байдачному. Наконец, Анатолию Кожемякину 17 лет исполнилось всего лишь два месяца назад – 24 февраля 1970 года. Но именно он нравился Бескову, причем не только своими физическими кондициями – это был высокий и быстрый центрфорвард, всегда нацеленный на атаку, но и своим спокойным и уравновешенным характером.

Кожемякин вышел на поле не сразу. Поначалу Бесков надеялся, что ход игры сумеют переломить более опытные игроки, игравшие еще в первом тайме. Однако этого не случилось. Темп игры был невысокий, что устраивало торпедовцев. Атаковали в основном динамовцы, а автозаводцы отвечали редкими контратаками. Причем две из них едва не завершились взятием ворот. И оба раза на острие атаки был все тот же Гершкович. А ведь именно Бесков его когда-то и ввел в большой футбол, когда взял его, 17-летнего пацана, в московский «Локомотив». Но потом Бескова оттуда быстренько «сплавили» и Гершкович ушел вскоре после него – оказался в «Торпедо». И теперь был в нем одним из лучших игроков. Он без устали терзал оборону динамовцев, забил уже один гол и не собирался останавливаться на этом. Одно ему мешало – ворота бело-голубых защищал великий Лев Яшин, который в начале второго тайма спас команду от двух неминуемых голов.

В течение двадцати минут Бесков наблюдал за беззубой игрой своих подопечных, после чего, наконец, выпустил на поле Кожемякина вместо Владимира Ларина, напутствуя Анатолия перед выходом словами:

– Играй на пару с Жуковым.

Кожемякин передал эти слова своему партнеру, рассчитывая, что тот будет выводить его в прорыв своими точными передачами. Однако сделать это долго не удавалось – на правом фланге у торпедовцев играл молодой (20 лет), но цепкий защитник Владимир Бутурлакин. И все же Кожемякин постепенно приноровился к его игре, нашел к ней ключик. И в один из моментов, получив пас от Жукова, Анатолий обыграл своего визави и сделал точную передачу в центр своему партнеру Юрию Авруцкому. Тот откатил мяч чуть назад своему тезке Юрию Семину, но тот, вместо того чтобы попытаться пробиться к воротам, с ходу ударил по мячу и тот угодил в самую гущу игроков.

Еще один опасный момент с участием Кожемякина возник за две минуты до конца игры. Все тот же Жуков прошел по центру в штрафную площадь автозаводцев и снова передал мяч под удар Кожемякину. Тот пробросил его себе на ход, пробежал несколько метров но, заметив, что ему наперерез бросился защитник

«Торпедо», решил пробить по воротам. Удар получился неожиданным и вратарь автозаводцев Виктор Банников явно его не ожидал. И если бы Кожемякин был чуть-чуть поточнее, то его дебют мог завершиться на мажорной ноте. Однако молодому форварду не повезло – мяч прошел в нескольких сантиметрах от штанги.

После игры, в раздевалке, Бесков подошел к Кожемякину и сообщил:

– Я доволен твоей игрой – в следующем матче будешь играть с самого начала.

Это было хорошим предзнаменованием для молодого форварда, но его радость длилась недолго. После того, как Бесков отчитал двух опытных полузащитников, которые по его мнению провалили игру – Валерия Маслова и Виктора Аничкина – и вышел из раздевалки, к Кожемякину подошел один из игроков и сказал:

– Ты, Толик, сильно не радуйся. Бес сегодня похвалит, а завтра мордой об стол треснет. К тому же ты сегодня гоголем ходишь, потому что Гена Еврюжихин в сборной играет. Как вернется, так Бес про тебя сразу и забудет. Впрочем, как и про других молодых.

Этот игрок оказался недалек от истины. 6 мая Кожемякин вышел на поле симферопольского стадиона «Авангард» в игре против одесского «Черноморца» с первых же минут. Был активен, но отличиться так и не сумел, и был заменен на 70-й минуте Лариным. Зато свой гол забил лучший бомбардир «Динамо» Владимир Козлов. Этого мяча вполне хватило, чтобы динамовцы выиграли матч и вышли на 3-е место в турнирной таблице, набрав 12 очков (впереди шли их одноклубники из Тбилиси и ЦСКА).

В этот раз игра Кожемякина не легла на душу Бескову и он снова перевел его в дубль. А 22 мая решил, наконец, проверить в деле и Анатолия Пискунова, выпустив его на поле в игре против минского «Динамо». Но лучший забивала среди дублеров, сыграть также остро за «основу» не сумел. И москвичи проиграли 1:2. А Пискунова на 58-й минуте заменил все тот же Ларин. После этого Пискунов вновь вернулся в дубль, где стал… лучшим бомбардиром, забив за сезон 1970 года 22 мяча. На втором месте был Олег Курашинов с 8 мячами, а Кожемякин забил на один гол меньше.

Ретроспекция. 21 июня 1970 года, воскресенье, Москва, Пушкинская площадь

В тот день Кожемякин и его динамовский приятель Евгений Жуков гуляли по Москве. Их отпустили по домам еще вчера, после того как их игра за дубль принесла победу «Динамо» над бакинским «Нефтчи» со счетом по (гол забил Анатолий Пискунов). Победой завершилась и игра основного состава, но со счетом 2:1. Этот выигрыш позволил динамовцам догнать лидера турнира ЦСКА – у обеих команд стало по 17 очков. Следующая игра должна была состояться через 12 дней против киевлян (в той же Москве), поэтому игрокам был предоставлен короткий отдых. Кожемякин и Жуков решили прогуляться по столице, благо погода в тот воскресный день выдалась по-летнему солнечной.

Друзья шли по улице Горького, ели мороженое с «розочкой» за 19 копеек и травили анекдоты. Так они дошли до памятника Пушкину, где увидели большую толпу народа. Протиснувшись сквозь нее, они увидели, что здесь идут съемки какого-то фильма. Заправлял процессом пожилой режиссер, который восседал на стуле возле камеры и в мегафон просил массовку работать более активно.

– Что здесь снимают? – спросил Кожемякин у женщины в ситцевом платье, которая стояла рядом с ним.

– Кино про Москву, – последовал ответ.

– А какое у него название? – продолжал любопытствовать футболист.

– «В Москве проездом…», Киностудия имени Горького, – ответила женщина и впервые за время разговора посмотрела на того, кто ее расспрашивал.

Смерив Кожемякина оценивающим взглядом, женщина спросила:

– Молодой человек, а вы не хотите сняться в массовке?

– А вы кто? – встрял в разговор Жуков.

– Я ассистент режиссера Людмила, – представилась женщина. – Ну, что – хотите?

– А что нужно делать? – спросил Кожемякин.

– Ничего особенного. Вон, видите, на лавочке сидит наш актер в матросской форме, а рядом с ним лежит стопка газет? Вам надо подойти и купить по одной газете, бросив на чемодан мелочь. Сможете?

– Проще простого, – пожал плечами Кожемякин.

– Тогда слушайте меня внимательно. Сейчас будет дана команда «Мотор!» и вы пойдете в кадр. К лавочке подходите сбоку, чтобы не загораживать камеру. Все поняли?

Спустя минуту Кожемякин и Жуков отправились к лавочке. Первым подошел Анатолий, который бросил монетку на чемодан и хотел был взять из стопки газету. Но они лежали так плотно

друг к дружке, что новоявленный актер замешкался.

– Стоп! – раздался недовольный возглас режиссера. – Молодой человек, что вы там возитесь?

– Газеты слиплись, – ответил Кожемякин, повернув голову к режиссеру.

– Так разлепите их!

Футболист так и сделал, после чего их попросили снова отойти от лавочки и начать движение к ней после новой команды «Мотор!». Однако и вторая попытка Кожемякина не увенчалась успехом. На этот раз он так разволновался, что схватил не одну, а сразу несколько газет, причем одна из них упала на землю.

– Стоп! – вновь закричал режиссер. – Людмила, кого ты мне нашла?

Этот вопрос адресовался ассистентке.

– Я думала ребята фактурные, хорошо будут смотреться в кадре.

– Эти фактурные уже два дубля нам запороли, – продолжал возмущаться режиссер. – Пусть попробует второй парень, а первый вернется на свое место.

Теперь настала очередь Жукова показать свое актерское мастерство. Однако и он облажался. Сначала он так неловко бросил монетки на чемодан, что они упали на землю, а затем встал спиной к камере, загородив ей обзор.

– Стоп! – в очередной раз остановил съемку режиссер и даже встал со своего стула. – Да кто вы такие, черт возьми!

– Мы – футболисты, – честно признался Кожемякин.

– Какие футболисты?

– Из московского «Динамо», – подал голос Жуков.

Режиссер переглянулся с оператором.

– А как ваши фамилии?

– Я – Кожемякин, а он – Жуков, – последовал ответ.

– Не слышал про таких, – пожал плечами режиссер. – А Яшина вы знаете?

– Каждый день его видим, – сообщил Жуков.

Режиссер положил на стул свой мегафон и подошел к футболистам.

– А вы можете устроить нам съемку на стадионе «Динамо» – мы хотим в одном из эпизодов снять футбольный матч? – спросил режиссер.

– Конечно, можем, – улыбнулся Кожемякин, хотя на самом деле он не был уверен в выполнимости своего обещания.

– Тогда оставьте Людмиле свои координаты – она с вами свяжется, – сказал режиссер и вернулся к своему стулу, чтобы продолжить съемку.

После того, как друзья сообщили ассистентке номер телефона на их базе в Новогорске, они выбрались из толпы. И тут к ним подошла симпатичная девушка в желтой кофточке и юбке «мини».

– А вы на самом деле футболисты? – спросила она.

– А что – не похожи? – спросил Кожемякин.

– Не очень.

– Это почему? – подал голос Жуков.

– Все настоящие футболисты сейчас в Мексике.

Речь шла о чемпионате мира по футболу, который завершался как раз в тот день, 21 июня, матчем между Бразилией и Италией в 20.00 по московскому времени.

Тогда Кожемякин достал из кармана брюк «корочку» участника первенства СССР по футболу и показал девушке.

– Теперь верите?

Вместо ответа девушка рассмеялась, причем так заразительно, что приятели тоже не смогли сдержать улыбок. Так они познакомились со студенткой Школы-студии МХАТ Татьяной Заваровой. Она пришла на съемку в надежде попасть в кадр хотя бы в массовке и ее действительно сняли – она, как и футболисты, покупала газету у матросика (в этой роли снимался Евгений Карельских). Однако кадры с ее участием в окончательный вариант фильма так и не войдут.

В тот день они втроем гуляли по летней Москве, и в ходе этой прогулке выяснилось, что девушке больше приглянулся Кожемякин. Поэтому свой домашний телефон она дала именно ему, а не его приятелю. Но тот не обиделся – в их отношениях это было не принято.

Полгода длились отношения Анатолия и Татьяны. И сошли на нет сами собой – слишком разными они оказались людьми. Особенно это касалось Татьяны, которой хотелось, чтобы рядом с ней был не просто футболист, а обязательно известный. А Кожемякин в тот период никак не мог пробиться из дубля в основу. В итоге девушка закрутила любовь с молодым сценаристом, фильм которого был только что удостоен премии имени Ленинского комсомола.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Скатертный переулок, у Спорткомитета СССР

– Какими судьбами? – спросил футболист у той, с кем у него когда-то намечались серьезные отношения.

– Была в гостях у подруги – она живет здесь неподалеку, в

Столовом переулке, – соврала Татьяна, которая получила задание встретиться с Кожемякиным от Зеркалова.

– Ну, и как жизнь молодая – славы хлебнула? – продолжал интересоваться футболист.

– Представь себе, нет, – развела руками Татьяна. – А ты, как я знаю, все-таки выбился в большие футболисты – даже в сборную попал.

– А я тебе говорил тогда, когда ты уходила к сценаристу: Кожемякин еще будет знаменитым. А ты только рассмеялась в ответ.

– Дура была, потому и смеялась, – придав своему лицу серьезное выражение, призналась Татьяна.

А сама про себя подумала: «Хорошо у меня это получается – врать, как по писанному. Для будущей роли пригодится».

– Ты замужем? – спросил Кожемякин, меняя тему разговора.

– Представь себе, нет. Тот сценарист оказался ничтожеством, а таких людей, как ты, мне больше не попадалось. А у тебя как на личном фронте?

– Я женился недавно и жена уже ждет ребенка.

– Поздравляю – значит, скоро станешь папой, – рассмеялась Татьяна, хотя смеяться ей вовсе не хотелось.

Ее обуревала злость на футболиста – за то, что у него все складывается так удачно, а у нее, наоборот, все идет сикось-накось. И хотя Зеркалов обещал ей за эту встречу с Кожемякиным роль в своем новом спектакле, девушка никак не могла смириться с тем, что когда-то была столь нерасторопной и выпустила из своих рук такую выгодную партию. И что вместо нее это сумела сделать другая девушка, которая каким-то образом оказалась умнее нее.

– Ты все там же живешь – в Козицком переулке? – спросил Кожемякин. – Если хочешь, я могу тебя подвезти.

– У тебя уже и машина есть? – удивилась девушка.

– Так я же в сборной играю – мне положено, – улыбнулся футболист и указал рукой на свои «Жигули», которые стояли на другой стороне переулка.

– Надо же, у приятеля моей подруги Ленки точно такой же «жигуленок», – вновь соврала Татьяна, которой нужно было вывести их разговор на нужную тему.

– У какой подруги? – не понял Кожемякин.

– Ну, той, что живет здесь неподалеку. Я к ней заходила, чтобы пригласить ее в ресторан «Лесной» в Измайлово – там Леонид Бергер будет выступать с песнями «Битлз», а потом покажут их фильм «Ночь после трудного дня». Так представляешь, эта дурочка отказалась. И что мне теперь делать

со вторым билетом ума не приложу. Видимо, придется спекульнуть – думаю, у меня его с руками оторвут.

– Слушай, Танька, а когда это мероприятие будет? – не скрывая своей заинтересованности, спросил футболист.

– Да сегодня и будет – в семь часов вечера начало.

– А ты можешь этот билет мне продать по старой дружбе? – беря девушку за локоть, спросил Кожевников. – Я давно на Бергера хотел попасть, но он все время выступал, когда я занят был.

– Так сегодня же футбол, вроде бы, какой-то большой будет в Лужниках?

– Что такое этот матч по сравнению с концертом Бергера и фильмом про битлов! – с жаром воскликнул футболист.

– Но у тебя же жена беременная? – продолжала удивляться Татьяна.

– Она сейчас на сохранении лежит, поэтому я на эти дни человек свободный.

– А если ей кто-то донесет? – не успокаивалась девушка, а сама внимательно наблюдала за собеседником, чтобы понять – не перегибает ли она палку в своей игре.

– Да что мне на всяких сплетников внимание обращать! Короче, продашь билет или нет?

– Да я тебе и так его отдам – по старой дружбе, – ответила Татьяна, осознав, что клиент уже дошел до нужной кондиции.

В следующую секунду Кожемякин подхватил девушку на руки и сделал с ней круговое вращение. Проходившая мимо старушка даже шарахнулась в сторону и выругалась:

– Вот молодежь пошла – средь бела дня уже греховодничают.

А Кожемякин в ответ рассмеялся, поставил Татьяну обратно на ноги и сказал:

– Итак, сейчас я отвожу тебя домой, а в шесть часов заезжаю за тобой снова.

– Тогда иди и открывай мне свою карету, – улыбнулась в ответ Татьяна.

И Кожемякин сорвался с места, чтобы распахнуть перед девушкой дверь своего «жигуленка».

10 октября 1973 года, среда, Москва, Петровка, 38, ГУВД

В одиннадцать часов утра Оленюк и Игнатов приехали во Внуково, чтобы встретить там спецрейс из Киева, на котором должны были прилететь трое опознавателей. Еще один, четвертый – Петр Мокрицкий – оповещенный вчера, должен был

подъехать в ГУВД к пяти часам вечера, аккурат за два часа до начала матча.

– Прошу тебя, Алексей, не пугайся, когда одна из опознавателей начнет вешаться мне на шею, – предупредил приятеля Оленюк. – Втюрилась в меня эта баба по уши, даже не хочет променять меня на майора Знаменского из «Знатоков».

– Понимаю – служебный роман, – понимающе закивал головой Игнатов, дымя сигаретой. – Хотя, чтобы опознавательница влюбилась в сыщика – это редкий случай. Обычно бывает наоборот.

– Значит, у меня случай нетипичный.

– Собираешься на ней женится? – поинтересовался Игнатов.

– Типун тебе на язык, – отмахнулся Оленюк. – Хотя формы у нее аппетитные.

– Можно жить и так – не расписываясь. Нарожаете детей – мальчика и девочку. Он будет сыщиком, а она – опознавателем.

И друзья от души посмеялись над этой шуткой.

Вскоре в зал ожидания вышли те, кого ждали сыщики. Но их было не четверо или пятеро, считая сопровождающих – как ожидали друзья – а семеро. Нонну, Оксану и Назария сопровождали четверо рослых мужчин. Причем одного из них Оленюк знал – это был его коллега по «убойному» отделу Станислав Огарков. А вот трое других мужчин были ему незнакомы.

– Ни фига себе конвой! – удивился Игнатов.

Как ни странно, но Нонна, увидев Оленюка, не стала устраивать лобзания на глазах у всех и вела себя достаточно скромно, сохраняя поразительную невозмутимость. А вот Кухарчук сиял как медный таз и Оленюк сразу догадался, с чем это связано – знатный механизатор вырвался из-под опеки строгой жены в Москву, причем не куда-нибудь, а на финал Кубка СССР. Но сыщик, глядя ему в глаза, произнес:

– Назарий Пантелеевич, хочу сразу вас предупредить: вы приехали сюда не футбол смотреть, а выполнять ответственное государственное задание – помочь нам арестовать опасного преступника.

И улыбка тут же сползла с лица механизатора.

Между тем один из трех неизвестных мужчин жестом отозвал Оленюка в сторону. Когда тот это сделал, незнакомец достал из внутреннего кармана своего плаща красное удостоверение сотрудника КГБ Украинской ССР. И Оленюк прочитал в нем: «Полковник Ткачук Болеслав Ефимович». Поймав недоуменный взгляд сыщика, чекист сообщил:

– Мы прибыли в Москву по личному заданию Владимира

Васильевича Щербицкого. Наша задача несколько иная: мы должны задержать и этапировать в Киев Леонида Зольского. И вы должны нам помочь – ведь вы его хорошо знаете.

– И где вы собираетесь провести задержание? – спросил Оленюк.

– У стадиона, еще до начала матча. Зольский ни о чем не должен догадываться и проследовать к нам в машину, якобы, для дачи показаний по факту смерти Пустовила.

– Но Зольского ведет местная «наружка» – может, взять его с их помощью?

Ткачук на секунду задумался, после чего ответил:

– Зачем гоняться за ним по всему городу, когда можно взять его без всякого шума здесь. Тем более отсюда до Внуково рукой подать.

– Надеюсь, меня вы с собой не берете? – с надеждой в голосе спросил Оленюк.

– Не надейтесь – результат матча вам придется узнать из новостей. Вы уже успели близко познакомиться с Зольским, значит, можете нам пригодится.

– А как же опознаватели?

– Они улетят завтра – их возвращение не к спеху.

– Я могу об этом поделиться со своим коллегой из МУРа? – поинтересовался Оленюк.

– Ни в коем случае – это секретная операция, о которой должны знать ограниченное число людей. Впрочем, можете сообщить ему, что улетаете в Киев – без деталей.

Когда Оленюк вернулся к Игнатову, тот спросил:

– Кто эти архаровцы?

– Тебе лучше об этом не знать, – коротко ответил Оленюк.

Его приятель пожал плечами, но не обиделся – в его работе такие ситуации периодически случались, поэтому он привык реагировать на них адекватно.

Тут к Оленюку подошла Нонна и, взяв его за локоть, спросила:

– Влас, ты меня ждал?

– Как соловей лета, – и сыщик состроил язвительную мину на лице. – Давай обойдемся без душещипательных сцен – впереди нас ждет серьезная работа. Кстати, познакомься – моего коллегу зовут Алексеем. И он тоже не женат.

– Какая удача – у меня в Киеве осталась незамужняя подружка, – тут же нашлась, что ответить Нонна, протягивая руку для приветствия.

– У нее такая же грудь, как у вас? – поинтересовался Игнатов.

– Нет, поменьше – второй размер лифчика.

– Этого добра и здесь хватает, – ответил сыщик и пожал протянутую ему ладонь.

10 октября 1973 года, среда, Измайлово, кафе-чебуречная «Ландыш»

Сергей Ребров зашел в чебуречную не с главного входа, а, как всегда, со служебного. Быстро миновал полутемный коридор, свернул направо и очутился возле металлической двери. Она не пропускала звуки, поэтому понять, есть кто внутри или нет, было нельзя. Но Ребров прекрасно знал, что за дверью находится человек, который давно ждет его прихода. Надо только постучать условным стуком, чтобы тебе открыли. Ребров так и сделал. И спустя минуту оказался в просторном помещении, где помимо инкрустированного стола стояли два кожаных дивана, дорогой финский сервант и телевизор «Горизонт» на тумбочке. Короче, идеальное место для отдыха после тяжелого трудового дня.

– Ты вовремя пришел, Ребро – чебуреки уже поспели, – сообщил вошедшему лысеющий мужчина с сединой на висках, возвращаясь к столу, где на огромной тарелке лежали горячие и сочные чебуреки.

Открывшим дверь был вор в законе Могол, на которого Ребров работал более четырех лет. В виду того, что в комнате во всю топились батареи, здесь было жарко, как в парилке, несмотря на то, что на улице стояла стылая осень. Поэтому Могол был раздет до пояса и на его плечах переливались синевой воровские звезды. Ребров тоже разделся – снял с себя куртку и бросил ее на один из диванов вместе со спортивной сумкой. После чего сел за стол и спросил:

– Ты сегодняшний «Советский спорт» читал?

– Не-а, а чего там?

– Статейка занятная – про итальянскую мафию. Она у них, оказывается, и футболом заправляет. Целых два клуба из провинции Салерно ей принадлежат – так итальянские бандюганы получают поддержку у местного населения. А еще мафиози таким образом деньги отмывают на продаже игроков.

– Ничего, Серега, даст бог и у нас такая система тоже будет.

– Это каким же образом? – удивился Ребров. – Наши коммунисты этого точно не допустят.

– Коммунисты они, знаешь, разные бывают. Вон Зольский тоже партейный, а на деле – чистый мафиози. Вот когда такие на самом верху победят, тогда мы наш футбол в свои руки окончательно и возьмем. А пока хватит нам и тотализатора. Как

там у нас с ним дела?

– Нормально, в сумке, что я принес, купоны и башли с «точки» на Разгуляе – ровно тридцать «кусков». Ставки на сегодняшний кубковый матч.

– И кто у нас сегодня выиграет? – поинтересовался Могол.

– Большинство ставит на киевлян.

– И зря ставит, – усмехнулся Могол. – Потому что победят армяне.

– Как армяне – ты же говорил, что это будут киевляне? – искренне удивился Ребров. – Тебе же сам Карпыч рассказал, что в Киеве уже грамоты отпечатали в честь кубковой победы, а футболисты «Динамо» уже и обратные билеты на сегодня заказали, поскольку уверены в своей победе с одного, а не с двух заходов.

– Ну, говорил, – согласился Могол. – А сейчас мне тот же Карпыч шепнул другое. Ему из Киева информация пришла от надежного источника.

– Значит, ты свою ставку уже переставил?

– Зачем – я же сдуру сразу поставил на «Арарат»: что армяне выиграют 2:1. А теперь выясняется, что не сдуру.

– А я отдал предпочтение хохлам. Но если сам Карпыч говорит, что победят армяне, значит, придется внести коррективы.

Могол уселся за стол и с помощью открывалки сковырнул крышку с бутылки «Жигулевского». Разлил напиток в два стакана и взял с тарелки чебурек. Надкусив его с краю, так, чтобы не вытек сочный бульон, Могол принялся с аппетитом жевать и запивать это дело пивом. У глядящего на это зрелище Реброва засосало под ложечкой и он тоже уселся за стол. Взяв в руки чебурек, он впился в него зубами. И ему в нос тут же пахнуло ароматом говядины, которую в этот чебурек напихали столько, что можно было наесться одной порцией. Ни в одной московской чебуречной – ни на Ярославской возле ВДНХ, ни на Сухаревской возле «Колхозной» – не клали в чебуреки столько говядины. Впрочем, чебуреки, которые ели Могол с Ребровым были особенные – их сделали по личному заказу Могола, не скупясь на фарш. В тех чебуреках, которые продавали в зале по 17 копеек за штуку, фарша клали в два раза меньше.

– А ты знаешь, когда я к футболу по-настоящему прикипел? – задал внезапно Могол вопрос, который Ребров не ждал от него услышать. – После войны я пацаном был и меня один честный вор приметил. Он знаешь где трудился? На Ленинградском проспекте, оно тогда еще шоссе называлось. Так вот он «чистил» фраеров, которые на футбол ездили – на стадион «Динамо». Тогда

ведь как было – на матчи люди толпами ходили, набиваясь в общественный транспорт, как сельди в бочку. О своих карманах в такой толкучке никто и не думал. Вот мы с тем вором эти карманы и чистили, вынимая из них по нескольку «лопатников». За один день могли месячную норму выполнить. Сейчас так за футбол уже не болеют. Поэтому и денег больших на «болелах» не заработаешь. Вот и приходится в «тотошку» играть. Ну, ничего, скоро здесь в Измайлово гостиницу отгрохают и новые башли сами потекут к нам в руки, – запивая чебурек пивом, заметил Могол.

Речь шла о гостинице «Измайлово», строительство которой должно было начаться в будущем году.

– Я слышал, на нее уже грузинские законники нацелились, – сообщил Ребров. – Их Шеварднадзе из Грузии попер, вот они теперь здесь хотят развернуться.

– Хер им по всей морде, – выругался Могол, сделав большой глоток из стакана. – Если надо, мы с бауманскими объединимся. Там у них один правильный кореш поднимается – Слава Япончик. Законником его сделаем и сообща против кавказцев двинем. А там и тебя коронуем – дай только время. А пока одно дельце тебе предлагаю. Ты же хочешь лишний «кусок» заработать и не парится?

– Кто же не хочет? – улыбнулся Ребров, вытирая салфеткой чебуречный бульон с губ.

– Надо сегодня одному парню ноги переломать в ресторане «Лесной».

– За что же ему такая планида выпала? – поинтересовался Ребров.

– Зольский его приговорил – чем-то этот парень ему насолил. Но нам это только на руку. Мы с Карпыча и башли возьмем и зарубку себе сделаем – на будущее. Чем больше этот спортивный чинуша гадостей совершит, тем сильнее в наших сетях увязнет. Он, мудила партейный, думает, что вор Могол у него в шестерках ходит. Ну-ну…

– И сколько Карпыч за сломанные ноги башлей кладет?

– Пять «кусков». Из них один тебе за то, что ты кента найдешь, который ногами займется, – ему, соответственно, тоже один «кусок», – ну, и три мне. Все по справедливости.

– И когда эти ноги должны быть сломаны?

– Сегодня в семь часов этот бедолага в «Лесной» пожалует. Там эта заварушка с ним и должна приключиться.

– Ну, а кто такой этот бедолага?

– Не знаю – мне его фото Карпыч вечером подвезет, а я его тому кенту передам, чтоб запомнил, – ответил Могол, беря с

тарелки еще один чебурек. – Твое дело, Ребро, маленькое – нужного кента под это дело найти и ко мне привести. До шести часов управишься?

Прежде чем ответить, Ребров взглянул на свои наручные часы – они показывали начало второго дня.

– Хорошо, найду тебе кента-костолома, – ответил Ребров и тоже взял с тарелки еще один сочный чебурек.

10 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, улица Рио Тольтен

Рафаэль Канто с утра сел за руль своего «Фиата» и начал методично объезжать клиники Сантьяго, где были женские консультации. Ему надо было узнать, в какой из них может наблюдаться худенькая блондинка по имени Сесилия – подруга Альваро Молина. Причем круг поисков был сужен, что облегчало работу лейтенанту. Он знал, что последним местом обитания Молина был неприметный домик в районе Эстасьон Колина. Значит, его женщина могла наблюдаться в клиниках поблизости: либо в этом районе, либо в соседних – Ло Солар, Батуко и Валье Гранде. Таких клиник Канто насчитал шесть – не такое уж большое количество, чтобы не объехать их в течение дня. Правда, эта затея могла и не выгореть – ведь Молина мог устроить свою женщину к какому-нибудь частному доктору. Но Канто рассуждал логически. Все-таки на таком позднем сроке беременности лучше наблюдаться в нормальной клинике, где есть все условия для родов (в том числе и экстренных), чем у какого-то врача на дому.

Лейтенант безуспешно объехал пять клиник, пока, наконец, в шестой – в Ло Соларе, ему не объявили: да, в списке их клиентов числится светловолосая женщина хрупкого телосложения по имени Сесилия. И Канто назвали ее полные инициалы: Сесилия Ортиз, 1951 года рождения, проживает по адресу: Валье Гранде, улица Рио Тольтен, дом 14. И лейтенант, усевшись за руль своего «Фиата», решил немедленно отправиться по этому адресу.

Прибыв на место, он достаточно быстро нашел нужный ему дом – одноэтажную постройку с железными воротами и двумя окнами, выходящими на внешнюю сторону улицы. Ставни на окнах были закрыты, а занавески задернуты, так что понять, есть ли кто в доме или нет, было нельзя. Но Канто запасся терпением и, откинувшись на спинку сиденья, стал неотрывно наблюдать за калиткой в воротах. Так прошло больше часа. У лейтенанта уже затекла шея и гудели ноги, но он продолжал сидеть в автомобиле, не решаясь выйти из него, чтобы не привлечь к себе чьего-либо

внимания. Наконец, когда минуло еще полчаса, калитка в воротах открылась и на улицу вышла беременная женщина небольшого роста и с забранными в пучок волосами светлого цвета. Сомнений быть не могло – это была Сесилия. Другое дело, было совершенно неясно, имеет ли она какое-то отношение к Молина или это всего лишь совпадение – ведь в огромном Сантьяго такое вполне было возможно. Но тут произошло еще одно событие. Следом за женщиной из калитки вышел мужчина чуть выше ее ростом, плотного телосложения в джинсах и легкой курточке. Взглянув на его лицо, Канто сразу узнал в нем Альваро Молина, фотография которого висела на стене его служебного кабинета на самом видном месте.

Тем временем следом за Молина из калитки вышли еще двое мужчин, которые пристроились к парочке чуть сзади. Канто сразу догадался – это была охрана главаря «мириcтов». Мужчины явно были вооружены – на это указывали движения их рук, которыми они периодически похлопывали себя под левыми подмышками, где обычно крепится наплечная кобура. Понимая, что одному ему с этой троицей не справится, Канто тронул автомобиль с места, рассчитывая лишь узнать, куда направляется это семейство. Как оказалось, целью их похода был магазин на проспекте Ла Монтанья Сур. Видимо, им нужно было пополнить свои продуктовые запасы, после чего они должны были вернуться назад домой. Вполне удовлетворенный этим выводом, Канто рванул с места свой «Фиат» и помчался в штаб-квартиру СИФА, чтобы срочно сформировать группу захвата и вернуться на Рио Тольтен во всеоружии.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, у стадиона имени В.И. Ленина

Народ на финальную игру стал прибывать к стадиону уже за два часа до ее начала – в половине шестого вечера. Причем значительную часть болельщиков составляли приезжие – гости из Армении и Киева. Они приехали в Москву разными путями – кто на поезде, а кто на самолете – и теперь шли на стадион большими колоннами, неся в руках плакаты, с помощью которых они собирались поддерживать своих любимцев во время игры.

Игнатова, Оленюка и опознавателей к стадиону привезли на автобусе, который выделил столичный ГУВД. Впрочем, автобус был не один, а целых пять – на четырех других к месту предстоящего матча приехали сотрудники МУРа и других подразделений московской милиции, которым тоже предстояло

участвовать в поисках и задержании «боксера». Им всем были розданы его фотороботы, которые они держали при себе. Руководил этой операцией начальник МУРа Владимир Корнеев, который должен был ежечасно докладывать о ее ходе начальнику ГУВД Самохвалову, а уже тот – министру Щелокову, который в данную минуту находился у себя в кабинете на улице Огарева, 6. Приезжать на матч он не стал, предпочтя наблюдать за ходом игры по цветному телевизору, установленному в его кабинете.

Обычно на такого рода спортивные мероприятия выделялись значительные силы милиции – до одной тысячи сотрудников. Но на этот раз их число увеличили до полутора тысяч, в виду чрезвычайности происходящего – задержания опасного преступника. Были подтянуты и другие службы: например, вокруг стадиона расположились десять машин «скорой помощи», в каждой из которых дежурили по два врача.

К каждому из опознавателей были приставлены по трое сотрудников МУРа, причем все они были рослые, спортивного вида. Они были вооружены боевым оружием советского милиционера – пистолетом «Макарова». Им предстояло по первому же сигналу от своих подопечных задержать преступника.

За час до начала игры, когда первых зрителей начали пускать на трибуны, опознаватели и их сопровождающие двинулись на стадион – каждый к своему выходу. Поскольку перекрыть они могли только четыре входа, на остальные были направлены лишь сотрудники милиции, которые успели внимательно изучить фоторобот преступника.

Нонна, которая внезапно увидела, что ее собирается увести на стадион не Оленюк, а совершенно незнакомые ей милиционеры, обратилась к сыщику с вопросом:

– А разве ты со мной не пойдешь?

– Я приду чуть позже – мне надо проконтролировать действие моих коллег здесь, – ответил сыщик тоном, который не подразумевал какие-то споры по этому поводу.

Поэтому женщина лишь вздохнула и направилась к месту назначения.

– Ты обманул такую женщину – мечту поэта, – покачал головой Игнатов. – Когда она узнает, что ты улетел без нее в Киев, она наложит на себя руки.

– А ты на что, Алексей – будешь следить за ее руками, – ответил Оленюк.

– Только за ними или можно присовокупить к ним и другие части тела?

Прежде чем ответить, Оленюк смерил приятеля суровым взглядом и спросил:

– Ты «Евгения Онегина» читал?

– В школе проходили.

– Тогда ты должен помнить прекрасные строчки из этой бессмертной поэмы: «Но я другому отдана, я буду век ему верна».

В это время к ним подошел Болеслав Ткачук, с которым у Оленюка был уговор – он должен был помочь чекистам опознать и задержать Зольского. Поэтому, простившись с Игнатовым, который отправился на стадион, Оленюк направился в другую сторону – к входу в гостевую ложу, куда должен был вскоре подъехать Зольский.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Измайлово, кафе-чебуречная «Ландыш» и Лужнецкая набережная

Зольский уехал с работы за три часа до ее окончания, чтобы до начала финального матча успеть заехать в два разных места: сначала встретиться с Моголом, а затем с Моченым. Вору в законе он должен был передать фотографию Анатолия Кожемякина с тем, чтобы Могол сегодня вечером смог послать к нему человека, которому предстояло нанести увечье спортсмену. Встреча с вором состоялась в кафе-чубуречной «Ландыш», поэтому «топтуны» из 4-го отдела (наружное наблюдение) Оперативно-поискового управления ГУВД Москвы, сидевшие на «хвосте» у Зольского, не могли знать, с кем он встречается.

Взяв из рук Зольского фотографию футболиста, Могол произнес:

– Что-то лицо знакомое.

– А какая тебе разница, чья это физиономия? – живо отреагировал на эти слова Зольский. – Твое дело маленькое: найти человека, который уложит этого парня на больничную койку.

– Значит, просьба прежняя – сломать ему ногу?

– Ломать или не ломать – дело ваше. Главное, чтобы он ближайшие недели две-три провалялся дома. Пустяшное дело, за которое я плачу тебе пять «кусков».

– Я и не отказываюсь, – ответил Могол и, вложив фотографию в конверт, бросил его в верхний ящик стола.

После встречи с Моголом Зольский отправился на второе свидание – с Моченым. Оно должно было пройти на Лужнецкой набережной.

Подъехав к нужному месту, Зольский заглушил мотор «Волги» и принялся ждать. Он специально приехал за десять минут до встречи (и за час до начала финальной игры), чтобы

осмотреться. Набережная была пустынна, поскольку весь народ шел на предстоящий матч со стороны метро «Спортивная». Именно поэтому Зольский и выбрал здесь место встречи – вокруг все хорошо просматривалось на достаточно большое расстояние.

Эта его предусмотрительность вышла боком «топтунам». Они вынуждены были припарковать свою машину на значительном расстоянии – у поворота на набережную, чтобы не привлечь к себе внимания Зольского. Не могли они и фланировать рядом с объектом, поскольку это сразу бы бросилось в глаза в виду безлюдности места. Единственное, что им оставалось – сидеть в автомобиле и издали наблюдать за тем, что происходит с объектом и вблизи него.

Зольский тщательно подготовился к этой встрече. Дома он заранее обработал ядом алюминиевый стаканчик, из которого должен был выпить коньяк Моченый. Этот яд Зольский выкрал у своей жены – известного врача-токсиколога высшей категории Изольды Лопушанской, которая привезла его из Венгрии с целью изучения в своей лаборатории в Институте скорой помощи имени Склифосовского. Узнав от супруги, как этот яд действует, Зольский отлил из двух пузырьков (а их было около десятка) некоторое количество яда просто на всякий случай – авось когда-нибудь пригодится. И вот этот случай представился. Яд обладал особенными свойствами – в зависимости от дозы, им можно было убить человека сразу, а можно было постепенно. Зольскому, как раз, нужен был последний вариант. Он хотел, чтобы Моченый скончался во время кубковой игры, прямо на трибуне, якобы от пережитого инфаркта. Яд воздействовал на сердечную мышцу и имитировал сердечную недостаточность. К тому же он был почти невидим для экспертов – бесследно растворялся в организме спустя час после применения. В случае с Моченым Зольский был уверен, что этот час у него будет – в этой сутолоке, которая обещала быть на матче, вряд ли труп человека, скончавшегося от инфаркта будут вскрывать оперативно.

Размышляя над этим, Зольский не заметил, как к его «Волге» подошел тот, кого он дожидался. Более того, в первые мгновения он его даже не узнал. Моченый был в кепке, темных очках и с трехдневной щетиной на скулах. Когда он уселся на сиденье рядом с Зольским, тот заметил, что его спутник напряжен.

– Ты чего такой смурной? – спросил Зольский, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более естественно. – Вроде, твои динамовцы сегодня не играют?

– С утра чувствую себя не в своей тарелке, будто кто-то висит у меня на хвосте, – ответил Моченый.

– Так вот почему ты при таком маскараде, – заметил

Зольский и стал озираться по сторонам, желая лично убедиться в обоснованности подозрений своего собеседника. Но ничего подозрительного не заметил.

– Нагнетаешь, Моченый, – покачал головой Зольский.

– Я свою интуицию знаю – она меня еще никогда не подводила.

При этих словах Зольский напрягся. Он вдруг испугался, что эта интуиция может сорвать ему задуманную им акцию. Но в следующую секунду подумал: «Может, хорошо, что он мандражирует? Ожидая одну опасность, люди обычно не замечают другую».

– Так ты что, на матч не пойдешь? – спросил Зольский.

– Пойду, но сразу после него собираюсь делать ноги. Поэтому мне деньги нужны – те, что ты мне обещал за ликвидацию Пустовила.

– Нет вопросов – получишь свои десять «косых», как было обещано.

– Когда?

– Я же не знал, что тебе они так срочно понадобятся. Поэтому давай договоримся так: после игры встречаемся здесь же и едем за деньгами. А ты куда ноги делать собираешься?

– Мест много. Но как только где-то осяду, ты первым об этом узнаешь.

– Правильно, Моченый – я тебе друг наипервейший, – сказав это, Зольский положил свою руку на колено собеседнику. – Мы с тобой уже почти четыре года рука об руку идем, столько дел наворотили. И, я уверен, еще столько же наворотим. А пока давай выпьем по пять капель за нашу дружбу.

– Мне нельзя, я лекарство принял, – ошарашил своим заявлением Зольского его приятель.

– Какое лекарство?

– Врач прописал пить антибиотики – у меня что-то с желудком.

– Фигня все это, – отмахнулся Зольский. – Врачам лишь бы пациента застращать, чтобы сильнее его к себе привязать. Так что плюнь на это – пять капель вреда не принесут. К тому же у меня отличный коньяк «нарисовался» – «Хенесси» называется. Его еще в 1917 году придумали для будущего короля Англии Георга IV. Мне один дипломат привез месяц назад, а я специально его берег для такого случая.

– Какого случая? – и Моченый перевел взгляд на собеседника.

– Вот такого, какой у нас с тобой – ты же надолго отчалить собираешься. Мы этот коньяк сейчас с тобой откроем, а потом я эту бутылку спрячу и достану, когда мы снова встретимся.

Хороший символизм получится.

– Любишь ты всякие заковыристые штучки, Карпыч, – заметил Моченый, и по его губам пробежала едва уловимая усмешка.

Она означала, что выпить по такому поводу Моченый не против. Поняв это, Зольский достал из сумки, лежавшей на заднем сиденье, коньяк и два стаканчика. Один, обработанный ядом, он отдал Моченому. Затем открыл бутылку и разлил жидкость по емкостям.

– Ну, за нашу дружбу до гробовой доски! – провозгласил тост Зольский.

Но пить первым не стал, ожидая, когда это сделает его компаньон. А Моченый какое-то время сидел неподвижно, глядя в лобовое стекло на вечернюю набережную. Было видно, что он о чем-то напряженно думает. Наконец, он очнулся от своих мыслей и залпом опрокинул в себя коньяк. Следом за ним то же самое сделал и Зольский. И тут же посмотрел на часы – засек время. По его расчетам, Моченый должен был отдать богу душу через два, максимум три часа.

«Топтуны» из наружки зафиксировали момент встречи Зольского с мужчиной в сером плаще и кепке, который пробыл в «Волге» около десяти минут. После чего покинул ее и быстрым шагом направился к ближайшим домам. Один из «топтунов» направился было за ним (в то время, как его напарник поехал за Зольским), но слишком поздно стартовал из-за большого расстояния, отделявшего их друг от друга. Поэтому, когда «топтун» достиг угла дома, за которым скрылся неизвестный, того уже и след простыл.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Измайлово, кафе-чебуречная «Ландыш»

Ребров привез к Моголу нужного человека спустя два часа после их разговора за чебуреками. Этим кентом был Сева Гаевский со старомодным погонял ом Жиган. Три месяца назад он «откинулся» с «зоны», где сидел за разбой и сам вышел на Реброва, вручив ему «маляву» – письмо от своего кореша по отсидке, которого Ребров хорошо знал. Кореш просил пристроить Жигана в хорошие руки, расписывая его как правильного зэка с бойцовским характером. Все это время Ребров держал Жигана «на подхвате», пока сегодня Могол не попросил его найти ему человека для деликатного дела. И Ребров подумал: «А почему бы не Жиган? Кореш расписывал его как боевитого парня, вот пусть в деле себя и проявит».

Когда Могол увидел человека, которого к нему привел Ребро, он около минуты внимательно его изучал, поле чего спросил:

– А почему у тебя погоняло Жиган?

– Это с малолетства пошло, – улыбнулся Гаевский. – Я тогда по форточкам лазил, и когда с дела со шмотьем возвращался, всегда одну и ту же песню пел: «Мустафа дорогу строил, а Жиган по ней ходил. Мустафа Жигана продал, а Жиган его убил». Из «Путевки в жизнь» – помните?

– Кто же ее не помнит, – усмехнулся Могол. – Только нам надо, Жиган, чтобы ты сегодня никого не мочил, а только покалечил. Сможешь?

– А чего не смочь? – пожал плечами Гаевский.

– И тебе за это еще и башли хорошие обломятся – «кусок» получишь.

– Деньги – дело хорошее, – снова улыбнулся Гаевский.

– Тогда греби сюда.

Когда гость выполнил его просьбу, Могол протянул ему конверт и сказал:

– Здесь фото того фраера, которого ты сегодня должен покалечить. Он в семь часов придет с одной бабой в ресторан «Лесной». Ты должен устроить какую-нибудь заварушку, во время которой надо сломать этому фраеру ушастому ногу.

– Именно сломать? – спросил Гаевский.

– А ты предлагаешь ее отрубить? – и Могол исподлобья посмотрел на собеседника.

– Нет, можно ее заточкой потыкать – она у меня всегда при себе, – и Гаевский достал из кармана пиджака названный предмет.

– А что, хорошая идея, – кивнул головой Могол. – Нам ведь надо, чтобы он со своей ногой пару-тройку недель на больничной койке провалялся, а ломать ногу дело накладное – здесь сноровка нужна. А если ты заточкой хорошо владеешь, тебе и карты в руки. Тем более, что в суматохе ее никто и не заметит. Уговорил – пусть будет заточка.

– В какую ногу тыкать? – спросил Гаевский, пряча заточку.

– Лучше в правую – она почти у всех рабочая. Как дело сделаешь, тебя Ребро обратно сюда привезет – честно заработанные башли получишь. Ну, все – двигайте в «Лесной».

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, у стадиона имени В. И. Ленина

Зольский подъехал к стадиону за полчаса до начала матча – в семь вечера. Он закрыл свою «Волгу» на ключ и успел сделать всего лишь несколько шагов по направлению к входу, ведущему на гостевую трибуну, как тут к нему подошли четверо мужчин, одного из которых Зольский узнал – это был Влас Оленюк. Однако разговор с чиновником завел не он, а незнакомый мужчина в застегнутом наглухо плаще:

– Добрый вечер, Леонид Карпович, я – полковник КГБ Украины Болеслав Ткачук, – и чекист предъявил Зольскому свое служебное удостоверение. – Можно вас на минутку?

– А в чем дело? – глядя в глаза чекисту спросил Зольский, стараясь быть как можно более невозмутимым.

– Мы хотим задать вам несколько вопросов относительно гибели товарища Пустовила.

– Но я уже отвечал на эти вопросы товарищу Оленюку, – ответил Зольский и кивнул в сторону сыщика.

– Мы знаем, но нам бы хотелось кое-что уточнить.

– Вы выбрали не слишком удачное время и место для этого – через двадцать минут начнется матч и мне надо быть на трибуне, – и Зольский демонстративно взглянул на свои наручные часы. – Давайте договоримся встретиться завтра в любом удобном для вас месте и я отвечу на все ваши вопросы.

– Вопросов не так уж и много и мы могли бы вполне разрешить их прямо сейчас, чтобы не отвлекать вас завтра.

– Хорошо, задавайте ваши вопросы, – согласился Зольский, пряча ключи от машины в карман своей куртки.

– Не на улице же мы будем это делать, – сказал Ткачук и его лицо осветила улыбка. – Давайте пройдемте к нам в машину и там все обсудим.

Услышав это, Зольский в течение нескольких секунд колебался. Но добродушная улыбка на губах чекиста сделала свое дело – чиновник согласился. И направился к белой «Волге», стоявшей неподалеку. Ткачук услужливо распахнул перед Зольским заднюю дверцу автомобиля и, когда тот очутился внутри, последовал следом за ним, оттеснив чиновника на середину сиденья. В это же время с другой стороны в салон сел еще один чекист, после чего Зольский оказался зажат между двумя пассажирами. Как только это произошло, «Волга» тронулась с места и рванула к выходу со стадиона.

Оленюк и еще один чекист должны были отправиться следом во втором автомобиле, но вышла заминка. Когда они направились к «Волге», Оленюк увидел, что им навстречу быстрым шагом идут Игнатов и Нонна, хотя оба они должны были быть внутри стадиона, чтобы участвовать в поисках «боксера».

– В чем дело? – спросил Оленюк у приятеля.

– Да вот, понимаешь, твоя девушка ни в какую не хочет помогать нам без твоего участия.

– Нонна Сергеевна, это правда? – придавая своему лицу суровое выражение, спросил Оленюк.

– Конечно, правда – я ведь приехала сюда ради тебя, а не какого-то «боксера», – заявила Нонна.

– Вы приехали сюда, чтобы исполнить свой гражданский долг – помочь милиции задержать опасного преступника, а вместо этого…

– В гробу я видела этот ваш долг, – оборвала речь сыщика женщина. – Мне надо свою личную жизнь устраивать – мужа завести и детей ему нарожать.

– А нельзя с этим подождать? – вступил в разговор Игнатов.

– Вам, мужикам, можно, а мне нет – детей лучше рожать до тридцати лет, а не после. Так журнал «Здоровье» пишет.

– И вы предлагаете сделать это прямо сейчас, во время финального матча на Кубок СССР? – продолжал допытываться Игнатов.

– Нет, можно сделать это и позже, но для этого нужны двое участников, а не один. А мой партнер, как я поняла, куда-то уже намылился.

Стоявший рядом чекист с недоумением внимал этому разговору и силился понять – это все говорится всерьез или в шутку. Заметив его недоуменный взгляд, Оленюк взял Нонну под руку и отвел в сторону, чтобы у их разговора не было свидетелей.

– Нонна, давай договоримся о следующем, – тоном, не терпящем возражений, начал Оленюк. – Ты сейчас идешь на стадион с товарищем Игнатовым и помогаешь ему в поисках «боксера». А я присоединюсь к вам чуть позже – у меня возникло важное дело.

– Какое еще дело? – напряглась Нонна.

– Важное – мне надо слетать… вернее, съездить в одно место и решить одну проблему.

– А как долго тебя не будет? – поинтересовалась Нонна.

– Естественно, чуть дольше того процесса, после которого на свет появляются дети – так что придется подождать. А если ты будешь возражать, то наши пути вообще разойдутся раз и навсегда. Мне не нужна женщина, которая свои личные интересы

ставит выше общественных. Понятно?

– Но я хотела… – начала было женщина, но Оленюк ее тут же оборвал:

– Без разговоров – кругом марш! И учти, Нонна, ты произведешь на меня впечатление, если лично поможешь нам в поисках «боксера». Так что постарайся.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, у стадиона имени В.И. Ленина

Надвинув на глаза кепку и подняв воротник плаща, Моченый двигался к стадиону имени Ленина, дымя на ходу сигаретой. Он шел в толпе таких же, как и он болельщиков, но, в отличие от них, не был весел и раскован в предвкушении будущего захватывающего зрелища, а был сосредоточен и напряжен. У него на душе было неспокойно – его звериное чуть подсказывало ему, что над его головой сгущаются тучи и надо срочно «делать ноги» – пускаться в бега. Однако пропустить столь увлекательное зрелище – финал Кубка СССР – он не мог, поэтому решил задержаться в столице еще на несколько часов.

Еще на подходе к стадиону он увидел цепочку из милиционеров, которые стояли лицом к прибывающим болельщикам и внимательно в них всматривались. «Никак ищут кого-то», – подумал Моченый и сильнее надвинул на лоб кепку. Впрочем, узнать в нем человека с фоторобота и без этого было сложно – мешала не только кепка и поднятый воротник, но и трехдневная щетина, проступившая на его скулах. Правда, слегка скошенный на сторону нос узнать было можно, но в сгущающихся сумерках и это было делом не таким уж легким. А тут еще Моченый, идущий поодаль от основной толпы болельщиков, специально вклинился в их ряды и вместе с ними миновал цепочку из милиционеров. Точно так же в толпе он подошел и к контролеру – пожилой женщине, которая едва успевала оторвать корешок у билетов, которые ей протягивали пришедшие на матч зрители.

Моченому повезло – у того входа, где он проходил на стадион, не было ни одного опознавателя, кто мог бы его узнать. Самый ближайший из них – Петр Мокрицкий – стоял с муровцами у соседнего входа и внимательно вглядывался в лица болельщиков. Однажды ему даже показалось, что он узнал «боксера» в мужчине, идущем с какой-то женщиной. Он подал условный сигнал муровцам, которые тут же подошли к незнакомцу и отвели его в сторону. Но когда к ним подошел

Мокрицкий и более внимательно посмотрел на задержанного, он понял, что обознался. И мужчина вернулся к своей даме, чтобы вместе с ней пройти на стадион.

Игнатов дежурил у соседнего входа вместе с двумя своими коллегами и Нонной, которая сначала стоически вглядывалась в лица приходящих людей, а затем начала канючить: мол, ну, когда же придет Оленюк. Игнатова так и подмывало сказать ей «Никогда» и объяснить, на каком расстоянии высоко от земли скоро будет находиться его коллега, но он сдержался, памятуя о том, что после такого сообщения от Нонны, как опознавателя, вряд ли будет какой-нибудь толк.

Тем временем в громкоговорителях уже начали объявлять составы команд, что означало – до начала игры остаются считанные минуты. Толпа болельщиков, идущих к стадиону, превратилась в маленькие ручейки, а потом и вовсе иссякла. Но Игнатов, выступавший за старшего, никого из своих коллег не отпускал, надеясь, что «боксер» может попросту опоздать на игру. Он даже не мог себе представить, что тот, кого сегодня так усиленно искали все милиционеры, отряженные в Лужники, уже сидел на трибуне в трехстах метрах от их поста и внимательно изучал программку, купленную им у работницы стадиона в подтрибунном помещении. В этот момент в громкоговорителях заиграл футбольный марш, написанный композитором Матвеем Блантером по просьбе известного спортивного радиокомментатора Вадима Синявского еще в далеком 1938 году.

10 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, улица Рио Тольтен

Спустя полтора часа Рафаэль Канто и с ним три десятка солдат и карабинеров подъехали на Рио Тольтен. Причем вся эта кавалькада из восьми легковых автомобилей и двух грузовиков подъехала к месту назначения со стороны улицы Рио Кларо. Там все выгрузились и не спеша двинулись к дому № 14, где прятались «мирисы». Прохожие, которые в эти часы находились на улице, шарахались в сторону, завидев военных людей с автоматами наперевес.

Наконец, дом «миристов» был окружен со всех сторон и солдаты только ждали сигнала к атаке, который должен был дать Канто, которого начальник СИФА назначил руководителем этой операции. Но лейтенант, медлил, прекрасно зная, что «мирисы» вооружены, причем наверняка достаточно основательно. Из его памяти еще не успел выветриться штурм такого же дома

«мириcтов» в районе Лас-Кондес, где обороняющиеся пустили вход не только автоматы и пулеметы, но и гранаты. В результате «мириcты» были уничтожены, но и нападавшая сторона тоже понесла значительные потери – девять солдат и пятеро карабинеров были убиты. Повторения такой бойни Канто не хотел. Но он не собирался и затягивать с этим делом, поскольку после наступления сумерек шансы «мириcтов» вырваться из западни заметно возрастали, чем теперь, днем. Главное было – найти такую возможность, чтобы застать их врасплох и обойтись минимальными жертвами. И такой момент наступил.

Канто и несколько солдат стояли за углом ближайшего дома и внимательно следили за воротами дома № 14. И вот в один из моментов, когда Канто уже собирался дать команду начать штурм, на противоположной стороне улицы появился велосипедист. Это был молодой парень с перекинутой через плечо соломенной сумкой. Он остановился возле ворот дома, где обитали «мириcты» и, посмотрев по сторонам, постучал в ворота условным стуком – три, один, два и снова один. Вскоре калитка открылась и парень исчез внутри дома вместе с велосипедом. Канто сделал жест рукой, отменяющий начало штурма – он решил подождать, когда парень выйдет на улицу снова. Он почему-то был уверен, что этот велосипедист приехал к «мириcтам» ненадолго. И точно – спустя полчаса калитка отворилась и парень с велосипедом снова появился на улице. И поехал как раз в ту сторону, где за углом притаились солдаты. В итоге спустя минуту он был схвачен людьми Канто.

– Ты кто такой? – направив пистолет в лицо парню, спросил лейтенант.

Но «мирист» стоически молчал, глядя полным презрения взглядом на Канто и его людей, окруживших его. За что один из солдат ударил его прикладом в грудь. Парень застонал и согнулся пополам. Но двое солдат подхватили его под руки и заставили снова выпрямиться.

– Сколько твоих дружков находится в доме? – задал новый вопрос Канто.

Но вместо ответа парень плюнул в лицо лейтенанту. За что тут же получил новый удар, сильнее прежнее – на этот раз сразу двумя прикладами.

Понимая, что этот велосипедист не намерен отвечать на его вопросы, а времени на его «обработку» у них нет, Канто дал приказ отвести задержанного в грузовик, а сам, вместе с солдатами, перебежав на другую сторону улицы, стал осторожно приближаться к дому, прижимаясь к стене. Когда он достиг железных ворот, то постучал в них тем же условным стуком, что и

велосипедист – три, один, два и снова один. Расчет был на то, что «миристы», если они больше никого сегодня не ждут, подумают, что это зачем-то вернулся велосипедист. Однако в течение минуты после того, как Канто постучал, внутри дома сохранялась тишина. Тогда лейтенант повторил свою попытку – постучал снова. И вскоре после этого в доме скрипнула дверь и чьи-то шаги застучали по ступеням крыльца.

– Рикардо, это ты? – раздался мужской голос с внутренней стороны ворот.

– Да, – коротко ответил Канто.

И в следующую секунду в калитке послышался шум отодвигаемой задвижки.

10 октября 1973 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Глава КГБ сидел за столом и внимательно читал доклад начальника 1-го отдела (США и Латинская Америка) Первого главного управления Анатолия Киреева о ситуации в Чили и, в частности, о манипуляциях хунты вокруг предстоящего вскоре в их страну визита делегации ФИФА. В докладе указывалось, что Национальный стадион в Сантьяго приводится в надлежащий порядок – там уничтожаются следы концлагеря. Футбольное поле и трибуны, где под дулами автоматов сидели тысячи заключенных, приобретает прежний вид, а в подтрибунных помещениях, которые служили камерами, уничтожаются следы преступлений: там совсем недавно не только пытали, но и убивали людей – например, был зверски убит чилийский певец и коммунист Виктор Хара.

В самый разгар чтения Андропова внезапно отвлек голос его секретарши, которая по громкой связи сообщила, что встречи с шефом КГБ дожидается Марат Изюмов. Андропов, который в данную минуту не ждал прихода главного куратора спорта на Лубянке, отложил в сторону доклад и попросил пригласить визитера к себе в кабинет. И, едва тот появился на пороге, сразу понял по его лицу – произошло нечто серьезное. И не ошибся.

– Только что мне стало известно, что в Москву три часа назад прибыла представительная делегация из Киева, – усаживаясь на стул, сообщил Изюмов. – Возглавляет ее полковник украинского КГБ Болеслав Ткачук – доверенное лицо Федорчука. Все они поселились на спецдаче под Балашихой по распоряжению Цинева. Вы что-нибудь об этом знаете, Юрий Владимирович?

– В первый раз слышу, – не скрывая своего удивления,

ответил Андропов.

В служебной иерархии Григорий Цинев был его первым заместителем и обязан был сообщить ему о приезде украинских чекистов. Но тот этого до сих пор не сделал.

– На мой взгляд, этот приезд связан с сегодняшним кубковым матчем в Лужниках между «Араратом» и киевским «Динамо», – продолжил свою речь полковник.

– Почему вы так решили?

– Дело в том, что этим же спецрейсом в Москву прибыли еще несколько человек: сотрудник киевского уголовного розыска и трое киевлян, которые, по нашим данным, должны помочь в опознании и задержании во время того же матча особо опасного преступника, на котором, по предварительным данным, уже висят два убийства.

– А Щелоков в курсе этой операции?

– Полагаю, что да, поскольку инициирует ее Московский уголовный розыск.

Андропов на какое-то время ушел в себя, пытаясь понять, какую игру может вести здесь его оппонент из МВД и может ли это быть опасно ему. Но так ничего и не надумал. А вот приезд в Москву украинских чекистов во главе с представителем Федорчука, с которым у шефа Лубянки были не менее сложные отношения, чем со Щелоковым, вызвали у Андропова серьезную обеспокоенность. Тем более, что прикрывать их взялся еще один его недоброжелатель – Цинев. Было понятно, что эти люди задумали какую-то каверзу, но вот какую, Андропов пока раскусить не мог. И тогда он решил действовать решительно. Отпустив Изюмова, он связался с секретаршей и попросил вызвать к себе Цинева. И спустя десять минут тот переступил порог его кабинета.

– Георгий Карпович, почему я узнаю о приезде людей Федорчука в Москву не от вас лично, а от совершенно других людей? – без всяких предисловий, спросил Андропов.

– Потому что эти люди приехали по моему приглашению для выполнения моего задания, – не моргнув глазом, ответил Цинев. – Ты что, Юрий, мне не доверяешь?

– Речь не об этом, а о служебной субординации – я все-таки председатель КГБ, а вы мой заместитель.

– Первый заместитель, поэтому имею право на определенную самостоятельность. И вообще, какая вожжа залетела тебе под хвост? – сказав это, Цинев улыбнулся.

Но Андропову было не до веселья.

– Так вы доложите мне, зачем эти люди прибыли в Москву?

– Пока я не имею на это полномочий.

– От кого? – и брови Андропова от удивления взметнулись вверх.

– От Леонида Ильича.

– Так это его приказ?

– Считай, что его.

Андропов какое-то время молчал, после чего протянул руку к телефонному аппарату, который соединял его с дачей генсека. Проигрывать шеф КГБ не любил, поэтому решил играть ва-банк.

– Леонид Ильич, добрый вечер, – поздоровался Андропов с Брежневым.

Однако вместо ответного приветствия он услышал недовольный возглас генсека:

– Юрий, ты что, футбол не смотришь?

– Какой футбол? – удивился главный чекист страны.

– Кубок СССР сейчас начинается – киевляне против «Арарата».

– Нет, не смотрю – я еще на работе.

– А пора бы домой уже уехать и сесть к телевизору – знатный матч сегодня намечается.

Затем в разговоре наступила пауза, которую первым нарушил Брежнев:

– Ну, ладно, матч еще не начался – что у тебя там стряслось?

– Сегодня в Москву из Киева приехала группа чекистов от Федорчука с неясным для меня заданием, – стал докладывать Андропов. – Цинев поселил их на спецобъекте, но об их миссии ничего мне сказать не хочет – ссылается на вас. Говорит, что это ваше распоряжение.

– Мое? – искренне удивился Брежнев. – Да я впервые об этом слышу. А где сейчас Георгий?

– Рядом со мной, – ответил Андропов и переключил тумблер громкой связи.

Цинев подошел к столу и обратился к Брежневу:

– Леонид, эти люди прибыли по распоряжению Щербицкого.

– А почему я об этом ничего не знаю? – продолжал удивляться генсек. – Что это за миссия такая таинственная – заговор что ли?

– Боже упаси, – тут впервые в голосе Цинева послышались тревожные нотки, поскольку все знали, что любое упоминание о заговорах вызывало у генсека чуть ли не панику. – Эта группа прибыла в Москву, чтобы арестовать человека, который подозревается в совершении тяжкого преступления на Украине.

– Что за человек?

Цинев колебался, стоит ли раскрывать инкогнито этого субъекта. Но иного выхода у него не было – ответа ждал сам

генсек.

– Это Леонид Зольский из здешнего Управления футбола.

– Черт вас возьми! – не смог сдержать своего негодования Андропов. – Что вы здесь затеяли – собираетесь арестовать человека, который необходим нам на свободе?

– Что ты там говоришь, Юрий? – спросил Брежнев.

– Леонид Ильич, это тот самый Зольский, который является одним из главных фигурантов нашего расследования о тотализаторе, – сообщил Андропов. – Его ни в коем случае нельзя арестовывать, иначе вся цепочка полетит – его подельники тут же лягут на дно, в том числе и Банкир.

– Слышал, Георгий? – генсек вновь обратился к Циневу.

– Слышу, Леонид, только поздно уже, – развел руками генерал-полковник.

– В каком смысле?

– В том, что Зольского уже задержали и в данную минуту должны этапировать в Киев самолетом из Внуково.

– Должны или уже этапируют? – спросил Андропов.

Цинев взглянул на настенные часы и ответил:

– Самолет должен быть взлететь еще пять минут назад.

10 октября 1973 года, среда, Москва, аэропорт Внуково

Цинев не ошибся – самолет ТУ-104 с чекистами и Зольским на борту уже двадцать минут, как оторвался от бетонки внуковского аэропорта, и держал курс на Киев. Правда, это был не тот спецсамолет, на котором украинские чекисты прибыли в Москву, а обычный, гражданский. Дело в том, что когда Ткачук и его люди привезли Зольского в аэропорт, там выяснилось, что идет дозаправка их самолета и продолжаться она будет еще около часа. Ткачук был возмущен, что это не было сделано заранее, но командир экипажа ничего не мог с этим поделать – в этот день Внуково работало в авральном режиме, поскольку туда прибыли несколько незапланированных рейсов из Армении и Украины, где находились болельщики, приехавшие на финал Кубка СССР. Когда Ткачук услышал эти объяснения, он решил лететь обычным рейсом, поскольку дорога была каждая минута – ведь люди Андропова могли в любой момент перехватить своих коллег и тогда Зольский остался бы в Москве.

Ткачук, Оленюк, Зольский и двое чекистов расположились в хвостовой части самолета, заняв два ряда кресел. При этом Зольский был заключен в наручники, а на руки ему наброшен его же плащ, чтобы не смущать пассажиров. Он сидел у

иллюминатора рядом с Оленюком, Ткачук и еще один чекист расположились за ними, а третий сотрудник КГБ занял место на противоположном от Оленюка ряду.

Зольский давно уже прекратил возмущаться произволом чекистов, которым он всю дорогу до аэропорта грозил всеми возможными карами. Теперь чиновник сидел, что называется, тише воды, ниже травы, смиренно потупив взор. Но это была лишь имитация смирения – на самом деле арестант внутри был весь напряжен как струна и непрестанно прорабатывал в уме те способы защиты, которые он применит, когда в Киеве его припрут к стенке. Возможностей, чтобы вывернуться у него было предостаточно и он, перебирая их теперь в уме, пытался выстроить из них ту логическую цепочку, которая позволила бы ему избежать сурового наказания. И вот тут он мысленно не переставал себя хвалить за то решение, что принял в отношении Моченого. Поглядывая на свои наручные часы, Зольский прикидывал, что жить его подельнику остается минимум час, а это означало, что почти все концы, ведущие к Зольскому, будут обрублены. После смерти Моченого можно было валить на него все, что только можно, изображая из себя жертву этого упыря и бывшего спортсмена-боксера, которого Зольский когда-то вытянул из одной криминальной истории и помог остаться на свободе. Короче, сидевший рядом с Оленюком человек в наручниках вовсе не думал сдаваться на милость победителям – он рассчитывал еще побороться.

10 октября 1973 года, среда, по дороге в ресторан «Лесной»

Ребров и Гаевский вышли из кафе-чебуречной и сели в «копейку», принадлежавшую группировке Могола. От кафе-чебуречной до ресторана ехать было около двадцати минут, поэтому Ребров, сидевший за рулем, ехал без превышения скорости. Когда они встали на светофоре, Сева вытащил из кармана куртки конверт, который вручил ему Могол, и, заглянув в него, стал внимательно изучать фотографию, вложенную внутрь.

– Ну, что – справишься? – поинтересовался Ребров, трогая машину на зеленый свет.

– Без проблем – судя по лицу, этот фраер совсем еще пацанчик.

Еще раз взглянув на фото, Гаевский закрыл конверт и бросил его в бардачок, как и велел ему Могол.

Спустя десять минут они уже были у ресторана.

– Когда за тобой заехать? – спросил Ребров, когда его попутчик собрался было покинуть салон.

– Подгребай через час – этого времени мне вполне хватит, – ответил Гаевский и выбрался из автомобиля.

Ребров не стал ждать, когда он скроется в дверях ресторана и тронулся в обратный путь. Спустя десять минут он притормозил у того же светофора и какое-то время сидел неподвижно, глядя на то, как стайка пешеходов переходит дорогу перед его автомобилем. Затем ему это наскучило и он перевел взгляд в сторону. И заметил, что дверца бардачка закрыта наполовину. Он потянулся рукой, чтобы ее закрыть, и увидел краешек конверта, лежавшего в бардачке. На светофоре еще горел красный свет, поэтому время у Реброва еще было. Он достал конверт и заглянул внутрь него. И тут же с губ его слетело смачное ругательство – с фотографии на него смотрело лицо Анатолия Кожемякина.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В. И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев)

Когда обе команды выбежали на поле лужниковского стадиона, зрители встретили это событие радостным гулом. На матч пришло более 60 тысяч зрителей при полной заполняемости стадиона в 100 тысяч. Причем превосходства болельщиков какой-то одной команды не было – аудитория разделилась ровно надвое.

В истории розыгрышей Кубка СССР это был уже второй матч между двумя этими командами. Первый состоялся 19 лет назад, в 1954 году, когда «Арарат» носил другое название – «Спартак». В тот раз киевляне оказались сильнее, победив 2:1, благодаря голам Виктора Терентьева и Михаила Комана. Впоследствии они оба, повесив бутсы на гвоздь, работали в киевском «Динамо». Но если Терентьев до начала 1973 года был начальником команды, а на момент финала Кубка-73 сидел пока без работы, то Коман был помощником старшего тренера команды Александра Севидова и вместе с ним вывел киевлян на газон Лужников.

Команды выставили на игру свои лучшие составы. У динамовцев это были: вратарь Валерий Самохин, защитники – Александр Дамин, Виктор Матвиенко, Михаил Фоменко, Стефан Решко, полузащитники – Владимир Трошкин, Владимир Мунтян, Леонид Буряк, Виктор Колотов (капитан), Владимир Веремеев, нападающий – Олег Блохин. У «Арарата»: вратарь Алеша Абрамян, защитники – Санасар Геворкян, Арменак Саркисян,

Александр Коваленко, Норайр Месропян, полузащитники – Аркадий Андреасян, Сергей Бондаренко, Ованес Заназанян (капитан), нападающие – Левон Иштоян, Эдуард Маркаров, Назар Петросян.

Это была третья игра этих команд в этом сезоне. Две предыдущие игрались в рамках первенства СССР и завершились с одинаковым счетом 3:1: сначала успех сопутствовал «Арарату» (7 апреля), затем киевлянам (20 августа). Причем тактические схемы в обоих играх у команд были одинаковые: ереванцы играли по схеме 4-3-3 (четыре защитника, три полузащитника и трое нападающих), а киевляне играли по схеме 4-4-1-1 (четыре защитника, два центральных и два крайних полузащитника, действующих в одну линию, атакующего полузащитника и ярко выраженного бомбардира).

Схема ереванцев предполагала, что игроки покрывают все поле. Среднюю линию составляли Заназанян, Андреасян и Бондаренко. Гибкость тактики заключалось в том, что один из центральных полузащитников в некоторых эпизодах выдвигался вперед, занимая позицию опорного полузащитника, затем снова возвращался назад. Впереди действовали шесть футболистов, каждый из которых мог завершить атаку. По этой причине защитники «Арарата» редко подключались к атакам, но команда играла в комбинационный футбол. Зная об этом, те же киевляне всегда старались сбить этот настрой ереванцев с помощью всяческих хитростей: например, часто пасовали мяч своему вратарю. И в первом матче 7 апреля это происходило до тех пор, пока судья не выдержал – сделал предупреждение Трошкину за очередную откатку мяча.

Схема киевлян предполагала хорошее видение поля со стороны атакующего полузащитника (Леонида Буряка) и поддержка атаки с флангов с прицелом на одного нападающего. Причем эта схема родилась у киевлян не от хорошей жизни. Они еще до начала сезона-73 потеряли таких нападающих, как Хмельницкий, Бышовец, Пузач и Шевченко, оставшись всего с одним форвардом – Блохиным. Поэтому во главу угла тренер Александр Севидов поставил игру полузащитников, и те стали забивать большинство мячей. Как и нападающий Блохин, которого снабжал мячами Буряк.

В финале Кубка СССР обе команды не изменили своим прежним тактическим схемам. У ереванцев игра строилась через полузащитника Андреасяна (главного забивалы команды), который умел на поле практически все – и защищаться, и атаковать, и бороться за мяч, и обыгрывать. Коронным приемом № 6 ереванцев были длинные и средние пасы: прежде чем сделать

такую передачу, Андреасян выдерживал паузу, а затем вдруг принимал самое неожиданное для соперника решение. Андреасян должен был активно взаимодействовать с центральным нападающим Маркаровым и фланговым нападающим Иштояном. Но киевляне, зная об этом, постарались «закрыть», как Андреасяна, так и двух нападающих – например, Маркарова (самого низкорослого игрока первенства СССР) «караулил» Решко. Кстати, он был в киевском «Динамо» единственны… баптистом. Он даже пытался проповедовать футболистам, никуда не ехал без Библии, всегда молился перед матчами. Он был из закарпатского села, из очень набожной семьи – его отец даже пытался запретить сыну играть в футбол, поскольку баптистская церковь в то время не приветствовала такие занятия. Семья Решко не имела телевизора, поскольку тот в доме баптиста считался враждебным пропагандистом, а следовательно – грехом. Отец не видел, как его сын играет, хотя все их село вокруг гудело, когда киевляне выигрывали.

Задача перед киевскими защитниками была поставлена конкретная – взять под персональную опеку всех нападающих ереванцев и не давать им простора для маневра. То есть, киевляне избрали тактику активного прессинга, чтобы не дать техничным ереванцам использовать свои излюбленные приемы при подготовке к атаке. В то же время быстрые перемещения Блохина, Колотова, Трошкина и Веремеева в сочетании с созидательной работой Мунтяна должны были привести к территориальному преимуществу киевлян. Но в такой тактике крылась и опасность. Никто не мог дать гарантию, что этот прессинг не измотает киевлян и они к середине матча попросту «сдохнут» – устанут, чем и могут воспользоваться ереванцы.

Главным арбитром кубкового матча был москвич Павел Казаков – весьма авторитетный судья Всесоюзной (1959) и Международной (1970) категорий. В свое время он сам был футболистом (играл в нескольких командах, в том числе и в московском «Спартаке») и на данный момент провел, как арбитр, около 120 матчей высшей лиги. Финал Кубка СССР он судил впервые (зато успел отсудить 23 мая другой финал – Кубка УЕФА между «Боруссией» и «Ливерпулем»), но был настроен не ударить лицом в грязь, поскольку от этого зависело его судейское реноме. Он и раз входил в десятку лучших судей сезона и в 1973 году собирался стать им в 12-й раз.

Однако ереванцам этот арбитр был знаком совсем по иному поводу, причем не самому хорошему. Дело было в 1962 году, когда Казаков судил игру ереванского «Спартака» и ленинградского «Зенита». Матч проходил в Ереване. Гости

оказались сильнее и победили 2:0 (оба гола забил Дмитрий Дубровский). Но ереванские болельщики сочли, что судьи (а их было трое: Казаков, Рафалов и Пинский) судили их команду предвзято и устроили после игры грандиозную бучу: жгли на улицах автомобили, били стекла. А судей осадили в подтрибунном помещении и грозили им расправой. От последней арбитров спасла милиция, которая целых четыре (!) часа сдерживала осаду тысячной толпы. В конце концов судей удалось эвакуировать со стадиона с помощью воинского эскорта.

После этого ереванский «Спартак» подал протест на судейство в этой игре. Его разбирали на Коллегии Союза спортобщества и организаций (так тогда именовался Спорткомитет СССР). Итог: судьи были полностью реабилитированы, а руководители футбола Армении за допущенные беспорядки на стадионе строго наказаны.

Когда стало известно, что кубковую игру 1973 года снова будет судить Казаков, кое-кто из ереванских спортруководителей хотел добиваться отклонения этой кандидатуры. Но Москва пресекла этот демарш и Казаков вышел на поле Лужников вместе со своими помощниками – Лукьяновым и Табаковым. И в назначенное время дал свисток к началу игры.

Матч начался с атак киевлян, которые сразу повели себя агрессивно и стали наступать широким фронтов – пятью полузащитниками и одним нападающим (Олег Блохин). Это вынудило ереванцев прижаться к своим воротам – они были явно обескуражены этим натиском. Вот Матвиенко начал атаку из глубины динамовской защиты, адресовав мяч Решко. К тому наперерез бросился ереванец Бондаренко, но Решко не стал его обводить и отдал мяч в прорыв – набегающему Буряку. Тот сместился на левый фланг и совершил стремительный рывок к штрафной «Арарата». Ему попытались помешать сразу двое ереванских защитников – Геворкян и Саркисян, тем самым оставив свободной одну из позиций. Именно этим и воспользовался стремительный Блохин – он сделал рывок вперед, и этот маневр не мог не увидеть Буряк (это была их наигранная комбинация). Последовал точный навес и Блохин, приняв мяч на грудь, скинул его себе на ход и ворвался в штрафную ереванцев. Перед ним был всего лишь один защитник – Месропян. Но Блохин сделал ложное движение корпусом в сторону, на которое «купился» его визави. Когда Блохин это увидел, он пробросил мяч вперед, обошел защитника и вышел на ударную позицию – перед ним, кроме вратаря Абрамяна, больше никого не было. Однако на этот раз эта преграда для лучшего забивалы киевлян оказалась непреодолимой. Блохин ударил по мячу, целясь в дальний,

правый угол ворот. Но вратарь угадал замысел нападающего и бросился именно в этот угол, вытянувшись в полете, как струна. И кончиками пальцев отбил мяч на угловой. К угловому флажку побежал динамовец Трошкин, а игроки обеих команд столпились в штрафной площадке «Арарата».

10 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, улица Рио Тольтен

Как только дверь в калитке приоткрылась, Канто рванул ее на себя и ударом рукоятки пистолета в голову свалил «мириста» с ног. Перешагнув через потерявшего сознание мужчину, Канто и его люди стали осторожно приближаться к дверям, ведущим в дом. И тут их заметили из окна. В следующую секунду оно растворилось и из него высунулось дуло автомата «Калашников». Увидев это раньше своих солдат, Канто успел отпрыгнуть в сторону, за каменную клумбу с цветами, и основной шквал огня пришелся на тех, кто шел за ним следом. Трое солдат рухнули замертво на землю, а остальные отпрянули назад, за металлические ворота. На какое-то время стрельба прекратилась, но спустя секунду возобновилась снова – это сразу несколько солдат перепрыгнули через ограду соседнего дома во двор дома «мириstов» и стали поливать шквальным огнем то окно, откуда недавно велась стрельба.

Тем временем в доме царила суматоха. Внутри находилось пять человек: Альваро Молина, его возлюбленная Сесилия и трое «мириstов», охранявших своего лидера. Эти трое находились в той самой комнате, окна которой выходили на ворота, а Молина и Сесилия были в соседнем помещении, откуда можно было через черный ход попытаться попасть в соседний двор и скрыться. Но прежде, чем это сделать, требовалось убедиться в том, что солдаты не держат под прицелом эту сторону. Чтобы проверить это, наружу осторожно выбрался один из «мириstов», вооруженный автоматом. И тут же угодил под прицельный огонь солдат, которые засели на крыше соседнего дома. Одна из пуль угодила «мириsту» в плечо и он, ведя ответный огонь, ввалился обратно в дом. Стало понятно, что и этот путь отрезан – солдаты окружили дом плотным кольцом. И все же один путь к отступлению у осажденных оставался и находился он под их ногами. На кухне был небольшой люк, который вел в подвальное помещение, откуда можно было по подземному лазу выбраться в небольшой сарай, стоявший в глубине двора. По крыше этого сарая можно было попасть на крышу соседнего дома, а уже оттуда

перебраться на ближайшую улицу. Поэтому Молина, понимая, что каждая минута грозит гибелью не столько ему, сколько его возлюбленной и их будущему ребенку, рывком открыл люк и приказал женщине спускаться вниз. В это время двое «мириstов» вели бой с солдатами, наступавшими со стороны ворот, а раненый «мирист» держал под прицелом черный ход.

Канто лежал за каменным выступом клумбы и стрелял из автомата по окнам, за которыми скрывались осажденные. Но затем, расстреляв один магазин, он дал команду своим солдатам прекратить огонь. И когда выстрелы стихли, причем с обеих сторон, Канто обратился к главарю «мириstов»:

– Молина, вы окружены, сопротивление бесполезно. Если тебе не дорога собственная жизнь, тогда подумай о своей женщине и вашем ребенке.

Крикнув это, Канто замолк, ожидая ответа. Но его не было в течение минуты. Затем из ближнего к лейтенанту окна раздался голос Молина:

– Где гарантии, что если мы сдадимся, вы не тронете мою женщину?

– Даю тебе слово офицера – мы не воюем с беременными женщинами.

– Нам надо подумать, – ответил Молина.

– Хорошо, даем вам десять минут.

На самом деле Молина не оставил надежды вывести свою возлюбленную через подземный ход, но ему нужно было время. И он его получил.

10 октября 1973 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

После того, как Цинев покинул его кабинет, Андропов тут же связался по телефону с министром гражданской авиации Борисом Бугаевым – тот был дома.

– Добрый день, Борис Петрович, это – Андропов, – представился шеф КГБ. – Звоню вам по экстренному случаю. Несколько минут назад из аэропорта Внуково в направлении Киева вылетел самолет. На нем украинские чекисты, посланные Федорчуком, этапируют к себе одного человека, который ни в коем случае не должен покидать пределы Российской Федерации. Мы можем что-то сделать, чтобы повернуть самолет обратно?

– А что это за самолет, Юрий Владимирович? – после короткой паузы, понадобившейся ему для того, чтобы осмыслить услышанное, спросил Бугаев.

– По нашим сведениям, это спецсамолет Федорчука.

– А вы что, не можете сами связаться с Виталием Васильевичем? – удивился министр.

– Думаю, он меня не послушает – вся эта акция проводится по заданию Щербицкого.

– Ах, вот оно что, – произнес Бугаев и на какое-то время затих.

Андропов понял, что министр мучительно размышляет, чью сторону принять. Ведь Бугаев был с Украины, родился под Киевом, и даже воевал там – будучи летчиком, выполнял задания Центрального штаба партизанского движения Украины. А после войны перебрался в Москву – работал во Внуково. Поэтому он не хотел ссориться с Щербицким, да и с Федорчуком тоже. Андропов про это знал, но не позвонить ему не мог – только Бугаев, как министр, мог помочь ему повернуть самолет обратно.

– А Леонид Ильич знает об этой ситуации? – подал наконец голос Бугаев.

– Да, он в курсе, но в данную минуту смотрит финал Кубка СССР и поэтому я не хочу лишний раз его тревожить.

– Он смотрит матч на стадионе?

– Нет, у себя на даче в Заречье.

– Тогда давайте я ему перезвоню и через несколько минут выйду на вас снова.

Андропову не оставалось ничего другого, как согласится. А про себя он подумал: «Страхуется министр – дело понятное».

10 октября 1973 года, среда, Заречье, дача Леонида Брежнева

Брежнев сидел в кресле в гостиной, пил кефир из чашки и буквально не сводил взора с экрана, где киевский полузащитник Трошкин ставил мяч на угловую отметку для удара. И в тот момент, когда он разбегался, за спиной Брежнева, на столе, где стояли правительственные телефоны, специально переброшенные из его кабинета на втором этаже сюда, зазвонил один из аппаратов.

– Чтоб вас!.. – выругался генсек, вздрогнув от неожиданного шума за спиной и едва не подавившись кефиром.

Но к телефону сразу не встал – досмотрел момент, когда Трошкин подавал угловой. Тот ударил крученым, закрутив мяч на дальнюю штангу. Однако вратарь ереванцев Абрамян, правильно выбрав позицию, отбил мяч за ворота, тем самым «заработав» еще один угловой, но уже с противоположной стороны. И пока динамовец Колотов бежал к дальнему флажку, Брежнев встал с

кресла и подошел к надрывающемуся на столе телефону. Он поднял трубку, и услышал на другом конце провода голос своего личного пилота – министра гражданской авиации Бориса Бугаева:

– Извините, Леонид Ильич, за неожиданный звонок, но дело неотложное.

– Ну, говори скорей, Борис, а то тут футбол идет, – произнес Брежнев, стараясь скрыть свое недовольство.

– Андропов просит завернуть назад самолет Федорчука, который летит в Киев. Вы про это что-то знаете?

– Знаю, конечно. Заверни, как Юрий просит – я разрешаю.

– Все понял, Леонид Ильич – приятного просмотра, – и Бугаев первым положил трубку.

А Брежнев отправился к своему креслу, чтобы, усевшись в него, вновь насладиться финальной игрой.

10 октября 1973 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова и аэропорт Внуково

Минуло почти пять минут, прежде чем на столе Андропова зазвонил телефон. Это был Бугаев.

– Все нормально, Юрий Владимирович, Леонид Ильич дал «добро». Так что я сейчас свяжусь со своими службами и мы решим эту проблему – вернем самолет в Москву.

Однако сделать это быстро не получилось. Дело в том, что когда Бугаев вышел на руководство аэропорта Внуково, те сообщили, что спецсамолет Федорчука находится… в аэропорту. А люди председателя КГБ Украины вылетели на родину обычным рейсом чуть меньше получаса назад.

– Тогда свяжитесь с этим рейсом и прикажите командиру экипажа немедленно поворачивать назад и возвращаться в Москву, – приказал начальнику аэропорта Бугаев. – Объясните это экстренными обстоятельствами.

– Будет исполнено, Борис Петрович, – четко отрапортовал аэропортовский начальник и повесил трубку.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев)

Колотов сильным ударом подал мяч с углового в площадь ворот ереванцев, но их вратарь Абрамян высоко выпрыгнул вверх и ударом кулака отбил мяч далеко в поле. Когда мяч взмыл вверх,

Абрамян, глядя на его полет, почему-то вспомнил своего брата Фурмана. Ему вдруг почудилось, что тот наблюдает за их игрой с небес и напутствует своего брата-вратаря добрым словом. Фурман Абрамян тоже играл за «Арарат» (1966–1972), но на позиции защитника. Свой первый сезон он играл в качестве «волнореза» – впереди линии обороны и забил два гола с дальних дистанций. Затем играл на позиции «стоппера», часто персонально опекал центрфорвардов, но не потерял вкус к атакам и продолжал забивать издали. Многим болельщикам был особенно памятен гол, забитый Фурманом с 30 метров вратарю киевского «Динамо» Евгению Рудакову в Киеве и июля 1972 году. Ереванцы в тот момент проигрывали 0:2 и именно гол Фурмана вдохновил их на штурм ворот соперника. В итоге тот матч они свели к ничьей – 2:2. А спустя 24 дня Фурман Абрамян погиб в автокатастрофе на Севанском перевале в расцвете лет и игровой карьеры – ему было 29 лет.

Мяч подхватил Андреасян, наперерез которому тут же бросился киевлянин Мунтян. Фамилия у него, вроде бы, армянская, а на самом деле отец у него был молдаванин, а мать чистокровная русская из Воронежа. Поэтому земляком для ереванцев он не был и бился с ними не щадя своих сил. Но Андреасян не стал мудрить с обводкой и тут же отправил мяч вперед – стремительному и юркому Маркарову. А тот по центру поля устремился вперед. На большой скорости он с помощью ловкого финта обыграл Колотова и отдал мяч на фланг – Иштояну. И тот, ворвавшись в штрафную площадку киевлян, мощнейшим ударом отправил мяч в дальний угол ворот. Вратарь киевлян Самохин был явно не готов к этому удару, думая, что удар будет нанесен в ближний угол. То есть, ереванец поймал его на противоходе. Но, видимо, баптист Решко не зря перед матчем усиленно молился в раздевалке – мяч пролетел мимо ворот всего лишь в нескольких сантиметрах от дальней штанги.

* * *

Игнатов стоял на трибуне стадиона у одного из выходов и держал в руке рацию – она соединяла его с остальными участниками операции, которые рассредоточились по всему стадиону и стояли у таких же выходов. Матч уже длился около десяти минут, а результат был нулевой. Причем не только на табло, но и у муровцев, которые так и не сумели обнаружить преступника – ни на подходе к стадиону, ни на нем самом. А ведь он, видимо, был где-то поблизости и с интересом смотрел игру,

которая разворачивалась на зеленом газоне, со всех сторон освещенном мощными прожекторами.

Рядом с Игнатовым стояла Нонна, которая редко глядела на поле – футбол ей был мало интересен – предпочитая крутить головой в разные стороны в поисках неуловимого преступника. Но этого человека с перебитым носом нигде видно не было. Да и трудно было отыскать в этом скопище мужчин (а женщин на этом матче практически не было) того, когда Нонна видела всего лишь один раз в жизни. Но ей очень хотелось его найти, поскольку такую задачу перед ней поставил человек, который был ей далеко не безразличен.

Между тем Моченый сидел чуть выше того места, где стояли Нонна с Игнатовым, и с интересом наблюдал за игрой. В тотализаторе он поставил на победу киевлян и теперь с удовлетворением отмечал, что, кажется, не ошибся – динамовцы были более агрессивны, чем их визави, и уже имели несколько прекрасных возможностей, чтобы открыть счет. Но каждый раз ереванцам везло. «Ничего, долго вам везти не будет – фарт, он любит настырных», – думал про себя Моченый. И в этот самый момент в его глазах помутилось, а грудь сжало так, как будто она угодила в тиски. Моченый схватился за сердце и ладонью стал тереть больное место. Делал он это так интенсивно, что спустя несколько секунд боль отступила, как будто ее и не было. «Что это на меня такое накатило? – подумал Моченый. – Может, антибиотики так шарашат? Или коньяк у Карпыча был некачественный? Хотя он говорил, что тот у него королевский».

Однако спустя минуту, глядя на то, как киевляне разворачивают очередную атаку, Моченый уже забыл о недавней боли в груди, и вновь погрузился в игру.

10 октября 1973 года, среда, Киев, Межгорье, дача 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого

Финал Кубка СССР Щербицкий смотрел на своей даче вместе с сыном Валерием. Причем вели они себя по-разному. Если отец живо реагировал на то, как его команда атакует ворота противника, то его сын в такие моменты, наоборот, затихал и оживал только тогда, когда в атаке был «Арарат». В разгар этого просмотра на столе у Щербицкого зазвонил телефон внутренней связи. Когда хозяин дома поднял трубку, он услышал на другом конце провода голос председателя КГБ Украины Федорчука:

– Владимир Васильевич, извините, что беспокою, но ситуация требует вашего вмешательства. Только что мне звонил Цинев из

Москвы и сообщил, что Андропов пытается завернуть наш самолет обратно.

– Какой самолет, куда обратно? – не понял смысла сказанного Щербицкий, не отрывая взгляда от экрана, где киевляне организовали очередную опасную атаку.

– Ну, самолет, который должен доставить в Киев Зольского.

– Да ты что?! Ошибки быть не может?

– Исключено.

– А Брежнев в курсе?

– Цинев говорит, что да. Но, может, вам самому переговорить с Леонидом Ильичем по-дружески?

Щербицкий взял паузу, которая длилась недолго – хозяину Украины не терпелось вернуться в кресло и продолжить просмотр футбольного матча. Поэтому уже спустя несколько секунд он согласился с Федорчуком и положил трубку на аппарат. После чего поднял трубку с другого аппарата, стоявшего на том же столе – правительственной связи, чтобы позвонить Брежневу.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В. И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев)

Вратарь киевлян Самохин ввел мяч в игру, рукой послав его в ноги своему защитнику Дамину. Тот, в свою очередь, переправил его дальше – Фоменко, от которого мяч попал к Мунтяну, который прицельным навесным переправил его Буряку, а тот адресовал Блохину. В ноги киевлянину бросился защитник Геворкян, но подкат у него не получился – киевлянин ловким финтом обыграл ереванца. Передал мяч Колотову и тот нанес прицельный удар по воротам. Но Абрамян видел этот маневр, поэтому сместился в нужном направлении и легко забрал мяч в руки. И тут же бросил его в ноги защитнику Саркисяну. А тот, вместо того, чтобы идти вперед, решил затеять распасовку у своей штрафной с Коваленко. Но пас его был неточен и его перехватил Блохин, который вырос перед защитником как черт из табакерки. Подхватив мяч, киевлянин сделал стремительный рывок в штрафную и вышел один на один с Абрамяном.

10 октября 1973 года, среда, Заречье, дача Леонида Брежнева

Увидев, как Блохин стремительно ворвался в штрафную площадку ереванцев, Брежнев приподнялся в кресле, а руками

впился в подлокотники. И в эту секунду за его спиной начал трезвонить телефон.

– Чтоб вам пусто было! – в сердцах воскликнул Брежнев.

Но торопиться к аппарату не стал – сначала досмотрел эпизод с выходом Блохина один на один. Киевлянин не стал обводить вратаря, а решил отправить мяч в правый угол ворот. Но Абрамян разгадал этот финт и в прыжке отбил мяч в поле. Там его подхватил Саркисян и в этот раз, не мудрствуя лукаво, навесным ударом выбил мяч к центру поля, где его подхватил Маркаров.

Брежнев подошел к столу и поднял трубку с аппарата. И услышал взволнованный голос Щербицкого:

– Леонид, что это такое – Андропов собирается завернуть самолет, который везет в Киев человека, совершившего преступление на территории Украины?

– Во-первых, здравствуй, Володя, – поздоровался с собеседником генсек. – Во-вторых, насколько я знаю, весомых фактов, уличающих Зольского в данном преступлении, пока нет. А в-третьих – он нужен Андропову как фигурант в оперативной игре, которую вы можете поломать. Поэтому я принял решение пойти навстречу Юрию – он меня убедил в правильности своих действий. А в-четвертых, Зольский от вас никуда не денется.

– Но Андропов без году неделя в Политбюро, а уже много на себя берет, – продолжал негодовать Щербицкий. – Если ему потворствовать…

– Володя, я тебе еще раз повторяю – я в курсе этой ситуации, – прервал речь собеседника Брежнева. – И, поверь мне, не дам Юрию действовать в ущерб твоим интересам. Кстати, разреши лично поздравить тебя с большим успехом – Украина сдала стране один миллиард пудов зерна. Вчера мы опубликовали наше поздравление в печати, но я хочу поздравить тебя неофициально – по-дружески. Молодцы, так держать! А по поводу Зольского не беспокойся – возьмешь его чуть позже и вытрясешь из него всю душу, это я тебе обещаю. А пока давай смотреть футбол. Кстати, твои мне сегодня нравятся – гол ереванцам так и напрашивается. И Блохин хорош!

– Спасибо, Леонид, за добрые слова – и про один миллиард, и про наших динамовцев. Приятного тебе просмотра, – и Щербицкий первым повесил трубку.

10 октября 1973 года, среда, территория РСФСР, 9 тысяч метров над землей, салон самолета ТУ-104

Получив приказ с земли о немедленном развороте самолета и возвращении в Москву, командир экипажа вынужден был подчиниться. И хотя причины этого приказа он не знал, но ослушаться его никак не мог – по словам диспетчера, это было распоряжение самого министра гражданской авиации.

Однако разворот судна не остался незамеченным со стороны пассажиров. По их рядам прошел ропот удивления и все взоры обратились в сторону стюардессы, которая появилась в голове салона и внезапно объявила:

– Уважаемые пассажиры, в связи с непредвиденными обстоятельствами наш самолет вынужден повернуть обратно в Москву. Экипаж самолета просит никого не беспокоиться – после того, как проблема будет решена, мы продолжим свой путь. Просим извинить нас за возникшие неудобства.

Едва стюардесса скрылась за занавеской, как со своего места поднялся Ткачук.

– Что это за самодеятельность такая, – не скрывая своего недовольства, произнес чекист. – Надо переговорить с командиром – пусть объяснит, что происходит.

– А чего тут объяснять, – подал голос Оленюк. – Видимо, в Москве очухались и хотят вернуть нас с вами обратно.

– Я же говорил вам, что вас ждут неприятности, – воспрял духом Зольский.

– А вы зря радуетесь, Леонид Карпович, вас ведь не освобождать на земле собираются, а отправить в Лефортово, – живо отреагировал на слова чиновника Оленюк.

– А это мы еще посмотрим, – усмехнулся Зольский.

И в этот самый миг произошло неожиданное. Со своих мест поднялись двое мужчин, один из которых скрылся за занавеской, а другой достал из кармана пиджака… пистолет и, направив его на пассажиров, громко произнес:

– Всем сидеть на месте, это – захват! Кто дернется, получит свинцовую пилюлю в башку.

А чтобы ни у кого из пассажиров не возникало иллюзий по поводу его заявления, мужчина со всей злости саданул рукояткой пистолета по голове мужчины, который сидел на ближнем к нему кресле и пытался вступить с ним в разговор. Но разговаривать ни с кем угонщик был не намерен, поэтому вел себя агрессивно и без какой-либо дипломатии.

В это время его напарник, уйдя за занавеску, приставил пистолет к голове, напуганной до смерти стюардессы, а ее напарнице приказал вызвать кого-нибудь из кабины пилотов. Стюардесса подчинилась – нажала на кнопку экстренного вызова, которая зажигала красный сигнал в кабине пилотов.

Командир экипажа тут же обратился к бортмеханику Игорю Линеву:

– Игорек, сходи, узнай, в чем там дело.

Линев поднялся со своего места и отправился на зов. Но не успел он открыть защелку на двери, как с внешней стороны кто-то сильно ударил по ней и в кабину ввалился человек с перекошенным от злости лицом и пистолетом в руке.

– Не двигаться – это захват! – закричал налетчик и ударил бортмеханика рукояткой пистолета в грудь.

После чего заставил его сесть в свое кресло, а сам, направив пистолет в сторону командира экипажа и штурмана, приказал:

– Поворачивайте самолет обратно на Киев – оттуда полетим в Турцию, в Трабзон.

Командир экипажа сразу понял, какими событиями навеян этот маршрут, благо произошли они недавно – в октябре 1970 года. Тогда отец и сын Бразинскасы захватили пассажирский самолет Ан-24, убили стюардессу Надежду Курченко и заставили экипаж лететь в Трабзон. Там они сдались местным властям, которые не выдали их на родину и обошлись с ними более чем гуманно: приговорили отца к восьми годам тюрьмы, а сына к двум, при этом отец вот-вот должен был выйти из тюрьмы по амнистии. Нынешние угонщики, видимо, рассчитывали на такой же исход. Отсидеть несколько лет в турецкой тюрьме для них, матерых уголовников, было равносильно поездке на курорт. Этими угонщиками были Степан Бурымский по кличке Бурый и его приятель Родион Кокин по кличке Кока. Те самые люди, которых МУР в эти самые часы искал на земле, а они забрались на высоту девять тысяч метров над ней.

10 октября 1973 года, среда, Измайлово, ресторан «Лесной»

Ребров примчался к ресторану в тот самый момент, когда там уже начался концерт оркестра Владимира Клейнота, где солистом был Леонид Бергер. В недавнем прошлом – знаменитый вокалист ВИА «Веселые ребята», который попал в этот ансамбль исключительно за то, что виртуозно, как никто другой, исполнял песни «Битлз» на языке оригинала. Павел Слободкин, руководитель «Веселых ребят», услышал Бергера в январе 1969 года в музыкальном училище и с ходу предложил ему перейти к нему, чтобы выпустить в свет пластинку с песнями «Битлз». В итоге на свет родился миньон, где звучали две битловские композиции: «Об-ла-ди, Об-ла-да» (на английском языке) и «Старенький автомобиль» (на русском языке). Пластинка имела

феноменальный успех и сделала Бергера чрезвычайно популярным. После чего он отработал в ансамбле три года. Но в 1972 году решил уехать на постоянное место жительство в Австралию и, чтобы не подводить Слободкина, ушел из коллектива заранее – когда документы еще только оформлялись. Он устроился на время в оркестр Владимира Клейнота, игравший в ресторанах, и сегодняшний концерт в «Лесном» был чуть ли не прощальным – вскоре после этого Бергер собирался покинуть Союз.

Когда Ребров вошел в ресторан (а впустили его безо всякого приглашения, поскольку знали, как правую руку Могола), Бергер исполнял «медляк» – битловскую «Girl», под которую танцевали более полутора десятка пар. В одном из танцующих Ребров узнал Кожемякина, который медленно кружился в паре с миниатюрной девушкой в мини-юбочке, из-под которой выглядывали две пары стройных ног. И Ребров с облегчением перевел дух – значит, он не опоздал. Но теперь надо было найти Жигана, который затерялся где-то в зале и наверняка со своего места внимательно следил за своей жертвой, чтобы уже в скором времени пустить в ход свою заточку. Ребров абсолютно не знал, как он сумеет предотвратить намеченную акцию, но сомнений в том, что ее надо предотвратить, у него не было никаких. Короче, в очередной раз ему приходилось выступать в роли ангела-хранителя для талантливого футболиста.

Ребров искал глазами Жигана и вскоре нашел его, сидящим за дальним столиком вместе с каким-то пожилым дядькой и пергидрольной молодухой – видимо, любовницей этого старика. А чуть поодаль, у стены, Ребров заметил еще одного человека, при виде которого в голове у него тут же созрел план, с помощью которого он мог бы предотвратить покушение на футболиста. Человека, которого высмотрел Ребров, звали Фима – это был знаменитый в Измайлове вор-карманник. Несколько месяцев назад он угодил в автомобильную аварию, в результате которой у него оказались сломанными обе руки. А эти части тела для вора-карманника являются важнее всех остальных. Две недели назад с Фимы сняли гипс и сегодня он пришел в «Лесной» специально, чтобы потренироваться – «прошерстить» карманы у некоторых нуворишей из разряда неместных, которые слетелись сюда, чтобы послушать Бергера и посмотреть кино про «Битлз». Именно к Фиме и направился Ребров.

Карманник с интересом осматривал публику и курил «Мальборо». Увидев Реброва, он обрадовался, так как давненько с ним не встречался. Пожав ему руку, Ребров спросил:

– Как ручонки – небось, соскучились по чужим карманам?

– Не то слово – буквально стонут от нетерпения, – усмехнулся Фима.

– А Могол знает, что ты сегодня здесь работаешь?

– Само собой – он и разрешил потрясти публику из разряда нездешних.

– Кого-то уже приметил?

– Вон того кента хочу пощупать, – и Фима кивнул в сторону стола, где сидел пожилой дядька и его молодуха.

– Аразмять ручонки не хочешь? – спросил Ребров. – Видишь, вон того кадра, что сидит за одним столиком с твоим кентом? У него в правом кармане пиджака лежит заточка – можешь ее сюда притаранить?

Фима посмотрел на Жигана, который пил крюшон – он его впервые видел, поэтому не знал, кто это такой и зачем сюда пришел.

– А он что, из наших, если с заточкой ходит? – спросил Фима.

– Залетный, но я боюсь, как бы он своей заточкой каких-нибудь дел здесь не натворил. Ну, что, сделаешь?

– Как два пальца, – ответил Фима и вдавил сигарету в стену.

После чего достал из пачки новую сигарету и, имитируя пьяного, шатаясь отправился к нужному столику. Подойдя к нему, он наклонился к Жигану и попросил у него огонька. И когда Жиган полез в карман за спичками, Фима, изображая пьяного, неловко подался вперед и всем телом навалился на собеседника. Но длилось это пару секунд, после чего Фима вновь обрел устойчивость и благополучно прикурил. И так же шатаясь, вернулся к Реброву. И вручил ему заточку, которая минуту назад лежала в кармане у Жигана.

– Вижу, что твои пальчики готовы к ударному труду, – похвалил карманника Ребров и спрятал заточку в карман.

Одна половина дела была сделана.

10 октября 1973 года, среда, Чили, Сантьяго, улица Рио Тольтен

Канто взглянул на часы – отпущенные «миристам» десять минут ультиматума истекли. Молина молчал и эта тишина ничего хорошего не предвещала. Канто сделал жест своим солдатам, чтобы они были готовы начать новый штурм. Как вдруг к лейтенанту, засевшему за клумбой, подбежал капрал и сообщил неожиданную новость: что его срочно требует к телефону сам начальник СИФА полковник Эдгар Себальос Хонес.

Спустя минуту Канто уже был возле автомобиля, внутри

которого находился телефон, соединявший его со штаб-квартирой СИФА.

– Лейтенант, каково положение «мириstов» на данный момент? – спросил полковник.

– Они по-прежнему находятся внутри дома и не собираются сдаваться, – ответил Канто. – Я дал им десять минут на раздумья, но они уже истекли, а ответа все нет. Мы будем продолжать штурм дома.

– Отставить, лейтенант – штурма не будет.

– Как не будет, почему? Я вас не понял, сеньор Себальос.

– Повторяю тебе еще раз: надо отставить штурм и дать «мириstам» уйти. Снимите заслон в одном месте, чтобы они могли просочиться.

– Что это значит, я не понимаю? – прижимая трубку к губам, почти закричал Канто. – Мы можем уничтожить самого Альваро Молина. Их в доме всего лишь несколько человек, их силы на исходе. Дайте команду на штурм!

– Я тебе повторяю: команды на штурм не будет, – все тем же решительным тоном заявил полковник. – Дайте «мириstам» уйти – это приказ. Вы меня слышите, лейтенант?

Канто молчал, не в силах смириться с услышанным. Фактически у него в руках находился один из самых дерзких главарей «мириstов», нужен был всего лишь один бросок, чтобы уничтожить его или взять в плен, а ему приказывают его отпустить. Что за бред?

– Лейтенант, вы поняли, что я вам сказал? – вновь подал голос полковник.

– Да, сеньор полковник, я вас понял, – разжал, наконец, губы лейтенант.

– Повторите мой приказ.

– Дать возможность уйти Молина и его людям.

– Правильно – выполняйте. Когда вернетесь, я вам все объясню. До встречи.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев)

Первый тайм матча закончился вничью 0:0. Территориальное преимущество в первой половине игры было на стороне киевлян, но они не смогли реализовать его в голы. Но вторая сорокапятиминутка обещала еще более интересное зрелище, чем первая. Поэтому многие зрители, собравшиеся на стадионе, не

стали уходить в подтрибунные помещения и остались на своих местах, чтобы не пропустить нечто важное, что могло произойти уже на первых минутах второго тайма.

Игнатов, Нонна и еще трое муровцев курсировали в подтрибунном коридоре в надежде на то, что Нонне удастся-таки опознать «боксера». Они не знали, что их труд напрасен – Моченый остался сидеть на трибуне и внимательно изучал программку матча. К тому же у него опять возобновились боли в груди и он периодически тер ее рукой в надежде, что это поможет. Это действительно помогало, но не надолго – затем боль возвращалась опять.

Как и ожидалось, второй тайм начался с атак киевлян. Они наступали широким фронтом силами Колотова, Трошкина, Веремеева, Мунтяна, Буряка и Блохина. Но защитники «Арарата» вырастали стеной на пути киевлян, пресекая их атаки у своей штрафной. Впрочем, так было не всегда. В один из моментов сразу трое киевлян ворвались в штрафную и вывели в прорыв Блохина. Он снова должен был выйти один на один с Абрамяном, но тот бросился ему под ноги и сумел перехватить мяч. А спустя две минуты, во время очередной атаки киевлян, Абрамян взмыл вверх, пытаясь поймать верховой мяч, но неудачно приземлился на землю и сильно ударился плечом. Дикая боль пронзила тело вратаря, который на несколько секунд даже потерял сознание. Игра была остановлена и Никита Симонян, тренер ереванцев, видя, что его вратарь лежит без движения, уже дал команду быть готовым выйти на поле запасному голкиперу. Однако прошло еще несколько секунд и Абрамян, наконец, очнулся. С помощью партнеров он поднялся с земли, держась за больное плечо.

– Алеша, играть сможешь? – спросил вратаря капитан команды Заназанян.

Голкипер молча кивнул головой. И матч возобновился. И теперь уже ереванцы пошли в атаку, чтобы дать прийти в себя своему голкиперу. Мяч подхватил Коваленко, который быстро прошел центр поля и отдал пас Маркарову. Тот с помощью финта обыграл киевлянина Решко и навесил на фланг, где этого паса ждал Иштоян. Тот прошел по самой кромке поля, на скорости обошел Веремеева и навесил в штрафную. И там первым к мячу подоспел Петросян, который головой направил мяч в ближний угол ворот. Но динамовский вратарь Самохин, который в этом матче вступал в игру реже, чем его ереванский визави, сумел в прыжке схватить мяч руками. И не раздумывая выбросил его в ноги Матвиенко. Тот сильным ударом послал его в центр поля, где мяч подхватил Буряк. Впереди открывался Блохин и все ждали, что Буряк сделает пас на него. Но он навесил в штрафную,

куда ворвался Мунтян. Удар – но мяч пролетел в нескольких сантиметрах от штанги.

Абрамян ввел мяч в игру, ударом ноги адресовав его Саркисяну. А тот решил отдать его Геворкяну, но сделал это столь неловко, что мяч перехватил Колотов. Увидев это, в штрафную ереванцев рванулся Буряк. Он уже собирался принять мяч, когда сзади в него врезался Месропян и сбил с ног. Судья Казаков тут же указал рукой на одиннадцатиметровую отметку – пенальти. Ереванцы даже почти не спорили – нарушение было очевидным. А вытекало оно из логики игры – киевляне непрерывно атаковали и заставили-таки своего соперника ошибиться. К мячу подошел Колотов – капитан команды и лучший пенальтист киевлян. Разбег, удар – и мяч влетел в тот угол ворот, где не было Абрамяна. Динамовцы повели по.

10 октября 1973 года, среда, Киев, Межгорье, дача 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого

– Го-о-о-л! – закричал Щербицкий и вскочил с кресла.

Его громкий крик вырвался в открытое окно и напугал охранников, которые стояли на улице и курили. Но затем, поняв, что означает этот крик, охранники заулыбались – если кричал их подопечный, значит, гол забили киевляне.

А Щербицкий подбежал к своему сыну и крепко сжал его в своих объятиях. Но тот как-то вяло отреагировал на этот выплеск эмоций со стороны отца.

– Ты что такой смурной, Валерий – наши гол забили? – удивился Щербицкий-старший.

Но затем вспомнил, что совсем недавно его сын лежал под капельницей, и спросил:

– Тебе что, плохо?

– Да уж – нехорошо, – ответил Валерий, имея в виду не свое здоровье, а то состояние, которое его охватило после забитого гола.

Но его отец ни о чем не догадался, потрепал сына по вихрам и вновь вернулся в свое кресло, чтобы продолжать следить за игрой.

10 октября 1973 года, среда, территория РСФСР, 9 тысяч метров над землей, салон самолета ТУ-104

– Я вам еще раз повторяю: самолет захвачен и летит в

Турцию! – кричал в микрофон Бурый, обращаясь к диспетчеру, который вел их самолет на земле.

– Но у вас не хватит горючего, – отвечал диспетчер.

– Тогда мы дозаправимся и полетим дальше. И не дай вам бог нам помешать – мы перестреляем всех пассажиров, как куропаток.

Сказав это, Бурый бросил микрофон штурману и спросил:

– Где мы можем дозаправится?

– У нас горючего только до Киева.

– Значит, летим туда. И без шуток – нам терять нечего.

В это время второй угонщик – Кока – держал под прицелом своего пистолета пассажиров в салоне. Чекисты и Оленюк сидели примерно в пятнадцати метрах от него и мучительно соображали, как им поступить. Из них только Ткачук был вооружен БП – бесшумным пистолетом, созданным в 1967 году специально для сотрудников КГБ, участвующих в сложных операциях. Однако пускать его в дело было опасно – угонщики могли открыть ответную стрельбу и тогда самолету грозила катастрофа. Здесь надо было действовать наверняка, но, как именно, Ткачук пока не знал.

– Полковник, хочу спросить вас как художник художника: вы стрелять умеете? – слегка повернув голову назад, спросил у чекиста Оленюк, который знал о наличие у того пистолета.

– Если честно, то стрельба не мой конек, – ответил Ткачук.

– А вот я из десяти выбиваю девять.

– Намекаешь на то, чтобы мой ствол перешел к тебе?

– Если вам не жалко с ним расстаться на некоторое время, – улыбнулся Оленюк.

После этих слов Ткачук осторожно, чтобы это не бросилось в глаза угонщику, достал пистолет из наплечной кобуры и передал его в руки Оленюку сквозь щель между креслами.

– Вы что, собираетесь открыть стрельбу в самолете? – зашипел на них Зольский.

– Сидите тихо, Леонид Карпович, и смотрите в иллюминатор, – посоветовал ему Оленюк.

Он тоже понимал, что стрельба на борту воздушного судна чревата гибелью для всех, поэтому собирался действовать наверняка. Главное – выбрать удобный момент.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев)

Забив гол, киевляне решили играть на удержание счета. Хотя

это была рискованная стратегия, поскольку играть еще оставалось почти полчаса. Но иного выхода у киевлян не было – они слишком много сил отдали атаке, непрерывно терзая оборону ереванцев на протяжении 60 минут. В итоге киевляне стали тянуть время – сбились на мелкий пас, стали все чаще возвращать мяч назад, своему вратарю. Почувствовав это, «Арарат» начал планомерную осаду ворот киевлян. Еще активнее, чем раньше, стал перемещаться по своему левому флангу Иштоян, которому хорошо помогали Заназанян, Андреасян и Петросян. Раз за разом эта четверка стала врываться в штрафную площадь киевлян и наносить один удар за другим. Но мяч то пролетал мимо, то на его пути вставал вратарь Самохин.

– Никита, тебе не кажется, что Эдик подустал, – обратился к тренеру ереванцев Никите Симоняну кинорежиссер Эдмонд Кеосаян, который сидел с ним рядом на лавке.

Симонян и сам видел, что Маркаров уже не так активен, как раньше и проку от него на поле, действительно, нет. Да и помощники Симоняна – Ованес Абрамян, Арутюн Кегеян и начальник команды Роберт Цагикян несколько раз обращались к Симоняну: дескать, пора бросать в бой свежие силы. И на 73-й минуте у ереванцев произошла двойная замена: вместо Маркарова Симонян выпустил на поле правого крайнего нападающего Николая Казаряна, а вместо полузащитника Бондаренко – опять же нападающего Сергея Погосова. То есть, тренер ереванцев решил сыграть ва-банк – усилить нападение с тем, чтобы попытаться сравнять счет в матче и перевести игру в дополнительное время.

Казарян и Погосов так здорово вписались в игру, что со стороны казалось, будто они играли с первых минут. Вот Казарян прорвался по своему правому флангу и сильным ударом навесил мяч в штрафную киевлян. Самохин выпрыгнул вверх, чтобы кулаком отбить мяч подальше от ворот, но не рассчитал и промахнулся. Мяч упал на газон и первым его коснулась нога ереванца Андреасяна. Удар, и только чудо спасло киевлян от неминуемого гола – мяч пролетел в нескольких сантиметрах рядом со штангой.

– Александр, ереванцы провели две замены – надо бы и нам сделать то же самое, – обратился к тренеру киевлян Севидову его помощник Михаил Коман.

– Вы разве не видите, что происходит на поле – «Арарат» нас атакует, – не скрывая своего удивления, ответил Севидов.

– До конца матча остается чуть меньше пяти минут, поэтому не думаю, что ереванцы чего-нибудь добьются, – продолжал стоять на своем Коман. – К тому же, речь идет о двух защитниках,

которые со свежими силами сумеют помочь нашим ребятам сдержать натиск ереванцев.

– Вы так говорите, потому что этим двух надо обязательно выйти на поле, чтобы получить звания мастеров спорта, – заметил Севидов.

– Да, и это тоже надо учитывать, – согласился Коман. – Сроки подошли – ребята играют в команде пять лет и вполне заслужили эти звания.

Речь шла о молодых футболистах Викторе Кондратове (21 год) и Валерии Зуеве (21 год ему должен был исполнится через месяц). Севидов ничего не имел против этих ребят, но он сомневался, что они могут принести пользу в столь ответственный момент – в финале Кубка СССР. Но и не послушаться Комана он не мог – чем больше было в команде мастеров спорта, тем больше было у нее льгот. Поэтому, взглянув на табло, где секундомер отсчитывал последние три минуты матча, Севидов дал команду произвести замены.

10 октября 1973 года, среда, Киев, Межгорье, дача 1-го секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого

– Что такое, что он делает? – не скрывая своего удивления, спросил Щербицкий, когда увидел, что у киевлян произошла замена. – Зачем он меняет Буряка и Блохина?

– Отец, Севидов выпускает молодых, чтобы у них была возможность заработать звания мастеров спорта, – ответил Валерий, который после этих рокировок заметно оживился.

– Это надо делать именно сейчас? – продолжал удивляться Щербицкий.

Но сын ничего ему не ответил – он с интересом уставился в экран телевизора, где должна была развернуться интрига, достойная пера Шекспира.

В отличие от двух игроков «Арарата», вышедших на замену почти двадцать минут назад, Кондратов и Зуев не смогли так легко вписаться в игру. И уже спустя полминуты после их выхода ереванцы едва не сравняли счет. Погосов метров с пятнадцати нанес удар по воротам динамовцев и только мастерство Самохина, в немыслимом прыжке отбившего мяч, спасло киевлян от гола. Но «Арарат» и не думал сдаваться. Отбитый мяч попадает в ноги Андреасяну, тот снова бьет, но удар парирует защитник. Первым к мячу успевают ереванцы – это был Казарян. Он бьет метров с десяти и попадает точно в Самохина. Но тот не сумел зафиксировать мяч, который отскочил в поле, где набежавший

Иштоян нанес по нему мощнейший удар верхней стороной стопы. На этот раз Самохин оказался бессильным – мяч, выпущенный как из пушки, реактивным снарядом влетел в сетку ворот, едва не пробив в нем дыру. Счет стал ничейным – 1:1. И это буквально за одну минуту до конца матча!

– Чтоб тебе пусто было! – вскочил со своего кресла Щербицкий.

– Кому, отец? – не понял Валерий.

– Севидову, а кому же еще?! Это же он надумал заменить двух ведущих игроков на двух молокососов. Им, видите ли, звания мастеров подавай. И как теперь, спрашивается, играть в дополнительное время – без Буряка и Блохина, зато с двумя молокососами?

Тот же самый вопрос спустя пять минут задал Команду и Олег Блохин. Команды шли в раздевалку, чтобы передохнуть перед продолжением игры, и Блохин специально нагнал второго тренера, чтобы задать ему этот вопрос.

– Ладно, ладно, без тебя разберемся, – отмахнулся от игрока Коман и прошествовал в раздевалку.

А на Севидова было больно смотреть – кажется, только теперь он осознал, в какую западню себя загнал. Или позволил загнать. Но обратного хода уже не было.

10 октября 1973 года, среда, Измайлово, ресторан «Лесной»

Когда под сводами ресторана зазвучали первые аккорды знаменитой битловской песни «Об-ла-ди, Об-ла-да», практически все, кто был в зале, вскочили со своих мест и бросились к танцполу, чтобы начать дружно отплясывать под бешеный ритм этого великого шлягера. Причем в исполнении Леонида Бергера эта веселая песенка про семейство Джонсов и их детишек исполнялась в куда более жестком варианте, чем в оригинале, что придавало этой вещице особенный шик – она превращалась в забойный рок-н-ролльный хит, под который хотелось танцевать без остановки. «Об-ла-ди, об-ла-да, жизнь продолжается», – пел Бергер на чистейшем английском, вводя публику в неописуемый восторг.

Кожемякин и Татьяна лихо отплясывали вместе со всеми, вздымая руки вверх и мотая головами из стороны в сторону в такт мелодии. Здесь же поблизости танцевал и Жиган, который по ходу песни все ближе подбирался к своей жертве – Кожемякину. Наконец, где-то к середине композиции он оказался рядом с Татьяной и попытался вклиниться между нею и ее партнером с

явным намерением задеть самолюбие последнего. Делал это Жиган специально, чтобы в ходе возникшего конфликта у него появилась возможность сцепиться с футболистом и в пылу этой борьбы воткнуть ему в ногу заточку. Сделать это надо было быстро, пока весь зал был увлечен танцами под веселые ритмы битловского шлягера.

Жиган не ошибся – когда он бесцеремонно оттеснил Кожемякина от Татьяны, футболист схватил его за плечо, пытаясь вытолкать из их круга. Но Жиган перехватил его руку и повернулся к нему лицом. Глядя на футболиста снизу вверх, поскольку Кожемякин был на голову выше Жигана, последний сунул руку в правый карман своего пиджака, где у него лежала заточка. Однако ее там не оказалось.

– Ты чего вылупился? – перекрывая шум песни, закричал в лицо Жигану футболист.

Вместо ответа Жиган сунул руку в другой карман, но и тот оказался пуст. И в это время к ним подошли трое дружинников. Их послал Ребров, который не участвовал в танцах и внимательно следил за действиями Жигана. И когда тот сцепился с Кожемякиным, Ребров тут же указал дружинникам на Гаевского: дескать, вон тот молодой человек явно собирается затеять драку. И когда Жиган, не найдя заточку, решил действовать руками и уже собирался нанести удар футболисту в лицо, чтобы, сбив его на пол, ударить что есть силы по правой ноге, эту руку перехватил один из дружинников. Двое других блюстителей порядка тут же навалились сзади на Жигана и волоком потащили его с танцпола к выходу из ресторана. А посетители продолжали лихо отплясывать под забойную песню, которая к финалу набрала еще большую энергетику и увлекла за собой даже тех из посетителей, кто еще оставался сидеть за своими столиками. Вот и Ребров, проводив взглядом дружинников, уволакивающих Жигана из ресторана, бросился в гущу танцующих и стал прыгать вместе со всеми, празднуя только что успешно проведенную им операцию.

10 октября 1973 года, среда, Москва, Лужники, стадион имени В.И. Ленина, финал Кубка СССР, матч «Арарат» – «Динамо» (Киев), дополнительное время

Матч еще не возобновился, а Моченый вновь почувствовал себя плохо. На этот раз дело было куда более серьезным – у него перед глазами поплыли круги, а сердце заколотилось так сильно, что казалось вот-вот выскочит из груди. И к горлу внезапно

подступила тошнота. Понимая, что медлить нельзя, Моченый поднялся со своего места и, прикрывая рот ладонью, стал пробираться к выходу. Выскочив в подтрибунное помещение, он заскочил в ближайший туалет и чуть ли не рухнул лицом в унитаз – рвотные массы горячей волной вырвались из него наружу. Забрызгивая все вокруг, Моченый корчился в конвульсиях и внезапно заметил, что его рвота чуть ли не наполовину состоит из крови. Он смотрел на эти сгустки и никак не мог понять, что с ним происходит. Как вдруг в его памяти возникла его последняя встреча с Зольским. Моченый вспомнил про то, как настойчиво тот предлагал ему выпить коньяк, как сам медлил с его принятием, внимательно наблюдая за тем, как пьет его сосед. И тост Зольского про «дружбу до гробовой доски» тоже вспомнился Моченому в эту минуту и обрел совсем иной смысл, чем тогда, когда он услышал его в салоне автомобиля.

После того, как Моченого вырвало, ему немного полегчало. Но жжение в груди не проходило и сердце колотилось, как сумасшедшее. Вымыв лицо над умывальником, Моченый обтерся носовым платком и вышел из туалетной комнаты. Он хотел досмотреть матч, который сулил немыслимую интригу, и направился к входу на трибуны. Как вдруг навстречу ему вышла женщина, лицо которой ему показалось знакомым. Но где именно он ее видел, Моченый вспомнить не мог. И тут женщина (а это была Нонна) сама напомнила ему об этом.

– Так это вы? – спросила она, глядя удивленными глазами на Моченого.

– О чем вы, барышня? – удивленно вскинул брови тот, кого опознали.

– Это же вы покупали у меня водку в Киеве?

И тут Моченый вспомнил, где видел эту особу – в киевском магазине она продала ему бутылку «Московской», которую он принес затем в квартиру Луцкого.

– Вы видимо, обознались, я никогда не был в Киеве, – ответил Моченый и, развернувшись, направился в обратную сторону.

– Подождите, куда же вы? – бросилась за ним Нонна.

В следующий миг Моченый внезапно остановился и резко развернулся лицом к своей преследовательнице. И та заметила, как в его руке блеснул нож с выкидным лезвием. Еще мгновение – и это лезвие вонзилось в грудь Нонны в районе сердца. Женщина тихо ойкнула и, отпрянув спиной к стене, стала медленно оседать на бетонный пол. И последнее, что она увидела прежде, чем потерять сознание, было то, как к ней бежали муровцы во главе с Игнатовым, а с ними еще несколько милиционеров.

* * *

Когда судья Казаков дал сигнал к возобновлению игры, ереванцы всей командой бросились в атаку. В отличие от киевлян, они получили дополнительный допинг в виде забитого мяча, поэтому были полны решимости склонить чашу весов в этой игре в свою сторону. А вот киевляне явно выглядели обескураженными. Оставшись без единого «чистого» форварда, они могли уповать теперь только на чудо, а именно – на ошибку соперника. Но тот в последние полчаса почти ни разу не ошибся (лишь однажды защитник Коваленко неожиданно срезал мяч в сторону своих ворот) и не собирался это делать и впредь. Более того, они и сами не прочь атаковать, поскольку почувствовали, что две недавние замены у киевлян оказались ошибочными – вышедшие на поле защитники явно не справлялись со своими обязанностями. И на 103-й минуте ереванцы начали очередную атаку на ворота Самохина силами сразу нескольких игроков.

* * *

Увидев, как из ближайшего выхода с трибуны к нему бегут сразу несколько мужчин в штатском и милиционеры, Моченый бросился в противоположную сторону. Но оттуда тоже бежали стражи порядка, которых оповестили по рации, где именно находится преступник. Моченый понял, что бежать ему некуда и решил живым не сдаваться. Он спрятал нож в карман плаща и вместо него извлек на свет пистолет «Макарова». Точно прицелился и выстрелил в бегущего навстречу ему милиционера. Пуля угодила тому в живот и страж порядка рухнул на бетонный пол. Однако в обойме у Моченого теперь оставалось семь патронов, а милиционеров с двух сторон было куда больше. И все они тоже оказались вооружены, о чем Моченый сразу был поставлен в известность – одна из пуль, выпущенных в него с той стороны, куда он бежал, попала ему в левое плечо. Зажимая рану рукой, преступник бросился к противоположной стене и спрятался за бетонным столбом. Теперь у него было преимущество – он находился в укрытии, а его преследователи были, как на ладони. Но и у последних была неплохая перспектива – они наступали с двух сторон, держа преступника на мушке.

– Боксер сдавайся! – крикнул Игнатов, припав на колено и направив пистолет в сторону бандита.

– А ты попробуй меня возьми, мильтон поганый, – огрызнулся

Моченый.

В следующую секунду он высунулся из-за столба и выстрелил в Игнатова. Но пуля пролетела над головой сыщика, а ответная пуля муровца ударилась в бетонный столб в нескольких сантиметрах от того места, где только что маячила голова Моченого. Тот успел спрятаться за столб и, прислонившись к нему спиной, старался держать в поле зрения обе стороны, откуда к нему подбирались милиционеры. Дуэль затягивалась.

* * *

Время на табло лужниковского стадиона показывало 103-ю минуту матча. Ереванцы организовали очередную атаку, во время которой мяч получил Заназанян. Он прошел до центра поля и отдал пас Петросяну, который, обыграв киевского полузащитника Онищенко тут же адресовал мяч, рванувшему вперед партнеру – Андреасяну. Тот краем глаза увидел, как по своему флангу к штрафной площадке киевлян бежит Иштоян. Еще секунда – и мяч попадает в ноги последнего. Но к нему тут же устремляются сразу двое защитников «Динамо» – Зуев и Фоменко. У них было преимущество, поскольку Иштоян принял мяч, стоя спиной к воротам киевлян. Значит, подумали защитники, сразу нанести удар он не сможет – ему понадобится для этого время. Но они ошиблись. Ереванец с ходу развернулся лицом к воротам и без всякой подготовки «зарядил» мяч в дальний угол. Самохин бросился в сторону удара и вполне вероятно мог достать мяч. Но тот по пути угодил в ногу Зуева и, изменив траекторию полета, пролетел мимо вратаря и залетел в верхний угол ворот. 2:1!

Чуть ли не половина стадиона – та ее часть, что болела за «Арарат» – дружно вскочила со своих мест, воздев руки к небесам. Точно так же поступили и тысячи зрителей в Армении, кто наблюдал этот поединок по телевизору. Казалось, что земля содрогнулась от мощного рева. Этот шум услышал и Моченый, по-прежнему прятавшийся за столбом.

– Слышь, легаш, кто там гол забил? – спросил он у Игнатова.

– А ты выйди с поднятыми руками, и я тебе разрешу узнать, в чью пользу счет изменился, – ответил сыщик.

– Держи карман шире! – отреагировал на это бандит и выпустил еще одну пулю в сторону сыщика.

Но она тоже пролетела мимо, ударившись в стену за спиной сыщика и отколов от нее внушительный кусок штукатурки. Игнатов и его коллеги с обеих сторон открыли ответный огонь, заставив преступника буквально вжаться спиной в бетонное

основание столба. И в этот момент Моченому стало так плохо, что круги поплыли у него перед глазами. Дикая боль пронзила его грудь, как будто туда вонзилось тысяча иголок, и он даже выронил пистолет. Согнувшись в три погибели, Моченый, шатаясь вышел из-за столба и нетвердой походкой пошел прямо на Игнатова. Однако, не доходя нескольких метров до него, бандит рухнул на пол и, когда к нему подбежали милиционеры, из последних сил приподнял голову и закричал во все горло:

– Карпыч, су-у-у-ка-а-а!

Этот крик пронесся по подтрибунном коридорам, вырвался наружу и слился с радостными воплями болельщиков «Арарата», которые праздновали победу своей команды. Но Моченый этого уже не слышал – он безжизненно уронил голову на пол и затих.

10 октября 1973 года, среда, территория РСФСР, 9 тысяч метров над землей, салон самолета ТУ-104

Сжимая в руках пистолет, Оленюк мучительно размышлял о том, что от него сейчас зависит жизнь более сотни пассажиров самолета. Собственно, можно было избрать самый простой путь – не пускать в ход оружие и позволить преступникам спокойно выбраться из страны. Главное, чтобы не пострадали пассажиры. Но вот здесь ситуация как раз приобретала самый неблагоприятный оборот. Тот мужчина, которого Кока саданул рукояткой пистолета по голове, очнулся и попытался встать со своего кресла, чтобы наброситься на угонщика. А тот, разгадав этот маневр, в упор выстрелил ему из пистолета в грудь. Мужчина рухнул в кресло, а его соседка, пожилая женщина, так закричала от ужаса, что даже у Оленюка по спине пробежали мурашки.

На этот шум в салон выскочил Бурый, который, выяснив в чем дело, громко обратился к остальным пассажирам:

– Кто еще хочет получить свинцовую пилюлю – никто? Так что сидите тихо и не рыпайтесь, если жизнь дорога. А ты бабуся заткнись, пока мы и тебя на тот свет не отправили, – и угонщик направил пистолет в сторону женщины, сидевшей рядом с убитым. – Я сказал, заткнись, курва!

И Бурый подскочил к пассажирке, впавшей в истерику, и замахнулся на нее пистолетом. Смотреть на то, как рукоятка «Макарова» сейчас раскроит голову еще одной жертве – на этот раз несчастной женщине – Оленюк был не в силах. А тут еще где-то впереди заплакал ребенок, который вывел из себя второго угонщика. Он сделал шаг вперед и закричал:

– Заткните рот своему гаденышу, а то я сам это сделаю.

Перекошенное от злости лицо бандита и его остекленевший взгляд не оставляли сомнений в том, что он в любой момент может осуществить свою угрозу. Понимая это, Оленюк решил действовать. Он резко поднялся из своего кресла и выбросил вперед обе руки, в которых у него был зажат пистолет. Угонщик, стоявший в десяти метрах от него находился в прямой видимости и на идеальной прямой – директрисе. Совместив мушку с его лбом, Оленюк плавно нажал на курок. Оружие, созданное для бесшумной стрельбы, выплюнуло из своего дула кусок свинца, который в долю секунды преодолел расстояние до жертвы и угодил точно в лобную кость. Поскольку она на голове человека самая толстая – почти 7 мм, пуля должна была потерять скорость и, вырвавшись наружу, не причинить вреда ни людям, ни, самое главное, обшивке самолета. Так и случилось. Угонщик, как подкошенный, рухнул на пол, а пуля, пролетев еще пару метров, вонзилась в обшивку двери кабины пилотов и там застряла. Однако оставался еще один угонщик – главарь. И он, увидев, что стало с его напарником, не собирался сдаваться на милость победителю. Резким движением он схватил пожилую пассажирку за волосы и поднял ее с кресла, а сам спрятался за ее спиной.

– Брось пушку, сука, или я ее пристрелю! – закричал Бурый, буквально вдавив дуло в висок заложницы.

Но Оленюк понимал, что если подчиниться этому приказу, то несладко придется не только ему, но и всем пассажирам, которые окажутся во власти этого озверевшего ублюдка. Поэтому сыщик стал осторожно приближаться к угонщику, решив в крайнем случае пожертвовать заложницей, но спасти всех остальных.

– Стой, легаш, стой! – завопил пуще прежнего Бурый.

Оленюк остановился, но не потому, что решил внять совету угонщика – ему надо было прицелиться. Копна волос женщины закрывала голову Бурого, поэтому попасть в него было проблематично. Но он ждал, когда угонщик выглянет, чтобы оценить ситуацию. Однако Бурый был слишком хитер, чтобы так глупо подставляться. Поэтому он решил действовать на опережение, причем надеясь на удачу. Он резко перенаправил пистолет от виска женщины в сторону сыщика и нажал на курок. Последовал выстрел. Пуля пролетела в нескольких миллиметрах от головы Оленюка и пробила обшивку самолета чуть выше иллюминатора. И в ту же секунду из салона с оглушительным свистом стал уходить воздух. Сразу после этого зажглись аварийные лампочки и сверху на пассажиров свалились кислородные маски. Люди стали лихорадочно хватать их и одевать на лица.

– Допрыгался, легавый, всем крандец настает! – не скрывая злорадства, закричал Бурый и снова нажал на курок.

И еще одна пуля пробила обшивку самолета – на этот раз в метре от первой пробоины. И тут в дело вмешалась женщина. Она локтем так саданула угонщика в живот, что тот согнулся пополам. Увидев это, Оленюк бросился к Бурому и собирался уже разрядить в него всю обойму, но вовремя одумался – еще одну случайную пробоину самолет бы просто не выдержал. И тогда сыщик стал наносить пистолетом удары по телу угонщика.

В это время со своего места вскочил Ткачук и подбежал к первой пробоине. В руке у чекиста был журнал «Аэрофлот», который он использовал как заплатку – приложил к пулевому отверстию. То же самое сделал и другой чекист, заткнув второе отверстие газетой. А экипаж, получив сигнал экстренной тревоги начал немедленное снижение самолета из-за внезапно наступившей разгерметизации салона до отметки в з тысячи метров.

Тем временем Оленюк ударом пистолета в голову отбросил Бурого назад. Однако рука угонщика не выронила оружие и его дуло оказалось на уровне груди сыщика. Еще мгновение и новый выстрел должен был завершить земную жизнь старшего инспектора киевского угро Власа Оленюка. Но тот оказался проворнее. Его палец лег на курок чуть раньше, чем это сделал угонщик. В следующую секунду раздался бесшумный выстрел, который упредил выстрел Бурого буквально на доли секунды. Пуля угодила террористу в глаз, вышла через затылок и пробила обшивку туалетной комнаты, которая находилась в передней части фюзеляжа.

Часть вторая
Под колпаком у КГБ

11 октября 1973 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Бесков всего один раз бывал в здании КГБ на бывшей Лубянке. Это случилось давно, еще в середине 40-х, когда его, и еще нескольких динамовцев, принимал сам Лаврентий Берия – большой поклонник футбола и куратор динамовского общества. Поэтому, когда ему по телефону сообщили, что с ним хочет встретиться председатель КГБ СССР Юрий Андропов, Бесков удивился – вроде бы, поводов для такого разговора не было. Но чуть позже, по размышлении, Бесков догадался, чем может быть вызвано это приглашение – разговор с генералом Богдановым давал пищу для того рода мыслей. Поэтому, отправляясь на эту встречу, тренер постарался выглядеть как можно более солидно. Он облачился в свой парадно-выходной костюм, купленный им в Испании в мае 1972 года, когда его «Динамо» играло там с «Глазго Рейнджере». И хотя та поездка закончилась неудачей, однако на костюм те негативные впечатления не распространялись – он был самым любимым в гардеробе Бескова. Да и супруге его он тоже нравился, а она знала толк в одежде. Поэтому, собирая мужа на встречу, Валерия Николаевна пошутила:

– В этом костюме тебе не страшны даже подвалы Лубянки!

На что супруг ответил:

– Типун тебе на язык, Лера!

В назначенное время за Бесковым заехал посланец от Андропова – подтянутый мужчина в строгом костюме, который проводил его вниз, где их поджидала новенькая «Волга-ГАЗ-24». На ней они быстро доехали с Садовой-Триумфальной до площади Дзержинского и вошли в подъезд № 1. Затем они на лифте поднялись на третий этаж, где располагался кабинет Андропова. Миновав приемную и первую дверь, Бесков очутился в небольшом тамбуре, где имелась вторая дверь – именно она и вела в просторный – метров сорок – кабинет. В конце его стоял стол. За ним сидел человек в очках, в котором вошедший сразу узнал Юрия Андропова. При виде гостя тот поднялся со своего места и быстрым шагом бодро преодолел расстояние до двери. Пожав руку гостю, хозяин кабинета предложил ему сесть на один из

стульев в начале стола. А сам вновь уселся в свое кресло. Вскоре секретарша принесла им на подносе чайник и две вазочки, в которых лежали сушки и печенье.

– Прошу вас, Константин Иванович, угощайтесь, – предложил Андропов, собственноручно разливая чай по чашкам.

– Спасибо, Юрий Владимирович, но я дома уже успел позавтракать, – ответил Бесков. – Но от чая не откажусь – он у вас так ароматно пахнет.

– Это потому что он особенный – женьшеневый, – улыбнулся Андропов. – И, кстати, весьма благотворно сказывается на мужской силе.

Бесков пригубил из чашки напиток и нашел его весьма вкусным. А Андропов, вернувшись на свое место, спросил:

– Вы догадываетесь, зачем я вас к себе пригласил?

– Видимо, не только для того, чтобы угостить чаем – он у вас, кстати, восхитительный. Думаю, речь пойдет о нашем футболе.

– Правильно думаете – о нем родимом. И ваша кандидатура на роль собеседника возникла не случайно: во-первых, кто лучше вас разбирается в предмете разговора, а во-вторых – вы человек честный, поэтому говорить будете начистоту.

– Надеюсь, это будет взаимно, – ставя чашку на блюдце, произнес Бесков.

По губам Андропова пробежала легкая улыбка – начало беседы шефу КГБ явно нравилось.

– По словам генерала Богданова, вы, Константин Иванович, недавно вернулись из очередной инспекционной поездки в глубинку, – продолжил свою речь Андропов. – А всего такого рода деятельностью вы занимаетесь уже ровно год. Отсюда вопрос: какие болячки нашего футбола вы считаете самыми серьезными?

– К сожалению, как здесь, так и в регионах, самая серьезная проблема для нашего футбола – это вмешательство в его деятельность вышестоящих товарищей.

– Вы имеете в виду кого-то конкретно?

– Нет, я говорю об общей картине. Наш футбол давно подпал под пяту большой политики и вязнет в этом болоте все глубже и глубже.

– Постойте, но без поддержки властных структур наш футбол не сможет развиваться, – удивился Андропов.

– Я не против поддержки по спортивной линии – она необходима. Но речь идет о политических игрищах, где футбол всего лишь инструмент в руках политиков.

– Смелое заявление, – покачал головой шеф КГБ.

– Вы же сами предложили разговор начистоту – вот я и стараюсь. К тому же, как я понял, кроме меня вам это никто

больше не скажет. А ситуация весьма тревожная. Вы посмотрите, что творится на финише этого сезона – какие подковерные игры ведутся между армянскими и украинскими товарищами в попытке завоевать «золото» чемпионата. А что творилось в прошлом году, когда чемпионом стала «Заря» из Ворошиловграда? Там же все были против всех. Вы только подумайте, до чего дело доходило: высшее украинское руководство по сути объявило войну одному из своих регионов, чтобы его команда не стала чемпионом! А когда этого не произошло, в данный регион была отправлена прокурорская проверка с целью наказать строптивцев.

– Но там действительно были выявлены серьезные нарушения, в том числе и уголовного порядка, – внес свою поправку в рассуждения тренера Андропов.

– Но такого рода нарушения у нас происходят повсеместно. Что, здесь, в Москве, за футбольными клубами не стоят влиятельные люди и не субсидируют их с нарушениями финансовой дисциплины? Да сколько угодно! Или, может, в республиках происходит что-то иначе? Абсолютно то же самое, что было выявлено в Ворошиловграде. Только там людей посадили за решетку, а в других местах тишь да гладь, да божья благодать.

– Значит, это, по-вашему, болевая точка нашего футбола? – спросил Андропов.

– И не только футбола – всей нашей системы, – с жаром воскликнул Бесков. – Ведь футболисты видят, какие подковерные битвы ведут между собой руководители их регионов и невольно перенимают их поведение. За последние несколько лет количество дисциплинарных нарушений во время матчей выросло в геометрической прогрессии. Если десять лет назад драки футболистов друг с другом на поле были редчайшим явлением, то теперь это становится традицией. Да что там футболисты – уже и судей не жалеют. А ведь раньше это было немыслимое дело – поднять руку на судью.

– К сожалению, некоторые наши арбитры сами виноваты в подобных эксцессах, – заметил Андропов. – Например, мне рассказывал Гейдар Алиевич Алиев, что у них на футбольных матчах, если зрители видят, что судья вынес какое-то несправедливое решение, они дружно скандируют одну фамилию: «Андзюлис». Знаете почему?

– Конечно, знаю – этот судья шесть лет назад засудил бакинский «Нефтяник» в полуфинале Кубка СССР. С тех пор его фамилия в Азербайджане стала нарицательной и обслуживать тамошние матчи его уже не приглашают – боятся за его здоровье.

Ретроспекция. 16 сентября 1967 года, четверг, Москва, стадион имени В.И. Ленина, матч ЦСКА – «Нефтяник» (Баку)

В том году бакинские футболисты весьма успешно выступили в регулярном чемпионате СССР, заняв 5-е место (в прошлом году это и вовсе было 3-е место). Поэтому никто не удивился, когда бакинцы одного за другим обыгрывали своих соперников и в матчах Кубка СССР. Как итог: «Нефтяник» вышел в полуфинал, где его соперником стал ЦСКА, который в сезоне-67 выступил неудачно – занял 9-е место, отстав от бакинцев на 6 очков (36 против 42). Весьма неблагоприятно для армейцев сложились оба матча с «Нефтчи»: 1:1 и 0:4. Поэтому большинство специалистов склонялись к тому, что в кубковой игре бакинцы снова окажутся сильнее. Видимо, опасались этого и армейцы, которые решили подключить административный ресурс. Правда, не сразу. Первый матч, который состоялся 15 сентября, не выявил победителя и закончился безрезультативной ничьей – 0:0. Поэтому решающей стала вторая игра, которую судила все та же бригада арбитров из Каунаса во главе с Андзюлисом.

Команды вышли на поле в следующих составах. ЦСКА: Кудасов, Истомин, Шестернев, Багрич, Капличный, Панов, Шулятицкий, Масляев, Федотов, Поликарпов, Дударенко (Щупаков, 55); старший тренер – Всеволод Бобров. «Нефтяник»: Крамаренко, Легкий, Брухтий, Я. Бабаев, Семин, Семиглазов, Туаев, Зейналов (Р. Абдуллаев, 59), Банишевский, Э. Маркаров, Гаджиев, старший тренер – Ахмед Алескеров.

Бобров поставил перед своими подопечными задачу – играть персонально против ведущих игроков из Баку. Истомину был дан приказ нейтрализовать Банишевского, Капличному – Маркарова, Багричу – Туаева. Однако если в первом матче у армейцев это получилось, то вот во втором не очень. Поэтому уже на 15-й минуте Банишевский, вырвавшись из-под опеки, забил головой гол-картинку. Бакинцы бросились поздравлять друг друга, но Андзюлис дал свисток – мяч не засчитан. Почему? Арбитр обнаружил офсайд. Как бакинцы с ним не спорили, судья был непреклонен. А спустя 15 минут ситуация повторилась, но уже у ворот «Нефтяника» и с противоположным результатом. Мяч попал к армейцу Федотову, который с ходу послал его в сетку ворот бакинцев. Линейный арбитр вскинул руку с флажком вверх, фиксируя офсайд, но Андзюлис на это наплевал – гол засчитал.

После этого эпизода гости поняли – их элементарно «сливают». И началась «рубка» – стычки между игроками стали следовать одна за другой. Андзюлис мог бы прекратить этот беспредел, выгнав, к примеру, с поля главных забияк. А он снова

поступил по-своему – во втором тайме удалил только «нефтяника» Брухтия. Возмущенные бакинцы бросились к судье, пытаясь воззвать к его совести. Даже их тренер Алекперов не сдержался – выбежал в поле. Этот стихийный митинг длился больше пяти минут. Но итог его был печальным для гостей – Андзюлис свое решение не отменил. Как итог: спустя две минуты после возобновления игры армеец Дударенко получил мяч от Масляева и увеличил разрыв – 2:0.

До конца игры еще было достаточно времени – целых 43 минуты. Однако армейцы закрылись на своей половине и стойко держали оборону. А бакинцы потратили слишком много сил на споры с судьей, да и руки у них опустились после таких демаршей судьи. Поэтому матч они проиграли и выбыли из розыгрыша Кубка СССР. Говорят, в раздевалке после игры чуть ли не все игроки «Нефтяника»… плакали от несправедливого судейства. Их тренер Алекперов чуть позже заявил: «За всю свою футбольную карьеру более необъективного судейства я не встречал». И предъявил обвинения Андзюлису по четырем пунктам: 1. Не засчитал гол Банишевского из-за мнимого офсайда. 2. Федотов забивал, когда боковой судья зафиксировал «вне игры». 3. Ни за что удалил Брухтия. 4. Не пресекал грубую игру армейцев.

Следом за тренером в печати выступил еще один человек – замредактора газеты «Физкультурник Азербайджана» Акшин Азим-Заде. Он написал открытое письмо Андзюлису, где заявил следующее: «…Пользуясь своими правами, следует помнить и о правилах футбола. Неужто Вы не видели, что Истомин раз за разом применял против Банишевского недозволенные приемы? Вы прекрасно знали, что Маркаров вышел на поле лишь благодаря искусству врачей, но Капличного, грубо атаковавшего его чуть ли не ежеминутно, даже не предупредили. И уж если кого-то надо было удалить, то в первую очередь, по-моему, Панова, шипы бутсов которого оставили на голени Семиглазова кровоточащие царапины…

Мною движет не жажда мести, но мне очень хотелось бы услышать о Вашей дисквалификации. Потому что как арбитр Вы проявили полнейшую несостоятельность».

Как потом выяснится, даже патриарх советского футбола Андрей Старостин, встретив после матча в подтрибунном помещении Андзюлиса, высказал ему в лицо свое мнение: дескать, вы повинны в одностороннем судействе. Самое интересное, но сам судья в судейской комнате вынужден был… признать правоту патриарха. Учитывая все это, СТК признала работу Андзюлиса неудовлетворительной и предложила

Всесоюзной коллегии судей (ВКС) под председательством Николая Латышева вынести вердикт. Его и вынесли: «ВКС за слабое судейство отстранила К. Андзюлиса от проведения всесоюзных игр до конца года». Однако «Нефтянику» от этого легче не стало – в финал Кубка вышел не он, а ЦСКА. Который, кстати, был там бит 3:0 никем иным, как командой Константина Бескова – динамовцами Москвы.

11 октября 1973 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

И теперь, сидя в кабинете Андропова, Бесков вспомнил перипетии того Кубка и получил весомый аргумент в своем споре с шефом КГБ. Впрочем, тот, кажется, и не думал с ним спорить. И в продолжении темы, напомнил:

– Вы и сами, Константин Иванович, три года спустя после бакинцев столкнулись с похожим эпизодом, когда играли «золотой» матч с тем же ЦСКА. Только там, насколько я помню, не судья был виноват, а игроки.

– Именно об этом я и говорю – футболисты, видя во что превращается наш футбол, вынуждены тоже участвовать во всех этих безобразиях, – живо откликнулся на эти слова Андропова его гость. – А ведь мы на всех углах кричим о том, что дружба народов – фундамент наших отношений. Не далее как в декабре прошлого года с большой помпой отметили 50-летие нашего Союза. А что получается на деле? Руководители отдельных республик плетут интриги друг против друга и при этом используют, как инструмент в своих грязных делишках футбольные команды, которые курируют. Стравливают футболистов друг с другом. Если это будет продолжаться и дальше, нашу систему ждут невеселые времена – эта коррозия ее попросту подточит.

– Вы всерьез так считаете? – вскинул брови Андропов.

– А иначе я бы не стал говорить вам все это, – твердо заявил Бесков. – Но мы с вами коммунисты, а в Уставе партии черным по белому записано, что мы обязаны беспощадно вскрывать любые недостатки, тем более, если они касаются принципиальных вещей. Футбол это не только игра, это – барометр нашего общества. В нашем чемпионате высшей лиги представлены семь республик – половина из существующих. Поэтому, глядя на то, как руководители отдельных регионов используют футбол в деле стравливания людей друг с другом, можно себе представить, что может нас ожидать, если это перекинется с футбола на другие

сферы нашей жизни.

– А может, мы это для того и делаем, чтобы не перекинулось? – спросил Андропов.

И поймав вопросительный взгляд своего собеседника, пояснил:

– Пусть лучше наши политики воюют друг с другом на футбольных полях, чем в политических баталиях. Это своего рода отдушина.

– Вы всерьез считаете, что таким образом можно избежать вселенского пожара? – нашелся, наконец, что сказать Бесков. – Но это же наивно!

– Вы слишком пессимистично настроены, Константин Иванович, – покачал головой Андропов, но в его голосе собеседник не услышал большой уверенности.

И Бесков не ошибся. Андропов и сам много думал над этим и в целом был согласен с выводами тренера. Другое дело, он не имел возможностей изменить ход событий. Ведь КГБ был мечом в руках партии и не был уполномочен жестко пресекать негативные тенденции внутри нее, лишенный этих полномочий после смерти Сталина. Единственное, что осталось у Комитета – периодически наводить порядок в отдельных регионах, убирая тех руководителей, кто слишком «зарывался». Изменить систему КГБ не мог – здесь нужна была воля высшего руководства, а оно-то как раз этого и не хотело, имея свою выгоду от клановых разборок. Поэтому тот же Щербицкий был нужен Москве, как противовес, например, Рашидову или Кунаеву, а последние – как противовес Шеварднадзе или Кочиняну. И футбольные «разборки» действительно были частью этой стратегии – в Москве считали, что пусть лучше они враждуют на ниве футбола, чем на поприще большой политики. Хотя сегодняшняя речь Бескова ясно указывало на то, что в низах общества уже складывается мнение о том, что одним футболом эта вражда не закончится. Что рано или поздно все это перекинется и дальше, создав большой пожар по всей стране. Но что мог изменить в этой ситуации Андропов? Ничего. Поэтому единственной целью его сегодняшнего вызова Бескова было желание подключить этого принципиального человека к своим операциям против отдельных зарвавшихся руководителей, которые создали подпольный тотализатор и начали сращиваться с представителями уголовной преступности. На большее шефа КГБ никто не уполномочивал.

– Собственно, зная о вашей принципиальной позиции, я, Константин Иванович, и пригласил вас сегодня сюда, – начал свою речь Андропов, едва его собеседник умолк. – Мы хотим использовать ваши знания и талант на благо того дела, о котором

вы только что говорили. Мы должны навести порядок в нашем футболе – освободить его от нечистых на руку дельцов. Я понимаю, что эта задача не одного дня, но, как говорится, лучше начать поздно, чем не начать никогда. Вы согласны участвовать в этом деле?

– Но вы не объяснили мне, что именно вы под этим подразумеваете? – пожал плечами Бесков. – Вы что, берете меня в штат своего ведомства?

– Боже упаси! – улыбнулся Андропов. – Вы останетесь тем, кем были – тренером. Но только уже не в инспекторском управлении, а пойдя на повышение. Мы хотим ходатайствовать о назначении вас старшим тренером нашей первой сборной, которой предстоит попасть на чемпионат Европы.

– А чемпионат мира уже не в счет?

– С ним ситуация тревожная и вы сами знаете почему. К тому же, мы хотим ввести вас в руководство нового тренерского совета, который мы сформируем в союзном Спорткомитете.

– Но ведь есть уже такой совет в Федерации футбола?

– Он не справляется со своими обязанностями.

– А какова будет цель у этого нового тренерского совета?

– Сдерживать натиск украинского лобби.

– Но этот натиск обусловлен известно чем – большим представительством в наших высших руководящих эшелонах выходцев с Украины.

– Это наша забота, Константин Иванович. А ваша цель – помогать нам в высших футбольных кругах. В том числе и в деле борьбы с делячеством. Вы ведь были одним из первых, кто вслух выступил против договорных матчей.

Андропов имел в виду выступление Бескова на страницах газеты «Советский спорт» от 24 ноября 1968 года, где тренер заявил следующее: «Я не могу привести точных фактов и доказательств, но впечатление складывается такое, что в конце сезона некоторые результаты матчей чемпионата были достигнуты благодаря «договорным» началам. К чему придет наш футбол, если такую тактику не пресекут вовремя?» С тех пор минуло ровно пять лет, но эта проблема не только не исчезла, а встала на промышленную основу. Поэтому слова Андропова Бесков встретил со скепсисом. И это не укрылось от внимания хозяина кабинета.

– Что-то я не вижу в ваших глазах особенного блеска, показывающего, что вы готовы участвовать в очищении нашего футбола, – заметил Андропов.

– Я полагаю, что и вы сами мало в это верите, – ответил Бесков. – В феврале прошлого года вышло постановление ЦК

КПСС «О нездоровых явлениях в футболе», но что сделано практически? Расформировали команду низшего дивизиона – липецкий «Металлург» – вот и весь результат. А все высокопоставленные деятели, уличенные в финансовых нарушениях, получили выговоры по партийной линии или, в худшем случае, были перемещены на другие руководящие должности. А ведь это постановление могло дать толчок тому самому очищению нашего футбола, о котором вы говорите. Смогли же это сделать немцы в своей бундеслиге.

Бесков имел в виду скандал, который разразился в ФРГ два года назад, когда сразу два клуба – «Киккерс» (Оффенбах) и «Арминия» (Билефельд) – были уличены в том, что занимались куплей-продажей матчей через игроков. В итоге оба клуба исключили из бундеслиги, 53 футболиста были дисквалифицированы.

– Мы тоже постараемся довести дело до реальных наказаний, – пообещал Андропов. – Вы что-нибудь слышали про подпольный футбольный тотализатор?

– Кто же о нем не слышал? – искренне удивился Бесков. – Однако ни один из его участников за руку пока не схвачен.

– На этот раз мы хотим это сделать. Поэтому хочу спросить вас начистоту: вам, как тренеру, известно, что кто-то из ваших коллег участвует в этом тотализаторе?

– Отвечу честно – не известно. Хотя я подозреваю, что таковые могут быть. Впрочем, в их число могут входить и другие футбольные люди – например, отдельные игроки, администраторы команд, а также спортивные чиновники. Уж больно велик соблазн заработать легкие деньги, участвуя в махинациях с результатами матчей. И вся эта грязь началась относительно недавно – каких-нибудь семь-восемь лет назад, о чем я, кстати, неоднократно говорил с высоких трибун, а также в печати. Все это говорит о том, что наш футбол все сильнее втягивается в полосу системного кризиса, из которого ему будет все труднее выбираться.

– А что вы подразумеваете под словом системный?

– Я имею в виду то, что если у нас и дальше будут продолжать назначать чемпионов, как иной раз назначают передовиков производства, то эта показуха перекроет выход нашему футболу на международную арену. Липовые победы дома нельзя будет экспортировать. Например, в прошлом году чемпионом у нас стала ворошиловградская «Заря». И что – помогло это нам в еврокубках или в играх сборной? Нисколечко. Ни игроков достойных «Заря» в сборную не делегировала, ни в кубковых матчах не блещет.

– Позвольте, но «Заря» неделю назад прошла 1/16 финала Кубка чемпионов? – удивился Андропов.

– А кого она там прошла – кипрский «Апоэль», с трудом обыграв его по? Помяните мое слово, со «Спартаком» из Трнавы с таким футболом ловить нечего. Это чемпион Чехословакии, причем золотой медалист последних трех лет. Поэтому в 1/8 финала у «Спартака» больше шансов, чем у нашей «Зари». Та же ситуация была два года назад и с львовскими «Карпатами», которые выиграли у нас Кубок СССР, но в Кубке обладателей кубков проиграли румынскому «Стяуа» уже в 1/16 финала.

– Намекаете на то, что клубы с Украины становятся победителями наших турниров несправедливо?

– Украинские клубы помогают друг другу очками в первенстве СССР, развращая этим и остальные клубы. А когда дело доходит до честной игры на международной арене, то эти липовые очки выходят боком не только украинским командам, а всему советскому футболу. Надо с этим кончать пока не поздно. Вот и подпольный тотализатор возник у нас не случайно. Если есть возможность «химичить» внутри чемпионата, то всегда найдутся деятели, которые захотят погреть на этом руки. И хорошо, что ваше ведомство, наконец, обратило на это внимание.

– Я не хочу вас заранее обнадеживать, поскольку борьба впереди предстоит нешуточная и победителя в ней назвать трудно. Но начать это дело необходимо, чтобы оздоровить наш футбол, который вы справедливо назвали барометром нашего общества. И я согласен с вами в той части, что если не навести в нем порядок сейчас, то потом может быть поздно – это перекинется на всю нашу систему. Ведь договорные матчи – это та же коррупция, только в иной интерпретации. И люди, которые в этом участвуют, разлагают наше общество.

Слушая эту речь, Бесков поймал себя на мысли, что не всем словам шефа КГБ стоит доверять. Но не это было важным. Тренер вступил уже в шестой десяток лет и был достаточно искушенным человеком. Политику он считал делом грязным и был твердо убежден в том, что футболу она приносит больше вреда, чем пользы. Но он понимал, что изменить это положение невозможно – футбол в СССР был приговорен быть инструментом политических игрищ. Но можно было хотя бы попытаться приструнить отдельных ретивых политиков, которые слишком активно манипулировали футболом в угоду своим политическим или личным интересам. Однако одному бороться с этим Бескову было не под силу. Другое дело – с Андроповым. Тот, конечно, не говорил всей правды, имея какие-то свои интересы в этом деле. Но для Бескова не это было главным. Он подумал: почему бы не

воспользоваться услугами шефа КГБ, который, кажется, считал своими врагами тех же людей, что и Бесков. Короче, в этом вопросе интересы тренера и чекиста полностью совпали.

11 октября 1973 года, четверг, Москва, больница на улице Лобачевского

Оленюк легко вбежал на второй этаж больницы, куда вчера во время футбольного матча привезли его киевскую знакомую Нонну. Она получила проникающее ранение ножом в область сердца и была доставлена в ближайшую от стадиона клинику на улице Лобачевского. Практически сразу ее уложили на операционный стол и врачи колдовали над ней около четырех часов. Оленюк узнал об этом поздно ночью, когда их самолет был возвращен обратно в Москву и Игнатов, встречая друга в аэропорту Внуково, сообщил ему эту нерадостную новость. И вот сегодня утром Оленюк примчался в больницу, чтобы навестить Нонну. Однако врач, оперировавший женщину, сообщил сыщику, что его пациентке сейчас нужно только одно – покой и только покой.

– Она чудом осталась жива – лезвие прошло в миллиметре от сердца, – сообщил врач усталым голосом. – Она сейчас спит и этот сон будет длиться не один час. Так что запаситесь терпением.

– Но ей уже ничто не угрожает? – с надеждой в голосе спросил Оленюк.

Врач посмотрел ему в глаза и ответил честно:

– В старину в таких случаях обычно говорили: все в руках господа. Но мы сделали все, что было в наших силах.

– А можно я хотя бы мельком на нее взгляну? – попросил сыщик у доктора.

Как ни странно, но врач не стал возражать против этого, лишь предупредив, что эти смотрины будут на расстоянии – сыщику не разрешат войти в палату, предоставив возможность взглянуть на пациентку через порог больничной палаты. Но Оленюк и этому был рад. Он испытывал огромное чувство вины перед этой женщиной, которую втянул в дело, едва не закончившееся для нее печально. Впрочем, судя по словам врача, трагический исход еще никто не отменял.

Самое интересное, но в этой же больнице, но этажом выше, лежал еще один фигурант вчерашних событий – человек, нож которого едва не убил Нонну. Это был Моченый, которого другая бригада реаниматоров тоже вытащила буквально с того света,

оперируя его чуть больше трех часов. И когда после операции Игнатов поинтересовался у врача, что все-таки случилось с этим пациентом, который по-прежнему был без сознания, эскулап лишь пожал плечами:

– Судя по всему, он чем-то отравился – каким-то ядом. Мы нашли его остатки в организме и отдали в лабораторию на экспертизу – так что ответ будет, но не скоро.

– Но если это был яд, почему он его не убил? – продолжал интересоваться Игнатов.

– В организме больного мы также нашли остатки сильного антибиотика, который, судя по всему, способствовал некоторой нейтрализации яда. Помочь могло еще и то, что доза этой отравы могла быть недостаточной для смертельного отравления.

И тут Игнатов вспомнил последние слова Моченого, перед тем, как тот потерял сознание: «Карпыч, сука!». «Уж не Зольского ли он проклинал – того ведь по отчеству зовут Карповичем?», – думал про себя Игнатов, покидая больницу, чтобы отправиться во Внуково встречать Оленюка.

11 октября 1973 года, четверг, Москва, улица Станиславского

Зампред главы Спорткомитета СССР Глеб Смородин вышел из подъезда дома на улице Станиславского в прекрасном настроении. Он любил в разгар трудового дня выкроить часок-другой и приехать сюда, чтобы расслабиться и снять напряжение. И делал он это вот уже около двух месяцев в квартире № 54 в доме, окна которого выходили на улицу, носившую имя великого театрального реформатора. Кроме этого, прекрасному настроению Смородина способствовал документ, который он получил сегодня утром из регионального общества «Динамо» – это была анонимка на Константина Бескова, уличающего его в неблаговидных делах во время его последней поездки по регионам. Этой бумаге Смородин собирался дать ход уже сегодня, передав ее в партком Спорткомитета. Собственно, он бы сделал это и раньше, утром, но секретаря парткома на месте не оказалось, поэтому пришлось перенести это дело на вторую половину дня, когда секретарь должен был вернуться в Скатертный переулок. Вот с такими благодушными мыслями Смородин и вышел на улицу и направился к своей «Волге», притулившейся у тротуара неподалеку.

Открыв дверцу, он бросил портфель-дипломат на переднее сиденье рядом с собой и собирался уже тронуть машину с места, когда противоположная от него передняя дверца внезапно

открылась и в салон плюхнулся незнакомый мужчина в коричневом демисезонном плаще с поднятым воротником.

– Вы кто такой, гражданин? – сурово спросил Смородин у незнакомца.

Вместо ответа тот раскрыл перед его лицом красную «корочку» сотрудника КГБ.

– Майор госбезопасности Агеев Валентин Алексеевич. А вы Смородин Глеб Андреевич?

– Да, а в чем, собственно, дело? – уже без всяких суровых ноток в голосе произнес чиновник.

– Дело в вас, гражданин Смородин. Вернее, в том образе жизни, который вы ведете.

– А какой образ жизни я веду?

– Аморальный – не соответствующий нашему социалистическому строю.

– Да что вы себе позволяете? – вновь попытался вернуть себе суровость Смородин.

– Позволяю себе не я, а вы, гражданин Смородин. В рабочее время вы занимаетесь тем, что даже я, человек много в этой жизни повидавший, не могу произнести вслух – у меня язык не поворачивается. Поэтому я лучше вам это покажу.

Произнеся это, чекист достал из портфеля, который он все это время держал у себя на коленях, большой белый конверт и протянул собеседнику.

– Полюбуйтесь, пожалуйста, его содержимым.

Смородин осторожно открыл конверт и заглянул внутрь – там лежали фотографии. Вытащив одну из них, чиновник буквально потерял дар речи – на ней был изображен он сам, собственной персоной, но абсолютно обнаженный, а рядом с ним в постели лежал молодой человек в таком же неглиже из той самой 54-й квартиры, которую Смородин недавно покинул.

Взглянув на вытянувшееся лицо чиновника, чекист заметил:

– Вот видите, даже у вас нету слов, чтобы описать это безобразие. А представляете, как должны будут комментировать эти фото ваши коллеги из Спорткомитета?

– Это что – шантаж? – выдавил, наконец, из себя Смородин. – Вы не имеете права так себя со мной вести – я ответственный работник, я…

– …член партии, член парткома, депутат Моссовета и так далее и тому подобное, – продолжил за чиновника его речь чекист. – Поэтому тем более не имеете права заниматься тем, что изображено на этих снимках. Ведь это же 121-я статья нашего УК – мужеложество. Карается сроком на пять лет.

– Значит, вы следили за нами?

– Работа у нас такая, – развел руками Агеев.

– Выслеживать и вынюхивать – вот чем, оказывается, занимается ведомство, должное охранять государственную безопасность?

– Именно так, гражданин Смородин, – кивнул головой чекист. – Вы высокопоставленный чиновник, который имеет извращенные наклонности. А кто даст гарантию, что вас на них не поймают западные спецслужбы? Вы, кстати, уверены в вашем партнере?

– Он всего лишь молодой актер ТЮЗа.

– Которого вы дерете, извиняюсь, как Сидорову козу, марая тем самым звание члена КПСС. Вы портите нам молодежь, гражданин Смородин.

– Да этот актеришка сам кого хочешь испортит! – взвился Смородин.

– Может быть, но он не член партии и даже не комсомолец. Он всего лишь актеришко, как вы выразились, а вы зампред Спорткомитета СССР. Есть разница?

– Что вы от меня хотите? – после небольшой паузы, спросил Смородин голосом полным смирения.

– Другие фотографии смотреть не будете? Тогда верните мне их, пожалуйста, – попросил Агеев.

Спрятав конверт в портфель, он придвинулся к собеседнику и спросил:

– Вы должны были получить анонимку на Константина Бескова – вы ее получили?

– Да, сегодня утром.

– Отдайте ее мне, – попросил Агеев.

Смородин открыл дипломат и безропотно передал документ чекисту.

– Запомните: вы ничего не получали, – пряча анонимку в портфель, произнес Агеев. – И вообще, не мешайте работать прекрасному тренеру и человеку Бескову. Он нужным делом занимается, в то время, как вы… – Агеев не стал продолжать свою речь, оборвав ее на полуслове.

– Что мне теперь делать? – спросил Смородин.

– Работать там, где вы работаете. Сюда тоже можете заходить, если, конечно, захотите после того, что сегодня узнали. И главное – вы должны дать подписку о негласном сотрудничестве с нами.

– Прямо здесь? – удивился Смородин.

– Нет, придете завтра в нашу приемную на Кузнецком мосту и вас свяжут со мной. Я расскажу вам, что от вас будет требоваться в свете нашего сотрудничества. А пока разрешите откланяться.

И Агеев взялся за ручку дверцы, собираясь покинуть салон автомобиля. Но в последнюю секунду он внезапно вновь повернул голову к Смородину:

– Еще один вопрос, Глеб Андреевич. Неужели это так приятно – драть мужчину?

– Хотите попробовать? – вскинул брови Смородин.

– Боже упаси! Просто вокруг столько красивых женщин с пышными формами…

– У меня есть жена, – сообщил Смородин.

– Значит, ее одной вам не хватает?

– Считайте, что так – скучно.

– Эти слова я уже слышал от одного диссидента. Он мне заявил, что скучно становится людям жить при развитом социализме. Вот они и пускаются во все тяжкие.

– Этот диссидент не далек от истины. Человек ведь по сути своей животное и живет инстинктами.

– А как же слова Горького: человек – это звучит гордо? Нет, все-таки правильно, что мы вас прищучили. Если таким людям, как вы, дать волю, вы ведь здесь такое устроите – волосы встанут дыбом. Так что завтра жду вас у себя – будем сообща бороться с вашей скукой.

И Агеев, наконец, выбрался из автомобиля.

11 октября 1973 года, четверг, Москва, Пушкинская улица, 15, Прокуратура СССР

Зольский сидел в кабинете старшего следователя прокуратуры Ивана Заслонова и читал показания врача киевского «Динамо» Мирона Собко. Тот в своих показаниях не отрицал знакомства с уголовником Корнеем Капустиным по кличке Моченый, но озвучил именно ту версию, которую ему придумал Зольский на случай возможного ареста. Суть этой версии была проста. Собко сообщил, что убийство Лазаря Луцкого спланировал и осуществил Капустин, а Собко с Зольским ничего об этом не знали – они рассчитывали на то, что Капустин лишь попугает массажиста, но ни в коем случае не убьет. А когда убийство все же произошло, то Собко с Зольским, боявшиеся Моченого, попросту испугались за свои жизни и решили молчать.

Читая теперь эти показания, Зольский воздавал должное своему киевскому подельнику – тот вспомнил его наставления и главным в их треугольнике выставлял Моченого.

Когда Зольский дочитал до конца показания Собко и вернул их следователю, тот, дымя сигаретой, произнес:

– Как-то не вяжется, гражданин Зольский, что уголовник был у вас за главного.

– Вы просто не видели этого человека, – ответил Зольский. – Я когда-то по дурости перетащил его с Урала в Москву, ведать не ведая, что он из себя представляет.

– А зачем он вам здесь понадобился? – вступил в разговор мужчина, который сидел в углу кабинета и все это время внимательно наблюдал за Зольским.

Это был следователь КГБ Андрей Шестаков, который должен был вести Зольского по делу о подпольном тотализаторе.

– Он был мне нужен для выполнения мелких поручений. Но постепенно заматерел и по сути взял меня за горло. Да вы сами у него об этом спросите – он-то что говорит?

Зольский специально задал этот вопрос, пытаясь по реакции своих собеседников выяснить о судьбе Моченого.

– Не беспокойтесь, мы его обязательно спросим, а пока хотим услышать ваши показания, – ответил Шестаков, чем сильно порадовал Зольского.

По этому ответу он догадался, что спрашивать следователям некого – Моченый отдал богу душу. Поэтому можно было смело валить все на покойника.

– Именно Моченый втянул меня в этот подпольный тотализатор, посулив хорошие деньги за любую информацию о результатах футбольных матчей, – продолжил свой рассказ Зольский. – Ну, я по простоте душевной, и согласился. Я же не знал, чем это обернется. Что этот упырь начнет людей убивать.

– Вы имеете в виду Луцкого? – спросил Капустин.

– А кого же еще? Тот захотел порвать с Моченым и позвонил мне – чтобы я передал ему об этом. И этот душегуб отправился в Киев лично разбираться с массажистом. Я, когда узнал о его гибели, был просто в ужасе. И, честно скажу, испугался. Ведь этот уголовник мог и меня точно так же на тот свет отправить. Поэтому я вынужден был выполнять его приказы.

– А что случилось с товарищем Пустовилом? – задал новый вопрос Шестаков.

– Как что – его тоже убил Моченый, – живо откликнулся на этот вопрос Зольский. – Он как раз был у меня дома, когда мне позвонил тот милиционер, что задержал Пустовила на вокзале. Ну, я, ничего не подозревая, и рассказал Моченому про эту историю: дескать, задержали мужика ни за что ни про что с большой суммой денег, что он привез в Москву из Федерации футбола Украины. А этот упырь, видимо, намотал мой рассказ себе на ус. И отправился в гостиницу, где убил Пустовила и забрал его деньги.

– А откуда он узнал, где остановился Пустовил? – спросил Капустин.

– Элементарно – он пару раз в его прошлые приезды сюда возил по Москве на моей «Волге». Видимо, тогда и запомнил.

– А как вы узнали, что именно Моченый убил Пустовила – он сам вам об этом сказал? – продолжал свой допрос Капустин.

– Да, на следующий день позвонил и сообщил. И еще пообещал три тысячи за то, что это я, мол, помог ему на Пустовила выйти. Но разве я мог знать, чем это обернется?

И Зольский закрыл лицо руками, изображая крайнюю степень раскаяния. Здесь он специально выставил себя виновным, пусть и косвенно, в смерти Пустовила, чтобы у следователей не сложилось впечатление, что он во всем выгораживает себя и валит все на Моченого. Такая позиция могла вызвать подозрения.

– А куда вы ездили вчера во второй половине дня? – вновь вступил в разговор Шестаков.

Зольский насторожился, пытаясь понять, что известно о его вчерашних контактах следователям. После чего ответил:

– Сначала я заехал в чебуречную «Ландыш» в Измайлово, а потом встречался с Моченым на Лужнецкой набережной.

– Что вам надо было в чебуречной? – спросил Шестаков. – Только не говорите, что там вкусные чебуреки – в зале вас не было.

– Но там действительно отличные чебуреки, – развел руками Зольский. – Только не в зале – повар мне делает чебуреки по заказу. Вот их я и уплетал в служебной комнате.

– Один уплетали?

– Нет, с одним из работников чебуречной – его зовут Михаил. Меня с ним Моченый познакомил – они, кажется, давно знакомы.

– А такое прозвище, как Могол, вам ни о чем не говорит?

Зольский на несколько секунд ушел в себя, делая вид, что он пытается вспомнить человека с таким прозвищем. После чего ответил:

– Нет, никакого Могола я не знаю. А тот человек, с которым мы уплетали чебуреки, всегда представлялся мне Михаилом.

– Ну, хорошо, а зачем вы встречались с Моченым перед финальной игрой?

– Как зачем – он же обещал мне три тысячи за то, что я, сам не ведая того, помог выйти ему на Пустовила. Но денег мне он не отдал, пообещав сделать это после матча. Да вы сами у него обо всем спросите. Впрочем, этот гад человек ушлый – его голыми руками за горло не возьмешь.

– А кого из участников тотализатора вы знаете? – после небольшой паузы задал очередной вопрос Шестаков.

– Моченого знаю, Мирона Собко, режиссера МХАТа Зеркалова. Вот, пожалуй, и все.

– А помощник министра спорта Сергей Махалов разве не входит в этот круг?

– Да что вы, как можно? – всплеснул руками Зольский. – Это всеми уважаемый человек. Нас с ним связывают чисто дружеские отношения.

– А деловые?

– И деловые тоже – по линии спорта, естественно. А еще… – и Зольский потупил очи долу, – мы с ним иногда обмениваемся видеокассетами эротического содержания. Каюсь, товарищи следователи, что имею такое пристрастие, недостойное члена партии, но ничего не могу с собой поделать.

Здесь Зольский снова решил разыграть спектакль – уличить себя в недостойном увлечении. Он знал, что самое страшное, что ему за это может быть – порицание по партийной линии и не больше. А что касается Махалова, то его за столь невинную шалость вообще никто тронуть не мог – у него были надежные тылы в лице супруги и самого министра.

– Ну, хорошо, на сегодня хватит, – произнес Заслонов и нажал на кнопку «стоп» в магнитофоне, под который велся допрос.

Спустя минуту, когда Зольского увели, Заслонов, дымя сигаретой спросил у Шестакова:

– Что скажете, Андрей Леонидович?

– Хитер зараза – не подкопаешься, – усмехнулся Шестаков. – Хороший актер в нем пропадает, но в деталях переигрывает. Но взять его за жабры мы всегда успеем. Главное для нас сейчас – оставить его на свободе, чтобы не оборвалась цепочка в тотализаторе.

– Но он же сдает только мелкую сошку?

– Припрем к стене, сдаст и всех остальных. Такие люди только с виду храбрятся, а внутри трусливее зайца.

– А не боитесь, что он сбежит?

– Куда он денется с подводной лодки? – улыбнулся Шестаков. – Нет, в нем я уверен – будет работать на нас, как миленький. Понимает, что иначе мы его под «вышку» подведем.

11 октября 1973 года, четверг, Чили, штаб-квартира СИФА

Когда Рафаэль Канто приехал на службу, его тут же вызвал к себе шеф – полковник Эдгар Себальос Хонес. Войдя в кабинет, лейтенант застал там еще одного человека, которого до этого

никогда не видел – сухопарого мужчину в штатском. Полковник представил его как помощника самого генерала Пиночета. Звали гостя Алехандро Рамирес.

– Хочу выразить вам благодарность от генерала Пиночета и себя лично, – протягивая руку лейтенанту, произнес гость.

– Спасибо, но за что? – спросил Канто, пожимая протянутую ему руку.

– За вчерашнюю операцию.

– Но она закончилась ничем, – напомнил гостю результат осады дома Молина лейтенант.

– Именно это нам и было нужно, – внезапно сообщил Рамирес, усаживаясь в кресло напротив Канто.

Закурив сигару, Рамирес взмахом ладони разогнал от лица дым, и продолжил:

– Полковник Себальос характеризовал вас, лейтенант, как преданного нашему делу человека. Поэтому я буду с вами откровенным. Вы ведь в курсе того, что Молина готовит покушение на советского лидера? Так вот, эта акция нам крайне выгодна с политической точки зрения. Теперь вы понимаете, почему мы дали вам такой приказ?

– Теперь понимаю, – кивнул головой Канто.

– Вот и прекрасно. Теперь вопрос по существу: нас интересует имя человека, который должен выполнить приказ Молина о ликвидации советского лидера. Возможно его установить силами вашего подразделения или вам нужна помощь?

– Я думаю, что расширение числа участников этих поисков грозит утечкой информации, – ответил Канто.

– Но мы должны располагать данными на этого человека как можно скорее. Ведь от этого зависит, сможет ли он благополучно покинуть Чили. Это, во-первых. А во-вторых – мы хотим негласно управлять его действиями за пределами нашей страны.

– Кажется, кое-что я уже узнал, сеньор Рамирес, – сообщил Канто. – Вчера, проводя осмотр дома Молина, я обнаружил в его столе несколько афиш, на которой Ассоциация поляков в Чили в разное время приглашала всех желающих на боксерские поединки с участием одного поляка – Анджея Кравчика. Учитывая то, что, по словам «мириста» Антонио Антекера, содержащегося на «Вилла Гримальди», в роли наемного убийцы должен выступить иностранец, я предположил, что это может быть поляк.

– Но эти афиши еще ни о чем не говорят, – подал голос Себальос.

– Я тоже сначала так подумал, – кивнул головой Канто. – Но вчера вечером решил на всякий случай навести предварительные справки об этом поляке. И выяснил, что они с матерью приехали в

Чили вскоре после Второй мировой войны, спасаясь от коммунистов. А глава их семейства сгинул по вине Советов в местечке Катынь – там были расстреляны несколько тысяч польских офицеров. Суммируя сейчас ту информацию, что мне рассказали вы, сеньор Рамирес, я не исключаю вероятности того, что Кравчик – именно тот человек, который нужен Молина для его акции по устранению советского генсека.

– Да вы превосходный сыщик, лейтенант! – воскликнул Рамирес, разводя руки в стороны. – И вполне заслужили того, чтобы вас повысили в очередном звании. Верно, полковник?

Себальос в ответ рассмеялся, что означало – он согласен хоть сегодня подать документы на присвоение лейтенанту Канто очередного офицерского звания.

12 октября 1973 года, пятница, Ереван, площадь Ленина

Ашот Гюзалян вышел из дома в два часа ночи, когда вся его родня спала мертвецким сном. Ереван в эти часы тоже спал, хотя вчера в это же самое время весь город стоял на ушах. После победы «Арарата» в Москве столица Армении гуляла напропалую всю ночь. Практически все улицы города были заполнены ликующим народом, который провозглашал здравицы в честь своих футболистов, а также во славу всей Армении. В небо взлетали петарды и осветительные ракеты, были перекрыты дороги и транспорт (в том числе и городской) пропускался только после сигналов в честь победы «Арарата». Машины кружили по центральной площади имени Ленина, заглушая ревом клаксонов хрустальное журчание музыкального фонтана. По словам очевидцев, вино лилось, как вода в фонтане, все были друзьями друг другу, все пели и танцевали – короче, веселье было всеобщее. На некоторых стенах домов чьи-то руки начертали имена героев этой победы: «Симонян, Иштоян, Маркаров».

Эта же надпись появилась и напротив дома, где жил Ашот, что и подвигло его на сегодняшнюю ночную вылазку. Он задумал пойти дальше всех – прославить свое имя, поставив его рядом с героями вчерашнего кубкового матча. Его план был настолько дерзок и фантастичен, что даже вызвал оторопь у единственного человека, с которым Ашот поделился своей задумкой – у Вардана, сына известного скульптора Армении Ерванда Арамяна.

– Ты с ума сошел! – схватился за голову Вардан. – Нас посадят!

– Если ты не разболтаешь про мою идею, то никто нас не найдет, – уверял приятеля Ашот. – Весь город будет спать как

убитый после сегодняшней бурной ночи. Нам понадобится всего лишь пара часов, чтобы провернуть это дело и вернуться домой. Зато утром весь город, да что там город – вся Армения – будут любоваться нашим художеством. Или ты не хочешь воздать должное нашим героям-футболистам?

– Мы с тобой всю ночь этим занимались, – напомнил другу о вчерашних празднествах Вардан.

– Дурень, мы были лишь статистами на этом празднике. А теперь я предлагаю тебе стать главными его участниками. Есть разница?

– Я отдаю должное твоей выдумке, но, может, ты сделаешь это один? – продолжал сомневаться сын скульптора.

– Одному мне не справится. Надо ведь будет донести, а потом поднять наверх переносную лестницу, а она штука тяжелая.

Спорить с этим аргументом было бессмысленно, поэтому Вардан вынужден был согласиться. Речь шла о металлической раздвижной лестнице, которую отец Вардана использовал, когда работал над крупными памятниками. С ее помощью можно было добраться до самых верхних участков скульптур. То же самое собирался проделать сегодня ночью и Ашот Гюзалян.

Выйдя из подъезда, он свернул за угол и увидел на противоположной стороне улицы одинокую фигуру – это был Вардан. Спустя пять минут они уже были в мастерской его отца, где забрали лестницу, предварительно разобрав ее на две части, чтобы было удобно нести. Кроме этого, они прихватили и маленькое пластиковое ведерко, наполовину наполненное белой краской, а также малярную кисть. Теперь их путь лежал на центральную площадь города – имени Ленина. Идти до нее было недалеко – около десяти минут.

Друзья шли по пустынным улицам, не рискуя кого-нибудь встретить. Даже милиционеры теперь отсыпались, поскольку всю вчерашнюю ночь вынуждены были нести дежурство в усиленном режиме. Правда, всем было понятно, что это лишняя предосторожность – в те часы, когда вся Армения праздновала победу «Арарата» во всей республике не произошло ни одного не то чтобы преступления, но даже мелкого правонарушения.

Друзья пришли на площадь со стороны сквера. Теперь им предстояло преодолеть несколько десятков метров голого пространства, отделявших сквер от величественного памятника Ленину из красной меди, который украшал площадь его же имени. Это был один из самых больших монументов вождю мирового пролетариата не только в СССР, но и в мире. Он был воздвигнут здесь в 1940 году по проекту скульптора С. Меркурова. Высота памятника составляла 19,5 метра, из которых

12 метров был постамент, а все остальное – фигура вождя, выполненная в полный рост. Ленин был в пиджаке, без головного убора, левая рука у него была выдвинута вперед, а в правой зажата газета. Вождь смотрел вперед, на 200-метровую площадь, простиравшуюся перед ним. Внизу, под памятником, возвышались трибуны на 300 человек – это было место, где во время праздников обычно стояло все республиканское руководство. Правда, вчера, во время торжеств по поводу победы «Арарата», руководители Армении на трибуну не поднимались, хотя почти вся площадь была запружена ликующим народом.

Убедившись в том, что площадь пуста и поблизости нет ни одного постового милиционера, друзья бегом преодолели те несколько десятков метров, что отделяли их от памятника. Они остановились у массивных дверей, которые вели внутрь кубического цоколя, где был расположен вестибюль центральной трибуны. На двери висел большой замок, который представлял из себя серьезное препятствие для любого другого, но только не для Ашота. Прислонив лестницу к стене, он извлек из кармана набор отмычек и в течение нескольких минут выбрал нужную – ту, с помощью которой он легко открыл замок. Спустя минуту друзья были уже внутри цоколя, откуда наверх, к монументу, вела лестница. Первым на нее полез Ашот, предварительно повесив себе на плечо одну из частей переносной лестницы, а в руку взяв ведерко с краской. Следом за ним стал подниматься и Вардан, на плече которого тоже висела другая часть лестницы, а из брючного кармана торчала малярная кисть. Так, не спеша, они поднялись до самого потолка цоколя, где находился большой люк. Он открывался гораздо легче, чем дверь – вместо замка на нем была всего лишь задвижка. Правда она уже успела заржаветь, поэтому Ашоту пришлось приложить некоторые усилия, чтобы, наконец, отодвинуть ее в сторону. После чего он выбрался наверх – под самые ноги величественного монумента. Следом за ним туда же вылез и Вардан.

– Ты смотри, какая красота! – восхищенно воскликнул Ашот, озираясь вокруг.

В свете ночных фонарей перед ними действительно открылось потрясающее зрелище. Кроме ближайших зданий – Дома правительства, треста «Арарат» и Армпромсовета, были видны силуэты зданий, находившиеся далеко за пределами площади.

– Смотри не упади от восторга, – предупредил друга Вардан.

– Ни в коем случае – мы ведь не для этого сюда пришли, – ответил Ашот.

После чего он положил руку на медную брючину вождя и,

задрав голову вверх, произнес:

– Прости, Ильич, но мы тебя побеспокоим. Надеюсь, не обидишься на нас – ты ведь армянский Ленин и, значит, тоже должен болеть за «Арарат».

В это время Вардан тронул приятеля за рукав и указал ему вниз. Там, на углу у Дома правительства маячила одинокая фигура милиционера, который, засунув руки в карманы плаща, медленно ходил взад-вперед. Голова у него была опущена, поэтому он не мог видеть того, что творится на монументе. Впрочем, он туда и не смотрел, поскольку и в мыслях не держал, что там может происходить нечто из рук вон выходящее.

Друзья споро соединили две части лестницы и стали осторожно ее поднимать. Вскоре конец лестницы уткнулся как раз в поясницу вождя. С учетом того, что рост у Ашота был выше среднего, получалось, что он вполне мог достать до середины ленинской спины. Зажав в зубах ручку пластикового ведерка, Аревик вместе с ним стал осторожно подниматься наверх. Спустя пару минут он уже достиг конца лестницы и, достав из кармана кисть, стал макать ее в ведерко. Затем началось то, ради чего оба приятеля сюда и пришли – Ашот принялся старательно выводить на широкой спине вождя цифру восемь. Это был номер, под которым играл Левон Иштоян – футболист ереванского «Арарата», автор двух победных голов во вчерашнем кубковом матче против киевского «Динамо».

Пока его друг рисовал восьмерку, Вардан стоял внизу и обеими руками крепко держал лестницу, чтобы она, не дай бог, обрушилась. Одновременно он внимательно следил за милиционером, который продолжал ходить вдоль угла Дома правительства, втянув голову в плечи и засунув руки в карманы, тем самым пытаясь спастись от пронизывающего ветра. В один из моментов он внезапно остановился и извлек из кармана пачку сигарет и спички, которые принялся зажигать одну за другой, поскольку они то и дело гасли на ветру. Наконец, ему удалось-таки прикурить и он сделал несколько глубоких затяжек. Все это время он стоял на одном месте, глядя куда-то в темноту. Стоило ему повернуть голову чуть левее и он бы наверняка заметил выросший на спине у Ленина странный горб в виде силуэта одинокого верхолаза. Но страж порядка так и не удосужился взглянуть в сторону памятника и вскоре, занятый собственными мыслями, вновь возобновил свое хождение от угла здания до его входных дверей.

К этому времени Ашот благополучно завершил свое дело и спустился вниз. При этом его лицо излучало такую же радость, какая вчера была на нем в эти же самые часы, когда он лихо

отплясывал на этой же площади в толпе своих земляков танец «кочари» в честь победы «Арарата».

Разобрав лестницу, друзья спустились вниз, но теперь уже в другом порядке – первым шел Вардан, а за ним Ашот. Он же закрыл люк и задвинул задвижку. Пустое ведерко и кисть друзья решили с собой не брать, чтобы облегчить себе спуск. Это было их роковой ошибкой, о которой они потом пожалеют, но будет уже поздно.

12 октября 1973 года, пятница, Киев, улица Орджоникидзе, ЦК КП Украины

Первый заместитель председателя Спорткомитета Украинской ССР Андриан Мизяк, курирующий футбол, приехал в здание ЦК КП Украины и поднялся на лифте на третий этаж. Там располагался кабинет заведующего сектором спорта Артемия Латыша. Получив этот вызов, Мизяк прекрасно понимал, чем он вызван – проигрышем киевского «Динамо» в финальном матче за Кубок СССР. Он предполагал, что его будут распекать и, может быть, даже объявят выговор. Но то, что он услышал от Латыша, едва переступив порог его кабинета, повергло его в шок.

– Андриан Алексеевич, вы сейчас же отправляетесь на базу «Динамо» в Конче-Заспу и объявляете Севидову, что команда в его услугах больше не нуждается, – сообщил Латыш, даже не поднимаясь со своего кресла, чтобы приветствовать гостя.

– Позвольте, Артемий Игнатович, но до конца сезона осталось всего несколько туров – какой смысл увольнять Севидова перед решающими играми? – удивился Мизяк.

– Потому что так решили там, – и Латыш опустил палец вниз, намекая на то, что это распоряжение исходит лично от Щербицкого, кабинет которого находился этажом ниже. – Вопросы еще есть?

– Есть, Артемий Игнатович: как я буду смотреть в глаза Севидову и всей команде?

– Так же, как смотрите сейчас на меня, – глядя в глаза собеседнику, ответил Латыш. – И вообще, бросьте ваши телячьи нежности – мы здесь не в бирюльки играть поставлены. Человек напортачил в финальной игре так, что вся Украина за голову схватилась. Вы сами игру видели?

– Видел, но это чистая случайность – стечение обстоятельств.

– За это стечение кто-то должен ответить. Может, вы хотите взять всю вину на себя? В таком случае, мы вас тоже уволим. А если вы этого не хотите, тогда поезжайте в Конча-Заспу и увольте

Севидова. Нам такие тренеры не нужны.

– И какую причину я должен буду ему озвучить – провал в кубковом матче?

– Естественно, нет – надо найти другую причину. Например, за развал воспитательной работы. Он ведь и в самом деле распустил футболистов, потакает всем их прихотям.

– Поэтому команда и дает результат – мы боремся за «золото». А если уволить Севидова за три матча до финиша, тогда…

– Ничего не произойдет, – перебил собеседника Латыш. – Вы что забыли, что матчи выигрываются не только на поле, но и в кабинетах? Поэтому новый тренер получит от нас всяческую поддержку.

– Уже есть кандидатура на это место?

– Валерий Лобановский.

– Но его уже в прошлом году хотели назначить старшим тренером, но из этого ничего не вышло – он уехал несолоно хлебавши.

– А теперь выйдет – время подоспело. Лобановский сделает из «Динамо» современный клуб европейского уровня. У Севидова это не получилось.

– Я с этим не согласен. Севидов уже близок к созданию такой команды – необыкновенно гибкой, сильной, способной воплотить на поле любой его замысел, обогатить его импровизациями. А когда зимой мы устраним недокомплект форвардов, то наши дела пойдут еще лучше. Ведь средний возраст команды – двадцать пять лет и у нее несомненно большое будущее. Это все заслуга Севидова.

– Это общая заслуга, Андриан Алексеевич: вас, меня, товарища Щербицкого. А Севидов по сути пришел на готовое и пока что выиграл лишь один чемпионат.

– Но это как-то не по-людски – увольнять его с такой нелестной характеристикой. Разрешите переговорить с ним с тем, чтобы он ушел из команды, написав заявление по собственному желанию?

– Пожалуйста, если у вас это получится, – согласился с этим предложением Латыш.

Но Севидов не согласился. Узнав, зачем приехал на базу Мизяк, тренер лишь усмехнулся и сказал:

– Нет уж, Андриан Алексеевич, пусть так и останется: «За развал воспитательной работы». А история сама рассудит, кто прав в этом споре.

12 октября 1973 года, пятница, Ереван, Дом правительства и

площадь Ленина

Председатель правительства Армении Григор Арзуманян находился в своем кабинете и просматривал отчет своего заместителя о работе промышленных предприятий за третий квартал, когда в кабинет к нему буквально ворвался его секретарь. Не говоря ни слова он подбежал к окну и отодвинув в сторону массивную штору, попросил министра подойти к нему. Арзуманян, который до этого никогда еще не видел своего секретаря в подобном состоянии, подчинился.

– Посмотрите, что творится у памятника Ленину, – сообщил секретарь.

Министр взглянул и буквально оторопел – с тыльной стороны памятника собралась огромная толпа людей в несколько сот человек и, задрав головы, смотрела куда-то вверх – на спину Ленину. Тут же сновали и какие-то люди с фотоаппаратами, которые направляли их в ту же самую сторону, куда смотрела толпа.

– Видите, здесь уже и западные журналисты суетятся, – произнес секретарь.

Судя по всему, эти иностранцы были обитателями гостиницы «Армения», которая стояла на той же площади Ленина.

– Что там происходит, черт возьми? – воскликнул премьер и удивленно воззрился на своего секретаря.

– Как мне сообщили, кто-то сегодня ночью нарисовал на спине у Ленина цифру восемь.

– Почему восемь? – удивился премьер.

– Это же номер Левона Иштояна – нашего лучшего нападающего! – округлил глаза секретарь.

И тут до Арзуманяна наконец дошло, что именно случилось с памятником – это было отголоском победы «Арарата» в финале Кубка СССР. Однако этот отголосок напоминал уже звон не победного, а, скорее, поминального колокола – у него был явно зловещий оттенок. Ведь узнай об этом в Москве (а она обязательно узнает) и неприятностей с этим происшествием не оберешься. И едва премьер успел об этом подумать, как у него на столе зазвонил телефон. Подскочив к аппарату, Арзуманян поднял трубку и услышал на другом конце провода голос первого секретаря ЦК КП Армении Антона Кочиняна.

– Григор, что у вас там происходит? – спросил партийный лидер, уже явно оповещенный о произошедшем.

– Кто-то сегодня ночью нарисовал на спине у памятника Ленина цифру восемь, – сообщил премьер. – Здесь уже полно народу, в том числе и западные журналисты.

– Немедленно очистите площадь от людей – я скоро буду, – приказал Кочинян и повесил трубку.

Ехать от здания ЦК до Дома правительства было минут пять-семь, поэтому Арзуманян бросился немедленно выполнять распоряжение Первого. Первым делом он позвонил министру внутренних дел Армении Владимиру Дарибяну.

– Владимир Саркисович… – начал свою речь премьер, но министр его тут же оборвал:

– Я уже все знаю, люди мной отправлены.

К приезду первого секретаря, который прибыл через пятнадцать минут после своего звонка премьеру, площадь уже начала оцеплять милиция. Делалось это без всякой ожесточенности – людей просто просили отойти к скверу подальше от памятника. Собравшиеся, на лицах которых сияли счастливые улыбки, реагировали на это спокойно, прекрасно понимая, что милиционеры просто выполняют свою работу.

– Это же надо додуматься – переделать Ильича в Арутюновича, – раздавались восторженные выкрики из толпы.

Именно таким был отчество у нападающего «Арарата» Левона Иштояна.

Кочинян подошел к памятнику и поднял голову вверх. В лучах утреннего солнца на спине вождя красовалась жирная цифра восемь, нарисованная белой краской. На пьедестале монумента уже сновали двое милиционеров, которые показали Первому предметы, которые они обнаружили на месте преступления – небольшое пластиковое ведерко и малярную кисть. Кочинян сделал им жест рукой, чтобы они доставили эти вещи сюда, вниз.

Спустя несколько минут полковник милиции, командовавший оцеплением, принес Кочиняну обнаруженные предметы.

– Вот, злоумышленники забыли это под памятником, – сообщил полковник.

– Почему забыли – может, просто бросили, – высказал свое предположение Первый.

В это время к нему подошел второй секретарь ЦК КП Армении Павел Анисимов.

– Что здесь происходит, Антон Ервандович? – спросил он у Первого.

– Полюбуйтесь, – ответил Кочинян и указал рукой наверх.

– Бог ты мой – это же политическая диверсия! – воскликнул Второй.

– Полегче, Павел Петрович, – осадил Второго Первый. – Просто люди радуются победе своей команды.

– Это вы называете радостью? – возмутился Второй. – Да уже сегодня все западные газеты будут заполнены фотографиями того, как в столице Армении кто-то издевается над вождем мирового пролетариата. И можно себе представить, что вам скажут на это в Москве.

– Не только мне, но и вам, – все так же спокойно отреагировал на эти слова Кочинян.

– Перестаньте ловить меня на слове, – не скрывая своего раздражения, воскликнул Анисимов. – Дело пахнет политической провокацией, а вы стараетесь перевести ее в плоскость какой-то бытовой мелочи. Как вы теперь собираетесь устранять эту надпись, если вокруг площади уже собираются сотни людей?

Вместо ответа Кочинян подозвал к себе министра внутренних дел, который стоял в стороне и беседовал со своими подчиненными.

– Владимир Саркисович, начинайте оттеснять людей подальше от площади, – приказал Первый главному милиционеру.

После чего Кочинян повернулся к премьер-министру:

– Подъемный кран у нас имеется?

– Уже едет, – ответил Арзуманян.

– Вот видите, Павел Петрович, все уже крутится, все уже вертится, – вновь перевел взгляд на Второго Кочинян.

– Но в любом случае я должен буду доложить об этом в Москву, – ответил Второй. – Такие вещи, сами понимаете, скрыть невозможно. И еще: начинайте искать преступника, чтобы у нас было о чем рапортовать в Центр.

Когда Второй удалился с площади, чтобы вернуться в ЦК и оттуда позвонить в Москву, Кочинян снова подозвал к себе министра внутренних дел.

– Владимир Саркисович, это дело, скорее всего, будет расследовать КГБ. Но вы тоже не расслабляйтесь и будьте начеку.

– Не волнуйтесь, Антон Ервандович, все сделаем, как надо.

Саркисов знал, что у Первого не слишком теплые отношения с председателем КГБ Армении Аркадием Рогозиным, назначенным на этот пост почти год назад. Но у него заместителем был армянин Грайр Михаелян, с которым Кочинян был в гораздо более дружеских отношениях. Поэтому шанс на то, что это дело можно будет каким-то образом замять все-таки оставался.

12 октября 1973 года, пятница, Москва, Старая площадь, кабинет Леонида Брежнева

Генсек сидел в своем кресле во главе стола, покрытого зеленым сукном, курил свои любимые сигареты «Новость» и внимательно слушал Андропова, который сам напросился к нему на прием, чтобы обрисовать ситуацию с приездом в Москву бразильского спортивного функционера из МОК Жоана Авеланжа. Этот человек в будущем году собирался выдвигать свою кандидатуру на пост президента ФИФА и теперь объезжал все ведущие спортивные державы, чтобы заручиться поддержкой их спортивных чиновников. Брежнев собирался встретиться с бразильцем в неофициальной обстановке и поэтому должен был знать ситуацию с его выдвижением изнутри – чтобы понять, нужно его поддерживать или нет.

– Учитывая, что Авеланж может сменить англичанина Стэнли Роуза, нам, скорее выгодно протащить его в президенты ФИФА, чем гробить, – делился Андропов своими мыслями с генсеком. – Англичане уже 18 лет заправляют мировым футболом и Роуз это уже их третий ставленник, причем всегда настроенный враждебно как к нашей стране, так и к нашим союзникам. Вот и сейчас, когда в Чили произошел военный переворот, Роуз занял четкую пропиночетовскую позицию и собирается торпедировать наше попадание на чемпионат мира в ФРГ.

– А ты что думаешь на этот счет – попадем мы на этот чемпионат или нет? – спросил Брежнев.

– Для этого надо, во-первых, поменять руководство сборной, во-вторых – приложить максимум усилий на международном уровне, в том числе и в ФИФА.

– И кого ты видишь нашим новым тренером? – заинтересованно спросил генсек.

– Константин Иванович Бесков – лучшая кандидатура.

– Почему он? – вскинул брови Брежнев.

– Он человек принципиальный – такой не будет выплясывать кадриль перед нашими чиновниками.

– Но они же его сожрут!

– Если мы поможем, то ничего с ним никто не сделает. Мы сами кого хочешь сожрем, – и по губам Андропова пробежала еле уловимая ухмылка. – К тому же Бескова ненавидят ворошиловоградские, с которыми у него не сложились отношения еще в 65-м, когда он год возглавлял их «Зарю».

Этот эпизод был упомянут Андроповым не случайно. За ворошиловоградской группировкой стоял член Политбюро Дмитрий Полянский, с которым у Брежнева были натянутые отношения. Именно поэтому генсек год назад и разрешил своему приятелю Владимиру Щербицкому устроить большой «шмон» в Ворошиловграде – отправить туда инспекторскую проверку,

которая привела к зачистке тамошней элиты, а также дала по рукам и их московским покровителям во главе с Полянским. Так что, упоминая о плохих отношениях Бескова с ворошиловоградскими, шеф КГБ делал беспроигрышный ход.

– А где сейчас Бесков работает? – спросил Брежнев после некоторых раздумий.

– В Центральном совете «Динамо» – курирует команды, играющие в РСФСР.

– Сам-то он согласен вернуться в сборную – все-таки девять лет ее не тренировал с того дня, как четвертое место на чемпионате Европы с ней занял? Несправедливо с ним Хрущ тогда поступил – снял с должности за проигрыш испанцам. Впрочем, Никиту и самого вскоре сняли за такой вот волюнтаризм.

– Об отказе со стороны Бескова не может быть и речи – он член партии, а руководство сборной дело государственной важности. Нам ведь через три года надо будет на чемпионат Европы попасть.

– Это понятно, просто когда человека насильно заставляешь, он иначе к этому делу начинает относиться. Как говорится, насильно мил не будешь.

– В его случае насилие не понадобится. А вот к тем, кто будет выступать против этого назначения, мы его применим.

– Только палку не надо перегибать, – попросил собеседника Брежнев.

После чего стряхнул пепел в стеклянную пепельницу и, откинувшись на спинку кресла, произнес:

– Ну, что там с этим Роузом – продолжай.

– Англичане два года назад нам здорово насолили, выслав из страны более сотни наших дипломатов. Самое время им за это отомстить. Они попытались подорвать наш авторитет в мировой политике, мы подорвем их влияние в их национальной игре – в футболе. И лучшей кандидатуры, чем Авеланж, в этом деле представить себе невозможно.

– Это почему?

– У него, как и у нас, вырос большой зуб по отношению к англичанам. Он ведь возглавляет Федерацию спорта Бразилии и впервые столкнулся с происками англичан в 1966 году на чемпионате мира в Англии. Тогда групповые матчи сборной Бразилии против Португалии, Венгрии и Болгарии судили три арбитра и шесть помощников – семеро из них были англичанами, а остальные – немцы. Идея у них была проста: нейтрализовать Бразилию, что они и сделали. После чего англичане и немцы протолкнули друг друга в финал, поскольку четвертьфинал

немцев судил английский арбитр, а игру англичан против аргентинцев – немец.

– Вот ведь шельмы какие! – воскликнул генсек, причем в этом возгласе было больше восхищения, чем негодования.

– Кроме этого зуба у Авеланжа есть еще один плюс – за его продвижением стоит Хорст Дасслер.

Лишний раз представлять этого человека Брежневу надобности не было – он хорошо знал отпрыска знаменитого основателя фирмы спортивной одежды «Адидас» Адольфа Дасслера. Генсек и отпрыск несколько раз встречались тет-а-тет, а кроме этого в своей повседневной жизни Брежнев отдавал предпочтение спортивной одежде именно этой фирмы. Однако он не был осведомлен о некоторых аспектах тайной жизни этого человека, поэтому Андропов собирался его в этом деле просветить.

– Дасслер давно стремится расширить свое влияние на мировое спортивное движение, а англичане ему в этом деле только мешают, – продолжил свою речь шеф КГБ. – Они слишком джентльмены, чтобы участвовать в тех темных делишках, которые проворачивает Дасслер. Однако нам эти делишки только на руку – надо помогать их элите погрязнуть в коррупции, чтобы легче было ею управлять.

– То же самое ты говорил мне и про нашу элиту, – заметил Брежнев.

– Насколько я помню, вы тогда со мною согласились.

– Я и сейчас с тобой согласен, – улыбнулся генсек, выпуская дым под потолок. – Ну, так что там с Дасслером дальше?

– Он создал собственную спецслужбу, которая заводит досье на всех влиятельных спортивных чиновников в мире. Таким образом он мечтает собрать сведения о каждом, кто обладает правом голоса в спортивных объединениях. Ведь, чтобы добиться большинства, из сотни избирателей достаточно перетянуть на свою сторону десять или пятнадцать человек. И особый упор он делает на чиновников из карликовых государств, которые падки на подкуп.

– Он этим сам занимается или у него есть для этого специальные люди? – вновь прервал плавную речь докладчика Брежнев.

– Иногда сам, но чаще всего этим занимаются его доверенные люди. Например, некий Андре Гуелфи – уроженец Корсики и владелец нескольких швейцарских холдингов. В молодости он участвовал в автогонках в Ле-Мане и тогда же выгодно женился – на племяннице французского президента Жоржа Помпиду. Затем он попал в Алжир, где работал на секретную службу голлистов. С

Хорстом Дасслером он познакомился в конце 60-х, когда развернул активную предпринимательскую деятельность в Париже.

– Эти сведения из наших источников? – поинтересовался Брежнев.

– Нет, с нами ими поделились наши коллеги из «Штази». У немцев вообще весьма обширное досье на империю Дасслеров, поэтому мы по возможности пользуемся их информацией. Есть у немцев такой агент «Чайка», который уже около двадцати лет внедрен в дасслеровские структуры и сообщает обо всех телодвижениях Хорста и его приближенных. Именно он сообщил нам о том, каким образом Дасслер собирается протащить Авеланжа в президенты ФИФА.

После этих слов Брежнев вдавил сигарету в пепельницу и, положив локти на стол, с интересом уставился на докладчика. А тот продолжал:

– Выборы в ФИФА проходят по принципу «одна страна – один голос». Весьма удобная вещь для существования коррупционной системы. Ведь любое карликовое государство обладает таким же весом в ФИФА, как, например, Федерация футбола Англии или Немецкий футбольный союз, насчитывающие по нескольку миллионов участников. Поэтому Дасслер и собирается воспользоваться этой брешью – чтобы набрать необходимое количество голосов, зачем возиться с горсткой влиятельных союзов, если можно в кратчайшие сроки сплотить вокруг себя множество карликовых и периферийных государств, вроде африканских. Ведь Дасслер поставляет продукцию «Адидас» во многие африканские страны и тамошние функционеры зависят от него. Да и сам Авеланж не без греха – через главу региональной федерации Эфиопии он недавно пытался подкупить африканских функционеров.

– Значит, и у него рыльце в пушку? – усмехнулся Брежнев.

– Не без этого, но это нам только на руку. У Авеланжа плохо складываются дела в бразильской Федерации, поэтому он и стремится пробраться в ФИФА. Надо ему в этом помочь. Во-первых, уберем Роуза, а вместе с ним и всю английскую группировку, а во-вторых – сыграем на руку латиноамериканским функционерам, заполучив выход на многих из них. В свете того, что происходит сейчас в Чили, нам это не помешает, а даже наоборот – пригодится. Ведь уже сейчас нас начинают обвинять в том, что мы бросили Альенде в беде – откупились от него Ленинской премии, но не помогли его режиму предотвратить переворот. И эта компания против нас будет только усиливаться. В свете этого нам нужно расширять число наших сторонников в

Латинской Америке. Авеланж из этого числа.

– Слушай, а ведь при таком раскладе нам даже выгодно будет, если наша сборная не попадет на чемпионат мира, – вновь прервал речь Андропова генсек.

Поймав удивленный взгляд шефа КГБ, Брежнев пустился в разъяснения своей позиции:

– Ну, сам ведь говоришь, что из-за чилийских событий давление на нас в мире будет только усиливаться. Многие будут вопить про то, как Ленька Брежнев бросил в беде социалиста Альенде, который видел в СССР друга и покровителя. А тут наша сборная не попадает на чемпионат мира по причине интриг со стороны руководства хунты и их приспешников в ФИФА. Наш агитпроп может здорово это использовать в деле обличения пиночетовской хунты и нашей позиции в отношении ее прихода к власти.

– Идея хорошая, но только наших ребят жалко – на чемпионат мира не попадут, – отреагировал на эту речь Андропов.

– Зато наши позиции на международной арене не пострадают, а только выиграют. Короче, надо дать команду Гранаткину и его команде особо не дергаться, если Роуз с приспешниками будут вести дело к исключению нашей сборной из числа участников чемпионата.

– А если Роуз все же согласится провести наш матч с чилийцами на нейтральной территории – отказываться?

Прежде чем ответить, Брежнев вновь потянулся за пачкой «Новости», собираясь извлечь из нее очередную сигарету. Но почему-то передумал и ответил:

– Черт его знает! Во всяком случае, пока я еще не пришел к определенному решению. Да и с Сусловым надо посоветоваться – он у нас главный идеолог и пропагандист. Короче, надо собраться узким кругом и обсудить эту проблему со всех сторон, чтобы извлечь максимальную выгоду из ситуации. А пока давай думать о встрече с этим бразильцем. Как его зовут, все время забываю?

– У нас его имя пишут, как Жоао, хотя правильно будет по-португальски – Жоан.

– Последнее мне больше нравится – язык хоть не сломаешь, – покачал головой генсек. – Но я буду звать его Жорой, авось, не обидится.

12 октября 1973 года, пятница, Чили, Сантьяго, район Эль Пеумо

– На-ка, посмотри, что учудил твой Кравчик! – входя в

комнату, где находился Алонсо Райнери, громко произнес Альваро Молина и бросил на стол свежую газету.

Райнери, вместо того, чтобы взять ее и прочитать, достал из ящика стола такой же выпуск этого же издания и положил его на стол.

– Так ты уже знаешь? – удивился Молина, усаживаясь на стул. – И что ты на это скажешь?

– Скажу, что все идет по плану, – ответил Райнери.

– По какому плану, если мы договорились совершенно о другом? – возмутился Молина.

Речь шла об их разговоре три дня назад, когда они договорились, что Анджей Кравчик попадет в Польшу легальным путем, дождавшись официального вызова от своего дяди из пригорода Варшавы – Праги. Помимо этого варианта был еще и другой, нелегальный, предполагавший уход поляка из Чили через «окно» на границе с Перу. Но этот вариант таил в себе большой риск провала, поэтому и был выбран пусть более долгий, но надежный способ – отъезд по официальным каналам. Ждать вызова надо было около месяца, поэтому все это время Кравчик должен был сидеть и не высовываться. А он вместо этого подал заявку на участие в боксерском турнире, который должен был открыться в Сантьяго через несколько дней. В нем должны были участвовать боксеры-любители, а главным фаворитом соревнований был Элой Перес – лейтенант ВВС и любимчик нынешнего диктатора Чили Аугусто Пиночета. Они познакомились три года назад, когда Пиночет командовал гарнизоном Сантьяго, а Перес стал победителем городских соревнований среди военнослужащих. Элой выиграл тогда все пять боев, в трех из которых он победил своих соперников с помощью коварного апперкота – удара снизу вверх в челюсть. После этого за Пересом в боксерском мире закрепилось прозвище Крюк. И вот теперь этот боксер решил принять участие в городских соревнованиях, что не было случайностью. Таким образом руководители хунты хотели отвлечь население Сантьяго от случившегося переворота и показать всему миру, что жизнь в Чили идет своим обычным чередом.

– Эти соревнования привлекут к себе внимание широкой общественности, в то время как Кравчику нельзя нигде светиться, – продолжал негодовать Молина. – Поэтому немедленно свяжись с ним и заставь его снять себя с соревнований. Пусть сидит в своей норе, как мышь, и не высовывается.

– Я уже с ним связывался, – спокойно ответил Райнери.

– Слава богу, а то я думал, что опоздал, – с облегчением

выдохнул из себя Молина.

– Ты в самом деле опоздал.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Кравчик будет участвовать в этих соревнованиях.

Потрясенный таким сообщением, Молина уставился на своего заместителя по контрразведке и никак не мог взять в толк, шутит Алонсо или говорит всерьез. Поймав его недоуменный взгляд, Райнери улыбнулся и сообщил:

– Участие Кравчика в этом турнире может сослужить нам хорошую службу.

– Какую? – продолжал удивляться Молина.

– Если он дойдет до финала, а такой вариант вполне возможен, то он может встретиться там с самим Пересом – любимчиком Пиночета. Представляешь, какую можно сделать из этого рекламу: смелый поляк против любимца главаря хунты. Да наш Кравчик после этого тут же станет героем не только в Чили, но и всей прогрессивной общественности, в том числе и в Польше. А если это произойдет, то ему станет легче адаптироваться у себя на родине и, тем более, проникнуть в высший польский свет.

– Не спорю – задумка хорошая, – после коротких раздумий согласился со своим заместителем Молина. – Но ты подумал о том, что будет, если Кравчик, сойдясь в финале с Пересом, отправит его в нокаут? Ему же этого Пиночет никогда не простит – тут же и арестует. И тогда плакала наша операция «Мешок».

– Ты забываешь, что приказы Кравчику отдаем мы с тобой. А это значит, что в случае его выхода в финале на Переса, он ему проиграет. Чтобы не злить Пиночета и его свиту. Но в любом случае, имя себе Кравчик этим боем сделает легендарное. А именно это нам и надо, чтобы подобраться к Брежневу.

– А ты уверен, что этот поляк захочет добровольно проиграть любимцу Пиночета? Вдруг ему вожжа попадет под хвост?

– Я же тебе говорю, что его хвостом управляем мы с тобой. Деньги, обещанные ему, пока находятся у нас и будут переведены на его счет только в том случае, если он будет выполнять наши приказы. Так что не волнуйся – я все держу под контролем.

Последняя фраза была произнесена таким уверенным тоном, что Молина и в самом деле успокоился. Он слишком хорошо знал своего заместителя по контрразведке, чтобы подвергать сомнению его организаторские способности.

12 октября 1973 года, пятница, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР, площадь Ленина и улица Московяна

Зампред армянского КГБ Грайр Махаелян стоял возле стола в своем кабинете и молча смотрел на вещдоки, найденные сегодня возле памятника Ленину – разложенные на газете «Физкультурник Армении» пластиковое ведерко и малярную кисть с, уже успевшей высохнуть на ней, краской. В этот самый миг в дверь постучали и, после разрешения войти, на пороге появился Аветик Альбертян – лучший следователь КГБ Армении.

– Вот полюбуйся, – произнес Михаелян, приглашая гостя взглянуть на найденные вещдоки, а сам вернулся в свое кресло.

Альбертян стал внимательно разглядывать ведерко и кисть, не прикасаясь к ним.

– Да ты не бойся – бери в руки, отпечатки с них уже сняли, – сообщил хозяин кабинета.

– Думаете, что-то осталось? – спросил следователь.

– А почему бы и нет – работали явно не профессионалы. В противном случае вряд ли бы они оставили эти вещи на месте преступления.

Альбертян не стал возражать зампреду и взял в руки кисть. Это была флейца – 25-миллиметровая плоская малярная кисть из высококачественной щетины, закрепленной на деревянной ручке металлической оправой. Рядом с последней, на деревянной ручке, проступала нечеткая, но все же читаемая цифра 15, проставленная малиновой краской. Этот номер явно что-то обозначал, но вот что конкретно, пока было непонятно.

– Что-нибудь уже нашел? – поинтересовался Михаелян, заметив то, как разглядывает кисть его лучший следователь.

– Номерок интересный, – ответил Альбертян.

– А что в нем может быть интересного? Видимо, это всего лишь порядковый номер кисти, обозначающий ее место в партии.

– Сразу видно, что вы давно не делали в доме ремонт, – улыбнулся Альбертян. – А вот я три месяца назад как раз делал. Покупал похожие кисти, и на них не было никакого номера.

– Прекрасно, значит с этого и надо начинать, – кивнул головой зампред. – Всегда у тебя так, Аветик – не успеешь начать, а уже почти раскрыл преступление.

– Вы мне льстите, Грайр Ованесович, – и смущенная улыбка тронула губы следователя. – Но начну я и правда с этого номера.

– Да уж поторопись, пожалуйста. А то я полчаса назад был у председателя – он рвет и мечет. Ему уже позвонили из Москвы и потребовали в кратчайшие сроки раскрыть это… – и Михаелян внезапно запнулся, не зная как точно обозначить случившееся.

– Преступление, – подсказал Альбертян.

– В том-то и дело, что глупость это какая-то, а не преступление! – в сердцах воскликнул Михаелян. – Наверняка

какие-то мальчишки решили выразить свой восторг перед победой нашего «Арарата» и не нашли ничего лучшего, как обратить внимание на этот памятник.

– Это вполне естественно, учитывая, что этот монумент самый большой не только в нашей республике, но и во всем Союзе, – напомнил Альбертян.

– Но за эту шалость пацанов может ждать самое суровое наказание, – продолжал свою мысль зампред.

– Не понимаю, к чему вы клоните? – глядя на Михаеляна, честно признался следователь.

Прежде чем ответить, хозяин кабинета вновь поднялся со своего кресла и, подойдя к следователю вплотную, понизив голос, произнес:

– Я клоню к тому, чтобы ты как можно быстрее нашел этого, или этих, злоумышленников, но не торопился их арестовывать. Держи связь только со мной и ни с кем больше, тебе понятно?

Альбертян молча кивнул головой. Но его вопросительный взгляд явно указывал на то, что его обладатель жаждет слышать более подробные детали задуманной зампредом операции, поэтому Михаелян продолжил:

– Прежде чем докладывать обо всем Москве, мы сначала сами должны разобраться в произошедшем. Мы же хоть и маленькая республика, но гордая.

Услышав эти слова, следователь улыбнулся и, кивнув на вещдоки, спросил:

– Я могу это забрать?

– Конечно, они в твоем полном распоряжении, – и зампред напутственно похлопал Альбертяна по плечу.

Выйдя от Михаеляна, следователь зашел в свой кабинет, где спрятал в сейф вещдоки, после чего отправился на площадь Ленина, до которой от здания КГБ идти было несколько минут. Он собирался тщательнейшим образом осмотреть место преступления.

У дверей, ведущих в цокольный вестибюль, стоял милиционер, которому Альбертян предъявил свое удостоверение. Затем он попросил его открыть замок, висевший на дверях. Страж порядка безропотно повиновался и пропустил внутрь следователя, а сам продолжил нести дежурство снаружи. Прикрыв дверь, Альбертян внимательно осмотрел пол вестибюля и, не найдя на нем ничего интересного, полез по лестнице наверх. Спустя несколько минут он уже был на постаменте – прямо под ногами Ленина. Здесь он тоже все тщательно осмотрел, пытаясь найти хоть какую-нибудь деталь, которая могла бы помочь ему в его расследовании. Однако вместо детали нашлась вещь –

большая пуговица, закатившаяся под огромный левый ботинок вождя, каблук у которого был слегка приподнят. Судя по внешнему виду находки, она здесь пролежала недолго и была элементом мужской верхней одежды – скорее всего, осенней куртки.

Спрятав находку в карман своего плаща, Альбертян спустился вниз и, поблагодарив милиционера за помощь, вернулся обратно в здание КГБ. Оказавшись в своем кабинете, он достал из стола справочник учреждений Армянской ССР и нашел в нем телефон фабрики по выпуску хозяйственных принадлежностей. Его интересовало производство и распространение малярных кистей. Следователю повезло – к телефону быстро подошли и вскоре дали исчерпывающую информацию о том, на какой именно фабрике могли изготовить малярную кисть флейцу, вроде той, что была найдена сегодня у памятника Ленину. Записав адрес, Альбертян вызвал по тому же телефону служебную «Волгу» и, прихватив из сейфа кисть и ведерко, покинул кабинет.

Спустя час он уже был на фабрике, где ее директор, увидев в руках гостя удостоверение работника КГБ, тут же бросил все свои текущие дела и проявил крайнюю степень расторопности – выскочил из кабинета и сам привел к Альбертяну начальника цеха, выпускавшего кисти и ведерки. Этим человеком оказался тучный мужчина средних лет с легкой одышкой. Взглянув на вещдоки, предъявленные следователем, он сразу определил, что это их изделия.

– Как давно они были сделаны? – поинтересовался Альбертян.

– Сразу трудно сказать, но последнюю партию таких ведерок и кистей мы отправили в магазины меньше месяца назад.

– А в какие именно магазины они были отправлены?

– Про ведерки точно сказать не могу, надо смотреть документацию, а вот про кисть могу это сделать безошибочно – на ней стоит наш номер.

– А зачем вы ставите эти номера? – следователь задал вопрос, который вертелся у него на языке с самого начала разговора.

– Это моя собственная придумка – так я маркирую магазины, в которые мы отправляем большие партии товара, – сказав это, мужчина достал из кармана носовой платок и вытер им вспотевший лоб.

– И что значит цифра 15 на этой кисти?

– Это хозяйственный магазин на улице Московяна.

– Туда вы отправляли только кисти?

– Кажется и ведерки тоже, но надо посмотреть по документации.

– Хорошо, пойдемте, взглянем, – и Альбертян первым поднялся со своего места.

В кабинете начальника цеха действительно выяснилось, что в магазин на улице Московяна вместе с кистями была отправлена и большая партия пластиковых ведерок. Выяснив это, Альбертян простился и поехал в хозяйственный магазин.

Директором его оказалась миловидная женщина примерно одного возраста с Альбертяном по имени Гаяне Мкртычевна. Узнав, что именно интересует гостя, она, по примеру директора фабрики, тут же вызвала к себе старшую продавщицу.

– Егине Арамовна, расскажите, пожалуйста, кому мы могли продать вот такую малярную кисть, – обратилась к продавщице директриса, передавая ей изделие.

Повертев кисть в руках, женщина пожала плечами:

– Такие многие покупают.

– Но эту кисть вы получили меньше месяца назад, – подсказал продавщице примерную дату получения товара Альбертян.

– Ну да, я это прекрасно помню, – кивнула головой женщина. – Но за это время мы уже успели распродать большую часть той партии.

– А покупали их поштучно или оптом?

– В основном партиями – для малярных бригад и для мастерской скульптора Ерванда Арамяна. Он вообще часто делает у нас заказы.

– Он сам приезжает за покупками или кого-то присылает? – поинтересовался Альбертян.

– Нет, сам он здесь редко появляется – обычно приезжает его сын Вардан.

– А сколько лет последнему?

– Семнадцать – он учится в художественном училище.

– Эту партию кистей он тоже забирал?

– Да, именно он. Мы отгрузили ему двадцать кистей, десять пластиковых ведерок и несколько литров краски.

– Последняя какого цвета?

– В основном белая.

– Ну что же, огромное вам спасибо, Егине Арамовна, – поднимаясь со стула, произнес Альбертян. – Не буду вас больше задерживать.

Когда женщина вышла, следователь повернулся к директрисе и сказал:

– Вам тоже спасибо, Гаяне Мкртычевна. До свидания.

Однако не успел он дойти до дверей, как женщина остановила его неожиданным вопросом:

– Извините, вы расследуете «дело о белой спине Ильича»?

– Значит, так в Ереване уже успели окрестить это происшествие? – улыбнулся следователь. – Как догадались?

– Это было не трудно сделать, учитывая, что вас интересуют кисти и краска белого цвета. Значит, сын Арамяна может быть в этом замешан?

Прежде чем ответить, Альбертян плотно закрыл дверь и вернулся к столу, за котором сидела хозяйка кабинета. Затем, глядя в глаза женщине, следователь, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– Гаяне Мкртычевна, давайте договоримся с вами раз и навсегда: вы ни о чем не догадываетесь и ничего не знаете. Если вы не хотите навлечь на свою голову неприятностей, то забудьте о моем визите сразу, как только за мной закроется дверь. В противном случае у вас будут большие проблемы. Вам они нужны?

Женщина, которую эти чеканные слова привели в смятение, смогла произнести лишь одно слово – нет.

– Вот и прекрасно. Не надо портить себе жизнь и карьеру одним неосторожным словом.

Сказав это, Альбертян повернулся и покинул, наконец, кабинет, оставив его хозяйку почти в предынфарктном состоянии.

* * *

Когда Альбертян пришел в мастерскую известного скульптора Ерванда Арамяна, внутри был только один человек – его сын Вардан. Он открыл следователю дверь, размешивая глину в пластиковом ведерке, идентичном тому, что было обнаружено под монументом Ленина.

– Здравствуйте, вам кого? – спросил сын скульптора, с любопытством взирая на нежданного гостя.

– Если вас зовут Вардан, тогда я к вам, – ответил Альбертян и раскрыл перед парнем свое удостоверение.

– Вы следователь? – и лицо молодого человека мгновенно покрылось красными пятнами.

– А почему вы так нервничаете? – проходя в мастерскую, поинтересовался Альбертян.

Мастерская представляла из себя огромное помещение, заполненное скульптурами разных форм и размеров – от маленьких до больших, выполненных в полный человеческий рост. Наверху был второй этаж, где, судя по всему, обитало семейство скульптора. Но в тот момент, когда в дом пришел

следователь, там никого больше не было, кроме Вардана, что облегчало гостю его миссию.

– Итак, почему вы нервничаете, молодой человек? – вновь задал свой вопрос следователь, пристально глядя в глаза собеседнику.

Тот не выдержал этого проницательного взгляда и отвел глаза в сторону, машинально продолжая размешивать деревянной палкой глину.

– Не хотите отвечать – ваше право, – произнес следователь. – Но тогда я буду вынужден вызвать вас к нам повесткой, а это не самый лучший вариант для вас. Так что лучше вам отвечать на мои вопросы, а не молчать.

– Но что вас интересует? – спросил Вардан, ставя ведерко на стол, заваленный большими кусками глины и другими отходами скульптурного производства.

– Например, вот это, – и Альбертян достал из хозяйственной сумки кисть, забытую злоумышленниками у памятника Ленину. – Вам она знакома?

– Да, у нас есть такие, – кивнул головой молодой человек.

– Можно на них посмотреть?

– Они там, в ящике, – и Вардан прошел к противоположной стене, где стоял упомянутый ящик.

В нем действительно в навал лежали кисти.

– Сколько их здесь? – спросил Альбертян.

– Я не знаю, – пожал плечами молодой человек.

– Как же так, вы же их покупали чуть меньше месяца назад в хозяйственном магазине на улице Московяна.

– Я не помню, сколько я их покупал.

– Зато это хорошо помнит продавщица – вы приобрели ровно двадцать кистей. Давайте считать, сколько их сейчас в ящике.

И следователь стал доставать кисти по одной и складывать их на соседний подоконник. Их оказалось девятнадцать. И на каждой был проставлен номер – тот самый, 15-й.

– Итак, мы имеем в наличие девятнадцать кистей, – сообщил Альбертян. – А двадцатую вы оставили сегодня ночью возле памятника Ленину, когда рисовали вождю восьмерку на спине.

– Я ничего не рисовал.

– Но это же ваша кисть! – и Альбертян сунул под нос сыну скульптора вещдок, найденный возле памятника. – Вот и номер на ней тот же – 15-й.

– Может, ее у нас украли, откуда я знаю, – продолжал отрицать свою вину Вардан. – У нас здесь многие бывают – кто-то мог прихватить.

– Хорошая версия, – согласился с этим доводом

следователь. – Но вы признаете, что кисть из вашей коллекции?

– Ну, допустим, признаю, – после небольшой паузы выдавил из себя Вардан.

– В таком случае, вы должны признать своей и эту вещь, – следователь извлек из той же хозяйственной сумки пластиковое ведерко.

При виде этого предмета по лицу сына скульптора вновь пошли красные пятна, а на лбу проступили крупные бисерины пота. Было видно, что он в явном замешательстве и мучительно пытается сообразить, какую тактику поведения ему избрать теперь. Заметив это, Альбертян решил не дать ему возможности собраться с мыслями.

– Это ведерко вы тоже купили в том же магазине на улице Московяна. Ведерок было десять, а в этой мастерской их до моего прихода должно было быть девять. Будем снова считать или вы, наконец, признаетесь в том, что именно вы были ночью у памятника Ленину.

– Ведерко тоже украли, – выпалил сын скульптора, облизывая пересохшие от волнения губы.

– Хорошо, а где ваша куртка? – спросил неожиданно Альбертян.

– Какая куртка?

– Та, в которой вы выходите на улицу.

– Вон она на вешалке, – и Вардан кивнул головой в сторону окна.

Там действительно стояла вешалка с одеждой. Подойдя к ней, следователь снял с нее куртку и обнаружил отсутствие на ней одной пуговицы – самой последней снизу.

– Где пуговицу потеряли? – вновь обратил свой взор Альбертян на сына скульптора.

– Не помню, давно это было.

Тогда следователь достал из кармана своей куртки утерянную пуговицу и приложил ее к куртке Вардана – она была идентична всем остальным пуговицам.

– Догадываетесь, где я ее нашел? – спросил следователь. – Правильно, под левым ботинком вождя мирового пролетариата товарища Ленина. Вы потеряли ее ночью, когда залезли на памятник. Теперь осталось выяснить только одно: вы один там были или с кем-то.

– Один, – не раздумывая ни секунды, ответил Вардан.

Он понял, что играть и дальше в несознанку с этим матерым следователем бессмысленно. Но он решил не выдавать своего приятеля и взять всю вину на себя.

– Опять врете – одному это сделать не под силу. Надо ведь

поднять наверх не только лестницу, но и ведерко с краской. Кстати, не эта ли лестница лежит сейчас под окном? – и Альбертян указал рукой на разобранную на две части металлическую лестницу под подоконником.

– Я был там один, – продолжал стоять на своем Вардан.

В это время с улицы кто-то позвонил в дверной звонок. Стоявший ближе всего к двери Альбертян сделал несколько шагов и щелкнул замком. На пороге он увидел симпатичного молодого человека – это был Ашот Гюзалян.

– Добрый день, юноша – заходите, – произнес Альбертян и жестом пригласил гостя войти.

– Беги, это следак! – закричал что есть мочи Вардан и кинул в следователя ведерко с глиной.

Но Альбертян оказался начеку. Он ловко увернулся от летящего в него предмета, при этом успел схватить за ветровку Ашота, который уже собирался дать деру.

– Стоять! – закричал следователь, да так зычно, что в мастерской задрожали стены и стоявшие здесь же скульптуры.

И молодые люди замерли на тех местах, где они находились. Следователь закрыл дверь на замок и заставил молодых людей сесть на стулья, которые стояли у вешалки.

– Значит, так, ребята, слушайте меня внимательно, – обратился Альбертян к приятелям. – То, что вы любите наш славный «Арарат», да так сильно, что не побоялись ночью залезть на памятник Ленину, делает вам честь. Говорю вам это от чистого сердца, поскольку сам являюсь болельщиком этой команды. Но вы не учли одного – что вашу акцию приравняют к политической диверсии. А это уже не шуточки. За это одним порицанием не отделаешься – тут дело покруче будет. Вас исключат из комсомола, выгонят из ваших училищ, а потом посадят лет этак на пять. Но я пришел сюда вовсе не для того, чтобы помочь упечь вас за решетку. Я хочу вам помочь. Я доходчиво объясняю?

Оба приятеля почти одновременно кивнули головами в знак того, что они поняли смысл услышанного.

– Поэтому четко отвечайте на мои вопросы. Кто задумал эту акцию?

– Я, – честно признался Ашот.

– А как тебя зовут?

– Ашот Гюзалян.

– Ты случайно не сын того Гюзаляна, который руководит обувной фабрикой?

Молодой человек кивнул головой.

– Кто-нибудь знает о том, что вы наделали?

– Никто, – ответил Ашот.

– Это хорошо, – не скрывая своего удовлетворения, произнес следователь. – Но будет еще лучше, если вы и дальше будете держать язык за зубами. От того, насколько хорошо это получится, зависит ваша будущая свобода. Понимаете это?

– Понимаем, – подал голос Вардан. – Но почему вы не собираетесь нас арестовать – ведь вы же следователь КГБ?

– А там что, не люди работают? – удивился Альбертян. – Жалко мне вас, поскольку у меня у самого сын почти ваш ровесник – в десятый класс ходит. И тоже болеет за «Арарат». Он не поймет своего отца, если узнает, что тот упек за решетку ребят, которые нарисовали на спине у Ленина восьмерку Левона Иштояна. Поэтому сделаем так. Вы продолжаете жить, как жили до этого. При этом свои языки держите на замке. А я в это время постараюсь сделать так, чтобы вас миновала участь стать зэками. Все уяснили?

По тому, как посмотрели на него оба приятеля, Альбертян увидел, что молодые люди поняли его даже лучше, чем он мог рассчитывать.

13 октября 1973 года, суббота, Украинская ССР, город Днепропетровск

Заместитель председателя Федерации футбола Украины Адам Добрых приехал в Днепропетровск не случайно. Перед этим он побывал в Донецке, где встретился с одним из руководителей команды и переговорил с ним на предмет того, чтобы «Шахтер» свой следующий матч, 14 октября, обязательно выиграл. Это была игра с ереванским «Араратом» – главным конкурентом киевлян в споре за золотые медали.

– Трудно будет у них выиграть, – посетовал руководитель дончан. – Уж больно они мотивированы.

– Вы тоже будете мотивированы, не беспокойтесь, – ответил Добрых и потер пальцами о пальцы, показывая какой именно способ для мотивации будет применен. – Ваша задача либо обыграть их, либо в ничью сгонять – тогда они очко потеряют.

После Донецка Добрых отправился в Днепропетровск. У этой поездки были две причины – официальная и закулисная. Первая состояла в том, чтобы задним числом оформить вопрос с переходом в киевское «Динамо» тренера «Днепра» Валерия Лобановского и администратора команды Александра Петрашевского. А заодно благословить на должность нового старшего тренера команды Виктора Каневского – недавнего помощника Лобановского. Что касается закулисной стороны этой

миссии, то ее Добрых должен был уладить с куратором «Днепра» по линии местного обкома Альбертом Черноусом. Они оба играли в тотализатор и на этой почве сблизились. Их нынешняя встреча прошла в обкоме в кабинете Черноуса, окна которого выходили на городскую площадь.

– Твои парни завтра играют с московскими динамовцами и могли бы здорово нам помочь, – сидя на диване в комнате отдыха с чашкой чая, произнес Добрых.

– Хотите, чтобы мы их обыграли? – спросил Черноус, сидевший на том же диване, но с сигаретой в руке.

– Не мешало бы, но дело в другом, – ответил Добрых. – У динамовцев есть один паренек резвый – Анатолий Кожемякин. Дышит, гаденыш, в спину нашему Олегу Блохину, отставая от него по забитым мячам всего на чуть-чуть – у нашего шестнадцать, а у москаля на два меньше. Вот я и думаю, как бы было здорово, если бы твои парни его остановили.

– Это в каком смысле? – Черноус не донес сигарету к губам и повернул голову в сторону собеседника.

– В смысле сломали бы его перед финишем. Пусть полежит на больничной койке и поразмышляет о превратностях футбольной жизни.

Черноус продолжал смотреть на собеседника, но тот не поворачивал в ответ головы и помешивал чай мельхиоровой ложкой.

– А до нас нельзя было этого парня сломать? – спросил Черноус, вновь задымив сигаретой.

– Пытались. Я неделю назад договорился об этом с одним московским чиновником из Спорткомитета, но тот свое обещание не выполнил. Не умеют работать москали.

– А мы, значит, умеем?

– Вы – умеете, – кивнул головой Добрых. – Вы нам в июле 2:5 уступили и там Блохин два мяча забил уже в первом тайме. И мы сразу с пятого на второе место прыгнули. С тех пор так на нем и сидим. Но москвичи от нас отстают на четыре очка и вполне могут нам сюрприз устроить. Но если вы Кожемякина сломаете, то они нас однозначно не догонят – забивать-то у них будет некому.

– Разумная стратегия, – согласился с этими словами Черноус. – И мы постараемся ей помочь. Но вы и сами варежку не разевайте – очками не разбрасывайтесь. Если вы «золото» возьмете, это и нам плюс будет – ведь в новых тренерах у вас теперь наш человек ходит. Вы, кстати, с кем следующий матч играете?

– В Ленинграде с «Зенитом».

– Ну, и как – шансы на победу есть?

– Удивляешь, Альберт, там же тренером Зонин – бывший ворошиловградец.

– Знаю я этого Зонина – он всегда себе на уме, – отмахнулся Черноус. – Вам надо на других людей выходить, иначе вам могут подлянку устроить.

– Не бойся – выйдем. И два очка возьмем, и Блохин обязательно очередной мяч забьет. Но по нашему делу мы договорились? – спросил Добрых и впервые в этом разговоре посмотрел на собеседника.

– Обещаний давать не буду, но помочь постараюсь. Ты ведь, Адам, человек нужный – сегодня я тебе помогу, а завтра ты меня выручишь.

13 октября 1973 года, суббота, Москва, Кропоткинская улица

Вот уже третьи сутки Зольский находился под плотным колпаком у чекистов. Дав согласие на сотрудничество с ними, он обязался вывести КГБ на высокопоставленных деятелей, играющих в тотализатор. Для этого чиновник встречался с разными людьми, имеющими отношение к «тотошке» и вел с ними соответствующие разговоры, которые прослушивались КГБ (для этого под одежду Зольскому спрятали «прослушку» – микрофон). За эти два дня Леонид Карпович встретился с Сергеем Махаловым на его даче в Жуковке, с генерал-майором милиции Николаем Двигубским в его кабинете на Огарева, 6, с режиссером МХАТа Аркадием Зеркаловым, а также с секретарем Бауманского райкома партии Филиппом Одинцовым. Эти люди имели отношение к одной и той же точке «тотошки» – на улице Карла Маркса. И именно Одинцов был «грузчиком» – отвозил деньги в определенное место, откуда их потом забирали другие люди, завязанные на Банкира. Благодаря помощи Зольского, чекисты установили, что местом, куда Одинцов привозил и оставлял деньги, была ячейка в камере хранения на Курском вокзале.

Сотрудничая с КГБ, Зольский, естественно, рассчитывал заработать себе снисхождение, которое было ему обещано. Как вдруг это обещание повисло на волоске – Зольский получил сообщение, которое могло перечеркнуть все его старания и вывести на чистую воду. Вчера вечером, забирая на своей «Волге» жену с работы, он вдруг услышал из ее уст такое, что у него волосы встали дыбом. Жена рассказала, что в больнице на улице Лобачевского лежит человек, который был отравлен ядом, идентичным тому, что она когда-то привезла из Венгрии.

– Представляешь, Леня, этот человек не умер – лежит без сознания вот уже третьи сутки. С ним стало плохо на стадионе прямо во время футбольного матча.

– А почему ты думаешь, что его отравили тем самым ядом? – стараясь сохранять спокойствие, спросил Зольский.

– К нам в лабораторию обратились врачи, обследовавшие этого человека, и мы помогли им установить причину этого отравления.

– Ты же говорила, что этот яд смертельный?

– Так и есть, – кивнула головой жена. – Просто этот человек до этого принимал сильные антибиотики, которые нейтрализовали действие яда. Да и доза его, видимо, была не такой большой. Представляешь, какая это удача – мы теперь знаем, как этот яд может взаимодействовать с определенным видом лекарств.

«Для кого удача, а для кого острый нож в самое сердце», – подумал со злостью Зольский. Слушая жену, он никак не мог смириться с услышанным: значит, Моченый до сих пор жив и в любой момент может очнуться и рассказать все легавым, а те поведают об этом чекистам. И тогда Зольский превратится из жертвы Моченого в его руководителя, организатора шайки, как и было на самом деле. Поэтому необходимо было срочно что-то предпринять до того, как Моченый очнется.

Думая об этом, Зольский периодически поглядывал в переднее зеркальце у себя над головой – в нем отражались фары автомобиля, в котором за их «Волгой» неотступно следовали чекисты, державшие чиновника под плотным колпаком. Их домашний телефон прослушивался и, как догадывался Зольский, в квартире стояли микрофоны, которые позволяли чекистам быть в курсе того, что происходит в их доме на Кропоткинской улице. Единственным местом, которое не прослушивалось, оставалась вот эта «Волга», на которой теперь ехали супруги.

Всю ночь Зольский проворочался в постели, пытаясь придумать способ, с помощью которого он мог бы отправить-таки Моченого на тот свет. «Вот ведь живучий, падла, – скрипел зубами Зольский, слушая, как похрапывает рядом его супруга. – Даже яд его не берет».

Под утро чиновник, наконец, придумал, с помощью кого он может расправиться с Моченым. Дело было за малым – выйти из квартиры не вызывая подозрения у чекистов, которые прослушивали его квартиру (другая их бригада дежурила в машине напротив его подъезда).

– Дорогая, я вынесу ведро с мусором, – сказал жене Зольский, хотя до этого никогда этим не занимался – это было прерогативой

его супруги.

Быстренько избавившись от мусора, который он вывалил в мусоросборник, Зольский поднялся на следующий этаж – там жил их сосед Кирилл Мефодиевич Линьков, который был не только страстным футбольным болельщиком, но и любил играть в шахматы, на чем они и сошлись. Зольский знал, что в эти часы он должен быть дома. Так и было – сосед сам открыл дверь утреннему гостю.

– Ба, Леня – какими судьбами? – обрадовался Линьков.

Судя по его подбородку, который был в пене, сосед собрался бриться. Это было на руку Зольскому, которому нужно было дорваться до телефона в комнате и чтобы во время разговора рядом никого не было.

Услышав, что нужно его соседу, Линьков удивился:

– А что с твоим телефоном случилось?

– Барахлит, зараза, – ответил Зольский, после чего был впущен в квартиру.

Хозяин провел его в гостиную, а сам удалился в ванную комнату. Гость подошел к телефонному аппарату и быстро набрал домашний номер одного из подручных Могола – Константина Егоркина по прозвищу Лось. Разговор был короткий, поскольку долго говорить Зольский не мог.

– Лось, передай Моголу, что в больнице на Лобачевского лежит Моченый. Он без сознания, но если очнется, то сдаст всех нас с потрохами. Пусть Могол примет меры. Со мной на контакт пока не выходите – я под колпаком.

После чего Зольский положил трубку и, на ходу попрощавшись с соседом, покинул его квартиру. С чувством выполненного долга.

13 октября 1973 года, суббота, Москва, больница на улице Лобачевского и Кропоткинская улица

Оленюк и Игнатов приехали в больницу под вечер, чтобы навестить Нонну. Смертельная опасность, витавшая над ней сразу после операции, миновала и врачи разрешили ее посещать. Правда, Игнатов пробыл в палате недолго. Поняв, что третий во время этого свидания лишний, он вышел из палаты. Проводив его взглядом, Нонна взглянула на Оленюка и удивилась:

– У тебя седые волосы появились – откуда?

– Так – слетал в одно место, – сделав небрежный жест рукой, ответил Оленюк.

– Неужели так сильно болтало? – продолжала удивляться

Нонна.

– Еще как – никогда такого не было.

– Странно, а я думала, что в киевском угро работают смелые люди.

– А я тебя предупреждал, что ты зря со мной связалась, – усмехнулся Оленюк.

– Ничего, я привыкну. А обратно, так и быть, поездом поедем, если ты так сильно болтанки боишься.

Тем временем Игнатов поднялся на третий этаж – туда, где лежал Корней Капустин, или Моченый. Он все еще находился без сознания, а возле его палаты неотлучно дежурили двое вооруженных сотрудников КГБ. И в тот момент, когда Игнатов подошел к ним, из палаты вышли сразу несколько докторов, облаченных в белые халаты. Во главе этой процессии шествовала статная дама бальзаковского возраста, которую Игнатов до этого никогда здесь не видел. Однако врач, который был приставлен к Моченому, увидев Игнатова, тут же поспешил представить даме муровца:

– Вот человек из МУРа, который интересовался подробностями этого отравления – товарищ Игнатов.

Женщина остановилась и первой протянула руку для приветствия:

– Меня зовут Изольда Марковна Лопушанская.

Пожав ее мягкую ладошку, Игнатов поймал себя на мысли, что где-то уже слышал эти имя и отчество, но где именно припомнить не мог. Решив не терзать свою память, он попросил женщину выйти с ним на лестничную площадку для приватного разговора. Дама согласилась, попросив своих коллег подождать ее внизу, в холле первого этажа.

– Изольда Марковна, что вы можете сказать по поводу этого случая? – спросил Игнатов, как только они остались одни.

– Случай уникальный – в моей практике такого еще не было, – ответила женщина. – Человек отравился сильнейшим ядом, но остался жив. Судя по всему, то лекарство, которое он до этого принимал в течение нескольких дней, смогло нейтрализовать действие яда.

– А как этот яд мог попасть в его руки или в руки тех, кто его, возможно, пытался отравить?

– Ума не приложу, – развела руками Лопушанская. – В нашей стране этот яд есть только в нашей лаборатории в Институте Склифосовского – я его сама привезла из Венгрии. Но похитить его оттуда невозможно – он хранится в сейфе, а ключ я всегда ношу с собой.

И женщина распахнула ворот халата, чтобы показать сыщику

цепочку у себя на шее, на которой висел упомянутый ключ.

– Может этот яд могли похитить до того, как он попал к вам в лабораторию? – спросил Игнатов.

– Исключено – он только несколько часов пробыл у меня дома в контейнерах, а утром я отвезла его в Институт.

– А с кем вы живете, Изольда Марковна?

Услышав этот вопрос, женщина с удивлением воззрилась на сыщика. И только спустя какое-то время ответила:

– С мужем я живу, молодой человек. Причем мой супруг весьма уважаемый и влиятельный в определенных кругах деятель.

– И на какие сферы распространяется его влияние, позвольте узнать? – не унимался Игнатов.

– На спортивные – он работает в управлении футбола заместителем начальника.

– То есть, вашего мужа зовут… – и Игнатов запнулся, пораженный внезапным открытием.

И тут же он вспомнил, где именно и от кого он впервые услышал имя и отчество этой женщины.

– Леонид Карпович Зольский, – закончила за сыщика его фразу Лопушанская.

– Да, действительно, это весьма уважаемый человек, – подтвердил слова женщины муровец, придя в себе после услышанного. – А он знает про этот случай?

– Что вы имеете в виду? – удивилась женщина.

– Ну, то, что человек после отравления вашим ядом остался жив?

– Да, я рассказала ему об этом.

– И как он на это отреагировал?

– Обыкновенно как – удивился. Это ведь действительно уникальный случай.

– А когда произошел этот разговор?

– Вчера вечером, когда мы ехали домой. Но почему вы об этом спрашиваете?

– Я ведь сыщик, поэтому и интересуюсь.

– Но в ваших вопросах сквозит какое-то подозрение в отношении моего супруга?

– Это вам так кажется, Изольда Марковна, – улыбнулся Игнатов. – Такова, увы, специфика моей работы. Скажите, после того разговора ваш муж никуда из дома не отлучался?

– Никуда – он постоянно находился со мной. Мы поужинали, посмотрели по телевизору кино и легли спать.

– А какой фильм показывали?

– «Никто не хотел умирать» Жалакявичуса.

«Точно – по второй программе, начало в 21.30», – вспомнил

Игнатов. Он тоже смотрел эту трансляцию, вернее, начал смотреть, после чего заснул в кресле у телевизора. На середине фильма его разбудил Оленюк, но досматривать картину Игнатов не стал и ушел спать, оставив коллегу у телевизора одного.

– А сегодня утром ваш муж никуда не выходил? – задал очередной вопрос Игнатов.

– Никуда, если не считать выноса ведра с мусором.

– И долго он отсутствовал?

– Минут десять. Но он сказал, что курил на лестничной площадке.

– А друзья у него в вашем подъезде есть? Ну, те, к кому он обычно заходит в свободное время?

– Кирилл Линьков из девятнадцатой квартиры – она прямо над нами. Они оба футбольные фанаты, да еще в шахматы иногда играют.

Спустя полчаса Игнатов был уже на Кропоткинской улице, в доме, где проживал Зольский. Он поднялся на тот этаж, где жил Линьков, и нажал на кнопку звонка. Хозяин оказался дома и очень удивился, когда узнал, кто к нему пришел:

– МУР в моем доме – весьма оригинально!

– Ничего оригинального – я же пришел один, а не со всем управлением, – пошутил Игнатов, проходя в коридор.

В квартиру он проходить не стал и спросил без всяких предисловий:

– Скажите, к вам сегодня заходил ваш сосед – Леонид Карпович Зольский?

– Да, я как раз собрался бриться – мне надо было маму встретить из аэропорта. Мы только недавно приехали – рейс задержали.

– И зачем к вам заходил ваш сосед?

– Ему надо было куда-то позвонить.

– Но у него же дома есть свой телефон?

– Есть, но он сказал, что тот барахлит. Вот я и пустил. А что в этом такого?

– Ничего, – расплываясь в улыбке, произнес Игнатов. – Соседи всегда должны выручать друг друга.

13 октября 1973 года, суббота, Чили, Лампа, пригород Сантьяго

Алонсо Райнери вышел из автомобиля и сразу заметил человека, к которому приехал. Седовласый мужчина в накинутом на плечи пончо и соломенной шляпе, сидел в плетеном кресле возле входа в свой дом и курил гаванскую сигару. Это был Гильермо Риос – некогда известный чилийский боксер, а затем тренер, воспитавший не менее известного боксера Рамона Сапату, который в 1956 году представлял Чили на летних Олимпийских играх в Мельбурне, дошел до финала, но проиграл поединок советскому боксеру Геннадию Шаткову. Теперь Риос был на пенсии и бокс смотрел только по телевизору. Однако Райнери, нанося визит этому человеку, рассчитывал снова вернуть его в профессию.

– Добрый день, сеньор Риос! – обратился гость к бывшему боксеру.

Не вынимая сигару изо рта, хозяин дома смерил нежданного визитера оценивающим взглядом и, видимо вполне удовлетворенный его внешним видом, жестом пригласил гостя присесть рядом с собой в такое же плетеное кресло. При этом он не проронил ни слова.

– Хорошая погода для того, чтобы наслаждаться жизнью, – вновь нарушил тишину Райнери, откидываясь на спинку кресла.

– Трудно чем-либо наслаждаться в полной мере, когда к власти в стране пришла хунта, – нарушил наконец свое молчание Риос.

Гость бросил на него короткий взгляд и спросил:

– Разве можно так говорить, не зная, кто перед вами?

– Не все в этой жизни измеряется страхом, – ответил хозяин дома, по-прежнему дымя сигарой.

– Простите, синьор Риос, я забыл, что вы бывший боксер, – улыбнулся Райнери.

– Это все было в далеком прошлом.

– Разве десять лет назад это так далеко?

– Для меня – слишком.

– Но вы не хотели бы снова вернуться на ринг?

Эти слова заставили Риоса с удивлением посмотреть на гостя – не шутит ли он? Но длилось это недолго – в следующую секунду хозяин дома снова курил свою сигару и смотрел куда-то вдаль. Гость понял, что если его не прогнали после слов о боксе – а такое было вполне возможно и его об этом предупреждали те, кто

давал ему адрес бывшего боксера – то можно смело продолжать разговор.

– Извините, я забыл вам представиться. Меня зовут Хорхе Куэвас, я представляю интересы одного молодого боксера по имени Анджей Кравчик.

Райнери специально представился вымышленным именем – в целях конспирации.

– Не знаю такого, – все так же глядя вдаль, сообщил Риос.

– Не удивительно, поскольку этот боксер еще ничем себя не проявил. Но он хочет участвовать в соревнованиях, которые скоро пройдут в Сантьяго, и ищет себе хорошего наставника. Мы подумали, что вы, синьор Риос, самая подходящая кандидатура.

– Вы ошиблись – я вам не подхожу, – ответил бывший боксер, даже не поворачивая головы.

– Мы вам хорошо заплатим – в эскудо или в американских долларах.

– Деньги меня не интересуют.

– Тогда вас должна заинтересовать идея – мы хотим бросить вызов Элою Пересу, который числится в любимчиках самого Пиночета.

Риос снова бросил косой взгляд на гостя, но и он длился недолго.

– Похвальное желание, но трудно выполнимое, – произнес бывший боксер.

– С вашей помощью у нас есть шанс его осуществить.

– Я много лет в отставке и мне не хочется возвращаться в прошлое.

В это время из дома вышла пожилая женщина и позвала:

– Гильермо, иди в дом – касуэла остынет.

Судя по всему, это была жена бывшего боксера, которая звала его на обед – отведать чилийской похлебки. И когда она удалилась обратно в дом, Риос отбросил в сторону недокуренную сигару и поднялся из кресла.

– Вас в дом я не зову, вы, наверное, торопитесь, – сказал Риос, обращаясь к гостю.

После чего он, даже не простившись, направился к обеденному столу. Однако у Райнери был в запасе еще один аргумент, который он приберег напоследок.

– Будет очень жаль, если Нельсон Агеро снова окажется победителем, – четко выговаривая каждое слово, произнес Райнери.

Едва в воздухе прозвучало это имя, как ноги Риоса остановились сами собой. Бывший боксер повернулся к гостю и спросил:

– При чем здесь этот человек?

– Он взялся готовить к соревнованиям Элоя Переса и обещает всем, что его подопечный всех победит.

Нельсон Агеро в свое время был не менее известным боксером, чем Гильермо Риос. Более того – они долгие годы были противниками друг друга в полусреднем весе и закончили свою спортивную карьеру практически одновременно. Но с одним нюансом: у Агеро было на одну победу больше, чем у Риоса. Именно этот факт и хотел использовать Райнери. Он был уверен, что Риос, услышав, кто является тренером Переса, не сможет устоять перед соблазном сразиться со своим бывшим соперником снова, чтобы уравнять счет. Даже несмотря на то, что теперь это будет сражение на тренерском мостике.

– И давно он тренирует Переса? – спросил Риос.

– Две недели назад они заключили контракт. Ведь ваш бывший визави, в отличие от вас, поддержал приход к власти хунты.

Услышав это, Риос какое-то время молчал, глядя куда-то в сторону и размышляя об услышанном. Наконец, он вновь перевел свой взгляд на гостя и спросил:

– Синьор Куэвас, вы любите косуэлу с бутербродами из томатной пасты?

– Обожаю, – ответил Райнери, хотя это было не самое любимое его блюдо.

– В таком случае я приглашаю вас за стол. Заодно обсудим и ваше предложение.

И Райнери, губы которого тронула мимолетная улыбка, отправился вслед за бывшим боксером в дом.

14 октября 1973 года, воскресенье, Украинская ССР, Днепропетровск, матч «Днепр» – «Динамо» (Москва)

На стадион «Метеор», который являлся домашней ареной футбольного клуба «Днепр», в этот день пришло на футбол 15 тысяч человек при вместимости арены в 36 тысяч зрителей. Непришедших отпугнула погода – было всего лишь четыре градуса тепла – и отсутствие настоящей интриги: «Днепр» занимал 9-е место и в оставшиеся игры не имел никаких шансов догнать фаворитов первенства. Именно поэтому в последние несколько туров на домашние игры «Днепра» приходило от 10 до 15 тысяч человек. И только 29 июля, когда здесь играл лидер первенства «Арарат», трибуны стадиона были заполнены под завязку – пришло 36 тысяч человек. «Днепр» тогда победил по

пенальти 5:4.

Перед игрой с динамовцами Москвы днепровцы получили конкретную установку – играть на победу или на ничью, чтобы не дать увезти москвичам с Украины два полноценных очка. За это футболистам были обещаны хорошие премиальные. Так они получали по 65 рублей за победу, а здесь им могли «обломиться» все сто. Что касается гостей, то их стимулировать было не надо – они были фаворитами турнира и бились за «бронзу», держа, на всякий случай, в уме и «серебро».

Хозяева выставили на игру свой лучший состав: место в воротах занял Сергей Собецкий, в защите играли Анатолий Гринько, Петр Найда, Николай Богданов, в полузащите – Владимир Федоренко, Виктор Маслов, Роман Шнейдерман (капитан), Станислав Евсеенко, Анатолий Пилипчук (самый возрастной игрок – ему шел 30-й год), в нападении – Валерий Поркуян (еще один 30-летний игрок, но он был младше Пилипчука на 9 месяцев) и Виктор Романюк.

Динамовцы выставили следующий состав: в воротах Владимир Пильгуй, в защите – Владимир Басалаев, Сергей Никулин, Владимир Комаров, Владимир Долбоносов (капитан), в полузащите – Алексей Петрушин, Анатолий Байдачный, Олег Долматов, Юрий Жуков, в нападении – Анатолий Кожемякин и Геннадий Еврюжихин.

На правах фаворита первенства, гости с первых же минут ринулись в атаку, прижав хозяев поля к их воротам. Солировали в этих атаках двое – Кожемякин и Еврюжихин. Сидевший в гостевой ложе Адам Добрых, который специально остался на этот матч, чтобы собственными глазами увидеть, как будут «ломать» Кожемякина. Но вместо этого произошло совершенно иное. Получив мяч от Жукова, главный забивала динамовцев ворвался в штрафную площадь днепропетровцев и с такой силой ударил по мячу, что он вихрем пронесся мимо защитников и вратаря и угодил точно в правую «девятку». Часы на табло показывали всего лишь ll-ю минуту игры.

– Во дает Кожемяка! – услышал Добрых восхищенный возглас болельщика откуда-то сверху.

И в самом деле нападающий «Динамо» был хорош – играл с выдумкой, быстро передвигался по центру поля и постоянно отрывался от своего опекуна, который за ним явно не поспевал. И Добрых грешным делом подумал, что одним голом в исполнении Кожемякина дело сегодня не закончится. Однако сначала хозяева сравняли счет. Это сделал на 21-й минуте Поркуян, прорвавшийся по флангу и нанесший удар приблизительно с десяти метров в ближний угол ворот москвичей. Пильгуй оказался не готов к

этому удару.

Однако минула всего одна минута с того момента, как днепропетровцы отпраздновали свой гол, как Кожемякин в прыжке головой снова вывел свою команду вперед.

«Вот ведь какой неугомонный! – подумал про себя Добрых. – Уже шестнадцатый мяч в чемпионате наколотил. Догнал, стервец, нашего Олежку Блохина. Когда же его, наконец, сломают?»

14 октября 1973 года, воскресенье, Москва, больница на улице Лобачевского; Измайлово, ресторан «Лесной»

В субботу всю ночь в больнице дежурил усиленный наряд из сотрудников КГБ и МУРа – охраняли Моченого. После того, что узнал Игнатов, у него возникло опасение, что Зольский суетился не случайно – своим телефонным звонком он мог привести в движение силы, которые были заинтересованы в том, чтобы Моченый замолчал навеки. Поэтому его палату, как и весь этаж, где она находилась, взяли под усиленный (но негласный – не бросающийся в глаза) надзор. Однако та ночь прошла спокойно. И начальство даже посетовало Игнатову: дескать, взбаламутил людей – может, Зольский совсем по иному поводу дорывался до телефона. Но чутье сыщика подсказывало Игнатову, что он не ошибся.

Вчера во второй половине дня в больнице, не привлекая внимания чекистов, побывал посланец Могола – тот самый Лось, которому дозвонился Зольский. Под видом человека, навещающего больного родственника, он прошел по этажу, где была палата Моченого, и внимательно изучил тех, кто ее охранял. И тем же вечером встретился с Моголом в ресторане «Лесной» – все встречи в чебуречной «Ландыш» главарь запретил, как только узнал, что Зольский под колпаком у легавых.

Лось сообщил, что Моченого охраняют двое рослых мужчин в штатском, один из которых сидит на стульчике у двери, а второй прохаживается у крайнего окошка, выходящего во двор.

– Если напасть внезапно, то есть шанс уложить обоих, ворваться в палату и укокошить Моченого, – сделал вывод Лось, глядя на то, как Могол уплетает мясной салат.

– Но ты же говоришь, что он лежит в самой крайней палате? – поднял глаза на докладчика Могол, отрываясь от тарелки с едой. – А знаешь, почему легавые так поступили? Чтобы исключить вероятность внезапного нападения. Ведь те двое вертухаев наверняка секут, кто идет к ним по коридору. Вот и тебя наверняка срисовали, когда ты со своей авоськой с яблоками

шастал по коридору. К тому же нападать средь бела дня, это значит поднять на уши всю больницу. Если что-то не так пойдет, туда враз все местное отделение милиции сбежится и шансов выбраться из больницы будет меньше, чем если мы нападем внезапно – например, ночью.

– Как же мы незаметно туда попадем, если ночью вход посетителей в больницу закрыт? – удивился Лось.

– А зачем попадать туда незаметно – мы официально туда устроимся, – вытирая салфеткой губы, ответил Могол. – Моченый в каком отделении кантуется?

– В хирургическом, на третьем этаже.

– Вот именно туда мы своего человечка и отправим – под видом больного. У меня есть один знакомый врач, который ему направление выпишет по факту какой-нибудь грыжи или аппендицита. Устроится он туда сегодня, когда все ведущие врачи, кроме дежурного, отдыхают. То есть особо осматривать его не станут – на завтра перенесут. Но завтра его там уже не будет – он сегодня же ночью Моченого навестит и слиняет.

– Толково придумано, – не скрывая своего восхищения, произнес Лось. – Кого послать собираешься?

– Леху Молчуна. Пришли его ко мне через часик, а я тем временем с доктором свяжусь – пусть направление накатает. Ну, чего стоишь – двигай копытами.

И Лось отправился исполнять приказ своего патрона, хотя до этого рассчитывал засесть в ресторане и перекусить, поскольку с утра не держал во рту даже маковой росины.

14 октября 1973 года, воскресенье, Украинская ССР, Днепропетровск, матч «Днепр» – «Динамо» (Москва)

Первый тайм матча так и закончился – 2:1 в пользу гостей. А едва началась вторая половина игры, как Маслов восстановил равновесие в счете – 2:2. Добрых взглянул на табло – шла 52-м минута и до конца матча оставалось почти 40 минут. «Может, днепровцы сумеют сохранить этот счет и доведут дело до пенальти? Тогда москвичи в лучшем случае сумеют увезти отсюда очко. Но что же никто не атакует Кожемякина?».

Сначала за динамовским форвардом охотился его опекун, который пару раз так саданул его по ногам, что тот дважды упал на газон. Но после второго удара судья сделал предупреждение ретивому опекуну, после чего он несколько успокоился. А Кожемякин продолжил свои рейды в штрафную соперника. Он явно нацеливался на хет-трик – на третий гол в своем

исполнении. Но в тот момент, когда он в очередной раз вышел на ударную позицию, сзади его снова ударили по ногам. И судья тут же указал на одиннадцатиметровую отметку. Удар отправился пробивать Долматов. И сделал это безукоризненно – мяч полетел в один угол, а вратарь бросился в другой. Счет стал 3:2. Шла 65-я минута.

Между тем гости не собирались останавливаться на достигнутом и продолжали атаковать. А тут еще тренер москвичей Гавриил Качалин выпустил свежие силы – вместо Жукова на поле выбежал Юрий Пудышев. И игра динамовцев обрела новую остроту. Фланговые атаки стали следовать одна за другой, а барражирующий в центре поля Кожемякин каждый раз опасно угрожал воротам хозяев, нанося один опасный удар за другим. Четвертый гол напрашивался сам собой и должен был поставить окончательную точку в этом противостоянии. Но гола так и не случилось. Вместо этого на 79-й минуте Кожемякин снова ворвался в штрафную днепропетровцев, чтобы в красивом прыжке головой перенаправить мяч в ворота Собецкого. Но тот не стал ждать этого момента и тоже взмыл вверх. Два футболиста столкнулись в воздухе и спустя секунду рухнули на газон один за другим. При этом Кожемякин оказался снизу, а вратарь упал на него сверху – прямо на вытянутую ногу. Раздался глухой удар, после которого стадион огласил громкий крик – это Кожемякин закричал от дикой боли. Встать самостоятельно он уже не смог – его унесли с поля на носилках. Лучшего бомбардира «Динамо» и всего первенства несли в раздевалку, а он смотрел в вечернее небо и по лицу его катились слезы – в эти мгновения он ясно осознал, что чемпионат для него уже закончился.

14 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Цветной бульвар, квартира Игнатовых

Вот уже который день Оленюк столовался в квартире Игнатова и стал там своим человеком. У него сложились прекрасные отношения с матерью Алексея, Зоей Петровной, которая работала в Останкино. Практически каждый свободный вечер они вели непринужденные беседы на разные темы, в которых Игнатов обычно не участвовал. В это время он предпочитал отдыхать – либо с книгой, либо тупо уставясь в экран черно-белого телевизора «Горизонт». Вот и в этот вечер все было, как обычно: Оленюк с хозяйкой сидели на кухне за чашкой чая и общались, а Игнатов кемарил у экрана, где по четвертой программе шел фильм-спектакль «Когда отступают тени». И в тот

самый момент, когда Игнатову снилось что-то приятное, в коридоре начал трезвонить телефон. Разбуженный этим звонком, Игнатов поднялся с дивана и отправился на зов. Когда он поднял трубку, то услышал на другом конце провода голос сотрудника КГБ Влада Забелина, с которым он был на оперативной связи. Дело в том, что, когда чекисты взяли Зольского в оперативную разработку по делу о тотализаторе, они не вывели из дела МУР, поскольку в ближайших контактах Зольского числился вор в законе Могол и его люди, на которых в московском угро была собрана обширная информация. Естественно, глупо было этими данными не воспользоваться, что чекисты и делали. Вот и теперь, позвонив Игнатову, Забелин завел разговор о том же – о людях Могола.

– Сегодня днем в ресторане «Лесной» Могол встречался со своим человеком – Константином Егоркиным по кличке Лось, – сообщил Забелин. – О чем они говорили, мы не знаем, но из ресторана Лось отправился на Пятницкую улицу, в дом № 16, где проживает некто Алексей Паршин. Тебе знаком этот человек?

– Еще бы – Леха Молчун, две судимости: одна за разбой, а другая за нанесение тяжких увечий, – сообщил Игнатов, окончательно отойдя ото сна. – Он у Могола проходит по категории вышибал. Если надо из кого-то душу вышибить, то обращаются к Молчуну. И зачем к нему приезжал Лось?

– Мы не знаем, но они вдвоем отправились в «Лесной», где встретились с Моголом. После чего Лось уехал к себе домой на Новую Басманную, а Молчун пропал.

– Как пропал?

– Наши люди вели его в метро, но на «Парке культуры» он затерялся в толпе и больше его не видели.

– Может, почуял слежку?

– Может быть, но факт остается фактом – он скрылся. И вот это меня сильно беспокоит – ведь он не зря встречался с Моголом.

– Конечно, не зря, – согласился Игнатов и на какое-то время умолк, переваривая полученную информацию.

– Может, Могол дал ему задание по тотализатору – по последней кубковой игре? – предположил Забелин. – При таком раскладе, куда он мог поехать?

– Куда угодно. Только я сомневаюсь, что это с «тотошкой» связано – я же говорю, что Молчун у них вышибалой работает.

– Думаешь, поехал из кого-то душу вышибать?

– А в больнице сколько человек оставили? – спросил внезапно Игнатов.

– Двое на входе, двое на втором этаже, возле Нонны, и двое

на этаже, где лежит Моченый. Так ты думаешь?..

Игнатов не дослушал своего собеседника – бросил трубку на аппарат и схватил с вешалки куртку.

– Влас, на выезд! – крикнул он своему приятелю и первым выбежал на лестничную площадку.

14 октября 1973 года, воскресенье, Москва, больница на улице Лобачевского

Вот уже полчаса как Моченый очнулся после четырехдневной отключки, но открывать глаза не спешил – прислушивался. Он понял, что лежит в больнице под капельницей и слышал, как рядом хлопотала медсестра, которая мурлыкала себе под нос песню Эдиты Пьехи «Наш сосед» и хлопала дверцами шкафчика, доставая оттуда очередную бутылочку с лекарством, которую она собиралась пристроить к капельнице, вместо прежней, уже почти опорожненной. Поняв, что кроме нее в палате больше никого нет, Моченый слегка приоткрыл глаза, чтобы убедиться в правильности своего предположения. Так и есть – в палате они были вдвоем. Но это совершенно не означало, что Моченый был предоставлен самому себе и лежит в этой больнице без охраны. Ведь он прекрасно помнил, что до последнего отстреливался на стадионе от милиционеров, пока не потерял сознание. Значит, привезли его сюда стражи порядка и они обязательно должны были быть где-то поблизости – например, за дверями этой палаты, в коридоре. И если, к примеру, он попробует напасть на медсестру, на шум наверняка сбегутся легавые. Поэтому Моченый решил и дальше изображать бессознательное состояние, чтобы собрать побольше информации о ситуации и выработать план своих будущих действий.

В тот момент, когда медсестра прилаживала бутылочку к капельнице, в палату заглянул один из охранников.

– Ну, как, Леночка, дела у нашего пациента? – поинтересовался он.

– Как видите, все по-прежнему – в сознание пока не пришел, – последовал ответ.

– Неужели врачи правду говорят, что такие больные могут лежать месяцами? – продолжал задавать вопросы охранник.

– Могут, – подтвердила медсестра. – У нас один больной лежал таким вот овощем более полугода. Потом очнулся, а через сутки взял да и умер.

– Какие ужасы вы рассказываете, – покачал головой охранник. – Надеюсь, с нашим пациентом такого не случится.

– А он вам что, родственник?

– Упаси меня бог от таких родственников, – отмахнулся охранник. – Но кадр для нас очень ценный, как мы выражаемся – источник информации. Так что вы постарайтесь, чтобы он у нас не окочурился.

– А я что делаю? – удивилась медсестра. – Видите, новый физраствор к капельнице пристраиваю – его на добрый час хватит.

– А что слышно про ту женщину? – поинтересовался охранник.

– Про ту, что этот ваш кадр едва на тот свет не отправил? – догадалась медсестра. – Вот с ней все в порядке – поправляется. Под нами она как раз лежит – можете ее навестить при случае.

– Нам отлучаться нельзя, Леночка – я потому вас и спрашиваю. Ну, ладно, не буду вам мешать, – и охранник закрыл дверь.

А медсестра еще какое-то время пробыла в палате, после чего покинула ее, оставив пациента одного.

Моченый прислушался – за дверью какое-то время слышались голоса, после чего все стихло. Видимо, медсестра ушла, а охранник остался за дверью, присев на стул. Шансов на то, что он снова войдет, было мало, поэтому Моченый еще какое-то время полежал, размышляя над услышанным.

«Значит, эта лярва из магазина выжила? Везучая, стерва! Или у меня уже прицел сбился – рука дрогнула? Я ведь в последнее время перестал «пером» работать, все больше из окон людей выбрасывал. Вот и потерял сноровку. Ну, ничего, это дело можно исправить. Если этой сучке глотку не заткнуть, она от меня не отстанет. Да и не хорошо это – уже начатое дело оставлять недоделанным. Примета плохая».

Подумав об этом, Моченый решил действовать. Он отсоединил от себя капельницу и встал на ноги. Ступая босыми ногами по полу, он подошел к окну. На дворе был вечер и больничный двор был освещен фонарями, в свете которых Моченый определил, что его палата находится на третьем этаже. Не самое большое расстояние до земли. Но главное, он заметил, что окно нижней палаты слегка приоткрыто, что давало ему шанс через него проникнуть к своей жертве, которую он не сумел с одного удара отправить на тот свет. Теперь он решил действовать наверняка. Для этого он содрал с постели две простыни и скатал их в длинный жгут, привязав обе половины друг к другу. Затем он привязал один конец простыни к батарее парового отопления, а другой конец сбросил вниз, но не над окном второго этажа, а по стене – чтобы из нижней палаты его не заметили. После чего

отодрал от капельницы шланг и намотал его на ладонь – удавка для будущей жертвы. И только после этого он встал на подоконник и взял в руки жгут, чтобы осторожно спуститься вниз.

* * *

Игнатов с Оленюком приехали в больницу на такси. Когда они вошли внутрь, было уже половина десятого вечера. Догадаться об этом можно было даже не глядя на часы – в телевизоре, который стоял за стойкой регистраторши, как раз заканчивалась программа «Время»: там показывали спортивный сюжет об очередном туре футбольного первенства. Комментатор сообщал результат матча «Днепр» (Днепропетровск) – «Динамо» (Москва), который закончился победой москвичей со счетом 3:2. Затем было объявлено, что тяжелую травму в этой игре получил один из главных претендентов на звание лучшего бомбардира первенства Анатолий Кожемякин. Однако обсуждать эту тему у сыщиков времени не было, поэтому Игнатов, показав регистраторше свое удостоверение, спросил:

– Скажите, за последние час-полтора кто-нибудь поступал в больницу в качестве больного?

– Минут пятнадцать назад «скорая» привезла к нам пациента с приступом панкреатита, – сообщила регистраторша.

– А своим ходом, по направлению, кто-нибудь приходил? – вновь спросил Игнатов.

– Был один мужчина около часа назад, – и регистраторша заглянула в журнал. – Панкратов Игорь Петрович, 1940 года рождения, поступил с аппендицитом.

– Куда его направили?

– В хирургическое отделение, в палату номер пять.

– Это же рядом с палатой Моченого, – сообщил своему приятелю Игнатов.

И они, перескакивая через ступеньки, бросились по лестнице на третий этаж.

* * *

Моченый осторожно спустился по жгуту из простыни до подоконника второго этажа и заглянул в приоткрытое окно палаты. Это было небольшое помещение, где в дальнем углу находилась единственная кровать, на которой кто-то лежал. Причем, на удачу незваного гостя – спиной к окну. Судя по всему

это была та самая продавщица, которую Моченый ударил ножом на стадионе. Женщина лежала, накрывшись по плечи одеялом, и не шевелилась. «Спит, сука, – подумал Моченый, осторожно ступая босой ногой на подоконник. – Это мне на руку – сонную душить сподручнее, шуму меньше».

Взявшись за оконную раму, Моченый приоткрыл ее пошире, чтобы боком пролезть в палату. При этом он не сводил взгляда с женщины. Но та не шевелилась, сморенная крепким сном. В коридоре тоже было тихо – охрана явно пребывала в уверенности, что их подопечной ничто не угрожает.

Оказавшись на подоконнике внутри палаты, Моченый присел на корточки и все так же осторожно опустил на пол сначала одну ногу, затем другую. Потом размотал с ладони шланг от капельницы, зажав его в обеих руках. Теперь надо было преодолеть расстояние всего в несколько шагов до кровати и набросить этот шланг на шею спящей. Плевое дело для человека, который отправил на тот свет уже не одного, а сразу нескольких человек и не зря носил свою кличку. И Моченый сделал первый шаг к кровати.

* * *

Леха Молчун попал в палату, где вместе с ним лежали еще четверо мужчин. Однако знакомиться с ними вновь прибывший не собирался – его пребывание здесь не должно было затянуться надолго. За тот час, что он находился в больнице, Молчун успел один раз выйти из палаты, чтобы сходить в туалет. На самом деле он хотел изучить, как ведут себя охранники у дверей палаты, где лежал Моченый. Увиденное его вполне удовлетворило: один охранник читал газету, а другой дремал прямо на стуле. Значит, расправиться с ними можно было достаточно легко, используя фактор внезапности. Когда часы на запястье Молчуна показали половину десятого вечера, он вновь поднялся со своей койки и направился к выходу, прихватив с собой полотенце, висевшее на коечной спинке. Под него он спрятал пистолет, который незаметно вытащил из брючного кармана. Он собирался выйти из палаты, в несколько прыжков преодолеть расстояние до охранников и в упор расстрелять их. После чего ворваться к Моченому, проделать то же самое с ним и немедленно скрыться, пока вся больница не встала бы на уши. На все про все у Молчуна должно было уйти две, максимум три минуты. Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. В данном случае в роли последнего выступил МУР в лице Алексея Игнатова. Именно с

ним Молчун и столкнулся лицом к лицу, едва открыв дверь палаты.

– Привет, Молчун, – первым среагировал на эту встречу муровец и, схватив преступника за обе руки, рывком вытянул его из палаты.

В следующую секунду он сделал бандиту подсечку, как учили их в МУРе на занятиях по самбо, и вместе с ним рухнул на пол. При этом не ожидавший этого нападения Молчун выпустил из рук оружие, и оно с шумом отлетело к стене. В это время на помощь приятелю пришел Оленюк, который набросился на Молчуна сзади и, проведя болевой прием, прижал его голову к полу. Вскоре здесь же оказался один из охранников, что начисто перечеркивало все шансы преступника на спасение – одному против троих ему справиться было не под силу. И в этот миг второй охранник, который успел забежать в палату Моченого, выскочил в коридор и закричал:

– Капустин сбежал!

– Ну-ка, Влас, проверь, куда подевался этот гаденыш, – попросил Игнатов приятеля, занимая его место и продолжая удерживать Молчуна в лежачем положении.

Оленюк встал с пола и бросился к палате. Когда он вбежал туда, охранник суетился возле раскрытого окна, сжимая в руках жгут из простыни.

– Через окно сиганул, зараза! – сообщил охранник.

Оленюк высунулся наружу и заметил, что окно нижнего этажа распахнуто почти настежь. Вспомнив, кто именно лежит в этой палате, Оленюк выхватил у охранника простыню и чуть ли не выбросился в окно. И, как оказалось, вовремя.

Когда он оказался на подоконнике второго этажа, он увидел, как некий мужчина в больничной пижаме накидывает на шею Нонны пластиковый шланг от капельницы. И в тот самый миг, когда шланг затянулся на горле несчастной, Оленюк со всей силы саданул ребром ладони по шее Моченого. Удар был настолько сильным, что бандит ослабил удавку и женщина упала сначала на кровать, а затем сползла на пол. А Оленюк нанес следующий удар – на этот раз кулаком в челюсть. Моченый рухнул спиной на кровать, но в процессе падения успел вскинуть ноги и ударом одной из них отбросил сыщика назад. Затем он схватил с кровати подушку и, размахивая ею, стал наступать на Оленюка. И пока тот кулаками пытался отбить подушку в сторону, сумел нанести ему мощный удар ногой в пах. Сыщик согнулся в три погибели, а Моченый уже было собрался добить его ударом кулака в затылок, но в это время в палату вбежали оба охранника, дежурившие у дверей. Один из них бросился к Нонне, а второй к Моченому.

Понимая, что с такой оравой ему в одиночку не справится, тот перепрыгнул через Оленюка и, вскочив на подоконник, схватился за простыню и выбросил себя вниз. Когда охранник высунулся в окно, Моченый уже успел спрыгнуть на землю и, сверкая босыми пятками, бросился бежать к входным воротам. На его удачу в это самое время туда же ехали «Жигули», за рулем которых находился заместитель главного врача больницы. Догнав автомобиль, Моченый на ходу открыл переднюю дверцу и буквально выбросил на асфальт совершенно ошалевшего доктора. После чего занял его место за рулем и надавил на педаль газа. Автомобиль резко набрал скорость и, протаранив металлические ворота, вырвался на улицу Лобачевского и спустя несколько секунд скрылся из вида где-то в районе Мичуринского проспекта.

15 октября 1973 года, понедельник, поезд Днепропетровск – Москва

В купе, где лежал с перебинтованной эластичным бинтом ногой Кожемякин, набилось около десятка футболистов московского «Динамо». В основном это была молодежь чуть старше самого Анатолия, которая всегда поддерживала с ним хорошие отношения. Более зрелых игроков здесь не было. Они, конечно, выразили свое сочувствие одноклубнику, но некоторые из них в душе тихо радовались тому, что его постигла столь тяжелая травма – разрыв крестообразных связок. После такого несчастья можно было забыть о футболе в лучшем случае месяцев этак на шесть, в худшем – на год. Это, конечно, вносило дисбаланс в атакующие порядки динамовцев, но в то же время позволяло ветеранам не бояться молодежного нашествия и разговоров о том, что их время уже прошло и надо уступить место «желторотикам». Стремительному и яркому взлету Кожемякина динамовцы из числа старожилов откровенно завидовали и только ждали момента, когда он споткнется. Вчера этот случай как раз и произошел. Впрочем, выбывание из состава Кожемякина открывало дорогу и молодым футболистам, которые редко играли за основу, в основном задействованные в дубле.

Между тем в сезоне-73 тренеры «Динамо» пытались сохранить баланс между опытом и молодостью. Поэтому зрелые футболисты и молодежь выходили на поле почти в равных количествах – по 6–7 человек. Так, в той роковой игре для Кожемякина, игроков, родившихся в период 1944–1949 годов было шестеро: Еврюжихин (1944), Басалаев (1945), Эштреков (1947) – именно он и заменил травмированного Кожемякина,

Пильгуй (1948), Долматов (1948), Долбоносов (1949). Футболистов, родившихся в период 1950–1954 годов на поле играло семеро: Жуков (1950), Никулин (1951), Комаров (1952), Байдачный (1952), Петрушин (1952), Кожемякин (1953)? Пудышев (1954).

– Толик, ты сильно не переживай по поводу травмы – у каждой медали есть своя оборотная сторона, – успокаивал коллегу, лежавшего на нижней полке, Евгений Жуков.

– И какая вторая сторона у этой медали? – удивился Кожемякин.

– У тебя же молодая жена все время будет под боком, а в этом деле нога не главное.

После этих слов дружный хохот потряс стены, переполненного народом купе.

– А вообще твоей Наталье надо золотой памятник поставить – если бы не она, то сидеть бы тебе, Толик, в дубле, – после того, как смех стих, произнес другой приятель Кожемякина – Анатолий Байдачный.

И в этом утверждении была своя доля истины – встреча с будущей женой и в самом деле самым благотворным образом сказалась на карьере Кожемякина.

Ретроспекция. Май 1971 года, Чехословакия, Прага, молодежный чемпионат Европы среди 18-летних; апрель 1972 года, Кубок обладателей кубков

Взлет в карьере Кожемякина начался поздней весной 1971 года, когда тренер Евгений Лядин включил его в состав молодежной сборной СССР, которой предстояло вылететь в Прагу на первый неофициальный чемпионат Европы среди 18-летних (тогда он назывался «юношеский турнир УЕФА). Причем в составе родного «Динамо» Кожемякин в ту пору в основе практически не играл, выступая в дубле. Константин Бесков считал, что время Кожемякина еще не пришло. Но Лядин талантливого паренька приметил. Впрочем, не только его – вторым приглашенным из того же московского «Динамо» был Анатолий Байдачный, с которым Кожемякин должен был составить ударную пару в нападении: Байдачный на правом фланге, Кожемякин – в центре. Кроме этого, Лядин поставил на левый фланг Олега Блохина из киевского «Динамо», а в роли их распасовщика должен был выступить Леонид Буряк из одесского «Черноморца». Вот этой четверке «мушкетеров» и предстояло составить ударную силу той юношеской сборной СССР.

Наша команда уверенно прошла групповой турнир и в полуфинале вышла на сборную Англии. И уже в первом тайме «мушкетеры» сказали свое веское слово – гол со штрафного (с 30 метров!) забил Кожемякин, выведя советскую сборную вперед. Этот счет сохранялся вплоть до последней минуты игры и, сохранись, выводил нашу команду в финал. Но фортуна подвела. Буквально за полминуты до конца матча британцы пошли в последнюю атаку. Последовал навес в нашу штрафную, вратарь Роменский не стал покидать ворот, а защитник не сумел дотянуться головой до мяча. И тот закатился в ближний угол. Счет стал 1:1 и были назначены пенальти, в которых успех сопутствовал англичанам, у которых вратарь изобрел нетрадиционный способ защиты ворот – он во время удара начинал размахивать руками во все стороны, отвлекая внимание бьющих. И добился своего – трое наших промазали. Забили только Кожемякин и Блохин, на которых эти фортели английского голкипера не произвели никакого впечатления – разве что только разозлили. Кстати, после чемпионата судейский комитет УЕФА запретил вратарям размахивать руками во время исполнения пенальти, но поезд для нас уже ушел.

Практически тот же сюжет повторился и в матче нашей сборной за третье место. Ее соперником была команда ГДР. Мы снова вели по, причем гол, и опять со штрафного, забил Кожемякин. Но и здесь соперник сумел отыграться. Затем были назначены пенальти, где наши ребята снова выступили хуже своих визави. В итоге сборная СССР заняла 4-е место, не проиграв ни одного (!) матча в основное время.

Между тем лучшим бомбардиром турнира стал Анатолий Кожемякин, который забил семь мячей (а всего тройка Байдачный – Кожемякин – Блохин отметилась 12 голами). Но это было еще не все. Своей игрой Кожемякин настолько поразил всех, видевших это, что помимо бомбардирского звания, специально под него ввели приз лучшему футболисту европейского чемпионата, в прошлые годы не вручавшийся. А лучшим голом в его исполнении был признан тот, что он забил бельгийцам. Выглядело это так. Атаку начал Байдачный, который, едва перейдя центральную линию, сделал длинную диагональ на угол штрафной. В это время Кожемякин вынырнул из-под защитника, принял мяч на грудь, бедром перебросил через себя и соперника и, развернувшись, пробил с лета. Все было сделано буквально на одном метре.

Вернувшись домой триумфатором, Кожемякин тут же попадает в основной состав «Динамо». И в сезоне 1971 года забивает 7 мячей, становясь лучшим бомбардиром команды.

Казалось, что футболист крепко ухватил птицу счастья за хвост. Но это, увы, было не так. В 1972 году карьера Кожемякина едва не пошла прахом. Хотя начиналось все прекрасно.

Ранней весной тренер сборной СССР Александр Пономарев приглашает Кожемякина в национальную сборную. Дебют футболиста в ней состоялся 29 марта в товарищеском матче против сборной Болгарии в Софии. Он закончился вничью 1:1 (у нас гол забил Виктор Колотов). Первый блин оказался комом. Вот как об этом написал еженедельник «Футбол-Хоккей»:

«…Строго говоря, в составе сборной СССР было только два новичка – Гуцаев и Кожемякин. Еще совсем недавно, меньше года назад, оба они входили в состав юношеской команды страны. Стаж выступлений за сборную третьего нашего форварда – Иштояна также весьма невелик. В довершение ко всему все эти нападающие впервые вместе вышли на поле, так что, видимо, не случайно линия нападения нашей сборной была в этом матче слабейшей. Причем трудно упрекнуть кого-либо одного из форвардов, все упреки и замечания они должны делить на троих.

Но так или иначе, а в этом матче нападение сборной СССР практически не угрожало воротам хозяев поля…»

В итоге в том году Кожемякина в игры за сборную больше не привлекали. Причем, не только по причине неуверенной игры с болгарами – была и более веская причина.

В том же марте 1972 года московское «Динамо» играло в Кубке обладателей Кубков. В 1/4 финала ему противостояла югославская команда «Црвена звезда» – сильный клуб. Однако, если в первом матче была зафиксирована ничья 1:1, то во втором (в Ташкенте) удача сопутствовала динамовцам 2:1. Причем Кожемякин сумел отличиться в обоих играх – забил по голу. И его гол во второй игре оказался решающим – он принес динамовцам победу.

После этого динамовцы вышли в 1/2 финала, где им противостояли их одноклубники, но из Восточного Берлина. И та игра складывалась в пользу москвичей – они вели в счете по (гол забил Еврюжихин) и должны были победить. Но на 83-й минуте случилась неожиданное. Одна из редких контратак берлинцев завершилась столкновением в штрафной москвичей Ральфа Шуленберга и Валерия Зыкова. Последний упал на газон, а мяч отскочил к Кожемякину, находившемуся на углу штрафной площади. Ему бы отбить мяч подальше в поле, а он вместо этого… взял его в руки (!?). И венгерский рефери тут же указал на одиннадцатиметровую отметку. После чего Норберт Йоханнсен сравнял счет, украв у нас победу.

На следующий день в гостинице состоялось комсомольское

собрание, на котором обсуждался всего один вопрос: «О недостойном поведении игрока московского «Динамо» комсомольца Кожемякина Анатолия Евгеньевича, повлекшее за собой печальные последствия по мере его необдуманных действий на поле во время матча с командой «Динамо» (Берлин)». На нем провинившийся повинился и объяснил свой поступок случайностью.

– Мне послышалось, что судья дал свисток, вот я и взял мяч в руки, чтобы выбить его в поле. Это просто слуховой обман и ничто больше.

– Но судья не свистел, – напомнил игроку один из его товарищей.

– Но я же слышал! Может, кто-то с трибуны свистнул, а я перепутал этот свист с судейским свистком, – продолжал стоять на своем Кожемякин.

Собрание не могло длиться слишком долго, поскольку через час динамовцам надо было быть в аэропорту и вылететь обратно на родину. В итоге было принято решение вынести Кожемякину общественное порицание и отстранить его от участия в еврокубковых матчах. Что понятно – никто не мог дать гарантию, что футболист в решающий момент вновь не услышит несуществующий судейский свисток и не возьмет мяч в руки снова. Поэтому в следующей игре с берлинцами (а он проходил в Тбилиси) Кожемякин на поле не вышел, а весь матч просидел на скамейке запасных. Ту игру москвичи выиграли по пенальти 4:1 (основное время – 1:1). После этого подопечные Бескова вышли в финал, где их дожидался шотландский «Глазго Рейнджере». Что произошло на этом матче, мы уже знаем – шотландцы победили 3:2 не без помощи своих болельщиков, которые, видя, что их кумиры вот-вот пропустят мяч и счет сравняется, высыпали на поле и сорвали концовку игры. Матч потом был все-таки доигран, но кураж у динамовцев уже пропал и сравнять счет они не сумели. Кожемякин в той игре не участвовал, поэтому отнести это поражение на свой счет был не вправе. А ведь появись он тогда на поле, вполне вероятно, что матч мог сложиться для «Динамо» совершенно иначе.

Все эти напасти, свалившиеся на молодого футболиста в одночасье, выбили его из колеи. И он загулял – стал пропускать тренировки и потерял место не только в основе, но и в дубле. В итоге в том сезоне он забил в 11 матчах всего лишь один мяч. Явный провал для недавнего лучшего бомбардира команды. И тогда его дисквалифицировали за такое поведение на два года условно – чтобы одумался. Но Кожемякин стал подумывать о том, как бы вообще уйти из команды в другой клуб. Но затем он

познакомился со своей будущей женой Натальей и его дела понемногу пошли на лад. А познакомил их Евгений Жуков. Он встречался с девушкой, у которой была подруга. И вот однажды Жуков попросил ее: мол, приведи на следующее свидание свою подругу – вдруг у них с Толей что-то получится. И ведь действительно получилось. Вскоре Анатолий и Наталья поженились, а потом грянул лучший сезон в карьере Кожемякина – сезон 1973 года, когда он вновь стал лучшим бомбардиром «Динамо» и вернулся в состав первой сборной.

15 октября 1973 года, понедельник, Москва, Киевский вокзал

Когда поезд с футболистами прибыл в столицу, на вокзале Кожемякина уже ждала «скорая помощь». Товарищи помогли ему доковылять до «скорой», которая отвезла футболиста в ЦИТО, где за его ногу взялась знаменитый спортивный врач-ортопед Зоя Миронова, основатель спортивной травматологии в СССР. Еще в 1952 году в ЦИТО было создано отделение спортивной, балетной и цирковой травмы, которое возглавила Миронова. По результатам сделанных ею в 1952–1962 годах 931 операции на коленном суставе, в 1962 году Миронова защитила докторскую диссертацию на тему «Повреждение менисков и связок коленного сустава при занятиях спортом». Так что Кожемякин попал в надежные руки, с помощью которых он рассчитывал если не на быстрое выздоровление, то хотя бы на возвращение в большой футбол. Не в этом, так в следующем сезоне.

15 октября 1973 года, понедельник, Ереван, городской аэропорт

ИЛ-62 приземлился в аэропорту города Еревана в двенадцать часов дня по местному времени. Находившийся на его борту председатель КГБ Армении Аркадий Рогозин вместе со своим помощником спустились по трапу на бетонку, где их поджидал личный водитель главного чекиста Армении, приехавший в аэропорт за час до их прилета.

– Как долетели, Аркадий Павлович? – спросил водитель, принимая из рук шефа портфель.

– Спасибо, Саша, нормально. Как дела в управлении?

– Без происшествий, – сообщил водитель, открывая перед Рогозиным дверцу персональной «Волги».

Генерал КГБ уселся на заднее сиденье, а его помощник занял

место рядом с водителем. Спустя минуту автомобиль уже выезжал через специальный КПП за территорию аэропорта. Их путь теперь лежал в здание республиканского КГБ на улице Налбандяна. Глядя на проплывающие за окном городские пейзажи, Рогозин мысленно перебирал в памяти свою вчерашнюю встречу с председателем КГБ СССР Юрием Андроповым, специально вызвавшим его в Москву из Еревана.

Ретроспекция. 14 октября 1973 года, воскресенье, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Андропов вызвал Рогозина не случайно – его интересовали результаты расследования резонансного дела об осквернении памятника Ленину. Дело в том, что на днях должно было состояться очередное заседание Политбюро, посвященное проблемам национальных отношений и этот вопрос обязательно должен был там подняться. А поскольку за его расследование отвечали чекисты, то естественно, все вопросы должны были адресоваться Андропову. Поэтому, едва Рогозин пришел в его кабинет и занял место на стуле напротив него, Андропов поинтересовался, как идет расследование.

– Пока порадовать нечем, Юрий Владимирович, – честно признался Рогозин. – Но мне сдается, что мой заместитель Михаелян намеренно торпедирует это расследование.

– Вот как? – вскинул брови Андропов. – У вас есть конкретные факты этого саботажа?

– Фактов нет, но есть интуиция. И вообще это дело породило в республике множество кривотолков и я боюсь, как бы это не вышло нам боком.

– В каком смысле?

– В смысле, что эта выходка с памятником, судя по всему, дело рук молодых людей, активных болельщиков «Арарата». А он, как вы знаете, на подъеме – рвется к золотым медалям. Поэтому, найди мы сейчас этих «художников» и арестуй их, могут вспыхнуть протесты.

– Вот и я о том же говорил вчера Суслову, – морща лоб, сообщил Андропов. – Но он и слышать ничего не хочет – считает, что этот вандализм надо раскрыть и осудить публично. А тут еще вот это вышло некстати, – и шеф КГБ выложил на стол несколько газет.

– Что это? – спросил Рогозин.

– Зарубежная пресса, где освещается осквернение памятника Ленину. Оперативно работают, сволочи – можете полюбоваться.

Гость взял одну из газет и быстро нашел нужную статью. Открывала ее огромная фотография, где была запечатлена спина ереванского памятника вождю, на которой красовалась цифра восемь, старательно выведенная белой краской.

– Пишут, что таким образом армянская оппозиция выразила свой протест против советизации своей республики, против ленинской идеи дружбы народов. Вот ведь как повернули, мерзавцы.

Пролистав газету, Рогозин вернул ее обратно на стол и заметил:

– Я об этом и говорю – многие люди в Армении только и ждут, когда мы сделаем свой следующий шаг, чтобы оттоптаться на нем по полной программе.

– И что вы можете предложить, как человек, который следит за ситуацией непосредственно из ее эпицентра? – спросил Андропов.

– Я поддерживаю вашу точку зрения – надо постараться спустить это дело на тормозах. Не время сейчас для крутых мер.

– То есть, вы на стороне вашего заместителя?

– Я на стороне логики, Юрий Владимирович. К тому же вы сами, как я понял, отстаивали перед Сусловым точно такую же позицию.

– Отстаивал, – кивнул головой Андропов. – Но он меня не слушает и на очередном заседании Политбюро будет бить и в хвост и в гриву. Поэтому я и вызвал вас, чтобы вместе найти выход из этой ситуации. А выход я вижу в следующем – надо найти такие веские аргументы, чтобы они перебили аргументы Михаила Андреевича. И главное – помогли бы нам заручиться поддержкой Леонида Ильича.

– Но как такие аргументы получить?

Прежде чем ответить, Андропов убрал в ящик стола газеты и, поправив очки на переносице, произнес:

– Как вы думаете, Михаелян, торпедируя расследование, имеет какие-то сведения о том, кто именно стоит за актом вандализма?

– Мне кажется, имеет.

– Почему вы так решили?

– Он поручил расследовать это дело лучшему следователю, который проколов пока не допускал. И я знаю, что они уже трижды встречались друг с другом за пределами здания КГБ. Значит, явно что-то обсуждают тет-а-тет, без лишних глаз и ушей, причем вряд ли это разговоры о результатах последних матчей с участием «Арарата».

– А что Михаелян докладывает вам?

– Что расследование движется со скрипом в виду скудости собранных улик. То же самое доложил мне и следователь Альбертян. А подгонять их я не могу, поскольку им явно потворствует высшее республиканского руководство во главе с Кочиняном.

– Мне кажется, понять их можно – они не хотят прослыть в глазах своих земляков рьяными прислужниками имперского центра. Однако надо объяснить товарищу Михаеляну, что здесь, в Москве, не все жаждут крови тех бедолаг, что осквернили памятник. Но нам нужны аргументы в споре с теми, кто этой крови жаждет.

– А если поконкретнее, Юрий Владимирович?

– Помните, год назад, когда я отправлял вас на службу в Ереван, я просил обратить внимание на существование там подпольного тотализатора, делающего ставки на результаты футбольных матчей. С тех пор минул год, но тех сведений, что вы собрали, явно недостаточно. Их буквально кот наплакал.

– Это не такое простое дело, Юрий Владимирович, – попытался оправдаться Рогозин.

– Я не в упрек вам это говорю – просто констатирую факт. Поэтому у меня и возникла идея подключить к этому делу Михаеляна. Тем более, если сама нынешняя ситуация этому благоприятствует. Объясните своему заму, что нас интересуют любые сведения о существовании этого тотализатора. Если товарищ Махаелян настоящий коммунист и честный чекист, то он должен помочь нам искоренить это порождение капитализма, которое вдруг пустило у нас корни и развращает наших людей, в том числе и из руководящего слоя. Короче, он должен предоставить нам серьезную информацию на этот счет.

– Вы полагаете, он ее имеет?

– Аркадий Павлович, вы же два года были кадровиком КГБ, – напомнил Андропов своему гостю о его должности перед назначением в Армению. – Вы помните, сколько Михаелян уже работает в нашей системе?

– В следующем году будет двадцать лет, – блеснул своей памятью Рогозин.

– Вот вам и ответ на ваш вопрос. Это достаточное время для того, чтобы «перепахать» вдоль и поперек такую маленькую республику, как Армения. Именно Михаелян может реально помочь нам здесь выйти на структуры подпольного тотализатора в его республике. При этом он нисколько не рискует прослыть предателем своего народа, поскольку одно дело способствовать аресту и выдаче своих земляков, по глупости испортивших памятник Ленину, и совсем другое дело разоблачить людей,

сдающих и покупающих за большие суммы денег результаты футбольных матчей, в том числе, кстати, и с участием их родного «Арарата». Тем более, что по нашим последним сведениям весомую роль в структуре этого тотализатора играют уголовные преступники – армянские воры в законе. Поэтому, я думаю, товарищ Михаелян сделает правильный выбор. Во всяком случае, передайте ему, что председатель КГБ на это очень надеется.

15 октября 1973 года, понедельник, Ереван, улица Налбандяна, КГБ Армянской ССР

Приехав в здание КГБ и поднявшись в свой кабинет, Рогозин тут же вызвал к себе Михаеляна. Тот явился спустя пять минут, зажимая в руке папку, в которой у него был отчет с последними данными по поводу расследования осквернения памятника Ленину. Мельком взглянув на этот документ, хозяин кабинета закрыл папку и, пристально посмотрев на гостя, и спросил:

– Значит, расследование по-прежнему движется со скрипом?

– Ничего не поделаешь – такова объективная реальность, – ответил Михаелян.

– Вот и я вчера то же самое говорил Андропову, но он в эту объективность не верит. Впрочем, как и я, Грайр Ованесович. Поэтому, давайте говорить начистоту. Вы намеренно затягиваете это расследование, поскольку считаете данное преступление и не преступлением вовсе, а так – мелким недоразумением. И Юрий Владимирович, как и я, с вами солидарны – не тот это случай, чтобы раздувать из него политическую диверсию. Ну, сглупили некие молодые люди, не подумали о последствиях – бывает. Однако в Москве не все думают так, как Юрий Владимирович. Там есть люди, которые хотят раздуть из этой мухи слона. И это очень влиятельные люди. Если они захотят, они так раздуют, что мало никому не покажется. И бороться с ними нахрапом вещь малоперспективная – здесь нужна тонкая работа. Вы это понимаете?

– Допустим, – кивнул головой Михаелян и, судя по его лицу, было видно, что монолог председателя КГБ его заинтересовал.

Поэтому Рогозин продолжил:

– Андропову нужна поддержка отсюда, чтобы он мог аргументированно противостоять тем людям, о которых я только что упоминал. Короче, мы должны ему помочь.

– Каким образом?

– Ему нужна оперативная информация по поводу подпольного тотализатора, который функционирует здесь, в

Ереване. Год назад я говорил вам об этом, но вы пропустили эту информацию мимо ушей. Может, вы сами в него играете?

– Это конкретное обвинение?

– Это всего лишь предположение.

– Оно для меня оскорбительное.

– Простите, если обидел, но вы сами напрашиваетесь – за этот год вы ни разу не отчитались по факту существования тотализатора. А ведь он функционирует, и в Москве об этом прекрасно знают. Поэтому Андропов ставит перед нами конкретную задачу: он берется в Москве спустить дело о памятнике Ленину на тормозах, если мы вооружим его весомыми аргументами по здешнему тотализатору. Особенно его интересуют участники из числа высшей номенклатуры, так как наличие таких имен будет серьезным аргументом к тому, чтобы заявить: армянские чекисты занимаются серьезными делами, а вовсе не саботируют приказы Центра. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Более чем, – ответил Михаелян.

– А таком случае, не буду вас больше задерживать – идите и начинайте работать. И о результатах этой работы я должен знать уже на этой неделе.

16 октября 1973 года, вторник, Москва, Кремль, зал заседаний Политбюро

Это заседание высшего советского ареопага было посвящено национальному вопросу и в частности – происшествию в Ереване, где пострадал памятник Ленину. Причем члены Политбюро собрались в узком кругу, не привлекая к этому делу тех, кто был за пределами Москвы, а также кандидатов в члены Политбюро. В итоге в зале заседаний собралось девять человек: Брежнев, Суслов, Косыгин, Андропов, Гречко, Кириленко, Полянский, Подгорный, Гришин. Не было четверых: Громыко, Шелепин и Кулаков находились в отъезде, а Пельше болел.

За час до заседания Андропов встретился с Брежневым и рассказал ему последнюю информацию о ходе расследования дела по факту осквернения памятника в Ереване. Причем цель у него была одна – не столько информировать, сколько заручиться поддержкой генсека на предстоящем заседании.

– Леонид Ильич, дело о памятнике Ленину в Ереване фактически раскрыто, – сообщил шеф КГБ. – Злоумышленники – двое 17-летних подростков: сын известного скульптора и сын директора обувной фабрики. Они пока на свободе, поскольку

местные власти опасаются волнений в случае их ареста. По сути, это всего лишь дети, которые из-за глупой бравады решили таким образом выразить свою радость по поводу победы ереванского «Арарата» в Кубке СССР. Но если сегодня мы примем решение об их аресте, то эти дети будут немедленно арестованы.

– А сам-то ты, Юрий, что думаешь по этому поводу? – спросил Брежнев, закуривая «Новость».

– Вы мое мнение знаете – я категорически против арестов по факту этого происшествия. Тем более, армянские чекисты впряглись в дело о подпольном тотализаторе, начали нащупывать подходы к его организаторам, поэтому лишний шум по любому поводу был бы очень некстати. Это дало бы лишние козыри тем, кто спит и видит, как бы обострить обстановку не только в Армении, но и во всем Закавказье.

– Но Суслов и ряд других товарищей ратуют за радикальные меры, – напомнил генсек своему собеседнику о позиции некоторых членов Политбюро.

– Значит, надо их переубедить.

– Каким образом? Думаешь, упоминание о том, что памятник осквернили почти дети, заставит Суслова отступить?

– Про детей вообще пока не стоит упоминать, Леонид Ильич. Пусть эта информация останется между нами, чтобы не разжигать ненужные страсти. Мы должны апеллировать к тому, что волнения в братской республике нам невыгодны ни с какой стороны: ни с политической, ни с экономической. Да и моему ведомству это только помешает эффективно работать.

Выслушав эту речь, Брежнев впал в глубокие раздумья, не забывая делать одну затяжку сигаретой за другой. Наконец, он произнес:

– Хорошо, попробуем убедить Суслова в неправильности его позиции. Только ты не молчи – прояви активность. А я тебе поддержу.

Открыл заседание Политбюро главный идеолог партии – Суслов, который решил сразу взять «быка за рога».

– Товарищи, с момента осквернения памятника в столице Армении городе Ереване минула почти неделя, а результатов пока никаких – осквернители до сих пор не найдены и не наказаны. Это подрывает авторитет правоохранительных органов, да и наш с вами авторитет, товарищи. Ведь западные средства массовой информации раздули эту историю до небес и каждый день продолжают освещать ее, как в своих печатных органах, так и по радио. Только вчера сразу две радиостанции – «Голос Америки» и «Свободная Европа» – уделили факту осквернения памятника вождю мирового пролетариата по полчаса эфирного

времени. Это никуда не годится, товарищи! Наши враги делают на этой истории себе капитал, а мы и в ус не дуем. Я пытался выяснить у Юрия Владимировича причины такой нерасторопности его ведомства, но он лишь разводит руками. Может, здесь, на Политбюро, он объяснит нам свою позицию.

Все участники заседания обратили свои взоры на Андропова, ожидая от него ответа.

– Я могу доложить вам, что все необходимые следственные мероприятия нами ведутся, – ровным голосом начал свою речь шеф КГБ. – Но мы должны также учитывать еще и то, что это дело подпадает под разряд необычного. Судя по всему, памятник Ленину осквернили не какие-то политические провокаторы. Это были люди, помешанные на футболе. Они всего лишь нарисовали на спине вождя цифру восемь – под нею в команде «Арарат» играет нападающий Левон Иштоян, который забил два гола в финальном матче на Кубок СССР. Это не политическая провокация, это всего лишь хулиганская выходка.

– Вы хотите сказать, что эту выходку не следует осудить? – спросил Суслов.

– Я этого не говорил, – возразил Андропов. – Просто надо учесть эту сторону дела, чтобы не наломать дров.

– Про какие дрова вы говорите? – продолжал вопрошать главный идеолог.

– Про те, от которых может заполыхать Армения, а потом, не дай бог, и все Закавказье. Не забывайте, что с момента волнений в Ингушетии прошло всего лишь девять месяцев.

Андропов имел в виду события января 1973 года, когда в столице Чечено-Ингушской АССР городе Грозном прошли стихийные митинги ингушей, которые выдвинули требование: либо передать Пригородный район, где они проживали, из состава Осетинской АССР в состав ЧИ АССР (ингуши обвиняли осетинов в разного рода притеснениях себя), либо отменить ограничения на свободное поселение ингушей в этом районе. В результате митинг был разогнан силой, что только накалило обстановку в регионе. Однако к осени 73-го ситуация там стабилизировалась, как вдруг теперь вероятность конфликта возникла уже в Армении. Именно об этом прямым текстом и говорил Андропов.

– Насколько мне известно, радикальные меры, принятые в Грозном, пошли только на благо, – подал голос в защиту позиции Суслова председатель Верховного Совета СССР Николай Подгорный.

– Это вам так только кажется, – возразил Андропов. – А на самом деле угли еще тлеют и могут разжечь такой пожар, что

никому мало не покажется.

– Что же вы предлагаете – оставить без реакции акт вандализма в Ереване? – вновь подал голос Суслов. – Этак мы далеко уйдем – об нас потом все ноги вытирать будут.

– Михаил, что ты в самом деле! – всплеснул руками Брежнев. – Юрий Владимирович говорит о другом: что нельзя нам вести себя, как слон в посудной лавке. А в Армении тем более. Вспомни, что еще в апреле мы меняли там второго секретаря – вместо армянина отправили туда русского. А все почему? Да потому, что в местном руководстве сложилась группировка, которая хотела сместить действующего хозяина республики Кочиняна. Пришлось нам вмешаться и защитить Антона Ервандовича. Но недовольные его позицией остались. И если мы сейчас затеем там новую бучу, то это только будет на руку тамошней оппозиции.

– То есть, ты, Леонид, предлагаешь оставить без последствий факт осквернения памятника Ленину? – не скрывая своего возмущения, спросил Суслов. – Так и заявить на весь мир: в виду того, что мы не хотим осложнять наши отношения с армянскими товарищами, мы прощаем им их выходку. А ты не боишься, что если это произойдет, то вслед за Арменией осмелеют и другие республики. Ведь слабых никто не уважает.

– Это верно, – поддержал Суслова министр обороны Андрей Гречко.

– А вот и нет, – возразил Брежнев, устремив свой взор в сторону Гречко. – Это не слабость, это – великодушие. И наши армянские товарищи, как и все остальные, именно так это и расценят. Нас не бояться должны, а уважать.

– Именно поэтому мы так расшаркиваемся перед американцами? – напомнил министр обороны генсеку их недавний спор в Заречье.

– Причем здесь американцы, если речь идет о межнациональных отношениях? – удивился Брежнев. – Короче, я против того, чтобы раздувать из этой истории слона.

– Что же ты предлагаешь, Леонид? – вступил в разговор председатель Совета Министров Алексей Косыгин.

– Я предлагаю поддержать позицию Юрия Владимировича, – ответил генсек. – Он все-таки председатель КГБ и обладает большей информацией, чем мы.

– Тогда пусть эту информацию озвучит, – предложил Подгорный. – Мы же для этого сюда и собрались.

Прежде, чем ответить, Андропов бросил короткий взгляд на Брежнева и, увидев в его глазах согласие, произнес:

– Совместно с армянскими чекистами мы начинаем в

Армении операцию по выявлению коррупционных схем, в которые вовлечены представители разных слоев общества. И нам не хотелось бы, чтобы история с памятником накалила обстановку в этой республике.

– Мне кажется, это только отговорки – одно другому не мешает, – продолжал возражать Суслов.

– А мне кажется, Михаил, что ты хочешь поссорить два наших народа, – было заметно, что генсек еле себя сдерживает, чтобы не взорваться. – Мы все здесь коммунисты и все понимаем, что идеология – важнейший элемент политики. Но Юрий Владимирович правильно сказал – эта история особенная. Здесь деликатнее надо подходить, а не рубить со всего плеча. И если мы спустим это дело на тормозах, эффекта от этого будет больше, чем от того, что мы проявим принципиальность.

– Но какое-то официальное решение мы все равно должны принять, – подал голос все это время молчавший Кирилл Мазуров. – Не можем же мы замолчать эту историю – о ней даже на Западе уже знают.

– Кирилл Трофимович, мы великая держава и нам ли бояться того, что о нас скажут наши враги на Западе? – вновь взял слово Андропов. – А у нас в стране эта история известна лишь в Армении, да и то в устных рассказах. Поэтому мы смело можем не афишировать ее и дальше.

– Я веду речь о закрытом решении – для партаппарата, – объяснил свою позицию Мазуров.

– Партаппарат тоже не обязательно уведомлять об этом публично, – стоял на своем шеф КГБ.

– Но как быть со злоумышленниками – ведь вы их рано или поздно поймаете? – задал резонный вопрос глава Московского горкома Виктор Гришин. – Вы что собираетесь их сразу отпустить и не наказывать?

– Я думаю, что наши армянские товарищи сами решать участь этих людей, – ответил Андропов. – Главное для нас – не стать яблоком раздора.

– Короче, товарищи, давайте ставить этот вопрос на голосование, – предложил Брежнев. – Кто за предложение Юрия Владимировича?

И генсек первым поднял руку вверх. Следом за ним свои руки подняли еще пять человек, которые и решили исход этого голосования.

16 октября 1973 года, вторник, Ереван, парк Победы

Зампред КГБ Армении Грайр Михаелян сидел на скамейке на одной из аллей парка Победы и читал газету «Коммунист». Вернее сказать, делал вид, что читает. На самом деле он внимательно следил за тем, что происходит вокруг него и попутно размышлял о событиях последних дней. Сообщение следователя Альбертяна о том, что злоумышленниками, покусившимися на памятник Ленину, были двое молодых приятелей – сын директора обувной фабрики Ашот Гюзалян и сын видного архитектора Ерванда Арамяна – стало для Михаеляна полной неожиданностью. Он хоть и предполагал, что руку к этой акции приложили молодые люди, но не думал, что они окажутся отпрысками известных людей. Однако затем, после некоторых размышлений, Михаелян пришел к выводу, что сообщение Альбертяна – не самый плохой вариант из всех предполагаемых. А может быть, и самый предпочтительный. Особенно в плане участия в этой акции сына директора обувной фабрики. Отец Ашота – Герегин Гюзалян – проходил по картотеке КГБ как один из руководителей сети подпольных цехов, производивших обувь, разлетавшуюся потом практически по всему Союзу. Но поскольку Герегин являлся родным братом секретаря Ереванского горкома Ерванда Гюзаляна, который имел поддержку в ЦК КП Армении, подступиться к нему было нереально. Но теперь, когда сын Герегина оказался втянут в столь скандальную историю не просто с криминальным, а с политическим душком, это давало прекрасный шанс Михаеляну для установления особых отношений с Гюзаляном-старшим. Особенно в свете той задачи, которую поставил перед ним председатель КГБ Армении Рогозин. Именно для этого чекист и пригласил обувщика на эту встречу в парк Победы.

Гюзалян-старший пришел к месту встречи чуть раньше назначенного времени. Вообще-то он не горел особым желанием идти на это рандеву, но услышав, что речь пойдет о судьбе его единственного сына, предпочел согласиться. При этом он выполнил просьбу Михаеляна – не стал сообщать об этой встрече своему брату, поскольку в таком случае встреча бы просто не состоялась. Однако всю дорогу до парка Герегин ломал голову над тем, какая связь может существовать между его сыном и заместителем председателя КГБ Армении. Однако так ни к чему в своих выводах и не пришел. Но это любопытство заставило его прийти на встречу на пять минут раньше, хотя по жизни он слыл человеком непунктуальным и всегда опаздывающим на деловые встречи. В этот раз он своим привычкам изменил.

Он достаточно легко нашел на аллее неподалеку от памятника «Мать Армения» нужную скамейку, где должен был

сидеть мужчина с газетой в руках. Опустившись на скамейку, Гюзелян без всяких предисловий спросил:

– Итак, какое отношение к вашему ведомству имеет мой сын?

Прежде чем ответить, Михаелян аккуратно сложил газету и спрятал ее во внутренний карман своего демисезонного плаща. После чего заметил:

– Приличные люди обычно здороваются.

– Хорошо, я соблюду приличие: добрый день.

– А еще они представляются людям, с которыми видятся впервые.

– Можно подумать, вы не знаете моего имени и отчества? – удивился обувщик. – В вашем ведомстве наверняка есть подробнейшее досье на мою личность.

– Но вы-то меня не знаете.

– Почему же, я достаточно о вас наслышан. Но признаюсь вам честно, я бы предпочел не знать вас лично и дальше.

– За наше очное знакомство скажите спасибо своему сыну.

– Каким же образом он этому поспособствовал?

– Когда написал на спине у памятника Ленина цифру восемь.

– Вы с ума сошли! – Гюзалян от возмущения даже вскочил с лавочки.

– Сядьте на место и перестаньте орать на весь парк, – все тем же спокойным голосом произнес Михаелян.

Обувщик вновь опустился на лавочку и по его лицу было видно, что он пребывает в явном смятении, а от его недавней самоуверенности не осталось и следа.

– Я же вам сказал в нашем телефонном разговоре, что речь пойдет о вашем сыне, – продолжил свою речь чекист. – Вот я вам и сообщаю: именно ваш сын осквернил памятник Ленину в центре Еревана. И тем самым поднял на ноги не только нашу республику, но и Москву. Надеюсь, вам не надо объяснять, чем это может для него закончиться.

– А почему я должен вам верить – вдруг это шантаж? – спросил Гюзалян, а сам мучительно соображал, какие шаги следует предпринять, чтобы оградить сына от возможных последствий его самоубийственного поступка.

– Ваш отпрыск оставил на месте преступления кучу улик, которые быстро привели нас к нему. Впрочем, если вы мне не верите, то можете подождать – мы арестуем его на ваших глазах.

– Моему сыну ничего не сделают – я сегодня же дам знать об этом своему брату, – сообщил обувщик.

– Наивный вы человек, – усмехнулся Михаелян. – Это происшествие всесоюзного значения и без помощи нашего ведомства вам не обойтись. Ваш брат слишком мелкая сошка,

чтобы кто-то наверху захотел ему помочь в таком резонансном деле.

– А что предлагаете вы?

– Надежное прикрытие вашему сыну. Ведь уголовное дело передано нам и от нас зависит, найдем мы злоумышленника или нет.

– Вы шутите – если злоумышленника не найдут, с вас снимут погоны.

– Вы не за мои погоны должны беспокоится, а за судьбу своего сына, – встретившись взглядом с собеседником, произнес чекист. – Если я предлагаю вам сделку, то я же даю и гарантии ее выполнения.

– Но просто так вы же не стали бы мне это предлагать?

– И кто это говорит – человек, который всю жизнь занимается коммерцией? Кому, как не вам, должно быть известно, что в этом мире все имеет свою цену.

– И какую цену я должен заплатить за то, чтобы мой сын остался на свободе? Один миллион рублей или два?

– Мне ваши деньги не нужны – не все в жизни измеряется ими.

– Зачем же вы это делаете – рискуете своей карьерой ради чужого ребенка? – искренне удивился обувщик.

– Это вопрос большой политики, в которую вам лучше не соваться. От вас требуется одно: сказать мне сейчас, согласны вы с моим предложением или нет.

– Но я не знаю сути этого предложения.

– Суть проста: мы вместе помогаем вашему сыну уберечься от тюрьмы.

– Каким образом?

– Выдав Москве такую информацию, которая бы заставила ее забыть о вашем отпрыске и сосредоточиться на делах куда более важных.

– Но что это за информация такая?

– Например, вы слышали о существовании у нас подпольного тотализатора?

– В первый раз слышу, – с ходу ответил обувщик.

– В таком случае, до свидания, – и теперь уже Михаелян поднялся со своего места. – И передайте вашему сыну, чтобы сегодня вечером он был дома – мы за ним придем. Надеюсь, вы понимаете, что бежать ему куда-либо бесполезно – мы его даже из-под земли достанем.

– Да подождите же вы! – обувщик схватил чекиста за рукав его плаща. – Что же вы такой нервный.

– Ничего, скоро нервничать придется вам – когда вашему

сыну предъявят обвинения.

– Я слышал о тотализаторе от своего брата – он делает на нем ставки, – сообщил обувщик, глядя в глаза чекисту.

– А вы сами не делаете?

– Нет, я только даю брату деньги, когда он меня об этом просит.

– И много даете?

– Прилично.

– И что же, он всегда их проигрывает?

– Почему, иногда и выигрывает, причем достаточно большие суммы.

Бросив взгляд по сторонам и не заметив ничего подозрительного, Михаелян вновь сел на лавку и продолжил задавать вопросы:

– Вы знаете еще людей, кто участвует в этом тотализаторе?

– Всего лишь трех: один работает в горисполкоме в коммунальном отделе, второй держит цех по продаже трикотажа, а третий… – и обувщик запнулся.

– Что же вы замолчали?

– Третий работает в ОБХСС.

– Прикрывает ваши темные делишки? – догадался Михаелян.

Вместо ответа Гюзалян молча кивнул головой.

– Но вы зря волнуетесь, поскольку ваши махинации нам не интересны. Во всяком случае, пока. Нас интересует тотализатор, поэтому мы ждем от вас активной помощи.

– Но чем я могу помочь, если в нем не участвую?

– Значит, придется в нем поучаствовать. Тем более, что сделать это вам не составит труда, учитывая сразу два фактора: наличие больших денег и брата, который давно там играет. Но это обязательное наше условие, если вы хотите уберечь сына от попадания за решетку. Вам понятно, Гюзалян?

Увидев, что обувщик опустил очи долу, Михаелян продолжил:

– Вот и прекрасно. На связь с вами буду выходить лично я. Но имейте в виду – нас интересуют не мелочи, а ценная информация о том, как функционирует тотализатор, кто в него входит и, главное, – кто им руководит. Так что не тяните с вступлением, тем более чемпионат по футболу близится к концу и наш «Арарат» рвется к золотым медалям. Это, кстати, прекрасное объяснение для вас, почему вы решили туда вступить.

– Но где гарантии, что с моим сыном ничего не случится? – задал обувщик вопрос, который давно должен был слететь с его языка.

– Стопроцентных гарантий вам никто не даст – все-таки это

дело всесоюзного масштаба. Но я могу дать вам совет: спрячьте пока вашего сына. У вас есть куда?

– Конечно – к моим родителям в деревню.

– Я имею в виду спрятать за пределами Армении – здесь ему будет не безопасно.

Прежде чем ответить, Гюзалян погрузился в раздумья. Наконец, он вновь поднял голову:

– Ташкент подойдет?

– У вас там кто?

– Еще один брат – младший.

– Узбекистан – вариант не плохой, – кивнул головой Михаелян. – Тем более, что в заместителях у тамошнего председателя КГБ наш земляк Левон Мелкумов. Так что отправляйте сына в Ташкент – не медлите. А пока, до свидания.

Михаелян первым поднялся со своего места и, бросив уже ненужную газету на лавочку, зашагал в сторону выхода из парка.

16 октября 1973 года, вторник, Москва, Старая площадь, кабинет Михаила Суслова

Когда председатель Спорткомитета СССР Сергей Павлов вошел в кабинет главного идеолога, тот сидел за столом и старательно чистил карандаш перочинным ножиком. Им же он указал гостю на стул напротив себя, а сам продолжил свое занятие. Затем, дочистив карандаш, он воткнул его в специальный стакан, где покоились другие карандаши и ручки, и только после этого обратился к гостю:

– Сергей Павлович, я вызвал вас вот по какому делу. Вы, надеюсь, наслышаны о том вопиющем случае, который произошел некоторое время назад в Ереване с памятником Ленину? И хорошо знаете, чем был вызван этот акт вандализма – футбольной игрой на Кубок СССР. Поэтому, как вы считаете: если ереванский «Арарат» присовокупит к Кубку еще и чемпионские медали первенства СССР, возможно повторение подобных эксцессов в Армении еще раз или нет?

– Откуда же я знаю, Михаил Андреевич, – пожал плечами Павлов.

– Но вы, как человек, который отвечает за спорт в масштабах всей страны, допускаете повторение такого инцидента?

– Допускаю, конечно, поскольку на Кавказе живут люди темпераментные и чрезвычайно эмоциональные. А тут еще следует учитывать тот факт, что команда из Армении никогда еще не была чемпионом СССР.

– Значит, вероятность повторения велика?

– Можно сказать, что да, – согласился Павлов.

– Очень хорошо, – не скрывая своего удовлетворения, ответил Суслов.

Такое поведение поразило гостя – он-то рассчитывал совсем на иную реакцию от главного идеолога. Но очень скоро ему стало понятно, почему Суслов так реагирует.

– Если мы с вами с большой долей вероятности уверены в том, что победа «Арарата» может породить не один, а целую серию актов политического вандализма, то мы, как коммунисты, облеченные большой властью, должны этому противостоять, – продолжил свою речь Суслов.

– Каким образом? – спросил Павлов.

– Не позволить «Арарату» стать чемпионом, – глядя через очки в глаза собеседнику, ответил Суслов.

В первую секунду гость подумал, что ослышался. Но когда он встретился взглядом с хозяином кабинета, он понял, что расслышал все правильно.

– Что вы хотите этим сказать, Михаил Андреевич?

– То, что уже сказал – надо не дать «Арарату» завоевать золотые медали. Если мы это сделаем, то предотвратим повторение эксцессов, подобных тому, что случился недавно с памятником Ленину в Ереване. Я думаю, из-за второго или третьего места своей команды в Армении не станут устраивать массовые акции.

– Но как вы себе это представляете? – продолжал удивляться Павлов.

Прежде чем ответить, Суслов встал из-за стола и перешел на ту сторону, где сидел его собеседник. Здесь он сел на свободный стул, оказавшись практически лицом к лицу с гостем. И все так же буравя его взглядом из-за очков, произнес:

– Сергей Павлович, давайте вы не будете ломать передо мной дурочку. Я хоть и не большой любитель футбола, но прекрасно знаю, каким образом в вашей епархии одни команды назначаются в чемпионы, а другие в аутсайдеры. Конечно, это случается не всегда, но все-таки случается. Вот в этом году этот самый случай должен произойти. Иначе вы рискуете положить свой партбилет ко мне на стол.

– Но за что? – искренне возмутился глава Спорткомитета.

– За то, что не обеспечили выполнение важнейшего задания партии. А еще за то, что стали невольным соучастником тех актов вандализма, которые могут произойти в братской нам Армении на волне массовых торжеств по случаю победы «Арарата».

Глядя в глаза главному идеологу, Павлов, наконец, понял,

что с ним не шутят – угрозы, которые он услышал, вполне реальны. Совсем недавно точно так же с ним разговаривали в другом кабинете на этой же Старой площади – в отделе спорта – и давали другое похожее задание – обеспечить вылет из высшей лиги минских динамовцев и сохранение в высшем дивизионе львовских «Карпат». Теперь за перекройку турнирной таблицы взялся уже главный идеолог партии, причем он замахнулся уже на фаворитов турнира. И ослушаться его Павлов тоже не мог.

– Ну, что решили? – прервал затянувшуюся паузу в разговоре Суслов.

– А разве у меня есть выбор? – ответил Павлов и по его губам пробежала грустная улыбка.

– Вот и отлично, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Суслов. – Сделайте так, чтобы «Арарат» занял не первое, а второе место. До конца чемпионата сколько осталось?

– Еще три тура.

– Какие матчи у «Арарата»?

Павлов наморщил лоб, пытаясь вспомнить календарь первенства. Наконец, он ответил:

– С минским «Динамо», ЦСКА и ленинградским «Зенитом».

– Эти команды могут ему противостоять?

– Судя по турнирному положению, вряд ли. Минчане находятся на 15-м месте, ЦСКА на 8-м, а «Зенит» на 11-м.

– А на сколько очков ереванцы впереди тех, кто дышит им в затылок? – продолжал интересоваться Суслов.

– Ни насколько – у них с киевлянами по 33 очка.

– Вот и здорово! – удовлетворенно воскликнул Суслов. – Значит, надо помочь «Арарату» проиграть хотя бы один матч и они займут второе место. Я понимаю, что это нечестно, но есть такие моменты в жизни, когда это бывает важнее честности. Ведь мы с вами лишим наших врагов на Западе возможности в очередной раз потоптаться на наших недостатках. А это дорогого стоит. А за «Арарат» вы не переживайте – ведь Кубок СССР выиграли они, а не киевляне. Пусть последним тоже что-то достанется. Как говорили в старину: каждому брату по дукату.

16 октября 1973 года, вторник, Чили, Сантьяго, район Сан Мигель, спортзал

Гильермо Риос смотрел на то, как боксирует на ринге его подопечный Анджей Кравчик и делал пометки в блокноте. Вот уже третий день они проводили тренировки в этом небольшом спортивном зале, приходя сюда поздно вечером, когда все его посетители уходили домой. А сегодня Риос специально пригласил на тренировку своего бывшего ученика, боксера в среднем весе Хоакина Эскаланте, чтобы, выставив против него Кравчика, посмотреть, на что способен последний. Увиденное в целом его обнадежило – поляк оказался боксером, который предпочитает работать на ринге первым номером. То есть, он отдавал предпочтение нападению, а не обороне, при этом действовал весьма изобретательно и разносторонне – работал как в левосторонней, так и в правосторонней стойке. Было у него и несколько любимых контратакующих комбинаций, состоящих из защиты и быстрого ответа на нанесенный удар. Вот и в этом бою с Эскаланте поляк заманил противника в ловушку. Он какое-то время отступал, не принимая боя и приучил соперника к своему постоянному отступлению, рассчитывая, что тот потеряет бдительность и раскроется. Так и произошло. И когда Эскаланте увлекся очередной атакой, поляк провел молниеносную комбинацию на прямой слева, сделав обманный удар и поймав соперника на встречном выпаде. Не ожидавший этого чилиец отлетел в угол ринга и не вставал на ноги более десяти секунд. Короче, Кравчик послал его в нокаут. И это случилось с боксером, который когда-то чаще всего проигрывал бои по очкам, но не по нокаутам.

– Ну, что скажешь? – обмахивая Эскаланте полотенцем, спросил Риос.

– Потенциал у парня есть, – ответил боксер, привалившись спиной к боковой стойке.

– А слабые стороны? – продолжал допытываться Риос.

– Слишком увлекается ближним боем и не успевает отойти назад. С Пересом такое не пройдет – он может поймать его на контратаке.

– А ты почему так не сделал? – удивился Риос.

– Я же не Перес, – улыбнулся Эскаланте.

Риос похлопал его по плечу и выпрямился в полный рост.

– Слышал слова мастера? – спросил тренер у Кравчика, который стоял в противоположном углу и пил воду из

пластиковой бутылки. – И учти, что Хоакину уже тридцать четыре года, в то время как Пересу на десять лет меньше.

– Я тоже еще не старик, – ответил поляк.

– В этом твоя сила, но одновременно и слабость, – усмехнулся Риос. – У тебя есть кураж, но не хватает осмотрительности. Ты порой лезешь на рожон, забывая о том, что твой противник может быть хитрее тебя.

– Но он не знает моей манеры боя – я для него кот в мешке, – закручивая крышку на бутылке, заметил Кравчик.

– Ты не забывай, что для того, чтобы выйти в финал, тебе надо будет провести два боя, – напомнил боксеру правила соревнований Риос. – Достаточное время, чтобы понять, что ты из себя представляешь.

Участники предстоящего турнира были разбиты на две группы по три человека в каждой. В финал выходили победители обеих групп. Боксеры, которые попали в одну группу с Кравчиком, Риосу не были известны, но он рассчитывал, что его подопечный, при умелой подготовке, сумеет с ними справиться. Другое дело – Перес, который, без всякого сомнения, был сильнейшим бойцом на этом мини-чемпионате. Собственно, именно под него и был выстроен весь этот любительский турнир, который должен был открыться уже послезавтра. Он должен был собрать боксеров заведомо слабее любимчика Пиночета, чтобы тот на глазах у многомиллионной публики (сюда входила многочисленная армия телезрителей) легко разделался со своими соперниками и получил из рук главы нового правительства чемпионский кубок.

– Однако, если Перес всерьез заинтересуется тобой ближе к концу турнира, то мы себе такую роскошь позволить не можем, – продолжил свою речь Риос. – Поэтому иди сюда – я покажу тебе, как работает твой будущий противник.

Спустившись с ринга, Риос достал из своей спортивной сумки видеокассету и вставил ее видеомагнитофон, который раздобыл Райнери. Это был японский видак «Sony», который МИРовцы иногда использовали в своей работе. Теперь он временно перекочевал в руки боксеров. Видеокассету тоже принес Райнери – на ней была любительская видеозапись одного из поединков Элоя Переса на Кубке вооруженных сил прошлого года.

Заняв места у телевизора «Philips», боксеры с интересом стали наблюдать за происходящим на экране. Но там пока шло представление участников поединка, поэтому Риос решил провести собственный ликбез:

– В этом бою Перес отправит своего противника в нокаут уже в третьем раунде. И вообще, из пятидесяти двух боев, проведенных Элоем, в тридцати девяти он победил нокаутом.

– Я тоже могу это делать, – живо отреагировал на слова тренера Кравчик.

– Да, но у тебя за плечами нет ни одного серьезного соревнования, а Перес таких провел уже четыре, – подал голос Эскаланте.

– На этом турнире я постараюсь не дать ему ни единого шанса, – ответил Кравчик.

– Ты слишком самоуверен, а это плохое качество для спортсмена, – заметил Риос. – Твой противник силен и ты должен постоянно держать это в уме. Но самое главное – Перес левша, а это вдвойне опасно, поскольку ты у нас правша. И чтобы научиться противостоять левше нужно значительно больше времени, чем есть у нас.

– Ничего, вы только покажите мне, что нужно делать, и я запомню.

Тем временем на экране телевизора начался поединок. Перес боксировал против противника, который, как и Кравчик, был правшой. И это было очень кстати – глядя на этот бой, можно было найти контраргументы против будущего соперника, своего рода противоядие.

– Обрати внимание, Анджей, что бойцы, которые часто побеждают нокаутом, не пользуются широким арсеналом технических средств, но зато владеют твердо выработанными навыками в нанесении своего сильного удара, – комментировал происходящее на экране Риос. – Видишь, твой будущий противник боксирует в размеренном темпе, хорошо рассчитывает время и дистанцию, умело отвлекает внимание противника, выбирая время и место для нанесения удара. И заметь, что он левша, который повернут правым плечом вперед, а не стоит к сопернику фронтально. К тому же левши имеют еще преимущество в том, что у них правая рука развита лучше, чем у правши левая – ведь в обычной жизни левши вынуждены многие действия выполнять правой рукой.

– Смотри, как здорово он атакует своего соперника, – обратил внимание присутствующих на действия Переса Эскаланте.

– Пока он только проверяет своего визави, – объяснил происходящее Риос. – Но я уже вижу, где уязвимое место у соперника Переса. Этому парню стоило бы чаще наносить удары левой рукой через вытянутую правую руку левши, чтобы сковать сильную левую рука Переса. Но он этого не делает. Значит левая рука у него слабая. Перес это видит и будет атаковать именно в этом направлении.

– У меня тоже левая рука слабее правой, – сообщил Кравчик.

– Молодец, Анджей, у тебя уже начинает проявляться

самокритика, а это неплохо, – похлопал по плечу своего ученика Риос. – Значит, с завтрашнего дня начнем тренировать твою левую руку. Будем учиться двигаться в левую сторону, чтобы «закрутить» левшу и лишить его удобных положений для атаки левой рукой. У парня, что боксирует против Переса этого нет, поэтому он этот бой и проиграет. И еще этот парень жмется к углам ринга и к канатам. А с нокаутерами так боксировать нельзя, это дает им преимущество. Против таких бойцов, как Перес, надо вести бой активно и встречать его атаки прямыми контрударами на дальней дистанции, мешая ему действовать вблизи. Завтра мы все это и отработаем.

– Почему завтра, я готов сделать это уже сегодня, – вскинул голову Кравчик.

– Нет, парень, на сегодня бокса хватит, – улыбнулся Рио. – Да и Хоакину надо отдохнуть – он ведь у нас далеко не мальчик. Досмотрим поединок и на боковую. Теперь ты все оставшееся время до соревнований, должен много тренироваться и хорошо высыпаться. Иначе этот любимчик Пиночета отправит тебя в нокаут даже раньше, чем этого бедолагу в телевизоре. А наша с тобой задача проделать это с самим Пересом.

17 октября 1973 года, среда, Москва, Огарева, 6, МВД СССР и Старая площадь, ЦК КПСС

Николай Щелоков сидел за столом в своем министерском кабинете и в который раз читал короткое донесение агента из Армении, которое ему доставил полчаса назад помощник. Агент носил псевдоним Громкий и действительно сообщал информацию, которая могла наделать много шума. В сообщении, которое уместилось на половине печатного листа, значилось следующее: «Месяц назад у нас с директором Ереванской обувной фабрики Герегином Гюзаляном была договоренность о том, что он лично отправится в Москву, чтобы уладить проблему, возникшую с поставками «левой» обуви из Еревана. Значительная партия этой продукции оказалась бракованной и должна была быть возвращена поставщику. Однако в назначенное время Гюзалян в Москву не поехал, а на мой вопрос «почему?» ответил: «Мне надо сына спасать, а не обувь». На мой вопрос, что случилось с его сыном, Гюзалян ответил одной короткой фразой: «Дорисовался, гаденыш». Вскоре после этого я узнал, что его сын был отправлен из Армении в Узбекистан, в город Ташкент, где у Гюзаляна живет родной брат. В эти же дни из Еревана в неизвестном мне направлении был отправлен и близкий приятель

Гюзаляна-младшего – сын известного скульптора Ерванда Арамяна. Сопоставив эти факты с тем, что произошло в Ереване в последние дни, я пришел к выводу, что оба молодых человека могут иметь отношение к истории с осквернением памятника В. И. Ленину, который случился 11 октября с. г.»

Эта информация дорогого стоила. Если она была правдой, то позволяла Щелокову наступить на хвост его главному недоброжелателю и конкуренту – председателю КГБ Юрию Андропову. От людей, близких к Брежневу, Щелоков был в курсе недавнего заседания Политбюро, где обсуждали историю с осквернением памятнику Ленину в Ереване. На нем Андропов, заручившись поддержкой генсека, добился того, чтобы эта история была спущена на тормозах, объяснив это оперативными нуждами его ведомства. Тем самым в дураках остался главный идеолог Михаил Суслов, настаивавший на доведении расследования по этому преступлению до конца и наказании виновных. Это было первое серьезное столкновение Суслова с Андроповым после того, как последний в апреле этого года стал полноправным членом Политбюро. И это поражение главного идеолога ясно указывало на то, что влияние шефа КГБ на генсека значительно возросло за эти несколько месяцев. Но изменить эту ситуацию Суслов не мог. Он даже не имел возможности отомстить Андропову, поскольку все нити расследования по факту осквернения памятника Ленину шеф КГБ сосредоточил в своих руках и никого к этому не подпускал. Даже ведомство Щелокова не имело возможности вмешиваться в это расследование. И тут вдруг к шефу МВД попало донесение его агента Громкого из Еревана. Оно позволяло разыграть комбинацию, с помощью которой Щелоков мог убить сразу двух зайцев: наступить на хвост Андропову и улучшить свои отношения с Сусловым. Поэтому, тщательно взвесив все плюсы и минусы этой ситуации, Щелоков наконец решился. Он снял трубку с аппарата правительственной связи и набрал номер служебного кабинета Суслова на Старой площади.

– Михаил Андреевич, это Щелоков. У меня есть для вас важное сообщение, – сказал министр в трубку, когда услышал на другом конце провода знакомый голос главного идеолога.

Суслов, будучи осторожным человеком, не стал уточнять по телефону, что это за сообщение, и ответил так же коротко:

– Приезжайте, Николай Анисимович – я пробуду на работе еще около часа.

Учитывая, что от улицы Огарева до Старой площади было рукой подать, министр был у Суслова уже через пятнадцать минут. И первое, что он сделал – показал ему сообщение своего

агента из Еревана. Хозяин кабинета, водрузив на нос очки-велосипеды, прочитал его, после чего, взглянув из-под очков на министра, спросил:

– Этому человеку можно доверять?

– Он работает с нами уже шестой год и пока ни разу нас не подвел. Нам стоило большого труда внедрить его в среду армянских цеховиков, но теперь он пользуется среди них безоговорочным доверием.

– И как вы собираетесь воспользоваться этой информацией? – снимая очки, спросил Суслов.

– Я ею уже воспользовался – сообщил о ней вам.

– Сообщили, как я понял, не случайно – у вас явно уже созрел какой-то план. Излагайте, я слушаю.

– Можно добиться того, чтобы эти осквернители понесли заслуженное наказание, а Андропов получил окорот.

– Вы собираетесь их арестовать через голову Юрия Владимировича?

– Это было бы слишком топорно и опрометчиво с моей стороны, учитывая, что Андропов заручился поддержкой Леонида Ильича. Нам никто не даст арестовать этих молодых людей и предъявить им обвинение, поскольку на Политбюро, насколько я знаю, было принято иное решение.

Суслов не удивился последнему заявлению Щелокова, прекрасно зная, что у него есть вполне легальные возможности узнавать о том, что происходит на заседаниях Политбюро – через отдельных его членов, с которыми он дружил. И вообще в нынешней ситуации Суслов не собирался проводить межу между собой и министром, прекрасно понимая, что они плывут в одной лодке и враг у них один. Понимал это и Щелоков, который, глядя в глаза собеседнику, продолжал излагать свой план:

– Я предлагаю действовать более тонко. Надо вовлечь этих молодых людей в какую-то новую криминальную историю, которая подпадала бы под юрисдикцию моего ведомства, а не андроповского. Тем самым мы не нарушим решения Политбюро, но зато покажем многим, что влияние Андропова имеет свои пределы.

– А ребят вам не жалко – совсем ведь мальчишки? – задал Суслов вопрос, который и его самого волновал все эти дни.

– Согласно моим планам, мы не собираемся «закрывать» их надолго – срок у них будет минимальный. Нам ведь важнее показать нашим недоброжелателям, что у нас тоже имеются длинные руки и с этим надо считаться. К тому же, арест одного из этих парней – Гюзаляна-младшего – даст нам возможность провести оперативную игру с его отцом, который имеет выходы

на многих тамошних цеховиков. У нас в Армении слишком слабая агентурная база, чем, собственно, и пользуется Андропов.

– Разве тамошний министр внутренних дел не является вашим человеком?

– Дарбинян прежде всего человек Кочиняна и его команды. Я давно говорил Леониду Ильичу, что нам надо ставить в Армении своего человека во главе МВД. Армянина, но отсюда, из Москвы. Но наш Генеральный почему-то с этим медлит. Может быть, эта история с памятником Ленину подвигнет его на то, чтобы к моему мнению прислушались?

– Я постараюсь переговорить с Леонидом на эту тему, – пообещал Суслов, после чего вернулся к главной теме их разговора:

– Как вы собираетесь арестовать этих парней, если знаете только о месте пребывании одного из них?

– Значит, все идет к тому, чтобы заняться именно этим парнем. Тем более, что его арест выгоден нам, как с оперативной точки зрения, так и с политической – он не вызовет столь бурной реакции в Армении, как арест сына видного тамошнего скульптора. Повторюсь: мы люди не кровожадные, мы хотим только одного – чтобы восторжествовала справедливость и никому было бы неповадно поднимать руку на Ленина, даже в виде памятника. И вообще я согласен с вами, Михаил Андреевич, в части того, что отдельные республики ведут себя слишком независимо, а некоторые попросту нагло в отношении матушки России.

– Не боитесь, что вас могут обвинить в великодержавном шовинизме?

– Не боюсь, поскольку с некоторых пор понял, что этот страх может нанести вред не столько лично мне, сколько всему нашему обществу. Это, кстати, одна из причин наших непростых отношений с Андроповым.

– И моих тоже, – заметил Суслов, но углубляться в эту тему не стал и спросил:

– Как вы собираетесь прищучить этого отпрыска цеховика – у вас для этого в Узбекистане есть свои люди?

– Надеяться на тамошнего министра Яхъяева я бы не стал. Но в первых заместителях у него ходит Давыдов – человек, который мне кое-чем обязан. В 68-м, когда он был вторым секретарем Бухарского обкома, именно я направил его на службу в МВД, чтобы иметь там своего человека. Вот с его помощью я надеюсь решить эту проблему.

– А вы учитываете, что замом в тамошнем КГБ работает армянин – Мелкумов? – спросил Суслов.

– Естественно, и это несколько усложняет нашу операцию. Но, как говорится, на то и щука в реке, чтобы карась не дремал.

– Ну, что же, пожелаем нашему карасю не оказаться в пасти у щуки, – произнес хозяин кабинета и бросил взгляд на настенные часы.

Это означало, что время, отведенное для аудиенции, закончилось.

17 октября 1973 года, среда, Москва, Сад имени Баумана

Зольский присел на скамейку и в глаза ему сразу бросилось, написанное аршинными буквами на афише название нового фильма, закрывающего сезон в этом летнем кинотеатре: «Шах королеве бриллиантов». «Интересно, как это можно сделать шах королеве – это же прерогатива короля?» – удивился Зольский, который хорошо играл в шахматы.

– Что, удивляетесь названию фильма? – услышал он в следующее мгновение чей-то вопрос и повернул голову на голос.

Рядом с ним стоял тот, кого он, собственно, и дожидался – секретарь Бауманского райкома партии Филипп Одинцов.

– Не удивляйтесь, это условное название, – не спеша присаживаться на скамейку, продолжил свою речь секретарь. – Речь в фильме идет о непростой ситуации, в которую наши органы правопорядка поставили одну особу – главаря преступной шайки. Кстати, роман, по которому снят этот фильм, называется по-другому.

– Дальше можете не продолжать, а то неинтересно будет фильм смотреть, – предупредил собеседника Зольский.

– Любите детективы?

– Я их не только люблю, я в них участвую, – ответил Зольский и вновь взглянул на Одинцова.

Тот оценил это заявление и улыбнулся. Но ему и в голову не могло придти, что именно имел в виду его собеседник. Между тем их встреча контролировалась КГБ – под плащом у Зольского был спрятан портативный микрофон.

– Может, прогуляемся по саду, чем сидеть на скамейке? – предложил Одинцов.

Зольский не стал возражать и поднялся со своего места.

– Что-то вы ошиблись с последними результатами, Леонид Карпыч, – после того, как они вышли на аллею, произнес Одинцов. – «Арарат» потерял всего лишь очко и по-прежнему на первом месте.

– Зато я правильно сообщил вам результат кубковой игры –

буквально в последний момент.

– За это спасибо, но это разовый результат. А нам нужно знать, как будет выглядеть тройка призеров в первенстве страны – оно ведь уже вышло на финишную прямую. И еще – кто вылетит в первую лигу. Вы же в своем управлении наверняка уже знаете этот расклад.

– По моим последним данным, чемпионом станет не та команда, на которую поставило большинство.

– И что это за команда? – спросил Одинцов и остановился. – После последнего тура Ереван и Киев набрали по 33 очка, а динамовцы Москвы отстают от них на четыре позиции. Тем же дышат в спину сразу четыре команды, набравшие по 27 очков. Там что, возможны сюрпризы?

– А куда без них? – на ходу развел руками Зольский. – Там весьма интригующая ситуация складывается.

– Значит, вы пригласили меня сегодня на эту встречу, чтобы ее прояснить – я правильно вас понял?

– Не совсем, Филипп Михалыч. Я пригласил вас для того, чтобы вы свели меня – здесь Зольский сделал мхатовскую паузу, которая длилась несколько секунд – с Банкиром. У меня есть для него очень ценная и конфиденциальная информация.

– Но вы же знаете, что Банкир сам выбирает, с кем ему встречаться.

– Знаю, поэтому и прошу вас дать ему знать о моем предложении. Вы же имеете такую возможность, в отличие от меня?

Зольский знал, что его собеседник с Банкиром тоже не видится, но он имеет с ним канал связи, где оставляет не только деньги, но и разного рода важные сообщения.

– А что именно вы хотите сообщить Банкиру? – продолжал допытываться Одинцов. – Я же должен как-то объяснить ему вашу просьбу, заинтересовать его.

– Там целый спектр вопросов, касающихся всего первенства. Здесь и судьба золотых медалей, в распределение которых вмешались наши высшие власти, и судьба вылетающих команд.

– Под последними вы имеете в виду московское «Торпедо»? С ним что-то уже ясно?

– Я бы не хотел сейчас об этом говорить и вы должны меня в этом понять, Филипп Михалыч, – улыбнулся Зольский. – Давайте договоримся так. После моей встречи с Банкиром, мы встретимся с вами снова, – например, здесь же, в саду – и я вам расскажу все то, что поведал Банкиру. Чтобы вы тоже смогли откорректировать свои ставки. Мы же с вами друзья как-никак. Договорились?

К этому моменту они дошли до знаменитого Грота, где

работало кафе. Но в этот день оно было закрыто. Впрочем, даже если бы оно и работало, то времени в нем засиживаться у собеседников не было. Чуть дальше находился выход из сада, поэтому Зольский специально остановился в этом месте, чтобы именно здесь получить ответ и расстаться с Одинцовым. И тот это понял.

– Ну, хорошо, вы меня уговорили, – произнес, наконец, партсекретарь. – Я сообщу о вашем предложении Банкиру, а потом дам знать и вам. До свидания.

И они расстались, разойдясь в разные стороны: Одинцов направился к входу в парк, где его дожидалась машина, а Зольский пошел в обратную сторону, к выходу, где его тоже ждали – чекисты, поставившие свою «Волгу» у тротуара на Новой Басманной улице.

17 октября 1973 года, среда, Москва, ресторан Дома кино

Режиссер Эдмонд Кеосаян встал из-за стола, где он с друзьями отмечал московскую премьеру его нового фильма «Мужчины», и вышел на улицу, чтобы перекурить. Но не успел он поднести спичку к сигарете, как его кто-то тронул за плечо.

– Эдик, дорогой, сколько лет, сколько зим! – услышал режиссер до боли знакомый мужской голос.

Он повернул голову и увидел рядом с собой художника Вилена Шубина, с которым они девять лет назад снимали первый полнометражный фильм Кеосаяна «Где ты теперь, Максим?».

– Здравствуй, Вилен, – расплываясь в широкой улыбке, ответил Кеосаян, с не меньшей радостью, чем его бывший коллега по работе, пожимая протянутую ему руку.

– Какими судьбами в Москве? – спросил художник.

– Приехал на премьеру своего нового фильма.

– Это ты про «Мужчин» что ли?

– Про них самых, – кивнул головой Кеосаян.

– Эдик, дай я тебя обниму – ты такое прекрасное кино снял, – и художник, не дожидаясь разрешения, заключил режиссера в свои объятия. – А ведь были люди, которые утверждали, что ты, уйдя с «Мосфильма» и уехав в Армению, навсегда исчезнешь из поля зрения зрителей. А ты всем доказал, на что ты способен.

Речь шла об отъезде Кеосаяна из Москвы в начале 1972 года, когда на экраны страны вышел последний фильм его трилогии про «неуловимых мстителей» – «Корона Российской Империи». Этот фильм, в отличие от двух предыдущих, был неласково встречен большинством критиков, которые разнесли его в пух и

прах. Впрочем, Кеосаян и сам понимал, что третья лента о «неуловимых» получилась самой слабой. Но все равно, слышать за своей спиной язвительные реплики своих коллег о том, что он вышел в тираж, ему было неприятно. И когда он узнал, что его близкий друг, знаменитый футбольный тренер Никита Симонян согласился с предложением ереванского «Арарата» принять команду к руководству, он тоже решил уехать на свою историческую родину. И тут же снял новый фильм – комедию «Мужчины». Фильм, который от него мало кто ожидал. Это тоже было народное кино (как и фильмы про «неуловимых»), но только глубоко национальное. Когда он сдавал его в Госкино Армении, тамошнее руководство ему стоя аплодировало и во всеуслышание объявило, что на родину вернулся великий армянский режиссер.

– Тебе действительно понравилась моя последняя картина? – спросил режиссер у художника.

– Не то слово – это шедевр! Даже я, который никогда не сомневался в том, что ты можешь снимать большое кино, был потрясен «Мужчинами». Ты утер нос всем своим недоброжелателям.

– Спасибо тебе, Вилен, – и Кеосаян вновь пожал руку своему собеседнику. – Может, пройдешь со мной в ресторан – мы с друзьями как раз отмечаем премьеру фильма.

– Не могу, Эдик, тороплюсь, – развел руками художник. – Но пять минут у меня есть. Над чем сейчас работаешь?

– Над мелодрамой.

– Как называется?

– «Ущелье покинутых сказок».

– Какое красивое название. Это что, сказка?

– Нет, это современная история, камерная. Супруги одни живут в покинутом ущелье, как вдруг туда приезжают геологи. И один из них влюбляется в главную героиню.

– Дальше не продолжай, будет неинтересно смотреть, – прервал рассказ режиссера художник. – Буду с нетерпением ждать твоей новой работы. А кто у тебя играет главную женскую роль?

– Догадайся с одного раза, – лукаво улыбаясь, предложил Кеосаян.

– Неужели Лаура Геворкян – твоя жена?

– Молодец, угадал, – рассмеялся режиссер. – До этого никогда не снимал ее в главных ролях, но теперь вот созрел.

– Поздравляю Лауру. Как она, кстати?

– Спасибо, у нее все хорошо – работает, воспитывает детей.

– Эдик и Тигран, наверное, уже так выросли, что их не узнать?

– Чужие дети всегда быстро растут.

– Не шалопайничают?

– У армян это не принято.

– Это ты хорошо сказал. Кстати, хочешь, угадаю, кто будет играть в твоем новом фильме главную мужскую роль? – продолжал играть в угадайку Шубин. – Армен Джигарханян.

– Опять попал точно в десятку, – развел руками режиссер. – Это будет наша четвертая совместная картина. А вот третьего исполнителя я пока еще не нашел. У меня в фильме будет всего три главных героя.

– Какой же ты молодец, Эдик – от «неуловимых» перешел к народным комедиям и камерным мелодрамам. А кино про футбол ты снять не хочешь?

– А почему ты об этом спросил? – удивился режиссер.

– Ну, как же, все же знают, что ты страстный болельщик «Арарата».

– Нет, такое кино я пока не планирую, но зато при первой возможности езжу на матчи любимой команды.

– Мне кажется, в этом году вы должны к Кубку добавить еще и чемпионские медали.

– Сплюнь пока не поздно, а то сглазишь, – рассмеялся Кеосаян.

– Кстати, хорошо, что мы заговорили о футболе и о твоем «Арарате» в частности, – понизил голос Шубин и, взяв собеседника за локоть, отвел его в сторону – подальше от входа в Дом кино. – Ты ведь знаешь, что мой брат работает в союзном Спорткомитете. Так вот на днях он мне по секрету сообщил, что чемпионство твоего «Арарата» под вопросом.

– В каком смысле?

– В самом прямом – вас хотят притормозить.

– Кто хочет? – никак не мог понять смысла сказанных слов режиссер.

– Они не хотят – те, кто наверху. Ты ведь знаешь ту историю со спиной Ленина?

– О ней что, и здесь уже знают? – удивился Кеосаян.

– Ты забыл, Эдик, что земля слухами полнится. У нас ведь как: на Дальнем Востоке что-то произошло, а спустя час об этом уже вся страна знает.

– И при чем здесь «Арарат»?

– При том, что не хотят вам простить глумление над вождем – ему же на спине иштояновскую восьмерку нарисовали. Вот кто-то наверху и решил: хватит с вас одного Кубка, а золотые медали пусть другим достанутся – киевлянам, например.

– Это точная информация? – выбрасывая недокуренную сигарету в урну, спросил Кеосаян.

– Брат говорит, что слышал ее из самых надежных источников. Так что имейте в виду: последние матчи «Арарату» будет трудно выиграть. Ему ведь достаточно потерять пару очков и «золото» уплывет не в Ереван, а в Киев.

– Спасибо тебе, Вилен, за предупреждение. Не буду больше тебя задерживать – до свидания.

Друзья простились, после чего художник скрылся за углом Дома кино. А Кеосаян еще несколько минут стоял неподвижно на тротуаре и мучительно размышлял о последних словах своего приятеля и о том, как ему теперь следует ими распорядиться.

17 октября 1973 года, среда, Подмосковье, дача Юрия Андропова

Шеф КГБ любил гулять по аллеям своей подмосковной дачи даже в такую стылую осеннюю пору – холодный ветер сюда не проникал, а желтые листья, усыпавшие дорожку, мерно шелестели под ногами. Во время таких прогулок Андропову хорошо думалось – гораздо лучше, чем, когда он стоял у своего окна на Лубянке и наблюдал за суматошным движением машин и людей вокруг памятника Дзержинскому и дальше – вниз, мимо «Детского мира» к Малому театру. Но сегодня Андропов гулял по аллее не один, а в компании Марата Изюмова – начальника спортивной линии 5-го управления КГБ СССР. Они обсуждали тревожную ситуацию, которая складывалась вокруг повторного матча между сборными СССР и Чили.

– По сообщениям нашей резидентуры в Англии глава ФИФА Стенли Роуз активно формирует делегацию, которой в скором времени предстоит отправиться в Сантьяго для инспекции тамошнего стадиона на предмет проведения там второго матча, – сообщал Изюмов шефу КГБ информацию, полученную им вчера от коллег из внешней разведки, которых Андропов лично замкнул на него, чтобы они работали в тесном контакте по данной теме. – Помимо Валентина Гранаткина, в нее включены еще три человека из ФИФА – все они люди Роуза.

– Значит, их задачей будет найти стадион вполне пригодным для матча? – спросил Андропов.

– Мне кажется, это было понятно с самого начала, – подтвердил предположение шефа Изюмов. – А тут еще некоторое время назад Чили посетил помощник госсекретаря США по межамериканским делам Джек Рубич. Он имел встречу с Пиночетом и они, в числе других вопросов, обсуждали и футбольную тему – второй матч между нами и чилийцами.

– Это проверенная информация?

– Коллеги из внешней разведки раздобыли ее от наших кубинских товарищей. Так вот Рубич настоятельно советовал Пиночету принять делегацию ФИФА и привести в порядок стадион. До этого генерал и его окружение склонялись к мысли, что их сборная вполне может не участвовать в чемпионате мира, опасаясь скандала – у главарей хунты не было уверенности, что футболисты не разбегутся.

– Теперь у них такая уверенность появилась?

– Да, они нашли подходы к тренеру Луису Аламосу и футболистам через их семьи. Так что сборная Чили мотивирована на то, чтобы попасть на чемпионат.

– Как же не везет нам с этими чилийцами, которым опять подсуживают англичане! – вырвался у Андропова невольный выплеск, который Изюмову объяснять было не надо – он знал о чем идет речь.

В 1962 году на чемпионате мира в Чили сборная СССР впервые серьезно «напоролась» на чилийцев – хозяев турнира. А ведь судьба сборной Чили могла бы сложиться иначе и в полуфинал она могла бы и не выйти, если бы ей не подсуживали. А началось это все в групповом турнире, в матче Чили – Италия, который состоялся 2 июня. Это была самая скандальная игра на том турнире, вошедшая в анналы футбольной истории, как «Битва при Сантьяго». На всем ее протяжении постоянно происходили споры, стычки и даже драки. Игроки применяли тактику мелкого фола, постоянно провоцируя друг друга. При этом английский судья Кенни Астон (в 1966–1970 годах он возглавит судейский комитет ФИФА и придумает желтые и красные карточки) почти не реагировал на чилийцев, зато вволю посвистел итальянцам – удалил одного из их игроков. А когда чилиец Леонель Санчес ударом кулака сломал итальянскому игроку нос, судья этого даже не заметил, хотя должен был уравнять составы – удалить чилийца. Но этого не произошло, после чего итальянцы пропустили два мяча (на 73-й и 87-й минутах), и благодаря этой победе чилийцы сумели выйти из группы, а в полуфинале встретились со сборной СССР.

Эта игра не могла сложиться для нас легко, учитывая огромную мотивированность соперника, который играл в родных стенах. В итоге чрезмерное волнение охватило многих наших игроков, в том числе и вратаря Льва Яшина, который сыграл, наверное, самый злополучный матч в своей жизни, пропустив два мяча (оба были забиты с дальних позиций). Наши проиграли и выбыли из турнира. Так что чилийская тема в нашем футболе была кровоточащей.

Андропов и его собеседник дошли до конца аллеи и повернули обратно, продолжая на ходу вести свою беседу.

– Англичане и в этот раз не упустят возможности вставить нам палки в колеса, – заметил Изюмов. – Консервативное правительство Эдварда Хита первым признало военную хунту в Чили и даже собирается организовать встречу ее представителей с королевой.

– Иного от них трудно было ожидать, учитывая тот факт, что это правительство уже четырежды за годы своего правления объявляло в стране чрезвычайное положение, – отреагировал на это сообщение собеседника Андропов. – Того и гляди, они тоже приведут к власти хунту, благо в их «Закон о чрезвычайных полномочиях» были внесены поправки, позволяющие кабинету министров править посредством неизбираемого Тайного совета и Палаты лордов. Пример Пиночета служит им путеводной звездой. Но нас должно волновать не это, а другое: как нам следует лучше поступить в ситуации с чемпионатом мира по футболу – посылать на него нашу сборную или все-таки нет? Как вы думаете, Марат Игнатьевич?

– Я считаю, что надо посылать.

– Даже в Сантьяго?

– Наше требование о переносе игры не имеет под собой серьезных оснований. Оно бы было, если бы мы перенесли свой первый матч из Москвы на нейтральное поле. Ведь переворот в Чили на тот момент уже произошел и мы знали, что вторая игра должна была состояться именно там. А теперь получается, мы сыграли у себя дома, а в Сантьяго играть не хотим. Хотя стадион хунта, естественно, приведет в надлежащий порядок.

– Но там убивали людей.

– Для формалистов из ФИФА это не имеет никакого значения. Мы сами загнали себя в угол тем, что не продумали все свои шаги заранее.

– А вы можете гарантировать, что хунта и англичане не заманивают нас в ловушку? Что наши ребята, поехав в Сантьяго, не проиграют с треском команде, которая теперь олицетворяется с кровавой хунтой? – спросил Андропов у Изюмова, остановившись на полдороги. – Ведь наверняка нашей сборной будут созданы там такие условия, при которых она не сможет нормально подготовиться к игре. Представляете, какой это будет позор для нашей страны и как им воспользуется западная пропаганда?

– Гарантировать ничего нельзя, Юрий Владимирович, – глядя в глаза шефу, ответил Изюмов. – Но если бы мы нашли нужного тренера, который сумел бы настроить наших ребят на игру, мы бы

чилийцам не проиграли даже в Сантьяго под дулами автоматов.

– А Горянский вам, значит, не подходит? – вновь трогаясь с места, спросил Андропов.

– Вы же сами видели, как при нем играет наша сборная – шесть матчей подряд без побед. Вот и сегодня восточным немцам проиграли он. Общий счет 1:5 не в нашу пользу.

– Кстати, я сегодняшний матч не видел – что там не получилось? – поинтересовался Андропов.

– Все не получилось. Играли в четыре защитника – Дзодзуашвили, Ольшанский, Фоменко, Ловчев, три игрока были в средней линии – Мунтян, Долматов, Федотов и три в нападении – Онищенко, Еврюжихин и Блохин. Но даже имея на поле трех номинальных крайних нападающих, наши почти не пользовалась таким действенным оружием против хорошо организованной обороны как фланговые прорывы. Разве что Еврюжихин старался, да и тот большую часть времени провел вместе со всеми в центре атаки. В итоге самым опасным у нас был полузащитник Долматов, единственный игрок, который смело бил по воротам соперников. Восемь ударов нанес, но гола так и не забил. Не хватало нам сегодня Кожемякина – ох, как не хватало.

– А что с ним?

– Сломали его в Днепропетровске – вратарь на ногу упал. Теперь он надолго из строя вышел. А Горянский свою игру на киевлянах строит – сразу четверо их сегодня играло. Но толку от них, как видите, было мало. Но это и понятно, ведь за Горянским стоит Валерий Лобановский – креатура украинцев.

– В каком смысле? – Андропов вновь остановился.

– В прямом – он приезжает на тренировки нашей сборной и матчи, они закрываются с Горянским в тренерской и вместе строят тактические планы на игры.

Андропов какое-то время стоял молча, размышляя над смыслом услышанного. Затем, возобновляя движение, спросил:

– А кого вы видите на их месте – Бескова?

– Угадали. Он человек жесткий, принципиальный и не испугается отправиться в логово хунты. Глядя на него, и наши игроки тоже приободрятся.

– Вы так уверены – все-таки футболисты это вам не хоккеисты.

– Что вы имеете в виду, Юрий Владимирович?

– Песню помните «В хоккей играют настоящие мужчины»? Так вот, в футболе, вроде бы, тоже играют представители сильного пола, но многие из них ведут себя несколько иначе. Катаются по газону, имитируя тяжелые травмы, хотя там даже ушибов нет, апеллируют к судьям, как кисейные барышни.

– Не соглашусь с вами – в футболе очень много серьезных травм, – заметил Изюмов. – Возьмите хотя бы недавний случай с Анатолием Кожемякиным или еще более трагичную судьбу Эдуарда Дубинского.

Речь шла о защитнике ЦСКА, который получил серьезную травму на том самом злополучном для нас чемпионате мира в Чили. За 10 минут до конца игры против сборной Югославии один из югославов намеренно упал ему на ногу и сломал ее. А спустя семь лет Дубинский скончался в возрасте 34 лет от саркомы, которая развилась в следствии травмы, нанесенной ему в Чили.

– Значит, вы полагаете, что с Бесковым наша сборная может победить чилийцев? – спросил Андропов.

– Однозначно. Вы же помните, какую прекрасную сборную он подготовил к чемпионату Европы в 1964 году. И как она героически сражалась в финале против сборной франкистской Испании.

– На любой героизм есть свой антигероизм, – возразил Андропов. – Вы помните, кто судил тот матч? Англичанин Артур Холланд. И судил явно предвзято. На 12-й минуте Численко ворвался в штрафную испанцев, защитник сбивает его с ног, а этот Холланд не назначает пенальти. А что творил с нашим Понедельником Оливелья – бил его по ногам при полном попустительстве англичанина. В конце первого тайма Суарес грубо сбивает Иванова, а через секунду все тот же Оливелья повторяет тот же номер с Понедельником. И так весь матч. В итоге испанцы добились своего – наши стали их опасаться. Как итог – 2:1 в пользу сборной Испании и они стали чемпионами Европы. Вы думаете, в Сантьяго будет иначе? При главе ФИФА Роузе – тоже англичанине?

Изюмов не нашел, что ответить на этот справедливый монолог своего шефа.

– Нет, Марат Игнатьевич, ехать нашим в Сантьяго не надо – их там при любом раскладе заставят проиграть. Повторяю – это ловушка. А на нейтральное поле они вряд ли согласятся – ведь не враги же они сами себе? Поэтому мы будем стараться выжать из этой ситуации максимум выгоды для себя – подключим весь пропагандистский аппарат и будем клеймить хунту из всех рупоров. Жалко, конечно, наших ребят – на чемпионат они, видимо, не попадут. Но кто же знал, что в Чили произойдет такая катавасия?

В этот миг Андропов вновь остановился и, глядя в глаза собеседнику, сказал:

– А по поводу Бескова вы правы. Я тоже склоняюсь к тому,

чтобы именно он возглавил нашу сборную вместо Горянского. Даже с Леонидом Ильичом об этом говорил – он не против. Ведь впереди у нас чемпионат Европы – вот пусть команду к ней Бесков и готовит спустя девять лет после своего испанского триумфа.

18 октября 1973 года, четверг, Москва, Кропоткинская улица

Моченый вошел в подъезд дома, где жил Зольский, и, проигнорировав лифт, поднялся по лестнице на нужный этаж. Подойдя к двери спортивного чиновника, он прислушался. Моченый знал, что в это время в квартире никого нет, но, приученный к осторожности, решил перестраховаться. За дверью стояла мертвая тишина. Убедившись в этом, нежданный гость достал из кармана ключ, который он смастерил еще несколько месяцев назад, сняв слепок с настоящего ключа от квартиры Зольского – так сказать, на всякий случай. И теперь последний представился.

Войдя внутрь, Моченый не стал терять времени даром и сразу прошел в рабочий кабинет хозяина квартиры. Там он споро откинул угол роскошного туркменского ковра, лежавшего на полу, и стал костяшками пальцев постукивать по паркету. Наконец, он нашел то, что искал – место, где находился тайник. Достав из кармана перочинный нож, купленный им в хозяйственном магазине, он подцепил сначала одну дощечку в паркетине, затем вторую и третью. И вскоре перед ним открылось вместительное хранилище, где Зольский прятал значительную часть своих сбережений. Достав из тайника импортный полиэтиленовый пакет с фотографией японской красавицы, Моченый заглянул внутрь – там лежало не менее трех десятков пачек с деньгами. Это были те самые «башли», которые ранее принадлежали покойному Климу Пустовилу. Отложив пакет в сторону, Моченый снова принялся шарить рукой в тайнике. И извлек на свет пузырек, наполовину заполненный какой-то жидкостью. Моченый поболтал емкость на свету перед окном, пытаясь понять, что это такое. Он никак не мог взять в толк, зачем Зольскому понадобилось хранить в тайнике какую-то жидкость. Но это явно было неспроста, иначе пузырек лежал бы в более доступном месте. И тут гостя осенило: это же яд! Та самая отрава, с помощью которой Зольский пытался отправить на тот свет Моченого. И когда эта мысль пришла ему в голову, он внезапно понял, каким образом он распорядится найденным.

Моченый подошел к бару, который находился в стене справа

от письменного стола. Открыв его дверцу, он сразу увидел на полке, среди других бутылок с импортным спиртным, пузатую емкость с тем самым коньяком «Хенесси», который Зольский распечатал перед кубковым матчем и с помощью которого «траванул» своего собеседника. Достав бутылку, Моченый поставил ее на стол. Потом отвинтил сначала крышку у пузырька, а затем и у бутылки. И влиял яд в коньяк полностью, не жалея. После чего сходил с пузырьком на кухню и налил в него воду из-под крана ровно столько, сколько до этого в нем было яду. Вернувшись в кабинет, он закупорил обе емкости и расставил их по прежним местам: бутылку поставил на полку в баре, а пузырек отправил в тайник. Естественно, все отпечатки своих пальцев на этих емкостях он тщательно вытер носовым платком. После чего закрыл тайник паркетинами, накинув сверху ковер. И, прихватив пакет с деньгами, покинул квартиру.

* * *

Спустя два часа после Моченого в квартиру на Кропоткинской вернулся ее хозяин – Зольский. Он был в прекрасном настроении. Полчаса назад он встретился с партсекретарем Филиппом Одинцовым, который должен был связаться с Банкиром и передать ему просьбу Зольского о встрече. Чекисты, все это время сидевшие на «хвосте» у Одинцова, рассчитывали, что тот сам выведет их на Банкира, встретившись с ним где-то в Москве. Но этого не случилось в виду тщательной конспирации, которая была налажена в этой системе. Вместо встречи Одинцов дважды позвонил кому-то из городского таксофона-автомата – сначала на площади Революции, а затем на улице Горького. Видимо, звонил он одному и тому же абоненту, причем, как догадались чекисты, не Банкиру, а человеку, приближенному к нему. Этот человек передал просьбу Одинцова Банкиру, а затем озвучил ему слова последнего относительно встречи с Зольским. Она должна была состояться через два дня – 20 октября, на стадионе «Динамо», во время футбольного матча между столичными динамовцами и торпедовцами. Именно это сообщил Зольскому партсекретарь.

– Придите на матч и сидите в гостевой ложе – Банкир вас сам найдет, – сказал Одинцов во время их мимолетной встречи в скверике у метро «Бауманская».

После этого рандеву Зольский и отправился домой с чувством выполненного долга. Это сообщение гарантировало ему, что его взаимоотношения с КГБ могут выйти на новый уровень – гораздо

более доверительный. Ведь если он поможет чекистам разоблачить самого Банкира, то наказание для него будет избрано максимально мягкое.

Насвистывая мелодию песни «Разговор со счастьем» из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», который он в это воскресенье посмотрел в кинотеатре «Россия» в компании со своей любовницей Ларой, Зольский вошел в квартиру. И с ходу прошел в рабочий кабинет. Там он открыл бар, достал с полки рюмку и бутылку «Хенесси». Им было благополучно забыто обещание, данное Моченому неделю назад, что они «прикончат» эту бутылку вместе. Ведь Моченый уже на том свете, как сообщил Зольскому вор в законе Могол, за что получил пять «кусков». Так что допивать «Хенесси» Зольский мог со спокойной душой в одиночку. Поэтому он наполнил рюмку до краев и, взяв ее в руки, провозгласил короткий тост:

– За успех в твоих делах, Леонид Карпыч!

И залпом осушил рюмку. Затем поставил ее на стол и в этот миг его взгляд упал на ковер у него под ногами. Один из его углов, под которым находился тайник, был слегка приподнят.

– Что за черт! – выругался вслух Зольский, поскольку точно помнил, что утром, уходя из дома, он оставлял ковер в нормальном состоянии.

А кроме него в доме никого быть не могло – жена позавчера улетела на шесть дней в Болгарию на симпозиум врачей-токсикологов.

Откинув угол ковра, Зольский сразу обратил внимание на неровные края у паркета в том месте, где был тайник. Ногтем мизинца подцепив паркетины, хозяин квартиры открыл тайник и обмер – пакета с деньгами в нем не было. Сунув руку внутрь, Зольский стал лихорадочно шарить под полом, но обнаружил там лишь пузырек с ядом. Вернее, с обыкновенной водой из-под крана, но хозяин квартиры этого не знал. Впрочем, узнать об этом ему предстояло уже очень скоро.

В следующую секунду Зольский почувствовал, как горячая волна прилила к его груди, а сердце пронзила такая боль, что в глазах у него потемнело. Ему стало трудно дышать и он рывком распахнул ворот рубахи, да так сильно, что верхние пуговицы полетели на пол. Схватившись рукой за грудь, Зольский стал ожесточенно тереть ее в надежде, что это поможет унять боль. Но она только усиливалась, а удушье все сильнее сжимало горло. И тогда взгляд чиновника упал на пузырек. Взяв его в руки, он открутил крышку и поднес горлышко к носу. И мозг его пронзила ужасная догадка – это был не яд. И тут Зольский все понял. Он догадался, кто пошуровал в его тайнике – забрал деньги и

подменил отраву.

– Моче-е-е-ный, су-у-у-ка-а-а-а! – закричал Зольский и в следующий миг опрокинулся спиной на ковер, забившись в предсмертных конвульсиях.

18 октября 1973 года, четверг, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Когда Андропов услышал от своей секретарши, что к нему на прием рвется Марат Изюмов, шеф КГБ сразу понял, что случилось что-то непредвиденное – Изюмова он к себе не вызывал. Поэтому, прервав разговор по телефону со своим секретарем Владимиром Крючковым, Андропов попросил впустить к нему Изюмова. И тот практически с порога огорошил его сообщением:

– Юрий Владимирович, Зольский умер!

– Как умер, от чего? – приподнялся в своем кресле Андропов.

Он был искренне удивлен этим сообщением, поскольку знал, что Зольскому было чуть больше пятидесяти лет и внешне он олицетворял собой вполне здорового человека.

– Отравился ядом, – ответил Изюмов, проходя к столу. – Вернее, мы сначала думали, что он отравился, а затем поняли, что его отравили. Яд был в коньяке.

– И кто же этот таинственный убийца?

– Судя по всему, это Корней Капустин, который на днях сбежал из больницы. Соседка Зольского рассмотрела его в глазок, как тот выходил из квартиры покойного. Но поскольку до этого она уже неоднократно видела его там, то не придала этому значения. А мы придали.

– Получается, это банальная месть? – предположил Андропов. – Что же вы так плохо охраняли Зольского?

– Виноваты, Юрий Владимирович, – развел руками Изюмов. – Но кто же думал, что этот ухарь до сих пор в Москве, и что осмелится достать Зольского у него же дома? Мы усилили охрану возле самого Зольского, но квартиру под наблюдение не брали. Но эта месть облегчает нам задачу – вряд ли об этой смерти быстро узнают подельники покойного.

– Что вы хотите этим сказать, Марат Игнатьевич?

– Мы уже несколько дней следим за ячейкой в камере хранения на Курском вокзале, куда Филипп Одинцов положил портфель-дипломат. Как мы подозреваем, там находятся деньги от подпольного тотализатора, предназначенные для Банкира. Но за деньгами пока никто не явился. А тут послезавтра у Зольского назначена встреча с Банкиром на стадионе «Динамо». Мы узнали

об этом буквально за пару часов до смерти Зольского.

– Вот ведь незадача какая! – и Андропов стукнул ладонью по столу.

– Но эту незадачу можно попробовать решить.

– Каким образом – реанимировать труп Зольского?

– Не совсем, Юрий Владимирович. Я пока с Кропоткинской к вам ехал, случайно увидел афишу нового фильма Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». Вы его посмотреть еще не успели?

– Откуда – работы невпроворот, – развел руками Андропов. – Но я пьесу Булгакова читал: там, кажется, царь попадает из средневековой Москвы в современную. Но почему вы об этом вспомнили?

– Мне в голову одна идея пришла. А что если и нам подменить Зольского? У Булгакова в пьесе двойник царя подменяет, а мы подменим Леонида Карпыча. Нам ведь надо, чтобы он на «Динамо» на футбольном матче объявился, чтобы Банкир с ним ветретился. И ситуация за нас играет: до матча осталось всего-то ничего – два дня – и мы можем сохранить в тайне смерть Зольского. Его жена сейчас в Болгарии на врачебном симпозиуме, а с работой Зольского мы тоже кое-что придумаем – выпросим для него отгул.

Услышав эту идею, Андропов на какое-то время погрузился в раздумья. Наконец, он вновь посмотрел на собеседника своим характерным взглядом из-под очков:

– Идея неплохая, но уж больно рискованная. Вряд ли даже опытному гримеру удастся создать хороший подлинник. Да и времени мало – найдем ли двойника?

– А чем мы рискуем? – удивился Изюмов. – Нам не разоблачения двойника надо опасаться, а того, что Зольского не будет на стадионе. А так хоть есть шанс выманить Банкира. А что касается работы гримера, то на нашей стороне фактор времени – поздняя осень на дворе. Значит, лже-Зольского можно обрядить в кепку, поднять ему воротник плаща повыше – короче, сделать так, чтобы издали он был похож на оригинал, а разоблачить его можно будет только при тщательном осмотре. Но до того как Банкир придет к этому, у нас будет шанс пощупать его за вымя.

Услышав последние слова, Андропов не смог сдержать улыбку. После чего махнул рукой:

– Хорошо, щупайте, Марат Игнатьевич. Найдите двойника и выпускайте его на «Динамо».

19 октября 1973 года, пятница, Чили, Сантьяго, стадион «Насьональ» и «Арена бокса»

Представитель Советского Союза в ФИФА Валентин Гранаткин вышагивал по беговой дорожке стадиона в Сантьяго в компании представительной делегации. В нее входил глава ФИФА Стэнли Роуз, трое его заместителей, а также глава Чилийского футбольного союза Орландо Рамос. Целью этого посещения было знакомство со стадионом на предмет проведения на нем через месяц второго отборочного матча будущего чемпионата мира между сборными Советского Союза и Чили.

– Как видите, сеньор Гранаткин, никакого концлагеря на нашем стадионе нет и не было никогда, – расплываясь в широкой улыбке вещал Рамос.

– А где в таком случае убили вашего певца Виктора Хару? – сохраняя на лице серьезное выражение, спросил Гранаткин.

– Хара погиб совершенно в другом месте и абсолютно случайно – это роковое стечение обстоятельств, – продолжал гнуть свою линию чилиец. – Он случайная жертва событий и сентября, когда не только в Сантьяго, но и во всей нашей стране царил хаос и неразбериха.

– А как же быть со снимками в западной прессе, где на вашем стадионе запечатлены тысячи заключенных? – не унимался Гранаткин.

– И это легко объяснить. Эти снимки датированы и сентября, когда многие люди, застигнутые врасплох стрельбой на улицах Сантьяго, ринулись за спасением сюда, на стадион. Как только ситуация стабилизировалась, все они вернулись по домам.

– Все, кроме Виктора Хары, – снова вспомнил о печальной судьбе певца Гранаткин. – Его убили в одном из здешних подтрибунных помещений и это установленный факт. Именно поэтому вы сейчас и не допускаете нас в эти помещения – там наверняка еще остались следы этих преступлений. А, может, там до сих пор сидят взаперти пленные люди?

– Я не понимаю, чего добивается сеньор Гранаткин? – развел руками Рамос и посмотрел на Роуза. – Наш стадион совершенно пригоден для проведения спортивных состязаний, в том числе и футбольных матчей. Подтрибунные помещения сейчас приводят в порядок и к концу ноября, ко дню матча, там все будет готово. Поэтому вы должны дать четкий ответ: будете вы здесь встречаться с нашей сборной или нет?

– Мы настаиваем на том, чтобы провести игру на нейтральном поле, – сообщил Гранаткин.

– Но это несправедливо, – возмутился Рамос. – Первый матч мы сыграли с вами на вашем стадионе. Почему повторную игру мы должны проводить где-то вдали отсюда? Впрочем, мы согласны поменять этот стадион на любой другой. Хотите,

проведем игру на арене «Санта Лаура» здесь же, в Сантьяго, или на «Плая Анча» в Вальпараисо. Вы согласны?

– А что, это неплохая идея, – вступил в этот спор Стэнли Роуз.

– Я имел в виду нейтральное поле за пределами Чили, – объяснил свою позицию Гранаткин.

– Час от часу не легче – чем вам не угодила моя страна? – всплеснул руками Рамос.

– Здесь произошел антигосударственный переворот, тысячи людей погибли, столько же находятся в тюрьмах, – обводя взглядом всех собравшихся, произнес Гранаткин. – Поэтому мы не можем рисковать жизнями наших футболистов, которые вынуждены будут играть в столь враждебной обстановке.

– Мы, конечно, не приукрашиваем нашу действительность, но и очернять ее не позволим, – не скрывая своего возмущения, обратился к членам комиссии Рамос. – Обстановка в Чили, действительно, тревожная, поскольку антиобщественные элементы не оставляют попыток возродить в стране хаос. Но новая власть делает все от нее зависящее, чтобы люди чувствовали себя нормально. Например, вчера в Сантьяго, на «Арене бокса» открылся боксерский турнир с участием ведущих боксеров-любителей, которые дерутся по правилам профессионального бокса. Вся страна следит по телевидению за этими поединками. Все билеты на эти бои распроданы, что говорит об огромном интересе к этому турниру. А вы говорите, враждебная обстановка. Чтобы вы убедились в том, что я вам не вру, приглашаю членов комиссии на этот турнир. Что вы на это скажете?

– Мы согласны, – практически без раздумий ответил Роуз. – Бокс не менее интересный вид спорта, чем футбол, поэтому будет любопытно за этим понаблюдать. А заодно и обсудить наши футбольные проблемы. Ну что, мистер Гранаткин, вы согласны?

Советский представитель ничего не ответил, но по его лицу было видно, что он готов согласиться с тем решением, которое примут члены комиссии.

* * *

Когда Гранаткин очутился внутри ревущей и клокочущей от восторга «Арены бокса», он тут же забыл обо всех перипетиях своего недавнего спора с Орландо Рамосом. Стихия боксерского поединка захватила его целиком и полностью, тем более, что на ринге боксировали два бойца, достойные друг друга.

– Видите, того боксера, который стоит к нам сейчас лицом? –

спросил Гранаткина Рамос. – Это ваш земляк.

– Русский? – удивился Гранаткин.

– Почти – он поляк. Это Анджей Кравчик, который вчера уже победил одного нашего боксера – Эрика Рохаса, отправив его в нокаут в третьем раунде. Теперь он боксирует против Педро Скарметы и, судя по всему, победит и его.

– И что тогда? – поинтересовался Гранаткин.

– Тогда он выйдет в финал, где будет встречаться с самим Элоем Пересом – любимцем нашего каудильо Аугусто Пиночета. Вся страна с нетерпением ждет этого поединка, – и в доказательство этого Рамос показал большущую статью в газете «Эль Меркурио», посвященную этому интригующему поединку.

– А чем вызван столь большой интерес именно к этому бою? – спросил Гранаткин.

– Поляк против чилийца – такого у нас еще не было. Кстати, все чилийцы с нетерпением ждут и футбольного матча между нами и вами, русскими. Вы не должны отказываться сюда приезжать – здесь вас ждет хороший прием.

Гранаткин не стал возобновлять недавний спор, чтобы не портить себе настроение. А бой тем временем был в самом разгаре. Кравчик был более активен, чем его оппонент. Чилиец постоянно прижимался к канатам и раз за разом пропускал сильные удары, как в голову, так и в корпус. Так продолжалось три раунда, после чего Скармета, выполняя наказ своего тренера, стал отходить от канатов, пытаясь перехватить инициативу. Но Кравчик не давал ему этого делать, нанося большое количество точных джебов. Чилиец снова стал пятиться к канатам, где занял глухую оборону. Так прошло еще три раунда. Во время одного из них Кравчик все-таки достал чилийца точным хуком справа, отправив его в нокаут. Но гонг, прозвучавший во время судейского отсчета на цифре восемь, спас Скармету от поражения. Однако победить ему было не суждено – это понимали практически все. И когда в пятом раунде Кравчик буквально загнал чилийца в угол ринга и стал колошматить его обеими руками, тренер Скарметы выбросил на ринг белое полотенце. Он просто испугался за здоровье своего подопечного. И зал взорвался бурными аплодисментами. Несмотря на то, что победил вовсе не чилиец, а поляк, люди, пришедшие в зал, по достоинству оценили красоту того боя, которую показал Кравчик. И главное – большинство чилийцев очень хотели, чтобы именно поляк сразился в финале с любимцем Пиночета. И чтобы славянин обязательно победил этого выскочку Переса, олицетворявшего собой ненавистную многим чилийцам хунту. Это настроение уловил и Гранаткин, который внезапно попросил Рамоса

познакомить его с Кравчиком.

– С удовольствием, – ответил чилиец и провел советского представителя за кулисы боксерского ринга – в раздевалку.

Поляк сидел в кресле и пил минеральную воду из бутылки, когда в помещение вошел его тренер Гильермо Риос, а с ним двое незнакомых мужчин. Рядом с боксером сидела его невеста – симпатичная белокурая девушка по имени Агнешка. Только что она сообщила своему возлюбленному сногсшибательную новость о своей беременности, которая стала дополнительным поводом к тому, чтобы победитель турнира был на седьмом небе от счастья.

– Анджей, познакомься, пожалуйста, с сеньором Гранаткиным из России, – представил тренер одного из гостей – статного мужчину в синем костюме.

Боксер поднялся с кресла и протянул гостю руку.

– Спасибо тебе за прекрасный бой, – сказал гость по-русски, но Кравчик его понял. – И еще за то, что не боишься выйти в финал и сразиться с любимчиком Пиночета. Надеюсь, ты покажешь ему, что такое славянская сила.

Глядя в глаза этому русскому и улыбаясь в ответ на его слова, Кравчик думал, что все складывается более чем удачно. Этот представительный русский наверняка расскажет у себя на родине про эту встречу, а это только добавит боксеру шансов в нужный момент подобраться поближе к Брежневу. «Даже такой стратег, как Райнери, не смог бы предугадать такую удачу, которая свалилась на меня после посещения этого русского», – думал Кравчик, продолжая с улыбкой на устах выслушивать похвалы от советского гостя.

Таким же счастливым было и лицо его невесты, которую переполняла гордость за жениха. Но девушка не знала главного – что вся эта затея с турниром и победой на нем нужна была Анджею не только для того, чтобы доказать свою боксерскую состоятельность, но и для другой цели, о существовании которой знали лишь посвященные. Девушка в их число не входила.

20 октября 1973 года, суббота, Львов, стадион «Дружба», матч «Карпаты» – «Динамо» (Киев)

– Что, черт возьми, происходит, Валентин Борисович? – зашептал на ухо тренеру львовских «Карпат» Валентину Бубукину второй секретарь львовского обкома Анатолий Падолко, который примчался с трибуны стадиона, где он сидел, к тренерской скамейке.

– Ничего особенного – пока ничья, – ответил тренер.

– Я и сам вижу, что ничья. Но на табло по нулям, а времени играть осталось всего лишь четыре минуты – что это такое? Мы же с вами вчера договорились.

– Ни о чем мы не договаривались, Анатолий Захарович, – и тренер посмотрел в глаза секретарю. – Договаривались вы с игроками, а я, как вы помните, от этой чести отказался. А игроки вон они – играют на поле. И что они там надумали сделать после ваших уговоров мне неведомо.

И тренер снова перевел взгляд на поле, где его «Карпаты» играли в ничью 0:0 с киевским «Динамо». В ничью, которая была крайне невыгодна киевлянам.

Ретроспекция. 19 октября 1973 года, пятница, Львов, база «Карпат»

В разгар тренировки на базу приехал Падолко и попросил старшего тренера команды Валентина Бубукина отойти с ним в сторонку для приватного разговора. Оставив игроков на попечение тренера Анатолия Полосина, Бубукин отошел с секретарем на значительное расстояние от поля.

– Анатолий Борисович, мне только что звонили из Киева, и просили в завтрашней игре уступить киевлянам, – сообщил Падолко. – Вы же знаете, что они идут на «золото», поэтому каждое очко для них, извините за тавтологию, на вес золота.

– То есть, им нужна победа? – спросил Бубукин.

– Исключительно! «Арарат» завтра играет дома с минчанами и там, судя по всему, победа будет за хозяевами. Поэтому киевлянам нельзя терять ни одного очка.

– А нам, значит, терять очки можно – мы же в зоне вылета?

– Ерунда все это, – наклонился к тренеру второй секретарь. – Скажу вам по секрету: наверху уже принято решение «Карпаты» в высшей лиге сохранить.

– Но как же быть с морально-нравственной стороной? – продолжал удивляться Бубукин. – Я чуть ли не постоянно твержу ребятам о том, что футбол – это игра для честных людей, а тут такое?

– Перестаньте говорить лозунгами – мы не на собрании, – отмахнулся от слов тренера Падолко. – Если вы не можете этого сделать, то это сделаю я. От вас требуется только одно – не мешать мне и не играть в принципиальность. Вы согласны?

– Хорошо, говорите с ребятами сами.

Спустя полчаса, когда тренировка закончилась, Падолко уединился с командой в ленинской комнате и объяснил им

сложившуюся ситуацию. Бубукин на это собрание не пошел, однако, когда оно закончилось, его нашли несколько игроков команды: Лихачев, Броварский и Поточняк.

– Валентин Борисович, мы решили киевлянам завтра подсобить, но только одним очком, – заявил Поточняк.

– Как одним – Падолко же приехал за двумя? – удивился Бубукин.

– А мы им прошлогоднюю историю припомним, – сообщил Лихачев. – Вас тогда в команде еще не было, мы с Полосиным играли.

Речь шла о матче первого круга от 22 апреля 1972 года. Чемпионат только начался, но киевляне уже заранее начали стелить себе соломку – хотели гарантированно иметь у себя лишние очки от своих же украинских команд. Поэтому когда в четвертом туре их соперниками были львовяне, динамовское начальство обратилось к «карпатскому»: мол, отдайте нам два очка. Но команда встала на дыбы: мол, если мы выиграем, нам за победу положено каждому по одной тысяче рублей. Тогда киевляне пообещали: не бойтесь, мы вам тоже по тысяче заплатим. В итоге «Карпаты» проиграли в «упорной» борьбе 0:1, причем единственный гол забил Олег Блохин (вернее, ему дали его забить, чтобы набрал очки в споре бомбардиров; он им потом и станет, забив 14 голов в 27 играх). Но далее случилась весьма некрасивая история. Положив себе в карман два очка, киевское начальство объявило игрокам «Карпат»: извините, но по тысяче рублей вам жирно будет – получите по семьсот. Вот эту обиду и собирались теперь припомнить динамовцам игроки «Карпат».

– Но Падолко об этом знает? – поинтересовался Бубукин у игроков.

– Нет, конечно, – ответил Броварский. – Если узнает, то шум поднимет, а нам он ни к чему. Вы уж тоже тогда молчите, Валентин Борисович – лады?

Бубукин кивнул головой в знак согласия – идти против команды ему было по-человечески неудобно. Они ведь сами ему обо всем рассказали.

20 октября 1973 года, суббота, Львов, стадион «Дружба», матч «Карпаты» – «Динамо» (Киев)

И вот теперь Падолко, увидев, что творится на зеленом газоне, прибежал за разъяснениями к тренеру. Но Бубукин счел за лучшее ни о чем ему не сообщать. Да и поздно было уже что-то предпринимать – до конца игры оставались считанные минуты.

Киевляне, которые до конца надеялись на то, что хозяева им поддадутся и в концовке матча дадут забить хотя бы один гол, слишком поздно поняли, что этого не будет, и бросились в атаку. Но львовяне отбили ее и сохранили свои ворота в неприкосновенности.

Наконец, когда прозвучал судейский свисток, возвестивший о том, что основное время игры закончилось со счетом 0:0, были назначены штрафные удары – пенальти. И вот здесь был разыгран настоящий спектакль. Сначала к мячу подошел капитан киевлян Колотов. Удар – по. Но львовянин Крупей восстановил равновесие – 1:1. Тогда Мунтян снова вывел динамовцев вперед. Однако Хижак опять свел дело к ничьей – 2:2.

– Вы чего творите? – спросил у Броварского Колотов. – Промазать трудно?

– Рано еще нам мазать, – ответил львовянин.

Следующим ударом Фоменко снова вывел «Динамо» вперед – 3:2. Но Покора счет сравнял – 3:3. Матвиенко и Чорба тоже забили по голу. Таким образом осталось еще два удара. Счет – 4:4. Первым к мячу подошел динамовец Веремеев. Долго устанавливал мяч на отметке, затем точно пробил – 5:4. Следом к мячу подошел львовянин Савка. Тоже долго устанавливал мяч, а для разбега отошел метров на пять. Стадион замер. Савка разбежался, ударил по мячу и тот… свечой взвился в воздух и пролетел метрах в трех над воротами. Так киевляне все-таки выиграли, но заработали не два нужных им очка, а всего лишь одно. А если бы полтора года назад их начальство не пожадничало и заплатило львовянам обещанные деньги, то сегодня все сложилось бы совершенно иначе. Но поезд, как говорится, уже ушел. «Арарат», выиграв в тот же день у себя дома у минского «Динамо», оторвался от киевлян на то самое, потерянное во Львове, очко – 35 против 34.

20 октября 1973 года, суббота, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Торпедо» (Москва)

– Как думаешь, Константин, может быть сегодня сговор или нет? – спросил у Бескова его приятель Ярослав Слащев, усаживаясь рядом с ним на лавку стадиона.

– Шутишь? – искренне удивился Бесков. – За динамовцами по пятам идут сразу четыре команды, которые имеют реальные шансы взять вместо них «бронзу».

– Но торпедовцам грозит вылет – неужели москвичи не помогут москвичам? – продолжал вопрошать Слащев.

– При другом раскладе, может быть, и помогли бы, но только не сегодня. А торпедовцы сами виноваты в своих бедах. Девять поражений подряд – это же надо умудриться?

– Да, лет пять назад «Торпедо» называли очень перспективной командой, да и по возрасту они были чуть ли не самыми молодыми в высшей лиге, – вздохнул Слащев. – А теперь из того состава остались лишь трое: Дегтярев, Смирнов да Никонов. Вот и проводит команда свой худший сезон в истории.

– Виктора Шустикова они зря отпустили в тренеры – мог бы еще поиграть, – посетовал Бесков. – После его ухода центральное место в обороне оголилось и голы торпедовцам стали забивать с таких позиций, на которые классная команда не должна допускать соперников. Думаю, и сегодня мы это увидим.

– А я подозреваю, что динамовцам придется несладко – они уже который матч подряд не могут выиграть здесь, на своем стадионе, в основное время. А торпедовцам терять нечего – они, как раненый зверь, будут огрызаться. Короче, интересный футбол сегодня может получиться.

Бесков не стал спорить с этим выводом, поскольку думал точно так же, иначе вряд ли бы пришел сегодня на стадион. Хотя погода сегодня не жаловала – было всего лишь два градуса тепла. Поэтому трибуны «Динамо» были заполнены более чем на четверть – всего стадион вмещал 54 тысячи зрителей.

– Надо же, кто соизволил сегодня пожаловать, – вырвалось внезапно у Бескова.

Поймав вопросительный взгляд своего приятеля, тренер указал рукой чуть правее. Там к своему месту в ложе гостей пробирался человек в кепке и с поднятым у плаща воротником. Лицо его было сосредоточенным, взгляд каким-то застывшим.

– Это заместитель начальника управления футбола Леонид Зольский, – представил Бесков незнакомца своему приятелю. – Странно, обычно он на такие матчи не приходит.

– Ну, почему же – играют две московские команды, причем одна из них в зоне вылета. Вот наше футбольное начальство и соизволило придти, – высказал свое предположение Слащев.

– Прийти-то пришел, но смурной какой-то, прямо на себя не похож. Леонид Карпыч! – крикнул Бесков чиновнику и помахал ему рукой.

В роли Зольского выступал сотрудник КГБ Яков Ильин, тщательно загримированный опытным гримером на Лубянке за несколько часов до матча. Вместе с ним на стадион приехала и целая группа чекистов, которая под видом болельщиков рассредоточилась поблизости от «Зольского» на трибунах. Они должны были зафиксировать момент встречи своего подопечного

с главой московского тотализатора Банкиром, который находился на этом же стадионе. Для этого у двух чекистов были с собой портативные видеокамеры, с помощью которых они собирались запечатлеть каждого, кто начал бы крутиться поблизости от «Зольского».

20 октября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, «Арена бокса»

Когда в зале «Арены бокса» появился глава Правительственной хунты Аугусто Пиночет со своей свитой, раздался оглушительный свист. Отправляясь сюда, каудильо предполагал, что большая часть зрителей встретит его отнюдь не овациями. Но свист был настолько оглушительным, что Пиночета это покоробило – он вдруг ясно осознал, что ни лично его, ни его власть большинство чилийцев не уважают и, видимо, не сильно боятся. Понял это и по достоинству оценил и Валентин Гранаткин, который просто не мог пропустить этот поединок, плененный вчера личностью одного из ее участников.

Тем временем на ринге уже находились главные участники предстоящего поединка. Два финалиста турнира – Элой Перес и Анджей Кравчик. У каждого за плечами было по две победы, причем у Переса обе были нокаутом, а у Кравчика всего одна и одна победа за явным преимуществом. И это придавало их поединку дополнительную остроту.

Молина и Райнери за ходом всего турнира наблюдали по телевизору, восхищаясь успехами своего подопечного – Кравчика. Все шло согласно тому плану, который они наметили, хотя у Молина были некие сомнения на этот счет. Их он и озвучил, когда они уселись перед телевизором, чтобы увидеть финал турнира.

– Ты предупредил поляка, что сегодня он должен обязательно проиграть? – спросил Молина, потягивая из банки пиво.

– Я сделал это около пяти раз, – ответил Райнери, дымя сигарой. – Он обещал сделать все, как я ему сказал.

– На каком раунде он должен сломаться?

– На восьмом или девятом – он сам выберет.

– А его тренер об этом знает?

– Естественно, Риос тоже в курсе.

Едва прозвучал гонг, как Перес бросился в атаку, пытаясь уже на первых минутах подавить своего противника. Собственно, то же самое он делал и в двух предыдущих поединках, поэтому победы одерживал уже в начале – в первом бою это случилось в третьем раунде, во втором – в четвертом. Кравчик об этом знал,

поскольку внимательно следил за теми боями из зала и делал соответствующие выводы. Поэтому он сдержал первый натиск противника – сначала умело закрывая лицо и корпус, а затем, когда частота ударов усилилась, стал быстро перемещаться по рингу, не давая сопернику возможности загнать его в угол. При этом Кравчик все время держал в голове предупреждение Риоса: «Запомни, сынок: левша чаще всего проводит прямой левой или снизу в голову или в туловище». И Кравчик не давал противнику этого шанса. Так закончился первый раунд.

– А ты, оказывается, трусоват, – проходя мимо поляка, процедил сквозь зубы Перес. – Но долго ты, как заяц, не пробегаешь – я тебе это обещаю.

– Ты все делал правильно, – обмахивая своего подопечного полотенцем, похвалил Кравчика Риос. – Ты убедил Переса в том, что боишься его. А теперь возьми и ошеломи его.

И во втором раунде Кравчик изменил тактику. Как только после гонга Перес снова бросился в атаку, поляк начал движение в левую сторону, чтобы «закрутить» противника и лишить его преимущества атаки левой рукой. При этом сам Кравчик стал наносить удары левой рукой через вытянутую правую руку соперника, как учил его Риос на тренировках. Тем самым он сковал сильную руку чилийца. Тогда тот стал наносить удары правой рукой. Но поляк ожидал и этого. Он стал отбивать удары, выводя Переса из равновесия и ожидая момента, чтобы начать контратаку правой рукой. И когда в защите противника замаячила брешь, он собрался было нанести ему молниеносный хук. Но в этот момент гонг возвестил об окончании раунда.

– Этот поляк не так труслив, как кажется, – оповестил Переса его тренер – Нельсон Агеро. – Он заманивает тебя в ловушку, а сам готовит тебе мощный хук справа. Будь внимателен и не дай застать себя врасплох.

20 октября 1973 года, суббота, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Торпедо» (Москва)

Игра началась с яростных атак хозяев поля, динамовцев, которые почти всей командой пошли вперед. Однако торпедовцы быстро отбили эту атаку и тут же устроили свою – с выходом Дегтерева и Смирнова против двух защитников «Динамо». Прострелив мяч между защитниками, Дегтерев вывел в прорыв своего партнера и тот, видя, что навстречу ему бежит вратарь динамовцев Пильгуй, ударил по мячу. Тот взмыл вверх, пролетел над вытянутыми руками вратаря и угодил… в перекладину. Вздох

облегчения вырвался из уст динамовских болельщиков, которые явно не ожидали от команды, которая проиграла девять матчей подряд, такой прыти уже в первые минуты игры. Впрочем, уже в следующую минуту, когда динамовцы вновь пошли в атаку, многие их поклонники расценили этот опасный выпад торпедовцев, как досадную случайность. Но это был неверный вывод.

Отняв мяч у динамовского нападающего Маховикова, торпедовец Пахомов тут же отдал точный пас Юрину. А тот, в свою очередь, навесной передачей перебросил мяч на другую сторону поля – Назарову. Приняв мяч, торпедовец прошел по флангу и выдал точный пас Соловьеву, который на всех парах мчался к штрафной. В итоге ворвался он туда уже с мячом и собрался было нанести удар по воротам, как тут перед ним возник Еврюжихин и с помощью подката хотел выбить мяч в сторону. Но подкат получился «грязным» – нога динамовца сначала коснулась ноги торпедовца, а уже потом мяча. Соловьев упал на газон и судья тут же указал рукой на одиннадцатиметровую отметку. Пробивать удар вышел капитан автозаводцев Никонов – лучший пенальтист команды. Не сплоховал он и на этот раз – легко обманул Пильгуя и забил первый гол.

– Хорошенькое начало, – не скрывая своего разочарования, произнес Слащев.

– Ничего, на табло всего лишь девятая минута игры, – успокоил его Бесков. – Помнится, в позапрошлом туре торпедовцы точно также открыли счет в Тбилиси, а в итоге проиграли 2:4. Хотя надо отдать им должное – по первым минутам они производят лучшее впечатление, чем родные нам динамовцы.

– Будем надеяться, что это впечатление обманчивое, – ответил на эти слова Слащев.

20 октября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, «Арена бокса»

К пятому раунду ситуация на ринге сложилась таким образом, что инициатива, которой владел с самого начала Перес, теперь перешла к его противнику. Кравчик приноровился к манере боя своего визави и теперь все чаще стал атаковать и прижимать Переса к канатам, чтобы не дать ему возможности нанести свой коронный встречный левой рукой. Но и у Кравчика достать своего противника никак не получалось, поскольку у Переса был богатый опыт боев с правшами. Вот и сегодня он знал,

что его соперник большую часть ударов будет наносить выставленной вперед левой рукой, поэтому хорошо применял защиту от ее ударов. А атаки Кравчика прямым ударом левой в голову тоже не доходили до цели, так как продвижению левой вперед мешала выставленная вперед правая рука Переса Более того, в один из моментов чилиец сумел провести молниеносную атаку прямым левой и рассек Кравчику бровь над правым глазом. И тут ударил гонг.

Кровь залила глаз Кравчика и понадобилась помощь врача, чтобы остановить кровотечение. Однако врач сразу предупредил:

– Рассечение сильное, поэтому кровь надолго не остановить.

Это означало, что надо будет сделать так, чтобы в последующих раундах Перес не смог дотянуться до этого глаза, чтобы не возобновить кровотечение. Поэтому в следующем раунде Кравчик стал выставлять вперед правое плечо, стараясь прикрыть им рассеченный глаз. А удары наносил левой.

– Бей ему в глаз, бей! – кричал из-под канатов своему подопечному Нельсон Агеро.

И Перес пошел в новую атаку, пытаясь загнать поляка в угол и нанести ему серию мощных ударов. Ведь шел уже шестой раунд, а так долго против Переса еще ни один боксер не выдерживал. А этот поляк оказался самым упорным. «Надо его кончать, кончать!» – билась в мозгу у Переса одна и та же мысль и он продолжал наносить один удар за другим по голове и корпусу Кравчика. А тот, зажатый в углу, практически не отбивался и ждал, как спасения, удара гонга. И тот, наконец, прозвучал. Но разъяренный Перес даже после этого продолжал наносить удары по противнику, пока рефери, обхватив его сзади руками, не оттащил на середину ринга.

Сидевшая в первом ряду Агнешка, глядя на это избиение, закрыла лицо руками, а из ее глаз брызнули слезы. «Будь проклят этот бокс!» – билась в ее сознание единственная мысль, которую она всегда боялась произнести вслух при своем возлюбленном.

20 октября 1973 года, суббота, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Торпедо» (Москва)

– Да, вот что значит потерять такого центрфорварда, как Кожемякин, – посетовал Слащев, глядя на то, как у динамовцев в очередной раз не получается ничего путного в атаке.

Действительно, это был первый матч динамовцев без их главного бомбардира и организатора атак. Поэтому в его отсутствие атаки динамовцев стали какими-то сумбурными.

Однако ближе к концу первого тайма подопечные Гавриила Качалина, кажется, нащупали свою игру и перехватили инициативу. И с этого момента их атаки на ворота «Торпедо» стали следовать одна за другой. Но автозаводцы защищались самоотверженно, всей командой. А динамовцы наращивали темп атак, стараясь действовать двумя флангами, а центр подключали в редких случаях. И вот одна из их фланговых атак привела-таки к голу. Навесной мяч был подан с левой кромки поля прямо в штрафную площадь автозаводцев. К мячу бросились сразу несколько игроков, но самым расторопным оказался динамовец Якубик. И он с ходу, без подготовки, «зарядил» по мячу с такой силой, что тот пролетел мимо торпедовского вратаря Банникова и влетел в ворота, 1:1. И это случилось всего лишь за минуту до конца первого тайма. Мяч из разряда «в раздевалку».

Когда судья свистком возвестил об окончании первой половины игры, многие зрители поднялись со своих мест и отправились в подтрибунные помещения – размять ноги и перекусить в буфете. Сделал это и «Зольский», который весь первый тайм просидел на трибуне и ни с кем из соседей по трибуне в контакт не входил. Теперь он решил покинуть свое место, чтобы дать возможность тому человеку, который должен был с ним встретиться, возможность это сделать. Быстрого разоблачения лже-Зольский не боялся. Гример хорошо постарался и по сути «вылепил» копию покойного Леонида Карповича. Единственной загвоздкой мог стать голос, но лже-Зольский собирался сослаться на мнимую хрипоту, для чего он специально повязал на шею легкий шарфик. Впрочем, на этом матче знакомых Зольского не оказалось, а те, что были – вроде Бескова – предпочли к чиновнику не подходить.

«Зольский» вышел под трибуну и, миновав коридор, вскоре оказался на улице, где уже находились десятки людей, устроивших здесь себе перекур. «Зольский» тоже достал сигарету. Но пока он курил, никто к нему так и не подошел. А там и перерыв закончился, и зрители потянулись обратно на трибуны.

20 октября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, «Арена бокса»

Гонг объявил о начале восьмого раунда – того самого, в котором Кравчик, по задумке его товарищей-«миристов», должен был «лечь» под Переса. «Лечь» эффектно, на глазах не только у многотысячной (или многомиллионной, включая телезрителей) публики, но, главное, перед взором самого Пиночета. Продержавшись в бою с Пересом столь долго, Кравчик мог со

спокойной совестью проиграть, поскольку главное он уже совершил – стал героем в глазах большинства чилийцев. Значит, на родину он мог возвращаться в ореоле не проигравшего, а победителя. И Кравчик, наверное, так бы и сделал, как он обещал Райнери, если бы не Перес. Когда в начале восьмого раунда они, упав на плечи друг другу, переводили дух перед новой атакой, чилиец злорадно шепнул на ухо Кравчику:

– Имей в виду, если ты не ляжешь под меня, то каудильо грохнет тебя так же, как коммунисты когда-то грохнули твоего треклятого папашу.

Не надо было Пересу говорить такое. От этих слов внутри Кравчика поднялась такая лютая волна ненависти, что он уже не мог себя контролировать. Этот пиночетовский выкормыш позволил себе оскорбить его отца, польского офицера, сложившего голову в лагере смерти. Эти слова нельзя было оставить без наказания. И Кравчик, огласив зал мощным ревом, ринулся на обидчика. Он буквально обрушил на него шквал ударов, от которых Перес был вынужден спасаться, отступая к канатам.

– Что он творит? – сидя у телевизора, удивленно вопрошал Молина.

Но Райнери не знал, что ему ответить – он сам не понимал, что происходит на ринге. А Кравчик, позабыв о какой-либо защите, продолжал наносить удары по Пересу, причем, как в лицо, так и в корпус. Понимая, что из угла ему не выбраться, не придумав какую-то хитрость, чилиец решил нанести удар, но не в лицо, а ниже пояса. И когда он это сделал, Кравчик, наконец, остановился – он согнулся в три погибели и, хватаясь за канат, упал на колени.

– Это запрещенный удар! – закричал судье Риос. – Снимите с него очко!

Но судья, взглянув наверх – туда, где сидел Пиночет со свитой – развел руками: дескать, все нормально, надо подниматься. Тогда Риос бросился к столику, где сидело жюри.

– Это удар ниже пояса, надо снять с Переса очко.

Но председатель жюри даже не повернул головы в его сторону. Стало понятно, что апеллировать по таким «пустякам» к судьям бессмысленно.

– Судью на мыло! – закричал со своего место Валентин Гранаткин, который был не меньше Риоса возмущен тем, как вело себя судейское жюри.

Тем временем Кравчик, отдышавшись, снова поднялся на ноги и бой возобновился. И тут уже Перес решил действовать на опережение. Понимая, что после его удара противник вряд ли до

конца оправился, он стал загонять его в угол ринга. И когда добился этого, стал наносить прицельные удары в голову. И в один из моментов, когда поляк потерял счет ударам, Перес нанес свой коронный хук левой в висок. И в следующее мгновение ноги Кравчика оторвались от пола и он отлетел в сторону. И, упав на пол, отключился. Судья начал отсчет: один, два…

Пока поляк лежал в отключке, ему привиделась страшная картина. Чья-то рука поднесла пистолет к затылку какого-то мужчины в форме польского офицера, стоявшего у глубокого рва. Раздался выстрел и безжизненное тело человека с простреленной головой упало в ров, наполненный другими телами убитых людей. Кравчик разглядел лицо, секунду назад убитого мужчины, и узнал в нем того, кто был изображен на маленькой фотографии с его медальона – это был никто иной, как его отец. А рука с пистолетом уже целилась в затылок другому обреченному. И на этой руке была нашивка офицера… германского вермахта. «Почему германского – ведь моего отца расстреляли советские коммунисты?!» – пронзил сознание Кравчика внезапный вопрос и он… очнулся.

– Семь, восемь… – услышал он над своим ухом голос рефери, который продолжал вести отсчет его нокаута.

На цифре «девять» Кравчик поднялся на ноги и, тряхнув головой, показал судье, что готов продолжать бой. И зал, увидев это, издал такой мощный рев, что задрожали стены.

– А этот поляк чертовски живуч! – процедил сквозь зубы Пиночет, который уже хотел было подняться со своего места и устроить овацию по адресу своего любимчика.

Но пришлось с этим повременить, поскольку поляк бросился в бой с таким энтузиазмом, будто за его плечами не было тяжелых восьми раундов. У него как будто открылось второе дыхание. На самом деле в бой его гнал погибший отец, окровавленное лицо которого он несколько секунд назад видел в момент своей отключки. Отец смотрел на него с того света и поэтому сын не имел права проиграть, да еще пиночетовскому прихвостню.

– Что он делает, он же все дело погубит? – схватился за голову Молина, вскочив со своего стула. – Надо его остановить!

– Его уже ничем не остановишь, – ответил ему Райнери, который, кажется, догадался, что именно шепнул чилиец на ухо Кравчику.

Этот эпизод зафиксировала телекамера, но мало кто придал ему значение. А оказалось, что именно он круто изменил ход всего поединка.

Кравчик понимал, что времени у него остается немного –

скоро ударит гонг, после чего его противник получит возможность прийти в себя. Поэтому надо было добить его именно в этом раунде. Вот почему поляк вложил всю свою ненависть в удары, которые сыпались на чилийца один за другим. Но поскольку Перес продолжал прикрывать голову, эти удары не могли сбить его с ног. И тогда Кравчик применил прием, который долго отрабатывал на тренировках. Нанеся противнику несколько мощных ударов в корпус, он заставил его буквально на секунду открыть голову. После чего провел «скачковый удар» – сделал скачок правой ногой вперед и нанес правой боковой удар точно в незащищенную голову. Удар получился настолько сильным и внезапным, что Перес, как подкошенный, рухнул на ринг. В зале после этого наступила гробовая тишина, а судья начал отсчет. Причем делал он это гораздо медленнее, чем в случае с Кравчиком, поскольку хотел, чтобы любимчик Пиночета поднялся и продолжил бой. Но тот лежал пластом и не шевелился. И как ни старался судья оттянуть время, ему все равно пришлось досчитать до десяти и признать победу Кравчика. И когда это произошло, буквально весь зал взорвался от восторга. И только свита во главе с Пиночетом не участвовала в этом действе – молча поднявшись со своих мест, она покинула зал через специальную дверь на верхнем ярусе «Арены бокса».

20 октября 1973 года, суббота, Москва, стадион «Динамо», матч «Динамо» (Москва) – «Торпедо» (Москва)

Второй тайм прошел в равной борьбе и каждая команда имела немало возможностей выйти вперед. Но прекрасно действовали в «рамках» оба вратаря – Пильгуй и Банников. А в конце игры торпедовцы решили играть ва-банк – выпустили на поле вместо защитника Краснова нападающего Фетисова. Автозаводцам дозарезу нужен был гол, чтобы остаться в высшей лиге. Игрался бы этот матч на Кавказе, там бы давно обе команды сумели договориться друг с другом, кому из них очки нужнее. Но среди московских команд были свои отношения – принципиальные, часто непримиримые. Поэтому «рубка» шла по-настоящему.

Глядя на торпедовцев, замены провели и динамовцы. Но там не стали менять защитника на нападающего, а произвели равноценную замену – Еврюжихина сменил Гершкович, чтобы оживить фланговые атаки, которые в концовке игры стали выдыхаться. Однако, как ни старались обе команды забить гол, счет так и остался ничейным – 1:1. А это означало, что впереди зрителей ждет серия пенальти – весьма захватывающее зрелище.

Первыми били динамовцы – это сделал Долматов. Но вратарь Банников угадал направление удара и схватил мяч, что называется, намертво. Затем к мячу подошел торпедовец Янец. Разбег, удар – и динамовцев спасает штанга. Весьма интригующее начало! Следом бьет динамовец Петрушин. И снова Банников угадал, куда будет нанесен удар. Только в этот раз он не смог поймать мяч в руки, а отбил его кулаками в поле. Счет на табло ничейный – 0:0. Но продержался он недолго. Следующим пенальтистом был капитан автозаводцев Никонов. Тот самый, что на 9-й минуте уже забил один пенальти, но с игры. Не промахнулся он и в этот раз, снова обманув Пильгуя. Счет стал но в пользу «Торпедо».

А тем временем к одиннадцатиметровой отметке подошел Якубик – не менее прекрасный пенальтист. Удар – и мяч оказался в сетке, 1:1. В ворота снова становится динамовский голкипер Пильгуй. Он понимает, что на фоне своего визави Банникова он смотрится бледно – если тот уже отбил два пенальти, то у Пильгуя пока ни одного отбитого штрафного. Короче, надо собраться. В итоге вратарь «Динамо» тоже совершает чудо – отбивает-таки удар Юрина. А вышедший следом динамовец Маховиков выводит свою команду вперед – 2:1. Но Фетисов

восстанавливает равновесие, хотя и ненадолго – Басалаев снова уводит «Динамо» в отрыв.

– Слушай, Костя, ты с собой таблетки не взял – у меня сейчас сердце прихватит? – обратился к Бескову его сосед по лавке Слащев.

– А я тебя предупреждал – смотри футбол дома, там все под рукой, – ответил Бесков, не поворачивая головы к приятелю.

Торпедовец Соловьев снова делает счет ничейным – 3:3. Но динамовец Комаров опять выводит «Динамо» вперед – 4:3. Но Бутурлакин вновь счет сравнивает. Вот это интрига! А до конца серии остается еще несколько ударов. К мячу подходит динамовский защитник Никулин. Долго устанавливает мяч и далеко разбегается. Удар – Банников снова на высоте, причем уже в третий раз. Теперь очередь за Пильгуем. Но его помощь не понадобилась – торпедовец Даниленко так переволновался, что запустил мяч мимо ворот. Счет по-прежнему ничейный – 4:4.

Остались последние, решающие удары. К мячу выходит свеженький Гершкович, который вошел в игру в конце матча. Бить пенальти он умеет, хотя нельзя сказать, что является ассом в этом деле – есть и позабивнее в «Динамо» игроки. Гершкович бьет и… Банников отражает четвертый штрафной. Вот это ловкость! Теперь все взгляды устремлены на торпедовского нападающего Дегтярева. Анатолию 24 года, в этом сезоне он сыграл почти 30 матчей и забил пять голов. Третий результат после Юрия Смирнова (8 голов) и Вадима Никонова (7 голов). Но этот гол может стать для Дегтярева одним из главных – ведь он решающий! И футболист его забил, добыв для своей команды победу, а с нею и нужное очко.

20 октября 1973 года, суббота, Чили, Сантьяго, «Арена бокса»

Почти час Кравчик отвечал в раздевалке на вопросы журналистов, после чего его тренер, Риос, стал выдворять газетчиков в коридор.

– Моему парню надо отдохнуть, – объяснил смысл своих действий тренер.

Обессиленный боксер упал в кресло и, взяв со стола жестяную банку с пивом, с шумом ее откупорил. И в этот самый миг в коридоре послышался громкий топот десятков ног. Это были солдаты. Ловко действуя карабинами, они оттеснили журналистов, все еще толпившихся в коридоре, к стене и образовали живой коридор. По нему прошествовал офицер, который рывком открыл дверь раздевалки и, войдя внутрь,

приказал:

– Кравчик, встать – ты арестован!

– В чем дело? По какому праву? – попытался было вступиться за своего ученика Риос.

Но офицер достал из кобуры пистолет и, направив его в сторону тренера, предупредил:

– Еще одно слово и вы больше не жилец. Закройте свой рот и молчите. А ты, Кравчик, шагом марш из раздевалки.

Понимая, что любое промедление может стоит жизни не ему, а Риосу, боксер поднялся со своего места и направился к выходу из раздевалки. Следом за ним шел офицер. И когда они вышли в коридор, военный остановился перед газетчиками и произнес:

– Сеньоры журналисты, советую вам хорошенько подумать, о чем вы будете писать завтра в своих газетах. Если кто-то не понял, то я поясню: с нами лучше не шутить.

После этого офицер ткнул дулом пистолета в спину Кравчику и заставил его продолжить движение под конвоем десятка солдат.

21 октября 1973 года, воскресенье, Киев, Федерация футбола Украины

– Вы прекратите мне здесь панику разводить! – меряя кабинет шагами и грозно сверкая очами, чуть ли не рычал Лев Щепко на своего зама Адама Добрых. – Мы отстаем от Еревана всего лишь на одно очко, а впереди у нас еще два тура.

– Но у «Арарата» шансы предпочтительнее, – возражал своему начальнику Добрых. – Они играют с ЦСКА и «Зенитом», которым очки не нужны.

– Но с армейцами у них матч на выезде!

– Да хоть где – повторяю, очки этим командам без надобности. А во-вторых, они все сделают, чтобы нам насолить.

– Но у «Зенита» тренер Герман Зонин – он ворошиловградский. Неужели не поможет?

– Именно, что палец о палец не ударит после того, что произошло с его «Зарей», благодаря прокурорской проверке из Киева. Да он с радостью нам подножку подставит.

– А ЦСКА?

– После истории с Пустовилом туда лучше не соваться – там сам Гречко руку на пульсе держит. Поэтому, если с нами они бились, то с Ереваном будут играть в поддавки.

– А у нас какие игры остались?

– С «Кайратом» в Алма-Ате и с «Пахтакором» в Ташкенте. Причем, если с узбеками еще можно решить вопрос полюбовно,

то с алма-атинцами исключено – там тренером сам Артем Фальян.

Напоминать лишний раз, кто это такой Щепко было не надо. Фальян был армянином и в конце 40-х играл за ереванский «Спартак» (будущий «Арарат»). А в 1965 году сам возглавил «Арарат» и вывел его в высшую лигу. Именно Фальян заложил фундамент сегодняшних побед этого клуба, совершив революцию в армянском футболе. До него в «Арарате» выступали возрастные футболисты, причем многие больше красовались, чем играли. А Фальян их всех уволил (включая самого Сако Овивяна – кумира всей Армении), набрав вместо них более молодых и амбициозных игроков. Тех самых, что теперь вели «Арарат» к золотым медалям. Это были: Абрамян, Казарян, Бондаренко, Андреасян, Иштоян, Заназанян, Месропян. Поэтому Фальян, тренируя «Кайрат», спал и видел, чтобы армянская команда стала чемпионом. Может, поэтому в этом сезоне его «Кайрат» дважды проиграл «Арарату» с крупным счетом: 0:4 и 1:4.

– Но я слышал, что в Москве есть люди, кто не хочет, чтобы армяне стали чемпионами, – продолжал хвататься за соломинку Щепко. – После случая с Лениным это возможно.

– Есть такой слушок, но все равно вилами по воде писано. К тому же в той же Москве есть люди, кто ставит на армян – значит, ситуация непредсказуемая.

– Надо попытаться судей «зарядить». Это возможно?

– В каких матчах – с нами или с армянами?

– А хер их знает с кем! – в сердцах взмахнул руками Щепко. – От меня в ЦК требуют взять «золото» взамен проигранного Кубка, а как его возьмешь, если кругом одни засады? Им там наверху хорошо – отдал приказ и в ус не дуй, ожидая исполнения. А тут голову сломать можно, прикидывая варианты. Кстати, может, на Земченко в Москве выйти? Он как раз и может с судьями помочь.

– Что могут решить судьи, если ЦСКА и «Зенит» захотят сами «Арарату» проиграть? Что, сами судьи будут голы армянам забивать?

– Я тебя, гаденыш, уволю! – в отчаянии чуть ли не закричал на своего зама Щепко. – Ты мне помогать должен, а ты, наоборот, гробишь.

– Я вам реальную ситуацию объясняю, а не прожекты рисую. Как говорится, лучше горькая правда… И все это происходит потому, что календарь был сверстан так, что в последних турах армяне играют у себя дома трижды, а мы всего один раз. Вот этих очков нам теперь и не хватает.

– Значит, надо сделать так, чтобы в следующем году мы последние матчи проводили дома. Но речь-то пока идет о

нынешнем чемпионате! Выходит, плакало по нам «золото» и в этом году – ничего сделать нельзя?

Добрых ответил не сразу. Постукивая карандашом по столу, он какое-то время молчал, после чего поднял глаза на своего начальника:

– Единственный шанс – снова на ЦСКА выходить. Только они могут в среду хотя бы очко у Еревана отнять. Тогда у нас с ними может быть равное количество очков и, учитывая, что у нас с ними обмен произошел – они нас обыграли, и мы их тоже, причем с одинаковым счетом 3:1 – то нам светит дополнительный, «золотой» матч. Там все и решится.

– Вот видишь, гад ты такой, есть же выход, – ухватился за предложение своего зама Щепко. – А кто на ЦСКА выходить будет?

– Вы же сами Земченко вспомнили – вот его и надо попросить.

– А, может, лучше Зольского, а тот, в свою очередь, и Земченко возьмет в оборот? – предложил Щепко.

– Хорошо, попробуем, – согласился Добрых. – Но на вас ссылаться можно?

– Естественно! А если что не так пойдет, так вообще выводи лично на меня, – подвел итог этому разговору Щепко.

21 октября 1973 года, воскресенье, Подмосковье, дача Юрия Андропова

Шеф КГБ принимал у себя Марата Изюмова, который докладывал ему о результатах операции «Двойник», проведенной вчера на стадионе «Динамо». Увы, результат у нее был неутешительный – Банкир так и не объявился.

– Может, вы плохо подготовили двойника и его разоблачили? – предположил Андропов, медленно прохаживаясь по своему кабинету от своего стола к окну и обратно.

– Учитывая, что времени у нас было не так много, это вполне возможно, – согласился с шефом Изюмов, сидевший на стуле у стола. – Хотя близко к нему никто не подходил, а издали он вполне был похож на Зольского. Даже Константин Бесков, заметив его с трибуны, помахал ему рукой.

– Но факт остается фактом – Банкир с ним не встретился. Может, его там и не было?

– Кто знает? – пожал плечами Изюмов.

– Вы должны знать, Марат Игнатьевич, – и Андропов остановился посреди кабинета. – Наши люди съемку на стадионе

вели? Значит, надо тщательно ее изучить и попытаться понять, кто терся рядом с «Зольским», когда он сидел на трибуне и выходил в перерыве на улицу. Вы это сделали?

– Я успел просмотреть эти записи лишь мельком, но после нашей встречи возьмусь за них более основательно.

– Да уж вы постарайтесь – это, видимо, единственный шанс, который может привести нас к Банкиру.

– Может, он объявится на похоронах Зольского? – предположил Изюмов.

Официальный некролог, сообщавший о том, что заместитель начальника Управления футбола Леонид Зольский скоропостижно скончался, был уже подготовлен и должен был появиться в газете «Советский спорт» в ближайший вторник.

– А вот это вряд ли, – покачал головой Андропов. – Если он раскусил нас на стадионе, то на кладбище тем более не объявится. Хотя прислать кого-то вместо себя вполне может. Так что съемку всех присутствующих на похоронах вы тоже проведите.

22 октября 1973 года, понедельник, Москва, Старая площадь, ЦК КПСС и Скатертный переулок, Спорткомитет СССР

Отправляясь на прием к главному партийному идеологу Михаилу Суслову, председатель Спорткомитета Сергей Павлов был в прекрасном расположении духа. Кажется, он нашел, каким веским аргументом ему стоит прикрыться, чтобы не участвовать в деле срыва чемпионства ереванского «Арарата». И дело было вовсе не в том, что Павлов так уж сильно благоволил к этой команде – нет. Ему просто не хотелось участвовать в акции, которая вполне могла провалиться, после чего все шишки посыпались бы на его голову. Поэтому все эти дни он тщетно ломал голову над тем, как ему откреститься от этого задания, как вдруг в субботу произошло чудо – он открыл газету «Правда», а там… И вот сегодня, прихватив этот номер газеты, Павлов позвонил Суслову и напросился на прием в радостном предвкушении, что его миссия увенчается успехом.

Пожав главному идеологу руку, Павлов уселся на стул и, положив перед собой газету, задал главному идеологу вопрос, который его обескуражил:

– Вы субботнюю «Правду» читали, Михаил Андреевич?

По тому, как поглядел на него Суслов, гость понял, что попал в точку – этого номера идеолог еще не читал. Но, стараясь сохранить на лице безмятежное выражение, Суслов спросил:

– А в чем дело, Сергей Павлович – что такого важного написали в главном органе нашей партии, что я мог пропустить?

Вместо ответа Павлов придвинул идеологу газету, где на первой странице красным карандашом им была специально обведена нужная заметка. Она была короткой, всего лишь в несколько строчек. Суть ее заключалась в том, что в Конгрессе США началось рассмотрение резолюции, касающейся геноцида армян в 1915 году. Комитет по иностранным делам Палаты представителей предлагал признать этот геноцид на законодательном уровне и объявить 24 апреля днем памяти граждан США армянского происхождения, которые стали жертвами геноцида 1915 года.

Прочитав заметку, Суслов из-под очков посмотрел на Павлова и спросил:

– Ну, и что?

– Как что – это же в корне меняет наши позиции по чемпионству «Арарата», – удивился Павлов. – Представьте себе, что Конгресс принимает свое решение, а мы ставим палки в колеса армянской команде, лишая ее заслуженной победы. Это же камень в наш огород. Гораздо полезнее будет сделать противоположное: не мешать «Арарату» стать чемпионом. Таким образом мы докажем всему миру, что идем гораздо дальше США в этом вопросе. У нас чемпионом страны становится команда из Армении, что лишний раз доказывает – эта республика у нас на подъеме во всех сферах жизни, в том числе и в спорте, и советские армяне живут гораздо лучше, чем их соплеменники за рубежом.

– Но ведь это вилами по воде писано – прохождение резолюции о геноциде в Конгрессе? – продолжал сомневаться Суслов.

– А представьте себе, если не вилами – кто окажется в луже? Если Конгресс примет этот документ, то мы проиграем по всем статьям, хотя до этого имели шанс опередить американцев. К тому же мы с вами, Михаил Андреевич, искушенные в политике люди. Если именно сейчас армянская диаспора в США протолкнула в Конгрессе эту резолюцию, значит, все это неспроста – за этим что-то стоит. Американцы перекидывают мостик, чтобы иметь выходы на все армянские диаспоры во всем мире и нам надо не отмахиваться от этого факта, а попытаться найти этому адекватный ответ, чтобы тоже заработать на этом хорошие дивиденды.

Последние слова произвели на Суслова благотворное впечатление. Он прикинул, какую пользу может извлечь из сложившейся ситуации, руководимый им идеологический

аппарат. Победа армянской команды в регулярном чемпионате СССР могла дать советским идеологам весомый козырь в споре с западными идеологами, которые наверняка возьмут на вооружение резолюцию о геноциде армян. Здесь Павлов был полностью прав. Но признавать это в открытую Суслову не хотелось. Поэтому он зашел издалека:

– А ведь я с самого начала понял, что вы не горите желанием выполнять мое поручение. И только искали повода, как бы от него откреститься.

– Ну какое это имеет значение теперь, Михаил Андреевич? – спросил Павлов, по губам которого пробежала еле уловимая усмешка. – Главное, что мы решим сейчас?

– Что решим – согласимся с газетой «Правда» и вашими аргументами, – ответил Суслов. – Идите и отыграйте назад ваши указания по поводу невозможности чемпионства «Арарата», если вы уже успели их отдать. Или все-таки не успели?

И тут Павлов вспомнил, что он еще в субботу, после победы «Арарата» над минским «Динамо», дал указание начальнику Управлению футбола Леонарду Земченко отбирать судей, которые должны были судить следующие матче ереванцев. Поэтому он наскоро простился с Сусловым, вернулся в Спорткомитет и вызвал к себе Земченко.

– Леонард Аркадьевич, вы судей уже отобрали? – спросил Павлов, едва начальник управления переступил порог его кабинета.

– Естественно – все выходные на это угробил, – не скрывая удовлетворения ответил начальник управления.

– Значит, зря угробили – оставляем прежних арбитров, – сообщил Павлов.

– Почему? – искренне удивился Земченко.

– Наверху резко изменилось отношение к чемпионству «Арарата» – там решили, что он должен им стать, поскольку в дело вмешалась внешняя политика.

«Вот и слава богу!» – удовлетворенно подумал про себя Земченко. Буквально два часа назад он имел телефонный разговор с заместителем председателя Федерации футбола Украины Адамом Добрых, который попросил его помочь киевлянам – отнять хотя бы очко у «Арарата». Земченко объяснил ему, что это дело нереальное – два следующих матча ереванцы играют с командами, которые лягут под них с превеликим удовольствием, лишь бы насолить Киеву. Но Добрых напирал на давление своего ЦК и слезно молил не оставить его просьбу без внимания.

– Там в ЦСКА вторым тренером работает человек, который

наш киевский СКА возглавлял, – вещал Добрых. – Попробуй на него выйти, вдруг что-то выгорит.

В итоге Земченко уступил. Но теперь, после вызова к Павлову, он мог со спокойной душой телеграфировать Добрых, что сделать ничего не может – вмешалась не просто большая, а международная политика, а с нею, брат, уже не поспоришь.

22 октября 1973 года, понедельник, Ташкент, кафе на крыше гостиницы «Ташкент»

Вот уже четыре дня Ашот Гюзалян жил в Ташкенте, в доме своего дяди Артака на улице Шота Руставели. Друзей у него здесь не было, поэтому дядя отрядил присматривать за племянником свою старшую дочь Наири, которая была студенткой журфака ТашГУ и специально взяла на одну неделю академический отпуск, чтобы показать Ашоту город. Днем они гуляли по Ташкенту, а вечерами сидели где-нибудь в кафе, вроде «Ветерка» на крыше ЦУМа или «Ташкента», опять же на крыше, но уже одноименной гостиницы, в компании однокурсников Наири. Компания подобралась веселая, но Ашоту она быстро наскучила, поскольку все разговоры ее участников были посвящены журналистике и международной политике, в то время как его интересовал исключительно футбол. А среди друзей Наири даже не было ни одного не только болельщика «Арарата», но даже местного «Пахтакора». Короче, Ашот откровенно скучал, хотя вида старался не показывать – когда надо встревал в разговор, но чаще всего помалкивал, черпая ложечкой мороженое из металлической вазочки. Но в этот воскресный день все в одночасье изменилось и судьба подарила Ашоту встречу, о которой он мечтал все эти дни своего пребывания в Ташкенте.

В разгар очередного малоинтересного для Ашота диспута он поднялся со своего места и отправился в туалет. А когда вышел в коридор, то нос к носу столкнулся с парнем славянской внешности примерно одного с ним возраста.

– Слышь, зема, у тебя шариковой ручки не найдется, а то у моей паста кончилась? – спросил парень у Ашота и в доказательство предъявил свою опорожненную ручку.

– А тебе зачем? – поинтересовался Ашот.

– Турнирную таблицу хочу составить, – и парень показал собеседнику календарь-ежегодник текущего первенства по футболу.

– Подожди меня здесь, – попросил Ашот и пулей бросился к своей двоюродной сестре.

Когда он объяснил Наири, что ему нужно, та удивилась, но ручку из своей сумочки извлекла и передала ее брату. И спустя минуту Ашот вручил ручку рыжеволосому.

– Меня, кстати, Севой зовут, – протягивая руку, представился парень.

– А меня Ашот. А ты за кого болеешь?

– Мог бы и не спрашивать – за «Пахтакор», конечно, – ответил Сева и повел своего нового знакомого в фойе, где они уселись на широкий подоконник.

– А что за таблицу ты составляешь? – спросил Ашот, все еще не веря своему счастью – он, наконец-то, встретил в Ташкенте такого же фаната футбола, как и он сам.

– Хочу попытаться определить, кто какое место будет занимать после следующего тура.

– А чего тут определять – первое место будет у нашего «Арарата», – заявил Ашот. – Он в Москве с ЦСКА играет и обязательно его победит.

– Это почему еще – армейцы две недели назад самим киевлянам задницу надрали, – не согласился с этим выводом Сева.

– А потом «Заре» проиграли и вчера «Кайрату» по пенальти уступили.

– Чудило, так это они на выезде играли, а с твоим «Араратом», как и с киевлянами, дома будут встречаться. Так что вполне могут хотя бы очко, но отобрать.

– А тебе-то с этого какая радость? – с обидой в голосе спросил Ашот.

– Нет мне никакой радости – я статистику веду, а она штука беспристрастная. А вообще мне твой «Арарат» очень нравится – пусть лучше он чемпионом станет, чем Киев.

Последние слова пролились бальзамом на душу Ашоту и с этого момента он понял – этот парень может стать ему настоящим другом. И он решил ответить ему тем же:

– Твои ребята вчера тоже здорово сыграли – 5:0 «Зенит» разгромили. Я по телевизору видел.

– А я на стадионе, – расплылся в улыбке Сева. – Наш Берадорчик Абдураимов хет-трик сотворил – что ни гол, то сказка.

– А твой «Пахтакор» какое место на финише может занять? – после небольшой паузы, во время которой Сева снова что-то писал в календаре, спросил Ашот.

– Я думаю, в десятку не войдет – место 12-е или 13-е ему светит. Но главное, что из высшей лиги не вылетит. А-то ведь не успел вернуться, как снова мог бы туда загреметь.

– А у тебя любимый футболист в «Пахтакоре», как я понял, Абдураимов?

– Нет, он уже стареват – тридцатник стукнул. Мне молодые больше нравятся – например, Миша Ан. А у тебя?

– Левон Иштоян. Я между прочим из-за него пострадал и теперь здесь в Ташкенте обретаюсь.

– В каком смысле пострадал? – оторвал голову от календаря Сева.

И Ашот рассказал ему историю с памятником Ленину, взяв со своего нового знакомого слово, что он никому об этом не расскажет.

– Да ты настоящий герой! – не скрывая своего восхищения, воскликнул Сева. – Хочешь я тебя на базу нашего «Пахтакора» свожу?

– А кто нас туда пустит?

– У меня там знакомый сторожем работает.

– А далеко ехать?

– Отсюда на такси за сорок минут доберемся.

Ашот на какое-то время задумался – он размышлял, стоит ли отпрашиваться у сестры или нет. В итоге пришел к выводу, что не стоит – она вряд ли согласиться с его отъездом. Поэтому он решил действовать на свой страх и риск. И спустя пять минут они уже поймали на площади такси и рванули на базу «Пахтакора» в Кибрае.

Когда они туда приехали, команда проводила двухстороннюю игру под руководством своего тренера Вячеслава Соловьева. Сторож, который впустил их на базу, оказался молодым парнем, чуть старше Севы и Ашота. Он сразу ушел к себе, а ребята остались смотреть за тренировкой.

– Здравствуй, Сева, опять пришел на наших молодцов посмотреть? – проходя мимо них, спросил мужчина в спортивном костюме.

– Угадали, Добин Иннокентьевич, – ответил Сева и наклонился к Ашоту. – Это начальник команды Шегай. Мировой мужик – с кем хочешь может договориться!

– О чем договориться? – не понял Ашот.

– Ладно, потом объясню, – отмахнулся Сева и снова обратил свой взор на поле. – Вон мой Миша Ан бегает – навесы подает на Володьку Федорова и Ваську Хадзипанагиса. Последний «Зениту» такой красивый гол заколотил в концовке матча – пальчики оближешь.

– Я смотрю, у тебя все голы «Пахтакора» медом намазаны, – улыбнулся в ответ Ашот. – Но лучший забивала у вас все равно Абдураимов – двенадцать голов уже наколотил.

– Он последний сезон играет, – сообщил Сева.

– Кто же у вас забивать будет?

– Вот они и будут: Ан, Федоров и Хадзипанагис. Им только дай развернуться – они так заиграют, что даже у тебя дух захватит.

Пробыв на базе около часа, друзья собрались в обратный путь. А довез их до «Ташкента» все тот же сторож на своем стареньком «Москвиче». Сестра Ашота, которая продолжала свое общение с однокурсниками, даже не заметила отсутствия своего брата, что было ему только на руку.

22 октября 1973 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР

Марат Изюмов сидел в просмотровом зале и смотрел видеозаписи, сделанные его коллегами во время матча динамовцев с торпедовцами – те, на которых был запечатлен двойник Зольского и люди, которые мелькали рядом с ним на протяжении всего матча, а также после него и в перерыве. Отсмотрев пять видеокассет из шести, Изюмов уже насчитал три десятка подозрительных людей. Причем ни один из них в прямой контакт с двойником не входил, но мог иметь отношение к Банкиру – тот мог, приблизившись на близкое расстояние к лже-Зольскому, разглядеть в нем двойника и вовремя ретироваться. Из этого списка людей Изюмов отметил девять человек, которые вызывали у него особые подозрения и которых стоило проверить. Другое дело, было совершенно непонятно, как это сделать. Ведь эти люди никак не представлялись и единственное, что было у Изюмова – это их лица, запечатленные на пленке. Но каким образом их искать, было непонятно – не по телевизору же показывать на всю страну?

Размышляя об этом, Изюмов заправил в аппарат последнюю, шестую видеокассету, и нажал на кнопку «пуск». Пленка длилась сорок пять минут и зафиксировала людей, которые мелькали рядом с Зольским в перерыве матча – тогда, когда он вышел покурить. Подозрительных личностей набралось восемь человек, причем одна из них была женщиной. Это была красивая особа примерно 27–30 лет в модном плаще европейского покроя и со стрижкой «каре». Глядя на нее, Изюмов еще подумал: «Какого черта такая фифа делает на футболе?» Вопрос не был праздным – эта женщина оказалась чуть ли не единственной представительницей слабого пола, которая была заснята на пленку. Что понятно – на футбол приходили обычно мужчины. А

эта женщина, стоя чуть поодаль от лже-Зольского, элегантно курила сигарету и периодически поглядывала в сторону двойника. Затем она выбросила сигарету в урну и направилась к лже-Зольскому, но на полдороги внезапно остановилась, после чего повернула в обратную сторону и скрылась в подтрибунном помещении. Что это был за маневр и чем он был вызван, Изюмов понять не мог, но он отложился в его голове, как подозрительный. «Может, эта дама и есть Банкир?» – мелькнула у него в голове шальная мысль. Впрочем, задержалась она у чекиста недолго. Представить себе женщину во главе подпольного футбольного тотализатора было, конечно, можно, но уж больно фантастично это выглядело. Но эта дама тоже нуждалась в проверке, хотя как это сделать было непонятно. «Может, она входила в круг знакомых Зольского? – размышлял чекист, затягиваясь сигаретой. – Но по данным нашей «наружки» таких женщин в окружении Леонида Карпыча зафиксировано не было. Впрочем, наши «топтуны» вели его не слишком долго и, вполне вероятно, эта дама может быть из более далекого прошлого».

И тут Изюмова внезапно осенило. Он вспомнил, что до КГБ Зольского «пасли» сотрудники столичного ГУВД из 4-го оперативно-поискового отдела. «Может, у них что-то есть на эту даму? Да и на других людей с этих видеопленок?» Подумав об этом, Изюмов вдавил в пепельницу недокуренную сигарету и отправился к «технарям», чтобы они распечатали ему фотографии людей, которых он отметил во время просмотра, как подозрительных.

Спустя несколько часов Изюмов имел на руках фотографии всех нужных ему людей, в том числе и дамы с прической под «каре». Сложив их в кожаную папку, чекист отправился на Петровку, 38, к «топтунам» из 4-го отдела, которых он два часа назад заранее предупредил о своем приезде.

Никого из запечатленных на фотографиях людей «топтуны» не опознали. Вернее, почти не опознали. Когда Изюмов выложил на стол последнюю фотографию – ту, где была запечатлена дама с прической «под каре», один из «топтунов» воскликнул:

– Так это же любовница Зольского – Лара.

– А если поточнее, – попросил опознавателя Изюмов.

– Лариса Евгеньевна Кружкова, проживает на Чистых прудах по адресу: Большой Козловский переулок, дом 8. Работает на дому портнихой – шьет под заказ.

Этой информации Изюмову было достаточно, поскольку возможности его ведомства позволяли собрать куда более подробные данные на эту особу. Которая на стадионе явно

разоблачила двойника, поэтому и не решилась к нему подойти. Однако такое ее поведение выглядело более чем странно, учитывая те отношения, что связывали ее с Зольским. Впрочем, гадать на кофейной гуще Изюмов не хотел, поэтому решил запастись терпением и начать проверку этой интересной дамы.

25 октября 1973 года, четверг, Чили, Сантьяго, резиденция Аугусто Пиночета

– Итак, все идет по плану, – произнес Пиночет, положив руку на газету «Эль Меркурио», лежавшую у него на столе. – По нашему заданию газетчики собирают петиции с целью освобождения Анджея Кравчика из наших застенков. Вот только сегодня с подобным призывом к нам обратилась Ассоциация поляков в Чили. Но мне кажется, надо еще подержать этого поляка у нас. Как вы считаете, полковник?

Вопрос адресовался шефу СИФА полковнику Эдгару Себальосу Хонесу, сидевшему напротив каудильо.

– Я полагаю, что время уже подошло – надо отпускать Кравчика и высылать его из страны, – ответил полковник. – По нашим сведениям, польские власти собираются обратиться в ООН с требованием вмешаться в эту ситуацию. Зачем нам трения с ООН – лучше упредить их негативную реакцию высылкой Кравчика. Вот и выступление Ассоциации поляков случилось как нельзя вовремя.

– А «миристы» не догадаются, что мы затеяли игру на их поле? – поинтересовался Пиночет.

– Вряд ли, учитывая ту волну поддержки, что поднялась в стране в связи с арестом этого поляка. Мы все правильно рассчитали – наши действия выглядят вполне правдоподобно. Сначала мы арестовали Кравчика за его дерзкое поведение на ринге в бою с вашим любимчиком, а теперь вынуждены его отпустить под давлением, как чилийской, так и мировой общественности. Тем самым мы убиваем сразу двух зайцев: во-первых, помогаем «миристам» заслать в логово коммунистов своего агента, который собирается убить Брежнева, а во-вторых – демонстрируем всему миру свою гуманность. А то ведь иначе, чем кровавой хунтой, коммунисты нас не называют. Вот и на своем конгрессе, который открывается сегодня в Москве, наверняка будут об этом трещать со всех трибун.

Полковник имел в виду Всемирный конгресс мира, где главной темой должна была стать ситуация в Чили.

– Ну что же, утрем нос красным, – согласился с полковником

каудильо и первым поднялся со своего места, показывая, что аудиенция закончена.

25 октября 1973 года, четверг, Ташкент, улицы города

Когда дядя Ашота узнал, что его ереванский племянник нашел себе в Ташкенте приятеля, он обрадовался. Ведь снималась повседневная забота о госте не только с него, человека работающего, но и с его дочери Наири, отпуск которой в институте к тому времени тоже истек. Поэтому, когда дядя лично познакомился с Севой и нашел его вполне себе положительным молодым человеком, он с легкостью разрешил Ашоту проводить время со своим новым знакомым. Единственное, что поначалу насторожило Артака, так это то, что Сева нигде не учился. Но тот объяснил это просто: мол, собираюсь в армию скоро уходить, поэтому хочу погулять перед призывом. Дядю это объяснение удовлетворило – он вспомнил себя перед армией, когда он точно так же три последних месяца перед призывом бил баклуши.

Сева часам к одиннадцати утра приезжал к Ашоту, забирал его и показывал ему Ташкент. Они ездили на Комсомольское озеро, гуляли по «Бродвею», улице Карла Маркса, сидели в кафе «Дружба» в сквере Революции, благо деньги у Севы водились, пару раз снова съездили на базу «Пахтакора» в Кибрай, где команда готовилась к очередному матчу – с ворошиловградской «Зарей», причем у себя дома. Именно во время последней поездки в Кибрай Сева внезапно и сделал своему приятелю неожиданное предложение:

– А хочешь мы с тобой съездим в Алма-Ату, где «Кайрат» будет принимать киевлян?

– Подожди, но в этот же день твой «Пахтакор» играет с «Зарей»? – удивился Ашот.

– Этот матч проходной и для наших ребят ничего не решает, – отмахнулся Сева. – В высшей лиге они остаются, поэтому с легкостью могут проиграть «Заре», поскольку та лелеет мечту войти в пятерку сильнейших. А вот матч в Алма-Ате будет на загляденье, и ты сам это понимаешь. Ведь киевляне рвутся к золотым медалям, а «Кайрат» возглавляет твоей земляк и бывший тренер «Арарата» Фальян. Представляешь, как он настроит своих игроков на эту игру? Вот какой матч надо видеть воочию, а не те поддавки, которые будут играться здесь.

– А как мы попадем в Алма-Ату – поездом? – поинтересовался Ашот.

– Зачем нам трястись в общем купе, если я могу раздобыть

машину у своего приятеля и мы сгоняем на матч с ветерком. Туда ехать-то всего четырнадцать часов. Ты машину водишь?

– Конечно – у моего отца новый «Жигуленок», он меня и научил, – не без гордости произнес Ашот.

– Вот и отлично – сможем подменять друг друга за рулем. Представляешь, какая это будет поездочка?

Ашот представил – действительно, выглядело это заманчиво. И главное – он был согласен с другом, что матч в Алма-Ате был одним из лучших в наступающем туре.

– Тогда действуем так, – объявил Сева. – Послезавтра во второй половине дня я заезжаю за тобой на машине и мы едем к казахам. Только уговор: дяде своему ты про эту поездку не говори – он может тебя не отпустить. Скажем, что эту ночь ты переночуешь у меня дома. Думаю, против этого он возражать не будет? А пока пойдем в кино – в «Молодой гвардии» показывают «Анатомию любви». Что-то много шума вокруг этого фильма, надо самим посмотреть. Ты про любовь кино любишь?

– Мне больше приключения нравятся, – честно ответил Ашот.

– Приключения тебе послезавтра будут.

– В каком смысле? – не понял Ашот.

– Я имею в виду игру алма-атинцев с киевлянами. А что касается кино, то в «Молодой гвардии» вторым фильмом идет французская картина «Преступление во имя порядка». Вроде, про тамошнюю коррупцию. Хотя я бы с удовольствием посмотрел про нашу. Но про нее никто пока кино не снимает.

И Сева от души рассмеялся, чрезвычайно довольный своей шуткой.

26 октября 1973 года, пятница, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Марат Изюмов докладывал шефу КГБ предварительные выводы о личности любовницы Зольского Ларисы Кружковой:

– По нашим сведениям, эта женщина состояла в близких отношениях с покойным приблизительно с весны прошлого года. Они познакомились во время выставки «Международный спорт» в Сокольниках, где Зольский был в качестве официального представителя от нашей страны, а Кружкова всего лишь гостьей.

– Как же они познакомились, если вращались в разных кругах? – удивился Андропов.

– Этого мы не пока знаем, но, скорее всего, Зольский обратил на нее внимание первым, – предположил Изюмов. – Она женщина яркая, можно сказать, эффектная.

– А чем она занималась до того, как стала надомной портнихой?

– В течение пяти последних лет она была секретаршей в союзном Министерстве мясной и молочной промышленности.

– И там, видимо, тоже весьма успешно торговала своей красотой?

– Да, по нашим сведениям, она была любовницей референта министра – Алексея Кочиева, – подтвердил догадку шефа Изюмов.

– Весьма интересная особа, – усмехнулся Андропов, вновь беря в руки фотографию Кружковой и внимательно ее разглядывая.

– Но это еще не все, Юрий Владимирович. Параллельно с Зольским Кружкова встречалась еще с одним мужчиной – польским дипломатом Збигневом Машкевичем. Он работает в посольстве Польши советником посла по культуре.

– Их связь прекратилась? – поинтересовался Андропов.

– В том-то и дело, что нет. Вчера вечером мы зафиксировали контакт Кружковой с поляком. Они посетили кафе «Валдай» на проспекте Калинина, после чего отправились на квартиру к Кружковой на Чистых прудах, откуда Машкевич ушел только утром.

И Изюмов выложил из папки на стол фотографии, запечатлевшие эту встречу.

– Судя по этому факту, наша дамочка не сильно переживает по поводу смерти Зольского, – заметил Андропов, разглядывая снимки. – На похоронах она была?

– Да, стояла в стороне от всех со скорбным лицом. На поминки в ресторан не поехала.

– И все же, какое отношение это все имеет к Банкиру и тотализатору?

– На первый взгляд, никакого, – пожал плечами Изюмов. – Но меня продолжает смущать факт присутствия Кружковой на «Динамо» в минувшую субботу. Если она пришла посмотреть на футбол, то почему без Зольского? Или она надумала это сделать в последний момент, чтобы встретиться с ним уже там и что-то обсудить? Однако, увидев Зольского в перерыве, она к нему не подошла.

– Видимо, потому что разоблачила двойника, – предположил Андропов. – Он же только внешне был на него похож, а жесты и повадки у него ведь другие.

– Но в таком случае она должна была как-то себя проявить – например, приехать к Зольскому домой, чтобы прояснить ситуацию. Или хотя бы ему позвонить. Но она этого не сделала ни в тот день, ни на следующий. А вместо этого почему-то

отправилась досматривать матч, что хорошо видно на пленке. Я еще раз просмотрел записи и обнаружили ее сидящей на той же трибуне, что и «Зольский», только чуть дальше и левее от него. И на пленке хорошо видно, что она несколько раз пристально вглядывается в ту сторону, где сидит «Зольский».

– Согласен, эта дамочка ведет себя подозрительно, – кивнул головой Андропов. – Однако это еще не повод подверстывать ее под дело о тотализаторе.

– Значит, наблюдение с нее снять? – спросил Изюмов.

Андропов ответил не сразу, а спустя некоторое время, которое ему понадобилось, чтобы еще раз просмотреть фотографии встречи Кружковой с поляком.

– Понаблюдайте за нею еще недельку, а также и за поляком, – произнес, наконец, Андропов. – Ведь у нас, как я понял, кроме них, пока никаких зацепок больше нету. Впрочем, как поживает ячейка в камере хранения на Курском вокзале?

– Пока за тем дипломатом, что оставил там Филипп Одинцов, никто не явился.

– А сколько времени багажу положено храниться в камере хранения?

– Пять суток – потом камера блокируется и получить багаж можно, заплатив штраф. Однако храниться багаж может больше месяца.

– Тогда надо форсировать события. Сделайте вот что. Пусть на вокзале закроют камеру хранения под благовидным предлогом, а вы вскройте ячейку и загляните в дипломат. Может, там и нет ничего и вся эта история лишь отвлекающий маневр?

– Хорошо, так и сделаем, – ответил Изюмов, убирая фотографии со стола в свою папку.

26 октября 1973 года, пятница, Чили, Сантьяго, международный аэропорт Пудауэдь

Многотысячная толпа людей пришла в этот день в аэропорт, чтобы проводить на родину Анджея Кравчика и его невесту Агнешку. Причем здесь были не только соотечественники отъезжающих – поляки, но и чилийцы, которые успели полюбить этого вихрастого и улыбчивого парня за время его участия в боксерском турнире. Даже главная чилийская газета «Эль Меркурио» поместила пусть сдержанную в своих комментариях, но все-таки доброжелательную заметку о победе поляка над любимцем каудильо и его теперешнем отъезде на родину. Правда, только несколько человек из окружения Пиночета знали

истинную подоплеку этой истории и то, что заметка эта писалась под диктовку СИФА. Впрочем, как и сами эти проводы, которые были организованы хунтой с тем, чтобы шум от этого события облетел если не весь мир, то хотя бы значительную его половину.

Пройдя сквозь живой коридор к выходу из аэропорта, Кравчик в последнюю секунду обернулся назад и, сцепив ладони, поднял их над головой. Так он прощался с чилийцами и их страной, которая, по сути, стала ему второй родиной – он прожил здесь более четверти века. Затем отбывающий крепко обнялся с руководителем Ассоциации поляков в Чили, который приложил максимум усилий к вызволению Кравчика из-под ареста и его сегодняшнему отъезду.

– Надеюсь, это не последняя наша встреча с тобой, – сдерживая слезы, произнес руководитель Ассоциации.

Кравчик ничего не стал отвечать на это пожелание, поскольку был в совершенном неведении относительно того, какая судьба ждет его впереди. И хотя ему уже сообщили, что в Польше его ожидает такой же теплый прием, как и эти проводы, однако сам-то Кравчик прекрасно понимал, с какой опасной миссией он летит на историческую родину. И гарантии, что он там выживет, не было никакой.

В последний раз взмахнув на прощание рукой, Кравчик обнял за плечи свою невесту и они вышли из здания аэропорта, чтобы уже спустя несколько минут подняться на борт самолета, который должен был доставить их сначала в Рим, а уже оттуда на родину – в Варшаву.

26 октября 1973 года, пятница, Москва, Старая площадь, ЦК КПСС

Леонид Брежнев принимал в своем цэковском кабинете № 500 Валентина Гранаткина. Тот на днях вернулся из поездки в Чили, где инспектировал стадион «Насьональ» в Сантьяго и теперь докладывал генсеку о своих впечатлениях:

– Стадион они практически зачистили от следов концлагеря, хотя в подтрибунные помещения нас не пустили – видимо, там еще не все чисто. Но, уверен, что к концу ноября они и там наведут порядок.

– Значит, Роуз настроен на то, чтобы провести матч именно в Сантьяго? – дымя своей любимой «Новостью», спросил Брежнев.

– Однозначно, – кивнул головой Гранаткин. – Никакие мои призывы перенести игру на нейтральное поле на него и его людей не подействовали. И это понятно – им же только на руку, чтобы

мы не попали на чемпионат мира.

– Ну, и пусть подавятся своим чемпионатом – мы не обеднеем, – не сдержался Брежнев.

– Может, все-таки согласиться на игру на нейтральном поле? – после небольшой паузы предложил Гранаткин вариант, о котором он думал всю дорогу на родину. – Все-таки жалко футболистов. Да и вообще, мы с 58-го года ни одного чемпионата еще не пропускали.

– А вот Андропов считает, что ехать не надо ни при каких раскладах, – не раздумывая ни секунды, ответил Брежнев. – И знаешь почему, Валентин? Нам везде устроят поражение. Это своего рода ловушка, чтобы лишний раз окунуть нас мордой в грязь. Нам это надо? Правильно – не надо. Уж лучше мы их в дерьмо макнем, чем они нас.

Сказав это, Брежнев стряхнул пепел с сигареты в стеклянную пепельницу, после чего снова поднял глаза на гостя и спросил:

– А как вообще ситуация в стране – террор свирепствует? Тут на мировом конгрессе про это много говорят, но, может, преувеличивают? Ты ведь врать не будешь?

– В отношении противников режима применяются крайние меры – люди исчезают сотнями, – сообщил Гранаткин. – В стране действует комендантский час – с девяти вечера улицы пустеют. Поэтому простые чилийцы сильно напуганы всем происходящим, но предпочитают молчать. Хотя при любой возможности стараются показать хунте, как они ее ненавидят.

– Например? – вскинул брови генсек.

– Когда я был в Сантьяго, там проводился боксерский турнир любителей, но по правилам профессионального бокса.

– Ишь ты, что надумал Пиночет – народ развлекает, чтобы от своих зверств его отвлечь! – усмехнулся Брежнев.

– Вот именно, Леонид Ильич, но этот турнир ему боком вышел – в лужу он на нем сел. Там его любимчик выступал, которому хунта прочила главный приз. А его в финальном поединке на глазах Пиночета и его свиты послал в нокаут знаете кто – наш земляк, славянин.

– Русский что ли? – Брежнев от удивления даже не донес сигарету до рта.

– Нет, поляк. Зовут его Анджей Кравчик. Такой отличный парень и так бьется на ринге, будто в последний раз. Я давно такого удовольствия от бокса не получал.

– И что стало с этим поляком, когда он пиночетовского выкормыша нокаутировал? – продолжал интересоваться генсек.

– Сначала арестовали, а потом вынуждены были выпустить под давлением широкой общественности. Я думаю нашему

агитпропу тоже надо дать задание освятить это событие как можно шире. Тем более, что Кравчик сегодня должен был вернуться к себе на родину – в Польшу.

– Да, интересная история, – покачал головой Брежнев. – Как, говоришь, зовут этого поляка – Анджей Кравчик? Надо будет запомнить. Я в следующем году как раз собираюсь посетить Польшу, вот там с этим храбрым поляком и встречусь. Пожму его крепкую руку, которой он нокаутировал всю пиночетовскую хунту. Кстати, хороший заголовок для «Правды». Надо сегодня же Мише Зимянину позвонить – пусть готовит статью.

27 октября 1973 года, суббота, Ташкент, улицы города и трасса Узбекистан – Казахстан

Сева заехал за Ашотом на бежевых «Жигулях»-«копейке» в начале девятого вечера. По его плану, им предстояло сразу стартовать из Ташкента, чтобы около девяти утра быть уже в Алма-Ате. Там погулять по городу, а в 18.00 быть на Центральном стадионе, где должна была начаться игра «Кайрат» – «Динамо» (Киев). Перед уходом из дома Ашот предупредил своего дядю, что собирается сходить с Севой в кино, а затем переночует у приятеля дома. Ничего подозрительного в этом никто из ташкентской родни Ашота не увидел.

За рулем сидел Сева, который взял курс на кольцевую дорогу, от которой до границы с Казахстаном было около сорока минут езды по прямой. Ашот был в прекрасном настроении, предвкушая увлекательное путешествие, в концовке которого его ожидало еще более прекрасное зрелище – присутствие на матче, который обещал невероятную по драматизму интригу. Единственное, что несколько обескуражило Ашота – это поведение его приятеля. Тот был явно чем-то озабочен и, в отличие от своего напарника, почти не улыбался.

– Ты что, не с той ноги сегодня встал? – поинтересовался Ашот, когда они только стартовали.

– Нога здесь ни при чем – с желудком что-то, – ответил Сева, но углубляться в эту тему не стал.

Но Ашот заметил, что он с каким-то напряжением смотрит то в лобовое стекло, то в переднее зеркальце над головой.

– Давай тогда я машину поведу, а ты пока в себя приди, – предложил Ашот.

– Хорошо, до кольцевой доедем, а там поменяемся – дальше прямая дорога пойдет.

Спустя пятнадцать минут за рулем уже сидел Ашот, который

водил машину с четырнадцати лет, благодаря тому, что его отец был заядлым автолюбителем, сменившем за последние годы несколько автомобилей. Однако не прошло и пяти минут, как друзья поменялись местами, как случилось неожиданное. Из-за поворота к ним в хвост пристроилась машина ГАИ такой же марки, что и у них, из которой по громкой связи внезапно раздалось:

– Бежевые «Жигули», госномер ТАШ 49–22, немедленно остановитесь!

– Это он нам? – не скрывая своего удивления, спросил Ашот.

– А кому же еще – нам конечно!

– А что мы такого сделали, мы же не гоним? – продолжал удивляться Ашот, и уже хотел было сдать к обочине, но Сева схватил его за локоть:

– Не останавливайся!

– Почему?

– Эта машина в угоне, вот почему!

– В каком угоне, ты же сказал, что она твоего приятеля?

– Наврал я, чтобы ты со мной поехал.

– И что нам теперь делать?

– Прибавь газу – попробуем оторваться. Сможешь?

– А чего тут мочь-то, – и Ашот со всей силы надавил на педаль газа.

Поскольку трасса была свободна, мчаться по ней на предельной скорости было легко и практически безопасно. Включив дальний свет, Ашот вел автомобиль так, как учил его отец – кстати, большой любитель быстрой езды. Поэтому определенные навыки у парня были. Но и гаишники не собирались отставать, поэтому плотно висели у беглецов на хвосте. Так продолжалось примерно около десяти минут, пока впереди Ашот не увидел силуэт еще одного автомобиля с включенными фарами. Когда до него оставалось метров двадцать, друзья разглядели, что это был еще один гаишный «Жигуленок». Его обитатели – двое милиционеров – стояли рядом с ним и один из них махал ребятам жезлом. И тут в свете фар Ашот заметил на дороге странный отсвет. В следующую секунду он резко вывернул руль вправо и, выскочив на обочину, миновал гаишный автомобиль сбоку.

– Ты что творишь? – закричал Сева, который не ожидал такого маневра и больно стукнулся головой о боковое стекло.

– Они шипы на дороге разложили.

– Какие шипы?

– Железные – я в кино такие видел.

Этот маневр стал полной неожиданностью для гаишной

машины преследования, которая не успела вовремя пристроиться в хвост убегающему автомобилю и в результате на полной скорости напоролась на шипы. В итоге она вышла из строя и погоню вынужден был продолжить только один гаишный автомобиль. Но и тот, пока разворачивался, пока подсаживал к себе одного гаишника из пострадавшего автомобиля (другой остался дожидаться помощи), потерял несколько драгоценных минут. Поэтому друзья смогли оторваться от погони на приличное расстояние. И вскоре беспрепятственно миновали границу с Казахстаном, которая никоим образом не была обозначена – страна-то была единая.

– Что же ты наделал? – схватился за голову Сева.

– Что именно? – скосил на него взгляд Ашот.

– Теперь нам точно хана наступит.

– Почему, мы же оторвались от погони?

– Я не могу тебе всего объяснить, но лучше бы ты наехал на шипы.

– Ты совсем рехнулся – тебе же за угон срок светит?

– Я бы договорился. Но после того, что ты наделал, уже не знаю, как нам выпутаться.

– Да что тут знать – доедем до первого населенного пункта, бросим машину, а сами доберемся до Алма-Аты на попутках. А назад вернемся поездом.

– Так тебя мильтоны и отпустят – держи карман шире!

И, как бы в доказательство этих слов, впереди замаячил огнями приграничный пост ГАИ, обитатели которого просто обязаны были остановить одинокий автомобиль, двигавшийся с территории Узбекистана. Но Ашот и здесь решил не останавливаться. И когда из дверей поста вышел гаишник с жезлом, он проскочил мимо него на такой скорости, что у того даже фуражку с головы сдуло. Пораженные такой наглостью, трое гаишников, дежуривших на этом посту, бросились к своему автомобилю. Началась очередная погоня.

У казахских стражей порядка в автомобиле была рация, с помощью которой они связались со следующим постом ГАИ, чтобы те выставили заслон против нарушителя. А те в это самое время проверяли документы у водителя самосвала, везущего цемент на стройку. В итоге было принято решение выставить этот самосвал на середину трассы, а сбоку пристроить к нему гаишный автомобиль. Но главное – гаишники были готовы применить оружие, если беглецы не захотели бы остановиться по их приказу. И Ашот действительно решил не останавливаться, а повторить тот же маневр, что он проделал чуть раньше, но на территории Узбекистана – обойти заслон по обочине, поскольку кругом была

степь. Но вот про оружие он не подумал. И когда резко вывернул руль вправо, гаишники начали стрелять из табельного оружия – пистолетов «Макарова». Одна из пуль пробила лобовое стекло и угодила в плечо Севе. Тот вскрикнул и, зажимая рану ладонью, согнулся пополам. Остальные пули пробили оба передних колеса «Жигуленка», из-за чего он вскоре потерял скорость и был достаточно быстро нагнан сразу двумя гаишными автомобилями – вторым был узбекский, который догнал-таки беглецов, но уже на чужой территории.

Двое гаишников выволокли Ашота из автомобиля и бросили на землю. То же самое двое других стражей порядка проделали и с Севой, который дико взвыл от боли, поскольку его швырнули на землю раненым плечом вниз.

– Спасибо вам, коллеги, что помогли нам их задержать, – обратился со словами благодарности старший лейтенант из узбекского автомобиля. – Этот «Жигуль» они в Ташкенте угнали и мы за ними уже битый час гонимся.

– Ты погоди нас благодарить, старлей, – отозвался на эти слова один из казахских гаишников – капитан по званию. – Эти ребята успели нарушить закон и на нашей территории. Так что они и наши клиенты тоже.

– Как же мы поступим? – спросил старлей.

– Доставим их к нам в Сары-Агач, а там начальство само решит, что с ними делать.

28 октября 1973 года, воскресенье, Москва, Курский вокзал

Посетители вокзала, которые решили оставить свои вещи в камере хранения, к своему удивлению прочитали на металлических воротах, закрытых на замок, короткое объявление: «Технический перерыв с 13.00 до 15.00. Профилактические работы». На самом деле работы в камере хранения проводили сотрудники КГБ. Они вскрыли ячейку под номером 867, в которой находился портфель-дипломат, оставленный здесь секретарем Бауманского РК КПСС Филиппом Одинцовым. С помощью специальной отмычки были вскрыты замки на портфеле. Внутри него чекисты обнаружили… стопку пожелтевших газет «Советский спорт». Стало понятно, что эта «закладка» была отвлекающим маневром, должным увести возможных наблюдателей от того места, куда на самом деле была доставлена выручка от подпольного тотализатора.

28 октября 1973 года, воскресенье, Ташкент, дача

председателя КГБ Узбекской ССР и Алма-Ата, дача министра внутренних дел Казахской ССР

Когда на прикроватной тумбочке председателя КГБ Узбекистана Алексея Бесчастнова зазвонил телефон, он, прежде чем поднять трубку, взглянул на свои наручные часы – они показывали начало девятого утра. Значит, догадался Бесчастнов, звонок из разряда неотложных, если его будят в такую рань. Так и вышло. Подняв трубку, главный чекист Узбекистана услышал на другом конце провода взволнованный голос своего заместителя Левона Мелкумова:

– Извините, что разбудил, Алексей Дмитриевич, но дело чрезвычайное – Ашот Гюзалян попал в переделку, надо выручать.

– В какую еще переделку – вы же должны были его прикрывать? – сгоняя с себя последние остатки сна, спросил Бесчастнов и даже сел на кровати.

– Мы так и делали два первых дня, затем решили, что все нормально – парень пристроен, ничего подозрительного вокруг него не происходит. Да и кто мог предположить, что произойдет утечка информации? Видимо, в Армении кто-то подсуетился и дал знать в Москву Щелокову.

– Думаете это его инициатива – почему?

– Я поднял на ноги наших людей в МВД и они уверяют, что это дело рук заместителя Яхъяева – сам министр не в курсе. Все сходится на том, что парня элементарно подставили – его обвиняют в угоне автомобиля. Вместе с каким-то ташкентским приятелем они вчера вечером, якобы, угнали чужую машину, чтобы съездить в Алма-Ату на матч «Кайрата» с киевским «Динамо». На границе с Казахстаном за ними началась погоня, которая завершилась успехом у Сары-Агача. Сейчас Ашот находится в местном отделении милиции, а его приятель в больнице – его ранили в плечо.

– А что за парень?

– Некто Всеволод Сундуков, прописан на Чиланзарской улице, 18 лет. Но есть одна деталь – он занимается фарцовкой и на этой почве вполне мог быть взят в оборот милицией. Думаю, его элементарно подставили к Гюзаляну.

– Вот вам плоды вашей беспечности, Левон Николаевич, – не скрывая своей досады, произнес Бесчастнов. – Как собираетесь исправляться?

– Я уже позвонил в Алма-Ату Георгию Евдокименко и обрисовал ему ситуацию. Сказал, что парня явно подставили и к угону он не имеет никакого отношения. Тот обещал посодействовать – видимо, в эти минуты, как и я вас, уже поднял

на ноги Кабылбаева.

Мелкумов оказался недалек от истины – телефонный разговор председателя КГБ Казахской ССР Георгия Евдокименко с министром внутренних дел этой же республики Шырабеком Кабылбаевым происходил в эти же самые минуты. Главный милиционер Казахстана внимательно выслушал главного чекиста и обещал лично во всем разобраться. И спустя двадцать минут по этому же телефону уже разговаривал с начальником отделения милиции, где содержался под стражей Ашот Гюзалян. Начальник, узнав, кто ему звонит в такую рань, в первые несколько минут никак не мог собраться с мыслями и внятно объяснить ситуацию. Затем, наконец, успокоился и рассказал министру то, что ему успел доложить вчера вечером по телефону его заместитель. Но информация была крайне скудной, поэтому министр приказал:

– Немедленно отправляйтесь на место сами и выясните все подробности. Ровно через час я буду звонить вам в отделение и вы должны четко доложить мне о ситуации.

Однако спустя час Кабылбаеву самому позвонили. Причем не из Сары-Агача, а из Москвы – на проводе был сам министр внутренних дел СССР Николай Щелоков:

– Доброе утро, Шырабек Кабылбаевич, – вежливо поздоровался глава союзного МВД со своим подчиненным. – Только что мне позвонили из Ташкента и пожаловались на ваших людей – якобы, они не хотят выдавать им двух парней, которые совершили угон на территории Узбекистана, но волею случая оказались потом на территории вашей республики. Вы не могли бы лично решить эту проблему и помочь своим узбекским коллегам?

– Доброе утро, Николай Анисимович. Дело в том, что я сам недавно узнал об этой ситуации и еще не во всем разобрался.

– Как – министра Казахстана уже уведомили об этом заурядном деле? Кто интересно? – искренне удивился Щелоков.

– Если это дело, как вы говорите, заурядное, то почему узбекские коллеги уже успели уведомить вас? – нашел, что ответить, Кабылбаев.

– Я все-таки союзный министр, – заметил Щелоков.

– А я министр республиканский и тоже стараюсь держать руку на пульсе происходящих у нас событий.

– Вы мне дерзите? – в голосе министра послышались стальные нотки.

– Боже упаси, Николай Анисимович, просто я хочу лично разобраться в этом деле, которое явно выбивается из категории заурядного, если по его поводу происходит такая свистопляска. Разве я не имею на это право?

– Имеете, но учтите, что от ваших выводов зависят наши дальнейшие отношения. Я вам перезвоню чуть позже.

И Щелоков первым повесил трубку. Он был явно недоволен этим разговором и, завершая его, подумал: «Надо искать Казахстану нового министра – этот свое уже отслужил». И действительно – спустя две недели Кабылбаева отправят в отставку.

28 октября 1973 года, воскресенье, Казахстан, Сары-Агач, отделение милиции

Все то время, пока Ашот сидел в «обезьяннике» сары-агачского отделения милиции, у него из головы никак не выходил их последний разговор с Севой. Того должны были увезти в больницу и, когда они прощались, Сева внезапно признался:

– Ты прости меня, Ашот, за то, что втянул тебя в эту передрягу. Меня самого взяли за жабры – приперли к стенке моими делами по фарцовке. Сказали, что если не втяну тебя в эту авантюру, то укатают за решетку. Вот я и сломался. Но ты молодец – «очко» у тебя не играет. Если и дальше так будешь держаться, то хрен они тебя обломают.

И теперь, вспоминая этот разговор, Ашот ловил себя на мысли, что он совершенно не держит зла на своего приятеля. Да, тот его здорово подставил и, как теперь сложится его судьба, было неизвестно. Но это признание Севы дорогого стоило – значит, совесть у этого парня все-таки есть, а это многое меняет в отношении к нему. Единственное, что заботило теперь Ашота – невозможность посмотреть матч алмаатинцев с киевлянами, на который они так рвались. Да и результат не менее важной игры «Арарата» против ленинградского «Зенита», который игрался в Ереване, тоже в этом «обезьяннике» узнать было нельзя.

Однако ближе к вечеру к Ашоту пришел начальник отделения милиции, который сообщил парню неожиданную новость:

– Твой приятель нам все рассказал – машину угнал он, а ты не при делах. Так что можешь быть свободен.

– Куда же я пойду без своего друга? – удивился Ашот, выходя из «обезьянника».

– Извини, дорогой, но скоро за тобой должны приехать из Ташкента, поэтому держать тебя за решеткой нам не велено. Если хочешь, посиди пока в моем кабинете.

– А можно мне его в больнице навестить, пока за мной не приехали? – попросил Ашот.

– Да ты что – его уже в Чимкент увезли. Так что в этот раз

увидится вам не придется.

– А телевизор у вас здесь есть? – задал Ашот вопрос, который удивил милиционера. – Через полчаса футбол начнется, я бы хотел его посмотреть.

– Эту проблему решить легче легкого, – улыбнулся начальник. – У нас в ленинской комнате как раз сейчас все свободные сотрудники этот матч смотреть собираются.

Появление Ашота милиционеры, собравшиеся у телевизора, встретили с радостью – ведь он был армянином, болел за «Арарат», а «Кайрат» тоже тренировал армянин, да еще эта игра могла помочь ереванской команде досрочно стать чемпионом. Короче, свой армянин у телевизора казахским милиционерам пришелся как нельзя кстати.

Игра началась ровно в 18.00 на Центральном стадионе Алма-Аты. Было прохладно – 7 градусов тепла, поэтому на матч пришло всего 24 тысячи зрителей. Но они не пожалели – зрелище получилось отменное. Практически весь матч атаки обеих команд на ворота друг друга следовали одна за другой и счет мог открыться в любую минуту. Но отменная игра вратарей – Ордабаева у хозяев и Самохина у гостей – не позволила мячу поразить ни одни из ворот. Ни в первом тайме, ни во втором. После чего были назначены пенальти, которые были встречены милиционерами с чувством восторга. Дело в том, что в этом чемпионате лучшей командой, пробивавшей пенальти, был именно «Кайрат» – из девяти пенальтных серий он на тот момент выиграл восемь и лишь одну проиграл.

Как раз в этот момент в ленинскую комнату вошли трое чекистов, приехавших из Ташкента за Ашотом. Однако, узнав, что здесь происходит, они тоже уселись на стулья, чтобы насладиться незабываемым зрелищем.

Первыми пенальти пробивали киевляне – к мячу подошел их капитан Колотов. Удар – и первый в этом матче мяч залетел в сетку ворот, по. Однако второго гола долго ждать не пришлось – его забил алмаатинец Ионкин. Анатолий второй сезон играл в «Кайрате», придя туда из семипалатинского «Спартака» и пока своими забивными способностями не блистал: в прошлом году отличился один раз (правда, сыграв всего в четырех матчах), а в этом сезоне забил три мяча (в 17 играх). Но в этот раз он сделал все безукоризненно – мастерски послал мяч в верхний угол ворот Самохина. Счет стал 1:1. Но затем Фоменко вновь вывел киевлян вперед – 2:1. А Алтухов восстановил равновесие. 2:2. Затем Веремеев и Архиреев обменялись еще двумя голами. Счет стал 3:3. Потом к мячу подошел Матвиенко – игрок сборной СССР. К этому моменту он сыграл в 9 матчах за сборную, но голами не

отметился. Вот и здесь ему не повезло – Ордабаев разгадал его маневр и прыгнул точно в тот угол, куда был пробит пенальти. Это была хорошая заявка на будущую победу. И кайратовец Маркин – один из лучших бомбардиров клуба (4 мяча) вывел «Кайрат» впервые в этом матче вперед. А затем к мячу подошел еще один игрок сборной СССР, только олимпийской – Решко. Тот самый, который был единственным баптистом в советском футболе. Он, на свою беду, решил сделать большой разбег, чтобы пушечным ударом не оставить шансов вратарю алма-атинцев. Но явно не рассчитал силу удара. В итоге мяч взмыл вверх и… пролетел выше ворот, лишив киевлян любых надежд на победу.

Едва это случилось, как все, кто находился в ленинской комнате сары-агачского отделения милиции, вскочили со своих мест и принялись радостно обниматься. Особенно счастлив был Ашот, так как эта победа «Кайрата» открывала дорогу к золотым медалям его «Арарату». Для этого ему сегодня у себя дома можно было сыграть даже вничью.

28 октября 1973 года, воскресенье, Ереван, стадион «Раздан», матч «Арарат» – «Зенит» (Ленинград)

Армянские устроители этой игры поступили хитро – специально перенесли его на два часа позже, чтобы заранее знать результат матча в Алма-Ате. Поэтому, когда из Казахстана пришла радостная новость, стало понятно – «Арарат» стал чемпионом даже без учета этой игры с ленинградцами. И была дана команда подтягивать на стадион артистов – тех, кто должен был устроить после игры праздничное шоу, посвященное чемпионству «Арарата».

А уже ничего не значащая игра с «Зенитом» стала красивым спектаклем, разыгранным в лучших традициях такого рода игр. К началу второго тайма хозяева поля вели 2:0 (голы забили Заназанян, для которого это было 50-й мяч в чемпионатах страны, и Маркаров). Но затем в течение четырех минут (с 48-й до 52-й минуты) ленинградцы сумели забить два гола и сравняли счет. Собственно, на этом можно было бы всем и остановиться. Но тогда намечавшийся для армян праздник был бы не таким радостным. Поэтому на 59-й минуте Маркаров забил победный гол. Счет 3:2 продержался до финального свистка. А когда он прозвучал, то началось празднество. На зеленый газон высыпали артисты и простые болельщики, которые устроили танцы с футболистами. И в эти же минуты толпы жителей Армении высыпали на улицы своих городов и поселков, чтобы с тем же

размахом, что и на стадионе, отметить эту победу. На тротуарах появились мангалы, поплыл запах шашлыков. Люди выносили из домов кувшины с вином, не жалея ради такого случая запасов. Выражали свой восторг самым разнообразным способом – ездили, сигналя, на машинах, пели песни. Короче, повторялась история двухнедельной давности, когда 10 октября «Арарат» завоевал Кубок СССР. И снова во всей Армении в эти часы не было зафиксировано ни одного даже мелкого правонарушения.

2 ноября 1973 года, пятница, Москва, Кремль и аэропорт «Внуково»

В тот день в Кремле проходила встреча Брежнева с Первым секретарем Болгарской компартии Тодором Живковым, который прилетел в Москву не один, а в составе делегации, в которой был и новый министр внутренних дел Болгарии Димитр Стоянов. Этот человек до своего восхождения в эту должность занимал достаточно скромный пост – был 1-м секретаре Великотырновского окружкома БКП. И вдруг стал главным спецслужбистом страны! Все объяснялось просто – он был человеком со стороны и не имел отношения к столичным кланам. Ведь до этого двое его предшественников – Ангел Солаков (1969–1971) и Ангел Цанев (1971–1973) не оправдали, оказанного им доверия, и активно участвовали в межпартийных интригах. Особенно отличился Солаков, который не угодил Живкову в том числе и по «футбольной линии». Дело в том, что Солаков болел за курируемую МВД команду «Левски-Спартак», в то время как персек отдавал предпочтение армейскому клубу ЦСКА – «Септемврийско знамя». Вроде бы, обычное дело, если бы не одно «но». Пользуясь своим служебным положением, Солаков дал команду своим службам шпионить за руководством ЦСКА – в том числе за старшим тренером Стояном Ормандживым, чтобы выведывать планы армейцев на игры. Более того, в дело был пущен и подкуп игроков других команд, а также судей, чтобы те ставили подножки ЦСКА в пользу «Спартака». Эта ситуация привела к тому, что в 1970 году «Спартак» стал чемпионом Болгарии. В следующем году он должен был повторить этот успех, но в дело вмешался Живков. В июле 1971 года он вынес на Политбюро вопрос о несоответствии Солакова занимаемой должности и тот был отправлен в отставку. И в эти же дни в автокатастрофе погиб лучший игрок «Спартака», любимец не только всей Болгарии, но и Солакова лично, Георгий Аспарухов. И чемпионом страны стал ЦСКА, который брал «золото» и два

следующих сезона.

Эта история стала поводом для шутки со стороны Брежнева в отношении Щелокова. Генсек тогда сказал своему министру внутренних дел:

– Как хорошо, Коля, что ты у нас не болельщик – а то бы мне пришлось тебя разоблачить, как это сделал Живков с Солаковым.

На что Щелоков тоже ответил шуткой:

– А ты, Леня, разоблачи Андропова – он-то у нас тот еще болельщик.

Между тем только с августа по ноябрь 1973 года лидер Болгарской компартии встречался с Брежневым трижды. Первый раз в августе в Крыму, где отдыхал советский лидер, в сентябре Брежнев уже сам приезжал в Болгарию, и вот теперь, в начале ноября, они встретились снова. Эта частота встреч не была случайной. Она объяснялась как проблемами внутри самой Болгарии (клановой борьбой, чему свидетельством было и смещение с поста Цанева), так и во вне ее (в частности, отношениями с соседней Турцией, с которой у СССР были добрососедские отношения и он нацеливал на такие же и Болгарию).

Пока Брежнев встречался с Живковым, Андропов и Щелоков должны были встретиться с Димитром Стояновым, чтобы обсудить с ним вопросы спецслужбистского сотрудничества. Причем первым с болгарином предстояло встретиться министру внутренних дел СССР, а шефу КГБ предстояло приехать в Кремль чуть позже. Как вдруг в самый разгар этих переговоров Щелокова внезапно вызвал в коридор его адъютант и доложил:

– Николай Анисимович, только что поступило сообщение, что несколькими угонщиками захвачен наш пассажирский самолет Як-40, летевший в Брянск. Угонщики ведут себя крайне агрессивно – открыли стрельбу на борту и грозятся убивать пассажиров, если их требования не будут удовлетворены. Они требуют предоставить им полтора миллиона американских долларов и право свободно вылететь в Швецию.

– И где они находятся в данную минуту? – спросил министр.

– Возвращаются в Москву, чтобы здесь получить деньги и улететь в Швецию.

– Андропову об этом доложили?

– Еще час назад – он уже, наверное, в аэропорту.

Это сообщение тут же внесло коррективы в планы министра. Он вернулся в кабинет и сообщил болгарскому гостю, что переговоры временно сворачиваются и возобновятся чуть позже.

– Возникла внештатная ситуация, которая требует не только моего вмешательства, но и Юрия Владимирович Андропова.

Прошу нас заранее простить.

Спустя сорок минут Щелоков был уже во Внуково. И застал там Андропова, который вовсю раздавал команды всем присутствующим на почве своего членства в Политбюро. К тому времени злополучный самолет уже около получаса стоял на взлетной полосе и главарь угонщиков, представившийся Виктором, требовал денег, заправки самолета горючим и отлета в Швецию. Андропов стоял на том, что деньги будут выданы только в обмен на пассажиров.

– Пока отпустим только раненых, – заявил главарь.

И спустя десять минут на свободу были отпущены бортмеханик Никитин и один из пассажиров – Гапоненко. Когда их несли на носилках к машинам «скорой помощи», к ним подошел Андропов и задал им единственный вопрос:

– Сколько террористов на борту?

– Четверо, – ответил Никитин. – Причем все молодые ребята – лет по 17–19. Настроены решительно, особенно их главарь и один из его помощников.

Когда раненых увезли, Андропов спросил у собравшихся:

– Ну, что будем делать?

– Штурмовать, – ответил за всех Щелоков.

– У вас есть кем? – поинтересовался шеф КГБ.

– К Всемирному конгрессу мира мы создали специальную группу из наших сотрудников-спортсменов на случай разного рода эксцессов. Конгресс прошел без таковых, но сегодня, как видим, такой эксцесс произошел.

– Ну, что же, давайте опробуем вашу группу.

Спустя час отряд из пяти человек был уже в аэропорту и выслушивал наставления Щелокова. Здесь он взял бразды управления в свои руки и никому передавать их – даже члену Политбюро – не собирался.

– Ребята, надо постараться, – обратился министр к своим подчиненным. – На борту много пассажиров, они напуганы, поэтому постарайтесь обойтись без лишних жертв. А этих ублюдков можете не жалеть – я разрешаю.

И группа ушла к самолету. Вскоре оттуда послышался шум боя. Причем был он весьма интенсивным – выстрелы звучали с пугающей частотой и было непонятно, кому именно они принадлежат. Но спустя пять минут стрельба стихла так же внезапно, как и началась. И вскоре от самолета к членам штаба прибежал человек и доложил:

– Операция завершена, двое террористов уничтожено, двое задержаны, пассажиры не пострадали.

И члены штаба направились к самолету. Навстречу им вели

двух угонщиков с заломленными назад руками в наручниках. Андропов жестом приказал группе захвата остановиться. И обратился к одному из угонщиков:

– Ты – Виктор?

– Нет, я Володя, а Витька в самолете застрелился, – ответил парень, которому на вид было лет семнадцать.

– Кто вы такие и куда собирались улететь? – снова спросил Андропов.

– Мы студенты автомобильного техникума, хотели улететь в Америку.

– Медом что ли намазана ваша Америка? – зло сверкая очами из-под очков, спросил Андропов.

Но парень ничего на это не ответил. И Андропов дал команду увести террористов с глаз долой.

Они подошли к самолету, где у одного из шасси на бетонке лежали два трупа погибших террористов. На вид совсем еще пацаны. У одного была разворочена выстрелом голова – видимо, это был тот самый главарь, который предпочел застрелиться, чем сдаться. Другому, щуплому пареньку, пуля угодила в грудь.

– И чего им не хватало? – вздохнул кто-то из членов штаба. – Вроде бы все для них делаешь, а они все равно об Америке мечтают. Даже на смерть ради этого идут.

Эти слова как ножом резанули по сердцу Щелокова. Он вспомнил, как сам совсем недавно планировал отыграться на парне, который всего-то нарисовал цифру на спине у памятника Ленину. К счастью, эта акция так и не воплотилась в жизнь. Впрочем, над тем парнем все еще висело дамокловым мечом наказание за его проступок. Поэтому первое, что сделал Щелоков, когда вернулся к себе в кабинет на Огарева, 6, он вызвал своего помощника и приказал:

– Распорядись, чтобы все обвинения с тех парней, что отличились в Узбекистане, были сняты.

– С обоих? – спросил помощник.

– Я же сказал: со всех. Хватит нам бестолковых смертей – не для этого мы здесь поставлены. Ну, что застыл – действуй!

Часть третья
Убить Брежнева

7 июля 1974 года, воскресенье, Москва, Садовая-Триумфальная, 4/10, квартира Константина Бескова

Удобно устроившись в мягких креслах, Бесков и Слащев смотрели финальный матч чемпионата мира по футболу между сборными ФРГ и Голландии. Немцы были хозяевами турнира, показывали на нем блестящую игру, поэтому предпочтения многих специалистов и болельщиков были отданы им. Однако Бескову очень нравились их соперники, голландцы, в рядах которых блистал центральный нападающий Йохан Кройф, или как его называли «Летучий голландец», за то, что он без устали барражировал по полю словно заведенный, перемещаясь с одной позиции на другую. Вообще это было открытием голландского тренера Ринуса Михелса – тактическая схема, прозванная «тотальным футболом», в основу которой была положена идея тотальной мобильности и универсализма игроков. Смысл новый тактики был в том, что все футболисты на поле находились в постоянном движении. Но не в привычном движении, как это было раньше – игроки теперь передвигались между линиями, когда, к примеру, защитник мог запросто оказаться на месте полузащитника или даже побежать в нападение. А на место убежавшего тут же приходил другой игрок: например, на место защитника – полузащитник, на место последнего – нападающий. А поскольку почти везде в футболе практиковалась «персоналка» (персональная опека игроков), то соперники голландцев входили в ступор – они не знали, как действовать при тактике «тотального футбола». Голландцы создавали на поле такой структурированный хаос, что у их соперников буквально начинала кружиться голова, которую редко удавалось привести в порядок вплоть до финального свистка. И главным мотором этого хаоса был Кройф.

Вот и в финальном матче он с первых же минут ярко выделялся на поле. «Летучий голландец» занял позицию немного левее центрального круга и уже на 2-й минуте игры влетел в штрафную площадку немцев, где был сбит их защитником Хеннессом. И английский арбитр Тэйлор тут же назначил пенальти. Редчайший, кстати, случай для финалов мировых турниров. К мячу подошел Неескенс, который легко обыграл

вратаря и послал мяч в незащищенный угол ворот. Так, благодаря Кройфу, голландцы вышли вперед.

– Хорошее начало для финала, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Слащев.

– А меня оно настораживает, – отозвался Бесков. – Как бы этот быстрый гол не сослужил голландцам худую службу.

– Но в любом случае Кройф хорош! Нам бы такого игрока в центр поля и ты бы тогда чехам не проиграл.

Речь шла о товарищеском матче сборных СССР и Чехословакии, который состоялся 20 мая в Одессе. Это была уже вторая официальная игра Бескова в качестве старшего тренера нашей сборной. Первая прошла за месяц до этого – 17 апреля – против сборной Югославии в их городе Зеница. Матч обещал быть интересным по двум причинам. Во-первых, югославы с 1952 года никак не могли выиграть у советской сборной, а во-вторых, незадолго до этой игры югославы обыграли испанцев и вырвали право участвовать в финальной стадии предстоящего чемпионата мира. Правда, на матч с командой Бескова не смогли приехать четверо ведущих игроков сборной Югославии: Облак, Баевич, Петкович и Джаич, место которых заняли молодые футболисты.

В этой игре Бесков выставил на поле следующий состав: в воротах Евгений Рудаков («Динамо», Киев), в защите – Реваз Дзодзуашвили («Динамо», Тбилиси), Сергей Ольшанский («Спартак», Москва), Евгений Ловчев («Спартак», Москва), Владимир Капличный (капитан, ЦСКА), в полузащите – Анатолий Коньков («Шахтер», Донецк), Владимир Трошкин, Владимир Веремеев (оба – «Динамо», Киев), в нападении – Левон Иштоян («Арарат», Ереван), Владимир Федотов (ЦСКА), Олег Блохин («Динамо», Киев).

Во втором тайме, при счете 0:0, Бесков произвел четыре замены: вместо Иштояна вышел Владимир Онищенко («Динамо», Киев), место Федотова занял сначала Давид Кипиани («Динамо», Тбилиси), которого спустя 20 минут заменил его одноклубник Манучар Мачаидзе, а Веремеева – Виктор Колотов («Динамо», Киев). Эти замены себя оправдали. Игра сборной СССР стала более агрессивной, результатом чего стал гол, который забил на 50-й минуте Кипиани. С таким счетом матч и закончился, продолжив добрую традицию сборной СССР не проигрывать югославам даже на их поле. И для Бескова его «первый блин» не стал комом. Впрочем, до этого были еще три «блина», но у себя на родине, где сборная СССР успела сыграть три неофициальные товарищеские встречи и тоже ни разу не проиграла. Так, с московским «Спартаком» (24 марта) игра закончилась со счетом 0:0, с донецким «Шахтером» (25 марта) 2:1, с московским

«Торпедо» (30 марта) 3:1.

Но матч против сборной Чехословакии стал той самой «ложкой дегтя в бочке меда». На эту игру Бесков выставил почти тех же игроков, что и против югославов в первом тайме, за исключением двух новых игроков – полузащитника Леонида Буряка и нападающего Анатолия Шепеля. Причем оба они играли за киевское «Динамо». В итоге опять получилось, что половину сборников представляли киевляне: Рудаков, Колотов, Трошкин, Шепель, Онищенко, Буряк, Веремеев и Блохин. Всего – восемь человек. Многовато, конечно, но и не взять этих игроков Бесков тоже не мог, причем не по причине их незаменимости – на этом настаивал союзный Спорткомитет, его управление футбола во главе со Львом Зенченко. А за тем маячили куда более влиятельные фигуры из «украинского лобби», существовавшего в Политбюро (в его входили Щербицкий, Подгорный, Полянский, а поддерживал их сам генсек Брежнев). Хотя тренерский совет при Федерации футбола СССР стоял на том, что засилье киевлян в сборной обедняет команду, не позволяет «закинуть сети» пошире – охватить своим вниманием игроков из других команд. Да и сама игра киевлян в чемпионате оставляла желать лучшего, поскольку при новом тренере Валерии Лобановском приобрела ярко выраженный коммерческий характер. Даже свою последнюю игру перед матчем с чехословаками (14 мая) киевляне сгоняли, исходя из коммерческих интересов – «разменяли» по очку с одесским «Черноморцем» (3:3). Бесков эту игру не видел, но прочитал отчет о ней в еженедельнике «Футбол-Хоккей» за подписью Льва Филатова. Один из пассажей в этой публикации врезался в память тренера особенно:

«…Нет, не клюнули одесские болельщики на роскошный счет того матча. Да и не такими уж мастерами водевиля оказались мастера футбола. Обеим командам пришлось не раз исполнить возле своих ворот этюд «всеобщее оцепенение», когда приходила очередь противника забивать гол. Было это так ненатурально, так примитивно, что и в школьный драматический кружок никого из них, пожалуй, не взяли бы. Правда, это, к счастью, хуже будет, если они хорошенько отрепетируют эту самую сценку – «гол в наши ворота». А одесситы на трибунах тут же дали наименование увиденному – «жмурки»…»

Эта тенденция продолжилась и дальше и к началу июля киевляне прочно обосновались на первом месте, благодаря, в том числе, и очкам, заработанным «коммерческим» способом. По этому поводу в Федерации футбола СССР даже был созван экстренный совет, на который позвали и Бескова.

Ретроспекция. 2 июля 1974 года, вторник, Москва, Федерация футбола СССР

На это совещание были приглашены представители четырех московских команд: «Спартака», «Динамо», «Торпедо» и ЦСКА. А инициатором встречи был патриарх советского футбола Николай Петрович Старостин. Помимо него пришли действующие тренеры: от «Спартака» – Николай Гуляев и Игорь Нетто, от «Динамо» – Гавриил Качалин, от «Торпедо» – Валентин Иванов, от ЦСКА – Владимир Агапов и Альберт Шестернев. Открыл встречу Старостин:

– Друзья, мы собрались сегодня по весьма серьезному и необычному поводу. Речь пойдет о таком явлении, как договорные матчи, которые в последнее время стали широко применяться в играх наших регулярных первенств. Впрочем, лично мне хотелось бы поговорить только о высшей лиги, не трогая остальные дивизионы. Чтобы вам сразу стало понятно, о чем именно идет речь, я приведу вам некоторую текущую статистику.

Старостин надел на нос очки и взял со стола лист бумаги, заглядывая в который, он сообщил следующее:

– На сегодняшний день лидером нашего чемпионата является киевское «Динамо», набравшее 17 очков. Столько же у ленинградского «Зенита», а на третьем месте расположилось московское «Динамо», отстающее от лидеров на три очка. Сыграно всего лишь 12 туров, казалось бы немного, но кое-какую картину нарисовать уже можно. И эта картина, скажу честно, лично меня настораживает. Например, возьмите игру киевлян. Они уже сыграли пять матчей со своими земляками с Украины и набрали в этих играх шесть очков: четыре ничьи и одна победа. Казалось бы, обычная ситуация. Но это только на первый взгляд. В этом году в высшей лиге впервые представлено сразу шесть украинских команд. А это значит, что они непременно будут делиться очками друг с другом, а главным приобретателем таких очков станет киевское «Динамо». В прошлом году было то же самое, причем украинских команд было пять. Тогда киевляне набрали в играх с земляками и очков, а потеряли 5 очков, потерпев два поражения. Этих очков им и не хватило, для того, чтобы догнать «Арарат» и стать чемпионами. Из чего я делаю вывод, что в этом году все будет иначе. При наличии шести команд с Украины, киевляне поставят своей целью не потерпеть от них ни одного поражения, чтобы набрать максимальное количество очков. Вот и эти 12 туров наглядно демонстрируют нам, что в пяти играх с земляками киевляне ни разу не

проиграли.

– Может быть, пока? – подал голос Владимир Агапов.

– Наивное предположение, – ответил за Старостина Гуляев. – Вчера, например, они опять сгоняли нулевую ничью с «Карпатами» во Львове. А во втором круге вместо ничьих с земляками к киевлянам придут победы. Вернее, не придут, а будут им отданы.

– Согласен, – поддержал Гуляева Нетто. – Вы посмотрите, как сверстан календарь чемпионата в части его концовки. С третьего сентября по второе ноября киевляне проводят семь матчей, причем четыре из них они играют у себя дома с земляками-украинцами. И их результаты нетрудно предугадать. Более того, из этих семи матчей целых шесть киевляне играют у себя дома. Наш «Спартак», например, за этот же период проводит всего лишь четыре домашние встречи.

– А наше «Динамо» с 29 августа по 19 октября играет семь матчей, из них четыре дома, – вступил в разговор Гавриил Качалин. – После чего мы летим на Украину, где до конца чемпионата проводим сразу четыре встречи с местными командами. Надеюсь, никому не нужно объяснять, как украинцы играют против москвичей, тем более, когда на кону стоит чемпионство Киева. И такой календарь нам сверстали не случайно, а памятуя прошлогодний чемпионат, где мы едва не нагнали киевлян в споре за серебряные медали.

– Хорошо, что вы затронули эту тему, Гавриил Дмитриевич, – вновь вступил в разговор Старостин. – Это очень актуальная тема: наше – то есть, московских клубов – противостояние с украинскими командами. В этом году оно обещает быть не менее острым, чем ранее, а, может, даже и более, учитывая амбиции киевлян. За минувшие два с половиной месяца сыграно 20 матчей между нашими командами. Что имеем в итоге: 5 побед в нашу пользу, 6 побед в их пользу и 9 ничейных результатов. Нами набрано 19 очков из 40 возможных. Скажем прямо, скромный результат. Больше всего очков – шесть из десяти – набрали динамовцы, у «Спартака» 5 очков из двенадцати, у ЦСКА и «Торпедо» по четыре набранных очка. Но речь идет о другом. Мы теряем очки не только с украинскими командами, но и в матчах друг с другом. В то время как украинцы очками обмениваются. И в итоге у них больше шансов войти в число фаворитов. Я не удивлюсь, например, если в этом году чемпионами станут киевляне, а второе или третье место займет еще одна украинская команда – к примеру, тот же «Черноморец», который дебютирует в высшей лиге после трехлетнего пребывания в первой лиге.

– Если одесситы возьмут «бронзу», то это, скорее всего, будет

не ноготворное, а рукотворное событие, – пошутил Шестернев.

– У них и бомбардир нарисовался – Анатолий Шепель, забивший 38 голов и которого Константин Иванович уже вызвал в сборную, – заметил Гуляев.

– А вы что-то имеете против, Николай Алексеевич? – удивился Бесков.

– Просто та прорва мячей, которую футболисты забивают в первой лиге, в большинстве своем липовая, – ответил Гуляев.

– Коллеги, давайте не будем уходить от темы нашего разговора, – постучал карандашом по столу Старостин. – Я хочу вернуть вас к теме нашего соперничества с украинскими командами. Так вот, с их стороны мы наблюдаем крайнюю степень сплоченности, в то время как мы, москвичи, разобщены.

– Вы предлагаете нам поступать так же, как это делают украинские команды – обмениваться очками? – задал прямой вопрос Иванов.

– Я пока еще ничего не предлагаю – я лишь хочу выслушать ваши мнения, – несколько раздраженно ответил Старостин.

– Если вам интересно мое мнение, то я против такого обмена, – заметил Иванов. – Нам нельзя перенимать украинский опыт.

– Я тоже с этим согласен, – поддержал Иванова Шестернев.

– Но в таком случае киевляне гарантированно будут чемпионами, причем не только в этом году, но и в последующие, – сделал неутешительный вывод Нетто.

– Надо просто хорошо играть, друзья, и проблема будет решена, – подал голос Агапов.

– То-то вы, армейцы, набрали с украинцами всего лишь четыре очка, при этом три игры проведя у себя дома, – поддел тренера ЦСКА спартаковец Гуляев.

– Ну, вот и здесь начинается пикировка между ЦСКА и «Спартаком»! – недовольно пробурчал Старостин. – Нам надо сообща выход искать, а мы опять грыземся.

– А вы что молчите, Константин Иванович? – спросил внезапно у Бескова Нетто.

Бесков ответил не сразу. Сначала он обвел всех присутствующих долгим взглядом, после чего произнес:

– Корень проблемы, которую мы сегодня здесь обсуждаем лежит гораздо глубже, чем об этом говорит уважаемый Николай Петрович. И я думаю, мы все это понимаем, просто боимся озвучить. Но раз уж меня сюда пригласили, то я возьму на себя смелость назвать вещи своими именами. Итак, корень зарыт не в нашем футболе, а во вне его – в политике. Именно она влияет на футбол, которому мы с вами служим. Киевское «Динамо»

обменивается очками со своими земляками не столько потому, что хочет этого – этого хотят покровители команды с самого верха. Это им важно, чтобы их республика была передовой не только по части экономики или культуры, но и спорта.

– Глубоко копаете, Константин Иванович, не боитесь? – спросил Шестернев.

– Волков боятся – в лес не ходить, – живо отреагировал на этот вопрос Бесков и продолжил: – Киевскому «Динамо» легко, потому что у него один хозяин, который имеет влияние на все остальные украинские команды. В Российской Федерации такого хозяина нет, отсюда и наша разобщенность. И последняя только растет, а вот украинская наоборот – только крепнет. Чтобы этому противостоять, одного нашего желания мало. И даже хорошая игра не спасет, поскольку на нее можно найти управу – например, в виде нечестных судей. Здесь нужно заручиться поддержкой людей, близких к самым верхам. Чтобы они между собой договорились, что будут играть по правилам, а не так, как сейчас, когда наш чемпионат превратился в какой-то подпольный тотализатор, где судьбами команд распоряжаются так, как бог на душу положит.

– Но что конкретно вы предлагаете? – спросил Старостин.

– Надо написать коллективное письмо на имя председателя Спорткомитета, чтобы он вышел с ним в ЦК КПСС, а то и на самого Брежнева. В нем надо изложить наше видение этой проблемы, причем не скатываться на частности, а посмотреть на проблему глобально. В конце концов, все мы здесь коммунисты и имеем право на такую постановку вопроса. Ведь речь идет о будущем нашего футбола, который, разрешите вам напомнить, является барометром нашего общества. Он объединяет вокруг себя миллионы людей и может как сплачивать их вокруг себя, так и разъединять.

– Думаете, это поможет? – с явным скепсисом в голосе спросил Нетто.

– Скорее всего, нет, – повернул к нему голову Бесков. – Но так будет гораздо честнее, чем то, чем мы здесь с вами занимаемся. Заставить киевлян играть по правилам могут только окриком с самого верха. А что касается того, что московские команды смогут объединиться против украинских, лично я в это не верю – нет для этого почвы. Это так же нереально, как идея объединить «Арарат» и «Нефтчи» или «Пахтакор» с «Кайратом».

7 июля 1974 года, воскресенье, Москва, Садовая-Триумфадьная, 4/10, квартира Константина Бескова

Вспоминая теперь перипетии того совещания, которое в итоге все-таки решилось принять его предложение и написать письмо на самый верх, Бесков с грустью подумал о том, что толку от этого все равно будет мало и советский футбол, судя по всему, будет развиваться по киевскому, а не московскому сценарию. «Впрочем, если по этому же сценарию будет развиваться и наша политика, то ее ждет не менее грустная история, – подумал Бесков. – В народе уже и анекдоты по этому поводу появились. Дескать, у нас был допетровский период истории, петровский и теперь вот днепропетровский. Даже к футболу это применимо: ведь Лобановский-то у нас переехал в Киев все из того же Днепропетровска».

Когда в 1964 году Бесков впервые возглавил сборную СССР и повез ее на чемпионат Европы, в ней не было ни одного игрока киевского «Динамо». Хотя последнее заняло тогда в чемпионате страны 6-е место. Но Бескову больше импонировали игроки, исповедовавшие несколько другой стиль игры, чем киевляне. Он бы и теперь, во второе свое пришествие в сборную, сократил бы число киевлян вдвое, но ему буквально выкручивали руки в союзном Спорткомитете, а именно – в управлении футбола, где делами заправлял Леонард Земченко и его люди. А тут еще перед матчем с чехословаками некстати травмы получили Федотов и Кипиани. В итоге чехи создали эффективный защитный козырек над своими воротами, где рослые Добиаш, Ондруш и Куна легко прерывали все наши верховые передачи. Так же умело гости проводили свои эпизодические ответные атаки, наступая решительно и большими силами. Между тем как в наступлении советской команды царила неорганизованность. И обусловлена она была в первую очередь игрой киевских динамовцев, которых на поле было пятеро: два полузащитника и три форварда. То Коньков, которому был доверен пост диспетчера, запаздывал с передачами, то Колотов плохо подыгрывал своим партнерам, отдавая неточные пасы, то Блохин расставался с мячом в последнюю очередь – тогда, когда все его партнеры были уже перекрыты. Вот каким образом аукнулся нашей сборной тот «договорняк», который киевляне сгоняли с «Черноморцем» за неделю до этого, причем на этом же поле. Как итог – на 53-й минуте Нехода забивает победный гол в ворота киевлянина Рудакова. И после матча, на пресс-конференции, Бесков справедливо назвал игру своей команды бессистемной. И еще заметил:

– Отдельные наши игроки чрезмерно апеллировали к судье, тем самым демонстрируя свою неготовность к жесткой манере игры, которая в наши дни на международной арене становится

преобладающей.

Все, кто это слышал, поняли, о ком шла речь: чаще всех такими апелляциями занимался киевлянин Олег Блохин. Он, кстати, и во внутренних играх вел себя так же.

– Тебе бы Кожемякина в сборную вернуть – чем-то он на Кройфа похож, – заметил Слащев.

– Похож, да не очень, – ответил Бесков. – Голландцы играют с двумя крайними нападающими, но без ярко выраженного центрфорварда. Кройф, по сути, выступает в роли атакующего полузащитника, который, точно так же как и большинство его партнеров, тяготеет к выходам в переднюю линию нападения. У Кожемякина, в отличие от него, несколько иная функция.

– Ее можно и поменять – было бы желание. К тому же пора уже и других игроков в сборную подтянуть – из разряда незаезженных.

– Я уже набросал список из 50 фамилий игроков из высшей и первой лиг, а также молодежной сборной, – сообщил Бесков. – В ближайшее время буду их отсматривать. А что касается Кожемякина, то он после травмы только делает первые шаги на поле – тренируется. Так что с божьей помощью к осени, может, и заиграет.

Тем временем в телевизоре счет сравнялся. Причем гол был снова забит с пенальти. На 26-й минуте немец Хольценбайн ворвался в штрафную площадку голландцев, но был сбит. Штрафной удар пробивал Брайтнер и сделал это мастерски.

– Кажется, немцы нашли противоядие против тактики голландцев, – заметил Бесков. – Крайние защитники «оранжевых» слишком далеко уходят вперед и немцы, перехватывая мяч, длинными пасами своим крайним нападающим выводят их к воротам противника. Вот и Хольценбайн вошел в штрафную именно после такого паса. Если голландцы не перестроятся, то они заработают еще один гол.

Бесков оказался прав. Спустя 17 минут после гола Брайтнера свое слово сказал и лучший игрок сборной ФРГ Герд Мюллер, который сотворил гол, что называется, из ничего. Он получил мяч от полузащитника Бонхоффа, стоя спиной к воротам голландцев и закрытый защитником. Но Мюллер с разворота несильным ударом отправил мяч в угол ворот. Ни защитник, ни вратарь от него такого решения явно не ожидали. Так немцы вышли вперед – 2:1.

– Как думаешь, сравняют голландцы счет? – спросил в перерыве у Бескова Слащев.

– Только если Кройф сумеет вырваться из-под опеки, – ответил тренер.

Однако во втором тайме «летучего голландца» будто подменили. Что было вызвано инцидентом по завершении первого тайма. Отправляясь в раздевалку, голландец послал обидную реплику по адресу судьи Тэйлора – по мнению Кройфа, то дал неправильный пенальти в ворота голландцев. За это судья показал голландцу желтую карточку. А в раздевалке на Кройфа налетел их тренер Михеле: дескать, куда ты лезешь со своими нравоучениями? Кройфа это обидело и во втором тайме он уже играл не так, как в первом – хуже. И сравнять счет голландцам так и не удалось. Чемпионом мира стала сборная ФРГ.

– Если бы наши попали на этот чемпионат, они бы из группы вряд ли вышли, – произнес Слащев, глядя на экран, где немцы праздновали победу.

Бесков ничего на это не ответил, хотя в душе был согласен с этим мнением. Дело в том, что сборная СССР, попади она на чемпионат, попала бы в одну группу с командами ФРГ, ГДР и Австралии. И обе немецкие команды показали отменный футбол, заняв два первых места. Причем первой оказалась сборная ГДР, обыграв своих западных земляков со счетом по. А команда Чили, которая оказалась на чемпионате вместо сборной СССР, заняла 3-е место с двумя очками (они дважды сыграли вничью – с ГДР и Австралией). Так что советскую сборную вполне могли ждать та же участь, окажись она на этом чемпионате, ведомая тренером Евгением Горянским.

Зато блестяще выступила команда Польши, которую советское руководство пыталось уговорить солидаризироваться с позицией СССР и не отправлять свою сборную в ФРГ. Но поляки ответили решительным отказом. И заняли третье место, обыграв в финале команду Бразилии по. Гол у поляков забил Гжегож Лято, который стал лучшим бомбардиром турнира – забил 7 мячей. Так поляки доказали, что не зря отказали советским властям.

8 июля 1974 года, понедельник, Польша, дорога из аэропорта Окенце в Варшаву

Спецсамолет «Аэрофлота» из Москвы приземлился в Варшаве в десять часов пятнадцать минут утра. На его борту находились несколько пассажиров, в том числе и двое сотрудников 9-го управления КГБ, занимавшегося охраной первых лиц государства. Это были: полковник Сергей Королев – заместитель начальника 9-го управления и полковник Федор Костров из службы выездной охраны. Целью их приезда было наметить с местными спецслужбами план охраны Леонида Брежнева во время его

посещения Польши, которое должно было пройти 19–22 июля. Высоких гостей в аэропорту встречали их коллеги: глава представительства КГБ СССР в Польше Виталий Павлов, вице-министр внутренних дел Польши Тадеуш Петшак и директор Бюро охраны правительства МВД ПНР, генерал бригады гражданской милиции Ян Гурецкий. Когда гости уселись в правительственную «Чайку», Петшак на хорошем русском спросил:

– С чего начнем?

– Для начала осмотрим трассу с заездом на кладбище-мавзолей советских воинов. Там, кстати, ничего не изменилось?

Вопрос не был случайным. В последний раз Брежнев приезжал сюда в мае прошлого года, сразу после Дня победы, и тоже заезжал на это кладбище. Собирался он это сделать и в этот раз по пути из аэропорта в Варшаву.

Заехав на кладбище и пройдя весь путь, который предстояло преодолеть советскому генсеку, гости остались довольны увиденным и, отдав соответствующие распоряжения своим сопровождающим (а те записали это в свои блокноты), вновь вернулись к автомобилям, чтобы продолжить свой путь.

– В этот раз Леонид Ильич пробудет у вас чуть больше обычно – четыре дня – поэтому, какие мероприятия вы наметили? – усаживаясь в автомобиль, спросил Королев у Петшака.

– Вечером 19-го намечено чествование дорогого гостя в Варшаве членами ЦК нашей партии, – ответил поляк. – А на следующий день предстоит поездка в Силезию для встречи с тамошним партийным активом и жителями края. Все мероприятия будут проходить во Вроцлаве в первой половине дня. А после обеда я лично собираюсь отвезти Леонида Ильича на горячо любимую им охоту.

Услышав это, Королев улыбнулся. Он знал, что Петшак уже пять является председателем Высшего охотничьего совета Польского охотничьего союза.

– Затем из Вроцлава мы снова вернемся в Варшаву, где состоится продолжение торжеств по случаю 30-летия нашей республики, – продолжил свой рассказ Петшак.

– Проезд товарищей Брежнева и Герека по городу снова будет происходить в автомобиле с открытым верхом? – поинтересовался Костров, до этого молчавший.

– На этом настаивает товарищ Герек – ему хочется, чтобы люди имели возможность наблюдать за лидерами двух дружественных стран воочию, – ответил за поляка Павлов.

– Трасса проезда вами уже намечена? – задал очередной

вопрос Костров.

– Да, она протянется на пять километров, – сообщил Петшак.

– В таком случае, мы хотели бы ее осмотреть уже сейчас.

Петшак подал сигнал водителю и «Чайка» тронулась с места, взяв курс на Варшаву. Когда они выехали на трассу, в разговор вступил Гурецкий:

– Товарищ Брежнев по-прежнему собирается улететь утром 22-го?

– Почему вы об этом спросили? – поинтересовался Королев.

– Дело в том, что в эти же дни в Кракове и Вроцлаве будет проходить праздничный футбольный турнир, с участием четырех сборных команд: Советского Союза, Польши, Болгарии и Румынии. У товарища Брежнева не возникнет желания его посетить?

Прежде чем ответить, Королев и Костров обменялись короткими взглядами. Затем Королев ответил:

– В данный момент мы не можем вам ответить на ваш вопрос, поскольку в наш первоначальные планы этот турнир не входил. А когда, вы говорите, он заканчивается?

– Двадцать второго будет финал во Вроцлаве.

– В котором часу?

– Днем, как раз за несколько часов до вашего отлета.

– Спасибо, что вспомнили про это мероприятие – мы обязательно будем иметь его в виду, – ответил Королев.

Точного ответа по поводу этого события он дать не мог – решать все должен был сам Брежнев. Но если бы решение зависело от Королева, то он бы предпочел не задерживаться в Польше дольше намеченного времени. Как говорится, дома гораздо спокойнее.

8 июля 1974 года, понедельник, Кремль, зал заседаний Политбюро ЦК КПСС

На этом заседании Политбюро настоял глава Совета Министров Алексей Косыгин. Дело в том, что через три недели Брежнев должен был уехать отдыхать в Крым практически на все лето и в это время жизнь в Политбюро фактически замирала. А вопрос, с которым вышел на Политбюро Косыгин, был принципиальный – надо было определиться со стратегией экономического развития страны на ближайшую перспективу. На принятии этой стратегии настаивал хозяйственный аппарат, которым в масштабах всей страны и руководил Косыгин. Но Брежнев, который опирался прежде всего на партийный аппарат,

всячески оттягивал принятие этой стратегии, поскольку она шла вразрез с косыгинской, а это означало, что значительное количество хозноменклатуры оказалась бы недовольной. Генсек этого опасался, но и долго тянуть со своим решением тоже не мог.

Суть косыгинского плана состояла в том, что он хотел провести новый этап индустриализации СССР. Первый, как известно, был осуществлен в конце 20-х – начале 30-х годов и позволил стране совершить невероятный рывок в своем развитии, с помощью которого была выиграна война. Повторение такого же рывка в новых условиях обещало стране не менее заманчивые перспективы. Косыгинский план предусматривал преимущественное развитие не сырьевых, а перерабатывающих отраслей, особенно в азиатском регионе страны, то есть на базе имеющихся там природных и трудовых ресурсов. Когда предсовмина озвучил эту идею на Политбюро, Брежнев не преминул заметить:

– Алексей, твой план хорош, за исключением одного «но»: он растянется на несколько лет и не обещает нам положительного результата. А у нас нет времени на такие ожидания – мы должны, как говорится, ловить момент. Особенно после нефтяного кризиса прошлого года.

Брежнев имел в виду события октября 1973 года, когда почти все арабо-исламские государства, экспортирующие нефть и нефтепродукты, либо ограничили, либо вообще прекратили поставки нефти и газа странам, которые поддерживали Израиль. И в этой ситуации СССР принял решение помочь Западу и заработать на этой помощи хорошие дивиденды – он не поддержал «нефтяное эмбарго» и увеличил экспорт на Запад нефти и особенно газа в обмен на кредиты и технологии.

– Когда мы в прошлом году принимали это решение, я, как вы помните, выступил против этого, – напомнил всем о своей тогдашней позиции Косыгин. – Меня в этом поддержали товарищи Машеров, Мазуров и Катушев. Но нас не послушали.

– Что значит не послушали? – вступил в разговор Николай Подгорный. – Мы поставили тот вопрос на голосование и наша позиция набрала большинство голосов. Та же ситуация, судя по всему, сложится и сегодня. Но вы, Алексей Николаевич, все равно продолжаете настаивать на своем.

– Я это делаю, поскольку отвечаю за экономику и вижу, что некоторые наши решения способны не улучшить, а усугубить ее положение.

– По-вашему, прошлогодним решением мы сделали плохо нашей экономике? – искренне удивился еще один участник

заседания – Андрей Кириленко. – Разве вы не знаете, что с помощью наращивания нашего нефтегазового экспорта в Европу мы только за этот год сумели быстро насытить наш внутренний рынок импортом как высокотехнологичной продукции, так и товаров повседневного спроса. Вы выйдите на улицы наших городов и спросите у простых граждан: рады они тому, что у них появилась возможность в еще больших количествах покупать в магазинах импортные товары или же они этому не рады?

– Это называется популизм, Андрей Павлович, – возразил коллеге Кирилл Мазуров. – Голосуя за это решение, вы же не объяснили нашим гражданам, что насаждение сырьевой модели рано или поздно поставит нашу страну в зависимость от тех кредитов, которые мы берем у Запада. Кстати, наших друзей по социалистическому блоку это тоже касается – там тоже идут по нашему пути.

– И что вы предлагаете взамен – сократить наш нефтегазовый экспорт? – обращаясь к Косыгину спросил Дмитрий Полянский.

– Нет, но мы хотим вынести на ваше обсуждение план, который поможет хотя бы «подстелить соломку» на будущее – минимизировать наши риски, – ответил предсовмина. – В следующем году должно начаться строительство газопровода Оренбург – Ужгород, а следом будет построен, опять-таки через Украину, другой аналогичный газопровод Уренгой – Помары – Ужгород. Но это нарушает принцип равных возможностей и предоставляет руководству одной из республик большие преференции. Через это товарищи с Украины смогут располагать большим влиянием в нашем руководстве, причем не только в сфере экономики, но и в политике вообще.

– Вы понимаете, что вы говорите? – не скрывая своего возмущения, спросил Кириленко.

– Я прекрасно отдаю отчет своим словам, – все тем же спокойным голосом, ответил Косыгин. – Помимо политического риска есть и экономический. Свыше 70 процентов протяженности сети экспортных газопроводов на западе нашей страны будет размещено на Украине, причем в ущерб критериям минимума расстояния перекачки газа и, соответственно, строительно-эксплуатационных затрат.

– И что же вы хотите предложить взамен? – снова вступил в дискуссию Подгорный.

– Мы предлагаем равномерное распределение трубопроводной сети по территории Белоруссии, Украины и Молдавии, в том числе с учетом фактора минимального расстояния перекачки газа до западной границы СССР через территорию Белоруссии. С предсовминами Белоруссии и

Молдавии я уже говорил – они с этим проектом согласны.

– А предсовмина Украины что говорит? – поинтересовался главный идеолог Михаил Суслов.

– Товарищ Ляшко кивает на товарища Щербицкого, – ответил Косыгин и перевел свой взгляд на главу компартии Украины.

– И правильно кивает – я против этого проекта, – сообщил Щербицкий. – Да, наши расстояния более значительные, чем белорусские, но зато размещение газоэкспортной сети положительно скажется на настроениях людей, живущих на Западной Украине. Мы же не хотим, чтобы там росли антимосковские настроения?

– Они там растут вне зависимости от того, будет проложен у них газопровод или нет, – вступил в разговор Машеров. – Это, к сожалению, объективная реальность. Учитывая это, хорошо бы нам подумать о будущем.

– На что вы намекаете? – спросил Щербицкий.

– На то, что если у нас когда-то, не дай бог, могут начаться дезинтеграционные процессы, то наличие на Западной Украине газопровода может парализовать его работу. Зато территория Белоруссии таких рисков для этого проекта не несет.

– Это черт знает что! – всплеснул руками Подгорный. – О каких таких процессах здесь идет речь?

– Перестаньте играть в наивность, – обратился к Подгорному Косыгин. – Все мы здесь серьезные люди и не первый год в политике. Поэтому наша задача не приукрашивать действительность, а предполагать различные варианты развития событий, в том числе и не самые благоприятные. На Западной Украине очень силен национализм и он таит в себе большие риски для нашего газового проекта. Жалко на этом заседании нет товарищей Андропова и Гречко – они мы могли описать ситуацию в этом регионе с точки зрения тех рисков, которые прогнозируют их ведомства.

– Украина – стабильная республика была, есть и будет! – четко выговаривая каждое слово заявил Подгорный. – И если кто-то в этом сомневается, то это и есть подрыв единства не только в нашем Политбюро, но и в нашей партии вообще.

– А растущие амбиции некоторых республик в ущерб других это не подрыв нашего единства? – парировал этот выпад Косыгин. – Причем это касается не только экономики. Я вот не большой поклонник футбола, но три дня назад мы все получили копию письма из Спорткомитета СССР, в котором тренерский совет Федерации футбола жалуется на то, что украинские клубы мухлюют с результатами матчей – обмениваются очками друг с другом. Вам что-то об этом известно, Владимир Васильевич?

Щербицкий, к которому был обращен этот вопрос, вздрогнул, поскольку совсем не ожидал, что на этом заседании кто-то поднимет эту тему. Но его растерянность длилась недолго. Повернувшись к Косыгину, он произнес:

– У членов тренерского совета нет ни одного факта, который бы уличал наши команды в сговоре. Это типичная межведомственная война, вызванная тем, что московские клубы два года не могли пробиться в тройку сильнейших и были вытеснены оттуда украинскими командами. Вот откуда растут ноги у этого письма.

– Но речь-то идет не о том, – пришел на помощь премьеру Мазуров. – Московские клубы разобщены и не могут обмениваться очками друг с другом. А украинские клубы могут, поскольку у них один начальник – это вы, Владимир Васильевич. И вообще – шесть украинских клубов в высшей лиге из шестнадцати это слишком. Это все тот же подрыв равных возможностей. И обмен очками между украинскими командами как раз и сигнализирует о том, что кто-то заинтересован в том, чтобы одна республика имела все, а другие ничего.

– Вы так говорите, Кирилл Трофимович, потому что ваше минское «Динамо» вылетело в первую лигу, – подал голос Полянский.

– Оно вылетело не по собственной воле, а из-за интриг, – перевел взгляд на Полянского Мазуров. – Вот и сейчас в первой лиге происходит то же самое – нам перекрывают дорогу для возвращения в высшую лигу.

– Кто перекрывает? – удивился Брежнев.

– Те ведомства, которые курируют московский «Локомотив» и ростовский СКА. Я имею в виду МПС и Северо-Кавказский военный округ.

– Кирилл, но ты же член Политбюро? – продолжал удивляться Брежнев.

– Вот об этом и идет речь, Леонид Ильич – что это за ситуация, когда член Политбюро должен вмешаться, чтобы футбольный клуб из его республики не оказался «съеден» разного рода интриганами от спорта? Что это за футбол у нас такой?

– Нормальный у нас футбол! – взорвался Подгорный. – Два года назад мы пробились в финал чемпионата Европы и это произошло законным путем, а не с помощью каких-то интриг. Это лишний раз доказывает, что футбол у нас в целом здоровый и находится на правильном пути. Интриги против нас плетут другие – те, кто хочет перекрыть нам дорогу на очередной чемпионат мира.

– Товарищи, вообще-то тема нашего сегодняшнего разговора

не спортивная, а экономическая, – вернул всех к повестке дня Суслов. – Алексей Николаевич поставил нас перед дилеммой, которую мы и должны решить: пускать газопровод только по территории Украины или по территории трех республик – Белоруссии, Украины и Молдавии. Как будем решать?

– Естественно как – голосованием, – предложил Полянский.

– Тогда давайте голосовать, – предложил Суслов. – Кто за предложение Алексея Николаевича, прошу поднять руки.

И Суслов первым поднял свою руку вверх. Его примеру последовали Косыгин, Мазуров и еще двое членов Политбюро. Однако тех, кто был против этого проекта, оказалось на одного человека больше. И этим человеком был Брежнев.

8 июля 1974 года, понедельник, Москва, Старая площадь, ЦК КПСС

Заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Олег Косов, курировавший спорт, принимал у себя в кабинете председателя Футбольной Федерации Польши Зденека Паточняка. Разговор шел о предстоящем футбольном турнире, который был приурочен к 30-летию ПНР. Польский гость привез в Москву окончательный вариант формулы турнира, с которым Косов внимательно ознакомился и тут же его… забраковал.

– Вы предлагаете четырем сборным – нашей, польской, болгарской и румынской – сыграть в два этапа: по два матча друг с другом и затем финальная игра, – подняв глаза от документа, произнес Косов. – Но это нам не подходит – слишком долго. А во-вторых, нам бы не хотелось пересекаться с румынской командой и вы сами знаете почему.

Паточняк действительно это знал. Впрочем, об этом были осведомлены почти все в Восточном блоке – о непростых отношениях между СССР и Румынией, а вернее, между Брежневым и Чаушеску. Румынский лидер вел себя слишком независимо и фактически игнорировал советские директивы. Он осудил ввод войск Варшавского Договора в Чехословакию в августе 68-го, а годом позже первым из социалистических лидеров принял у себя президента США Ричарда Никсона. Кроме этого, Румыния не разорвала дипломатические отношения с Чили после того, как там к власти пришла хунта во главе с Пиночетом, а также вступила в Международный валютный фонд. И уж совсем демонстративным был арест заместителя министра внутренних дел Румынии по обвинению его в шпионаже в пользу… СССР. В ответ советское руководство принуждало другие страны СЭВ

сокращать торгово-экономические связи с Румынией. Применялись и другие методы давления. Так, венгерский лидер Янош Кадар затеял кампанию за «возвращение» Венгрии Трансильвании (исконно румынской территории, оккупированной Венгрией до 1945 года), против «дискриминации трансильванских венгров», а болгарский лидер Тодор Живков потребовал пересмотра болгаро-румынской границы на Дунае.

Из-за этого Брежнев еще ни разу не посещал с официальным визитом Румынию, где правил Чаушеску. Поэтому они в основном встречались в Крыму, где советский генсек любил отдыхать и там принимал лидеров социалистических стран. Но когда в прошлом году Чаушеску приехал в Крым, у него вышел резкий разговор с Брежневым по поводу Молдавии.

– Мы в прошлом году обещали признать и не игнорировать Молдавскую ССР, – заявил румынский лидер. – Но мы никогда не согласимся и не признаем, что есть какая-то отдельная молдавская нация и отдельный молдавский язык. Вспомните Михая Кантемира, царских министров и работы ваших же советских авторов, опубликованные в 20-е и 30-е годы, а также послевоенную Большую советскую энциклопедию, где сказано, что в СССР между Прутом и Днестром живут румыны.

– Не надо использовать только тех авторов или только те места из работ тех или иных деятелей, в том числе Кантемира, где имеются выгодные для румын положения, а надо смотреть на вещи реально, – возразил Брежнев. – Молдавский народ, его язык, культура, национальное самосознание существуют реально и сколько бы их не отрицали, не перестанут существовать. К тому же я в свое время работал в Молдавии и могу с полным основанием заявить: они существуют реально.

– Я у них тоже был, но они разговаривали со мной по-румынски.

– Что вы цепляетесь за язык, Николай Андреевич, – возмутился Брежнев. – Если бы даже молдавский и румынский языки были абсолютно идентичными, хотя это совсем не так, то и тогда нельзя было бы говорить о единой нации. И во многих других странах народы говорят на одинаковых языках, но это разные нации. Я имею в виду Австрию, Германию, Англию, США, те же арабские страны и т. д. В этом вопросе вы стоите не на марксистских позициях.

Об этих разногласиях знали везде, в том числе и в Польше, поэтому слова Косова не стали для Паточняка открытием. Но он знал и другое: что советская и румынские сборные по футболу старались не играть товарищеских матчей, однако в апреле прошлого года эта традиция была нарушена матчем между ними

в Киеве. Сборная СССР тогда победила 2:0. Именно поэтому в польской Федерации футбола и решили, что блокада прорвана и можно снова свести русских и румын на зеленом газоне. Но это оказалось не так. Поэтому Паточняк поинтересовался:

– Тогда какую формулу турнира предлагаете вы?

– Пусть с румынами встретится ваша сборная, а мы сыграем с нашими «братушками» – с болгарами. Команды, которые победят, и выйдут в финальную пульку. Две другие команды разыграют между собой третье место. В итоге эти соревнования уложатся в три дня.

– Леонид Ильич будет на них присутствовать? – спросил Паточняк.

– Этого мы не знаем. Пока в его планы это мероприятие не входило, но кто знает, как случится на месте. Леонид Ильич человек в этом плане непредсказуемый.

8 июля 1974 года, понедельник, Варшава, Дворец науки и культуры

Анджей Кравчик стоял у стенда на третьем этаже Дворца науки и культуры и внимательно всматривался в лица знаменитых боксеров Польской Народной Республики. Только что он побывал на встрече варшавян со знаменитым польским боксером, а ныне тренером и общественным деятелем Феликсом Штаммом, который работал тренером национальной сборной команды Польши по боксу с 1928 по 1971 год. С его именем были связаны основные достижения польских боксеров на международных состязаниях: при нем сборная страны участвовала в семи Олимпиадах (1936–1968), на которых завоевала 23 медали (в том числе 6 золотых, 7 серебряных и 10 бронзовых). В Польше Штамма ласково называли «папаша Штамм» и всегда внимательно прислушивались к его советам по части бокса. Вот и сегодня зал на его выступлении был забит битком и люди с интересом слушали его воспоминания о прошлых победах, а также размышления о сегодняшнем дне. В середине своей речи Штамм внезапно упомянул и Анджея Кравчика: по его словам, талантливого боксера польского происхождения, который доказал всему миру, что поляки никого не боятся и умеют побеждать даже под дулами автоматов. После этих слов Штамм попросил Кравчика подняться со своего места, чтобы зал мог лицезреть своего земляка, которого в прошлом году так радушно приняла Польша, устроив ему торжественный прием. После этого имя Анджея Кравчика стало здесь очень

популярным. И эта слава достигла новых высот, когда два месяца назад Кравчик, представляя Польшу, победил в международном боксерском турнире в Братиславе, одолев в финале чехословацкого боксера Иржи Черника, которого тренировал знаменитый Ян Захара.

И теперь, вспоминая те лестные слова, которые отпускал сегодня Штамм по его адресу, Кравчик смотрел на фотографии знаменитых польских боксеров, глядевших на него со стенда, и мысленно отождествлял себя с ними. А боксеры были и в самом деле знаменитые, причем все сплошь ученики Штамма: Зыгмунт Хыхла, Зенон Стефанюк, Лешек Дрогош, Збигнев Петшиковский, Тадеуш Валасек, Казимеж Паздзёр и другие.

– Хотите стать похожим на них, пан Кравчик? – прервал размышления боксера чей-то голос, раздавшийся у него за спиной.

Боксер обернулся, и увидел рядом с собой пожилого мужчину с абсолютно седой головой. Он протянул Анджею руку и представился:

– Ежи Ковальский. Как, кстати, ваша нога?

Вопрос был не случайным. Три недели назад всю Польшу облетела новость о том, что Анджей Кравчик угодил в аварию на своем спортивном мотоцикле. Об этом даже написали в «Пшеглонд спортовы», после чего Кравчику пришлось выступить на телевидении, чтобы успокоить общественность: дескать, авария легкая, пострадала только правая нога, да и та несерьезно. «Но похромать какое-то время придется», – заметил Кравчик в заключении своего интервью. С тех пор он ходил, опираясь на тросточку, которая была с ним и теперь, во Дворце науки и культуры.

– Спасибо, пан Ковальский, моей ноге уже значительно лучше, – ответил боксер, отходя от стенда.

Между тем эта легкая травма была рукотворной. Она специально понадобилась боксеру в преддверии заключительного этапа той операции, ради которой он, собственно, и прибыл в Польшу – покушения на Брежнева. В скором времени ему должны были доставить специальную трость, которая путем нехитрых манипуляций могла превратиться в… снайперскую винтовку с накладным оптическим прицелом. Именно с помощью этого оружия Кравчик и должен был расправиться с советским генсеком.

– Я наблюдал сегодня за вами в зале и заметил – вам доставляет удовольствие быть в центре внимания, – продолжил свою речь Ковальский.

– Я еще недостаточно стар, чтобы устать от славы, –

улыбнулся в ответ Кравчик.

– Но вы должны не забывать о старой истине: чем выше забираешься, тем больнее падать.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожился боксер.

– Всего лишь то, что любая власть может легко приголубить, но так же легко и дать затрещину.

– Мне кажется, последней я не заслужил.

– Это вам так кажется. Вы все равно для нашей власти будете чужаком, к тому же с червоточиной – ведь ваш отец погиб в Катыни.

– Откуда вы знаете? – искренне удивился Кравчик, который официально никому про этот факт из своей семейной истории еще не говорил.

– Мы связались с вашим дядей и он нам все рассказал. А поскольку я представляю неофициальное общество «Катынь», то мы легко установили, кем был ваш отец – офицером Войска Польского Збышеком Кравчиком. Только вы должны знать, что вашего отца расстреляли не немцы, а русские.

– Я не лезу в политику, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже, ответил Кравчик.

– Незаметно, – усмехнулся Ковальский. – С того момента, как вы нокаутировали любимчика самого Пиночета, вы уже по уши влезли в политику. Поэтому я предлагаю вам сотрудничество – приходите к нам в общество, мы покажем вам много интересных документов о Катыни.

– Я ничего не имею против вашего общества, но мне не хочется портить свои отношения со здешними властями. Ведь вы, как я понял, полудиссидент?

– Я патриот Польши и хочу, чтобы вы им тоже стали. Зачем вам пачкать свое имя сотрудничеством с этой властью? Впрочем, разве только с ней? На вас уже наверняка обратили свой взор и советские товарищи – потомки тех, кто расстрелял вашего отца. Неужели вы и с ними станете сотрудничать?

Кравчик предпочел не отвечать на этот вопрос. Вместо этого он демонстративно отвернулся от Ковальского и, стуча своей тростью, направился к выходу из Дворца.

Спустя час боксер был уже на Раковицкой, дом 2, где располагалось МВД Польской Народной Республики. До этого он уже бывал несколько раз в этом здании, когда в прошлом году проходил процедуру получения новых документов. В кабинете № 205 работал капитан Богдан Лещинский, который помогал Кравчику в его одиссее с документами. На удачу он оказался на месте. И Кравчик почти слово в слово пересказал ему свою беседу с Ковальским, закончив свой рассказ словами:

– Я не для того вернулся на родину, чтобы давать повод властям думать обо мне плохо. Я не хочу иметь дела с диссидентами.

– Вы правильно сделали, что пришли к нам, пан Кравчик, – похвалил боксера Лещинский. – Но я занимаюсь паспортной системой, а вам обязательно надо рассказать свою историю моим коллегам из 3-го отдела. Он отвечает в нашем МВД за борьбу с антигосударственной политической деятельностью. Пойдемте со мной – я познакомлю вас с моим коллегой из этого отдела.

Этим коллегой оказался полковник Кшиштоф Пишчек, заместитель начальника 3-го отдела. Выслушав рассказ Кравчика, он тоже похвалил его за этот поступок, пожал руку и на прощание пообещал:

– Можете не волноваться – больше этот Ковальский вас не побеспокоит.

Выйдя из здания МВД и направляясь к своему «Фиату-125», который ему подарила Федерация бокса Польши, Кравчик с удовлетворением подумал: «Кажется, теперь любые подозрения насчет моей лояльности к польской власти будут сняты. Жалко, конечно, этого Ковальского, но лучше пожертвовать им, чем тем делом, ради которого я сюда прибыл».

9 июля 1974 года, вторник, Киев, квартира на проспекте Комарова и отделение милиции на улице Артема

Разбуженный громкой трелью телефонного звонка, Влас Оленюк открыл глаза и взглянул на часы – было начало одиннадцатого утра. Осторожно сняв с себя руку Нонны, сыщик встал с кровати и, шлепая по полу босыми ногами, отправился в коридор. Там он взял в руки телефонный аппарат и ушел с ним на кухню, плотно прикрыв за собой дверь. Он уже догадался, кто именно ему звонит – его шеф Петр Маринин. И чутье его не подвело – едва он поднял трубку, как услышал в ней прокуренный голос начальника «убойного» отдела:

– Ты опять у своей продавщицы пропадаешь?

– А вы хотите, чтобы я пропадал у уролога? – нашелся что ответить Оленюк. – Я, Петр Мартынович, целоваться хочу!

– Надеюсь, за ночь ты уже нацеловался. Поэтому бери ноги в руки и дуй в отделение милиции на улице Артема. Там задержали человека, который клал деньги на сберкнижку и среди этих купюр обнаружились три пятидесятирублевки, которые проходят по делу об убийстве Клима Пустовила.

– Дальше можете не продолжать, – вскочил со стула Оленюк

и первым положил трубку на аппарат.

Стараясь не разбудить Нонну, он осторожно собрал свою одежду и вышел с ней в другую комнату. Где быстро оделся и покинул квартиру своей любовницы, которая, утомленная ночными утехами, спала теперь, как убитая.

От дома на проспекте Комарова до отделения милиции на улице Артема было полчаса езды: надо было всего лишь миновать улицы Борщаговского и Косиора, свернуть направо и вот она – нужная улица. Причем Оленюк пришел вовремя – допрос был в самом начале. Вел его молодой инспектор Константин Шило, а в роли задержанного выступал вполне себе добропорядочный гражданин в белых брюках и такого же цвета рубашке с закатанными по локти рукавами. Звали его Глеб Зинонович Мовсюк, ведущий специалист из Института имени Патона.

Как понял Оленюк, Мовсюк сегодня утром пришел в сберкассу, чтобы положить на сберкнижку пятьсот рублей, среди которых внимательная кассирша и обнаружила три купюры, которые с осени прошлого года находились в реестре разыскиваемых. Они числились в списки денег, которые покойный Клим Пустовил получил в Федерации футбола Украины. Несмотря на то, что эти деньги предназначались для незаконной операции, получены они были ранее из Госбанка Украины, поэтому номера купюр удалось быстро восстановить. И объявить их во всесоюзный розыск. Похищенная сумма равнялась 30 тысячам, распределены они были по тридцати пачкам, причем в двадцати восьми было по десять купюр номиналом в 100 рублей (280 «сотенок»), а в двух других пачках было по двадцать 50-рублевых купюр (40 «полторашек»). С тех пор минуло девять месяцев и только теперь три купюры из двух последних пачек и «всплыли» на поверхность. А вот каким образом – это и предстояло выяснить Оленюку и Шило.

– Я вам еще раз повторяю, эти деньги не мои – я их нашел на улице на прошлой неделе, – усталым голосом рассказывал Мовсюк. – Гулял с собакой и в кустах наткнулся на кошелек. Открыл, а там эти три пятидесятирублевки.

– А кошелек можно посмотреть? – поинтересовался Шило.

– Я его сразу выкинул за ненадобностью – ему уже сто лет в обед было, – без всякой паузы ответил Мовсюк.

Сидя в углу кабинета, Оленюк слушал этот диалог и внимательно наблюдал за задержанным. Тот явно волновался, хотя и старался скрыть это волнение за показной усталостью. Но наметанный глаз опытного сыщика сразу определил, что Мовсюк рассказывает сейчас придуманную им наспех легенду, пытаясь скрыть правду. И тогда сыщик решил взять инициативу в свои

руки.

– А где вы работаете, Глеб Зинонович? – спросил Оленюк.

– В Институте Патона ведущим специалистом, – бросив мимолетный взгляд на сыщика, ответил задержанный.

– В таком случае вы совсем не заинтересованы в том, чтобы туда пришла бумага о вашем недостойном поведении.

– Что вы имеете в виду? – спросил Мовсюк и на этот раз его взгляд задержался на сыщике куда дольше.

– Я имею в виду то, что вы нам здесь «забиваете баки», как выражался Остап Бендер. Происхождение найденных вами денег совсем иное и мы обязательно это узнаем. И когда это случится, вам будет крайне неловко за ваше теперешнее поведение. Если не сказать больше – вы можете серьезно пострадать.

– А это еще почему?

– Потому, что эти деньги проходят по делу об убийстве. И если выяснится, что вы нам лжете, часть вины ляжет и на вас за сокрытие важных для следствия сведений.

Произнося эти слова, Оленюк не сводил взгляда с задержанного и от него не укрылось то, как после сказанного им Мовсюк покраснел, а в его глазах появился неподдельный испуг. Значит, сыщик все делал правильно. Другое дело в его планы не входило загонять допрашиваемого в угол, после чего тот мог запереться. Здесь надо было действовать тоньше.

– Давайте сделаем так, Глеб Зинонович, – после небольшой паузы вновь заговорил Оленюк. – Мы попросим товарища Шило не записывать ваши показания в протокол. Но взамен вы расскажете нам подлинную историю попадания этих денег к вам в руки. Если в этой истории ваше поведение выглядит не слишком достойно, то об этом узнаем только мы с товарищем Шило – больше никто. Согласны?

Какое-то время Мовсюк сохранял молчание, мучительно размышляя над предложением сыщика. После чего он, наконец, кивнул головой.

– Итак, мы ждем вашего честного рассказа, – вновь обратился к задержанному Оленюк.

– Эти деньги я получил в качестве сдачи, когда два дня назад ездил покупать автомобиль, – сообщил Мовсюк.

– А в каких краях это происходило? – дымя сигаретой, спросил Шило.

– Во Львове, – последовал ответ. – Здесь у нас в Киеве достать автомобиль без очереди практически невозможно. Вот возьмите, к примеру, меня. Я уже пять лет являюсь ведущим специалистом в области физико-химических способов сварки, но купить машину не могу. Меня только в прошлом году поставили на очередь,

которая подойдет лишь в 1976 году. А я не хочу так долго ждать. Вот и пришлось рвануть за машиной во Львов.

– А там что, не Советский Союз – очередей не существует? – спросил Оленюк.

– Нет, там то же самое, но у меня там появился знакомый, который может решить эту проблему.

– И что это за знакомый такой, который может достать автомобиль вне очереди? – продолжал интересоваться Оленюк.

– А вот это тоже интересная ситуация, – усмехнулся Мовсюк. – Мой знакомый имеет выходы на футбольную команду львовских «Карпат», через которые и помогает людям доставать автомобили. Естественно, с некоторой наценкой. Но вы мне ответьте на такой вопрос: почему футболистам автомобили выделяют без всяких очередей, а мне, ведущему специалисту головного института, приходится ждать то же самое годами. У нас что, футболисты ценнее ученых?

– Вопрос действительно интересный, – согласился с задержанным Оленюк. – Особенно в свете того, что мы, инспектора уголовного розыска, тоже годами вынуждены стоять в очередях за автомобилями, как и вы, ученые. Давайте сделаем так, Глеб Зинонович. Напишем с вами коллективное письмо в наш Совет Министров с просьбой уравнять всех в этом вопросе.

– Вы что, издеваетесь? – искренне возмутился Мовсюк.

– А вы почему задаете глупые вопросы и ищите здесь на них ответы? – не моргнув глазом, ответил Оленюк. – Такова наша действительность и ее надо принимать такой, какая она есть. Так что расскажите нам лучше, как зовут этого вашего львовского «старика Хоттабыча».

– Иосиф Купрейчик. Мы с ним познакомились в прошлом году на нашем стадионе – когда киевляне играли с их «Карпатами».

– Имеете в виду апрельский матч, который мы выиграли по? – спросил Оленюк, который тоже был на этой игре.

– Тот самый, там еще Веремеев гол забил почти в концовке игры. Вот там я и познакомился с Купрейчиком – наши места на трибуне оказались рядом.

– И чем интересно вы друг другу приглянулись?

– Он оказался деловым человеком. Мне тогда нужна была финская стенка, так вот он помог ее достать – мне привезли ее прямо из Львова.

– А теперь, значит, он помог вам и с автомобилем? Какой марки?

– «Жигули», ВАЗ-21-01. Отдал за нее шесть тысяч семьсот рублей при официальной цене в пять тысяч шестьсот пять рублей.

Будете оформлять как спекуляцию?

– Мы же договорились, что ваши показания не попадут в протокол, – напомнил собеседнику о своем обещании Оленюк. – Итак, он достал вам автомобиль…

– … и дал мне с моих семи тысяч вот эту самую сдачу, где были эти три купюры по пятьдесят рублей.

– Как выглядит ваш Купрейчик? – спросил Оленюк, надеясь услышать описание внешности человека, похожего на Корнея Капустина по кличке Моченый.

Но Мовсюк описал совершенно иного гражданина:

– Небольшого роста, чернявый, голова с залысинами.

– А нос у него не перебит?

– Нормальный у него нос – крючковатый.

– А где живет этот Купрейчик вы знаете? – подал голос Шило.

– Рядом с площадью Рынок. Но точного адреса я не знаю – он сам на меня выходил. Но его в «Карпатах» все знают, так что найти его будет не трудно.

Глядя теперь в глаза допрашиваемому, Оленюк понял, что тот говорит правду. Значит, надо ехать во Львов и распутывать клубок уже оттуда. «Нонка будет очень недовольна этой моей командировкой», – подумалось в следующий миг сыщику.

9 июля 1974 года, вторник, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Сидя за столом, шеф КГБ внимательно изучал последние донесения его сотрудников относительно функционирования подпольного тотализатора. После событий осени прошлого года, когда погиб Зольский и КГБ так и не удалось вычислить Банкира, руководившего московским тотализатором, эта «ветка» явно почувствовала опасность и затихла. Во всяком случае перестали функционировать сразу три «точки» тотализатора, в том числе и та, что находилась на улице Карла Маркса. Секретарь Бауманского РК КПСС Филипп Одинцов и его подельники перестали делать ставки на футбольные матчи и вели вполне добропорядочный образ жизни. Однако это вовсе не означало, что другие участники тотализатора, не попавшие в поле зрения КГБ, прекратили свою деятельность.

Между тем та история с газетами в дипломате, который оставил в ячейке камеры хранения Курского вокзала Филипп Одинцов, наводила Андропова на тревожные мысли. Получалось, что Одинцов и его подельники догадывались о том, что за ними следят. Или, что еще хуже, они точно знали о слежке со стороны

КГБ. И если подтверждался последний вариант, то тогда получалось, что либо кто-то из следящих случайно «прокололся» и обратил на себя внимание «тотошников», либо они узнали о слежке непосредственно из недр КГБ, а то и выше – из ЦК КПСС. Ведь о том, что чекисты получили «добро» на слежку за партийными функционерами, знало ограниченное число людей и в число последних входили люди из Центрального Комитета.

Не было прогресса и в деятельности республиканских тотализаторов. В Армении были выявлены четыре его точки в разных городах республики, в том числе и в Ереване, но личность Банкира и там оставалась до сих пор неизвестной. Та же ситуация наблюдалась в Киеве и Ташкенте. Однако трудности в работе КГБ по данному делу в этих регионах тоже вытекали из неутешительного вывода – местных «тотошников» явно прикрывали некие деятели из самых высоких структур. Короче, все сводилось к тому, что наличие тотализаторов в этих регионах не воспринимались местными властями, как нечто преступное. И даже контакты партийных и хозяйственных деятелей с уголовными элементами на почве общих интересов вокруг одного тотализатора не отпугивало ни тех, ни других друг от друга. И это было уже нечто новое – какой-то особенный этап функционирования советской политической системы, когда до формирования полноценной мафии западного образца было уже рукой подать. Впрочем, размышлял Андропов, могло ли быть иначе, если советская система еще с прошлого десятилетия взяла курс на сближение с западной моделью и с каждым годом все сильнее и сильнее вестернизируется. Когда во главу угла в экономике ставится уже не только план, но и извлечение прибыли, неудивительно, что на свет появляются такие «отрыжки» капитализма, как подпольный тотализатор.

За этими размышлениями Андропова застал Марат Изюмов, которому шеф КГБ назначил встречу на два часа дня. Гость принес Андропову неожиданную новость:

– Лариса Кружкова выходит замуж за Збигнева Машкевича.

После внезапной смерти Леонида Зольского КГБ не оставил без внимания его любовницу, полагая, что она может иметь отношение к тотализатору. Однако месячное наблюдение за женщиной не дало никаких результатов в этом направлении. Лара ни в чем предосудительном замечена не была, если не считать таковой ее любовную связь с польским дипломатом, за которого она теперь, как оказывается, собралась выйти замуж.

– А почему вы так удивлены, Марат Игнатьевич – этого же следовало ожидать? – спросил Андропов.

– Я не удивлен, я – насторожен. Дело в том, что свадьбу

молодожены собираются играть в Польше, для чего Кружкова уже оформляет себе визу в московском ОВИРе. Может, притормозить ей это дело?

– Для чего?

– Не знаю, но интуиция мне подсказывает, что эта поездка неспроста.

– Вы по-прежнему продолжаете подозревать эту женщину?

– Ничего не могу с собой поделать, – развел руками Изюмов. – На Западе таких называют женщинами-вамп и советуют всегда держать с ними ухо востро.

– Тогда почему вы не хотите не выпускать ее из страны – ведь здесь она ведет себя безукоризненно? Может, лучше выпустить и посмотреть, как она поведет себя в Польше?

– Я об этом не подумал, Юрий Владимирович. Но в Польше у нас нет таких возможностей, как здесь.

– Придумать всегда что-то можно. Главное – позволить ей почувствовать себя свободно. Если у нее рыльце в пушку, то это обязательно проявится. Кстати, надо приглядеться к дипломатическому багажу этого жениха.

– Думаете, в нем может быть что-то интересное?

– Я просто прикинул, как бы я поступил на месте людей, которые, к примеру, хотят вывезти из страны большую сумму денег. Дипломатическая почта очень удобный способ.

– Но нам никто не позволит ее досматривать, – заметил Изюмов. – Тем более в преддверии предстоящих в Польше событий – 30-летнего юбилея их республики.

– А ведь это эврика, Марат Игнатьевич! – стукнул себя по лбу Андропов. – Я имею в виду мысль о том, что это не случайные события: юбилей и женитьба этого поляка. Он прекрасно знает, что наша сторона не посмеет досматривать багаж молодожена, представляющего нацию-юбиляра. И ведь он прав, сукин сын – досматривать его нам не позволят.

– Получается, именно таким образом эти люди собираются спрятать «тотошные» деньги – вывезти их за кордон? Тогда надо брать их в самой Польше.

Но Андропов не торопился с ответом. Вместо этого он встал со своего места и подошел к окну, выходившему на площадь Дзержинского. Постояв там какое-то время в безмолвии, он, наконец, повернулся к Изюмову и сообщил:

– Взять их мы всегда успеем. Тем более, что пока непонятно, правы ли мы в своих рассуждениях или нет. Поэтому сделаем так: внимательно понаблюдаем за молодоженами – может, они приедут в Польшу не только как курьеры. Вдруг они оттуда выведут нас на Банкира.

9 июля 1974 года, вторник, пригород Варшавы, шоссе в 30 километрах от города

Кравчик подъехал на своем «Фиате-125» к месту назначенной встречи на пять минут раньше. Но, оказалось, что опоздал – человек, с которым он должен был встретиться, был уже на месте. Тот припарковал свой «Фольксваген» на безлюдной обочине и, сидя на траве, курил. Пристроив свой «Фиат» поблизости, Кравчик вышел из автомобиля и присел рядом с мужчиной, который внешне напоминал латиноамериканца. Собственно, он им и был. Звали мужчину Луис Кальдерон, он был чилийским коммунистом, бежавшим от диктатуры Пиночета. Но еще будучи в Чили, он сотрудничал с Альваро Молина, поэтому теперь был связующим звеном между ним и Кравчиком.

– Почему вы без трости? – первое, что спросил Кальдерон, когда поляк присел рядом с ним на траву и пожал ему руку.

– Извините, я так торопился к вам на встречу, что забыл ее дома, – ответил Кравчик.

– Вы слишком беспечны, Анджей, – покачал головой чилиец. – Все должны видеть вас с этой тростью – даже ваша супруга. Ведь до дня акции остается всего-то ничего.

– Я сегодня еще никуда не выходил из дома, поэтому без трости меня никто не видел. А от вас я уеду с новой тростью – разве не так?

– Так-то оно так, Анджей, но все равно будьте начеку – не расслабляйтесь.

– Бросьте нагонять страху, Луис, я вне подозрений, – жуя во рту травинку, сообщил Кравчик. – А на днях я и вовсе сдал «безпеке» одного местного диссидента.

Поймав на себе вопросительный взгляд чилийца, Кравчик продолжил:

– Какой-то пан Ковальский из общества «Катынь» пытался завербовать меня в их ряды, но я ответил отказом. И тут же поехал в МВД и честно обо всем рассказал.

– Может, не надо было этого делать?

– Почему?

– Ваше чрезмерное рвение может вызвать подозрение.

– Ерунда, мое рвение лишний раз подтверждает, что я хочу быть на хорошем счету у этой власти. Так что не волнуйтесь – все идет по плану. Кстати, о последнем. Брежнев не изменил график своей поездки?

– По моим сведениям нет – он прилетит в Польшу 19 июля и пробудет здесь почти четыре дня.

– Но нам надо, чтобы он отправился во Вроцлав на футбол.

– Не переживайте, он это сделает – нужные люди уже к этому подключены. План покушения вы разработали?

– Иначе бы я не просил вас достать мне винтовку, закамуфлированную под трость. Кстати, где она?

Вместо ответа Кальдерон поднялся с земли и направился к своему автомобилю. Открыв багажник, он достал оттуда весьма оригинальную увесистую трость с загнутой ручкой из слоновой кости. Взяв ее в руки, Кравчик по достоинству оценил дизайн трости и спросил:

– Как она работает?

– Видите вот эту кнопку, спрятанную под изгибом ручки – нажмите на нее.

Кравчик так и сделал. В следующую секунду раздался легкий щелчок. После этого Кальдерон забрал трость у Кравчика и показал ему, как собирается винтовка. Он извлек из обеих половинок трости сборные части винтовки, которые прикручивались друг к другу. Затем он открутил от трости ручку и прикрутил ее к заднику винтовки – получилось нечто вроде приклада. Кроме этого, у винтовки был треножник – для устойчивости. А также место, куда прикручивался миниатюрный оптический прицел. Его Кальдерон тоже достал из багажника – тот хранился в кожаном чехольчике. В другом чехле, размером побольше, покоились три десятка миниатюрных патронов.

– Зачем так много? – поинтересовался Кравчик, заглянув в чехол.

– Винтовка заряжается всего лишь двумя патронами. Остальные вам будут нужны, чтобы потренироваться. Надеюсь, их хватит, чтобы вы набили не только руку, но и глаз?

– Не сомневайтесь, хватит, – ответил Кравчик и принялся за обратный процесс – за разборку винтовки.

Все, что надо было, он узнал и получил. Теперь дело оставалось за малым – надо было найти время, чтобы опробовать это смертоносное оружие.

10 июля 1974 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

Бесков сидел напротив начальника управления футбола Леонарда Земченко и внимательно наблюдал за тем, как тот, морща лоб, читает список игроков сборной СССР, которых Бесков и его помощник Юрий Морозов из Ленинграда (они познакомились еще в конце 60-х в Самарканде, где Бесков готовил к сезону московское «Динамо», а Морозов, готовясь к

защите диссертации, проводил эксперименты с футболистами «Зенита») отобрали для поездки на международный турнир в Польшу. Список включал в себя следующих игроков: вратари – Леонид Колтун («Днепр», Днепропетровск) и Владимир Пильгуй («Динамо», Москва), защитники – Реваз Дзодзуашвили («Динамо», Тбилиси), Сергей Ольшанский («Спартак», Москва), Вадим Лосев («Крылья Советов», Куйбышев), Вячеслав Лещук («Черноморец», Одесса), полузащитники – Аркадий Андреасян («Арарат», Ереван), Сергей Никулин («Динамо», Москва), Владимир Трошкин («Динамо», Киев), Оганес Заназанян («Арарат», Ереван), Виктор Колотов («Динамо», Киев), Владимир Федотов (ЦСКА), нападающие – Василис Хадзипанагис и Владимир Федоров (оба – «Пахтакор», Ташкент), Олег Блохин и Анатолий Шепель (оба – «Динамо», Киев).

– Странный у вас подбор, – оторвался наконец от списка Земченко и поднял глаза на Бескова. – Вы берете основным вратарем Колтуна из «Днепра», хотя есть Евгений Рудаков из киевского «Динамо», который отыграл первый круг гораздо надежнее. Он в 13 матчах пропустил всего семь мячей, причем восемь игр отстоял «насухо» – не пропустил ни одного мяча. А ваш Колтун за столько же игр напропускал десять мячей, пусть и отстоял «насухо» те же восемь игр. Только вчера киевляне выиграли у «Зенита» 5:0 и Рудаков опять не пропустил.

– Рудаков нарушает дисциплину и плохо влияет на товарищей по команде, – сурово насупив брови, ответил Бесков. – А ведь он старожил команды, мы надеялись на него. Поэтому тренерский штаб принял решение отказаться от его услуг. Что касается Колтуна, то он в двух последних матчах тоже отстоял «насухо»: «Днепр» сыграл по нулям со «Спартаком» и тбилисским «Динамо». И вообще, Леонард Аркадьевич, давайте начистоту: вам не столько Колтун важен, сколько наличие в сборной большого количества киевских динамовцев.

– Да, важно, Константин Иванович, – согласился с тренером Земченко. – Где у вас Виктор Матвиенко? Или он вам не мил из-за того, что в матче против московского «Динамо» он ударил по ногам Никулина, которого вы взяли в сборную? Но тогда почему в списке отсутствует Владимир Веремеев – он-то чем провинился?

– На данный момент он находится не в лучшей форме, – стараясь сохранить невозмутимость, ответил Бесков.

– А Владимир Федотов, значит, по-вашему, находится в хорошей форме? Да он за первый круг чемпионата забил только три мяча, да и то один с пенальти. Его на поле практически не видно. Но он ваш зять, поэтому летит в Польшу, а Веремеев остается в Киеве.

– Леонард Аркадьевич, никогда еще мои личные дела не влияли на мои служебные предпочтения, – впервые за время этого разговора Бесков позволил себе повысить голос.

– А мне докладывают другое. Например про то, что ваша супруга, Валерия Николаевна, дает вам советы относительно того, какой должна быть диета у наших футболистов.

– И что в этом плохого, если она знает в этом толк?

– Для этого в команде есть врач Савелий Мышалов, в обязанности которого входит питание футболистов. Но мы отошли от темы. Почему вы берете Федотова, но не Мунтяна?

– Потому что нам нужен игрок именно такого типа – владеющий расчетливым пасом, умеющий связать оборону с нападением правый фланг атаки с левым. Но вы зря думаете, что мы зациклились только на Федотове – на его место претендуют еще двое игроков: Андреасян и молодой Михаил Ан.

– Но в последних играх киевского «Динамо» прекрасно себя проявила линия нападения Колотов-Онищенко-Веремеев-Блохин. Из этой четверки вы включили в основной состав только Колотова и Блохина. Что за расточительность, если у нас осенью начнутся отборочные игры чемпионата Европы?

– Я же говорю: будь ваша воля, вы бы из сборной СССР сделали киевское «Динамо», – не скрывая своего сарказма, парировал этот вопрос Бесков.

– А что в этом плохо? – искренне удивился Земченко. – Вон сборная Голландии на минувшем чемпионате почти целиком состояла из футболистов «Аякса» и дошла до финала.

Это была правда: «Аякс» слегка разбавили футболистами второго голландского клуба, «Фейеноорда», и одним игроком, выступавшим тогда в Бельгии.

– Понятно, вы хотите создать второй «Аякс», – усмехнулся Бесков. – Но имейте в виду, копия всегда хуже оригинала. Между тем таким подражанием вы направите наш футбол по ложному пути, который может уничтожить наши прошлые наработки. Мы ведь не маленькая Голландия – моноэтническая страна, мы многонациональный СССР. А если наша сборная превратится в киевское «Динамо», то кто за нее будет болеть – одни украинцы? Мы должны придумывать свои тактические схемы, а не копировать чужие. Вспомните историю. Наполеон, Гитлер приходили к нам со своими системами: армия Бонапарта была сильна своими пешими и конными колоннами, а у фюрера главную роль играли танковые соединения, которые взаимодействовали с авиацией. Но мы всех разбили. Почему? Тактическое и стратегическое мастерство наших генералов было сопоставимо с талантом французских и немецких маршалов. Но

кроме этих тактических ухищрений, мы воевали на своей земле, что удваивало наши силы. Вот и в футболе мы должны опираться на свои собственные наработки, на свою собственную тактику.

– Хотите вариться в собственном соку? – не скрывая сарказма, спросил Земченко. – Но мир вокруг нас меняется. И мы должны шагать в ногу с ним.

– Вы из меня махрового консерватора, пожалуйста, не делайте, – грозно насупив брови, произнес Бесков. – Я не против того, чтобы брать из чужого опыта лучшее. Но вы же предлагаете иное – копировать этот опыт чуть ли не зеркально. И сделать из нашей сборной вторую сборную Голландии, как из киевского «Динамо» второй «Аякс». И что тогда вы предлагаете делать нашим лучшим футболистам в республиках, не имеющим ни малейшего шанса попасть в такую сборную – вариться в собственном соку, используя вашу же терминологию? Я в этом участвовать не хочу. Неужели вы не понимаете, что в нашем футболе наступает кризис поколений? Уходят шестидесятники и на их место должны прийти другие футболисты – не менее одаренные. Но их надо искать по всей стране, а не только в Киеве. Вот почему я закидываю сети даже в первую лигу – там ведь тоже много талантливой молодежи. А с вашим подходом мы только одну Украину должны охватить.

Эти слова живо напомнили Земченко разговор, который состоялся у него в этом же кабинете, но с другим человеком – Львом Щепко.

Ретроспекция. 8 июля 1974 года, понедельник, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

Лев Щепко специально приехал в Москву к Земченко, чтобы выяснить у него ситуацию с совещанием в Федерации футбола СССР – тем самым, на котором московские тренеры судили-рядили о том, как им противодействовать сговору украинских команд, играющих в высшей лиге. Земченко принял гостя в своем кабинете, попросил секретаршу никого к себе не пускать и закрыл дверь на ключ – на всякий случай. И в подробностях рассказал ему об этом совещании, о котором он узнал из первых уст – от одного из его участников, с которым он был в приятельских отношениях.

– Ни хрена у них не получится, – выслушав Земченко, с усмешкой на устах произнес Щепко. – Они здесь как пауки в банке друг дружку кусают, а мы единым фронтом выступаем. Да

и наверху есть кому за нас заступиться – Щербицкий нас в обиду не даст. А за ними кто стоит?

– Насчет нашего единства ты верно заметил, – согласился с земляком Земченко. – Но все равно сбрасывать их со счетов не стоит. Бесков их надоумил письмо на самый верх написать, хотя сам в его силу не верит. Но на всякий случай такую идею им подбросил.

– Так, может, она ему не сама в голову пришла? – насторожился Щепко.

– Может, и не сама – его же не зря старшим тренером в сборную вернули вместо нашего выдвиженца Горянского. Я думаю, что москали таким образом хотят нам, украинцам, дорогу перебежать.

– Каким образом?

– Бесков собирается талантливую молодежь из всех лиг в сборную подтянуть. Говорит, что у нас кризис поколений назрел и надо сети пошире и поглубже забрасывать. При таком раскладе наших украинцев в команде вряд ли наберется и половина. Он основной упор хочет на Россию сделать, а также на Кавказ и Среднюю Азию.

– И много он игроков уже отобрал? – поинтересовался Щепко.

– Много – порядка пятидесяти человек.

Услышав эту цифру, Щепко даже присвистнул, после чего спросил:

– А если по персоналиям?

Вместо ответа Земченко достал из стола лист бумаги и протянул его гостю. Это был один из списков (их было несколько) потенциальных игроков сборной СССР из первой лиги. В этом документе фигурировали полтора десятка футболистов, которые представляли следующие команды: «Крылья Советов» (Куйбышев) – Вадим Лосев; «Спартак» (Орджоникидзе) – Владимир Олейник (вратарь); «Спартак» (Нальчик) – Шамиль Настаев, Юрий Пилипенко; «Памир» (Душанбе) – Александр Погорелов, Эдгар Гесс, Владимир Гулямхайдаров; «Таврия» (Симферополь) – Юрий Аджем, Николай Климов, Валентин Прилепский; «Динамо» (Минск) – Александр Прокопенко, Владимир Курнев, Эдуард Малофеев; «Строитель» (Душанбе) – Иван Данильянц; «Металлург» (Липецк) – Виктор Ноздрин.

– Действительно, широкое представительство, – возвращая документ, произнес Щепко.

– В других трех списках еще по столько же игроков, причем там и высшая лига фигурирует, – заметил Земченко. – В них и Михаил Ан из «Пахтакор», и Анатолий Байдачный с Вадимом Павленко из московского «Динамо», и Михаил Булгаков и

Александр Пискарев с Валерием Андреевым из московского «Спартака» и даже Виталий Старухин из донецкого «Шахтера». Я же говорю, этот Бесков глубоко и широко сети закидывает. У него идея-фикс – создать новую команду на основе нескольких старых игроков и большого количества новых. Две полноценные сборные, которые могли бы друг друга дублировать. А у нас с тобой другая идея: чтобы это был второй «Аякс». И основой для такой команды должно послужить наше киевское «Динамо». Если это дело провернем, наша республика станет законодателем моды не только у нас, но, глядишь, и в Европе.

– А я тебе еще год назад говорил, что надо было вместе с Горянским и Лобановского тренером сборной назначать, – сказал Щепко. – Тогда бы про Бескова никто бы и не заикнулся – его бы в олимпийскую сборную сплавили.

– Да нельзя было так делать – не прошло бы это! – возразил Земченко. – К тому же Лобановский и без этого был номинальным помощником Горянского – без всякого утверждения. Зато когда сборная стала матчи проигрывать, то все шишки на Горянского свалились, а Лобановский остался ни при чем. Это дает нам шанс в скором будущем его кандидатуру выдвинуть уже официально. Теперь смекаешь?

– И когда же это время настанет, если Бесков собирается со всей страны талантливую молодежь в сборную подтягивать? Вдруг его команда заиграет?

– Если мы своих киевлян будем правильно настраивать, то не заиграет. Да и с другими у него может не получится – времени у него мало осталось. Через три месяца сборная с ирландцами играет, да еще на выезде. Если провалится, то тогда можно будет ставить вопрос о несостоятельности эксперимента Бескова. Но для этого тебе в Киеве надо на окружение Щербицкого выйти – пусть тоже подключаются. Сможешь?

– А чего не смочь? – усмехнулся Щепко. – Например, Валеру Щербицкого подключим. Он ведь больше отца мечтает, чтобы наша главная сборная не в Москве, а в Киеве формировалась. Для этого и Лобановского из Днепропетровска перетянул.

– Это ты хорошо придумал – с сыном Щербицкого, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Земченко. – А я здесь свои связи подтяну – на того же Полянского выйду. Так сообща мы этого Бескова и одолеем – сплавим его, как ты говоришь, в олимпийскую сборную.

10 июля 1974 года, среда, Москва, Скатертный переулок, Управление футбола Спорткомитета СССР

И теперь, вспоминая тот разговор, Земченко слушал Бескова, а про себя думал: «Надо сегодня же позвонить в Киев Щепко – узнать, как там его дела с младшим Щербицким».

А Бесков тем временем продолжал свою речь:

– Поэтому заявляю ответственно: пока я нахожусь у руля сборной, второго киевского «Динамо» в ее лице не будет. Хотя киевских футболистов я ценю и лучших из них приглашаю в команду. Вот вы вспомнили про Онищенко. У себя в Киеве он играет в трио Блохин – Онищенко – Шепель. Но в начале сезона мы взяли в сборную эту тройку, однако игра у них не пошла. Почему? Кто-то из них должен был отходить в среднюю линию, но этого не было. Поэтому Онищенко из нашего списка выпал, но остался Шепель. Правда, и его присутствие в сборной под вопросом.

– Это почему? – насторожился Земченко.

– А вы спросите об этом у Лобановского. Он взял Шепеля из «Черноморца», когда тот наколотил в первой лиге почти сорок мячей. Все думали, что парня взяли в команду, чтобы он и здесь забивал, а его вместо этого маринуют на скамейке запасных. Вы возьмите статистику – Шепель сыграл с начала сезона десять матчей, но только один раз отыграл весь матч. Да и то это был матч с «Карпатами», который киевляне с львовянами полюбовно сгоняли в «сухую» ничью. Там, видимо, перед Шепелем и не ставилась задача забивать.

– Вы на что это намекаете? – вскинул брови Земченко.

– Я не намекаю, а говорю открытым текстом – украинские команды гоняют друг с другом «договорняки». И вы прекрасно это знаете. Так вот Шепель только однажды сыграл полный матч, а в остальных девяти выходил на замену, причем в шести случаях в концовках игры. Я не раз говорил об этом Лобановскому, он обещал эту традицию поломать, но так ничего и не сделал. В итоге лучший бомбардир первый лиги Анатолий Шепель пока не забил в киевском «Динамо» ни одного мяча. А ведь на носу уже концовка первого круга. Однако, несмотря на это, в сборную мы его еще приглашаем, поскольку у нас проблемы с нападением. Был у нас прекрасный нападающий, кстати, тоже Анатолий – Кожемякин, но его попросту сломали. Причем, заметьте, на Украине. Поэтому мы ищем форвардов в других командах, которых у нас в чемпионате много. Например, ташкентский «Пахтакор», двух замечательных игроков которого – Федорова и Хадзипанагиса – мы и включили в сборную вместо тех же Веремеева и Онищенко.

– Но киевляне сейчас на первом месте, а на каком «Пахтакор» – на восьмом, кажется?

– Дело не в месте, а в той игре, которую исповедуют эти команды. Южные клубы всегда играют в атакующий, романтический футбол. А ваше киевское «Динамо» с приходом Лобановского превратилось в команду прагматиков, которые играют строго на результат – дома победы, а на выезде в лучшем случае ничьи. Мне такой рационализм претит.

– Вам просто не дает покоя то, что Лобановский наш, украинский тренер, который пришел на смену вашим землякам – москвичам Маслову и Севидову.

– А куда нашему футболу деваться без московских тренеров, если они во все времена определяли его развитие? Тот же Вячеслав Соловьев в «Пахтакоре» тоже московский. И именно при нем на свет появилась связка Федоров – Хадзипанагис, которая на двоих уже забила девять мячей: пять голов один и четыре второй.

Самому Бескову больше всего нравился мяч, который забил Хадзипанагис 14 мая в игре против «Зари» (этот красивейший гол специально показали в программе «Время»). На небольшом пятачке Василис накрутил четверых защитников, а потом подсек мяч, который перелетел через вратаря. После этого в одном из журналов рядом с фотографией Хадзипанагиса опубликовали снимок горнолыжника, а рядом написали: мол, учитесь, лыжники, дриблингу у нападающего «Пахтакора».

– Связка Онищенко – Блохин забила уже одиннадцать мячей, – внес свою поправку в рассуждения тренера Земченко. – Причем четыре из них Блохин забил вчера «Зениту».

– Вы знаете мое отношение к Олегу: я высоко ценю его спортивный талант, но имею претензии к его характеру. Но это нисколько не мешает мне приглашать его в сборную – он нужен нашей команде. Однако за два последних года в официальных матчах за сборную Олег забил всего лишь один гол. А почему? Да потому что забить четыре мяча «Зениту» это одно дело, а забить хотя бы один мяч сборной ФРГ или той же Чехословакии – дело совершенно иное. Поэтому нашей сборной нужен не только Блохин, но и такие игроки, как Федоров с Хадзипанагисом. Дайте возможность молодым ребятам проявить себя в главной команде страны!

– Да вы за эти месяцы кого только через нее не пропустили, – продолжал возмущаться Земченко.

Это было сущей правдой. За два минувших месяца тренерский штаб сборной отсмотрел в товарищеских играх целую группу игроков из первой лиги, но только двое из этого списка – Лосев и Лещук – сумели пробиться в «основу» сборной СССР.

– И еще пропустим, если будет надо, – пообещал Бесков. – У нас много талантливых футболистов в глубинке, надо только

уметь их отыскать. А то вы привыкли плясать вокруг двух-трех команд – так вам здесь удобнее.

– Что вы хотите этим сказать?

– То, что слышали. Вы всего лишь чиновник от футбола, который имеет к нему опосредованное отношение. А я, в отличие от вас, живу в футболе и уже достаточно давно – вот уже четыре десятка лет. Поэтому, если меня поставили руководить сборной, я буду выбирать тех футболистов, которые устраивают меня, а не здешнее руководство.

– Вас, как назначили, так могут и снять.

– Вот когда снимут, тогда и набирайте свою собственную сборную.

– Мы доверили эту сборную вам, а вы как играете? У вас из семи товарищеских встреч четыре победы, две ничьи и одно поражение. Вы со «Спартаком» и «Араратом» вничью играете!

– Это называется видеть в чужом глазу соломинку, а в своем бревна не замечать. Почему, ответьте, сборной в этом году для учебно-тренировочной работы выделено всего 24 дня, в то время как в трех прошлых сезонах этот срок составлял в среднем по 120 дней? Это же шестикратное урезание! Почему вами спланировано такое мизерное количество международных товарищеских встреч? Это вы специально под меня копаете – ждете, когда я завалю работу сборной!

– Вы что себе позволяете? – от возмущения Земченко даже приподнялся в кресле.

– А как мне еще надо это воспринимать, если до меня все было иначе?

Земченко ничего не смог на это возразить и вновь опустился в кресло. А Бесков продолжил:

– Вот и приходится сборной, которой я руковожу, встречаться с нашими клубными командами, хотя нам надо играть против сборных разных стран. Короче, эти взаимные претензии можно множить и множить. Поэтому завизируйте, пожалуйста, наш список и давайте закончим нашу беседу – мне надо в Новогорск возвращаться, к команде.

– Хорошо, список я завизирую, но имейте в виду, что главным в нашей делегации будете не вы, – произнес Земченко, беря в руки авторучку. – И я постараюсь, чтобы это был человек из Киева.

«Значит, назначит главу украинской Федерации футбола, – подумал про себя Бесков. – Ну, и черт с ним – с кем я за эти годы только не ездил по заграницам. Даст бог, переживем и эту поездку».

10 июля 1974 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Шеф КГБ дочитал до конца протокол заседания последнего Политбюро, где он не смог присутствовать – он в течение трех дней находился в Польше, где участвовал в совещании, посвященном предстоящему визиту Брежнева в эту страну. Несмотря на свои сложные личные взаимоотношения с Косыгиным, Андропов в этом вопросе был на стороне предсовмина. Он тоже опасался все большего усиления украинской группировки во власти, как угрозе не только лично себе, но и всей властной вертикали. Однако шеф КГБ был осторожным человеком, поэтому выступать против нее на данном этапе считал безрассудством. По его мнению, в этом вопросе надо было вести себя тоньше – идти в атаку не с открытым забралом, а действуя закулисно при помощи других людей. Например, так, как это случилось в случае с Бесковым. Зная о его противостоянии с украинскими футбольными чиновниками, Андропов способствовал выдвижению Бескова на пост старшего тренера сборной СССР и введению его в тренерский совет. И вот уже на свет родилось письмо московских тренеров прямо обвиняющих руководителей украинского футбола в махинациях. Причем это письмо било не столько по футбольным функционерам Украины, сколько по хозяину этой республики – Владимиру Щербицкому.

Вообще футбольная тема в последнее время все сильнее волновала Андропова. И дело здесь было не столько в подпольном тотализаторе, расследование вокруг которого тянулось с прошлого года, но и в других, куда более глубинных процессах, связанных с этой массовой игрой. Победа ереванского «Арарата» и тот ажиотаж, который царил в Армении после этого на протяжении нескольких недель, лишний раз убедили Андропова в том, что футбол по-прежнему может многое. Например, тот же хоккей, который в СССР был не менее популярным видом спорта, чем футбол, в отличие от него имел не такое массовое влияние на людей. В том же Закавказье или Средней Азии хоккей был не столь популярен, как игра в кожаный мяч. А Андропову, как шефу КГБ, это было очень важно – иметь рычаги воздействия на как можно большее число людей. И особенно на молодежь. Вот почему он стал пристальнее, чем раньше, присматриваться к двум явлениям, которые открывали перед его ведомством широкие перспективы для манипуляции над молодым поколением – футболу и рок-музыке. Тем более, что в жизнь вступало совершенно отличное от всех предыдущих

поколений – менее идейное. Поэтому Андропов и дал негласную отмашку коллегам из восточноевропейских спецслужб создавать вокруг футбольных команд фанатские группировки по примеру английских. Он хотел посмотреть, как это дело приживется на социалистической почве и как им можно будет распорядиться. Первым таким опытом стал болгарский – создание фанатской организации вокруг клуба «Левски-Спартак» из Софии, за спиной которого стояла болгарская госбезопасность и лично ее министр Ангел Солаков. Но тот «погорел» на противостоянии с самим Тодором Живковым, которому не понравилась чрезмерная самостоятельность Солакова. И он отправил его в отставку, обвинив в превышении служебных полномочий.

Но выпавшее из рук Солакова знамя подхватили в Польше, откуда Андропов на днях вернулся. Там местная Служба безопасности («безпека») инициировала создание фанатских группировок вокруг нескольких футбольных команд: варшавской «Легии», «Турника» из Забже, «Леха» из Познани. Повод для этого был веский: после массовых волнений в Польше в 1970 году спецслужбы таким образом хотели канализировать протестные настроения в среде молодежи в спортивном, а не в политическом направлении. Собственно, тем же самым занимались спецслужбы и политики на Западе. Те же английские футбольные фанаты были рождены на свет именно для того же – чтобы их протест был направлен в сторону от политики. И эту практику стали подхватывать и другие страны Западной Европы. Вроде бы, случайно, а на самом деле по подсказке все тех же англичан, о чем Андропов прекрасно знал из докладов своей внешней разведки. А катализатором этого процесса стал нынешний финал Кубка УЕФА между английским «Тотенхэмом» и голландским «Фейеноордом». В первом матче (22 мая 1974 года) была зафиксирована ничья 2:2, а вот вторая игра (29 мая) прошла при явном преимуществе голландцев, которые победили 2:0. Что вызвало массовые беспорядки, устроенные английскими фанатами. Еще во время матча они залезли на решетки, отделяющие гостевой сектор от домашнего, и вступили в драку с голландскими фанатами, используя в качестве метательных средств пластиковые кресла. Несколько сидений были подожжены. В итоге примерно 150 человек, главным образом фанаты «Фейеноорда», были ранены, полиция арестовала около 50 англичан. После этого побоища в Голландии была создана собственная фанатская группировка SCF, куда влились и фанаты «Фейеноорда». Так Западная Европа заполучила еще одно фанатское течение – голландское.

Конечно, игры с молодежью, которые вел Андропов как у себя

на родине, так и в странах Восточного блока, были палкой о двух концах. Они могли принести не только пользу, но и вред. Однако Андропов, затевая эти игры, прекрасно отдавал себе отчет – времена приходят другие и запретительными мерами с этой молодежью уже не справиться. Воздействовать на них с помощью высоких идей занятие бессмысленное, зато молодежь можно хоть как-то сплотить вокруг западных «игрушек» – того же рок-н-ролла и футбольного фанатизма. Поэтому шеф КГБ ни капли не сомневался в том, что делает все правильно. Однако во время последнего визита в Польшу у Андропова нашелся оппонент – руководитель Представительства КГБ при МВД Польши Виталий Павлов. Он прибыл в Польшу в апреле прошлого года, но уже успел войти в курс дела и прекрасно разбирался в той обстановке, которая сложилась в стране. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, учитывая стаж работы Павлова в органах госбезопасности – с марта 1938 года. За это время он прошел путь от рядового оперуполномоченного до резидента КГБ в Вене (март 1966 – октябрь 1970).

Когда Андропов уединился с Павловым для приватной беседы, последний не стал приукрашивать действительность и заявил прямо:

– Если мы и дальше будем позволять полякам заигрывать с Западом, это десятилетие закончится для Польши плачевно.

– Что вы имеете в виду, Виталий Григорьевич? – спросил Андропов, глядя в глаза Павлову.

– Герек и его команда ведут страну в долговую кабалу. Они берут у Запада кредиты, совершенно не думая о том, что когда-то их придется отдавать.

– Но благодаря этим кредитам Польша за эти три с половиной года смогла совершить большой шаг вперед в экономическом развитии, – заметил Андропов. – Вот мне тут подготовили некоторые выкладки, касаемые успехов польской экономики, так они впечатляют, – Андропов взял со стола бумагу с выкладками и, глядя в нее, стал перечислять:

– Растет промышленное производство, причем высокими темпами. Существенно повышается заработная плата, установлены пенсии по старости для крестьян-единоличников, повышены пособия для рожениц на 94 процента, платные декретные отпуска увеличились с 12 до 18 месяцев, отменен подоходный налог на физических лиц. Граждане ПНР, единственные в социалистическом содружестве, имеют право открывать валютные счета в Национальном банке. Потребление продуктов питания изменилось в пользу мяса и изделий из него, масла, яиц, сахара и чая. Рекордного уровня достигло жилищное

строительство. По сравнению с временами прежнего руководства увеличилось производство потребительских товаров. Я тут побывал в нескольких варшавских магазинах, так они дадут фору любому нашему. Если так будет продолжаться и дальше, то к концу десятилетия Польша будет входить в десятку промышленно развитых стран мира. А ведь ее доля в мировом промышленном производстве составляет примерно 2,5 процента при населении, составляющем 0,8 процентов мирового. А вы говорите, что дела у поляков плохи.

– Вы здесь пробудете всего несколько дней, Юрий Владимирович, а я живу постоянно и захожу не только в магазины, – покачал головой Павлов. – Запад продает полякам устаревшую технологию и уже изъятые из западной промышленности лицензии. А взамен требует завышенных процентов за кредиты. Поляки покупают лицензии, которые вообще не удастся реализовать, а также такие, которые дают худший и более дорогой продукт, чем польская промышленность. Точно такая же картина и с импортом. За валюту покупаются элементарные компоненты для производства, которые можно было бы изводить здесь, в Польше. Покупаются даже такие мелочи, как зубной порошок, бечевка для сноповязалок, зонтики, охотничьи патроны и так далее. То есть, идет конкретная вестернизация польской экономики. Да разве только ее? По тому же польскому телевидению почти не показывают родных польских фильмов, а также наших, советских – идет сплошь западная продукция. Это ведь только по нашему телевидению часто крутят польские фильмы и передачи про Польшу: «Ставка больше, чем жизнь», «Четыре танкиста и собака», тот же «Кабачок «13 стульев». Здесь этого нет. Да и идеология из здешних передач начисто вымыта. А ведь телевизор смотрит молодежь, которая мотает все это на ус. И те же фанатские группировки вокруг футбольных команд – это же опять калька с западных образцов.

– Но таким образом поляки пытаются отвадить молодежь от политики, сконцентрировав ее на спорте.

– Чепуха! – отмахнулся от этого довода Павлов. – Настанет такой момент, когда политика начнется вторгаться в жизнь молодого поколения поляков и они вольются в ряды диссидентов. Ведь последние – это тоже апологеты западного образа жизни. По нашим данным, на данный момент в Польше действуют около тридцати подпольных контрреволюционных организаций. И они только ждут своего часа, чтобы выйти на поверхность. А местная «безпека» хлопает ушами – ни одна из этих организаций так и не разгромлена. Я пытался ставить этот вопрос перед министром внутренних дел Станиславом Ковальчиком и знаете, что он мне

ответил? Дескать, «мы всех наших доморощенных «ниспровергателей режима» можем накрыть одной шапкой. Но не хотим ссориться из-за такой мелочи с Западом. Нам нужны кредиты, а американцы ставят условие: деньги будут, но только в обмен на терпимость, а еще того лучше – прогресс в области прав человека. Так что пусть шумят, читают лекции, учреждают свои комитеты. Рабочему классу Польши нужны не эти горлопаны, а хорошая жизнь». И этот человек руководит МВД! Впрочем, давно известно, кто его туда направил.

Андропову не надо было объяснять смысла этих слов. Ковальчик в течение нескольких лет работал с Эдвардом Гереком в Катовицком воеводском комитете ПОРП, а потом был назначен им секретарем ЦК ПОРП, а уже оттуда пересел в кресло министра внутренних дел.

– Да, невеселую картину вы передо мной нарисовали, – после небольшой паузы произнес Андропов. – Даже не знаю, что докладывать Леониду Ильичу.

– Доложите ему правду, Юрий Владимирович, – глядя в глаза шефу, произнес Павлов. – Еще несколько лет такой кредитной кабалы и Запад затянет на шее поляков свою петлю. Каким образом? Да очень простым. Запад начнет отказываться от готовой польской продукции, придумав самую простую причину – например, ссылкой на ее невысокое качество и затоваренность своих рынков. Сбыт начнет давать сбои, в то время как сумма валютного долга Польши продолжит расти за счет новых западных поставок сырья и запчастей. Одновременно будут резко повышены учетные ставки, то есть проценты на предлагаемые и уже выданные кредиты. И начнет расти внешняя задолженность Польши перед Западом. Кстати, она уже сейчас составляет порядка пяти миллиардов долларов, а через пять лет перевалит за десять. Гереку придется искать деньги на погашение долга по всем сусекам, что отразится на внутренней экономике. И все эти импортные товары, которыми сегодня завалены польские магазины, как корова языком слижет. Начнется брожение среди населения. Вот тогда-то и вылезут на свет все эти диссиденты, а также футбольные фанаты, которых, как вас уверяют, «безпека» держит под контролем. Это такой же контроль, как тот, что существует в области работы с католическим духовенством. На сегодня только ксендзов в Польше порядка пятнадцати тысяч. В стране 14 тысяч костелов, 2400 женских и 500 мужских монастырей. Около 80 процентов поляков являются католиками, примерно три четверти из них, в том числе и многие партийные функционеры, посещают костелы. А здешняя церковь, кстати, с сочувствием относится ко всякой оппозиции социалистическому

строю внутри страны. Так что делайте выводы, чем это может в итоге закончиться.

Короче, уезжал Андропов из Польши с тревожными мыслями, но доложить эту информацию Брежневу так и не решился. Генсек в этот момент готовился к визиту в Польшу, который был приурочен сразу к двум юбилейным датам: 30-летию образования Польской Народной Республики и 25-летию образования Польской объединённой рабочей партии. И портить генсеку настроение Андропов не посмел, учитывая то, как Брежнев относится к Польше – его мать была наполовину полячкой, а сам он в юности, когда жил на Украине, крепко дружил с поляками. Все это шеф КГБ прекрасно знал. А затем и вовсе подумал: «А кто сказал, что слова Павлова обязательно сбудутся? У страха, как известно, глаза велики. Так что будем надеяться на лучшее. Как говорится: бог не выдаст, свинья не съест».

10 июля 1974 года, среда, Польша, окрестности города Карчев, Варшавское воеводство, лесной массив

Кравчик аккуратно установил на поваленное дерево яблоко и, отсчитав от этого места двести шагов, обернулся. Вдали виднелось поваленное дерево, но различить с этого места яблоко было невозможно. Тогда Кравчик лег на землю возле пенька и водрузил на него винтовку, которая несколько минут назад была тростью. Закрепив винтовку на треножнике, Кравчик прикрутил к стволу оптический прицел. Заглянул в него и сразу поймал в его фокусе яблоко. Но его очертания были не слишком четкие, поэтому стрелок достал из кармана миниатюрную отвертку и стал медленно подкручивать на прицеле винт резкости изображения, периодически глядя в прицел. Наконец, нужная резкость была установлена – яблоко было, как на ладони. Кравчик затаил дыхание и положил палец на спусковой крючок. Еще секунда – и произошел еле слышный выстрел. Однако пуля ударилась в нескольких миллиметрах от яблока и вместе с корой сбила его на землю. Стрелку пришлось снова подниматься с земли и идти восстанавливать цель. Это был его уже второй неудачный выстрел. «Если так и дальше пойдет, то советскому генсеку ничто не угрожает», – подумал про себя Кравчик.

Однако третий выстрел оказался в «яблочко». Пуля угодила точно в середину цели и ошметки от яблока разлетелись в разные стороны. Довольный этим результатом, Кравчик достал еще одно яблоко, чуть поменьше первого, и снова водрузил его на поваленное дерево, но теперь уже в другом месте – чуть левее. Он

сделал это специально, чтобы поменять дислокацию. Вернувшись к пеньку, он снова лег на землю, установил винтовку на треножник и прицелился. Раздался выстрел и пуля снова угодила точно в яблоко, но в этот раз не разметала его, а лишь опрокинула на землю. Стрелок мог торжествовать победу – винтовку он пристрелял.

– Что это пан здесь делает? – внезапно раздался за спиной Кравчика чей-то недоуменный вопрос.

Он обернулся и увидел возле себя старушку с корзинкой, полной черники.

– И что это за ружье у вас такое интересное? – продолжала недоумевать женщина, в то время как Кравчик никак не мог прийти в себя от столь неожиданной встречи.

– Да вот купил ребенку детскую винтовку и теперь проверяю, как она стреляет, – нашелся, наконец, что ответить стрелок.

– И где же такие игрушки продают? – поинтересовалась старушка. – Неужели у нас в Варшаве?

– Нет, это мне прислали из-за границы, – ответил Кравчик и улыбнулся, стараясь под улыбкой спрятать свою растерянность.

– Надо будет сказать сыну, чтобы он раздобыл такую же для моего внука. Так где такие выпускают?

– Далеко – в Швеции, – соврал Кравчик. – Вряд ли ваш сын сможет туда попасть.

– Ничего он у меня шустрый – раздобудет, – засмеялась старушка и вдруг спросила: – А вы случайно не тот поляк, который приехал из Чили?

– Да, пани, он самый, – вынужден был признаться Кравчик.

– Надо же какая встреча. А вы такой же, как в телевизоре. Расскажу сегодня сыну, вот он удивится. Всего вам хорошего, – старушка махнула на прощание рукой и пошла по тропинке в ту сторону, где было шоссе и где стоял «Фиат-125» Кравчика.

А тот смотрел в спину удаляющейся женщине и мучительно размышлял, что ему делать. Думал он недолго. Затем достал из кармана патрон, отправил его в винтовку и вновь занял позицию у пенька. Только теперь дуло его винтовки было направлено в обратную от поваленного дерева сторону – в спину старушки. Поймав в оптике ее затылок, Кравчик плавно нажал на курок. И спустя секунду безжизненное тело несчастной рухнуло на траву.

Встав на ноги, Кравчик осмотрелся. Вокруг не было ни одной живой души, кроме него самого. Впрочем, после случившегося, его душа тоже перестала существовать в своем первозданном виде. Оставив винтовку у пня, Кравчик добежал до убитой и легко поднял ее на руки. Он отнес тело в ближайшие кусты и забросал ветками. Туда же он бросил и корзину с ягодами. После чего

забрал винтовку и побежал к своему «Фиату», который дожидался его на обочине шоссе.

10 июля 1974 года, среда, Львов, областное УБХСС

– Кто же не знает Йоську Купрейчика? – рассмеялся львовский обэхээсник Лев Шуфрич, едва Влас Оленюк назвал ему имя того, кто ему нужен. – Но я думал, что его знают только во Львове и области, а он, значит, уже и в Киеве успел прославиться?

– Как видите, успел, иначе я бы перед вами не сидел, – ответил Оленюк и тоже улыбнулся. – Как мне на него выйти?

– А какой сейчас час – начало четвертого? Получается, дома сейчас ваш Купрейчик – отсыпается после вчерашней поездки в Ереван. Вчера наши «Карпаты» там с «Араратом» играли. Кстати, неплохо сыграли – вничью 1:1 сгоняли, у нас гол Толя Васильев забил.

– Тогда везите меня к нему, – попросил Оленюк и первым поднялся со стула.

Как и предполагал Шуфрич, Купрейчик и в самом деле оказался дома – в квартире, окна которой выходили на площадь Рынок. Гостей он встретил заспанный и одет был в майку, трусы и тапочки. Но, увидев, кто к нему явился, тут же протер слипшиеся ото сна глаза и впустил гостей в квартиру.

– Вот, Йося, знакомься – товарищ Оленюк из киевского уголовного розыска, – представил хозяину квартиры своего компаньона Шуфрич. – Приехал конкретно до тебя.

– По какому поводу – может чего из дефицита надо? – спросил Купрейчик, натягивая на ноги брюки.

– Вам такой человек, как Глеб Зинонович Мовсюк знаком? – спросил Оленюк, присаживаясь на стул возле стола, стоявшего посредине комнаты.

– Из какой команды – что-то я такого игрока не припомню, – пожал плечами хозяин квартиры.

– Он не футболист, а ведущий специалист из Института Патона. Вы ему еще дефицитную стенку доставали, а совсем недавно и автомобиль «Жигули».

– Ах, этот – ну знаком, – и Купрейчик сел на стул, стоявший по другую сторону стола. – А что, есть нарекания к стенке или к автомобилю?

– Есть вопросы по части денег, которые вы ему вручили.

– Неужто фальшивые? – вскинул брови Купрейчик.

– Нет, они настоящие, но в розыске по «мокрому» делу. Так что вам лучше не юлить и рассказать все, как есть.

– Так я и не против – спрашивайте.

Прежде чем задать следующий вопрос, Оленюк достал из внутреннего кармана пиджака конверт, в котором лежали те самые три пятидесятирублевые купюры, которые когда-то принадлежали покойному Климу Пустовилу.

– Вот эти деньги нас интересуют – как они к вам попали? – спросил Оленюк, выложив купюры на стол.

Купрейчику хватило одного взгляда на деньги, чтобы опознать их и ответить:

– Эти «полтинники» мне дал один человек в виде платы за одну услугу.

– Ты дурочку здесь не ломай – тебе же русским языком сказано, что эти купюры проходят по «мокрому» делу, – подал голос Шуфрич, заметив, что Купрейчик пытается темнить.

– То есть, я должен озвучить, что это за услуга? – спросил хозяин квартиры. – Но мне не хотелось бы подводить человека, который эту услугу оказывал.

– Тогда вы подведете другого человека – себя, – предупредил Купрейчика Оленюк.

– Понял, отвечаю: тому клиенту был нужен новый паспорт, который я заказал у Гната Буцко по прозвищу Оловянный. Товарищ Шуфрич его хорошо знает.

– Какое имя значилось в паспорте? – задал новый вопрос Оленюк.

– Матвей Тарасович Захарчук, 1930 года рождения, уроженец Житомира. Больше ничего из его данных не помню – заглянул в документ мельком, чисто ради интереса.

– И как выглядел этот новоявленный Захарчук?

– Среднего роста, прическа полубокс, темноволосый, нос слегка скошен на сторону – то ли боксом занимался, то ли в драке перебили.

– А на вас он как вышел?

– Как все выходят – позвонил по телефону, назначил встречу.

– И как он вам представился?

– Петром назвался. Объяснил: мол, попал в сложную ситуацию, срочно нужен новый документ, но в обход паспортного стола.

– А что за ситуация не объяснил?

– А я и не спрашивал. Мое дело маленькое: заказ принять – заказ выполнить.

– Но это же в обход закона?

– Что поделаешь, – развел руками Купрейчик.

– Получается, что вы помогли особо опасному преступнику получить новый паспорт.

– А кто знал, что он опасный? – искренне удивился Купрейчик. – Нормальный себе мужик. К тому же футболом увлекается. Причем не просто так – толк в нем знает. Мы с ним полчаса обсуждали перспективы наших «Карпат» в этом сезоне. Они ведь после тринадцати туров на двенадцатом месте висят. И уже восемь туров никак выиграть не могут – пять ничьих и три поражения заработали. Так этот Петр мне, коренному «карпатовцу», доходчиво объяснил, что нашей команде в этом сезоне светит.

– И что он тебе такое наплел? – с интересом спросил Шуфрич.

– Не наплел, а сказал. Что через месяц этого москальского тренера Бубукина турнут под зад коленом и вернут нам обратно нашего прежнего тренера – Эрнеста Эрвиновича Юста. Что спасет нашу команду от вылета, а в следующем году поможет занять достойное место.

– А он откуда это знает – он что, Вольф Мессинг? – продолжал вопрошать Шуфрич.

– Мессинг не Мессинг, но мужик в футболе фурычит и вызывает полное доверие. И очень ему наши бомбардиры нравятся: Эдик Козинкевич и Рома Хижак. Они, кстати, уже по три мяча забили и я, полагаю, на этом не остановятся. А если нам еще и правда Юста вернут…

– Давайте пока вернемся к нашему «барану» – то есть, к Петру, – вновь подал голос Оленюк. – Кроме его футбольной подкованности, что еще можете про него сказать?

Купрейчик на какое-то время ушел в себя. Пауза длилась около минуты, после чего хозяин квартиры сообщил:

– Мелочь мне одна бросилась в глаза. Он когда паспорт в сумку убирал, я заметил, что там русско-польский разговорник лежал.

– И что вы по этому поводу думаете?

– А чего тут думать? До польской границы отсюда чуть больше ста километров – всего три часа езды. Вот я и думаю: может, он в Польшу уехать намылился?

11 июля 1974 года, четверг, Швейцария, Цюрих, ресторан «Келлер»

Светловолосая, обнаженная топлесс девушка, извивалась змеей возле шеста к вящему удовольствию посетителей, заполнивших ресторан «Келлер». Однако в боковой приватной комнате, которую от сцены отделяло специальное стекло, затемненное с внешней стороны, а с внутренней вполне обычное, чтобы посетители комнаты имели возможность наблюдать за стриптизом, сидели двое мужчин, которых полуголая девица совершенно не интересовала. У них были дела поважнее – они обсуждали мировые проблемы, причем закулисного свойства. Первого мужчину звали Джеймс Стагниц, он был европейским секретарем Трехсторонней комиссии (ТК), которая была создана ровно год назад при активном участии миллиардера Дэвида Рокфеллера. В эту закрытую структуру вошли наиболее влиятельные представители высших политических и деловых кругов из трех регионов мира: США, Европы и Японии. Сам Рокфеллер называл свое детище весьма высокопарно – «Комиссией по вопросам мира и процветания». На самом деле эта комиссия несла мир и процветание одним странам, а другие специально нагружала проблемами, чтобы первые страны процветали. Короче, это была организация, которая пыталась закулисно управлять судьбами мира. Особенно большое внимание в ТК уделялось Восточному блоку, который на фоне кризисных явлений, что в 70-е годы переживал западный мир, выглядел оазисом благополучия. Поэтому мечтой ТК было втянуть страны социализма в орбиту своих интересов, чтобы иметь возможность затем влиять на принятие важнейших решений в этих странах – то есть, негласно ими управлять через тамошние элиты. По сути ТК являлась одним из ответвлений «Комитета 300», который еще с конца прошлого века выступал как верховный контролирующий орган, тайно управляющий миром. При этом главным средством управления была детально разработанная и апробированная система манипулирования как правительствами, так и народами. Последние управлялись через экономику, культуру, спорт. Вот для чего Джеймс Стагниц в течение июня 1974 года посетил несколько европейских стран, где встречался с влиятельными деятелями, имевшими большой вес в этих странах в экономических и культурных сферах. Что касается его приезда в Цюрих, то сюда европейского секретаря ТК привели уже дела спорта. Его собеседником в ресторане «Келлер»

был ответственный секретарь Международной федерации футбола (ФИФА) Дидье Тальявини, с которым Стагниц поддерживал отношения с 1969 года, когда швейцарец только пришел на работу в ФИФА, до этого работая в секретариата УЕФА.

Поедая вкусное фондю с белыми грибами и запивая его белым вином «Брунелло ди Монтальчино», Стагниц и Тальявини вели неспешную беседу, бросая лишь мимолетные взгляды на полуобнаженную девушку, которая извивалась у шеста на сцене.

– Отставка Стэнли Роуза с поста главы ФИФА нанесла серьезный удар по клану Ротшильдов и поколебала многолетнее британское владычество, – разливая по бокалам новую порцию вина, заметил Стагниц. – Этим моментом надо обязательно воспользоваться. Надеюсь, отныне английские команды не будут доминировать в европейских кубках и перебегать дорогу всем остальным. Сколько раз британцы выходили в финал Кубка УЕФА?

– Двенадцать раз из семнадцати, – ответил Тальявини, закуривая сигарету. – Правда, в Кубке чемпионов они появились лишь однажды – в 67-м.

– Кубок чемпионов – это турнир более элитарный, в отличие от Кубка УЕФА. Поэтому именно второму уготована судьба «троянского коня» в наших далеко идущих планах. Надо продолжать как можно более активно втягивать в его орбиту команды из Восточного блока и периодически давать им доходить до финалов. При таком раскладе у нас будет возможность воздействовать на их молодую аудиторию в нужном нам направлении. Такие матчи сродни нашим фильмам, которые мы продаем Востоку – они играют на наш имидж. А иногда даже помогают нам поднять авторитет именно тех руководителей, кто нам выгоден.

Тальявини не надо было лишний раз напоминать о том, кого именно имел в виду его собеседник. Эта история еще не успела стать далекой, чтобы про нее забыть. Речь шла о выходе польского клуба «Гурник» из города Забже в финал Кубка ярмарок (с 1971 года он стал называться Кубком обладателей кубков, или Кубком УЕФА). До этого «Гурник» неоднократно участвовал в этом турнире, но так далеко ни разу не проходил. А тут ему это удалось. Причем не только благодаря своей классной игре, но и закулисным стараниям деятелей из УЕФА, которые после ничейной игры «Гурника» с итальянской «Ромой» в полуфинале турнира так провели жеребьевку, что в финал вышел именно «Гурник». И хотя там он проиграл «Манчестер Сити» 2:1, однако этот успех вызвал массовый ажиотаж в Польше.

И еще сильнее поднял рейтинг главы Катовицкого воеводского комитета ПОРП (Забже находился всего лишь в 20 км от Катовиц) Эдварда Герека, которого на Западе хотели видеть приемником тогдашнего руководителя Польши Владислава Гомулки. Ведь Герек был реэмигрант, который во время войны жил за границей – в Бельгии и Франции. А место Гомулки собирался занять Мечислав Мочар – партизан времен войны, который Западу (как и СССР – здесь их взгляды совпадали) был невыгоден. Именно тогда, в конце 60-х, и стала возвышаться так называемая «катовицкая группа», лидером которой был Герек. Одновременно с этим поднялся и «Гурник». Все это привело к тому, что новым главой ПОРП стал Герек, который повел Польшу по пути, выгодному Западу – стал набирать потребительские кредиты, чего никогда не делал Гомулка (он в основном напирал на промышленные кредиты). Началось строительство социализма на деньги капиталистов. С этого момента Польша стала активно вестернизироваться, особенно этот процесс затрагивал молодежь, которой в стране было достаточно много – только трудоспособных молодых людей насчитывалось 3,5 миллиона человек (всего в Польше тогда проживало 36 млн.).

Собственно именно поэтому ФИФА сделала все возможное, чтобы сборная Польши по футболу прошла в финальную стадию чемпионата мира 1974 года. До этого поляки целых 16 лет не могли пробиться на этот турнир. Но в начале 70-х у них появились классные футболисты и, главное, поменялось руководство страной. Вместо ненавистного Западу Гомулки (инициатора антисемитской компании 1967–1968 годов) к власти пришел Герек. И тут же Запад стал выказывать Польши особые знаки внимания: и кредиты ей предоставлял без проволочек (чтобы затянуть в долговую яму), и тот же футбол стал тянуть в высший свет.

– Пора нам, Дидье, браться и за советские клубы, – продолжил свою речь Стагниц. – Они с 66-го года участвуют в еврокубках, но пока ничего там не снискали.

– Таков у них уровень футбола, – усмехнулся Тальявини, стряхивая пепел в изящную фарфоровую пепельницу.

– Бросьте шутить, – отмахнулся Стагниц. – Я вот присматриваюсь к киевскому «Динамо» – вполне себе приличный клуб европейского уровня. А Украина на данный момент является поставщиком руководящих кадров для советского руководства. А это очень уязвимое звено – украинские кадры. Они очень похожи на поляков – вечно кричат о своей верности идеалам коммунизма, а сами всегда настроены сепаратистски. Вот и в ихнем «Динамо» впервые за долгие годы к руководству командой

пришел местный – украинец Лобановский. Вы что-нибудь о нем знаете?

– Когда-то он был хорошим игроком, но как тренер пока себя особенно не проявил, – пожал плечами Тальявини.

– Но он приверженец западной модели – говорят, что он постоянно читает наши футбольные журналы, откуда черпает вдохновение. Это же неплохо – поощрить человека, который пьет из нашего колодца. Если его «Динамо» завоюет, к примеру, Кубок УЕФА, то для остальных советских клубов он станет ориентиром. Ведь в оппонентах у него, насколько я знаю, ходит Константин Бесков – человек совершенно иного склада. Этот тренер в своих подходах опирается на национальные идеи, ищет какой-то особый советский стиль игры. И именно его в этом году назначили старшим тренером советской сборной, которая на днях должна принять участие в международном турнире, проходящем в Польше.

– Мы к этим соревнованиям не имеем никакого отношения – это внутренний турнир.

– Я не об этом – я о том, что нас в роли старшего тренера советской сборной устроил бы Лобановский, а не Бесков. Поэтому надо продумать, как сделать так, чтобы его «Динамо» произвело фурор в Европе. Это возможно?

– Со слабой командой нет, но с киевским «Динамо» вполне – там есть за что зацепиться.

– Вот и отлично. Украина всегда тяготела к Западу, так почему бы этим не воспользоваться. Наша цель – стирать границы государств, особенно на Востоке, где полно ресурсов. Надо мыслить глобально, а не узко. Советская система начинает все сильнее открываться и надо этим пользоваться. Вы слышали, что мы открыли свой банк в Москве?

Тальявини, конечно, знал об этом – о том, что в мае прошлого года Дэвид Рокфеллер открыл в столице СССР представительство своего банка «Чейз», прямо в «Метрополе». Он стал первым американским банком, получившим лицензию. А уже в этом году Советы дали разрешение открыть представительские офисы в Москве «Сити-бэнк» и нескольким другим американским банкам. И хотя советский рынок вряд ли мог приобрести важное значение для этих банков, однако главным было другое – сам символизм этого события. Оно явно указывало на то, что советские коммунисты созрели для того, чтобы завязывать еще более тесные экономические связи со своими главными стратегическими врагами. На это указывал и недавний (всего неделю назад) приезд в СССР президента США Ричарда Никсона. Несмотря на то, что тот был уже «хромой уткой» (до его отставки

оставалось всего-то чуть-чуть), но Брежнев дважды встретился с ним и имел продолжительные беседы. После чего премьер-министр Советов Алексей Косыгин обратился к Рокфеллеру с революционным предложением – участвовать в совместном финансировании и строительстве ядерных электростанций в России, которыми бы совместно владели Соединенные Штаты и СССР. Это говорило о том, насколько важными были для Советов как американские инвестиции, так и технология, и насколько далеко они готовы были пойти, чтобы получить и то, и другое.

– Так что мы должны активнее вовлекать русских в зону наших интересов, в том числе и в области спорта, – продолжил свою речь Стагниц. – Хорошо бы, например, пригласить Лобановского сюда на стажировку. Это возможно?

– Куда именно?

– Например, в Голландию – их сборная произвела фурор на минувшем чемпионате, но чемпионом так и не стала. Хотя я ставил именно на них, но этот Гийом все испортил.

Речь шла о Гюнтере Гийоме – личном помощнике канцлера ФРГ Вилли Брандта, который оказался шпионом… «Штази» – восточногерманской разведки. Он был завербован ею еще в начале 50-х и спустя два десятка лет сумел сделать немыслимое – вошел в доверие к канцлеру (Гийом относился к числу шестидесяти самых влиятельных советников из штата в 279 сотрудников). Но был в итоге разоблачен, аккурат за полтора месяца до начала мирового футбольного чемпионата, который должен был проходить в ФРГ. Чтобы погасить тот невероятный скандал, который был вызван арестом Гийома (а это событие вынудило в мае 1974 года подать в отставку канцлера), в высших мировых кругах и было принято решение способствовать победе на футбольном турнире немцев, а не голландцев.

– Фантастическая игра голландцев наверняка привлекла внимание русских, – продолжал свою речь Стагниц. – Если они возьмут себе на вооружение их «тотальный футбол», то мы от этого только выиграем – постепенно он вытеснит русскую школу футбола. И не будет у них больше ни Яшиных, ни Стрельцовых. Так что свяжитесь с украинской федерацией и пригласите этой осенью Лобановского к нам.

– Хорошо, мы устроим им стажировку на базе национальной сборной Голландии. Там на специальных курсах готовят тренеров четырех категорий – от A до D. Причем чтобы получить высшую квалификацию, нужно пройти через все четыре группы. Главным там господин Плойер, а русских туда еще никогда не приглашали. Но неужели вы хотите, чтобы советскую сборную на предстоящий чемпионат Европы привез Лобановский, а не

Бесков?

– Было бы хорошо, если бы она туда вообще не попала, – покачал головой Стагниц. – Я говорю о присутствии советских команд в клубных турнирах, а сборная это особая статья – ее мы будем всячески сдерживать. На будущем чемпионате Европы нам надо делать упор на другие команды из социалистического лагеря. Если на чемпионате мира фурор произвели поляки, то на чемпионате Европы это должны сделать другие. Догадываетесь кто?

Застигнутый этим вопросом врасплох, Тальявини уставился на собеседника, не донеся сигарету до рта.

– Я веду речь о чехословаках – не меньших смутьянах соцлагеря, чем поляки. Они прекрасно противостоят Советам в хоккее, теперь настала пора дать им возможность проявить себя в футболе. Они ведь ни разу не были чемпионами?

– Кажется, в 62-м они выходили в финал чемпионата мира – вот и все их достижения.

– Пусть теперь порадуются – они это заслужили. Наша задача играть на противоречиях внутри Восточного блока, поощряя одних и давая окорот другим. И футбол предоставляет для этого прекрасные возможности, поскольку является игрой, где кипят нешуточные страсти. Вы, кстати, слышали, что в Советском Союзе функционирует подпольный тотализатор?

– Это ведь непроверенная информация.

– А вот я в нее верю. Это вполне типично для страны, где элита провозглашает одни идеи, а живет совершенно другими – противоположными. Тотализатор – прекрасная возможность пощекотать себе нервы в стране, где азартные игры запрещены. Ведь известно: чем больше человеку запрещаешь, тем сильнее ему этого хочется.

– Лично мне хочется выпить, – отправляя окурок в пепельницу, сообщил Тальявини.

– Прекрасно! – воскликнул Стагниц и взялся за бутылку. – Тогда давайте выпьем за то, чтобы все, что мы сегодня с вами здесь наметили, сбылось.

– Выпить, конечно, можно, но есть одно «но»: захочет ли этого Авеланж – ведь его проталкивали русские? – подставляя свой бокал, спросил Тальявини.

– Вот и прекрасно – он будет только рад возвышению их команд. А говорить ему о наших истинных намерениях мы не будем – пусть думает, что все происходит естественным путем.

11 июля 1974 года, четверг, Варшава, кафе «Замек»

Полковник Кшиштоф Пишчек сидел за столиком на летней террасе кафе «Замек» на окраине Варшавы и потягивал из стакана свою любимую минеральную воду «Мазовшанка». Его наручные часы показывали уже пять минут третьего, а человека, с которым у него была назначена здесь встреча, все не было. И только когда минуло еще пять минут, опоздавший наконец объявился.

– Заставляете себя ждать, пан Ковальский, – пробурчал Пишчек, допивая остатки минералки в стакане.

– Прошу прощения, пан полковник – часы подвели, – ответил Ковальский, усаживаясь на свободный стул. – К тому же наша плановая встреча назначена на следующую неделю и я просто не успел перепланировать свой график. Что-нибудь случилось?

– Случилось: пан Кравчик пожаловался на ваше назойливое внимание.

– Вот ведь сволочь, – выругался Ковальский. – Значит, он после нашей встречи отправился к вам?

– Причем сразу, – подтвердил эти слова Пишчек. – Так что я вам приказываю больше его по этому поводу не беспокоить. Впрочем, и по другим поводам тоже.

– Этот парень далеко пойдет, – не скрывая своего восхищения, заметил Ковальский.

– Он уже пошел – на него «положил глаз» здешний русский резидент Павлов, который собирается подключить его к проблеме Катыни. По нашим сведениям, Кравчика хотят свозить в Россию, чтобы он посетил белорусскую Хатынь, а потом подтвердил версию русских, что наших офицеров в Катыни расстреляли немцы.

– И он с этим согласен?

– Судя по тому, как он повел себя с вами, вполне. На днях в Польшу приезжает Брежнев, которому наверняка захотят представить Кравчика, как молодого патриота Польши и активного сторонника польско-советской дружбы.

– Кто в нашем руководстве выступает в качестве протеже этого боксера – неужели сам Герек?

– Он поручил это Кане, в очередной раз доказав, что безоговорочно доверяет этому человеку. Слепец, который сам роет себе могилу.

Станислав Каня был секретарем ЦК ПОРП и руководил отделом административных органов, который курировал все польские спецслужбы. Герек ценил его, полагая, что тот полностью на его стороне в борьбе с потенциальным претендентом на верховную власть – министром иностранных дел Стефаном Олыновским. На самом деле именно Каня представлял скрытую угрозу для власти Герека, но тщательно это маскировал.

А его союзником в этом деле был министр внутренних дел Польши Станислав Ковальчик.

– Но ведь слепота Герека нам только на руку – если они перегрызутся друг с другом, нам от этого будет только польза, – заметил Ковальский.

– А вы неплохой стратег, – улыбнулся Пишчек. – Да, в ваших словах есть резон. Ведь Гереку нужен этот боксер, чтобы доказать Брежневу, что Польша целиком на стороне русских, коль согласна принять их версию катынской трагедии. С помощью таких ходов Герек рассчитывает выбить у советского генсека валютный заем в несколько сот миллионов долларов. А также положительно решить вопрос о вступлении Польши в Международный валютный фонд и Всемирный банк – ведь без одобрения русских этого сделать не получится. Он даже собрался задобрить Брежнева нашим высшим орденом – Виртути милитари первого класса.

– Иностранным?

– В том-то и дело, что польским – вот как он хочет понравиться Брежневу! Естественно, Каня и другие члены Политбюро выступают против этого, но Герек никого не слушает. И вы абсолютно правы – нам это только на руку. Пусть они грызутся друг с другом и доведут ситуацию до критической точки – вот тогда мы и выведем людей на улицы.

– Вам не жалко людей, ведь могут погибнуть сотни, если не тысячи? – спросил Ковальский.

Он прекрасно был осведомлен о том, что совсем недавно Каня и Ковальчик пробили в «верхах» закупку на Западе прочных плексигласовых щитов для милиционеров, газового оружия, водометов и даже легких бронетранспортеров. Помимо этого, значительные деньги были выделены на расширение старой и создание новой агентурной сети на предприятиях и вузах. При этом агенты и информаторы госбезопасности получили в свое распоряжение самые современные подслушивающие устройства для того, чтобы эффективно следить за деятелями и сторонниками оппозиции.

– А вы как хотели получить свободу – без жертв? – удивился Пишчек. – Для того, чтобы избавиться от коммунистической диктатуры, придется положить на алтарь победы не одну тысячу жизней. Может быть, даже и наши с вами тоже. Но вы же не из пугливых?

И Пишчек пристально взглянул на своего собеседника, ожидая от него ответа на свой вопрос.

– Не бойтесь, я и мои люди не боятся умереть ради будущего Польши, – ответил Ковальский, глядя в глаза полковнику. – Обидно только, что мы можем погибнуть, а такие сволочи, как

Кравчик, сбегут к тем же русским, как он это проделал недавно с чилийцами. И откуда такие только берутся – предатели своих отцов?

– Я думаю, мы можем заранее позаботиться о том, чтобы этот боксер не успел сбежать к русским и получил должное за свое предательство, – понизив голос, произнес Пишчек. – Ведь если он, к примеру, внезапно погибнет в разгар торжеств по случаю приезда Брежнева, Гереку нечем будет хвалиться.

– Но это опасная затея – можно засветиться.

– Можно, если действовать наобум. А если все заранее просчитать, то можно убить сразу двух зайцев: и предателю воздать по заслугам, и нашим вождям испортить их игру.

– В таких случаях обычно принято пить за успех предстоящего дела – может, закажем водки?

– Я за рулем, поэтому будем пить минералку, – ответил Пишчек и разлил остатки «Мазовшанки» по двум бокалам.

Ее они и выпили, чокнувшись друг с другом бокалами.

11 июля 1974 года, четверг, Львов, Междугородный переговорный пункт

Оленюк зашел в кабинку и плотно закрыл за собой дверь. На другом конце провода разговора с ним дожидался его начальник – Петр Маринин, которому не терпелось узнать о результатах поездки своего подчиненного во Львов. Собственно, Оленюк мог позвонить шефу из управления ОБХСС, где ему помогли выйти на Моченого, но он не хотел, чтобы у этого разговора были лишние уши. Поэтому и пришел сюда, на переговорный пункт, где его в течение нескольких минут соединили с Киевским уголовным розыском.

– Привет, Влас, какие новости? – спросил Маринин, едва Оленюк взял в руки трубку.

– Новости хорошие – наш клиент дал о себе знать здесь, во Львове. Деньги эти он заплатил за изготовление фальшивого паспорта на имя Матвея Тарасовича Захарчука, 1930 года рождения, уроженца города Житомира. Пробейте по нашей базе данных.

– Пробьем. Что еще?

– Вполне вероятно, клиент намылился уехать в Польшу. Я уже отправил запросы на имя Захарчука в местный ОВИР, на вокзал и в аэропорт. Но пока ответов нет. В гостиницах он тоже не останавливался.

– После киевского случая он в гостиницы, видимо, больше ни

ногой, – предположил Маринин. – И ответов на твои запросы тоже может и не быть. Судя по всему, он не зря выбрал это время – в Польше на днях будут торжества по случаю 30-летия республики. Поэтому народу от нас туда поедет много, причем по упрощенной системе. А многие и вовсе будут оформляться через разные конторы, минуя официальные каналы. Здесь местные органы могут и не помочь – надо удочки забрасывать отсюда, из Киева.

– Так забросьте, для того и звоню. Только поторопитесь – времени в обрез. Чую я, этот архаровец может с концами слинять в Речи Посполитой – надо его остановить.

– Ладно, поможем, чем сможем. А ты пока будь там – копай с той стороны, может, повезет. Да, и позвони ты своей продавщице – она нам проходу не дает.

12 июля 1974 года, пятница, Варшава, Футбольная Федерация Польши

Старший тренер польской сборной по футболу Казимеж Гурски сидел в приемной председателя Футбольной Федерации Зденека Паточняка и то и дело поглядывал на часы. Они показывали половину двенадцатого утра – то есть ровно полчаса, как Гурски должен был принять пан Паточняк, но этот прием так до сих пор и не состоялся. Как сообщила тренеру секретарша, пана председателя срочно вызвали в ЦК ПОРП, поэтому пану Гурски придется немного подождать. Вот он и ждал, сидя на стуле и сжимая в руках портфель, где у него находился окончательный список игроков сборной Польши, которой предстояло выступить на международном турнире, приуроченном к 30-летию со дня образования ПНР. Тот самый звездный состав, с которым подопечные Гурски только что выиграли бронзовые медали на чемпионате мира в ФРГ. Это был грандиозный успех польской сборной, хотя два года назад она уже выиграла «золото» Олимпиады в Мюнхене, но мировой чемпионат в табели о рангах всегда котировался выше. Вспоминая теперь эти победы, Гурски мысленно улыбнулся – ведь возможным это стало именно при нем. В этом декабре будет ровно четыре года, как он встал у руля главной команды страны, а она уже дважды выигрывала крупнейшие мировые турниры. Было от чего радоваться. Хотя Гурски помнил и другое. Например, то, что в момент его назначения на этот пост, мало кто верил в его потенциальные возможности. Многочисленные скептики говорили: этот человек мало чего достиг как футболист, поэтому вряд ли сумеет добиться хороших результатов и на тренерском поприще. И ведь

это была истинная правда – игровая карьера Гурски была отнюдь не блестящей.

В футбол Казимеж начал играть перед Второй мировой войной, выступая за львовский РКС (Львов тогда был польским городом). Но в августе 1939 года Западная Украина стала советской и все футбольные клубы Галичины, включая РКС, «Украину», «Погонь», «Чорни», «Гасмонею» и другие, были упразднены. Новая власть начала организовывать свои спортивные общества по принятому в СССР образцу – «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Пищевик». И Гурски стал играть за львовский «Спартак», опять же на позиции нападающего. Однако затем Галичина была оккупирована немцами и упраздненные Советами клубы возродились. И снова стал проводиться местный чемпионат, но уже под патронажем немцев. Правда, Гурски в нем не участвовал, предпочтя занять нейтралитет. Но это не уберегло его в дальнейшем. Когда в 1944 году Львов снова стал советским, всех молодых людей, кто жил в оккупации, стали пропускать через фильтрацию. Некоторые из них находились под угрозой высылки: среди них известные львовские мастера кожаного мяча В. Кухар и А. Скоцень. Испугавшись этого, Гурски решил перебраться в Варшаву, где в течение пяти лет выступал в составе «Легии». Невысокого, всего 173 сантиметра, роста, Гурски был чрезвычайно подвижным нападающим и в чемпионате Польши в 1947-м и 1948 забил по и мячей. В июне 1948-го он сыграл свой единственный матч в составе «Кадры» (так называют сборную Польши). Тот матч в Копенгагене против датчан оказался неудачным как для самого Гурски, который получил травму и был заменен на 34-й минуте, так и для команды в целом. Сборная Польши в той игре потерпела рекордное в своей истории поражение 0:8.

За «Легию» Гурски играл до 1951 года, после чего повесил бутсы на гвоздь. И вскоре отправился учиться тренерскому мастерству в краковскую Высшую школу физического образования, а потом и во вроцлавскую Академию физической культуры. Работал тренером в «Легии» и ЛКС, тренировал молодежные сборные Польши, пока, наконец, в 1970 году возглавил главную национальную команду. И заткнул за пояс всех скептиков – заставил говорить о «Кадре» практически весь футбольный мир.

В тот самый миг, когда Гурски вспоминал перипетии олимпийского матча со сборной СССР, который поляки выиграли со счетом 2:1, в приемную буквально влетел председатель Федерации. Стремительно пройдя в свой кабинет, он на ходу пригласил следом и Турского. И, едва тот закрыл за собой дверь,

Паточняк сообщил:

– Все отменяется – наша сборная будет выступать в другом составе.

И встретившись взглядом с Гурски, в глазах которого застыл немой вопрос, председатель Федерации пояснил:

– Я только что был в ЦК – там приказали выставить на турнир экспериментальный состав. Убрать из него всех ведущих игроков, участников чемпионата мира.

– Но почему? – спросил Гурски.

– Герек хочет произвести впечатление на Брежнева и нам велено проиграть русским, если мы встретимся с ними в финале. А мы с ними там обязательно встретимся.

– Что за бред! – произнес Гурски и опустился на стул.

– Вот именно что бред, но я ничего не могу поделать – приказ с самого верха. Нам до зарезу нужны кредиты от русских, вот Герек и ползает перед ними ужом.

– И с каким счетом нам надо им проиграть – может, 10:0? – усмехнулся тренер.

– Ты не утрируй – одного или двух «сухих» мячей вполне хватит. Главное, чтобы Брежнев остался доволен.

– А он что, собирается приехать во Вроцлав?

– Пока еще ничего неизвестно, но в любом случае поражение его любимой команды может его расстроить. К тому же за нами должок – мы ведь не проявили солидарность с русскими и поехали на чемпионат мира. А у русских есть такая поговорка: долг платежом красен.

– И какой состав мне советуют выставить?

– Тех игроков, которые были в запасе на чемпионате мира. Так легче будет объяснить наше поражение. Да и не обидно будет.

– Но ведь мы можем их и этим составом обыграть или хотя бы сыграть вничью.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Паточняк.

– Если я настрою молодежь на победу, им вполне по силам дать настоящий бой русским.

– То есть, ты хочешь нарушить приказ ЦК?

– Ровно наполовину. Мы выставим на турнир тот состав, который нам рекомендуют. Но установку ему дадим другую. Если получится выиграть, нас что за это – колесуют?

Паточняк на какое-то время задумался. В процессе раздумий он достал из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой. Взгляд его при этом скользил поверх головы тренера.

– Честно говоря, мне самому это решение ЦК поперек горла, – признался председатель Федерации. – У нас праздник, а мы

должны на нем проиграть гостям – это черт знает что! Но с другой стороны и кредиты нашей стране от Советов тоже нужны – мы же от них зависим. Короче, ситуация из разряда «и хочется, и колется». Даже не знаю, как быть.

– Давайте сделаем так, – и Гурский слегка подался вперед. – Вы доложите в ЦК, что я согласился с их распоряжением относительно состава сборной. Ну, и со всем остальным тоже. А дальше всю ответственность я беру на себя. Проиграем – вы на коне. А если выиграем, вы всегда можете свалить все на меня – я ваши слова подтвержу. В итоге снимут с поста тренера Гурски, а не вас. Договорились?

Паточняк какое-то время сидел молча, переваривая предложение тренера. После чего сделал глубокую затяжку и, выпустив дым под потолок, наконец произнес:

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Но имей в виду – о последствиях я тебя предупреждал.

12 июля 1974 года, пятница, поезд Москва – Ленинград

– Сережа, ты свободен, – услышал Ребров слова, обращенные к нему, и поднялся с сиденья.

Он и сам минуту назад понял, что человек, которого он сопровождал в этой поездке, дошел до нужной кондиции и готов к тому, чтобы наброситься на девицу, которую Ребров ему отыскал и взял в эту поездку. Задание у девушки было простое: удовлетворять сексуальные потребности клиента, а между делом выведывать у него то, что было нужно знать Реброву. Короче, девушка была его шпионкой и получала за это весьма неплохие деньги. Как только ее шаловливая рука легла между ног клиента, Ребров понял, что он здесь лишний, а тут и сам компаньон попросил его удалиться. Взяв со стола пачку сигарет, Ребров вышел из купе и закрыл за собой дверь. Услышав, как защелкнулся замок, он сунул в рот сигарету и вышел в тамбур. И едва не обомлел – там стоял парень, которого он никак не ожидал здесь увидеть.

– Привет, Кожемяка! – воскликнул Ребров, узнав в парне своего давнего знакомого – футболиста Анатолия Кожемякина.

– Здорово, Серега! – расплылся в ответной улыбке футболист, для которого эта встреча тоже стала неожиданностью из разряда приятных.

– Ты куда это намылился? – убирая сигарету обратно в пачку, спросил Ребров.

– Еду в Питер – наши там завтра играют.

– Точно: «Зенит» (Ленинград) – «Динамо» (Москва), – шлепнул себя по лбу Ребров. – Стадион имени Кирова, 19.00. А ты тоже будешь играть – у тебя же нога?

Вся болельщицкая общественность страны с осени прошлого года с волнением следила за новостями об Анатолии Кожемякине. Получив травму 14 октября 1973 года в матче с «Днепром», этот талантливый футболист не смог доиграть до конца тот сезон – каких-то три матча. Из-за этого ему не удалось перегнать по забитым мячам Олега Блохина и тот стал лучшим бомбардиром первенства – у него было 18 забитых мячей. Кожемякин забил на два мяча меньше.

Многим казалось, что Кожемякин восстановится быстро, но травма оказалась слишком серьезной – разрыв крестообразных связок в те годы был фактически приговором. Должным образом оперировать такие повреждения тогда не умели, поэтому после нескольких операций сделали футболисту «лавсановое» колено. В итоге он был вынужден пропустить и следующий сезон, о чем Ребров, как истинный болельщик, естественно, знал. Поэтому и задал свой вопрос про ногу. И тут же получил ответ:

– Нет, я просто так еду – за ребят поболеть. Они в соседнем купе в карты режутся, а я вот решил малость отдохнуть.

– И правильно решил – как бы мы с тобой тогда встретились, – рассмеялся Ребров и хлопнул приятеля по плечу. – А вы не плохо в чемпионате идете – третье место держите. Как завтра сыграть планируете?

– Победить хотим, конечно.

– Трудновато будет, – покачал головой Ребров. – «Зенит» в тринадцати турах только одну игру проиграл – три дня назад киевлянам 0:5 уступил. А так они никому больше не проигрывают.

– Знаем – у них семь ничьих и пять побед. Потому и держат второе место, опережая нас на два очка. Но нам если не победа, то и ничья сойдет – тоже хороший результат.

– Опять в три нападающих играть будете?

– Да, впереди Павленко, Маховиков и Еврюжихин, а сзади их четверо полузащитников будут поддерживать – Долбоносов, Жуков, Байдачный и Гаврилов.

– Вы главное у них Николаева и Зинченко держите – у этих ребят голевое чутье, как у собаки нюх на сучку.

– Зинченко травмирован, играть не будет, – сообщил Кожемякин. – Но у них новенький объявился – Володька Казаченок. Тоже опасный форвард.

– Наш Вадик Павленко все равно лучше, – улыбнулся Ребров. – Как разыгрался – пять мячей в последних играх уже

наколотил. Не боишься?

– Чего?

– Как чего – что он вместо тебя в основе закрепиться.

– Мы с ним друзья, чего нам делить, – улыбнулся Кожемякин.

– А ты когда вернуться планируешь?

– Думаю, к сентябрю восстановлюсь. Хотя врачи толком ничего не говорят – темнят.

– Не переживай, какие твои годы – тебе ведь только двадцать один год стукнул. Еще наиграешься.

В этот миг дверь тамбура открылась и на пороге появилась та самая девица, которую Ребров оставил со своим попутчиком.

– Сигареткой не угостите? – обратилась она к мужчинам.

Ребров достал из кармана пачку и ловким ударом пальца выбил из нее сигарету.

– Ну, ладно, Серега, я пойду к ребятам, – обратился к другу футболист, который не переносил табачного дыма. – Надеюсь, еще увидимся.

Когда он скрылся, Ребров обратил свой взор на девицу:

– Что-то ты быстро, Катюха, управилась.

– Это не я, это клиент – только засунул, так сразу и кончил. Теперь дрыхнет без задних ног. То ли дело с тобой, – и девица потянулась рукой к Реброву.

– Не время, Катюха, да и не место, – одернул девицу Ребров. – Что-нибудь разузнала?

– Я же говорю, он скорострел – только кончить и успел.

– Ладно, ночью его хорошенько обработаешь.

– А ты куда денешься?

– Не волнуйся, я вон к футболистам завалюсь или в вагоне-ресторане посижу. Так что времени у тебя будет предостаточно.

13 июля 1974 года, суббота, Польша, окрестности города Карчев, Варшавское воеводство, лесной массив

Следователь Варшавской воеводской прокуратуры Збигнев Вуйчик приехал на место преступления во второй половине дня и застал там своего давнего знакомого – работника криминального отдела поручика Хенрика Возняка. Тот только что отправил тело убитой старушки в морг и теперь внимательно осматривал место преступления, пытаясь найти какие-нибудь улики. Таковых набралось немало, поэтому, когда в лесу объявился Вуйчик, Возняк уже мог описать приблизительную картину преступления.

– Погибшую зовут Малгожата Квятковская, 1909 года рождения, жительница Вугоды, – докладывал следователю

Возняк. – Три дня назад ушла в лес за ягодами и с тех пор про нее не было ни слуху, ни духу. Ее тело случайно обнаружили такие же ягодники сегодня утром. По словам нашего судмедэксперта, труп пролежал здесь около трех дней. Значит, убили несчастную в тот самый день, когда она ушла из дома.

– Как наступила смерть? – закуривая сигарету, спросил Вуйчик.

– Старушку убили выстрелом в затылок вот на этом месте – видите, здесь на траве видны следы крови – а потом тело перенесли в кусты и забросали ветками.

– Ее ограбили?

– В том-то и дело, что у старушки был при себе кошелек с двумя сотнями злотых, но преступник его не тронул. Как и корзинку с ягодами.

– Значит, это не ограбление. Тогда что? Зачем кому-то понадобилось убивать безвредную старушку?

– У меня есть на этот счет некие предположения, – произнес Возняк и жестом пригласил следователя проследовать за ним.

Вскоре они стояли у того самого пенька, с которого три дня назад Кравчик нацеливал свою винтовку на несчастную женщину.

– Судя по всему, выстрел был произведен отсюда, – продолжил свой рассказ Возняк. – Видите, трава у пня вытоптана, будто кто-то долго на ней стоял или лежал. По траектории выстрел мог быть произведен именно отсюда. Женщина шла в сторону шоссе, а этот некто находился возле этого пня.

– Но, может, он стрелял в упор, идя следом за ней? – предположил Вуйчик.

– Я тоже так сначала подумал, но потом обследовал местность и вот что нашел, – и Возняк раскрыл перед следователем полиэтиленовый пакет, который он все это время держал в руках.

Заглянув в него, Вуйчик увидел в нем ошметки от яблока и древесную кору.

– И что это значит? – поднял он глаза на Возняка.

– Это значит, что преступник упражнялся в стрельбе, а эти яблоки служили ему мишенью.

– Да мало ли кто мог разбросать эти ошметки! – возразил Вуйчик.

Тогда Возняк достал из пакета единственное уцелевшее яблоко и показал его следователю – во фрукте зияло маленькое сквозное отверстие.

– Так что стрельба – единственное объяснение, – убирая яблоко в пакет, произнес Возняк. – И стрелял он по ним именно отсюда, вот от этого самого пня. Сбитая на дереве кора указывает

именно в этом направлении. Видите то поваленное дерево? Вот именно под ним я и нашел это яблоко, ошметки и кору.

– Далековато для стрельбы, – выпуская дым изо рта, произнес Вуйчик.

– Смотря для какой стрельбы. Для пистолетной – далековато. А вот для винтовки с оптическим прицелом в самый раз.

– Может, это подростки упражнялись? Раздобыли где-то винтовку и решили опробовать?

– Но зачем подросткам убивать старушку? – задал резонный вопрос Возняк. – И откуда у них такое ружье?

Сказав это, Возняк извлек из нагрудного кармана рубашки сплющенную пулю весьма миниатюрного вида.

– Я выковырял ее из того же поваленного дерева.

Взяв в руки пулю, Вуйчик внимательно ее осмотрел и вернул обратно сыщику со словами:

– Странный калибр у этого ружья. Может, это все-таки пневматика?

– Отдадим на экспертизу – узнаем, – пряча пулю, произнес Возняк. – Но факт остается фактом: женщина убита как нежелательный свидетель.

– Свидетель чего? – продолжал удивляться следователь. – Что преступного в том, что кто-то пристреливает винтовку? Да тут каждый год охотники-любители этим занимаются.

– Но не такими же пулями?! Значит, этот охотник особенный. Иначе он бы не стал идти на убийство. Что-то он хотел скрыть, а женщина это увидела. Другого объяснения у меня пока нет.

15 июля 1974 года, понедельник, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Андропов сидел за столом и внимательно читал донесение агента КГБ «Огонек». Напротив шефа сидел Марат Изюмов, который ознакомился с этим донесением чуть раньше и теперь принес его Андропову. «Огонек» был завербован КГБ в самом конце 60-х в одной из колоний Советского Союза. Выйдя на свободу, он влился в криминальную среду и поставлял оттуда Лубянке ценнейшие сведения, поскольку имел немалый авторитет в уголовной среде. В частности, его взял под свою опеку известный вор в законе Могол. А в 1970 году «Огонька» было решено включить в операцию «Азарт», направленную на выявление подпольных тотализаторов, действовавших в крупнейших городах Советского Союза. В основном «Огонек» работал по московской «тотошке» и был одним из тех, кто помог

чекистам выйти на Леонида Зольского и его окружение. Однако сил «Огонька» тогда так и не хватило, чтобы добраться до Банкира. Но он продолжал свою работу в этом направлении и был специально отряжен прощупать окружение (как бывшее, так и действующее) бывшей любовницы Зольского Ларисы Кружковой, которая подозревалась КГБ в связях с Банкиром. В частности, «Огонек» втерся в доверие к еще одному бывшему любовнику Лары – референту министра мясной и молочной промышленности СССР Алексею Кочиеву, который, как оказалось, тоже был одним из участников московского тотализатора – «точки», которая существовала в Теплом Стане на улице Островитянова. На днях «Огонек» сопровождал референта в поездке в Ленинград и раздобыл информацию, которую и сообщал в своем донесении.

Прочитав документ, Андропов снял очки и взглянул на Изюмова:

– «Огонек» сообщает, что этот референт собирается на днях посетить Польшу. Что-нибудь дополнительно известно об этом?

– Он приглашен на свадьбу поляка с Кружковой, – ответил Изюмов.

– Вот как! – удивился Андропов. – Интересная получается компания – невеста приглашает на собственную свадьбу своего бывшего многолетнего любовника.

– Да, оригинальное приглашение, – кивнул головой Изюмов. – Может, у поляков это так принято?

– Вряд ли. Скорее, можно предположить, что эта свадьба – всего лишь ширма для чего-то другого. Но вот для чего?

И Андропов на какое-то время ушел в себя. После чего вновь перевел взгляд на собеседника и спросил:

– А мы можем установить других гостей этой оригинальной пары – я имею в виду с нашей, советской стороны?

– Думаю, вполне, но для этого нужно время.

– Сколько?

– Полагаю, двух дней хватит.

– Согласен, но не больше. Когда молодожены собираются уехать в Польшу?

– Восемнадцатого днем у них самолет из Шереметьево. А сама свадьба назначена на двадцать второе во Вроцлаве.

– Странно, почему не в Варшаве?

– Может, не хотят лишнего внимания?

– Допускаю такой вариант, – согласился Андропов. – Но наших людей в Польше это касаться не должно – пусть возьмут это мероприятие в разработку.

16 июля 1974 года, вторник, Варшавская воеводская

Следователь Збигнев Вуйчик был у себя в кабинете, когда к нему зашел Хенрик Возник. Они не виделись вот уже два дня – с тех пор, как Возник принес ему неожиданную новость по делу об убийстве Малгожаты Квятковской. Совершая обход окрестных домов, которые находились недалеко от места обнаружения трупа старушки, Возник нашел мальчика, который днем 10 июля, в день пропажи Квятковской, проезжал на велосипеде по шоссе, как раз в том месте, где произошло преступление, и видел припаркованный на обочине «Фиат-125» белого цвета. Паренек рассказал, что в машине никого не было, что могло означать одно – ее хозяин находился где-то поблизости. На удачу, мальчишка запомнил две последние цифры номера автомобиля, поскольку они совпадали с номером его дома – 42. Это была уже серьезная зацепка, которую необходимо было проверить. Именно этим два дня назад и должен был заняться Возняк – установлением личности хозяина «Фиата». И вот сегодня сыщик пришел к следователю, чтобы выложить перед ним результаты своих поисков.

– Я установил, что в Варшаве и ее окрестностях зарегистрированы сто пятьдесят четыре 125-х «Фиата», – сообщил Возняк, усаживаясь на стул напротив следователя. – Из них только тридцать три белого цвета. И из этих шесть имеют на конце номера цифру «42». Вот список этих владельцев.

И Возняк протянул следователю листок с именами автомобилистов. Прочитав его, Вуйчик поднял глаза на сыщика и заметил:

– Одного из них можно сразу вычеркнуть – Анджея Кравчика.

– Это почему? – удивился Возняк.

– Ты же не будешь подозревать человека, который стал гордостью нашей республики?! Кравчик – уважаемый спортсмен, ему этот «Фиат» наша власть подарила за его героизм. Так что подозревать его – это лишняя трата времени. Наверняка это не его машина «засветилась» у места преступления.

– А если его?

– Ты в своем уме? – Вуйчик и не думал скрывать своего недовольства. – Тебе ясно говорят – Кравчик здесь ни при чем. Вычеркни его из списка сам, или это сделаю я.

– Ты можешь даже вырезать его фамилию из этого списка, но она останется у меня в голове. Мы должны проверять всех, кто бы это ни был. Там, кстати, в списке фигурирует один народный артист – его тоже прикажешь вычеркнуть?

Вуйчик снова взял в руки листок и еще раз прочитал список.

– Артист – это другое дело, он к политике не имеет никакого

отношения, – вновь устремил свой взор на собеседника Вуйчик. – А Кравчик будет одним из героев предстоящих торжеств по случаю 30-летия нашей республики. Нам никто не даст его трогать.

– Я и сам понимаю, что Кравчик фигурирует в этом списке случайно, – согласился со следователем Возняк. – Но формально мы должны проверить и его, чтобы не нарушать буквы закона.

– Ты не первый год работаешь в уголовном розыске и не раз нарушал эту букву, – отмахнулся от слов коллеги Вуйчик. – Так что забудь про Кравчика и начни проверять других. Хотя бы того же самого артиста. Кстати, я тут на днях видел его в фильме «Майор Хубаль». Ты смотрел эту картину?

– Конечно, это же про моего тезку – Героя Первой мировой майора Хенрика Добжаньского.

– Ты забыл сказать, что он еще был и знаменитым спортсменом. Так что Анджей Кравчик для многих поляков олицетворяет таких вот людей, как майор Хубаль.

– Ему не хватает ордена «Виртути Милитари».

– Подожди, вот он встретится с Брежневым и получит свой орден. Так что не трогай парня – иди проверяй остальных автовладельцев.

И Вуйчик протянул Возняку листок со списком. Однако по тому, с каким лицом тот его взял, следователь понял – его предупреждение до него так и не дошло.

16 июля 1974 года, вторник, Львов, Междугородный переговорный пункт

Оленюк с утра приехал на переговорный пункт, чтобы переговорить со своим шефом – Петром Мариниым. И тот буквально сразил его сообщением:

– Матвей Тарасович Захарчук, 30-го года рождения, выехал из Львова позавчера вечером поездом «Львов – Вроцлав». Он почему-то проходит как сотрудник Западного научного центра Академии наук Украины – именно там ему оформляли визу по ускоренной системе, как члену «Поезда Дружбы». Так что на данный момент он, скорее всего, уже в Польше.

– Как выехал – его же должны были объявить в розыск уже как Матвея Захарчука? – едва не выронив из рук трубку, спросил Оленюк.

– Должны были, но ты же знаешь, какая у нас бюрократия. В итоге чуть-чуть опоздали. На пропускном пункте Мостиска сообщили, что Захарчук проследовал через границу и теперь

единственный шанс его задержать – связаться с польскими коллегами. Мы уже связались – они его ищут. Так что пакуй вещи и возвращайся назад.

И Маринин первым повесил трубку.

– Сбежал все-таки, сука! – вырвался откуда-то из глубины души крик у Оленюка и он с досады саданул кулаком о стену.

Несмотря на то, что был он в кабинке, однако этот выплеск не остался незамеченным со стороны окружающих.

– Вы что себе позволяете, молодой человек?! – грозно сверкая очами, спросила сотрудница пункта, сидевшая за стойкой, огороженной стеклом.

– Простите, не сдержался, – ответил Оленюк, выходя из кабинки. – Гада одного упустил, вот и злюсь.

– В следующий раз злитесь в другом месте, – посоветовала женщина.

17 июля 1974 года, среда, Москва, площадь Дзержинского, КГБ СССР, кабинет Юрия Андропова

Шеф КГБ стоял у окна, выходившего на площадь Дзержинского, смотрел на поток машин и внимательно слушал начальника 1-го управления КГБ СССР (внешняя разведка) Федора Мортина, сидевшего за столом у него за спиной. Тот докладывал:

– По нашим сведениям, в эти дни в Польшу съезжаются сразу несколько любопытных людей. Во-первых, бывший сотрудник внешней разведки Болгарии Димитр Цеков – тот самый, который вместе с Георги Найденовым участвовал в создании и функционировании фирмы «Тексим». Как вы помните, Юрий Владимирович, Найденов понес за это наказание – его отправили за решетку, а вот Цеков не только остался на свободе, но и сохранил место в болгарской номенклатуре – был переведен в Международный отдел. В этом году он пошел на повышение – ему доверили руководить отделом, который занимается спецоперациями.

– Насколько я знаю, Найденова тоже собираются помиловать тихой сапой, – заметил Андропов, по-прежнему стоя спиной к собеседнику. – Не связано ли с этим и возвышение Цекова?

Дело «Тексима» прогремело пять лет назад – в ноябре 1969 года. А появилась эта фирма в декабре 1960 года по вполне объективным экономическим причинам. Болгарии нужны были средства на масштабные экономические проекты, но давать их никто не спешил – в том числе и Советский Союз. Вот тогда-то Совет Министров Болгарии совместно с Державин сигурности

(местным КГБ) и создал секретным постановлением совместное предприятие ДТП «Тексим», во главе которого встал бывший юный партизан бригады «Васил Левеки», а тогда – офицер внешней разведки Болгарии, Георги Найденов. Первой операцией «Тексима» была продажа 10 тысяч единиц стрелкового оружия алжирским повстанцам. Эта акция принесла в бюджет Болгарии более 50 миллионов долларов. А спустя пять лет капитал «Тексима» уже составлял порядка 136 миллионов долларов. Что позволило болгарскому руководству довольно независимо чувствовать себя в рамках соцлагеря – во всяком случае, не ходить с протянутой рукой. Но тут грянули пражские события августа 1968 года и на эту независимость в Кремле стали смотреть уже совершенно иначе. Как итог: Брежнев потребовал от Живкова закрыть «Тексим». Ослушаться Москву болгарский руководитель не посмел. «Тексим» был закрыт, а Найденов отправлен за решетку за некие «финансовые нарушения» (к таковым причислили множество счетов в различных западных банках и офшорах, часть денег из которых оседала в карманах не только Найденова и Ко, но и разного рода «прилипал» из числа западных бизнесменов, которые вели дела с «Тексимом»).

И теперь, слушая Мортина, Андропов предположил, что дело «Тексима» вовсе не умерло, а процветает, только уже под другими названиями.

– Помимо Цекова в Польше объявился Ион Сунгуряну, – продолжал свой доклад Мортин. – Он выдает себя за работника внешнеторгового объединения «Томис», но на самом деле является сотрудником Международного отдела ЦК Компартии Румынии. Нами еще в прошлом году зафиксированы контакты Цекова и Сунгуряну в Швейцарии, но нам не была понятна их подоплека. Но два месяца назад отдел «Ф» раздобыл информацию, что Цеков и Сунгуряну участвуют в операции по перекачке денег в швейцарские банки. Эти деньги стекаются к ним от нелегальных операций различных фирм, находящихся под «крышами» Державин сигурности и Секуритате.

Отдел «Ф», о котором упомянул Мортин, был создан почти сразу после прихода Андропова на Лубянку – летом 1967 года. Расшифровывалась эта аббревиатура просто – финансовая разведка. Почему возникла идея создания такова подразделения? К тому времени в СССР фактически сформировалась «трехконтурная» экономика. Главный, срединный контур представляла «официальная» экономическая система под управлением Минобороны и ВПК. Далее шел внутренний, скрытый контур – «теневая» экономика, находившаяся под «крышей» МВД. Наконец, существовал еще и внешний контур

зарубежной экономики, легальной и нелегальной, который курировался Международным отделом ЦК КПСС и КГБ. Но с приходом на Лубянку Андропова началось перераспределение ресурсов в пользу внешнего контура (там прибыльность операций была в несколько раз выше, чем в сфере ВПК), причем КГБ в этом процессе стал играть ведущую роль.

Руководителем отдела «Ф» был поставлен матерый чекист Евгений Питовранов (он пришел в органы в 1938 году и начинал свою карьеру там с должности заместителя начальника отдела Горьковского областного Управления НКВД, чтобы в декабре 1950 года уже стать заместителем министра государственной безопасности СССР). В 1966 году Питовранов был избран заместителем председателя Президиума Торгово-промышленной палаты СССР. Это было его официальным прикрытием, чтобы беспрепятственно пересекать границы различных государств. В итоге к 1974 году люди Питовранова осели в двух десятках ведущих западных стран, где под видом бизнесменов и дипломатов добывали важную экономическую информацию, а также заключали разного рода тайные сделки, на которые официальная власть никогда бы не пошла.

– Цеков и Сунгуряну приехали в Польшу практически одновременно, причем оба – как представители спортивных делегаций своих стран. Как известно, в Польше в эти дни будет проходить футбольный турнир, в котором участвуют и сборные команды из Болгарии и Румынии. Первая игра турнира состоится 20 июля в Люблине между сборными Польши и Румынии. Так вот в этом же городе вчера была зафиксирована встреча Цекова, Сунгуряну и еще одного «международника» – Кшиштофа Мазовецки, сотрудника Международного отдела ЦК ПОПР. Мазовецки в середине 60-х учился здесь, в Москве, в Институте общественных наук при ЦК КПСС и наши сотрудники пытались его завербовать, но Международный отдел не разрешил им этого сделать.

Речь шла о том, что ИОН подчинялся ЦК КПСС и офицеры КГБ, допущенные к работе в этом институте, занимали подчиненное положение. В том числе они не могли быть завербованы КГБ без разрешения Старой площади. А вот что касается вербовки слушателей ИОНа в качестве агентов Международного отдела, то эта практика носила тотальный характер. В ней в той или иной степени участвовали все преподаватели и переводчики института под видом кураторства или опеки слушателей. Судя по всему, «партийным МИДом» (так негласно называли Международный отдел ЦК КПСС) был завербован и Мазовецки. О чем в своем докладе намекнул и

Мортин:

– В прошлом году Мазовецки встречался в Канаде с заведующим спецсектором нашего Международного отдела Артемом Кунгуровым. И что самое интересное – последний в эти дни тоже вылетел в Польшу.

Услышав эту новость, Андропов повернулся лицом к докладчику и попросил:

– А вот здесь, Федор Константинович, попрошу вас поподробней.

– Подробностей мы пока не знаем, но Кунгуров остановился в Кракове и, по нашим сведениям, завтра собирается приехать в Люблин.

– А те трое, о которых шла речь выше, сейчас где?

– В том же Люблине, причем живут не в гостинице, а в лесном ущелье – там у польских «международников» есть закрытые для посторонних пансионы в долине реки Быстшице.

– Думаете, Кунгуров присоединится к этой троице? – спросил Андропов и вернулся в свое кресло во главе стола.

– Не исключено. Судя по всему, он от нашего «партийного МИДа» курирует некий проект, в котором участвуют и эти трое.

– И что это за проект, как вы думаете? – задал очередной вопрос шеф КГБ.

– Скорее всего, речь идет о неких финансовых операциях, которые «международники» проводят по партийным каналам, минуя все остальные.

Мортин имел в виду ситуацию, когда разные кланы советской системы имели собственные финансовые ресурсы, в том числе и за пределами СССР. Ведь тот же Питовранов в качестве первого заместителя Торгово-промышленной палаты вел активную разведку КГБ с позиций торгово-экономических кругов, способствуя накоплению нужной информации и нужных средств под «крышей» КГБ. У «партийного МИДа» тоже была своя разведка – тот самый спецсектор, который возглавлял Артем Кунгуров. Он действовал автономно от КГБ, подчиняясь непосредственно ЦК КПСС. «Международники», как и чекисты, открывали множество фиктивных банков и торговых предприятий в офшорных зонах в Греции, Италии, Португалии или в Панаме. Миллиарды долларов переводились на счета этих учреждений через «Внешэкономбанк». Механизм, как правило, был такой: партия нефти, металла или леса продавалась предприятию, которое «партийный МИД» (или КГБ) открывал за границей, по цене, во много раз ниже цен мирового рынка. Далее это предприятие перепродавало полученный товар уже по рыночной цене, а прибыль от продажи оставляло себе.

Андропов, конечно, мог закрыть глаза на действия Кунгурова, но тогда он был бы плохим шефом КГБ. Он просто обязан был быть в курсе деятельности своих конкурентов-«международников» (так же, как и конкурентов из МВД), чтобы в межклановой войне не оказаться в итоге в дураках. А судя по той информации, которую ему доложил Мортин, дела в Польше затевались весьма серьезные. Ведь именно там в эти же дни должна была состояться и свадьба Лары с польским дипломатом. Вроде бы, какая связь? Но Андропов своим профессиональным чутьем чекиста и «международника» (до своего воцарения на Лубянке он возглавлял отдел социалистических стран в «партийном МИДе») чувствовал, что эти события чем-то связаны. Но чем именно, он пока не знал. Однако это неведение длилось недолго. Следом за Мортиным в его кабинет с очередным докладом пришел Марат Изюмов. Позавчера шеф КГБ дал ему задание подготовить список людей, которые от разных советских республик должны были выехать в Польшу на торжества. При этом упор делался на тех отъезжантов, кто проживал в республиках, где функционировал подпольный тотализатор и которые могли иметь к нему отношение.

– В нашем списке оказалось восемьдесят пять человек, – доложил Изюмов, передавая список Андропову. – Но только семеро из них подозреваются в участии в тотализаторе. Двое из Киева, двое из Армении, один из Ташкента и двое из Москвы.

Взяв список, Андропов внимательно его прочитал и вновь перевел взгляд на Изюмова.

– Ну, с Ларой все понятно, но кто этот второй рядом с ней в списке отъезжантов из Москвы? – спросил шеф КГБ.

– Весьма интересная личность, Юрий Владимирович. Этот человек всплыл в нашем поле зрения только вчера, когда мы еще раз, более глубоко, проверяли бывшее окружение Лары. Оказывается, именно он свел ее с Зольским.

– То есть, он был с ней знаком?

– Именно – еще с середины 60-х. Этот человек курировал от Международного отдела Институт общественных наук и собирался использовать Лару в качестве «хозяйки».

Поскольку Андропов до этого сам работал в Международном отделе, он прекрасно знал, кто скрывался под этим определением. Так называли одиноких женщин, которые соглашались работать на КГБ или спецсектор Международного отдела в качестве «временных жен» для студентов-иностранцев, обучающихся в Советском Союзе. Ведь эта учеба могла длиться годами (обычно три года), а без нормального секса взрослым мужикам было несладко. Поэтому, чтобы студенты (не все,

конечно, а те, кто был нужен «конторам») не попадали в разного рода переделки (вроде общения с проститутками), им подбирали «хозяек» – временных жен.

Как оказалось, Лара рассматривалась именно как такая «жена», но в итоге не подошла – слишком была красива и независима. А на роли «хозяек» в основном подбирали одиноких женщин с нелегкой судьбой, потерявших надежду создать собственную семью, нуждающихся в дополнительном заработке зачастую для поддержания оставшихся у них на руках детей, но не имеющие желания работать проститутками для «контор». После окончания учебы такой «брак» обычно прекращался и адрес возлюбленной передавался по цепочке новому пополнению слушателей из той же партии.

– Лара не подошла и была устроена в Министерство мясной и молочной промышленности, причем по протекции все того же человека, который сватал ее в ИОН – он когда-то там тоже работал. А потом она сошлась с Зольским и опять не без участия фигуранта нашего списка. Видимо, ему это было надо для манипуляций Зольским как спортивным чиновником высокого ранга. Как только мы это выяснили, так тут же предположили, что этот человек тоже может иметь отношение к тотализатору. Но это еще не все. Он наш бывший коллега – чекист. И это привлекает к его фигуре еще больший оперативный интерес.

18 июля 1974 года, четверг, Криминальный отдел Варшавской воеводской милиции

Хенрик Возняк сидел за столом в своем кабинете, когда у него на столе зазвенел телефон. Подняв трубку, сыщик услышал голос следователя Збигнева Вуйчика:

– Ну, что там с автомобилистами – всех проверил?

– Всех, и никто не подходит – у каждого железобетонное алиби, – ответил Возняк, а спустя секунду добавил. – В том числе и у Кравчика.

– Все-таки и его побеспокоил? – с явной укоризной в голосе произнес Вуйчик.

– Не его лично, а супругу Агнешку – симпатичная, кстати, женщина.

– Можешь не рассказывать – я видел ее по телевизору. Кстати, она ведь беременная – ты ее, случаем, до родов не довел своими расспросами?

– Обошлось – я же не дурак, чтобы говорить ей правду, – ответил Возняк.

И перед его глазами живо предстала та утренняя картина, которую зафиксировала его память.

Ретроспекция. 18 июля 1974 года, четверг, Варшава, Маршадковская улица, квартира Кравчиков

На звонок дверь Возняку открыла очень симпатичная женщина с большим животом, говорящем о поздних сроках беременности. Представившись и показав ей свое служебное удостоверение, сыщик прошел в квартиру, где кроме хозяйки никого больше не было. Женщина была явно обескуражена этим визитом, но старалась не показывать вида. Предложив гостю сесть в кресло, сама она уселась на диван, стоявший у стены. После чего спросила:

– И зачем, интересно, я понадобилась милиции?

– Не вы лично, пани Кравчик, интересуете нас, а ваш автомобиль. У вас ведь «Фиат-125»?

– Совершенно верно, пан Возняк. Только на нем мой муж катается, а я выступаю в роли пассажира.

– А где, кстати, ваш супруг?

– Его вызвали в ЦК ПОРП – вы же, наверное, знаете, что завтра в Польшу приезжает Брежнев.

Естественно, Возняк об этом знал, поэтому в знак согласия кивнул головой. После чего продолжил:

– Ради бога извините меня за этот визит, но такова моя служба. Дело в общем-то пустяковое, но требует формальной проверки. Мы ищем одного человека, который совершил правонарушение и скрылся с места преступления на белом «Фиате-125», последние цифры его номера «42». У вас ведь такой номер?

– Да, наш номер WS 96–42.

– Происшествие случилось 10 июля днем – примерно около часа или двух. Не подскажите, ваш «Фиат» не мог быть в это время в районе города Карчев?

– Когда вы говорите – 10-го? – переспросила женщина. – Нет, в этот день мой муж повез меня на нашей машине в женскую консультацию. Мы пробыли там около часа, после чего поехали в «Детский мир» присматривать кроватку для нашего будущего малыша. Потом заехали в кондитерскую «Бикле» – купили мои любимые пирожные «бизе». Затем приехали домой и никуда больше не выходили – смотрели телевизор.

– И что там шло?

– Французская комедия «Большая прогулка» с Луи де

Фюнесом. Обожаю этого актера!

– А газеты с программой телепередач у вас случайно нет? – поинтересовался Возняк.

– А зачем, если я и так помню, что это было 10-го? Я бываю в консультации каждую неделю. Вот только вчера была, а это было 17-е. Значит, до этого мы там были 10-го.

– Тогда не смею больше вас беспокоить, пани Кравчик, – и Возняк первым поднялся со своего места.

18 июля 1974 года, четверг, Криминальный отдел Варшавской воеводской милиции

– А я тебе сразу сказал, что Кравчик здесь ни при чем – зря только время потерял, – живо отреагировал на рассказ Возняка следователь. – Какие действия предпримешь теперь?

– По дороге от Карчева до Варшавы три поста дорожной милиции и две бензозаправки – хочу заехать туда и опросить тамошних служащих. Может, они видели тот «Фиат» и его водителя?

– Да, большая прогулка тебе предстоит, – засмеялся в трубку Вуйчик.

И тут Возняка словно током ударило. Он вспомнил слова пани Кравчик о французской комедии с таким названием, которую они с мужем смотрели 10 июля. Еще там, на квартире боксера, сыщик дал себе слово раздобыть газету с телепрограммой, чтобы удостовериться – в тот самый день шел этот фильм или женщина что-то напутала. Однако пока ехал на службу, эта мысль вылетела у него из головы. Но реплика Вуйчика заставила сыщика вспомнить о ней снова.

Положив трубку на аппарат, Возняк сорвался с места и стал планомерно обходить один кабинет криминального отдела за другим, в поисках нужной газеты. Коллеги, которых он спрашивал о печатном издании недельной давности, смотрели на него с недоумением и лишь разводили руками – такой газеты ни у кого не было. И только в последнем кабинете, в котором сидел начальник отдела, Возняку улыбнулась удача – на подоконнике был обнаружен номер «Трибуна люду», где была телепрограмма недельной давности. Выйдя в коридор, Возняк нашел нужное число и стал читать список передач. Однако фильма «Большая прогулка» 10 июля по польскому телевидению не показывали. Зато он присутствовал в телепрограмме за и июля и шел с 15.30 до 17.55. А это означало, что пани Кравчик либо случайно перепутала даты, либо ввела сыщика в заблуждение намеренно.

19 июля 1974 года, пятница, окрестности Люблина, «Пансион «Буланка»»

Этот секретный объект был открыт в лесном массиве Люблинского воеводства в середине 60-х и получил название «Пансион «Буланка»» не случайно. В тот год на экраны Польши вышел детектив из ГДР с аналогичным названием, который имел большой успех. И владельцы объекта, принадлежавшего Международному отделу ЦК ПОПР, решили, не мудрствуя лукаво, дать название своему новострою, отталкиваясь от фильма. И с тех пор, следуя жанру, в котором тот был решен (детектив), в этом «пансионе» устраивались секретные встречи поистине детективного содержания. Как, например, в этот раз, когда здесь собрались четверо мужчин из разных стран, чтобы обсудить проблему, в которую могли быть посвящены только избранные. Этими людьми были сотрудники Международных отделов из четырех социалистических стран: русский Артем Кунгуров (ЦК КПСС), болгарин Димитр Цеков (ЦК БКП), румын Ион Сунгуряну (ЦК РКП) и поляк Кшиштоф Мазовецки (ЦК ПОПР). Облачившись в простыни, будто римские патриции в тоги, они сидели в большом предбаннике, ведущем в финскую сауну, пили чешское пиво, закусывая раками, и беседовали на хорошем английском языке, который каждый из них знал, учитывая специфику их работы.

– Предлагаю воздать должное капитализму, который породил офшорный бум, – провозгласил тост Кунгуров, поднимая вверх свою кружку с пивом. – Если бы правительства западных стран не вводили многочисленные ограничения на движение капиталов и не наращивали налоговое бремя, то этого бума бы не было. И, значит, мы бы не имели возможности наши партийные деньги размещать по всему миру.

– Так мы пьем за капитализм или конкретно за правительства западных стран? – спросил Сунгуряну.

– Это обобщающий тост за тех, кто помогает нам пристраивать наши социалистические капиталы и бить господ капиталистов их же оружием с их же территории, – ответил Цеков и первым осушил свою кружку.

Когда вступительная часть разговора была благополучно завершена, Кунгуров перешел к главному:

– На данный момент ситуация с движением капиталов по всему миру благоприятствует тому, чтобы мы подумали о будущем. Ибо тот, кто о нем думает, никогда в нем не пропадет. Меня уполномочили передать вам следующее предложение. Мы предлагаем начинать создавать совместную сеть банков и

торговых компаний за рубежом. Вы спросите, для чего? Отвечаю. Все средства, поступавшие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, могут быть использованы для приобретения анонимных акций фондов отдельных компаний, предприятий, банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход, независимо от дальнейшего положения партии, а с другой стороны, эти акции могут быть в любой момент реализованы на фондовых биржах с размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля. Для исключения возможных помех при проведении таковых операций в условиях чрезвычайного периода мы создадим на территориях наших стран, а также и за их пределами специальные мобильные группы быстрого реагирования на изменение ситуации, укомплектованные профессионально подготовленными инструкторами из действующего резерва наших служб.

– То есть, мы должны еще сильнее влиться в западный черный рынок? – спросил Мазовецки.

– Совершенно верно: если этот рынок нам не по зубам, то надо в него вступить, – ответил Кунгуров. – И если раньше мы это делали от случая к случаю и разобщенно, то теперь надо менять стратегию. Будем действовать сообща.

– Но есть риск слиться с черным рынком до такой степени, что он нас поглотит, – выразил сомнение Цеков.

– И это говорит человек, который создавал «Тексим»? – удивился Сунгуряну. – Рано или поздно наши системы все равно сольются в одну общую, поэтому соломку надо начинать стелить уже сейчас. Товарищ Кунгуров правильно заметил, что сейчас наступает очень удобное время. Три года назад Никсон отменил золотой стандарт. А Советский Союз второй по величине производитель золота в мире и может существенно влиять на цену на золото. Поэтому надо сообща внедрять наших людей в иностранные банки, чтобы мы смогли заниматься манипуляцией на золотых рынках.

– Ты ошибаешься, Сунгуряну – заниматься этим будем не мы, а именно русские, – поправил румына Цеков.

– Но мы можем с вами делиться, ведь мы из одного лагеря, – улыбнулся Кунгуров. – Для этого, собственно, я вас и собрал – чтобы выработать план совместных действий. Одним пальцем стену не пробьешь, а вот пятью пальцами, сжатыми в кулак, это сделать можно. А чтобы у вас не было сомнений в моих словах, то я готов предложить вам выгодную сделку. У нас скопилась большая сумма от нескольких финансовых операций внутри страны, которую мы готовы разместить в подконтрольных вам

банках. Естественно, мы отдаем вам эти деньги с отчислением хороших процентов за эту услугу.

– Это действительно красивый жест, но в чью именно сторону он направлен? – поинтересовался Цеков.

– Сумма настолько большая, что мы можем разбить ее на три части – ровно по числу участников нашего разговора, – ответил Кунгуров.

– Тогда за это стоит снова выпить, – предложил Мазовецки и взял в руки бутылку, чтобы разлить пиво по кружкам.

Спустя полчаса, когда болгарин и румын ушли в сауну и в предбаннике остался Кунгуров и Мазовецки, последний спросил, но уже по-русски:

– Речь идет не о тех деньгах, что привез дипломатической почтой наш культурный атташе из Москвы?

– И о них тоже, – подтвердил эти слова Кунгуров. – Это деньги подпольного тотализатора, собранные за последние три года. Они должны осесть в западных банках и лучше будет, чтобы эти банки были под вашей «крышей». И еще хорошо бы, чтобы КГБ про это не знал.

– Последнее будет трудно проделать, учитывая, что у КГБ хорошая агентура. А тут еще этот слет ваших главных «тотошников» под видом участия в свадебном торжестве. Зачем вам это понадобилось – это же рискованно?

– Это элементарная ловушка, Кшиштоф, – отламывая клешню у рака, ответил Кунгуров. – Эти люди просто не должны отсюда уехать. Они уже на крючке у КГБ, поэтому надо было собрать их вместе, чтобы не гоняться за ними по всей стране. А собраться они согласились только по причине того, что этот сбор будет вдали от нашей родины.

– Значит, вы ликвидируете у себя тотализатор?

– Это невозможно сделать по причинам объективного характера – слишком много влиятельных людей вовлечены у нас в орбиту футбола. Просто мы хотим поменять примелькавшихся людей – только и всего. По силам вам такая операция?

– Слишком мало времени осталось – всего три дня, – покачал головой Мазовецки.

– Насколько я помню, раньше вы могли обтяпывать такие делишки с гораздо меньшим лимитом времени.

Мазовецки понял, на что намекает его собеседник. Речь шла о катастрофе самолета Ан-24, которая случилась 28 февраля прошлого года. В ней погибло 18 человек, включая министра внутренних дел Чехословакии Радко Каску, заведующего отделением обороны и безопасности ЦК КПЧ Михая Кудзея, а также министра внутренних дел Польши Веслава Очепку. Чехи

приехали в Польшу, чтобы инспектировать важный экономический объект – Щецинский морской порт, который фактически являлся перевалочным пунктом товаров из Чехословакии (доставлялись в порт поездами) в Западную Европу. Причем через эти «ворота» проходили не только официальные грузы, но и неофициальные – то есть, контрабанда. И приезд столь влиятельной делегации, в которую входили сразу двое руководителей МВД, был нежелателен тем, у кого были свои интересы в этом порту. Поэтому и было принято решение от них избавиться. Причем сначала планировалась диверсия на железной дороге, поскольку делегация должна были прибыть в Щецин поездом. Но в последнюю минуту по чьему-то «доброму» совету делегатам предложили лететь самолетом – мол, так быстрее. Для этого был выделен самолет АН-24Б, приписанный к 36-му Специальному транспортному авиационному полку Польских воздушных сил (базировался в варшавском аэропорту Окенце). И планировщикам акции устранения пришлось быстро переверстать свои планы с ж/д диверсии на авиакатастрофу. А когда последняя случилась, все свалили на… погоду. Дескать, к трагедии привели обледенение крыльев, а также сильная турбулентность, вызванная плохими погодными условиями.

– Ну, что, справитесь? – вновь спросил Кунгуров, видя, что его собеседник погрузился в раздумья.

– Постараемся, – ответил Мазовецки. – Но для этого надо будет собрать ваших деятелей в одном месте.

– Предоставляю это сделать вам. Меня ведь детали не интересуют, мне важен результат, – ответил Кунгуров и взял с тарелки очередного рака. – Только имей в виду: чекисты тоже не лыком шиты и вполне могут «пасти» здесь наших клиентов. Так что смотрите, не вляпайтесь.

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, Краковское подворье, улица Новы Свят, 6/12, ЦК ПОРП

Не успел Хенрик Возняк приехать к себе на службу и войти в свой кабинет, как ему позвонил его шеф и приказал срочно явиться к нему на прием. И когда сыщик переступил порог начальственного кабинета, шеф буквально сразил его неожиданным вопросом:

– Ты что такое натворил, если тебя вызывают в Дом Партии?

Под этим наименованием у варшавян проходило здание ЦК ПОРП в Краковском подворье.

– Вроде, ничего, – развел руками Возняк.

– Тогда срочно бери мою служебную машину и дуй на Новы Свят, в кабинет № 204 – к некоему Лешеку Домбровскому. Может, это связано с сегодняшним приездом Брежнева?

Всю дорогу Возняк ломал голову над причиной этого вызова, но так и не пришел к какому-то одному выводу. «Может, это связано с Анджеем Кравчиком? – размышлял сыщик, глядя на мелькавшие за окном варшавские пейзажи. – Но я ведь с ним так и не встретился, ограничившись разговором с его женой».

Короче, так и не найдя ответа на этот вопрос, Возняк доехал до здания ЦК ПОРП. Внутри него он до этого еще ни разу не бывал, хотя наслышан был об этом здании достаточно. Оно было построено в 1952 году методом «народной стройки». Формально на строительство перечислялись лишь средства, собранные членами ПОРП, однако, на самом деле, значительная часть финансирования поступала из госбюджета и от простых граждан, в рамках проводимой тогда в стране кампании «Купи один кирпич на восстановление Варшавы». Общая площадь помещений в Доме Партии составляла 27 тысяч квадратных метров, а территория участка, на котором он стоял, была равна 1,3 гектара. Среди варшавян ходили упорные разговоры, что под зданием имеется ряд подземных коридоров, при помощи которых можно было попасть во Дворец культуры и науки или же на тайную железнодорожную платформу, сооруженную для высших чинов ПОРП. Еще Возняк слышал, что в Доме Партии великолепная столовая, где кормили лучше, чем в каком-либо варшавском ресторане и при этом брали за это чисто символические деньги. Однако попасть туда он не надеялся, поэтому, пройдя целых три (!) поста охраны (это было вызвано сегодняшним приездом советского генсека), Возняк поднялся на второй этаж, в кабинет № 204. Там он застал пожилого функционера ЦК с одутловатым лицом и залысинами на седой голове. Внешне он напоминал «пана Шматяка» (так в Польше обозначали собирательный образ партаппаратчика).

– Садитесь, пан Возняк, – хозяин кабинета указал гостю рукой на свободный стул, стоявший слева от его стола.

Когда сыщик уселся, Домбровский продолжил:

– Что же вы себе позволяете – беспокоите честных людей по всяким пустякам, нервируете их? Я имею в виду пана Анджея Кравчика.

«Значит, все-таки боксер!» – подумал про себя сыщик, а вслух произнес:

– Какие же это пустяки – мы расследуем дело об убийстве?!

– Но при чем здесь всеми уважаемый человек? – в голосе партаппаратчика появились суровые нотки. – Вы что хотите

сказать, что пан Кравчик может быть причастен к этому преступлению?

– Я этого не говорил. Я лишь хотел сказать, что мы расследуем тяжкое преступление и в ходе проверки вышли на пана Кравчика.

– Какой проверки?

– На месте преступления был замечен автомобиль «Фиат-125», который по приметам похож на машину пана Кравчика. Чтобы проверить эту информацию, я и посетил супругу боксера.

– И едва не довели ее до преждевременной беременности!

– Это она вам сама сказала?

– Это нам рассказал пан Кравчик. Он был крайне возмущен вашим визитом!

Теперь Возняку стало окончательно понятно, кто именно «накрутил» Лешека Домбровского – лично Анджей Кравчик.

– Но что вы хотите – чтобы мы, сотрудники милиции, халатно относились к своим обязанностям? – Возняк решил перейти в наступление. – Разве этому нас учит партия?

– Партия нас учит доверять своим проверенным товарищам. А пан Кравчик именно из их числа. Вы знаете, что он будет участвовать в мероприятиях по случаю приезда к нам товарища Брежнева? И в этот самый момент появляетесь вы со своими глупейшими подозрениями! Проверяйте кого угодно, но пана Кравчика оставьте в покое. Неужели непонятно, что на месте преступления была не его машина, а чья-то другая?

Глядя в налившиеся кровью глаза «пана Шматяка», Возняк испытывал жгучее желание плюнуть в них, но сдержался. Вместо этого он отвел глаза в сторону и произнес:

– Понятно.

– В таком случае, не смею вас больше задерживать – у меня нет времени долго с вами беседовать.

Возняк поднялся со стула и направился к выходу. Но у дверей его догнала еще одна гневная реплика Домбровского:

– И чтобы рядом с паном Кравчиком и его женой вы больше не появлялись на пушечный выстрел.

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, аэропорт Окенце и его окрестности

Леонид Брежнев вышел из дверей своего личного самолета Ил-62 и, остановившись у подножия трапа, приветственно помахал рукой людям, которые стояли на бетонке взлетной

полосы. Это были члены Политбюро ЦК ПОРП, которые выстроились в шеренгу для встречи дорогого гостя. Практически каждого из них Брежнев знал лично. Вот и теперь, окинув их взглядом, генсек узнал все те же знакомые лица. Среди них были: Первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек, председатель Совета министров ПНР Петр Ярошевич, министр иностранных дел ПНР Стефан Олыновский, председатель Госсовета ПНР Генрик Яблоньский, его заместитель Эдуард Бабюх, зампред Совета министров Мечислав Ягельский, члены Политбюро Франчишек Шляхцич, Владислав Кручек, кандидат в члены Политбюро Здзислав Грудзень, министр внутренних дел Станислав Ковальчик и, как писали в тогдашних газетах, «другие официальные лица».

Единственного человека, которого Брежнев не хотел здесь сегодня видеть, был Шляхцич – советский генсек считал его главным интриганом при Гереке. На руководящие посты в МВД и аппарате ЦК ПОРП Шляхцич назначал своих сторонников, которые были националистически, недоброжелательно и подозрительно настроены к СССР. Причем ряд его сторонников в МВД во главе с вице-министром Генриком Пёнтеком были против расширения сотрудничества с КГБ. Именно это и стало поводом к тому, чтобы марте 74-го Пёнтека убрали из МВД и назначили вице-министром лесничеств и деревообрабатывающей промышленности. Однако на позициях самого Шляхцича эта отставка нисколько не сказалась. Он продолжал ходить гоголем и даже заявлял в узких кругах о том, что «Герек руководит, а я управляю». На совещаниях в ЦК он вел себя как первый человек в партии, а внутри Политбюро узурпировал не существовавшие функции второго секретаря. В Варшаве и некоторых воеводских комитетах ПОРП уже стали поговаривать о «группе франчишканцев» в аппарате ЦК (по имени Шляхчица – Франчишек). КГБ докладывал Брежневу о том, что Шляхчиц перенес в партию методы деятельности органов госбезопасности, устроил к Гереку двух секретарш, которые доносили о каждом его шаге. Через них Шляхчиц пытался контролировать контакты Герека, натравливал работников аппарата ЦК друг на друга. Короче, всячески интриговал. Поэтому Брежнев, прилетев теперь в Польшу, был настроен на то, чтобы вывести Герека на принципиальный разговор о дальнейшей судьбе Шляхцича.

Эту беседу генсек завел почти сразу, едва они с Гереком сели в правительственную «Чайку» и выехали из аэропорта в город. Причем Брежнев еще с молодости неплохо знал польский язык, но с Гереком предпочитал изъясняться на русском, благо тот хорошо им владел.

– Эдвард, со Шляхтичем (именно так Брежнев произносил эту фамилию – так ему было удобно) надо что-то делать. Этот капрал хочет тебя подсидеть.

– Мне кажется, вы заблуждаетесь – подсидеть меня хочет Каня, а не Франчишек, – возразил генсеку польский лидер.

– С Каней мы как-нибудь справимся, а вот Шляхтич человек весьма опасный – интриган из интриганов. Ты, кстати, уволь двух своих секретарш, которых он к тебе устроил – они докладывают ему обо всех твоих планах.

Герек уставился на собеседника изумленным взглядом, не понимая – шутят с ним или говорят правду. Ведь Шляхцича он знал давно – еще с середины 50-х, когда они вместе работали в Катовице:

Герек тогда был секретарем воеводского комитета ПОРП, а Шляхцич был начальником воеводского Уряда по делам общественной безопасности. И вот на тебе – оказывается, он приставил к своему земляку соглядатаев! Было от чего удивиться.

– Да, да, эти девки работают на Шляхтича, – подтвердил верность своих слов Брежнев. – Так что в этот приезд я намерен поставить вопрос ребром: либо ты убираешь этого человека, либо…

– Хорошо, Леонид Ильич, я все понял, – ответил Герек и даже положил свою ладонь на колено собеседнику.

Этот жест ясно указывал на то, что в этом вопросе польский лидер не обманывает советского. Ведь чаще всего он поступал иначе – давал слово пойти навстречу советским инициативам, а сам потом поступал по-своему. Но поскольку Брежнев очень тепло относился к Гереку (хотя многие его соратники по Политбюро считали Герека лицемером), он постоянно прощал ему эти «закидоны». Но в случае со Шляхцичем глава ПОРП решил пойти навстречу просьбе Брежнева. Просто он ясно осознал, что в этом вопросе Брежнев определился раз и навсегда и лучше его не злить. Да и сам Шляхцич пару дней назад сильно досадил Гереку, о чем тот тоже не забыл.

Ретроспекция. 16 июля 1974 года, вторник, Варшава, Краковское подворье, улица Новы Свят, 6/12, ЦК ПОРП

Герек сидел у себя в кабинете и знакомился с окончательным планом торжественных мероприятий по случаю 30-летия ПНР, когда к нему в кабинет буквально вбежал Шляхцич. По его перекошенному лицу было видно, что он чем-то сильно разозлен.

– Эдвард, как это понимать, черт возьми – наши футболисты

собираются проиграть русским! – чуть ли не закричал с порога визитер. – Я только что разговаривал с главой нашей футбольной Федерации Паточняком и он мне прямым текстом заявил, что ему выкручивают руки. Ты об этом что-нибудь знаешь?

Прежде чем ответить, Герек отложил в сторону документы и жестом пригласил своего коллегу сесть на стул напротив него. И только потом ответил:

– После тяжелого для нашей сборной чемпионата мира нашим ребятам надо хорошенько отдохнуть. Поэтому мы выставили на этот турнир тех футболистов, которые были на чемпионате в запасе. Их девять человек и они тоже могут дать бой русским.

– Какой бой, если Паточняк говорит, что ему дана четкая команда: если наши попадают в финал с русскими, то они этот матч должны им проиграть.

– Пан Паточняк, видимо, имел в виду другое – что второй состав нашей сборной может уступить русским.

– Но тогда дай команду собрать основной состав – чтоб не проиграли. Мы все-таки празднуем 30 лет нашей страны и должны с честью встретить эту дату. Турнир должен быть нами выигран, а не проигран – только тогда мы сможем порадовать наш народ.

– Я же тебе говорю, что наши ведущие футболисты устали после мирового турнира и хотят отдохнуть, – вновь завел старую песню Герек.

– Эдвард, зачем ты мне врешь? – сверкая очами, спросил Шляхцич. – Я после разговора с Паточняком специально связался с тремя нашими ведущими футболистами – Лято, Шармахом и Дейной – так вот они заявили, что готовы прямо сейчас приехать в расположение сборной и разорвать этих русских, как они разорвали недавно аргентинцев, итальянцев и бразильцев.

Речь шла о недавнем блестящем выступлении сборной Польши на чемпионате мира в ФРГ, где поляки победили в шести матчах. И начали они с победы над сборной Аргентины 3:2, где два мяча забил Гжегож Лято. Еще один «дубль» он сделал в следующей игре – против команды Гаити, которую поляки разгромили 7:0 (хет-трик был на счету Анджея Шармаха из забжевского «Гурника»). Третьими под польский «каток» попали итальянцы, поверженные 2:1 (мячи у поляков забили все тот же Анджей Шармах и Казимеж Дейна из варшавской «Легии»). Это была уже настоящая сенсация, поскольку такой прыти от сборной Польши мало кто ожидал, хотя два года назад они и стали победителями Олимпиады. Но то Олимпийские игры, а тут чемпионат мира, где играли куда более сильные команды.

В четвертой игры поляки одолели шведов по. Автором единственного гола был Гжегож Лято. Этот 24-летний футболист уже пять лет выступал за команду «Сталь» из города Мелеца, который всего один раз был чемпионом Польши (в сезоне 1972/73). Причем попал туда Лято в возрасте двенадцати лет. Перед началом сезона 1969/70 он был переведён в основной состав клуба, который тогда выступал во второй лиге Польши. И уже в первом же сезоне Лято, сыгравший в 23-х матчах и забивший 6 голов, помог своей команде выйти в высшую лигу. После этого сразу несколько именитых команд предлагали талантливому футболисту перейти к ним, но Лято был истинным патриотом «Стали» – всем отказал. А когда он произвел фурор на чемпионате мира, то им уже заинтересовался «Кельн». Но здесь уже партийное руководство Польши не захотело отпускать своего лучшего футболиста за рубеж.

Между тем в пятом матче мирового турнира поляки обыграли команду Югославии со счетом 2:1. И снова отличился Лято, забив решающий гол. К 63-й минуте счет был 1:1 (мячи забили: у поляков Дейна, у югославов – Станислав Караси) и гол Лято позволил сборной Польши выйти вперед и победить.

В решающем полуфинальном матче сборной Польши противостояла команда ФРГ. Причем немцев устраивала и ничья, а вот полякам нужна была только победа. И им вполне по силам было ее добыть, если бы не… погода. Дело в том, что незадолго на начала матча начался сильнейший проливной дождь, который буквально затопил поле. Вследствие чего пожарные отправились откачивать воду, но это не помогло – поле было в негодном для игры состоянии. Встал вопрос об отмене игры или провести в другом городе, но график турнира не позволял этого сделать. В итоге австрийский арбитр Эрих Линемайр принял решение начать игру с 30-минутным опозданием.

Матч начался с минуты молчания в память об умершем 1 июля 1974 президенте Аргентины Хуане Пероне (страной после этого стала править его супруга Эва). Поскольку поле промокло, а дождь не прекращался даже после начала игры, то играть на мокром поле обеим командам было тяжело. Но особенно трудно приходилось полякам, привыкшим к быстрым комбинациям и короткому пасу. Мяч двигался очень медленно и был тяжёлым от воды. Немецкий вратарь Зепп Майер вступал в игру преимущественно в первом тайме: территориальное и игровое преимущество было на стороне поляков, но своими шансами они не воспользовались.

Во втором тайме преимущество перешло к немцам. На 53-й минуте правила нарушил в своей штрафной Ежи Горгонь против

Бернда Хёльценбайна, что привело к пенальти в ворота поляков. Однако этот удар в исполнении Ули Хёнесса отразил польский вратарь Ян Томашевский. И все же давление немцев привело к голу на 76-й минуте, который забил Герд Мюллер. И как ни старались поляки сравнять счет, сделать это им так не удалось. После чего им предстояло встретиться в игре за бронзовые медали с командой Бразилии.

Эта игра состоялась 7 июля. Почти весь матч игра шла на равных, пока, наконец, Гжегож Лято не сказал свое веское слово. На 77-й минуте он забил-таки гол в ворота «кудесников мяча». После чего, как ни пытались бразильцы уйти от поражения, сделать это им так и не удалось.

По итогам турнира лучшим его бомбардиром стал Лято, на счету которого было 7 забитых мячей (на два меньше было у Анджея Шармаха). И вот теперь Шляхцич козырял их именами перед Гереком и явно был настроен отстаивать свою точку зрения до конца.

– И все-таки на этот турнир мы выставим второй состав, – прервал наконец затянувшуюся паузу Герек.

– Это твое последнее слово? – спросил Шляхцич, буравя собеседника недобрым взглядом.

– Послушай, Франек, не лезь в бочку. Нам нужны кредиты от русских, нужна их нефть по 16 копеек за тонну, когда в мире она стоит 80–120 рублей. Поэтому приходится в чем-то им уступать. А ведь лучше уступить им в малом, чем в большом. Ну, что для нас этот товарищеский турнир – чемпионат мира мы ведь выиграли?

– Уступишь в малом, проиграешь в большом, – продолжал стоять на своем Шляхцич. – Русские и так никуда от нас не денутся – зачем их баловать? Они же прекрасно знают, что если они будут продавать нам нефть по мировым ценам, то наша экономика, выстроенная, кстати, ими, тут же рухнет. Они же не враги сами себе. Так что турнир мы должны выиграть. В противном случае я буду апеллировать к нашему Политбюро. Это вопрос принципиальный, он касается престижа нашей страны, поэтому просто так я это не оставлю.

– Ты в своем уме? – взвился Герек, явно пораженный этим заявлением. – Про эту ситуацию знают лишь несколько человек, зачем посвящать в нее всех?

– Я же ясно сказал – это дело напрямую касается престижа нашей родины. И решать его надо на Политбюро.

Герек задумался. Ему явно не улыбалось прослыть в глазах своих соратников антипатриотом. А там, глядишь, эта информация просочится и к членам ЦК, а от них дойдет и до

рядовых поляков, которые однозначно не простят Гереку такого пресмыкательства перед русскими. Ведь футбол в Польше был больше чем игрой и особенно теперь, после «бронзы» на чемпионате мира. А ведь он совсем иначе представлял себе эту ситуацию, когда в нее вступал – что все пройдет тихой сапой. А началось все со звонка из Москвы, из ЦК КПСС, когда Гереку прямым текстом было заявлено, что Брежнев может посетить финал футбольного турнира и, если там будет играть сборная СССР, то победителем должна стать именно она.

– Ведь мы пошли вам навстречу, когда вы отказались поддержать нас в бойкоте чемпионата мира и отправили туда свою команду, – заявил звонивший. – Поэтому за вами должок: уступите нам в финале, чтобы не огорчать нашего генерального секретаря.

– Но пока неизвестно, кто туда выйдет, – вполне резонно заметил Герек.

– Перестаньте, Эдвард, все вам уже известно: в финале встретятся две сильнейшие команды этого турнира – наши и ваши футболисты. Так что постарайтесь нас не огорчить.

Именно после этого звонка Герек отдал распоряжение своим людям выйти на руководство польской Федерации футбола.

Пока Герек молчал, Шляхцич продолжал буравить его взглядом и ждал ответа. Наконец, польский лидер произнес:

– Хорошо, Франек, я попытаюсь отыграть ситуацию назад.

– Каким образом – выставишь на турнир наших лучших ребят?

– Нет, этого делать мы не будем, – покачал головой Герек. – Мы сделаем проще: я переговорю с Брежневым и уговорю его нам уступить.

– А если он не согласится?

– Не волнуйся, я найду, как на него воздействовать.

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, аэропорт Окенце и его окрестности

– Итак, что ты решил? – вывел Герека из задумчивости очередной вопрос Брежнева.

– Я сниму Франтишека с поста секретаря ЦК. Но и у меня к вам просьба, Леонид Ильич: позвольте нам на нашем футбольном турнире играть с вами в полную силу.

– На каком турнире? – удивленно спросил генсек.

– На том, который начнется завтра и посвящен 30-летию нашей республики. Дело в том, что мне звонили из Москвы, из вашего ЦК, и настоятельно рекомендовали проиграть вашей команде в финале, чтобы не огорчать лично вас.

– Вот ведь сукины дети, что надумали! – всплеснул руками Брежнев. – Ну, я им устрою такое огорчение! Кто именно звонил?

– Мне бы не хотелось называть конкретных имен, – покачал головой Герек. – Да дело-то не в них. Просто это поражение может испортить нашим людям праздник. А мы ведь братские народы и должны относиться друг к другу с уважением.

– Конечно, мы братья, – согласился с этими словами Брежнев. – Поэтому не беспокойся: победа будет за вами. Впрочем, вы и так победите.

– Почему?

– Видел я ваших орлов по телевизору на чемпионате мира – они кого угодно обыграют.

– Спасибо за добрые слова, Леонид Ильич, – поблагодарил генсека Герек. – Но мы выставим против вас второй состав.

– Пусть будет второй, но вы все равно победите – я вам это гарантирую. Но и ты должен мне уступить: выведи Шляхтича еще и из Политбюро.

– Не сразу, Леонид Ильич, – возразил Герек. – Во-первых, мне нужно найти весомые аргументы, во-вторых – это усилит позиции Кани.

– Хорошо, даю тебе срок до конца этого года, – согласился Брежнев и впервые за то время, пока они ехали, улыбнулся. – Ну, какие планы на сегодня?

– Сперва будет торжественная встреча с членами нашего ЦК, затем банкет.

– Но сначала заедем на кладбище к нашим ребятам, – попросил Брежнев.

Он имел в виду посещение мемориального комплекса, где были захоронены советские солдаты, погибшие при освобождении

Польши в 1944–1945 годах. В те годы генерал-майор Брежнев служил начальником Политуправления 18-й армии, которая с боями прошла по Правобережной Украине, затем через Венгрию и Польшу вошла в Чехословакию. Там будущий советский генсек и встретил День Победы. Поэтому все, что было связано с военными годами, вызывало в нем теплые воспоминания.

После посещения мемориала, Брежнев и Герек сменили автомобиль. Теперь вместо закрытой «Чайки» это была машина с открытым верхом. Именно на ней оба руководителя должны были въехать в Варшаву, на улицах которой уже собрались толпы людей. Именно так – стоя во весь рост в автомобиле – Брежнев и Герек собирались приветствовать варшавян.

19 июля 1974 года, пятница, Криминальный отдел Варшавской воеводской милиции

Хенрик Возняк сидел в своем кабинете и по черно-белому телевизору смотрел проезд Брежнева и Герека по улицам Варшавы. В виду не очень теплой погоды, оба руководителя были в плащах, а советский генсек еще и в шляпе. Они стояли в полный рост в правительственном лимузине с открытым верхом и, поднимая вверх ладони, приветствовали толпы варшавян, заполнивших почти всю трассу от аэропорта до Дома культуры и науки, где должна была пройти торжественная встреча высокого гостя. В разгар этого просмотра дверь в кабинете сыщика растворилась и на пороге появился высокий молодой человек в форме сотрудника дорожной милиции.

– Пан Возняк? – спросил незнакомец и, получив утвердительный ответ, вошел в кабинет и закрыл за собой дверь. – Я Даниэль Урбан, работаю на посту по дороге из Карчева.

И тут Возняк вспомнил. Еще вчера он проехался по трассе Варшава – Карчев и посетил три поста дорожной милиции и две бензозаправки, где опросил их сотрудников на предмет появления в их поле зрения 10 июля белого «Фиата-125». Правда, времени с момента преступления прошло предостаточно, поэтому никто из опрошенных так и не смог ничего вспомнить про тот «Фиат». Но начальник одного из постов дорожной милиции сообщил, что один из его сотрудников, дежуривших в тот день 10 июля на посту, сейчас находится в отгулах, поэтому найти его можно будет дома – и «дорожник» даже продиктовал Возняку его домашний адрес. Но время было уже под вечер, поэтому сыщик решил перенести это мероприятие на завтра. А сегодня, после посещения ЦК ПОРП, надобность в этой встрече и вовсе отпала.

Как вдруг этот «дорожник» явился в криминальный отдел лично, видимо оповещенный своим начальником.

Присев на стул, гость положил на колени свою фуражку и, пригладив на голове волосы, сообщил:

– Я дежурил 10 июля и видел тот самый белый «Фиат-125», о котором вы спрашивали.

– Где вы его видели, пан инспектор? – напрягся Возняк.

– На бензозаправке недалеко от нашего поста. Я ехал со стороны Карчева и заехал заправиться. Как раз в это время там и стоял этот «Фиат» – тоже заправлялся.

– Кто был за рулем?

– Пан Анджей Кравчик – наш знаменитый боксер, – сообщил «дорожник» и его лицо осветила широкая улыбка. – Я как его увидел, прямо обалдел. Мы ведь с сыном обожаем бокс, а тут такая встреча. Короче, я не удержался – подошел. Мы поговорили минуты две-три, потом я попросил у него автограф для сына. Он дал его и тут же уехал.

– А вы не спрашивали, откуда и куда он направлялся?

– Нет, но уехал он в сторону Варшавы.

– Во сколько часов это было?

– Примерно около трех часов дня.

– И точно 10 июля?

– Точно, поскольку на следующий день у меня был выходной и мы с сыном ездили покупать ему боксерские перчатки. А перед этим, утром, он повесил автограф Кравчика над своей кроватью. А в чем подозревают пана боксера?

– Что вы, Даниэль, никто его ни в чем не подозревает, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно более добродушно, произнес Возняк. – Просто мы ищем один белый «Фиат», но таких в Варшаве не один десяток. Вот и у пана Кравчика он есть. Но он, естественно, вне всяких подозрений.

– Это хорошо – он же наша гордость, – вновь улыбнулся «дорожник».

Едва за гостем закрылась дверь, как Возняк откинулся на спинку стула и сцепил ладони на затылке. То, что он только что услышал, ударило его будто обухом по голове. Получалось, что в день убийства старушки Кравчик был в тех краях и, возможно, именно его «Фиат» стоял на той самой обочине, в трехстах метрах от которой произошло преступление. Но как это проверить, если в самом ЦК сыщику приказали не подходить к боксеру на пушечный выстрел. А может, и в самом деле не подходить? Мало ли по каким делам Кравчик мотался в тот день в сторону Карчева. Но интуиция сыщика подсказывала Возняку, что за этой поездкой явно что-то скрывалось, причем такое, о чем боксер не хотел бы

вспоминать. Ведь не зря же он нажаловался на действия сыщика в ЦК. Потому и выдумал версию, что визит Возняка плохо сказался на здоровье его супруги. «Как же к нему подобраться?» – спрашивал себя Возняк, устремив свой взор в потолок. – Как?».

И тут его взор скользнул вниз и уперся в экран телевизора. Там крупным планом показывали улыбающееся лицо Брежнева, который махал рукой варшавянам. И в следующую секунду сыщика прошиб холодный пот. Он вспомнил, чем именно занимался в лесу тот неизвестный, который убил старушку – пристреливал винтовку. Причем, какую-то необычную – эксперты-криминалисты так и не смогли определить, каков тип у этого оружия. «А что если пули из этой винтовки предназначаются для Брежнева?» – подумал Возняк. И в следующий миг он уже вскочил со стула и бросился вон из своего кабинета.

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, Зад конгрессов в Доме культуры и науки

Кравчик сжимал в руке трость и стоял в первой шеренге людей, которые выстроились в коридоре, ведущем к дверям Зала конгрессов, и ждали появления Брежнева. Вскоре генсек и в самом деле появился в окружении членов польского Политбюро. Советский генсек о чем-то оживленно беседовал с Гереком и тот, улыбаясь, кивал ему в ответ головой. Когда они проходили мимо Кравчика, Герек внезапно заметил боксера и остановился.

– Леонид Ильич, разрешите вам представить нашу гордость, нашего героя – Анджея Кравчика! – произнес Герек и жестом поманил к себе боксера.

Тот вышел из шеренги и, слегка прихрамывая, направился к высоким деятелям. Но на полпути рядом с ним внезапно возник рослый мужчина в черном костюме, который преградил ему дорогу и протянул руку к трости. Кравчик беспрекословно отдал ее незнакомцу, а сам покрылся холодной испариной – ведь в трости была спрятана винтовка.

– Анджей, ну что же вы встали, – вновь обратился к боксеру Герек.

Мужчина, забрав трость, отошел в сторону и Кравчик смог продолжить свой путь. Вскоре он был рядом с Брежневым.

– Ну, здравствуй, герой! – произнес по-польски генсек и первым протянул боксеру свою ладонь.

Кравчик сжал ее и подумал: «Какая твердая рука у этого русского!»

– Я очень рад нашему знакомству, – продолжил свою речь

Брежнев. – И надеюсь, что оно продолжится. Мы хотим пригласить тебя, Анджей, к нам, в Советский Союз. Посмотришь, как мы живем, поучаствуешь в наших мероприятиях – причем не только спортивных. Ты ведь не боишься политики?

– Не боюсь, – ответил Кравчик и… улыбнулся.

– Вот и хорошо! – похлопал боксера по плечу Брежнев. – Значит, я с тобой не прощаюсь.

После этого генсек и сопровождающие его лица продолжили свой путь к дверям, ведущим внутрь Зала конгрессов, а Кравчик так и остался стоять на том месте, где с ним простился Брежнев. Но вскоре его кто-то тронул за локоть. Боксер обернулся и увидел рядом с собой того самого мужчину в черном костюме. Тот протягивал ему трость. Взяв ее, Кравчик тоже отправился в Зал конгрессов, чтобы участвовать в торжествах по случаю приезда высокого гостя. Он шел, а в голове у него путались мысли: «Этот Брежнев – приятный мужик. Глаза добрые, искренние. Или это всего лишь маска, которую он надевает, чтобы облапошивать людей? Ведь все политики играют в подобные игры. Видимо, он и меня хочет сделать таким же – не зря же заговорил о моем приезде в Союз. Нет, меня не обманешь – я не такой. Я сделаю то, что задумал. Обратной дороги у меня уже нет».

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, Маршадковская улица, квартира Кравчиков

Возняк нажал на кнопку звонка на двери квартиры Кравчиков и ждал около минуты, пока ему откроют. То, что дома кто-то есть, он знал – внутри слышался шум телевизора. Так и было – Агнешка Кравчик смотрела прямую трансляцию из Зала конгрессов, где шло торжественное заседание, посвященное 30-летию Польской Народной Республики. И этот звонок оказался некстати. Но поскольку он звучал и звучал, то женщине не оставалось ничего иного, как тяжело подняться с дивана и отправиться в коридор. Но она ожидала увидеть кого угодно, но только не сыщика Хенрика Возняка.

– Что вам надо? – удивленно спросила женщина, когда непрошенный гость вошел в коридор.

– Пани Кравчик, прошу меня простить, но мне надо задать вам всего лишь несколько вопросов, – прикладывая руку к груди, произнес сыщик. – Это не займет у вас много времени.

– Но муж запретил мне с вами общаться.

– Это займет всего лишь пять минут. Скажите, пан Кравчик владеет охотничьим оружием?

– Вы в своем уме – у него его никогда не было!

– Но вы ведь знаете его не так давно – может, это было в его прошлой жизни?

– Не было, иначе бы я это знала. Но почему вы об этом спрашиваете?

– А почему вы меня обманули в прошлый раз – ведь 10 июля вашего мужа не было дома?

– Я вас не обманула, я перепутала даты. Оказалось, что мы ездили в консультацию 11-го, поскольку мне сместили прием на один день. Могу я позволить себе что-то забыть?

– Конечно, можете – все мы ошибаемся. Но ваш муж точно не умеет стрелять из ружья?

– Да в чем, черт возьми, вы обвиняете Анджея? – чуть ли не закричала жена боксера.

– Я не обвиняю, я пытаюсь кое-что прояснить.

В это время на экране телевизора, стоявшего в гостиной, появилось улыбающееся лицо Брежнева. Глядя на него, Возняк подумал: «Может, прав Вуйчик – у меня мания преследования? Привязался к парню, а он ни в чем не виноват? Все-таки герой нации, вся Польша его боготворит. Но почему тогда у меня в мозгу, как заноза, сидит мысль, что что-то здесь не так, что-то этот Кравчик скрывает. Может, пойти и предупредить русских, чтобы лучше охраняли Брежнева? Но тогда мне придется рассказать про свои подозрения по поводу Кравчика. А если он не виноват? Меня объявят сумасшедшим, а его затаскают по кабинетам, проверяя всю поднаготную. А тут еще его жена вот-вот родит. Что же делать, как поступить?»

С этими мыслями Возняк вышел на улицу и направился к трамвайной остановке. Но на полпути рядом с ним на тротуаре притормозил «Фольксваген». Задняя дверца открылась и сидевший в салоне мужчина, явно латиноамериканской внешности, внезапно спросил:

– Вы не подскажите, как проехать до Варшавского университета – мы что-то заблудились.

И в подтверждении этих слов мужчина показал сыщику карту города, которая лежала у него на коленях. Возняк шагнул к автомобилю и протянул руку к карте, чтобы самому отметить нужный маршрут. И в это время мужчина прыснул ему из баллончика каким-то раствором и Возняк стал терять сознание. Но прежде, чем он завалился на землю, мужчина схватил его за руку и втянул внутрь салона. Его напарник, сидевший за рулем, спокойно вышел из автомобиля, закрыл заднюю дверцу и вернулся на свое место. А еще через минуту «Фольксваген» рванул с места и, выехав на Маршалковскую, взял курс за город.

19 июля 1974 года, пятница, Варшава, улица Бельведерска, 49, посольство СССР в Польше

Всю дорогу пока он летел из Кракова в Варшаву Бесков ломал голову над тем, зачем его туда вызывают. Ведь этот вызов свалился на него, как снег на голову. Он только что провел с командой тренировку на краковском стадионе «Висла», где ему завтра предстояло вывести сборную СССР на первую игру международного турнира против сборной Болгарии, вернулся в гостиницу, как туда пришел руководитель делегации Лев Щепко – председатель Федерации футбола Украины. Этого человека Бесков меньше всего хотел видеть здесь, в Польше, но поделать с этим ничего не мог – таково было распоряжение высших спортивных властей, а вернее – Леонарда Земченко. И вот теперь этот Щепко пришел к нему в гостиничный номер и, лукаво улыбаясь, сообщил:

– Константин Иванович, нас срочно вызывают в наше посольство в Варшаве.

– Когда вызывают? – удивился Бесков.

– Немедленно – самолет нам уже выделен и ждет на аэродроме в Балице.

– А с чем связан этот вызов? – продолжал удивляться тренер, которому вовсе не улыбалось срываться с места и покидать расположение сборной.

– Не знаю, – пожал плечами Щепко.

Но он лукавил. Два часа назад ему из Варшавы позвонил советский посол Станислав Пилотович и прямым текстом сообщил:

– Немедленно вылетайте вместе с Бесковым сюда – с вами хочет лично переговорить Леонид Ильич.

Так что, кому именно они понадобились, Щепко прекрасно знал, но решил не сообщать об этом тренеру. А сам он уже понял, ради чего генсек так внезапно решил с ними встретиться – видимо, по поводу того, как сборной СССР следует себя вести, если она в финале выйдет на сборную Польши. Ведь Щепко был искушенным в интригах человеком, поэтому понимал, что может скрываться за таким финалом, да еще в дни, когда одна из команд играет у себя дома в дни всенародных торжеств.

Когда самолет приземлился в аэропорту Окенце, там их уже ждала машина из советского посольства. Которая и домчала гостей до красивого особняка с четырьмя колоннами и двумя боковыми крыльями в центре Варшавы, где с середины 50-х располагалось советское посольство. На широкой лестнице у входа в здание гостей встретил посол СССР Станислав Пилотович.

Он и провел их внутрь, где на втором этаже, в его просторном кабинете, прибывших дожидался Брежнев, коротавший время за просмотром телевизора, по которому шли новости с сюжетом с его же участием – транслировался сегодняшний проезд высокого советского гостя по улицам Варшавы.

Обменявшись рукопожатиями с прибывшими, Брежнев усадил их напротив себя и после ритуальных слов о самочувствии, внезапно спросил:

– Вы, надеюсь, оба члены партии?

Получив утвердительный ответ, генсек продолжил:

– Раз так, то слушайте приказ вашего генерального секретаря: в финальной игре против поляков надо им уступить. Польша – братская нам республика, наш важнейший стратегический партнер и будет очень некрасиво, если мы испортим им такой большой праздник, который они отмечают в эти дни.

После этих слов в кабинете наступила пауза, поскольку гостям надо было переварить только что услышанное. Впрочем, одному из них – Щепко – долго думать было не надо. Поскольку он догадывался о причинах этого вызова, поэтому среагировал на слова генсека оперативно и в духе партийной дисциплины:

– Леонид Ильич, можете не сомневаться – мы все понимаем. Поэтому не беспокойтесь – все будет хорошо.

Но Брежнев даже не повернул головы в сторону говорившего, поскольку знал – главным в этом дуэте был Бесков, о принципиальности которого он был давно наслышан. А теперь убедился в этом наяву. Глядя ему прямо в глаза, тренер заявил:

– Я отказываюсь выполнять ваш приказ, Леонид Ильич. И если надо, готов положить свой партбилет на стол хоть сейчас.

И в подтверждение этих слов Бесков достал из внутреннего кармана пиджака свой партийный билет и действительно положил его на стол.

– Но почему вы против? – явно обескураженный этими словами и поступком тренера, спросил Брежнев.

– Потому что он противоречит моим принципам. Футбол – честная игра и всякого рода махинации претят его сущности.

– Но есть политическая целесообразность, которая диктует свои законы, – продолжал стоять на своем генсек. – Я же объяснил вам, Константин Иванович, ситуацию: не надо огорчать хозяев, у которых мы в гостях.

– Если мы сыграем в поддавки, то запятнаем не только свою честь, но и честь хозяев, – все так же глядя в глаза собеседнику, произнес Бесков.

– А вы сделайте так, чтобы комар носа не подточил.

– Ничего я делать не буду, – все так же твердо заявил

Бесков. – И вообще, во что мы превращаем футбол?

– В каком смысле? – искренне удивился генсек.

– В прямом – мы все сильнее втягиваем его в политику. Сначала это произошло дома, а теперь дошло и до заграницы. На каком примере мы будем воспитывать наших спортсменов – ведь они все молодые люди и только начинают жить.

– Константин Иванович, вы не на митинге, – вступил в разговор Щепко, который все это время внимательно слушал этот разговор и радовался тому, в какой переплет угодил Бесков. – Вам же ясно было сказано: это партийный приказ, который вызван политической целесообразностью. Вы что думаете, Леониду Ильичу самому нравится эта ситуация?

– Позвольте мне самому за себя отвечать, – оборвал эту речь генсек и снова обратился к Бескову: – Хорошо, Константин Иванович, пусть это будет не моим приказом, а просьбой. Уважьте лично меня – поддайтесь полякам. Это поможет нам укрепить наши отношения с местной элитой, а лично мне – наладить контакт с их первым секретарем.

– Извините меня, Леонид Ильич, но даже ради вас я не могу пойти против своей совести, – развел руками Бесков. – Но я предлагаю вам выход: позвоните в Москву и пусть меня отзовут обратно. Уважительную причину можно придумать какую угодно. А с командой останется мой помощник Юрий Морозов. Хотя я уверен, что он тоже не согласится с вашей просьбой – он, как и я, человек принципиальный.

После этих слов в разговоре наступила пауза и взоры обоих гостей оказались устремлены на генсека. Все ждали его решения. Наконец, Брежнев произнес:

– И все же я надеюсь, что мои слова дошли до вас, Константин Иванович. Поверьте, мне самому не нравится эта ситуация, здесь товарищ Щепко прав, но в политике приходится лавировать, иначе вас попросту сожрут. Впрочем, это касается и большого спорта. Но в любом случае, спасибо вам за вашу прямоту. Можете идти, а вы, товарищ Щепко, останьтесь еще на пару минут.

Когда дверь за Бесковым закрылась, Брежнев закурил свою любимую «Новость» и, устремив свой взор на спортивного чиновника, сказал:

– Тяжело вам, видимо, приходится с этим человеком.

– Не то слово, – вздохнул Щепко.

– Как думаете, прислушается он к моим словам?

– Я постараюсь его уговорить. А если не получится, то могу предложить другой выход. Я лично переговорю с нашими киевскими динамовцами и уговорю их не сильно стараться в игре

против поляков. А ведь наших в этой команде шесть человек – половина игрового состава. Если они встанут, то судьба матча будет решена.

– Ну что же, пусть будет так, – и Брежнев поднялся со стула. – А Бесков с таким подходом, я думаю, долго у руля сборной не задержится.

– Согласен, Леонид Ильич. И у нас уже есть подходящая кандидатура – Валерий Лобановский.

– Ладно, поживем – увидим, доживем – узнаем, – философски изрек Брежнев и протянул свою ладонь для прощания.

19 июля 1974 года, пятница, окрестности Варшавы

Сколько он пробыл без сознания, Возняк не знал. Но когда очнулся, то понял, что лежит уже не в салоне автомобиля, а в багажнике. Причем руки у него были связаны, а рот заклеен скотчем. Но самое главное – автомобиль стоял без движения, но его двигатель работал. И тут до ушей сыщика донеслись чьи-то голоса.

– Я дипломатический представитель, меня зовут Луис Кальдерон, – представился один из голосов. – Вот мои документы.

– Вы чилиец? – спросил второй голос.

– Да, я репатриант, как и мой товарищ, который сидит в салоне – его зовут Хуан.

– Что же вы так гоните, пан Кальдерон – как будто вас кто-то преследует?

– Простите, пан сержант, просто мы очень торопимся.

После этих слов Возняк понял, что автомобиль остановил дорожный патруль и второй голос принадлежит милиционеру. А это означало, что у сыщика появился шанс на спасение. И он со всей силы стал бить ногами по крышке багажника.

– Что это? – тут же донесся до него удивленный голос сержанта. – Кто у вас в багажнике?

И в следующее мгновение Возняк услышал громкий вскрик и шум упавшего на землю тела.

– Что ты наделал? – донесся до ушей сыщика еще один голос, в котором он узнал человека, который интересовался у него маршрутом.

– А что мне оставалось делать – ждать, когда он прикажет открыть багажник? Ничего, оттащим труп подальше и бросим в кусты. Туда же отправим и мотоцикл. Так что я займусь телом, а ты иди откати мотоцикл.

И Возняк услышал, как его похитители занялись заметанием

следов, совершившегося преступления. Пока они это делали, сыщик тоже решил не терять времени даром – он попытался освободить свои руки, но они были так крепко связаны, что избавиться от пут было невозможно.

– А что будем делать с этим? – вновь услышал он голос второго человека, которого его подельник назвал Хуаном.

– Как что – то же самое, что и с этим сержантом, – последовал ответ Кальдерона. – Он слишком близко подобрался к Кравчику, чтобы оставлять его в живых. Если бы мы сегодня опоздали, то вся наша затея с покушением на Брежнева полетела бы прахом. Так что иди и прикончи этого сыскаря.

Вскоре после этого Возняк услышал, как щелкнул замок багажника и его крышка открылась. Прямо перед ним возникло лицо Хуана, а в его руке он заметил пистолет. Но сыщик не собирался сдаваться без боя. Он выбросил вперед правую ногу и со всей силы заехал чилийцу в пах. От неожиданности тот согнулся пополам. А Возняк выбросил обе ноги вперед и вывалился из багажника. Еще через секунду он поднялся на ноги и бросился бежать. Но не по шоссе, которое в эти часы было пустынно, а в заросли, которые окаймляли дорогу. Однако из-за связанных за спиной рук бежать в полную силу ему было трудно. Поэтому уже очень скоро он услышал за своей спиной шаги преследователей. А еще через несколько мгновений раздался выстрел и пуля угодила точно в спину сыщика. Его отбросило вперед и он рухнул в какую-то канаву. И пока катился кубарем вниз, почувствовал, как еще одна пуля пробила его тело. После этого он уже больше ничего не слышал и не ощущал, провалившись в черную бездну.

20 июля 1974 года, суббота, Варшава, Маршалковская и улицы города

Этим утром супруги Кравчик встали пораньше. Им предстоял путь до родильного дома, куда Агнешка должна была лечь в преддверии близких родов. После чего главу семейства ожидал пятичасовой путь до города Люблина, где он должен был участвовать в торжествах по случаю 30-летия ПНР – там у него была намечена встреча с горожанами, почитателями его боксерского таланта. Но прежде он собирался посетить первый матч международного футбольного турнира с участием четырех сборных: Польши, Советского Союза, Болгарии и Румынии. Именно матчем с последними хозяева турнира должны были открыть эти соревнования. Однако Кравчика не столько

интересовал сам матч, сколько встреча с его комментатором – Августином Квятеком, с которым он познакомился полгода назад. Этот человек, сам не ведая того, должен был стать главным действующим лицом в предстоящем покушении на Брежнева.

– Ты опять сегодня кричал во сне, – сообщила Агнешка мужу, когда они уже готовы были выйти из дома. – Тебе опять снился твой отец?

– Опять, – кивнул головой Кравчик.

– И кто его расстреливал – снова немцы?

– Если знаешь, зачем спрашиваешь? – недовольно пробурчал боксер.

– Я хочу понять, что происходит. Может, тебе надо показаться психиатру? Ведь не может же это продолжаться вечно?

– Успокойся, скоро это закончится, – успокоил жену Кравчик, беря в руки трость.

– Что значит скоро?

– После двадцать второго июля.

– А что произойдет в этот день?

– Сама увидишь.

– Ты говоришь загадками, Анджей, – тяжело вздохнула Агнешка. – И вообще, в последнее время ты стал какой-то не такой. Эта странная история с милиционером, который спрашивал меня про твои охотничьи пристрастия. Где ты все-таки был в тот день – и июля?

– Я тебе уже говорил где – у меня была встреча с одним спортивным функционером. Ты что, мне не веришь?

– Не очень. Например, почему ты везде таскаешь с собой эту дурацкую трость? Я же вижу, что дома ты уже не хромаешь. Но как только ты выходишь на улицу, как ты обязательно берешь ее с собой. И почему-то начинаешь усиленно хромать.

– Ты ошибаешься – моя травма еще не прошла. Просто дома она проявляет себя несколько иначе – ведь там я хожу на короткие расстояния. А за пределами дома мне приходится много ходить и нога начинает болеть. Вот и все объяснение.

– Опять врешь, – сказала, будто отрубила Агнешка. – Ведь это же не настоящая трость.

Услышав это, Кравчик остолбенел. Он встретился глазами с женой и увидел в них такую решимость, от которой его бросило в жар.

– Что ты хочешь этим сказать? – выдавил наконец из себя Кравчик.

– То, что я знаю, что эта трость особенная – у нее внутри что-то есть. После визита милиционера я специально ее осмотрела и нашла у нее кнопку, которая открывает ее содержимое. Внутри

нее какие приспособления. Для чего они? Не их ли имел в виду милиционер, когда спрашивал меня о твоих охотничьих пристрастиях? Это что, оружие?

– Что ты несешь – замолчи! – чуть ли не закричал Кравчик.

– Не замолчу, пока ты не скажешь мне правду. Ты что-то задумал, но хочешь это скрыть от меня. Почему? Тебе наплевать на меня и нашего ребенка? Ты хочешь всех погубить? Мы приехали сюда, как герои, нас так замечательно встретили, дали нам эту роскошную квартиру, а ты собираешься все это разрушить? Ради чего – я должна это знать.

– Я ничего не хочу разрушать, ты все это выдумала, – пытался оправдаться Кравчик, но глядя в глаза жене, видел, что та ему не верит.

– Не держи меня за идиотку, Анджей! Или ты мне все рассказываешь, или я сейчас же еду к твоему дяде – может, он тебя вразумит, если у меня это не получается. В последний раз тебя спрашиваю: ты скажешь мне правду?

Кравчик молчал, не в силах принять решение. Он попал в патовую ситуацию. Расскажи он жене всю правду, то можно было заранее предсказать дальнейший ход событий. Агнешка бросилась бы уговаривать его не совершать задуманное, поскольку покушение на Брежнева не гарантировало Кравчику благополучного возвращения в лоно семьи. И осознание этого могло толкнуть Агнешку на самые безрассудные поступки, начиная от обращения за помощью к дяде и заканчивая звонком тому милиционеру, который к ним приходил. А это означало, что задуманная Кравчиком акция неминуемо была бы сорвана. Однако и игра в «кошки-мышки» с женой была обречена на провал – Агнешка нашла в трости винтовку и требовала ответа на вопрос, для чего она предназначена. Короче, надо было что-то решать, причем немедленно.

– Хорошо, любимая, я скажу тебе правду, – произнес Кравчик и, шагнув к жене, заключил ее в объятия.

Женщина прижалась к нему всем своим хрупким телом и затихла, ожидая признания. Но вместо этого Кравчик резко развернул жену к себе спиной и, согнув руку в локте, заключил ее шею в стальной замок. Прошло несколько секунд и безжизненное тело Агнешки обмякло. Боксер подхватил его на руки и отнес в спальню, где уложил на кровать и с головой накрыл одеялом. Когда он это сделал, ему стало на удивление… легко. Он вдруг осознал, что остался в этом мире совершенно один, и это не испугало его, а, наоборот, обрадовало. С его плеч как будто свалилась огромная тяжесть, которая давила на него все эти месяцы. Теперь он мог действовать без оглядки на кого-либо и не

думать о том, что от его действий пострадает кто-то из близких. А на свою собственную судьбу ему было уже давно наплевать.

20 июля 1974 года, суббота, окрестности Варшавы

Хенрик Возняк открыл глаза и застонал – две пули, засевшие в его теле, давали о себе знать тупой болью. Сквозь листву, сомкнувшуюся над головой сыщика, пробивались солнечные лучи, что ясно указывало на то, что наступило утро нового дня. Пошевелив связанными за спиной руками, Возняк попытался встать на ноги, но тут же вновь свалился на землю от нестерпимой боли в спине. Тогда, полежав немного и придя в себя, он решил добраться до шоссе ползком. Но сначала ему надо было выбраться из канавы, в которую он скатился, когда убегал от своих убийц. Но это оказалось делом нелегким. Из-за дикой боли, которая как обручем стягивала его позвоночник, он однажды даже потерял сознание – как раз в тот миг, когда уже дополз до края канавы. В итоге он снова скатился вниз и пролежал там без сознания достаточно продолжительное время. Во всяком случае, когда он очнулся, солнце находилось уже над ним, а не чуть левее. Придя в себя, Возняк сделал новую попытку выбраться, но теперь уже не спешил и полз очень осторожно, отталкиваясь ногами от земли. В итоге ему удалось-таки выбраться на поверхность. Переведя дух, он продолжил свой путь, направляясь в ту сторону, где, по его предположениям, находилось шоссе.

В конце концов он добрался до цели – до бетонки пригородного шоссе. Что это за трасса, Возняк не знал, но предположил, что это продолжение либо Торуньской, либо Лазенковской трасс. Впрочем, последняя вряд ли. На ней завершали строительство моста, который должны были открыть аккурат к 30-летию возникновения ПНР – 22 июля. А сегодня, как помнил Возняк, было только двадцатое. А вообще варшавяне воздавали хвалу Эдварду Гереку, при котором Варшаву начали опоясывать современные автомагистрали, по которым было не стыдно проехаться. Вот и теперь, в этот субботний день, на шоссе в обе стороны сновали автомобили, развозившие своих хозяев по разным неотложным делам.

С трудом поднявшись на ноги, Возняк встал у обочины, пытаясь криком привлечь к себе внимание автомобилистов. Сигналить им руками он не мог – они были связаны за спиной и развязать их он был не в состоянии. Однако мимо него промчалось сразу несколько автомобилей, но ни один из них так

и не остановился. То ли их владельцы не обращали внимание на сыщика, то ли его внешний вид их попросту отпугивал. Между тем силы Возняка были уже на исходе – ноги у него буквально подкашивались. И в тот самый миг, когда он снова стал терять сознание, рядом с ним притормозил автофургон «Ныса». Уже падая на землю, Возняк увидел, как к нему бежит седовласый мужчина в рабочем комбинезоне – водитель фургона.

20 июля 1974 года, суббота, Краков, стадион «Висла», матч сборных СССР и Болгарии

Уютный краковский стадион «Висла» был заполнен до отказа – на первую игру сборной СССР пришло 2 тысячи зрителей. Эта арена была домашним стадионом местной команды «Висла» – старейшего клуба Польши, который появился на свет в 1906 году. В 1926 году «Висла» выиграла первый Кубок Польши, а чемпионом страны она становилась четырежды: в 1927-м, 1928-м, 1949-м и 1950 годах. Однако клуб уверенно входил в пятерку сильнейших команд страны (в сезоне 1973/74 занял 5-е место) и был поставщиком игроков для сборной. Так, на минувшем чемпионате мира 1974 года «Вислу» там представляли пять футболистов: Антоний Шимановский, Адам Мусял, Здзислав Капка, Казимеж Кмецик и Марек Кусто.

Но сегодня на этом стадионе советской сборной противостояла команда другой страны – Болгарии, которая в футбольном мире была, конечно же, слабее сборной Польши. Например, болгары начали участвовать в чемпионатах мира с 1934 года, но больших лавров не снискали – с 1962 по 1974 годы они ни разу не вышли из группы. А на чемпионатах Европы, где они начали участвовать с 1960 года, и вовсе ни разу не прошли квалификацию. Хотя знаменитые футболисты в Болгарии имелись. Один из них – Петр Жеков из клуба ЦСКА (София), в составе которого он был пятикратным чемпионом Болгарии, а в 1969 году сумел завоевать Золотую бутсу как лучший нападающий в Европе, забив в сезоне 36 мячей. Однако в ту сборную, которая приехала теперь в Польшу для участия в «турнире четырех», Жеков вызван не был. Кто же в ней тогда был представлен?

Костяк команды составляли игроки софийской «Славии» (8-е место в чемпионате Болгарии 1973/74), их было семеро: вратарь Петар Цолов, защитники – Милчо Евтимов, Ваньо Костов, полузащитники – Атанас Александров, Костас Исакидис, нападающие – Божидар Григоров и Чавдар Цветков. Остальные

игроки представляли другие клубы Болгарии, например первую команду Петра Жекова «Берое» из Стара-Загоры – им был нападающий Теньо Минчев.

Советская сборная вышла на игру в следующем составе: вратарь – Леонид Колтун («Днепр»), защитники – Реваз Дзодзуашвили («Динамо», Тбилиси), Сергей Ольшанский (капитан команды; «Спартак», Москва), Вадим Лосев («Крылья Советов», Куйбышев), Вячеслав Лещук («Черноморец, Одесса), полузащитники – Аркадий Андреасян («Арарат», Ереван), Сергей Никулин («Динамо», Москва), Владимир Трошкин («Динамо», Киев), нападающие – Виктор Колотов («Динамо», Киев), Владимир Федотов (ЦСКА) и Олег Блохин («Динамо», Киев).

Вообще первый свой матч сборные СССР и Болгарии сыграли в 1952 году на Олимпиаде в Финляндии. Там успех сопутствовал советским спортсменам – 2:1. Спустя четыре года, уже на Олимпиаде в Мельбурне, наши ребята снова одолели болгар с тем же счетом. После чего в официальных турнирах они больше не встречались, играя лишь товарищеские матчи. Их было восемь. В трех побеждала сборная СССР (4:0, 2:1, 1:0), четыре игры закончились вничью (0:0, 3:3, 0:0, 1:1) и один матч болгары выиграли. Причем это случилось в марте 1973 года в Пловдиве, где болгары победили 1:0 (это была первая игра Евгения Горянского в качестве старшего тренера сборной СССР). Однако в той болгарской сборной, которая приехала теперь в Польшу, не было ни одного игрока из прошлогоднего состава. Так что повторять тот успех должны были уже другие футболисты. Зато в советской сборной было пять игроков, игравших в Пловдиве: Пильгуй, Дзодзуашвили, Федотов, Колотов и Блохин.

Погода в этот день выдалась отличная, прохладная, поэтому играть и наблюдать за матчем всем было в охотку. И с первых же минут темп в нем был задан весьма быстрый. Обе команды играли широко, размашисто, со сменой мест и используя фланговые прорывы. Причем в атаку шли не только нападающие и полузащитники, но и защитники. У болгар это были Евтимов и Тасев, у сборной СССР – Дзодзуашвили и Лещук. Короче, футбол был открытый, из тех, что всегда нравится зрителям.

И все же класс советской сборной был выше. Это сказалось уже на первых же минутах игры. А точнее – на 5-й минуте. Андреасян прошел по левому флангу и отдал точный пас Блохину, который так «зафинтил» сразу двух защитников-болгар, что те… упали на газон. А наш нападающий отдал пас в центральную зону, куда уже успел сместиться все тот же Андреасян. И тот метров с восьми нанес неотразимый удар головой. Так был открыт счет в этом матче.

Минуло всего 12 минут после этого, как уже отличился сам Блохин. И снова нашу атаку начал Андреасян, который отдал точный пас в центр Федотову, а тот вывел в прорыв Блохина. И тот с полулета послал мяч в сетку ворот Цолова. Счет стал 2:0. Игра сделана? Нет, болгары были с этим явно не согласны. И начались их мощные атаки на ворота Колтуна. Сначала гол едва не забил Александров, затем чуть не отличился Цветков. Причем наши защитники Дзодзуашвили и особенно молодой Лосев (ему шел 23-й год) явно не всегда успевали за быстрыми болгарами. В итоге на 38-й минуте последние сократили разрыв в счете. Ошибся в передаче Никулин: он адресовал мяч Лещуку, но передачу перехватил Цветков и вышел один на один с Колтуном. Дальнейшее было делом техники. Так счет стал 2:1.

Этот гол явно вдохновил болгар и они ринулись в атаку. Дважды за короткое время они создавали опасные моменты у наших ворот, но каждый раз здорово сыграл Колтун, которому помогали и наши защитники во главе с Ольшанским.

В перерыве, когда советская сборная отдыхала в раздевалке, Бесков объявил о заменах:

– Вместо Федотова выйдет Вася Хадзипанагис, а Трошкина заменит Ованес Заназанян.

Последний представлял ереванский «Арарат» и был весьма опытным футболистом – ему шел 28-й год. А вот грек Хадзипанагис из ташкентского «Пахтакора» был из числа «желторотиков» – ему шел всего лишь 19-й год (20 должно было исполнится в декабре). Но он уже прекрасно себя зарекомендовал в союзном чемпионате, забив четыре мяча. Вообще в «Пахтакоре» блистала связка Федоров – Хадзипанагис и Бесков вызвал в команду обоих. Но на поле в тот день решил выпустить лишь Василиса, рассчитывая, что тот хорошо будет взаимодействовать с Андреасяном, Колотовым и Блохиным. И тренерская установка сработала. Прошло всего лишь пять минут с начала второго тайма, как Хадзипанагис, меняясь местами с Блохиным, вышел на оперативный простор и прицельным ударом послал мяч в сетку ворот болгарской сборной.

Не потерялся на поле и Заназанян, который действовал в средней линии с Колотовым и Андреасяном – эта троица постоянно снабжала Блохина голевыми передачами. И ему оставалось только показывать рывками направление своего движения. В итоге два таких прорыва увенчались голами – на 71-й и 84-й минутах. Так Блохин сотворил в этом матче хет-трик. В результате окончательный итог встречи оказался разгромным для сборной Болгарии – 5:1. Подобное поражение от советской сборной болгары пережили до этого один раз – 21 июля 1957 года

в Софии, когда уступили 0:4 (голы у нас забили Стрельцов – дважды, Ильин и Исаев).

20 июля 1974 года, суббота, Вроцлав, окрестности города

Ярослав Слащев вышел из продуктового магазина на окраине Вроцлава и увидел впереди себя молодую женщину, которая несла в руках две большие тяжелые сумки, набитые различными товарами. По всему было видно, что даме тяжело – она даже остановилась на полпути и, поставив сумки на землю, решила передохнуть. Спокойно смотреть на это Слащев не мог.

– Пани, давайте я вам помогу, – предложил он женщине свои услуги. – Куда вам отнести ваши сумки?

– Это очень любезно с вашей стороны – вон к тому мини-фургону, – и дама указала на автомобиль «Nysa» зеленого цвета с зашторенными окошками.

– Это ваше авто? – удивился Слащев.

– Мы с мужем владеем небольшим магазином, поэтому такой фургон нам очень кстати, – сообщила женщина.

Взяв сумки, Слащев подошел к автомобилю со стороны задних дверей. Однако не успел он это сделать, как обе дверцы распахнулись и перед взором Слащева предстали двое крепких мужчин. Они резко схватили его за руки и силой втянули внутрь салона. Все произошло так неожиданно, что Слащев даже не успел закричать или сделать попытку сопротивляться. Еще мгновение – и автомобиль рванул с места и взял курс в сторону пригорода.

Прижатый к полу с обеих сторон, Слащев даже не мог пошевелиться – так крепко держали его похитители. В таком положении он и пролежал примерно около пятнадцати минут, пока автомобиль не остановился. После чего мужчины ослабили свою хватку и разрешили пленнику сесть на лавочку у стены. Затем оба они вылезли через заднюю дверцу наружу, а в салон забрался мужчина средних лет в новеньком спортивном костюме фирмы «Адидас». Закрыв за собой дверцы, он поздоровался:

– Добрый день, гражданин Слащев.

– Если я уже гражданин, то дело плохо, – усмехнулся похищенный. – С кем имею честь?

– Мое имя вам знать не надо – оно вам ничего не скажет, – ответил незнакомец и тоже присел на лавочку, но у противоположной стены. – Достаточно того, что мы знаем ваше имя, а к нему и всю вашу поднаготную, включая участие в подпольном тотализаторе. В Польшу вы приехали как его

представитель, причем один из главных.

– Ваши познания темных сторон моей биографии впечатляют, – похвалил незнакомца Слащев. – Поэтому, если можно, давайте сразу перейдем к главному – мы же с вами профессионалы.

– С удовольствием, – ответил незнакомец и извлек из кармана своей куртки миниатюрный диктофон. – Послушайте, пожалуйста, один любопытный разговор.

И спустя секунду в салоне зазвучали два мужских голоса – один принадлежал Артему Кунгурову, а другой – Кшиштофу Мазовецки. Это был их двухдневной давности разговор в «Пансионе «Буланка», где речь шла о ликвидации участников подпольного тотализатора, приехавших из СССР в Польшу.

Прослушав запись, Слащев внезапно спросил:

– Сигаретой не угостите?

– Извините, не курю, – ответил незнакомец, пряча диктофон в тот же карман. – Да и нет у нас времени сигареты раскуривать. Мы предлагаем вам сделку: мы спасаем вам жизнь, а вы начинаете работать на нас. Ответ вы должны дать немедленно.

– Я его вам и даю – согласен. Поскольку с Лубянкой не шутят.

– Как догадались? – вскинул брови незнакомец.

– Глупо спрашивать об этом человека, который сам там когда-то работал, причем не один год. Что я должен делать?

– Ничего особенного. Вы же собирались удрать на Запад – вот и удирайте. А мы вас там потом найдем и подключим к нашим операциям. Про наши длинные руки напоминать не буду – сами о них знаете.

– Само собой, – усмехнулся Слащев и добавил: – Поскольку мы с вами стали деловыми партнерами, у меня к вам просьба: отвезите меня обратно в город – я не в том возрасте, чтобы добираться туда пешком. А по дороге обговорим детали нашего сотрудничества.

– Приятно иметь дело с разумным человеком, – улыбнулся в ответ незнакомец.

21 июля 1974 года, воскресенье, Вроцлав, берег Одры

Ранним утром на берег реки Одра подъехал зеленый «Опель», в салоне которого находилось двое мужчин. Остановив автомобиль в небольшой рощице, мужчины выбрались из салона и закурили. Было прохладно, а тут еще с реки подул сильный ветер, поэтому мужчины курили недолго. Затем, поеживаясь от холода, они достали из багажника снаряжение аквалангиста и

отправились к реке. Там, в зарослях, один из них снял с себя верхнюю одежду, оставшись в одних плавках. Затем, при помощи своего компаньона, он надел на спину ребризер (дыхательный аппарат), засунул ноги в ласты и надел на глаза маску. После чего взял в руки небольшой контейнер, в котором находилась магнитная мина, и направился к воде. А еще через минуту его голова уже скрылась под водой. Путь водолаза лежал на противоположный берег Одры, где стояла на приколе белоснежная трехпалубная яхта «Магнолия» – судно, предназначенное для приема высоких гостей, приехавших во Вроцлав на свадьбу к Збигневу Машкевичу и Ларисе Кружковой.

Спустя несколько минут водолаз достиг того места, где стояла яхта. Достав из контейнера мину, он подплыл к днищу судна и прикрепил смертоносную бомбу как раз в том месте, где располагалась просторная гостиная. Согласно плану, взрыв радиоуправляемой мины должен был уничтожить всех, кто в скором времени предполагал собраться в этом помещении.

Выбросив контейнер, водолаз, теперь уже налегке, отправился в обратный путь. И спустя несколько минут выбрался на берег в том же самом месте, откуда он недавно стартовал. Его компаньон дожидался его в автомобиле, успев за это время выкурить три сигареты и вдоволь наслушаться в радиоприемнике песен в исполнении звезд польской эстрады. Например, когда он заметил вышедшего из зарослей водолаза, уже облаченного в свою гражданскую одежду, в радиоприемнике выступала Здислава Сосницка со своим знаменитым шлягером «Каштаны».

Спрятав водолазное снаряжение в багажник, вернувшийся сел в автомобиль и тоже закурил. По его лицу было видно, что со своим заданием он справился. Поэтому его компаньон не стал задавать лишних вопросов – он включил зажигание и спустя полминуты автомобиль выехал на дорогу, ведущую во Вроцлав.

21 июля 1974 года, воскресенье, Вроцлав, гостиница «Гранд-отель»

После победы над сборной Болгарии советские футболисты перебрались из Кракова в соседнюю Силезию – в город Вроцлав, где им предстоял финальный матч против сборной Польши. Приехав туда утром, спортсмены расселились в гостинице «Гранд-Отель» в Старом городе. После завтрака игроков, в составе нескольких групп, отпустили погулять по городу, чтобы во второй половине дня они снова собрались для тренировки на Олимпийском стадионе (именно там завтра и должна была

состояться финальная игра).

Бесков тоже собирался отправиться на прогулку в город, но немного замешкался с распаковкой чемодана. И в этот самый миг к нему в номер постучали.

– Войдите, – откликнулся тренер на этот стук, думая, что это пришел кто-то из футболистов.

И каково же было его удивление, когда он увидел на пороге… Ярослава Слащева – своего соседа по дому на Садовой-Триумфальной. Увидеть этого человека здесь он явно не ожидал, о чем последний, кстати, сразу догадался, взглянув на лицо тренера.

– Судя по твоей физиономии, Костя, я выступаю в роли того самого нежданного гостя, который хуже татарина, – широко улыбаясь, произнес Слащев. – Но это еще не весь сюрприз – я ведь пришел не один.

Сказав это, Слащев пропустил впереди себя еще одного человека – мужчину среднего роста в прекрасно сшитом костюме голубого цвета.

– Знакомься, это Збигнев Машкевич – он работает культурным атташе в польском посольстве в Москве, – представил своего спутника Слащев.

Пожав обоим гостям руки, Бесков вновь перевел взгляд на приятеля и спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Я приглашен на свадьбу к Збигневу в качестве дорогого гостя, – ответил Слащев.

– И вы пришли, чтобы позвать на это торжество и меня? – догадался о цели визита гостей Бесков.

– Это было бы большой честью для нас, пан Бесков, – на чистом русском произнес Машкевич, расплываясь в улыбке. – Но мы понимаем вашу загруженность – ведь вам завтра предстоит решающий матч против нашей сборной. Кстати, я видел вашу вчерашнюю игру с болгарами и скажу честно: впечатляет.

– Вы разбираетесь в футболе? – не скрывая своей заинтересованности, спросил тренер.

– Чуть-чуть, – с лукавым прищуром ответил поляк. – Вы очень удачно провели замены во втором тайме, насытив среднюю зону. В результате свежие игроки смогли своими разнообразными действиями внести перелом в игру. Особенно мне понравился ваш грек – Хадзипанагис. Это очень перспективный игрок с виртуозной техникой и прекрасным видением поля. Будет грустно, если он вдруг покинет команду*

– А почему он должен ее покинуть? – удивился Бесков.

– Вы разве не слышали, что сейчас происходит в Греции? –

вопросом на вопрос ответил поляк.

Бесков, конечно же, был в курсе этих событий, поскольку следил за ними по газетам. Буквально на днях режим, так называемых, «черных полковников» (греческая хунта) совершил попытку переворота на Кипре, но эта затея закончилась провалом. После этого совещание старейших греческих политиков упразднило диктатуру. Это же совещание призвало вернуться из эмиграции бывшего премьер-министра страны Константиноса Караманлиса, предложив ему снова стать премьером.

– Вы думаете, что события в Греции отнимут у нас Василиса? – спросил Бесков.

– У меня есть хороший знакомый, тоже грек, который, глядя на все происходящее у себя на родине, два дня назад сказал мне: я хочу вернуться туда, чтобы строить новую Грецию, – ответил Машкевич.

– Но наш Василис родился в Советском Союзе.

– Мой приятель тоже родился в Польше, но это не отменяет его желания принести пользу своей родине. Короче, если ваш грек надумает уехать, постарайтесь его отговорить – это пойдет только на пользу вашему футболу.

– А что еще пойдет ему на пользу – например, завтра? – поинтересовался Бесков, которого явно заинтересовал этот общительный поляк.

– В первую очередь, вам не стоит думать, что если у нас на поле выйдет второй состав, то игра для вас будет легкой прогулкой, – ответил Машкевич. – Например, в этом составе очень сильна линия нападения, где играют Здислав Капка и Казимеж Кмецик из «Вислы». Они очень сыграны друг с другом, поэтому и опасны. С ними прекрасно взаимодействует центральный полузащитник Мирослав Бульзацки из «Лодзи», а на фланге особенно опасен защитник Збигнев Гут из опольской «Одры» – он играет справа. Он же, кстати, будет плотно опекать вашего Блохина. Причем, думаю, не один – ему в помощь отрядят еще и Хенрика Вечорека из «Гурника».

– Послушайте, друзья, мы можем говорит о футболе до бесконечности, но только не в этих гостиничных стенах, – вступил внезапно в разговор Слащев. – Мы же, Костя, для этого и пришли к тебе, чтобы пригласить в нашу теплую футбольную компанию.

Поймав на себе удивленный взгляд тренера, Слащев продолжил:

– Мы сейчас собираемся недалеко отсюда – на берегу Одры, на чудесной яхте с красивым названием «Магнолия». Кроме нас троих там будут еще пятеро мужиков – все они из Союза и тоже прекрасно разбираются в футболе. И я, думаю, тебе будет

небезынтересно выслушать их мнение, в том числе и о завтрашней игре.

– Но у меня сегодня тренировка, – сообщил Бесков, взглянув на свои наручные часы. – Ровно в пять часов вечера.

– Так до этого еще уйма времени, – улыбнулся Слащев. – Мы тебя как забрали, так и вернем, благо ехать до «Магнолии» недалеко.

Услышав это, Бесков еще какое-то время подумал, после чего махнул рукой:

– И правда, почему бы не провести это время в теплой мужской компании – поехали!

21 июля 1974 года, воскресенье, Вроцлав, у Рыночной площади

Лев Щепко видел, как Бесков вышел из гостиницы в сопровождении двух незнакомых ему мужчин, сел в автомобиль и куда-то уехал. Понимая, что лучшего случая у него не будет, Щепко отправился в город, чтобы отыскать там игроков киевского «Динамо» и переговорить с ними на предмет возможного проигрыша полякам. При этом он был уверен, что поиски его не затянутся – ведь он точно знал, куда направились футболисты – на Рыночную площадь. И действительно, спустя каких-то полчаса Щепко нашел тех, кого искал: Блохина, Колотова и Трошкина. Футболисты стояли у Мариацкого костела и, задрав головы, разглядывали две его башни со шпилями. Увидев рядом с собой Щепко, спортсмены удивились – прогулка с чиновником в их планы не входила.

– Хлопцы, я бы не стал вас беспокоить, но дело чрезвычайно важное и не требует отлагательств, – стараясь, чтобы его голос звучал как можно доброжелательнее, сообщил Щепко. – Давайте отойдем куда-нибудь и посидим в уединенном месте.

Таким местом оказалось кафе недалеко от Рыночной площади. Щепко и его спутники заняли столик на открытой веранде и заказали себе по чашечке кофе. И после того как официант выполнил заказ, Щепко завел разговор, ради которого он и оторвал футболистов от их прогулки.

– Вы, наверное, слышали, что два дня назад мы с Бесковым срочно уезжали в Варшаву? – начал свою речь чиновник. – Так вот сообщаю: нас вызывал к себе лично Леонид Ильич. И знаете зачем? Он хочет, чтобы мы уступили полякам в завтрашнем финале. Это дело государственной важности и не мне вам объяснять, зачем это делается. Наш генсек приехал в Польшу не только в торжествах участвовать, но и подписать ряд

принципиальных договоров. А чтобы их хорошенько «смазать», и необходимо наше завтрашнее поражение. Для нас это плевое дело – турнир-то товарищеский, мы ничего не теряем. А полякам какая-никакая радость – будет им победный аккорд в их торжествах. Так что надо уважить нашего генсека.

Сказав это, Щепко пригубил кофе из чашки и уставился на своих собеседников, ожидая от них ответа.

– А что по этому поводу думает Константин Иванович? – первым из футболистов отреагировал на слова чиновника Блохин.

– А то ты, Олег, не знаешь Бескова – конечно, встал в позу, – ответил Щепко. – Но вы не на него должны ориентироваться, а на меня – я же ваш руководитель.

– Но на данный момент он наш тренер, – поддержал товарища Колотов.

– Этого тренера, как назначили, так и уберут, – не выдержал Щепко и с шумом опустил чашку на блюдце. – Разве вы не знаете, как он относится к нашему «Динамо»? Впрочем, разве только он один – вся Москва против нас. Недавно они у себя в Федерации даже решали, как им, москвичам, осадить украинские клубы. Вот о чем вы должны думать в первую очередь. И Леонид Ильич, кстати, тоже один из нас – он родом с Украины. Поэтому в обиду нас не даст.

– Значит, вы предлагаете нам проиграть? – подал голос Трошкин.

– Вот именно – в угоду политической конъюнктуре. Вы же главная атакующая сила нашей сборной – если встанете, то и у остальных ничего не выйдет.

– А как же наши товарищи по команде – они ведь будут биться по-настоящему? – вновь взял слово Блохин.

– Да и пусть себе лезут из кожи – без вас у них ничего не получится. Что, один Хадзипанагис что ли игру сделает?

– Вполне может, он парень талантливый, – кивнул головой Колотов.

– Да вы что, издеваетесь надо мной? – Щепко резким движением руки отодвинул чашку в сторону. – Я же как лучше хочу. Нам надо почву готовить, чтобы наш тренер стал во главе сборной – Лобановский. А если Бесков будет с вами всех на лопатки класть, то о какой его замене можно говорить?

Здесь Щепко попал в точку – киевляне мечтали о том, чтобы во главе сборной стоял их наставник, а не какой-либо другой. Но с другой стороны и интриговать против Бескова было опасно – человек он был авторитетный и вес в футболе имел солидный.

– Ну, что задумались? – после небольшой паузы спросил Щепко.

– Как что – размышляем над вашим предложением, – ответил Блохин и впервые за время разговора пригубил, уже остывший кофе.

– А это, хлопчики, не предложение – это приказ. Вы что думаете, я с вами здесь в бирюльки играю? Я вам прямо заявляю: завтрашнюю игру вы должны сдать. В противном случае по возвращении в Киев вас ждут большие неприятности. Я пока еще начальник в нашей федерации, поэтому знаю, как вам жизнь испортить. Если не послушаетесь, будете у меня в последних рядах льготников. И хрен вам тогда новые квартиры или машины обломятся. Так что имейте это в виду.

Сказав это, Щепко резко поднялся со своего места и направился к выходу из кафе, буквально спиной чувствуя, как ее буравят взглядами его недавние собеседники.

21 июля 1974 года, воскресенье, Варшава, Краковское подворье, улица Новы Свят, 6/12, ЦК ПОРП

Кшиштоф Мазовецки находился в своем кабинете на третьем этаже, где располагался спецсектор Международного отдела, когда туда вошел его заместитель Богдан Щенкевич. Он был ответственным за операцию «Невеста» – обеспечивал наблюдение за гостями, которые прибыли на свадьбу к Машкевичу.

– В данный момент вся компания на яхте – можно накрыть всех разом, – доложил Щенкевич.

Мазовецки взглянул на часы – они показывали начало второго дня.

– Хорошо – в два часа будем запускать «хлопушку», – произнес хозяин кабинета и настроил свои наручные часы. – На объекте комплект?

– Все восемь персон.

– Включая невесту?

– Нет, она уехала в город за покупками. Но ждать ее нет резона – можем упустить остальных.

– Постой, тогда почему персон восемь?

– К ним присоединился еще один русский из «Гранд-Отеля».

– Что за русский, ты мне о нем ничего не докладывал? – удивился Мазовецки.

– Я посчитал это лишним. Видимо, это кто-то из этой же компании – они, как мне доложили, судачат о футболе.

– Ты в своем уме – зачем нам лишний труп?

– Какая разница – одним больше, одним меньше? – пожал плечами Щенкевич.

– Ты говоришь он из «Гранд-Отеля»? Но ведь туда должны были заселить команду русских по футболу – может, этот человек один из них?

– Какая разница – главное, все наши персоналии в сборе. И уже через час можно разом решить эту проблему.

– Кто у нас на кнопке?

– Лешек – я дал ему команду не затягивать.

– Значит, сейчас свяжешься с ним и дашь команду «отбой». И пошли людей в «Гранд-Отель», чтобы выяснили, кто этот восьмой.

– Послать я, конечно, могу, но мы потеряем время, а с ним и шанс накрыть всех разом. Ведь за эти дни они впервые собрались на яхте всей компанией.

– Пока не выясним, кто этот неизвестный, «хлопушка» не сработает – тебе это ясно? – и Мазовецки стукнул ладонью по столу. – Иди и выясняй.

21 июля 1974 года, воскресенье, Вроцлав, берег Одры, яхта «Магнолия»

Бесков отвинтил крышку со своей плоской фляжки, которую он всегда носил с собой, и сделал небольшой глоток коньяка прямо из горлышка. К этому моменту он уже слегка захмелел, но продолжал пребывать в прекрасном настроении. Уже больше часа тренер сидел в этой теплой компании на борту яхты «Магнолия» и ловил себя на мысли, что ему здесь чертовски нравится. Несмотря на то, что шестерых из этих семерых мужчин, которые его окружали, он видел впервые, однако у него создалось впечатление, что знает он их уже не один год – так они смогли его к себе расположить. Чем же это можно было объяснить? Только одним – эти новые знакомые не лезли в душу к тренеру, не просили у него автографа, не лебезили перед ним, а вели себя вполне естественно и непринужденно – так, как будто он был одним из них. Кроме этого, эти люди прекрасно разбирались в футболе и могли не только рассуждать о его различных тактических схемах, но и помнили даже мельчайшие подробности событий давно минувших дней. Например, армянин Ерванд Гюзалян, который занимал должность секретаря Ереванского горкома партии, памятуя о завтрашней игре подопечных Бескова с поляками, напомнил всем о том, как до этого складывались противостояния этих команд.

– В 50-е и 60-е годы мы встречались с поляками семь раз, причем пять матчей были принципиальными – это были отборочные игры к чемпионату мира 1958 года и Олимпийским

играм 1968 года. Так вот в первом случае мы сыграли три раза и только один проиграли, что позволило нам попасть на мировой турнир. А во второй раз мы победили дважды…

– …и уже никуда не попали, – продолжил за Ерванда его рассуждения Пулат – высокопоставленный хозяйственный деятель из Ташкента.

– Это уже другая история, – отмахнулся от этого замечания Ерванд. – Главное, что поляков мы одолели. Кроме этих игр были две товарищеские, в которых мы разошлись «баш-на-баш» – в Москве в 1960 году победили с разгромным счетом 7:1, а в год спустя в Варшаве уступили с минимальным итогом он.

– И что из этого следует? – перебил эти рассуждения еще один участник разговора – киевлянин Игнат, работающий начальником в каком-то областном спортобществе.

– А то, что целых два десятилетия мы драли этих поляков как сидоров коз, – ответил Ерванд. – Но сейчас на дворе уже другое десятилетие – 70-е. И вот тут уже наступает время, когда драть будут нас. И на Олимпиаде 72-го в Мюнхене поляки это наглядно продемонстрировали. Они не только победили нас 2:1, но и стали олимпийскими чемпионами. А месяц назад присовокупили к этим медалям «бронзу» на чемпионате мира, куда мы так и не попали.

– Нас туда специально не пустили, – внес свою поправку в эти рассуждения Игнат.

– Мы сами виноваты – не надо смешивать спорт и политику, – подал голос еще один представитель с Украины – Олесь.

– А я остаюсь при своем мнении – нас специально «отцепили» от чемпионата, чтобы помешать нам и дальше интегрироваться в западный мир, – продолжал гнуть свою линию Игнат. – Вот с поляками так не поступают, поскольку они нужны Западу более, чем мы.

– Да поляки просто играют лучше нас – у них такое прекрасное поколение футболистов народилось: Гжегож Лято, Казимеж Дейна, Анджей Шармах, Роберт Гадоха, – заметил Олесь. – А у нас наоборот – мельчают футболисты. Кто придет на смену Яшину, Стрельцову, Нетто, Численко и другим?

– А давайте спросим об этом у Константина Ивановича, – обратил свой взор к тренеру Пулат.

Не ожидавший этого Бесков, сначала с удивлением воззрился на окружающих, но потом наконец собрался с мыслями и ответил:

– Конечно, нынешнее поколение футболистов уступает предыдущему во многих компонентах и прежде всего в самоотверженности. Идейных людей среди молодежи становится все меньше. Да и к их мастерству тоже есть претензии. Короче, беден выдающимися игроками становится наш футбол.

Например, если составить список из двадцати лучших футболистов мира на основании игр предыдущего чемпионата, где мы еще выступали, то только один Альберт Шестернев имел бы шанс в него попасть. Этот футболист мог и в пас хорошо играть, и индивидуально с мячом работал на высоком уровне. Но, как говорится, один в поле не воин. Вот почему наша сборная на том чемпионате невыгодно отличалась от других почти полным отсутствием хороших солистов. Наши игроки были как будто снивелированы на каком-то среднем уровне, недостаточном для борьбы за призовое место. Почему так происходит? Здесь целый комплекс проблем. Видимо, мы допускаем ошибки в методах поиска талантливой молодежи, в методике ее воспитания и обучения, а также недооцениваем индивидуальное мастерство, противопоставляя его коллективной игре.

– Получается, тот «тотальный футбол», который демонстрируют голландцы нам не осилить – играть в него некому? – спросил Матвей.

– Выходит, так, – согласился с этим мнением Бесков. – Ведь голландцы начинают атаку с любой точки поля. Когда их защитники идут в атаку, оборонительные обязанности принимают на себя нападающие. Но эта система более чем любая другая требует наличия в команде исключительно умных и техничных исполнителей, которые могли бы с одинаковой легкостью играть и в нападении, и в защите. У нас таких универсальных игроков «наскрести» крайне трудно.

– Тогда почему же они проиграли немцам в финале чемпионата – у них же такая классная защита была? – не унимался Матвей.

– Дело не в защитниках, а в форвардах – в обороне они оказались слабее, чем в атаке, – ответил Бесков.

– А мне из нынешней нашей молодежи нравится Анатолий Кожемякин, – вновь подал голос Ерванд. – На мой взгляд, у этого парня прекрасное будущее.

– Оно могло бы быть, если бы его специально не сломали вот эти товарищи, – заметил Пулат и ткнул пальцем в сторону двух украинцев. – Ведь это на Украине Кожемякину нанесли серьезную травму, после которой он до сих пор так и не оправился, хотя с тех пор прошло уже девять месяцев. А ведь я на него ставил.

– В каком смысле? – не понял смысла последней фразы Бесков.

– Пулат имел в виду, что он высоко ставил Кожемякина среди других игроков, – вступил в разговор Слащев, который все это время молча потягивал свой коктейль.

– Именно это я имел в виду, – подтвердил правильность этих

слов Пулат, справившись со своей растерянностью. – Как бы было отлично, если бы завтра у нас на поле вышел Кожемякин.

– Мы и без него справимся, – отмахнулся Игнат. – У нас есть Блохин, Колотов и Трошкин.

– Ты забыл еще про нашего Лакиса Хадзипанагиса, – напомнил украинцу про своего земляка-пахтакоровца Пулат.

Так, за разговорами, текло время, которое Бесков посвятил не прогулкам по городу, а общению в теплой мужской компании. И пока тренер был поглощен этим занятием, Слащев незаметно покинул гостиную и выбрался на верхнюю палубу. Там его нашел Машкевич, который вручил ему пачку паспортов, приготовленных для Слащева и его компаньонов. С этими документами их обладатели должны были вскоре исчезнуть на Западе под другими именами и фамилиями. Глядя на то, как русский листает свой новый документ, Машкевич спросил:

– Скажите честно, вам не страшно бросать вашу родину?

– А кто вам сказал, что я ее бросаю насовсем? – удивился Слащев. – Я всего лишь уезжаю в служебную командировку, чтобы затем вернуться.

– Что вы хотите этим сказать? – не скрывая удивления, спросил Машкевич.

– То, что моя родина скоро изменится и такие люди как я, будут там чрезвычайно востребованы. Вы что, Збигнев, не видите, куда все движется? В том числе, кстати, и здесь, в Польше?

– Откройте глаза незрячему, – развел руками поляк.

– Ну что же, возьму на себя роль офтальмолога. Все идет к развалу не только советской системы, но и всей социалистической. Коррупция – вот что доведет эту систему до краха. Наверху слишком много воруют, а ответственности за это не несут. Рано или поздно наворованные капиталы надо будет как-то легализовать, иначе они попросту пропадут. Ведь это крайне бесхозяйственно – уничтожать такое баснословное богатство. А при какой системе легче всего провести эту легализацию? Ведь не при социалистической же! В итоге сегодняшние коммунисты быстро превратятся в завтрашних капиталистов. Вот тут-то мы и объявимся, как те самые мостики, которые свяжут одних с другими. Так что я перебежчик временный – настанет время и такие как я из предателей снова превратятся в героев.

– Но ваш приятель-тренер, кажется, из другого теста?

– О да, Костя – удивительный экземпляр! – не скрывая своего восхищения, воскликнул Слащев. – Если бы таких людей было побольше, наш разговор имел бы иную направленность. Но в том-то и дело, что таких как Бесков, становится все меньше и меньше.

И на их место приходят другие – циники и прагматики, не верящие ни во что святое. Вроде меня. Но именно за нами, увы, будущее, как ни прискорбно в этом признаваться. Мы даже такую замечательную игру как футбол, и ту испоганили.

– Бог с ним, с футболом – меня больше интересует моя Польша. Что будет с ней? – продолжал допытываться Машкевич.

– Не бойтесь, в тартарары она не провалится. И этот Вроцлав, и эта Одра – все останется на своих местах. Но именно с вашей Польши все и начнется.

– Что именно?

– Тот самый процесс, о котором я говорил. Вы же первыми начнете раскачивать ту лодку, в которой мы вместе плывем с 1944 года. Раскачаете так, что она перевернется и потонет, как вот эта прекрасная яхта, на которой мы с вами сейчас находимся.

– Про нашу яхту – это намек? – насторожился Машкевич.

– Нет, это сущая правда. Она кому принадлежит, если не секрет?

– Судно находится на балансе нашего ЦК – мы проводим на ней разного рода светские рауты и международные переговоры.

– То есть, она принадлежит вашему Международному отделу?

– Совершенно верно.

– И именно в ЦК вам посоветовали взять эту яхту для свадебного ритуала?

– Откуда вы все это знаете? – продолжал удивляться поляк.

– Я слишком много прожил, чтобы меня можно было чем-то удивить. Ведь все в этом мире повторяется. Помните, у классика: мавр сделал свое дело – мавр должен умереть.

– Мавры это мы? Но зачем нас убирать?

– Чтобы спрятать концы в воду и найти козла отпущения.

– Тогда зачем вы согласились в этом участвовать – приехали сюда?

– Отсюда гораздо удобнее сделать прыжок за кордон, чем с моей родины. К тому же я подстраховался – иначе зачем я пригласил сегодня сюда моего приятеля? Правильно, чтобы эта яхта еще немного поплавала и мы могли с вами обсудить наши дела. Но мой друг вскоре нас покинет, а мы останемся. И если мы здесь слишком задержимся, то я не дам за наши жизни даже ломанного гроша.

– Тогда нам надо тоже собираться, – не скрывая своего беспокойства, произнес Машкевич.

– Не надо суетиться, Збигнев, – успокоил своего собеседника Слащев и даже взял его за локоть. – Те, кто следят сейчас за нами, тоже не дураки. Гостиная, вполне вероятно, прослушивается, но здесь, на палубе, нам опасаться нечего. Поэтому сделаем так.

Свой паспорт я оставлю при себе, а остальные вы заберете. А моим компаньонам объявите, что они получат их сегодня вечером здесь же. Для чего им не надо будет покидать пределы этой комфортабельной яхты.

– То есть, вы хотите…

– Не надо размышлять вслух, Збигнев, – и Слащев сильно сжал локоть поляка. – Кем-то в любом случае надо пожертвовать. И пусть это будем не мы с вами. Или вы имеете на этот счет иное мнение и хотите добровольно присоединиться к моим компаньонам?

Заглянув в глаза поляка, Слащев понял, что этот человек на такой безрассудный поступок не способен. Впрочем, он в этом нисколько и не сомневался.

– Но кто привезет им паспорта – я после ваших слов не хочу здесь больше объявляться, – после некоторой паузы заявил Машкевич.

– А вы попросите это сделать вашу невесту – Ларочку. И не бойтесь остаться вдовцом в ваши-то годы – у вас ведь еще вся жизнь впереди.

21 июля 1974 года, воскресенье, Люблин, Дворец культуры

Кравчик стоял в фойе Дворца культуры и раздавал автографы всем желающим. Только что закончилась его очередная встреча с жителями города, где он на протяжении двух часов рассказывал о своей жизни в Чили, о знаменитом бое с любимцем Пиночета боксером Элоем Пересом, а также отвечал на вопросы из зала. Настроение у него было превосходное. Вчера он побывал на городском стадионе, где участвовал еще в одном мероприятии – открывал футбольный турнир. Там он встретился с комментатором польского телевидения Августином Квятеком и договорился с ним о завтрашней встрече во Вроцлаве, где должен был состояться финальный матч между лучшими командами этого турнира. И этими командами были сборные Польши и Советского Союза: первые вчера обыграли румын по, а русские разгромили болгар со счетом 5:1. Все это укладывалось в план Кравчика, поскольку при таком раскладе на финал должен был приехать Брежнев. Во всяком случае, его должны были на это подбить люди, с которыми был на связи Луис Кальдерон.

Подписывая очередную свою фотокарточку из той самой серии, которую выпустило польское Бюро пропаганды, Кравчик перевел дух. А руки с другими такими же фотокарточками тянулись к нему со всех сторон. И ему пришлось снова

возобновить свою «подписную» сессию. Наконец, спустя примерно полчаса, число страждущих стало иссякать. Пока, наконец, перед Кравчиком не остался последний поклонник – невысокого роста мужчина с перебитым носом. Причем он протянул ему не фотокарточку, выпущенную большим тиражом в Польше, а газету на русском языке «Советский спорт», где было большое интервью Кравчика с его фотографией. С удивлением разглядывая эту публикацию, которую он до этого никогда не видел, Кравчик спросил:

– Вы из Советского Союза?

– Угадали, – на приличном польском ответил мужчина и представился: – Матвей Захарчук, ваш большой поклонник.

– Судя по вашему носу, вы тоже боксер? – догадался Кравчик.

– Был когда-то, – улыбнулся мужчина. – Но теперь я выступаю всего лишь как зритель. В начале этого года я видел по телевидению ваш бой с французом Жакобом Канотье и с тех пор стал почитателем вашего таланта. У вас отменная техника и молниеносный хук справа. В свое время я обладал таким же.

Кравчик улыбнулся и, взяв в руки газету, поставил размашистую роспись прямо на своей фотографии. После чего услышал от своего коллеги неожиданное:

– Нельзя пригласить вас в какой-нибудь здешний бар выпить пива и поговорить о боксе?

Удивленный этим вопросом, Кравчик встретился взглядом с русским и ничего подозрительного, кроме огромного желания встретиться со своим кумиром там не увидел. А поскольку на этот вечер никаких дел у боксера больше не было, он подумал: «А почему бы и нет? Когда я в последний раз пил свое любимое пиво «Крулевске», да еще в компании с почитателем моего таланта. Тем более что он из Советского Союза».

– Хорошо, я согласен, – ответил Кравчик. – Только у меня есть еще одно дело – надо позвонить приятелю в Варшаву. Поэтому давайте сделаем так. Вы машину водите? Вот и отлично. Видите в окне вон тот белый «Фиат» на другой стороне площади? Вот вам ключи от него, подгоните его к выходу, а я пока позвоню приятелю. Договорились?

Вместо ответа мужчина протянул вперед раскрытую ладонь, куда Кравчик вложил ключи от машины. После чего они разошлись в разные стороны: русский отправился к выходу, а Кравчик подошел к телефонному аппарату, который висел на стене прямо тут же, у большого окна, выходившего на площадь. Он набрал домашний номер телефона Луиса Кальдерона и стал ждать, когда на другом конце провода возьмут трубку. Глядя в окно, он видел, как русский подошел к его автомобилю, открыл

его и сел в салон. Затем он захлопнул дверцу, взялся за руль, а спустя секунду… раздался мощный взрыв, который подбросил автомобиль как пушинку на несколько метров вверх. Затем он рухнул на землю и тут же вспыхнул ярким пламенем, превратившись в огромный факел.

С ужасом глядя на это зрелище, Кравчик выронил из рук трубку и подошел к окну. Со всех сторон к его автомобилю бежали люди, а он смотрел на их лица, полные ужаса и не мог поверить, что все это происходит наяву. Потом он представил себе, что на месте этого несчастного русского должен был сидеть он, и его прошиб холодный пот. И тут он испугался. Ведь люди, которые устроили этот взрыв, наверняка где-то рядом, они снуют сейчас среди тех людей на площади, и попадаться им на глаза вовсе не стоит. Поэтому Кравчик в последний раз взглянул на горящий «Фиат» и побежал к противоположному выходу из Дворца культуры. Учитывая, что внимание людей было приковано к автомобилю, никто из них не заметил, как из дальнего выхода на улицу выбежал человек с тростью в руках и бросился бежать прочь от здания Дворца.

21 июля 1974 года, воскресенье, Варшава, госпиталь МВД

Следователь Збигнев Вуйчик примчался в госпиталь по срочному вызову, который поступил к нему от самого главврача этого медучреждения. По словам медика, час назад пришел в себя Хенрик Возняк и первое, что попросил – немедленно пригласить к нему Вуйчика. Поэтому, на ходу приняв от дежурной медсестры халат, следователь набросил его на плечи и уже спустя пять минут вбежал в палату, где лежал его коллега. Следом за ним туда же вошел и главврач, но Возняк, увидев его, слабым голосом попросил медика оставить их со следователем наедине. И главврач, не говоря ни слова вышел, плотно закрыв за собой дверь.

– Ну, как ты, Хенрик? – первое, что спросил у больного Вуйчик, присев на стул рядом с его кроватью.

– Времени на сантименты у нас нет, поэтому слушайте меня внимательно, – произнес в ответ сыщик. – Моя версия о причастности Кравчика к убийству той старушки в лесу полностью подтвердилась – это был именно он. И в лесу он пристреливал винтовку, с помощью которой собирается убить Брежнева. Да, да, пан Вуйчик, именно советского генсека и никого иного. И люди, которые в меня стреляли это подтвердили – я слышал их разговор, лежа в багажнике машины со связанными

руками. Именно потому, что я напал на его след, Кравчик и вынес мне смертный приговор – послал ко мне двух убийц из числа своих подельников-чилийцев.

Услышав это, Вуйчик встал со стула и, подойдя к окну, открыл одну из его створок. После чего достал из кармана пачку сигарет и закурил, несмотря на то, что рядом лежал больной. Выпуская дым в окно, следователь наконец произнес:

– Если бы это говорил мне не ты, а кто-то другой, я бы счел его за сумасшедшего. Ведь то, что ты говоришь, не поддается разуму. Анджей Кравчик – наш национальный герой! Как об этом доложить прокурору я ума не приложу – он мне просто не поверит.

– Но если вы не доложите ему, то Кравчик убьет Брежнева. Если еще не убил?

– Не беспокойся, жив твой генсек – сегодня он был с визитом на Варшавском металлургическом заводе.

– Но это не значит, что Кравчик откажется от своей затеи – не убил сегодня, так убьет завтра. Он просто выжидает удобный момент.

После этих слов Вуйчик сделал еще пару нервных затяжек, после чего выбросил окурок в окно и закрыл его на щеколду.

– Хорошо, я немедленно свяжусь с Генеральным прокурором, – направляясь к двери, произнес следователь. – А ты лежи и ни о чем не беспокойся – все, что надо, ты уже сделал.

Спустя пять минут Вуйчик был уже в кабинете главврача, где попросил разрешения позвонить с его телефона. При этом снова обратился к медику с просьбой на время покинуть помещение. Когда тот ушел, следователь набрал номер дежурного в Генеральной прокуратуре и, представившись и назвав ему номер своего служебного удостоверения, попросил соединить его с Генеральным прокурором.

– Он занят, – последовал немедленный ответ.

– Я понимаю, что у него много дел и без меня, но мой звонок относится к разряду чрезвычайно важных, – четко выговаривая каждое слово, произнес Вуйчик. – Речь идет о жизни нашего высокого гостя – Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Брежнева. Если вы меня сейчас же не соедините с прокурором, то это грозит нам международным скандалом.

Услышав эти слова, дежурный стушевался и тут же сменил свой прежний, высокомерный тон, на более доброжелательный и попросил следователя оставаться на линии. А спустя минуту Вуйчик услышал в трубке голос Генерального прокурора:

– Я вас слушаю.

– Говорит следователь Варшавской воеводской прокуратуры

Збигнев Вуйчик. Моя информация может показаться вам неправдоподобной, но она исходит из надежного источника. По добытым им сведениям, готовится покушение на Леонида Брежнева. В роли убийцы выступает никто иной, как Анджей Кравчик.

Сказав это, следователь рассчитывал услышать в лучшем случае недоумение, в худшем – поток брани. Но на другом конце провода внезапно наступило… молчание. Оно длилось так долго, что Вуйчик спросил:

– Вы меня слышали, пан Генеральный прокурор?

– Я вас прекрасно слышал, – последовал немедленный ответ. – А вы телевизор сейчас не смотрите? Если он у вас под рукой, то советую его включить.

Продолжая держать в руке трубку, Вуйчик подошел к телевизору, стоявшему в правом углу от стола, и нажал на тумблер. И тут же на экране возник портрет Анджея Кравчика в траурной рамке. А скорбный голос диктора сообщил, что знаменитый боксер, национальный герой Польской Народной Республики, погиб в результате несчастного случая два часа назад в Люблине. Слушая это сообщение, Вуйчик опустился на стул и машинально положил трубку на телефонный аппарат.

22 июля 1974 года, понедельник, окрестности Люблина

Утром на шоссе недалеко от Люблина Кравчик встретился с Луисом Кальдероном. Боксер все-таки дозвонился до него вчера вечером и тот никак не мог поверить в то, что слышит голос своего компаньона:

– Только что в новостях передали, что ты погиб во время взрыва, – чуть ли не кричал в трубку чилиец.

– Как видишь, я жив-здоров, – усталым голосом вещал в трубку Кравчик. – Поэтому садись в автомобиль и выезжай сюда, в Люблин.

После этого разговора минуло пять часов (именно столько занимала дорога от Варшавы) и вот теперь компаньоны сидели в салоне «Фольксвагена» и обсуждали случившееся.

– Кому понадобилось тебя убирать? – в который раз задавал вслух один и тот же вопрос Кальдерон, дымя сигаретой в открытое окно. – Может, ты где-то прокололся?

– Я прокололся только в одном случае – когда на меня вышел тот дотошный сыскарь, – ответил Кравчик. – Но вы же его убрали?

– Без вариантов – я лично всадил ему две пули в спину. Он гниет теперь в канаве у шоссе под Варшавой. К тому же, если бы

это было связано с ним, то тебя не стали бы взрывать – тебя бы просто арестовали.

После этих слов в разговоре возникла пауза – каждый из собеседников думал о своем. Наконец, Кальдерон первым нарушил затянувшееся молчание:

– В любом случае, ты счастливчик, Анджей – второй раз на свет родился.

– Да, видимо самому Провидению угодно, чтобы я довел начатое до конца, – согласился с чилийцем Кравчик.

– Не надо ничего доводить до конца, – произнес внезапно Кальдерон и, выбросив в окно недокуренную сигарету, взглянул на собеседника. – Провидению было угодно, чтобы ты вышел со мною на связь до того, как объявился бы на стадионе. Дело в том, что Молина вчера отменил операцию «Мешок».

– Как отменил, почему? – по тому, как он это спросил, было видно, что боксер буквально потрясен этим сообщением.

– Ты не имеешь возможности следить за тем, что происходит сейчас в Чили, поэтому введу тебя в курс дела. На днях Молина и Энрикес снова объединились. Эта вынужденная мера, поскольку террор против МИР усилился. Пиночет недавно провозгласил себя пожизненным президентом и создал новую спецслужбу ДИНА, которой поставлена первоочередная цель – ликвидация группировки МИР. Против наших товарищей брошены огромные силы, включая и зарубежные – к этой операции подключили даже аргентинскую СИДЕ и Аргентинский Антикоммунистический Альянс. Короче, время наступает жаркое, поэтому и было принято решение ликвидировать тот раскол, который случился в прошлом году. Именно поэтому Молина и принял решение временно приостановить операцию «Мешок» – такова была просьба Энрикеса. Тебе надлежит на время «заснуть» – стать «спящим» агентом.

– Но уже завтра Брежнев покинет Польшу и когда вернется сюда одному богу известно, – воскликнул Кравчик, все еще не в силах поверить в то, что он услышал.

– Значит, такова воля Провидения, – развел руками Кальдерон. – Мы с тобой бойцы невидимого фронта, у нас есть наши командиры, приказы которых мы должны выполнять.

– Надо мной командиров нету, – сказал, как отрубил Кравчик.

– Имей в виду, что если ты нарушишь приказ, то не увидишь своих денег, – предупредил боксера Кальдерон.

– Плевал я на них!

– Что ты хочешь этим сказать? – с явным беспокойством в голосе, спросил чилиец.

– То, что никакие деньги не смогут мне вернуть жены и

ребенка. Я уже слишком много заплатил, чтобы останавливаться на полпути.

Сказав это, боксер заметил, как правая рука его собеседника незаметно опустилась вниз. Видимо, где-то под сиденьем у чилийца было спрятано оружие. Поэтому Кравчик решил действовать на опережение. Перехватив левой рукой запястье собеседника, он правой рукой, сжатой в кулак, нанес молниеносный удар чилийцу в висок. Тот тут же обмяк. Сжимая в руках трость, Кравчик выбрался из салона и, обойдя автомобиль, открыл дверцу и выволок тело чилийца наружу. Затем он уложил его на землю лицом вниз и сильным ударом рукоятки трости перебил ему шейные позвонки. После чего волоком оттащил труп на обочину дороги и сбросил в канаву. Затем боксер вернулся к автомобилю, сел в него и взял курс на Вроцлав, куда от Люблина ехать было около пяти часов.

22 июля 1974 года, понедельник, Варшава, Краковское подворье, улица Новы Свят, 6/12, ЦК ПОРП

Эдвард Герек сидел в кресле, откинувшись на его спинку, и внимательно слушал речь Генерального прокурора, который докладывал ему о своем вчерашнем разговоре со следователем Вуйчиком. Из этого разговора выходило, что национальный герой Польши Анджей Кравчик никто иной как… несостоявшийся убийца Генерального секретаря ЦК КПСС

Леонида Брежнева. Эта сногсшибательная новость не укладывалась в голове у польского лидера, но он и вида не показывал, что потрясен. Ни один мускул не дрогнул на его лице после сообщения прокурора и ни один жест не выдал, охватившего его поначалу волнения. Впрочем, Герек быстро успокоился, поскольку волноваться было излишне: Кравчик был мертв, а Брежнев жив. Но теперь предстояло решить, что делать дальше с этой ситуацией.

– Мне кажется, мы должны уведомить русских о произошедшем, – закончил свою речь прокурор вполне резонным предложением.

Герек ждал этих слов, поэтому отреагировал на них быстро:

– А вот я считаю, что это лишнее. Ведь кроме слов этого Возняка нет никаких дополнительных доказательств того, что Кравчик и в самом деле планировал убить Брежнева. Но даже если это и правда, все разрешилось более чем благополучно – Кравчик на том свете. И если мы начнем ворошить эту историю, то ее последствия могут принести нам массу неприятностей. Во-первых, нашим идеологам придется объяснять народу, как это они умудрились столько времени воспевать до небес преступника. Во-вторых, глубокая душевная рана будет нанесена миллионам наших сограждан, которые считали Кравчика своим кумиром. Наконец, главное – в дураках окажемся и мы с вами, пан прокурор. Ведь именно мы в первую очередь проморгали этого боксера.

– Но если мы промолчим, кто даст гарантию, что у Кравчика не остались здесь сподвижники, которые могут продолжить его дело – совершить покушение на Брежнева, – возразил Гереку прокурор.

– Да, вы правы – могут остаться, – согласился с собеседником хозяин кабинета. – Но Брежнев собирается покинуть нашу страну уже сегодня во второй половине дня. Значит, времени у потенциальных преступников почти не осталось. Но главное – мы

поменяем и место: я сделаю так, чтобы Брежнева не было сегодня в Варшаве. Ведь покушение наверняка планировалось здесь, в столице, поэтому мы увезем советского гостя подальше отсюда – на всякий случай.

– И куда вы его собираетесь увезти?

– Во Вроцлав – ведь там сегодня финальный матч футбольного турнира. Кое-кто мне давно советовал это сделать, да и сам Брежнев еще в начале визита упоминал о своем интересе к нему – вот я этим и воспользуюсь. Тем более, что для этого появился столь веский повод.

22 июля 1974 года, понедельник, Москва, Измайлово, квартира Кожемякиных и сквер у метро «Бауманская»

Кожемякин положил трубку на телефонный аппарат и повернулся к жене. Та стояла в дверях, перегородив дорогу мужу и пристально смотрела ему в глаза.

– Ты никуда не пойдешь, – твердо произнесла Наталья. – В кои-то веки остался дома и опять намылился сбежать к своим дружкам?

– Наталка, никуда я не намылился, – подходя к супруге, произнес футболист. – Но сейчас мне в самом деле нужно уйти.

– Лучше с дочкой иди погуляй, – была непреклонна супруга.

– Погуляю, когда вернусь, – Кожемякин обнял жену за плечи и с высоты своего роста чмокнул ее в самую макушку головы.

Он знал, что после таких поцелуев она всегда смягчала свой гнев. Не стал исключением и этот раз. Наталья прижалась к мужу и спросила:

– Когда вернешься?

– Постараюсь побыстрее, – уклончиво ответил Кожемякин, еще раз поцеловал жену в голову и вышел в коридор.

Путь ему предстоял недалекий – до метро «Бауманская». На своей «копейке» футболист домчался туда за десять минут. Там, в скверике у метро, его дожидался Алексей Шлемов – тот самый киноактер, с которым его познакомил хоккеист Борис Александров. Повод для встречи был более чем веский – актер раздобыл для Кожемякина пластинку английской рок-группы «Пинк Флойд» под названием «Темная сторона Луны». Иметь этот диск в своей коллекции Кожемякин мечтал давно, но Шлемов, имевший выходы на столичных фарцовщиков, никак не мог его раздобыть. Пока, наконец, сегодня ему не улыбнулась удача. Поэтому, когда он позвонил домой футболисту, тот просто не мог проигнорировать эту встречу, пусть даже ценой конфликта с

женой.

Заглянув в полиэтиленовый пакет, где лежал диск, Кожемякин сразу узнал знакомую обложку – это была та самая пластинка, о которой он мечтал. Доставать ее он не стал, опасаясь привлечь к себе чье-то назойливое внимание.

– Не волнуйся, Толик, диск – новье, ни разу не «пиленный», – успокоил его Шлемов, пряча в карман деньги – двадцать пять рублей одной купюрой. – Чего еще желаешь получить?

– Мне бы прошлогодний «Бэнд оф зе Рун» Пола Маккартни.

– Хорошо, сделаем, – ответил Шлемов и протянул ладонь для прощания.

От «Бауманской» Кожемякин поехал не домой, как обещал жене, а к другу детства Толику Бондаренкову. Впрочем, тот жил неподалеку от футболиста – на Измайловском шоссе. Кожемякин просто не мог не похвастаться перед ним своим сегодняшним приобретением. Да и послушать пластинку ему хотелось не одному, а в компании с приятелем, который тоже не хуже него разбирался в популярной рок-музыке.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион

Как только стало известно, что Брежнев намеревается посетить Вроцлав и посмотреть финальный матч между сборными Польши и СССР, его охрана, а также польское Бюро охраны правительства МВД ПНР засуетилось. До вылета высокого гостя оставалось еще несколько часов, поэтому первым во Вроцлав отправился самолет с руководящими деятелями охраны обеих стран, которым предстояло подготовить стадион к приему генсека. Советскую сторону представляли Сергей Королев – заместитель начальника 9-го управления КГБ и Игорь Зоркий, занимавший должность начальника выездной охраны Брежнева.

Прибыв на стадион, они принялись вместе со своими польскими коллегами осматривать территорию. Собственно, в первый раз такая инспекция была проведена пару недель назад, когда только возник вопрос о том, что Брежнев может почтить своим присутствием финал футбольного турнира. Но тогда это делалось на скорую руку. Теперь же охранникам предстояло подойти к этому событию более скрупулезно – осмотреть стадион сверху донизу, не пропустив ни одного потенциально опасного места.

Разбившись на группы по нескольку человек, охранники взялись за тщательный осмотр трибун стадиона (они вмещали 35

тысяч человек) на предмет обнаружения взрывчатых веществ или иных предметов, которые могли нести в себе какую-либо угрозу жизни генсека. Были осмотрены подтрибунные помещения, включая и раздевалки футболистов, а также и вся прилегающая к стадиону территория.

Когда Костров и двое его польских коллег подошли к комментаторской кабине, на ее дверях висел замок.

– Надо открыть, – потребовал Костров, и его просьба была немедленно выполнена работником стадиона.

Войдя внутрь помещения, Костров внимательно его осмотрел, а потом подошел к большому стеклянному окну, из которого открывался прекрасный вид на зеленый газон. С этого же места была прекрасно видна и противоположная трибуна, где находилась гостевая ложа, в которой должен были восседать Брежнев, Герек и другие руководители.

– А кто сегодня будет комментатором матча? – спросил Костров у работника стадиона.

– Пан Августин Квятек, – ответил мужчина. – Это наш известный комментатор, он всегда комментирует матчи нашей сборной, а также местной команды «Шленск».

– Когда он должен подойти?

– Обычно он приходит за час до начала матча.

Выслушав ответ, Костров еще раз окинул взором комментаторскую кабину, где кроме стола с микрофоном и пары стульев больше ничего не было, и первым вышел наружу.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, подтрибунный коридор

Бесков подошел к двери, ведущей в раздевалку польской сборной и громко в нее постучал. Вскоре на стук наружу выглянул незнакомый мужчина – это был второй тренер.

– Позовите, пожалуйста, Казимежа, – попросил незнакомца Бесков, имея в виду старшего тренера сборной Польши Казимежа Гурски.

Спустя полминуты в коридор вышел тот, ради которого Бесков сюда и пришел. С Гурски он был знаком давно, еще с середины 60-х, но их сегодняшнее противостояние было первым – до этого в ранге старших тренеров национальных команд они на поле еще не пересекались.

– В чем дело, Костя? – спросил Гурски на чистейшем русском языке, пожимая руку своему коллеге.

– Хочу задать тебе один прямой вопрос, Казн: с тобой на

самом верху никто не разговаривал по поводу сегодняшней игры? – спросил Бесков.

– А с тобой? – вопросом на вопрос ответил поляк.

– Со мной разговаривали и настоятельно рекомендовали проиграть в честь вашего праздника.

– Мне рекомендовали то же самое, но с другой формулировкой: чтобы не огорчать вашего генерального секретаря – улыбнулся Гурски. – Получается, что сегодня победителей в игре не будет?

– Должен быть, Казн, – глядя прямо в глаза своему коллеге, произнес Бесков. – Именно за этим я к тебе и пришел. Давай пошлем всех этих политиков к чертовой матери и сыграем так, как нам наша спортивная совесть подсказывает.

– Хочешь сыграть ва-банк?

– Именно. Устал терпеть диктат этих сующих во все свой нос политиков. Мы же с тобой спортсмены и футбол для нас – это жизнь, а не политические игрища.

– Как хорошо ты это сказал, – улыбнулся Гурски. – Значит, играем по-честному, без дураков?

– До «кровянки», как говорили в моем детстве, – улыбкой на улыбку ответил Бесков.

– Что такое до «кровянки»?

– То есть, до первой крови – значит, по-настоящему, не поддаваясь.

– Договорились, хотя моим ребятам будет трудновато – мы почти полночи сегодня не спали.

– Почему? – удивился Бесков.

– Мы же в пансионате поселились, прямо на берегу Одры. И надо же такому случится, сегодня ночью там так громыхнуло и полыхнуло, что пламя стояло до небес. Яхта на Одре взорвалась – прямо неподалеку от нашего пансионата.

– Какая яхта – «Магнолия»? – от этого неожиданного сообщения Бесков даже отшатнулся от коллеги.

– Названия ее не знаю, но горела она до утра – пожарные с трудом потушили.

– А люди на яхте были?

– Говорят, что да – какие-то русские, приехавшие к нам на праздник. Эта трагедия у меня до сих пор перед глазами – всю ночь заснуть не мог.

Бесков стоял ни жив, ни мертв, буквально раздавленный этим сообщением. Еще вчера он был гостем на «Магнолии», а теперь, получается, те, с кем он так мило общался, погибли все до одного. И яхта стала их братской могилой.

– Что с тобой, Костя? – тронул тренера за локоть его

польский коллега.

– Ничего, не обращай внимания, – вышел из короткого оцепенения Бесков. – Значит, договорились – бьемся по-настоящему.

Друзья пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны, вполне удовлетворенные итогом их недолгою разговора.

22 июля 1974 года, понедельник, пригород Вроцлава, дорога к Олимпийскому стадиону

Проехав мост через канал на подъезде к Вроцлаву, Кравчик еще раз взглянул на свои наручные часы – они показывали, что до начала футбольного матча остается каких-то десять минут. Если он будет ехать с такой же скоростью, то рискует опоздать к началу второго тайма – времени, когда ему необходимо было быть на стадионе как штык. Можно было, конечно, на полных скоростях рвануть к месту игры, но это было чревато – на него могли обратить внимание инспекторы по контролю за дорожным движением. И тут Кравчика внезапно осенило. «Почему я должен бояться «дорожников»? – подумал боксер. – Не лучше ли будет попросить их о помощи?»

Спустя пять минут Кравчик тормознул у первого же поста дорожной милиции и, выйдя из «Фольксвагена», вошел в расположение поста.

– Матка боска, да это же Анджей Кравчик! – воскликнул молоденький сержант, едва боксер переступил порог помещения.

– Точно – он! – с не меньшим восторгом заголосил напарник сержанта. – А вчера передали, что вы погибли!

– Живой я, ребята, как видите, – улыбнулся Кравчик и первым протянул милиционерам свою ладонь. – Помогите, если можете. Мне надо на ваш стадион успеть к финальному матчу. Там Брежнев будет, а у меня с ним встреча назначена.

– Да мы вас с таким эскортом туда доставим, что у вас дух захватит! – радостно сообщил сержант и тут же схватил со стола ключи от своего милицейского «Фиата».

Именно эти слова и хотел больше всего услышать Кравчик. Теперь он мог быть спокоен – «зеленая улица» до стадиона ему была обеспечена.

22 июля 1974 года, понедельник, Москва, Измайловское шоссе, 27

Бондаренков осторожно извлек из полиэтиленового пакета диск «Пинк Флойд» и стал внимательно разглядывать его обложку с обеих сторон.

– Фирма! – с ударением на последнем слоге произнес он с восхищением, после чего подошел к своему импортному стереопроигрывателю.

Включив его, он достал из конверта виниловый диск, опустил его на блин проигрывателя и нажал на рычажок запуска. После чего опустил на диск иглу. И вскоре из двух колонок, развешанных по разным сторонам стены, в комнату ворвалась божественная музыка – началась первая композиция пластинки под названием «Speak to Me» («Говори со мной»). Бондаренков уселся на диван, где уже давно занял место Кожемякин. И оба приятеля погрузились в прослушивание.

Когда спустя почти час были прослушаны обе стороны пластинки, друзья принялись горячо обсуждать услышанное. И выяснилось, что обоим больше всего понравились две композиции – четвертая и шестая: «Time» («Время») и «Money» («Деньги»). Впрочем, эти песни они уже успели услышать по советскому радио (в передаче «Запишите на ваши магнитофоны»), однако одно дело слушать их в радиоприемнике, и совсем иной вариант – на фирменном виниловом диске. К тому же в концептуальной последовательности с остальными композициями этого эпохального альбома.

– Вот это я понимаю, шедевр, – в сотый, наверное раз, рассматривая обложку диска, с восхищением произнес Кожемякин.

– А хочешь я удивлю тебя не меньше, дав послушать одну нашу новую рок-группу, – обратился к другу Бондаренков.

– Шутишь – наша группешка против «Флойдов»? – усмехнулся Кожемякин.

– Группешка говоришь? – и Бондаренков принес из соседней комнаты магнитофон «Комета-209» и, врубив его в розетку, включил запись. И тут же из динамиков, разрывая тишину напополам, понеслось:

Стар мир – ты его затер до дыр,
И веселых красок в мире больше нет.
Ты сам – сам закрыл свои глаза
И весь мир раскрасил в черно-белый цвет.

Эта песня настолько захватила Кожемякина, что он непроизвольно стал отстукивать ногой ее ритм по паркету. А когда прозвучал последний аккорд песни, футболист с

недоумением воззрился на своего тезку:

– Что это было?

– «Машина времени» с Андреем Макаревичем во главе – вот что! – улыбаясь во все лицо, ответил Бондаренков. – А ты говоришь «группешка». Наши ребята тоже кое-что наловчились делать не хуже западников. Это, конечно, не «Пинк Флойд» и даже не «Слэйд», но, согласись, тоже не плохо. У меня на кассете пять их песен записано. А осенью, если хочешь, можно на их концерт сходить в ДК Метростроя. Пойдешь?

– Спрашиваешь, – почти без паузы ответил Кожемякин. – А ну-ка, Толян, вруби мне остальные их песни.

Бондаренков не дал уговаривать себя дважды – тут же выполнил просьбу друга, после чего вновь уселся рядом с ним на диван и затих, погрузившись в музыку.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, район Фабрична

Комсомольский секретарь МГУ Генка Веселов и десять его приятелей приехали в Польшу по комсомольской путевке из Москвы. Все они были фанатами столичного футбольного клуба «Спартак», поэтому просто не могли пропустить футбольный турнир с участием советской сборной. Но для этого надо было уговорить главу их делегации – Петра Семеновича, который вместе с ребятами привез сюда еще тридцать человек, выехать из Варшавы сначала в Краков, а затем и во Вроцлав. Уговорить главу вызвался Веселов.

– Петр Семенович, мы просто обязаны поддержать нашу сборную на этом международном турнире, – без всяких предисловий, начал свою речь Генка. – Иначе что получается: за поляков будет болеть вся страна, а за наших никто? Так не пойдет.

– Генка, ты же знаешь, что мне твой футбол до лампочки, – отмахнулся от парня Петр Семенович. – У меня по плану посещение фестиваля фольклорной песни в Познани.

– Так это же рядом с Краковом и Вроцлавом, – тут же ухватился за это обстоятельство Генка. – Давайте сделаем так. Вы с делегацией рванете на фестиваль, а мы с ребятами – на футбольный турнир.

– Ты в своем уме – а если с вами что случится, кто отвечать будет?

– А что с нами может случиться в братской Польше? – округлил глаза Генка. – Польский язык я знаю, так что вполне могу здесь ориентироваться. А отец мой вам еще спасибо скажет.

Про своего родителя парень вспомнил неспроста. Тот был парторгом МГУ, водил дружбу с сильными мира сего из московского горкома и даже из ЦК КПСС, о чем глава делегации был прекрасно осведомлен. Поэтому, почесав затылок, он в итоге согласился:

– Ладно, под твою ответственность, Геннадий, отпускаю вас на турнир для поддержки нашей сборной. Можешь считать это комсомольским поручением.

Так ребята оказались во Вроцлаве. И в тот день, когда сборная СССР должна была играть финальный матч, они с утра слонялись по городу, убивая время до начала игры. В итоге они оказались в районе Фабрична, куда забрели пешком, сойдя с трамвая на конечной остановке. Плутая теперь по улицам, они искали выход из этого района, чтобы начать выдвигаться к Олимпийскому стадиону – до начала игры оставалось чуть больше часа. И тут Генка увидел идущую им навстречу стройную брюнетку в стильной кофточке и такой же модной юбке-мини.

– Пани, вы не подскажете нам дорогу до стадиона? – спросил у красотки Генка.

Девушка смерила его внимательным взглядом и… улыбнулась.

– Пан не местный? – спросила она.

– Я из Москвы, как и вельможные паны, стоящие за мной.

– В таком случае идите за мной – я как раз иду на остановку автобуса, который довезет вас до стадиона. А что там будет?

– Как что – финальный матч футбольного турнира, где играют сборные Польши и СССР, – искренне удивился Генка.

– Я футбол не люблю. А вот мой младший брат наоборот – он болеет за наш местный «Шленск».

Однако не успели они пройти и трех десятков метров, как из-за поворота навстречу им вышла группа молодых людей числом около пятнадцати. Впереди их шествовал длинноволосый парень в джинсах и расстегнутой почти до самого пупа рубашке ярко-желтого цвета. Поравнявшись с москвичами, парень внезапно остановился и, обращаясь к Генке, спросил.

– А вы ведь не наши, не местные?

– Как догадался? – спросил Генка.

– Выглядите как иностранцы. Вы откуда?

– Из Москвы.

– Кацапы что ли?

– Но, но, полегче – мы же вас пшеками не называли, – насупил брови Генка.

– А зачем сюда приехали – на наш праздник?

– На футбол – сегодня наши с вашими играют.

– И мы на футбол – мы из Познани, за «Лех» болеем. Надерут сегодня наши вашим задницу.

– Это мы еще посмотрим, – задирая нос, ответил Генка.

– А чего смотреть, мы бразильцам недавно задницу надрали, а вы явно не бразильцы.

– Ты чего такой борзый, мы же ваши гости, – решил первым разрядить обстановку Генка. – К тому же наши отцы были братьями по оружию – одного врага вместе били.

– А твой отец где воевал?

– Как где – в Советской Армии, – не скрывая удивления, ответил Генка.

– А мой в Армии Крайевой.

– Это в той, которая нашим солдатам в спины стреляла?

– В ней самой, кацап, – и поляк звонко рассмеялся, после чего его примеру последовали и все его приятели.

– Тогда получи, фашист, гранату! – громко произнес Генка и со всей силы заехал длинноволосому кулаком по физиономии.

Удар получился настолько сильным и неожиданным, что поляк взмахнул руками и отлетел на несколько шагов назад, грохнувшись спиной на землю.

– Кацапы наших бьют! – раздался зычный клич кого-то из приятелей длинноволосого и вся его ватага ринулась в рукопашную.

Началась массовая драка, в которой в ход пошли не только кулаки, но и подручные средства – палки и доски, которые дерущиеся стали выдирать из ближайшего забора, огораживающего чей-то частный домик. Между тем, несмотря на численное меньшинство, Генка и его компания начала теснить противника, поскольку имела за плечами неплохую подготовку – ребята два года посещали боксерскую секцию при МГУ. Поэтому удары советские гости наносили своим визави профессиональные – хуки как с правой, так и с левой рук. Трещали носы, выбивались зубы и кровавые харкотины обильно удобряли землю. В какой-то момент московские уже предвкушали свою победу над познаньскими, когда внезапно откуда ни возьмись рядом с местом побоища появились сразу два автобуса и три «уазика», из которых высыпала толпа милиционеров в серых мундирах и начала хватать дерущихся за шкиру и заталкивать их в автобусы. И спустя пять минут на месте побоища осталась лишь куча выломанных досок, да испуганная девушка, которая все это время сидела в кустах и оттуда с ужасом наблюдала за происходящим. Теперь она выбралась из своего убежища, осмотрелась и… бросилась бежать вдоль по улице подальше от этого места.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, раздевалка сборной СССР

– Сегодня мы играем против бронзового призера прошедшего чемпионата мира, – стоя посреди раздевалки, произнес Бесков, обращаясь к игрокам. – Их в этой команде девять человек. И не важно, что эти игроки в основном сидели в запасе – они все равно медалисты. И можно представить себе их сегодняшнее желание доказать не столько нам, сколько своим болельщикам, что они свои медали получили заслуженно. Поэтому поляки сегодня будут играть в полную силу. Надеюсь, что в нашей команде царит такое же настроение.

– Вы в этом сомневаетесь, Константин Иванович? – спросил у тренера вратарь команды Леонид Колтун.

– Просто ходят тут всякие, которые воду мутят, – и тренер скосил глаза на, стоявшего у дверей, Льва Щепко.

По этой фразе чиновник понял, что Бесков, судя по всему, уже знает о его вчерашней встрече с киевскими динамовцами. «Но откуда он об этом узнал, черт возьми? – подумал Щепко и тут же сам ответил на свой вопрос: – Видимо, в команде у него есть соглядатаи».

– Так что советую вам, ребята, хорошенько подумать на предмет того, как вы будете выглядеть в глазах друг друга, если кто-то из вас решит схалтурить, – продолжил свою речь Бесков. – На данный момент вы все должны забыть, какие клубы каждый из вас здесь представляет. На вас надеты майки, на которых написано «СССР», а это значит, что защищать мы будем не только честь Москвы или Киева, Ташкента или Еревана, а прежде всего честь нашего многонационального Советского Союза. У поляков сегодня праздник и они горят желанием нас победить. Но они нация моноэтническая, а мы – многонациональная. Среди нас даже есть один советский грек.

Вся команда тут же повернула головы в сторону Василиса Хадзипанагиса, который, услышав слова тренера, расплылся в широкой улыбке, из-за чего и все остальные тоже заулыбались.

– Ну, вот и хорошо – настроение я вам, судя по всему, поднял, – не скрывая своего удовлетворения, произнес Бесков.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, раздевалка сборной Польши

– Конечно, сегодняшний финал – это не наш недавний матч с бразильцами на чемпионате мира, – обращаясь к команде,

произнес Казимеж Гурски. – Но мы находимся у себя дома, наша страна отмечает большой праздник и будет странно, если мы возьмем и сдадимся. У нас в команде трое медалистов последних Олимпийских игр и девять медалистов чемпионата мира, у русских такого набора нет. Поэтому они рвутся доказать всем, что их несправедливо оставили за бортом мирового турнира. Можно пойти им навстречу – уступить в угоду братской солидарности. Но можно поступить иначе – принять брошенную нам перчатку и доказать, что на данный момент мы лучшие в Восточном блоке. Лучшие, даже если будем выступать вторым составом. Ведь я специально не пригласил в команду наших ведущих игроков. Они уже наелись – сыграли семь матчей мирового первенства, победив в шести. Теперь настала ваша очередь выйти на поле и доказать, на что вы способны. Если в вас есть хотя бы капелька честолюбия, то вы пойдете и докажете – себе и всем остальным, кто будет смотреть сегодня эту игру.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, матч сборных Польши и СССР

Итак, польский тренер выставил на матч девять медалистов недавнего мирового чемпионата. Их представляли: вратарь Зыгмунт Калиновски («Шленск», Вроцлав), защитники – Збигнев Гут («Одра», Ополе), Хенрик Вечорек («Гурник», Забже), Мирослав Бульзацки («Лодзь»), полузащитники – Роман Якубчак («Лех», Познань), Леслав Цмикевич («Легия», Варшава; он же был назван польскими журналистами в составе первой десятки лучших футболистов последнего 30-летия) и Казимеж Кмецик («Висла», Краков), нападающие – Здзислав Капка («Висла», Краков; лучший бомбардир нынешнего чемпионата Польши в составе краковской «Вислы») и Марек Кусто («Висла», Краков). Кроме них в заявку попали: Ежи Выробек («Рух», Хожув), Станислав Собчиньский и Юзеф Копицера.

Бесков выпустил на поле следующий состав: вратарь Леонид Колтун, защитники – Реваз Дзодзуашвили, Сергей Ольшанский, Вадим Лосев, Вячеслав Лещук, полузащитники – Аркадий Андреасян, Сергей Никулин, Виктор Колотов, Владимир Федотов, нападающие – Анатолий Шепель и Олег Блохин.

На трибунах был полный аншлаг – пришло более 35 тысяч зрителей. Причем около тысячи составляли советские болельщики, которые приехали в Польшу на торжества из разных республик и решили совместить приятное с полезным – и страну посмотреть, и на футболе за наших поболеть. Однако группы

ребят из МГУ во главе с Генкой Веселовым, как и болельщиков познаньского «Леха» на этом матче не было. Местные власти, напуганные той дракой, которую они устроили за час до игры, решили от греха подальше их развести – усадили на поезда и отправили в разные стороны: одних в Познань, других в Варшаву. Так что о перипетиях финальной игры им пришлось узнавать из радиотрансляции, которая велась по польскому радио (показывали матч и по ТВ, но телевизоров в поездах тогда еще не было).

Несмотря на то, что стрелки на часах уже пять минут как показывали начало игры, главный судья Элинек из Чехословакии не торопился давать свисток. Все объяснялось просто: судью предупредили, что на матче должны присутствовать главы двух государств – Польши и СССР. Их самолет несколько минут назад приземлился на аэродроме под Вроцлавом (он обслуживал только польскую территорию) и Брежнев с Гереком находились на подходе к стадиону. Поэтому с началом игры затянули. Наконец, в гостевой ложе показались высокие гости и стадион встретил эту процессию аплодисментами и криками «ура». Брежнев был в прекрасном настроении – он широко улыбался, поднимал обе руки вверх и даже один раз громко крикнул: «Да здравствует советско-польская дружба!»

Сидевший на трибуне чуть ниже гостевой ложи полковник Кшиштоф Пишчек, заместитель начальника 3-го отдела (борьба с антигосударственной политической деятельностью), даже вздрогнул от неожиданности, когда зычный возглас советского генсека разнесся по стадиону. «Кричит, будто на митинге», – с неприязнью подумал про себя полковник о высоком советском госте.

Матч начался с яростных атак польской сборной. Те слова, которые произнес перед игрой в раздевалке Казимеж Гурски стали прекрасным поводом к тому, чтобы игроки сборной Польши почувствовали в себе такой прилив сил, что готовы были смять любую оборону. Вот защитник хозяев Гут прорвался по правому флангу и сделал прекрасную передачу Бульзацки. Тот ворвался по центру в штрафную площадку советской сборной и мощно пробил метров с пятнадцати. Мяч, будто выпущенное из пушки ядро, со свистом пролетел над головами наших игроков и угодил… в крестовину ворот. Звук от этого удара был слышен даже на последних рядах стадиона. Мощный возглас сожаления пронесся над трибунами.

Колтун сильным ударом выбил мяч в поле, но он недолго задержался у наших. Ошибся Лосев, и вот уже польская сборная снова бросилась в атаку. Организовали ее трое игроков

краковской «Вислы», которые прекрасно взаимодействовали друг с другом и в рядах сборной. С мячом был Кмецик, который точным пасом вывел вперед Капку. Тот на скорости мастерски обвел Колотова и навесил в штрафную на Кусто, а тот головой отправил мяч в верхний правый угол ворот. И только самоотверженный бросок Колтуна, вытянувшегося в воздухе будто стрела, спас нас от гола – мяч был выбит на угловой. Но поляки пробили его неудачно, после чего советская сборная попыталась организовать новую атаку.

– Сережа, не спеши, потяни время, – крикнул Бесков Ольшанскому, который был в это время с мячом.

Сказано это было не случайно – Бесков видел, что поляки стремятся забить быстрый гол, чтобы с первых же минут перехватить инициативу и диктовать сопернику свои правила игры. Поэтому надо было сбить их с этой волны, как говорится, «сломать им кураж». И футболисты правильно поняли своего наставника. С этого момента игроки сборной СССР стали бережнее обращаться с мячом – старались подолгу с ним не расставаться, сбивая поляков с темпа. Трибуны встретили такую тактику гостей дружным свистом. Даже Герек не удержался – засунул два пальца в рот и так свистнул, что Брежнев, сидевший рядом, вздрогнул.

– Простите, Леонид, детство вспомнил, – извинился Герек, поймав на себе удивленный взгляд генсека.

– Ничего, Эдвард, свисти на здоровье, – улыбнулся Брежнев. – Я ведь в детстве тоже свистел, дай боже, когда голубей гонял.

Примерно после пятнадцатой минуты советские футболисты добились своего – атакующий пыл поляков был сбит. И вот тут уже наша команда постепенно стала перехватывать инициативу. И полузащитники стали точными пасами выводить вперед нападающих – Блохина и Шепеля. Их атаки активно поддерживал центрфорвард Федотов, да и вся средняя линия была активна. Вот Колотов, получив мяч на своей половине поля, развил крейсерскую скорость и обвел сначала Кмецика, затем Цмикевича, а потом и Гута. Этот скоростной рывок примерно на сорок метров поднял на ноги почти весь стадион.

Тем временем Колотов так зарядил по мячу, что тот угодил в штангу и вылетел за пределы поля. И хотя гола не случилось, но этот эпизод произвел потрясающее впечатление на публику и стал настоящим украшением первого тайма.

– Шепель выпадает из игры, – наклонился к уху Бескова его помощник Юрий Морозов. – Может, заменим?

Названный игрок и в самом деле блекло смотрелся на фоне остальных игроков. Сказывалась та самая ситуация, о которой

Бесков говорил Земченко: что этого игрока в киевском «Динамо» часто держат на скамейке запасных, выпуская лишь на замены. В сборную его можно было не брать, но Бесков решил дать ему шанс. Теперь он об этом, кажется, пожалел. Например, Блохин, как всегда был активен – на него играла вся полузащита в лице Андреасяна, Федотова и Колотова. Шепель же много суетился, часто терял мяч и тем самым давал возможность польским защитникам организовать плотную опеку Блохина, отрядив к нему не только Гута, но еще и Вечорека. Но даже окруженный защитниками, Блохин, который в игре с болгарами сделал хет-трик, сумел сказать свое веское слово.

На 28-й минуте игры Блохин сделал мощный рывок вперед, оставив позади обоих своих опекунов. Этот рывок увидел Андреасян, который переправил мяч точно в ноги Блохину. Тот вышел на оперативный простор и, оставшись один на один с вратарем Калиновски, легко его обыграл. Так счет стал по в пользу советской сборной. И как не старались поляки, но до конца тайма так и не смогли восстановить равновесие. Хотя Цмикевич и Капка дважды имели отличные шансы забить гол. Но фортуна в тот день почему-то была не на стороне хозяев поля.

Когда прозвучал свисток, возвестивший об окончании первого тайма, Герек повернул голову к Брежневу и спросил:

– Ваши сегодня что – нацелены на победу?

– Не знаю, Эдвард, – развел руками генсек. – Я все, что мог, сделал – поговорил с тренером, но он у нас человек упертый. Впрочем, попробуем еще раз.

И генсек подозвал к себе одного из своих помощников:

– Найди мне Щепко – он должен быть где-то на стадионе.

22 июля 1974 года, понедельник, Москва, Измайловское шоссе, 27

В магнитофоне звучала последняя, пятая песня «Машины времени», когда в коридоре раздалась трель телефонного звонка. Бондаренков поднялся с дивана и отправился на зов. А спустя минуту вернулся и спросил у Кожемякина:

– Ребята во дворе собрались в дыр-дыр поиграть – составим компанию?

– Ты же знаешь, что у меня нога еще не до конца выздоровела, – напомнил другу о своей проблеме футболист.

– Ничего, у бортика постоишь – понаблюдаешь.

Они вышли из квартиры и вызвали лифт. Ехать вниз надо было с седьмого этажа. Однако между четвертым и пятым

этажами лифт внезапно остановился.

– Опять двадцать пять! – вырвалось у Бондаренкова. – Моя мать уже всю плешь проела местному ЖЭКу, чтобы они починили наконец этот гребаный лифт. Ни фига не починили.

И Бондаренков стал ожесточенно нажимать пальцем на кнопку вызова диспетчера. Но тот не откликался.

– Опять пьянствует где-то! – и Бондаренков со злости заехал кулаком по щитку с кнопками.

– Чего ты злишься – лифт от этого не заработает, – попытался успокоить приятеля Кожемякин. – Будем ждать, когда этот диспетчер объявится и техника нам пришлет.

– Хорошо, давай подождем, – согласился Бондаренков.

В это время на лестнице послышались чьи-то шаги.

– Эй, кто идет? – громко спросил Бондаренков.

– Толик, ты что ли? – послышался ответный вопрос.

– Андрюха, вот удача, – и Бондаренков прильнул к двери. – Мы здесь с Кожемякой застряли. Будь другом, сбегай в ЖЭК и скажи, чтобы прислали техника.

– Лады, сбегаю, конечно, – ответил Андрей, и было слышно, как он побежал по лестнице вниз.

– Ну вот, теперь нас точно вытащат – сосед не даст нам здесь окочурится, – радостно сообщил приятелю Бондаренков.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, матч сборных Польши и СССР

Кравчик подъехал к стадиону как раз в тот момент, когда вот-вот должен был начаться второй тайм. Его «Фольксваген» сопровождали два автомобиля эскорта из Инспекции дорожного движения. Поблагодарив милиционеров за оказанную ему помощь, боксер пожал каждому из них руку, и, опираясь на трость, направился к входу. И там произвел настоящий фурор. Увидев его, пожилой билетер всплеснул руками:

– Пан Кравчик, так вы живой! А вас со вчерашнего вечера уже вся страна успела оплакать!

– Плакали не по мне – по случайному человеку, оказавшемся в моем автомобиле, – ответил боксер.

– Значит, упокой душу этого несчастного и слава Господу, что он оставил вас в живых. Вы на матч?

– Да, у меня уговор с паном Квятеком – мы должны вместе вести эту трансляцию.

– Представляю, как он обрадуется. А с ним и миллионы поляков. Проходите, пожалуйста, – и билетер пропустил Кравчика

внутрь стадиона.

– Брежнев приехал? – прежде чем продолжить свой путь дальше, спросил боксер.

– Да, сидит с Гереком на гостевой трибуне, – кивнул головой билетер. – К его радости русские ведут 1:0.

«Ничего, не долго ему осталось радоваться», – подумал про себя Кравчик, но вслух, естественно, эту мысль не озвучил.

Опираясь на трость и слегка прихрамывая, он поднялся по ступенькам ко входу на трибуну – противоположную той, где сидел Брежнев. И тут ему навстречу вышел мужчина в темном костюме.

– Вы кто такой? – спросил он на ломаном польском, преграждая путь боксеру.

– Я Анджей Кравчик, вот мой паспорт, – ответил боксер и достал из нагрудного кармана рубашки документ.

– Гена, все в порядке – это здешний национальный герой, – раздался откуда-то сбоку чей-то уверенный голос, говорящий по-русски.

Кравчик повернул голову и увидел того самого мужчину, который «тормознул» его в Доме культуры и науки, когда его позвали к себе Брежнев и Герек. Теперь стало окончательно понятно, что эти двое незнакомцев никто иные, как сотрудники охраны Брежнева.

– Куда вы направляетесь, пан Кравчик? – спросил подошедший.

– В комментаторскую будку – я буду вести репортаж вместе с Августином Квятеком.

– Он знает об этом?

– Да, мы все уже обговорили заранее.

– Хорошо, идите, – и Кравчику разрешили продолжить его путь, вернув ему паспорт.

«Пока все идет, как надо», – подумал боксер, преодолевая последние метры до комментаторской будки.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, раздевалка сборной СССР

Примерно за пять минут до начала второго периода в раздевалку советской сборной буквально ворвался Лев Щепко. Он застал следующую картину. Почти все футболисты отдыхали, развалившись в креслах, а массажист Морозов и врач Мышалов заботливо хлопотали возле Колотова и Дзодзуашвили, которые получили небольшие травмы. Бесков стоял посредине раздевалки

и давал последние наставления игрокам:

– Ребята, надо прибавить в движении и постараться поскорее закрепить успех вторым голом.

Щепко подошел к тренеру и, взяв его за локоть, прошептал ему на ухо:

– Надо выйти, Константин Иванович.

– Вы не видите, что я беседую с командой? – удивился тренер.

– Вас хочет видеть помощник Леонида Ильича – он ждет вас в коридоре.

– На предмет чего меня хотят видеть? – продолжал удивляться тренер.

– А вы выйдите и сами все узнаете.

– Никуда я сейчас не пойду, мне надо настроить команду на игру.

Бесков освободил свою руку, отвернулся от чиновника и продолжил свою речь. А Щепко вышел в коридор к помощнику генсека.

– Он отказывается выходить, – сообщил чиновник помощнику. – Этот человек недоговороспособный и было большой ошибкой назначать его тренером сборной.

– Но ведь результат он дает, – заметил помощник.

– Думаю, это временное явление.

В это время из раздевалки стали выходить футболисты. Бесков вышел последним и, увидев помощника Брежнева, стоявшего в стороне, сам подошел к нему.

– Константин Иванович, Леонид Ильич просил вам напомнить о вашем разговоре с ним в посольстве, – обратился помощник к тренеру.

– Передайте товарищу Брежневу, что я прекрасно помню тот разговор, – ответил Бесков. – Особенно в части того, что я ничего никому не обещал, а даже наоборот. А пока извините меня, мне надо идти к команде – у нас второй тайм вот-вот начнется.

И Бесков зашагал по коридору к выходу.

– Ну, что я вам говорил? – не скрывая своего возмущения, произнес Щепко. – Этот человек никого ни в грош не ставит – даже товарища Брежнева.

Помощник не стал вступать в дискуссию с чиновником и отправился на трибуны – докладывать генсеку о случившемся.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, матч сборных Польши и СССР

С первых же минут второго тайма сборная СССР ринулась в атаку. Особенно старались новички, которые вышли на замену – Заназанян и Хадзипанагис. Последний уже на первой минуте тайма получил мяч в середине поля и начал первую атаку. Ему наперерез бросился Гут, но Василис виртуозно его обыграл. Он наклонить корпус вправо и толкнул мяч внешней стороной стопы в том же направлении, но затем молниеносно перенес центр тяжести влево, переложил мяч на внутреннюю сторону стопы и обежал обескураженного соперника. Однако тут же перед ним возник еще один польский игрок – Якубчак. Но советский футболист и его обыграл, но уже при помощи другого финта, который он позаимствовал из арсенала голландца Йохана Кройфа. Хадзипанагис сделал вид, что будет подавать мяч в штрафную правой ногой, но во время замаха убрав мяч под себя пяткой, направился к лицевой уже без опеки. Пробежав несколько метров, Василис мощным ударом послал мяч в створ ворот, но польский вратарь Калиновски выбрал верное место и кулаками отбил мяч далеко в поле.

Услышав, как после удара советского футболиста, облегченно вздохнули болельщики, Кравчик остановился и стал с интересом наблюдать за ответной атакой поляков. Но поскольку она быстро захлебнулась, едва достигнув середины поля, боксер не стал больше отвлекаться и зашагал по бровке самой верхней трибуны к комментаторской будке. И в этот самый миг с противоположной стороны его заметил полковник Кшиштоф Пишчек. И для него было настоящим потрясением появление на матче Кравчика, которого вчера вечером «ликвидировали» люди Пишчека. И вдруг такое вот чудесное воскрешение.

«Получается, он специально пришел на матч, чтобы после его окончания встретиться с Брежневым, – нервно куря сигарету, размышлял про себя полковник, глядя на то, как боксер, опираясь на палочку, движется по противоположной трибуне. – Кого же тогда вчера убрали мои люди, если в автомобиле Кравчика был обнаружен труп? Впрочем, это уже не имеет никакого значения – этот везунчик жив, а я оказался в дураках. Хотя кто сказал, что все потеряно? Нет, мы еще посмотрим, кто кого переиграет».

В следующую секунду Пишчек загасил сигарету о бетонный пол и стал пробираться к выходу.

22 июля 1974 года, понедельник, Москва, Измайловское шоссе, 27

Кожемякин и Бондаренков продолжали томиться в лифте и,

чтобы не было скучно, вели разговоры на разные темы.

– Ты слышал, что наша сборная в Польше болгар обыграла со счетом 5:1? – спросил Бондаренков.

– Читал в «Советском спорте» – Блоха там хет-трик сотворил, – кивнул головой футболист.

– А почему эти матчи по телеку не идут? – продолжал интересоваться Бондаренков.

– Вместо них они «Четырех танкистов и собаку» показывают, – усмехнулся Кожемякин.

Так за разговорами минуло почти полчаса, как Андрей убежал в ЖЭК, а лифт по-прежнему продолжал стоять между этажами.

– Наверное, диспетчера нет на месте, – сделал вывод Бондаренков.

– И что ты предлагаешь? – спросил у друга Кожемякин.

– Надо самим выбираться.

– Каким образом?

– А вот таким, – и Бондаренков стал руками раздвигать внутренние двери лифта.

Но те не поддавались.

– Ну, чего встал – помогай, давай, – тужась от напряжения, обратился Бондаренков к футболисту.

И Кожемякин тоже просунул пальцы в зазор между дверями и стал тянуть их в сторону противоположной стены. И вскоре после этого двери стали медленно раздвигаться. Пока, наконец, не раздвинулись совсем, открыв сверху половину стены, а снизу – полуметровый зазор между стеной и лестничной площадкой.

– Ура, свобода! – радостно возвестил Бондаренков.

– Какая, к черту свобода, только зазор по дороге к ней, – внес свою поправку Кожемякин.

– Ничего, сейчас мы этот зазор преодолеем, – и Бондаренков, опустившись на пол, хотел было уже просунуть ноги в щель.

Но в этот миг лифт внезапно дернулся. Смельчак успел вовремя убрать ноги, однако кабина так и не двинулась с места, оставшись висеть между этажами.

– Что это было? – спросил Бондаренков.

– Откуда я знаю, – пожал плечами Кожемякин. – Но советую повременить немного от греха подальше.

И они снова стали ждать, прислушиваясь к шагам на лестнице – не идет ли к ним Андрей или, вызванный им, техник.

22 июля 1974 года, понедельник, Вроцлав, Олимпийский стадион, матч сборных Польши и СССР

Польский нападающий Капка ворвался в площадь ворот советской сборной и, не мудрствуя лукаво, пробил метров с тринадцати по воротам. Однако на пути мяча оказался советский игрок Ольшанский. Мяч ударил его в плечо, после чего тут же последовал… свисток арбитра, который указал на одиннадцатиметровую отметку.

– Какой пенальти, вы что? – возмутился Ольшанский, а следом и другие советские игроки, стоявшие поблизости и видевшие этот эпизод.

К судье подбежал капитан команды Блохин:

– Мяч попал в плечо, за это пенальти не дают, – попытался объяснить арбитру капитан.

Но чехословак решительным жестом пресек разговоры и вновь указал на одиннадцатиметровую отметку. Тут к нему бросились еще несколько советских игроков.

– Ребята, назад! – послышался зычный возглас от бровки поля.

Это кричал Бесков, который вскочил с тренерской лавочки и таким образом пытался вразумить своих футболистов. Услышав его крик, игроки нехотя отошли от судьи.

К мячу подошел все тот же Капка, который и стал главным виновником случившегося с польской стороны. Он установил мяч на отметку, разбежался и пробил. Мяч летел в левый угол ворот и туда же бросился Колтун. Вытянув руки, он сумел дотянуться до мяча и отбил его в сторону углового флажка. Советские игроки радостно воздели руки вверх, но в это время вновь раздался свисток арбитра. Что такое? Оказывается, судья потребовал перебить пенальти.

– Почему? – не скрывая своего возмущения, вновь подбежал к арбитру Блохин.

– Вратарь сдвинулся с места раньше времени, – заявил судья.

– Не было же этого! – продолжал возмущаться форвард.

И снова Бескову пришлось подойти к кромке поля и крикнуть Блохину:

– Олег, перестань спорить.

Глядя на все это, зрители на трибунах стали яростно свистеть. Причем было непонятно, чем был вызван этот свист – действиями судьи или советских игроков.

В это время небольшое совещание происходило и среди игроков польской сборной. Несколько человек окружили Капку.

– Здзислав, судья явно нам подыгрывает, – обратился к пенальтисту Марек Кусто.

– Сам вижу, – кивнул головой Капка.

– Тогда сделай что-нибудь, – вступил в разговор Казимеж

Кмецик.

– Вот сам возьми и сделай, – ответил Капка.

После этого Кмецик решительно направился к одиннадцатиметровой отметке. Установив на нее мяч, он разбежался и так сильно ударил по мячу, что он пролетел над воротами и улетел на трибуны. И весь стадион внезапно разразился… аплодисментами.

Колтун не стал выбивать мяч далеко в поле, а вместо этого рукой отправил его точно в ноги защитнику советской сборной Вадиму Лосеву. Пробежав по флангу несколько метров, тот увидел впереди никем не прикрытого Хадзипанагиса и точным пасом вывел его в прорыв. Василис изящно обыграл сначала, бросившегося ему наперерез Вечорека, затем Бульзацкого, сделал эффектную паузу и, когда все думали, что он пробьет по воротам, вдруг отдал мяч набегающему Блохину. Тот мощно пробил и мяч, пролетев над вытянутыми вверх руками Калиновски, влетел в верхний угол ворот – в девятку.

В тот момент, когда мяч оказался в сетке ворот польской сборной, Кравчик подошел к двери комментаторской кабины и стукнул по ней костяшками пальцев. И спустя несколько секунд дверь открылась. Однако боксер увидел на пороге не комментатора Августина Квятека, а совершенно другого, незнакомого ему мужчину примерно одного с ним возраста.

– Вам кого? – спросил незнакомец.

– Мне пана Квятека, пожалуйста, – ответил Кравчик, заглядывая через плечо незнакомца – в глубине кабинки он уже заметил сидевшего за столом комментатора, который что-то энергично говорил в микрофон, комментируя только что забитый русскими гол.

– А зачем он вам? – продолжал спрашивать незнакомец.

Кравчик уже догадался, что этот человек – сотрудник охраны Брежнева, который отправлен сюда прикрыть директрису – прямую снайперскую линию, с которой могло быть совершено возможное покушение на советского генсека.

Ответить Кравчик не успел – вместо него это сделал Квятек. Увидев живого и невредимого боксера, он, отключив на время микрофон, буквально закричал:

– Матка боска, так ты живой!

И, обращаясь к русскому, комментатор сообщил:

– Пан охранник, это наш герой Анджей Кравчик – мы будем вместе с ним вести репортаж. Анджей, проходи, что же ты встал на пороге?

И боксер вошел в кабинку, плотно прикрыв за собой дверь, которую охранник тут же закрыл на защелку. А спустя минуту

Квятек уже снова сидел на своем месте и радостно сообщал в микрофон:

– Уважаемые пане и Панове, спешу сообщить вам радостную новость. Только что в мою комментаторскую кабину пришел живой и невредимый Анджей Кравчик – наш герой, гордость всего польского народа. Еще несколько часов назад мы думали, что этот человек трагически погиб, многие из нас успели его плакать, а он, оказывается, жив и невредим. Воистину этот человек ни в воде не тонет, ни в огне не горит, ни на боксерском ринге не знает поражений. Я обязательно дам ему скоро слово, а пока хочу продолжить свой репортаж о захватывающем футбольном матче, который мы с вами наблюдаем вот уже больше часа.

В этот самый момент на зеленом газоне стадиона поляки организовали очередную атаку, пытаясь сократить разрыв в счете. Нападающий Капка вышел на ударную позицию и метров с двенадцати пытался проделать то, что совсем недавно сделал Блохин – забить мяч в верхний угол ворот. Однако советский вратарь Колтун оказался гораздо проворнее своего польского визави – в отчаянном прыжке он сумел кончиками пальцев изменить траекторию полета мяча и выбил его на угловой. Стадион вздрогнул, после чего… разразился громом аплодисментов по адресу советского голкипера, продемонстрировавшего настоящее вратарское мастерство.

Кравчик делал вид, что внимательно наблюдает за игрой в большое окно комментаторской кабинки, а на самом деле не отрываясь смотрел на противоположную трибуну, где в гостевой ложе, прямо напротив них, сидел Брежнев. Глядя на то, как тот о чем-то переговаривается с Гереком, боксер мысленно воздавал хвалу Господу, который так удачно расположил эти два объекта – гостевую ложу и комментаторскую кабинку. Застрелить Брежнева с этой точки смог бы даже неопытный стрелок, не говоря уже об опытном, к коим Кравчик относил себя – он ведь успел уже набить себе руку и глаз во время тренировок в лесу под Карчевым. Теперь дело было за малым – освободиться от ненужных свидетелей. И первым делом это надо было проделать с охранником, который сидел на стуле справа от боксера.

В течение нескольких минут Кравчик сидел рядом с комментатором, делая вид, что он целиком поглощен матчем. На самом деле он выбирал момент для нападения на охранника. И вот, когда в очередной раз советская сборная пошла в атаку на польские ворота, Кравчик нанес молниеносный удар левым кулаком в висок охранника. И тот вместе со стулом рухнул в угол кабинки.

– Матка боска Ченстоховска! – воскликнул, потрясенный этим

событием Квятек, и тут же спросил: – Ты что натворил, Анджей?

Но вместо ответа боксер нанес еще один удар, на этот раз уже правым кулаком, точно в голову комментатору. И тот отлетел в другой угол кабинки, где ударился затылком о стену и мгновенно отключился. Все это заняло у Кравчика около минуты. Еще пару минут у него отнял процесс извлечения из трости деталей винтовки и ее сборка. После чего она была установлена на треноге на столе и наведена точно на Брежнева. Затем боксер достал из кармана пиджака два патрона и зарядил их в винтовку. Все это он делал без суеты, отточенными движениями, которые он выполнял практически «на автомате», выучившись им во время долгих домашних тренировок. Наконец, Кравчик, усевшись на стул, прильнул к окуляру оптического прицела, и, поймав в нем голову советского генсека, положил палец на курок. Еще мгновение – и раздался выстрел. Однако в следующую секунду Брежнев всем телом подался к Гереку и зашептал ему на ухо:

– Не переживай, Эдвард, я вернусь домой и разберусь с этими сукиными детьми – научу их выполнять просьбы своего генсека.

В это самое мгновение, выпущенная боксером пуля, просвистела в нескольких сантиметрах от головы Брежнева и угодила в самую нижнюю доску сиденья, находящегося за его спиной. Там сидел телохранитель генсека, но поскольку ноги у него были раздвинуты, пуля не нанесла ему никаких повреждений, издав лишь легкий хлопок, который потонул в шуме стадиона.

– Проклятье! – громко выругался Кравчик, увидев в прицеле результат своего выстрела.

Перезарядив винтовку, он снова прильнул к окуляру оптического прицела. На этот раз он решил целиться в грудь Брежнева, чтобы поразить его уже наверняка.

В это время на поле в атаку пошла советская сборная. Мяч оказался у Андреасяна, который стремительно двигался по флангу в сторону польских ворот. Наперерез ему бросился Вечорек, но советский футболист на ложном замахе обыграл его и тут же отдал точный пас своему земляку и партнеру по ереванскому «Арарату» Заназаняну.

Кравчик всего этого не видел, целиком поглощенный процессом прицеливания. Наконец, он затаил дыхание и положил палец на спусковой крючок. И в этот самый миг за его спиной раздался грохот. Это мощным ударом ноги закрытую дверь выбил полковник Пишчек. Он стоял на пороге и обеими руками сжимал пистолет, направленный в спину Кравчика. Но тот на какую-то долю секунды оказался проворнее. Инстинктивно он повернулся на шум всем корпусом, держа прямо перед собой винтовку. И

первым нажал на курок. Пуля мгновенно преодолела расстояние до полковника и угодила ему точно в лоб. Однако и Пишчек, прежде чем рухнуть спиной назад, успел нажать на курок пистолета и его пуля тоже достигла цели – она попала в крохотный медальон с портретом отца, висевший на груди Кравчика. И боксера отбросило спиной на стол. В его глазах застыло недоумение, а по губам пробежала еле уловимая усмешка, означавшая одно – что в самый последний момент фортуна отвернулась от человека, которого все считали везунчиком, и он это понял.

За несколько секунд до этого Заназанян вышел один на один с вратарем польской сборной и, переиграв его, послал мяч в незащищенный угол ворот. Сектор, где сидели советские болельщики, в едином порыве вскочил на ноги, огласив стадион радостными возгласами. В этом шуме и потонули оба выстрела, которые с разницей в долю секунды прозвучали в комментаторской кабинке.

22 июля 1974 года, понедельник, Москва, Измайловское шоссе, 27

Прошло еще минут пятнадцать, а лифт продолжал стоять без движения в шахте. Мимо наверх прошли двое обитателей дома, причем одним из них была соседка Бондаренкова – любопытная старушка, которая заглянула в зазор и, узнав соседа, поздоровалась с ним.

– Сидишь, болезный? – спросила старушка.

– Сижу, баба Мотя, – подтвердил ее слова Бондаренков.

Наконец, нервы Кожемякина не выдержали.

– Ну-ка, сдай в сторону, Толик, теперь моя очередь выбираться, – сказал футболист и опустился на пол лифта.

– А свою джинсу запачкать не боишься? – съязвил Бондаренков.

Речь шла о новом джинсовом костюме, который Кожемякин в прошлом году привез из Болгарии, куда он ездил на международный турнир по футболу. В тот день из этого костюма на футболисте были джинсы и рубашка, а куртку он оставил дома в виду жаркой погоды.

– Ничего, жена дома отстирает, – ответил Кожемякин и добавил. – Главное, чтобы лифт не поехал, а то хана будет не только костюму, но и мне.

– Типун тебе на язык, – отмахнулся от этих слов Бондаренков.

Тем временем Кожемякин перевернулся на живот, лег на пол

и, просунув ноги в зазор, стал медленно опускать их вниз. Прошло еще несколько секунд и вот уже спортсмен спрыгнул на площадку и стал энергично отряхивать от пыли свою модную одежду.

– А ты, Толик, счастливчик, – похвалил его из лифта Бондаренков.

– Ничего, скоро и ты им будешь, – ответил футболист. – Чего медлишь – вылезай по моему примеру.

Бондаренков не дал уговаривать себя дважды. Он так же лег на пол лифта и высунул ноги наружу. А спустя минуту тоже спрыгнул на кафельный пол рядом со своим приятелем. И в тот самый миг, когда это случилось, лифт внезапно пришел в движение и устремился вверх. Это произошло так неожиданно, что Бондаренков даже отпрянул назад.

– Я же тебе говорил, что это не я, а ты у нас счастливчик! – хлопнул приятеля по плечу Кожемякин. – Еще бы несколько секунд твоей задержки и сюда бы упала твоя нижняя половина, а верхняя поехала бы дальше.

От этих слов Бондаренкова всего передернуло. Было видно, что он никак не может отойти от произошедшего.

– Не переживай, Толик, если еще когда-нибудь в твоем лифте застрянем, то первым полезешь ты, а я за тобой следом, – успокоил друга Кожемякин и даже приобнял его за плечи. – А пока забудь про это – пойдем в дыр-дыр погоняем.

И они, обняв друг друга за плечи, зашагали вниз по лестнице, не рискуя больше связываться с ненадежным лифтом. Когда друзья вышли из подъезда на улицу, их лица озаряли счастливые улыбки, которые явно указывали на то, что неприятный инцидент, который произошел с ними некоторое время назад, уже благополучно забыт. И скажи им кто-то сейчас, что это еще не конец истории, а только преддверие будущей скорой трагедии, то они бы никогда в это не поверили. Ведь молодости так свойственно верить во все хорошее…

Эпилог

После победного турнира в Польше Константин Бесков пробудет на посту старшего тренера первой сборной СССР еще… три месяца. В октябре его подопечные проиграют свой первый отборочный матч команде Ирландии 0:3 и недруги Бескова тут же поставят вопрос о его отставке. Хотя постановка вопроса была более чем странной – ведь проиграна была всего лишь одна игра из шести. Причем не только по вине тренера, но и самих игроков. Например, давая после матча интервью газете «Советский спорт», Бесков объяснил это поражение следующим образом: «…Костяк команды на матч с ирландцами составляли киевляне. Эти игроки хорошо сыграны друг с другом. Учитывая удачные выступления их команды в европейском турнире в матчах на чужом поле, мы надеялись на то, что они вполне могут решить вопрос атаки… Наша надежда на то, что сыгранная их пятерка скажет решающее слово в атаке (Блохин и Онищенко впереди, Колотов и Веремеев чуть сзади плюс подключения Матвиенко), не оправдалась. Перед этим за 21 день киевское «Динамо» сыграло 6 матчей. Особенно много физических и психических сил игроки отдали 23 октября в матче с «Эйнтрахтом». Если бы это произошло в начале или в середине сезона, то футболистам, вероятно, удалось бы восстановить свои кондиции полностью. И все же не это главное… Главное то, что одна команда вышла атаковать и бороться за победу, а другая – с мыслью отсидеться в обороне и добыть ничью. К сожалению, этой другой была наша сборная (именно такой была стратегия киевлян при Лобановском: дома победа, на выезде – ничья. – *Ф. Р.*). Мы проделали перед матчем огромную работу с тем, чтобы настроить футболистов на активную игру… Я рассказал команде о том, что московское «Динамо» обязано своему успеху в Кубке кубков в первую очередь благодаря нацеленности на победу в матчах на чужих полях. Словом, делалось все, чтобы настроить команду на атаку, и все-таки до конца нам, видимо, это не удалось сделать. Футболисты вышли на поле и стали играть совсем не в том плане, в каком намечалось. Почему?

Я долго думал над этим, беседовал с футболистами, и картина в какой-то степени стала ясной. Первое: даже некоторые ведущие игроки не приучены выполнять тренерскую установку. Видимо, в клубах им позволяется делать на поле все, что заблагорассудится. Во-вторых, наши футболисты попросту не ожидали, что ирландцы смогут сыграть в мощный, атакующий футбол. Многие из них хорошо знали прежнюю ирландскую

сборную и не представляли, что за это время команда настолько может повысить качество своей игры. Наши же слова о том, что сейчас в футбол умеют играть по-настоящему все, а игроки, выступающие в высшей профессиональной лиге Англии, из которых была составлена команда Ирландии, – тем более, прошли мимо сознания футболистов, ведь у них перед глазами была прежняя ирландская сборная, которую они победили дважды…

Я согласен с высказыванием читателя В. Волынкина: «Надел майку сборной – отдай все, ты должен сыграть не просто хорошо, а отлично…». Это высокие чувство ответственности должны прививать футболисту тренеры клубных команд. Но прежде всего об этом обязаны думать сами игроки, заранее готовя себя к играм в сборной. Мы не требуем от них ничего сверхъестественного – только примерного выполнения того, что они умеют…»

В заключении интервью Бесков сообщил: «В январе сборная проведёт 3–4 контрольных матча, в феврале и марте игроки будут заниматься в своих клубах, а с 22 марта мы вновь соберемся вместе, проведем последнюю тренировочную встречу с зарубежным соперником и матч с Турцией…»

Однако в начале 1975 года Бескова отправят руководить уже другой командой – олимпийской сборной, а на его место в первой сборной поставят Валерия Лобановского, только что вернувшегося со стажировки в Голландии. Он сделает из сборной СССР киевское «Динамо» № 2 (по аналогии с «Аяксом» и сборной Голландии) – в ней будут играть фактически одни киевляне, которым придется выступать на два фронта – играть в еврокубках и за сборную. А тот эксперимент, который собирался провести Бесков (создать команду из лучших игроков высшей и первой лиг), будет свернут. Победа украинского клана будет иметь печальные последствия – первая сборная СССР не попадет ни на чемпионаты Европы 1976 и 1980 годов, ни на чемпионат мира 1978 года.

А вот Бесков со своей задачей справится – досрочно выведет своих подопечных на Олимпийские игры 1976 года в Монреале, причем в его команде будет играть всего двое киевских динамовцев (на ранней стадии) – Владимир Трошкин и Леонид Буряк. Остальные игроки будут представлять клубы – из Москвы: «Спартак» (Александр Прохоров, Сергей Ольшанский, Николай Осянин, Евгений Ловчев, Александр Минаев, Виктор Папаев, Валерий Гладилин, Михаил Булгаков), «Торпедо» (Вадим Никонов, Владимир Сахаров, Валерий Филатов), ЦСКА (Владимир Астаповский, Валентин Уткин), «Динамо» (Сергей Никулин, Александр Максименков), Ташкента – «Пахтакор» (Владимир

Федоров, Василис Хадзипанагис), Тбилиси – «Динамо» (Манучар Мачаидзе, Давид Кипиани), Ростова-на-Дону – СКА (Юрий Саух).

Однако в итоге сборную в Монреаль опять повезут другие люди, причем опять с Украины – Валерий Лобановский и Олег Базилевич, которые выставят на игры все то же… киевское «Динамо» (за исключением двух-трех игроков из других клубов). И выступят неудачно, завоевав на этом турнире лишь 3-е место.

Ничего этого уже не застанет Анатолий Кожемякин. Хотя, казалось бы, ничто не предвещало будущей трагедии. В сентябре 1974 года Анатолий начнет постепенно возвращаться в строй – будет участвовать в играх чемпионата СССР, играя как в дубле, так и в основе. Первый выход за основной состав – в домашней игре московского «Динамо» с ворошиловградской «Зарей» 8 сентября. Кожемякина выпустили на 75-й минуте вместо Владимира Козлова, когда судьба матча была уже решена – 5:0 в пользу динамовцев.

Второй выход Кожемякина случился в игре против земляков из «Спартака» 14 сентября. И снова это была замена в конце игры – Кожемякин появился на поле на 70-й минуте, сменив все того же Владимира Козлова. Матч закончился ничейным результатом 0:0.

Наконец, 6 октября Кожемякина выпустили в гостевой игре против одноклубников из Тбилиси. И опять это была замена. Шла 63-я минута, когда Анатолий заменил Андрея Якубика. Но счет до конца игры не изменился – 0:0. На следующий день в «Советском спорте» вышла заметка про этот матч, где нашлось несколько строк и про Кожемякина. Вот как они звучали:

«…Первые атаки гостей показали, что Кожемякин выдвинут вместе с Павленко на острие атаки (моментами они действовали, как сдвоенный центр). Частыми перемещениями по фронту он держал в напряжении оборону хозяев поля. Но, то ли потому, что наигранные связи были нарушены, то ли из-за четкой игры защитников во главе с Хурцилавой гостям так и не удалось создать реальной угрозы воротам. А после того как Кожемякин устал, атаки гостей потеряли остроту – попытки Козлова и Маховикова наладить комбинационную игру поддержки не получили…»

Как окажется, это будут последние прижизненные строки в советской прессе, где речь шла об Анатолии Кожемякине. Спустя неделю жизнь футболиста трагически оборвется в лифте дома № 27 по Измайловскому шоссе. Спортсмену на тот момент шел 22-й год.

Использованная литература

Книги: К. Бесков «Моя жизнь в футболе», Б. Пирогов «Футбол» (Хроника. События. Факты: справочник), «Футбольная энциклопедия», Н. Симонян «футбол – только ли игра?», Д. Аркадьев «Эра Лобановского», В. Бубукин «Вечнозеленое поле жизни», А. Вартанян, Ю. Юдин, В. Калинкович «История чемпионатов СССР (1936–1991).

Газеты: «Советский спорт», «Футбол-Хоккей», «Спорт экспресс», «Комсомольская правда», «Бульвар Гордона»;

Интернет-ресурсы: «Сборная СССР и России по футболу» (russia-matches.ucoz.ru/index/), «Сборная России СССР по футболу в чемпионатах мира. ИСТОРИЯ» (rusteam.permian.ru/cupworld/wc.html), «Чемпионат СССР и России по футболу (все матчи, протоколы, статистика) (fc-djmamo.ru/champ), Отчёты обо всех матчах сборной Польши с 1921 года, Википедия.